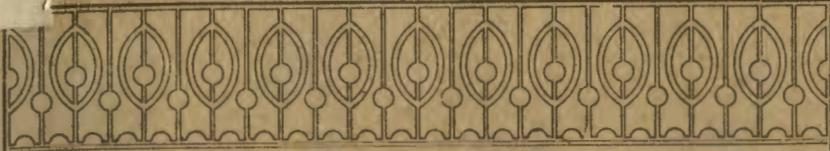

РФ 23182 (11) 22, 5
А-853

В. К. Арсеньевъ.

ПО УССУРІЙСКОМУ КРАЮ

(Дерсу-Узала).

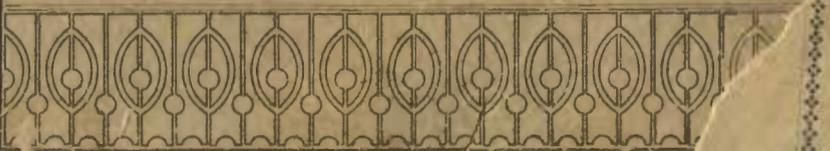
Путешествіе въ горную область
„СИХОТЭ-АЛИНЬ“

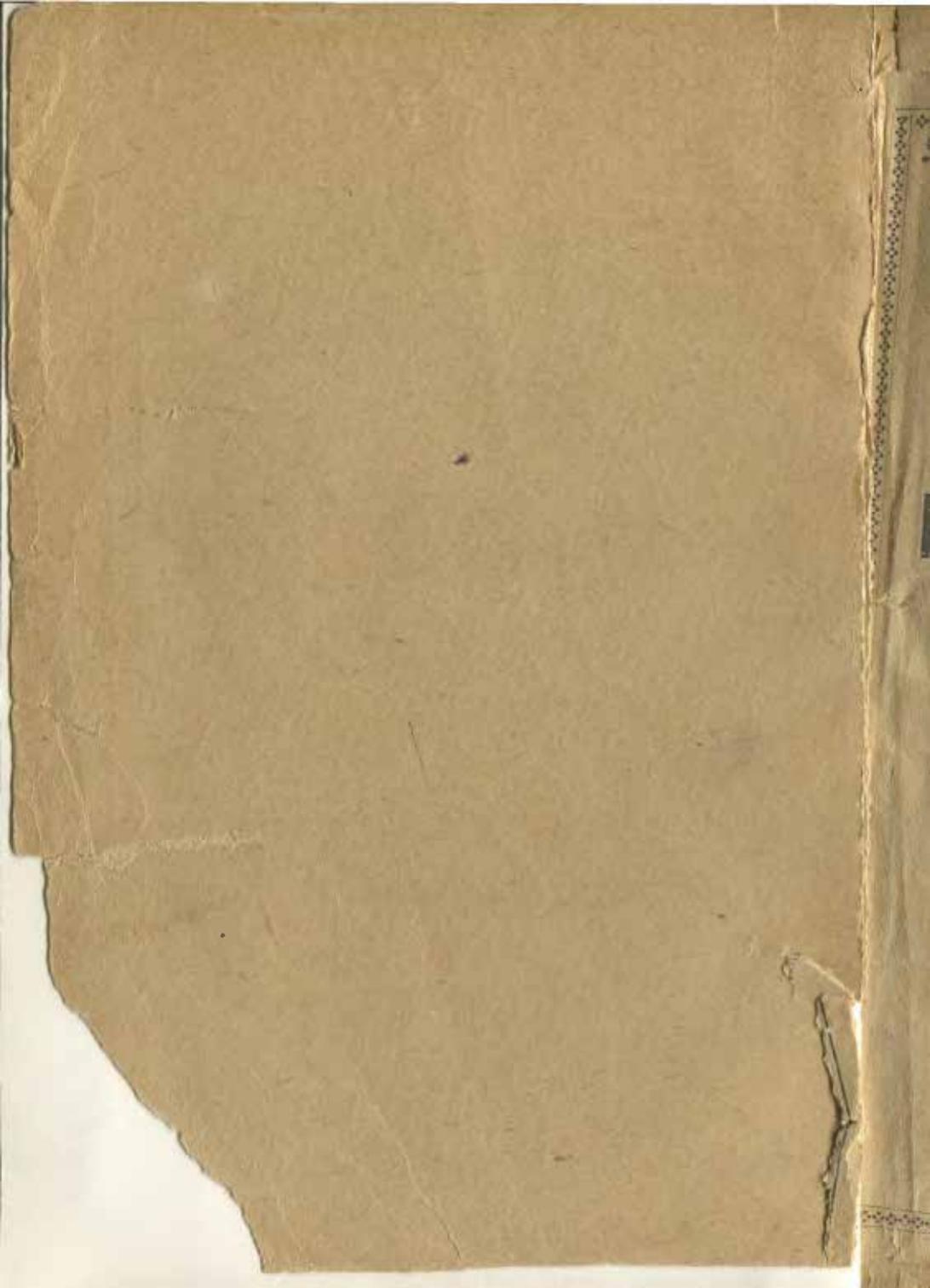

Владивостокъ.

Типографія „Экс.“

1921.

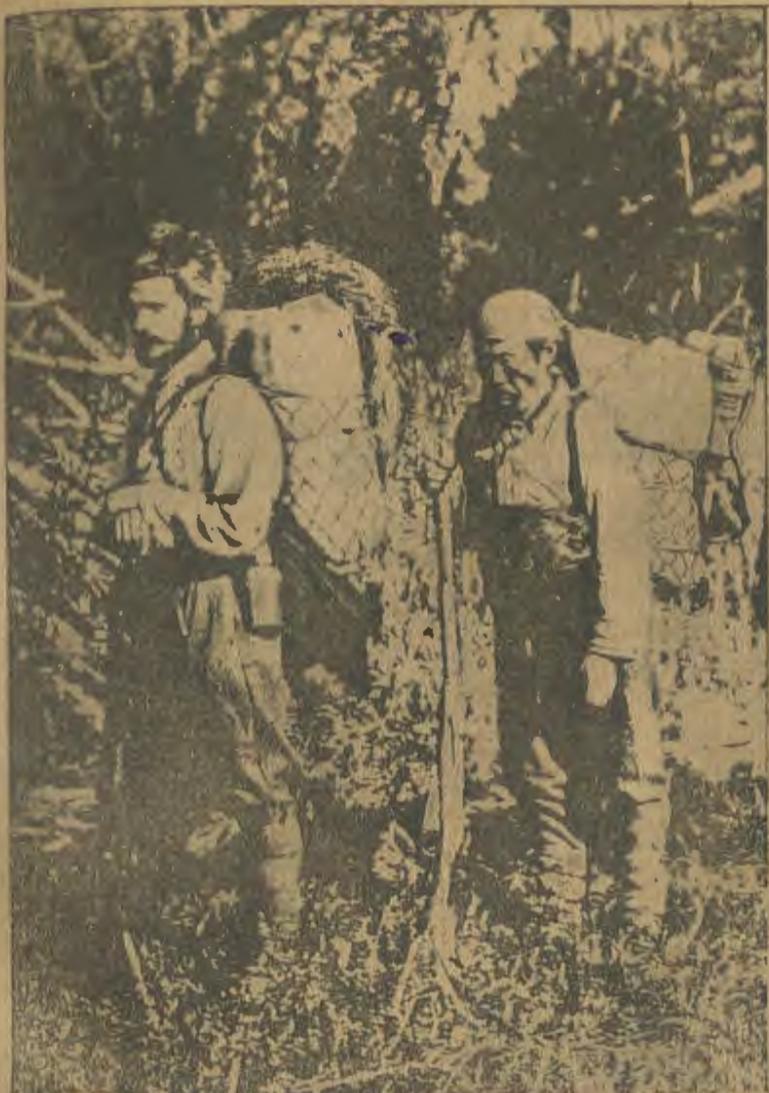

Проверено
1940 г.

1940 г.

№ 3

Автор и Дерсу Узала.

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

Р
юзор
ть 19
ных
Е
госло
личес
ился.
и и н
сины
ыди
русск
ъ си
ртер
изац
И
ъ низ
л къ
тыне
В
ицам
ль
Б
аль-Г
ылъ
линъ
ннаго
го ра
С
лъ ли
строи
ромб
юмъ.
уя от
ощь.

БИБЛИОТЕКА

ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій трудъ, предлагаемый мною читателямъ, есть популярный обзоръ путешествія, предпринятаго мною въ горную область Сихотэ-Алиня въ 1906 году. Онъ заключаетъ въ себѣ географическія описанія пройденныхъ маршрутовъ и путевой дневникъ.

Въ моей книгѣ читатель найдетъ картины изъ природы страны и ея населенія. Многіе изъ этого уже въ прошломъ и приобрѣло интересъ историческій. За послѣднія пятнадцать лѣтъ Уссурійскій Край сильно измѣнился. Первобытныя дѣвственные лѣса въ большей части страны выгорѣли и на смѣну имъ появились лѣса, состоящіе изъ лиственницы, березы и сосны. Тамъ, гдѣ раньше ревлъ тигръ—нынѣ свиститъ паровозъ, гдѣ были маленькія фанзочки китайцевъ звѣролововъ—появились большія русскія селенія; инородцы отошли на сѣверъ и количество звѣря въ тайгѣ сильно уменьшилось. Край началъ утрачивать свою оригинальность и перетерпѣвать то превращеніе, которое неизбѣжно несетъ за собой цивилизація.

Измѣненія произошли, главнымъ образомъ, въ южной части страны и въ низовьяхъ правыхъ притоковъ р. Усури, горная же область Сихотэ-Алиня къ сѣверу отъ 44° широты и понынѣ осталась такою же лѣсною пустыней, какъ и во времена Будищева и Венюкова (1857—1869г. г.).

Вначалѣ я считаю своимъ долгомъ принести благодарность тѣмъ лицамъ, которыя такъ или иначе способствовали моимъ начинаніямъ въ дѣлѣ исследования Уссурійскаго Края.

Болѣе всего я обязанъ бывшему въ то время Приамурскому Генералъ-Губернатору П. Ф. Унтербергеру. Этотъ государственный дѣятель былъ моимъ истиннымъ покровителемъ. Три мои экспедиціи въ Сихотэ-Алинь снаряжаются на средства, отпущенныя имъ отчасти изъ суммъ военного вѣдомства, отчасти изъ экстраординарнаго кредита, бывшаго въ его распоряженіи.

Среди морскихъ офицеровъ я тоже нашелъ доброжелателей и друзей въ лицѣ С. З. Балка, А. Н. Пелль и П. Г. Тигерstedта. Въ 1906 году они построили для меня на берегу моря питательныя базы и на каждый пунктъ, противъ моихъ ящиковъ, добавили отъ себя еще по ящику съ краснымъ виномъ, консервами, галетами, бисквитами и т. д. П. Г. Тигерstedтъ, командуя отрядомъ миноносцевъ, неоднократно оказывалъ мнѣ вслѣдственную помощь. Когда въ 1907 году я, больной и обезсиленный голодовками, лежалъ

на берегу моря около устья р. Кулумбе, онъ, обезпеченный моимъ долгимъ отсутствіемъ, предпринялъ поиски и пришелъ на помощь ко мнѣ въ самую критическую минуту. Нынѣ С. З. Балкъ отошелъ уже въ вѣчность, А. Н. Пель живетъ еще въ г. Владивостокѣ, П. Г. Тигерстедтъ служить въ Балтійскомъ морѣ. Я передъ ними въ долгу и не знаю, удастся ли мнѣ когда нибудь отвѣтить имъ также услугой.

Если во время путешествій я и достигъ хорошихъ результатовъ, то этимъ я въ значительной степени обязанъ своимъ спутникамъ: Н. А. Десулави, Г. Г. Гранатману, А. И. Мерзлякову и П. П. Бордакову.

Большую часть своего успѣха я отношу къ примѣриой самоотверженности и честной службѣ солдатъ и казаковъ, бывшихъ со мной въ путешествіяхъ. Мнѣ не только не приходилось ихъ понукать или подбадривать, а, наоборотъ, приходилось останавливать изъ опасенія, что они надорвутъ свое здоровье. Не смотря на лишенія, эти скромные труженики терпѣливо несли тяготу походной жизни, и я ни разу не слышалъ отъ нихъ ни единой жалобы. Многие изъ нихъ погибли въ войну 1914—1917 г. г., защищая свою Родину. Съ остальными-же я и по сіе время нахожусь въ перепискѣ.

Во время путешествій командиры судовъ, г. г. военные, учителя, врачи и многія частныя лица нерѣдко оказывали мнѣ различныя услуги и совѣтами и дѣломъ неоднократно содѣйствовали и облегчали мои предпріятія. Шлю имъ дружескій привѣтъ и благодарю за радушіе и гостепримство.

Не владѣя китайскимъ языкомъ въ такой степени, чтобы разбираться въ іероглифкахъ, я обратился къ ориенталисту П. В. Шкуркину, двадцать шесть лѣтъ прожившему въ Уссурійскомъ Краѣ и хорошо знающему жизнь мѣстнаго манзовскаго населенія, съ просьбой транскрибировать китайскія названія, записанныя землемѣрами, военными топографами, разными изслѣдователями и мною во время путешествій. П. В. Шкуркинъ, со свойственной ему энергіей, быстро выполнилъ эту большую работу и написалъ къ ней «Необходимое предувѣдомленіе», которое при этомъ и прилагается. Благодарю П. В. Шкуркина за услугу.

Каждый разъ, когда я оглядываюсь назадъ и вспоминаю прошлое, предо мною встаетъ фигура верхнеуссурійскаго гольда Дерсу Узала, нынѣ покойнаго. Сердце мое надрыгается отъ тоски, какъ только я вспоминаю его и нашу совмѣстную съ нимъ странническую жизнь.

Если мы взглянемъ на этнографическую карту Уссурійскаго Края и отыщемъ на ней гольдовъ, то увидимъ, что инородцы эти распредѣлились узкою полосой по долинкѣ р. Уссури до устья Даубихе. Часть гольдовъ обитала ранѣе по р. Улахе и ея притокамъ. Насъ интересуютъ именно эти послѣдніе. Я сказалъ, обитавшихъ ранѣе. Это совершенно вѣрно, потому что теперь верхнеуссурійскихъ гольдовъ нигдѣ нѣтъ. Они всѣ вымерли. Въ 1901 году на р. Улахе ихъ оставалось всего только три человѣка: Капка Белдай, Сно Белдай и Дерсу Узала*). Первые двое въ томъ же году

всной были убиты хунхузами на р. Ното, а Дерсу въ 1908 году погибъ въ горахъ Хехцира въ 36 верстахъ отъ гор. Хабаровска.

Было бы ошибочно относить этихъ людей къ какой либо особой народности и отдѣлять ихъ отъ прочихъ гольдовъ. Въ антропологическомъ отношеніи они нисколько не отличались отъ своихъ сосѣдей рыболововъ, разселившихся по Уссури. Отличительною особенностью ихъ была страсть къ охотѣ: Живя въ танихъ мѣстахъ, гдѣ рыбы было мало, а тайга изобиловала звѣремъ, они на охоту обратили все свое вниманіе. Въ погонѣ за соболемъ, на охотѣ за дорогими пантами**) и въ поискахъ за цѣлебнымъ могущественнымъ жень-шенемъ***) гольды эти далеко проникали на сѣверъ и не разъ заходили въ самые отдаленные уголки Сихотэ-Алиня. Это были отличные охотники и удивительнѣйшіе слѣдопыты. Путешествуя съ Дерсу и приглядываясь къ его приемамъ, я неоднократно поражался, до какой степени были развиты въ немъ эти способности. Гольдъ положительно читалъ слѣды, какъ книгу, и въ строгой послѣдовательности возстановлялъ всѣ событія

Трудно перечислить всѣ тѣ услуги, которыя этотъ человекъ оказалъ мнѣ и чинамъ моего отряда. Не разъ, рискуя своей жизнью, онъ смѣло бросался на выручку погибающему, и многіе обязаны ему жизнью, въ томъ числѣ и я лично. Въ 1895 году во время грознаго наводненія въ урочищѣ Анучинѣ Дерсу спасъ отъ гибели многіхъ солдатъ и нѣсколько семействъ офицеровъ, священника и почтово-телеграфнаго чиновника.

Въ виду той выдающейся роли, которую игралъ Дерсу въ моихъ путешествіяхъ, я опишу сначала маршрутъ 1902 года по р.р. Цимухе и Лефу, когда произошла моя первая съ нимъ встрѣча, а затѣмъ уже перейду къ экспедиціи 1906 года.

Свои путешествія я закончилъ въ 1910 году. Слѣдующіе три года мною были посвящены обработкѣ собранныхъ матеріаловъ при любезномъ содѣйствіи извѣстныхъ спеціалистовъ Л. С. Берга, И. В. Палибина, С. А. Бутурлина и Я. С. Эдельштейна.

Къ 1917 году къ печати были готовы три книги: 1) «По Уссурійскому Краю», 2) «Дерсу Узала» и 3) «Въ горахъ Сихотэ-Алиня». Еще въ черновомъ видѣ онѣ ходили по рукамъ среди моихъ друзей и знакомыхъ, въ числѣ которыхъ не мало было и педагоговъ. Ихъ отзывы и мнѣнія утвердили меня въ томъ, что общество привѣтствовало бы появленіе такого научно популярнаго описанія Края, изъ котораго учащаяся молодежь переняла бы не мало интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній.

*) Дерсу Очжвалъ.

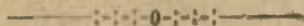
**) Молодые рога оленей, цѣнямые китайцами очень высоко, какъ лекарство.

***) Растеніе, которому китайцы приписываютъ чудодѣйственныя свойства возвращая молодость старческому тѣлу и изцѣляя всѣ недуги. Объ немъ идетъ рѣчь подробнѣе сказано ниже.

Однако революція и связанный съ нею крахъ печатнаго дѣла въ Россіи принудили отложить изданіе этихъ книгъ до болѣе благопріятнаго времени.

Навстрѣчу мнѣ въ этомъ отношеніи пошелъ г-нъ З. Ивадо, предоставивъ по современнымъ условіямъ возможность наиболѣе льготнаго печатанія книгъ въ своей типографіи «Эхо», что въ свою очередь позволило удешевить первое изданіе, предназначенное для широкой публики и учащейся молодежи. Не могу не упомянуть также о моемъ другѣ Н. А. Спѣшневѣ, благодаря посредничеству котораго въ этомъ дѣлѣ первая моя книга «По Уссурійскому Краю» увидѣла свѣтъ.

АВТОРЪ.

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ

Установить точную транскрипцію китайскихъ названій и точно перевести ихъ возможно, въ большинствѣ случаевъ, лишь тогда, когда имѣется запись этого названія іероглифами, причемъ запись должна быть слѣлана образованнымъ мѣстнымъ жителемъ — китайцемъ. При невыполненіи хотя-бы одного изъ этихъ условій. — ручаться за правильность транскрипцій и перевода нельзя, п. ч. одинъ и тотъ же звуковой комплексъ можетъ быть записанъ огромнымъ количествомъ разныхъ іероглифовъ, — слѣд.,—такое же количество (или еще большее) будетъ и разныхъ переводовъ одного и того же названія.

Часто случается, что и мѣстный житель, но малообразованный китайецъ (образованныхъ же между охотниками, дававшими первыя названія—не встрѣчается вовсе) вмѣсто іероглифа, напримѣръ, «пи» можетъ поставить іероглифы: «пи»—числительную частицу лошадей, «пи»—числительную частицу матерій, или даже «би»—носъ *) «би»—чепрема, и т. д.

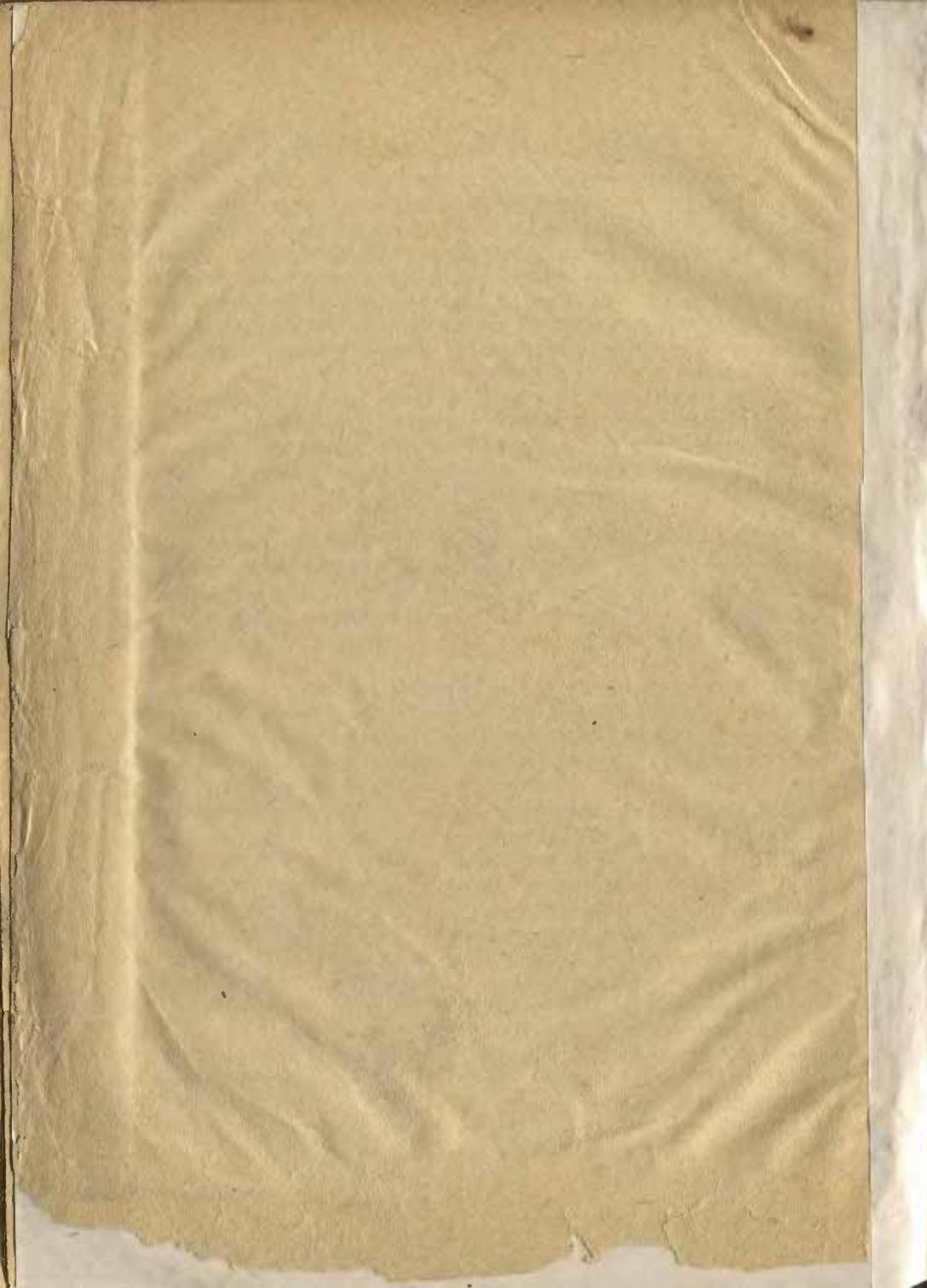
Если іероглифы будетъ устанавливать хотя-бы и образованный китайецъ, но не мѣстный житель.—то и онъ, не зная мѣстныхъ особенностей, на которыя указываетъ названіе.—часто не можетъ опредѣлить, какой слѣдуетъ поставить іероглифъ, ибо звучащихъ похоже или одинаково, но пишущихся разнo и имѣющихъ разныя значенія, іероглифовъ очень много.

Еще хуже обстоитъ дѣло, если названія записывалъ европеецъ, особенно не изучавшій спеціально китайскаго языка и незнакомый съ общепринятой транскрипціей. Не улавливая звуковъ китайскаго языка, не имѣя возможности раздѣлить сложное названіе на отдѣльные слоги, онъ, при всемъ своемъ желаніи и даже опытности, не можетъ правильно написать по русски китайскаго названія. Напр. «Сеузгу»—нужно писать Сяо цзы-гоу; «Мизангоу»—Ми-шань-цзы-гоу, и т. д.

Если же еще принять во вниманіе своеобразное произношеніе шаньдунскаго нарѣчія, на которомъ говоритъ большинство живущихъ въ Уссурийскомъ краѣ китайцевъ,—то будетъ очевиднымъ, что всѣ эти причины часто слѣлаютъ совершенно невозможнымъ точное установленіе правильной транскрипціи и перевода китайскихъ названій мѣстности.

Поэтому не всѣ приведенныя въ настоящемъ трудѣ В. К. Арсеньева китайскія названія транскрибированы мною и переведены (конечно, съ помощью ученаго китайца) съ ручательствомъ за точность; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ у меня самого возникали сомнѣнія, бѣжалъ наиболѣе подхалашіе изъ нѣсколькихъ чтеній и значеній,—и такія сомнительныя мѣста обозначалъ звѣздочкой.

*) Такая ошибка была допущена даже въ одномъ учебникѣ китайскаго языка для русскихъ авторовъ, котораго являлся редакторомъ китайскій языкъ, но не зналъ

I.

СТЕКЛЯННАЯ ПАДЬ.

БУХТА МАЙТУНЪ. СЕЛО ШКОТОВО. Р. БЭЙЦА. ВСТРѢЧА СЪ ПАНТЕРОЙ. ДА-ДЯНЬ-ШАНЬ. ИЗЮБРИ.

Въ 1902 году во время одной из командировокъ съ охотничьей командой я пробирался вверхъ по р. Цимухэ, впадающей въ Уссурійскій заливъ около села Шкотова. Мой отрядъ состоялъ изъ шести человекъ сибирскихъ стрѣлковъ и четырехъ лошадей съ вьюками. Цѣль моей командировки состояла въ слѣдованіи Шкотовскаго района въ военномъ отношеніи и въ изученіи переваловъ въ горномъ узлѣ Да-дянь-шань(1). Въ этомъ узлѣ начало четыре рѣки: Циму, Майхе, Даубихе(2) и Дау-чань(3). Въ узлѣ былъ осмотрѣнъ весь тропы около озера Хан-чань(4) близъ Уссурійской желѣзной дороги.

Горный хребетъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, начинается около Шкотова и идетъ къ югу параллельно р. Уссури въ направленіи отъ С.С.В. къ Ю.З.В. такъ, что на западъ отъ него будетъ р. Сунгача и оз. Ханка, а на востокъ—р. Даубихе. Далѣе онъ раздѣляется на двѣ вѣтви. Одна идетъ къ Юго-западу и образуетъ хребетъ Богатую Гриву, протянувшійся вдоль всего полуострова Муравьева-Амурскаго, а другая вѣтвь направляется къ югу и сливается съ высокою грядою, служащею водораздѣломъ между р.р. Даубихе и Сучаномъ(5).

Верхняя часть Уссурійскаго залива называется бухтою Майтунъ. Бухта эта раньше значительно глубже вдавалась въ материкъ. Это видно съ глаза съ перваго взгляда. Береговые обрывы нынѣ отодвинуты вглубь страны версты на пять. Устье р. Тангоузы(4) раньше было на мѣстѣ нынѣшнихъ озеръ Сань(5) и Эль-Поуза(6), а устье р. Майхе(7) и

1) Да-дянь-шань—Большія острокопечныя горы.

2) Да-уби-хе—Рѣка, гдѣ много было сраженій.

3) Су-чань—Шаньцзъ, засѣваемая растеніемъ сѣнды, изъ котораго жителямъ здѣшней такъ называютъ такое галеновое травяное масло.

4) Танъ-гоу-зы—Болотистая падь.

5) Санъ—Разлившееся озеро.

6) Эръ-ца-цзы—Вторая заводь.

7) Май-хе—Рѣка, гдѣ много было сраженій.

ходило немного выше того мѣста, гдѣ теперь пересѣкаетъ ее желѣзная дорога. Вся эта площадь въ 22 кв. версты представляетъ изъ себя болѣе или менѣе обширную низину, наполненную наносами р.р. Майхе и Тангоуза. Среди болѣе или менѣе сохранились еще кое-гдѣ озера съ водою, они указываютъ, гдѣ были мѣста наиболѣе глубокія. Этотъ медленный процессъ отступанія моря и нарастанія суши происходитъ еще и теперь. Скоро та же участь постигнетъ и бухту Майтунъ. Она и теперь уже достаточно мелководна. Западныя берега ея слагаются изъ порфировъ, а восточныя изъ третичныхъ отложений: въ долинѣ Майхе развиты граниты и сіениты, а къ востоку отъ нея—базальты(8).

Село Шкотово находится около устья рѣки Цимухе, на правомъ берегу. Основаніе его относится къ 1864 году. Въ 1868 году его сожгли хунхузы, но на другой годъ оно возродилось снова. Пржевальскій въ 1870 году въ немъ насчиталъ 6 дворовъ и 34 души обою пола(9). Я уже засталъ Шкотово довольно большимъ селомъ(10).

Здѣсь мы провели двое сутокъ, осматривали окрестности и снаряжились въ далекій путь. Рѣка Цимухе длиною въ 30 верстъ, течетъ въ широтномъ направленіи и имѣетъ съ правой стороны одинъ только притокъ Бейчу. Долину, по которой протекаетъ рѣка, здѣшніе переселенцы называютъ «Стеклою Падью». Такое названіе она получила отъ китайской звѣровой фанзы, въ окнѣ которой былъ вставленъ небольшою кусочекъ стекла. Надо замѣтить, что тогда въ Уссурийскомъ Краѣ не было ни одного стекольнаго завода, и потому въ глухихъ мѣстахъ стеклотару цѣнилось особенно дорого. Въ глубинѣ горъ и лѣсовъ оно было своего рода мѣновой единицей. Пустую бутылку можно было вымѣнять на муку, соль, чумизу и даже на пушнину. Старожилы разсказываютъ, что въ время ссоръ враги старались проникнуть другъ къ другу въ домъ и перебить стеклянную посуду. Немудрено поэтому, что кусочекъ стекла въ окнѣ китайской фанзы(11) былъ роскошью. Это обратило вниманіе первыхъ переселенцевъ и они назвали «Стеклою» не только фанзу и рѣчку, но и всю прилегающую мѣстность.

Отъ Шкотова вверхъ по долинѣ Цимухе сначала идетъ проселочная дорога, которая послѣ села Новороссійскаго сразу переходитъ въ тропу. По этой тропѣ можно выйти и на Сучань, и на р. Кангрозу(12) къ селу Новонѣжину. Дорога нѣсколько разъ переходитъ съ одного берега рѣки на другой, и это является причиной, почему во время половодья сообщеніе по ней прекращается.

Изъ Шкотова мы выступили рано, въ тотъ же день дошли до Стеклою Падю и свернули въ нее. Рѣка Бейча течетъ на З.Ю.З. почти по прямому направленію и только около устья поворачиваетъ на западъ.

8) Д. Н. Мушкетевъ. Геологическое описаніе района Сучанской ж. д. 1910 г.

9) Н. М. Пржевальскій — Путешествіе по Уссурийскому Краю 1869 г. стр.

10) Въ 1902 году въ селеніи насчитывалось 88 семействъ.

11) Въ фанзѣ оклеиваются тонкой бумагой (лицо).

Ширина Стеглянной Пади не вездѣ одинакова; то она суживается самень до пятидесяти, то расширяется болѣе, чѣмъ на полверсту. Какъ и большинство долинъ въ Уссурийскомъ Краѣ, она отличается удивительной равнинностью. Онаймляющія ее горы, поросшія корявымъ дубякомъ, имѣютъ очень крутые склоны. Граница, гдѣ равнина сопринасается съ горами, обозначена чрезвычайно рѣзко. Это свидѣтельствуеетъ о томъ, что здѣсь были большіе денудационные процессы. Долина раньше была гораздо глубже и только впослѣдствіи выполнена наносами рѣки.

По мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ горы, растительность становилась лучше. Дубовое рѣдколѣсье смѣнилось густыми смѣшанными лѣсами, среди которыхъ было много кедра. Путеводною нитью намъ служила маленькая тропинка, проложенная китайскими охотниками и искателями жень-шеня. Дня черезъ два мы достигли того мѣста, гдѣ была «Стеглянная фанза», но нашли здѣсь только ея развалины. Съ каждымъ днемъ тропинка становилась все хуже и хуже. Видно было, что по ней давно уже не ходили люди. Она заросла травой и во многихъ мѣстахъ была завалена буреломомъ. Вскорѣ мы ее совсѣмъ потеряли. Встрѣчались намъ и звѣровыя тропы; мы пользовались ими, пона онѣ тянулись въ желательномъ для насъ направленіи, но больше шли цѣлиною. На третій день къ вечеру мы подошли къ хребту Да-дянь-шань, который идетъ здѣсь въ меридіальномъ направленіи и имѣетъ высоту въ среднемъ оноло 2.450 фут. Оставивъ людей внизу, я съ унтеръ-офицеромъ Олентьч свымъ поднялся на одну изъ сосѣднихъ вершинъ, чтобы оттуда посмотреть, далеко ли еще осталось до перевала. Сверху хорошо были видны всѣ горы. Сказалось, что водораздѣлъ отъ насъ былъ въ двухъ или трехъ верстахъ. Стало ясно, что къ вечеру намъ не дойти до него, а если-бы мы и дошли, то рисковали заночевать безъ воды, потому что въ это время года горныя ключи въ истокахъ почти совсѣмъ изсыкаютъ. Я рѣшилъ встать на бивакъ тамъ, гдѣ остались лошади, а завтра съ свѣжими силами идти къ перевалу.

Обыкновенно свой маршрутъ я никогда не затягивалъ до сумерокъ и останавливался на бивакъ такъ, чтобы засвѣтло можно было поставить палатки и натаскать дровъ на ночь. Пока стрѣлки возились на бивакѣ, я пользовался свободнымъ временемъ и отправлялся осматривать ближайшія окрестности. Постояннымъ моимъ спутникомъ въ такого рода экскурсіяхъ былъ унтеръ-офицеръ Полинартъ Олентьевъ—отличный человекъ и прекрасный охотникъ. Такъ было и на этотъ разъ. Сдѣлавъ нужныя распоряженія, мы взяли съ нимъ ружья и пошли на развѣдки.

Солнце только что успѣло скрыться за горизонтомъ, и въ то время, когда лучи его золотили верхушки горъ, въ долинахъ появились сумеречныя тѣни.

На фонѣ блѣднаго неба рѣзко выдѣлялись вершины деревьевъ съ пожелтѣвшими листьями. Среди птицъ, насѣкомыхъ, зъ сухой травѣ, словомъ,—всюду, даже въ воздухѣ, чувствовалось уже приближеніе осени.

Перейдя черезъ невысокій хребетъ, мы попали въ сосѣднюю долину, поросшую густымъ лѣсомъ. Широкое и сухое ложе горнаго ручья

перестало ее поперекъ. Тутъ мы разошлись. Я пошелъ по галечниковой отмели влѣво, а Олентьевъ—вправо. Не прошло и двухъ минутъ, какъ, вдругъ, въ его сторонѣ грянулъ выстрѣлъ. Я обернулся и въ это мгновеніе увидѣлъ, какъ что-то гибкое и пестрое мелькнуло въ воздухѣ. Я бросился къ Олентьеву. Онъ поспѣшно заряжалъ винтовку, но, какъ на грѣхъ, одинъ патронъ застрялъ въ магазинной коробкѣ, и затворъ не закрылся.

Кого ты стрѣлялъ?—спросилъ я его.

Кажется, тигра, отвѣчалъ онъ. Звѣрь сидѣлъ на деревѣ. Я хорошо прицѣлился и, навѣрное, попалъ.

Наконецъ, застрявшій патронъ былъ вынуть. Олентьевъ вновь зарядилъ ружье, и мы осторожно двинулись къ тому мѣсту, гдѣ скрылось животное. Кровь на сухой травѣ указывала, что звѣрь дѣйствительно былъ раненъ. Вдругъ, Олентьевъ остановился и сталъ прислушиваться. Впереди, немного вправо отъ насъ, слышался храпъ. Сневозъ заросли папоротниковъ ничего нельзя было видѣть. Большое дерево, поваленное на землю, преграждало намъ путь. Олентьевъ хотѣлъ было уже перелѣзть валежникъ, но раненое животное предупредило его и стремительно бросилось навстрѣчу. Олентьевъ второпяхъ выстрѣлилъ въ упоръ, даже не вставляя приклада ружья въ плечо—и очень удачно. Пуля попала прямо въ голову звѣря. Онъ упалъ на дерево и повисъ на немъ такъ, что голова и переднія лапы свѣсались по одну сторону, а задняя часть тѣла по другую. Убитое животное сдѣлало еще нѣсколько конвульсивныхъ движеній и начало грызть землю. Въ это время центр тяжести перемѣстился, оно медленно подалось впередъ и грузно свалилось къ ногамъ охотника.

Съ перваго же взгляда я узналъ маньчжурскую пантеру (*Felis orientalis Schleg*)⁽¹³⁾, называемую мѣстными жителями «барсомъ». Этотъ великолѣпный представитель кошачьихъ былъ изъ числа крупныхъ. Длина его тѣла отъ носа до корня хвоста равнялась 4 футамъ и 8 дюймамъ. Шкура пантеры, ржаво-желтая по бокамъ и на спинѣ и бѣлая на брюхѣ, была покрыта черными пятнами, причемъ пятна эти располагались рядами, какъ полосы у тигра. Съ боковъ, на лапахъ и на головѣ они были сплошныя и мелкія, а на шеѣ, спинѣ и хвостѣ—крупныя кольцевыя.

Въ Уссурійскомъ Краѣ пантера держится только въ южной части страны и, главнымъ образомъ, въ Суйфунскомъ, Посыетскомъ и Барабашевскомъ районахъ. Главной пищей ей служатъ пятнистые олени, динія козули и фазаны. Животное это крайне хитрое и осторожное. Спасаясь отъ человѣка, пантера влѣзаетъ на дерево и выбираетъ такой сукъ, который приходится противъ ея слѣдовъ на землѣ и, слѣдовательно, какъ разъ противъ луча зрѣнія охотника. Растянувшись вдоль него, она кладетъ голову на переднія лапы и въ этомъ положеніи замираетъ. Она отлично понимаетъ, что со стороны головы ея тѣло, принятое къ суку, мѣнѣе замѣтно, чѣмъ сбоку.

13) Научныя названія животныхъ мною получены отъ Консерватора Музея въ гор. Владивостокѣ А. И. Черскаго.

Сниманіе шкуры съ убитаго животнаго отняло у насъ болѣе часа. Когда мы тронулись въ обратный путь, были уже глупости сумерки. Мы шли долго и, наконецъ, увидѣли огни бивака. Сноро между деревьями можно было различить силуэты людей. Они двигались и часто заслоняли собою огонь. На бивакѣ собаки встрѣтили насъ дружнымъ лаемъ. Стрѣлки окружили пантеру, разсматривали ее и вслухъ высказывали свои сужденія. Разговоры затянулись до самой ночи.

На другой день мы продолжали нашъ путь. Долина суживалась и идти становилось труднѣе. Мы шли цѣлиною и только заботились о томъ, чтобы поменьше кружить.

Вожатый всегда долженъ далеко смотрѣть впередъ. У него должно быть развито чутье ориентировки. Онъ долженъ брать наиболѣе выгодныя направленія и въ то же время избѣгать кручь, онъ долженъ помнить, что тамъ, гдѣ прошли лошади, пройдутъ и люди, но не всегда пройдутъ кони тамъ, гдѣ прошелъ человекъ. Вожатый не долженъ кружить, чтобы не тратить напрасно силы людей и лошадей, и въ то же время онъ долженъ обходить каменистыя осыпи и буреломныя завалы. Эта трудная роль выпала на меня, какъ на начальника отряда. Не знаю, насколько удалось мнѣ выполнить эту задачу, кажется—сносно.

Въ полдень мы подошли къ самому гребню. Подъемъ былъ крутой и трудный. Лошади карабкались на кручу изо всѣхъ силъ; отъ напряженія у нихъ дрожали ноги, онѣ падали и, широко раскрывъ ноздри, тяжело и порывисто дышали. Чтобы облегчить путь, прилечь идти зигзагами, часто останавливались и поправлять вьюки. Наконецъ, мы взобрались на хребетъ. Здѣсь данъ былъ полчасовой отдыхъ. По хребту, попросшему лѣсомъ, надо идти всегда осторожно, надо часто останавливаться, осматриваться, иначе легко сбиться съ пути—въ особенности во время тумана. Если неопытный путникъ станетъ держать направленіе по высокимъ вершинамъ, виднѣющимся у него впереди, можно навѣрно сказать, что онъ заблудится. Сплошь и рядомъ высокія горы находятся гдѣ нибудь въ сторонѣ на отрогѣ, который легко принять за главный хребетъ и уклониться въ сторону. Помню, раньше я нѣсколько разъ дѣлалъ такія ошибки. Чтобы теперь онѣ не повторялись, я приказалъ людямъ остановиться и, выбравъ высокій кедръ, не безъ труда взобрался на самую его вершину.

Сверху я увидѣлъ весь горный хребетъ Да-Дянь-Шань, какъ на ладони. Онъ шелъ на сѣверъ съ легкимъ изгибомъ къ востоку. Здѣсь онъ имѣлъ характеръ расплывчатый, неясный, а далѣе на востокъ (въроятно, въ верховьяхъ Даубихе и Улахе⁽¹⁴⁾) былъ высокъ и величествененъ. Западные его склоны казались крутыми и обрывистыми, восточные—болѣе пологими. Слѣва вдали виднѣлись Майхе и Цимухе, справа—сложный бассейнъ Сучана. Съ этой стороны мѣстность была такой перестреченной, что я долго не могъ сообразить, куда текутъ рѣчки и къ какому онѣ принадлежатъ бассейну. Впереди, верстахъ въ пяти отъ насъ, вы-

14) У-да-ха—Рѣка, гдѣ растетъ много травы У-да, владѣваемой въ китайскую охотничью обувь.

II.

ВСТРѢЧА СЪ ДЕРСУ.

БИВАКЪ ВЪ ЛЬСУ. НОЧНОЙ ГОСТЬ. БЕЗСОННАЯ НОЧЬ. РАЗСВѢТЪ.

Послѣ отдыха отрядъ нашъ снова тронулся въ путь. На этотъ разъ мы попали въ буреломъ и потому подвигались очень медленно. Часамъ къ четыремъ дня мы подошли къ какой-то вершинѣ. Оставивъ людей и лошадей на мѣстѣ, я самъ пошелъ наверхъ, чтобы осмотрѣться.

Вѣззати на дерево непрѣменно надо самому. Поручать это стрѣлкамъ нельзя. Тутъ нужны личныя наблюденія. Какъ бы толково и хорошо онъ ни рассказывалъ о томъ, что онъ замѣтилъ, на основаніи его словъ трудно ориентироваться.

То, что я увидѣлъ сверху, сразу разсѣяло мои сомнѣнія. Куполообразная гора, гдѣ мы находились въ эту минуту, была тотъ самый горный узелъ, который мы искали. Отъ него къ западу тянулася высокая гряда, падавшая на сѣверъ крутыми обрывами. По ту сторону водораздѣла общее направленіе долинъ шло къ сѣверо-западу. Вѣроятно, это были истоки р. Лефу.

Спустившись съ дерева, я присоединился къ отряду. Солнце уже стояло низко надъ горизонтомъ, и надо было торопиться разыскать воду, въ которой и люди и лошади очень нуждались. Спускъ съ Куполообразной горы былъ сначала пологій, но потомъ сдѣлался крутымъ. Лошади спускались, пристѣвъ на заднія ноги. Вьюки лѣзли впередъ и, если-бы при сѣдлахъ не было шлей, они съѣхали-бы имъ на голову. Пришлось дѣлать длинные зигзаги, что при буреломѣ, который валялся здѣсь во множествѣ, было дѣломъ далеко не легкимъ.

За переваломъ мы сразу попали въ овраги. Мѣстность была чрезвычайно пересѣченная. Глубокіе распадки, заваленные корчами, водотеки и скалы, обросшія мхомъ—все это создавало обстановку, которая живо напоминала мнѣ картину Вальпургіевой Ночи. Трудно представить себѣ мѣстность болѣе дикую и непривѣтливую, чѣмъ это ущелье.

Иногда случается, что горы и лѣсъ имѣютъ привлекательный и веселый видъ. Такъ, кажется, и остался бы среди нихъ навсегда. Иногда, наоборотъ, горы кажутся угрюмыми, дикими. И странное дѣло! Чувство это не бываетъ личнымъ, субъективнымъ, оно всегда является общимъ для всѣхъ людей въ отрядѣ. Я много разъ провѣрялъ себя и всегда убѣждался, что это такъ. То же было и теперь. Въ окружающей насъ обстановкѣ чувствовалась какая-то тоска, было что-то жуткое и непріятное—и это жуткое и тоскливое понималось всѣми одинаково.

«Ничего, говорили мои стрѣлки, какъ нибудь переночуемъ. Намъ не годъ тутъ стоять. Завтра найдемъ мѣсто повеселѣе».

Не хотѣлось мнѣ здѣсь останавливаться, но дѣлать было нечего. Сумерки приближались, и надо было торопиться. На днѣ ущелья шумѣлъ

потокъ, я направился къ нему и, выбравъ мѣсто поровнѣе, приказалъ ставить палатки.

Величавая тишина лѣса сразу огласилась звуками топоровъ и голосами людей. Стрѣлки стали таскать дрова, разсѣдывать коней и готовить ужинъ.

Бѣдные лошади! Среди камней и бурелома онѣ должны были остаться голодными. Зато завтра, если намъ удастся дойти до земледѣльческихъ фанзъ, мы ихъ накормимъ, какъ слѣдуетъ.

Сумерки въ лѣсу всегда наступаютъ рано. На западѣ сивозъ густую хвою еще видѣлись кое-гдѣ клочки блѣднаго неба, а внизу, на землѣ, уже легли ночныя тѣни. По штрѣ того, какъ разгорался костеръ, ярче освѣщались выступившіе изъ темноты кусты и стволы деревьевъ. Разбуженная въ осыпяхъ пищуха подняла было пронзительный крикъ, но вдругъ испугалась чего-то, проворно спряталась въ свою норку и уже больше не показывалась наружу.

Наконецъ, на нашемъ бивакѣ стало все понемногу успокаиваться. Послѣ чая люди занялись каждый своимъ дѣломъ: кто чистилъ винтовку, кто поправлялъ сѣдло или починялъ разорванную одежду. Такой работы всегда бываетъ много. Покончивъ съ своими дѣлами, стрѣлки стали ложиться спать. Они плотно прижались другъ къ другу и, прикрывшись шинелями, заснули, какъ убитые. Не найдя корму въ лѣсу, лошади подошли къ биваку и, опустивъ головы, погрузились въ дремоту. Не спали только я и Олентьевъ. Я записывалъ въ дневникъ пройденный маршрутъ, а онъ починялъ свою обувь. Часовъ въ десять вечера я закрылъ тетрадь и, завернувшись въ бурку, легъ къ огню. Отъ жара, подымавшася вмѣстѣ съ дымомъ, качались вѣтви старой ели, у подножья которой мы расположились, и то закрывали, то открывали темное небо, усыпанное длинной колоннадой, уходившей въ глубь лѣса и незамѣтно сливавшейся тамъ съ ночнымъ мракомъ.

Вдругъ, лошади подняли головы и насторожили уши; потомъ онѣ успокоились и опять стали дремать. Сначала мы не обратили на это особаго вниманія и продолжали разговаривать. Прошло нѣсколько минутъ. Я что то спросилъ Олентьева и, не получивъ отвѣта, повернулся въ его сторону. Онъ стоялъ на ногахъ въ ожидательной позѣ и, заслонивъ рукою свѣтъ костра, смотрѣлъ куда-то въ сторону.

Что случилось? спросилъ я его.

Кто-то спускается съ горы, отвѣчалъ онъ шопотомъ.

Мы оба стали прислушиваться, но кругомъ было тихо—такъ тихо, какъ только бываетъ въ лѣсу въ холодную осеннюю ночь. Вдругъ, сверху посыпались мелкіе камни.

Это, вѣроятно, медвѣдь, сказалъ Олентьевъ и сталъ заряжать винтовку.

Стрѣлай не надо. Моя люди!... послышадся изъ темноты голосъ, и черезъ нѣсколько минутъ къ нашему огню подойдетъ человекъ.

Одѣтъ онъ былъ въ куртку изъ выдѣланной оленьей кожи и такіе

же штаны. На головѣ у него была какая-то повязка, на ногахъ унты¹⁵⁾, за спиной большая котомка, а въ рукахъ сошки и старая длинная берданка.

Здравствуй, капитанъ!—сказалъ пришедшій, обратясь ко мнѣ.

Затѣмъ онъ поставилъ къ дереву свою винтовку, снялъ со спины котомку и, обтеревъ потное лицо рукавомъ рубашки, подстѣлъ къ огню. Теперь я могъ хорошо его рассмотреть. На видъ ему было лѣтъ соронь пять. Это былъ человекъ невысокаго роста, коренастый и, видимо, обладавшій достаточной физической силой. Грудь у него была выпуклая, руки—крѣпкія, мускулистыя; ноги немного кривыя. Темное загорѣлое лицо его было типично для инородцевъ: выдающіяся скулы, маленький носъ, глаза съ монгольской складкою въѣкъ и широкій ротъ съ крѣпкими зубами. Небольшіе русые усы окаямляли его верхнюю губу и маленькая рыжеватая борода украшала подбородокъ. Но всего замѣчательнѣе были его глаза. Темно-сѣрые, но не каріе, они смотрѣли спокойно и немногѣ наивно. Въ нихъ сквозили рѣшительность, прямота характера и добродушіе.

Незнакомецъ не рассматривалъ насъ такъ, какъ рассматривали мы его. Онъ досталъ изъ-за пазухи кisetъ съ табакѣмъ, набилъ имъ свою трубку и молча сталъ курить. Не спрашивая его, кто онъ и откуда, я предложилъ ему поѣсть. Такъ принято дѣлать въ тайгѣ.

Спасибо, капитанъ, сказалъ онъ.—Моя шибко хочу кушай, моя сегодня кушай нѣту.

Пока онъ ѣлъ, я продолжалъ его рассматривать. У пояса его висѣлъ охотничій ножъ. Очевидно, это былъ охотникъ. Руки его были загрубѣлыя, исцарапанныя. Такія же, но еще болѣе глубонія царапины лежали на лицѣ: одна на лбу, а другая на щекѣ оноло уха. Незнакомецъ снялъ повязку, и я увидѣлъ, что голова его покрыта густыми русыми волосами; они росли въ безпорядкѣ и свѣшивались по сторонамъ длинными прядями.

Нашъ гость былъ изъ молчаливыхъ. Нанонецъ, Олентьевъ не выдержалъ и спросилъ пришельца прямо:

Ты кто будешь, нитаецъ или кореецъ?

Моя гольдъ, отвѣтилъ онъ коротко.

Ты должно быть охотникъ? спросилъ я его опять.

Да, отвѣчалъ онъ. Моя постоянно охота ходи, другой работы нѣту, рыба леви понимай тоже нѣту, только одинъ охота понимай.

А гдѣ ты живешь? продолжалъ допрашивать его Олентьевъ.

Моя дома нѣту. Моя постоянно сопка живи. Огонь влады, палатна дѣлай—спи! Постоянно охота ходи, какъ дома живи?

Потомъ онъ рассказалъ, что сегодня охотился за изюбрями, ранилъ одну матку, но слабо. Идя по подранку, онъ наткнулся на наши слѣды. Они завели его въ оврагъ. Когда стемнѣло, онъ увидѣлъ огонь и пошелъ прямо на него.

15) Обувь въ родѣ олочей, сшитая изъ сохатинной или изюбряной кожи, выдѣланной подъ замшу.

Моя тихонько ходи, говорилъ онъ. Думай, какой люди далеко сопка ходи? Посмотри, капитанъ есть, солдаты есть. Моя тогда прямо ходи

Тебя какъ зовуть? спросилъ я незнакомаго.

Дерсу Узала, отвѣчалъ онъ.

Меня заинтересовалъ этотъ человекъ. Что-то въ немъ было особенное, оригинальное. Говорилъ онъ просто, тихо, держалъ себя скромно, незаискивающе. Мы разговорились. Онъ долго рассказывалъ мнѣ про свою жизнь и, чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ становился симпатичнѣе. Я видѣлъ передъ собой первобытнаго охотника, который всю свою жизнь прожилъ въ тайгѣ и чуждъ былъ тѣхъ пороковъ, которые вмѣстѣ съ собой несетъ городская цивилизація. Изъ его словъ я узналъ, что средства къ жизни онъ добывалъ ружьемъ и предметы своей охоты вымѣнивалъ у китайцевъ на табакъ, свинецъ и порохъ и что винтовка ему досталась въ наслѣдіе отъ отца. Потомъ онъ рассказалъ мнѣ, что ему теперь пятьдесятъ три года, что у него никогда не было дома, онъ вѣчно жилъ подъ открытымъ небомъ и только зимой устраивалъ себѣ временную юрту изъ корья или бересты. Первые проблески его дѣтскихъ воспоминаній были: рѣка, шалашъ, огонь, отецъ, мать и сестренка.

Всѣ давно помирай, закончилъ онъ свой рассказъ и задумался. Онъ помолчалъ немного и продолжалъ снова: у меня раньше тоже жена была, сынъ и дѣвченка. Оспа всѣ люди кончай.—Теперь моя одинъ остался... Лицо его стало грустнымъ отъ переживаемыхъ воспоминаній. Я пробовалъ было его утѣшить, но что были мои утѣшенія для этого одинокаго человекъ, у котораго смерть отняла семью, это единственное утѣшеніе въ старости. Онъ ничего мнѣ не отвѣчалъ и только еще болѣе поникъ головою. Хотѣлось мнѣ какъ нибудь выразить ему свое сочувствіе, что нибудь для него сдѣлать, и я не зналъ, что именно. Наконецъ, я надумалъ: я предложилъ ему обмѣнять его старое ружье на новое, но онъ отказался, сказавъ, что берданка ему дорога, какъ память объ отцѣ, что онъ къ ней привыкъ и что она бьетъ очень хорошо. Онъ потянулся къ дереву, взялъ свое ружье и сталъ гладить рукой по ложѣ.

Звѣзды на небѣ перемѣстились и показывали далеко за полночь. Часы летѣли за часами, а мы все сидѣли у костра и разговаривали. Говорилъ больше Дерсу, а я его слушалъ, и слушалъ съ удовольствіемъ. Онъ рассказывалъ мнѣ про свою охоту, про то, какъ разъ онъ попалъ въ плѣнъ къ хунхузамъ, но убѣжалъ отъ нихъ. Рассказывалъ про свои встрѣчи съ тиграми, говорилъ о томъ, что стрѣлять ихъ нельзя, потому что это боги, охраняющіе жень-шень отъ человекъ, говорилъ о злыхъ духахъ, о наводненіяхъ и т. д.

Одинъ разъ на него напалъ тигръ и сильно изранилъ. Жена искала его десять сутокъ, прошла болѣе двухсотъ верстъ и по слѣдамъ нашла обезсиленнаго отъ потери крови. Пока онъ болѣлъ, она ходила на охоту.

Потомъ я сталъ его спрашивать о томъ мѣстѣ, гдѣ мы находимся. Онъ сказалъ, что это истоки рѣки Лефу и что завтра мы дойдемъ до первой звѣровой фанзы.

Одинъ изъ спящихъ стрѣлковъ проснулся, удивленно посмотрѣлъ на насъ обоихъ, пробормоталъ что-то про себя, улыбнулся и заснулъ снова.

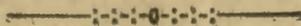
На землѣ и на небѣ было еще темно, только въ той сторонѣ, откуда подымались все новыя звѣзды, чувствовалось приближеніе разсвѣта. На землю пала обильная роса—вѣрный признакъ, что завтра будетъ хорошая погода. Кругомъ царила торжественная тишина.—Казалось, природа отдыхала тоже.

Черезъ часъ востокъ началъ алѣть, Я посмотрѣлъ на часы, было шесть часовъ утра. Пора было будить очередного артельщика. Я сталъ трясти его за плечо. Солдатикъ съѣлъ и началъ потягиваться. Яркій свѣтъ костра рѣзалъ ему глаза—онъ морщился. Затѣмъ, увидѣвъ Дерсу, проговорилъ усмѣхнувшись:

Вотъ диво, человѣкъ какой-то!.... и началъ обустраиваться.

Небо изъ чернаго сдѣлалось синимъ, а потомъ сѣрымъ, мутнымъ. Ночныя тѣни стали жаться въ кусты и овраги. Онѣ выйдутъ оттуда, когда солнце скроется за горизонтомъ.

Вскорѣ бивакъ нашъ опять ожилъ: заговорили люди, очнулись отъ оцѣпененія лошади, заверещала въ сторонѣ пищуха, ниже по оврагу ей стала вторить другая; послышался крикъ дятла и трещетная музыка желны.—Тайга просыпалась! Съ каждой минутой становилось все свѣтлѣе и, вдругъ, яркіе солнечные лучи снопомъ вырвались изъ-за горъ и озарили весь лѣсъ. Нашъ бивакъ принялъ теперь другой видъ. На мѣстѣ яркаго костра лежала груда золы; огня почти не было видно; на землѣ валялись порожнія банки изъ подъ консервовъ; тамъ, гдѣ стояла палатка, торчали однѣ жерди и лежала примятая трава.

III.

ОХОТА НА КАБАНОВЪ.

ИЗУЧЕНІЕ СЛѢДОВЪ. ЗАБОТА О ПУТНИКЪ. ЗВѢРОВАЯ ФАНЗА. ГОРА ТУДИНЗА И ВЕРХОВЬЯ Р. ЛЕФУ. КАБАНЫ. АНИМИЗМЪ ДЕРСУ. СОНЪ.

Послѣ чая стрѣлки начали выючить коней, Дерсу тоже сталъ собираться. Онъ одѣлъ свою котомку, взялъ въ руки сошки и берданку. Черезъ нѣсколько минутъ отрядъ нашъ тронулся въ путь.—Дерсу пошелъ съ нами.

Ущелье, по которому мы шли, было длинное и извилистое. Справа и слѣва къ нему подходили другія такія же ущелья. Изъ нихъ съ шумомъ бѣжала вода. Распадонъ⁽¹⁶⁾ становился шире и постепенно превращался въ долину. Здѣсь на деревьяхъ были старыя затески; онѣ вели насъ на тропинку.

Гольдъ шелъ впереди и все время внимательно смотрѣлъ подѣ ноги. Порой онъ нагибался къ землѣ и разбиралъ листву руками.

Что такое? спросилъ я его.

Дерсу остановился и сказалъ, что тропа эта не конная, а пѣшеходная, что идетъ она по соболинымъ ловушкамъ, что нѣсколько дней тому назадъ по ней прошелъ одинъ человекъ и что, по всей вѣроятности, это былъ китаецъ.

Слова гольда насъ всѣхъ поразили. Замѣтивъ, что мы отнеслись къ нему съ недоувѣріемъ, онъ воскликнулъ:

Какъ ваша понимай нѣту? Посмотри самъ.

Послѣ этого онъ привелъ такія доказательства, что всѣ мои сомнѣнія отпали разомъ. Все было такъ ясно и такъ просто, что я удивился, какъ этого раньше я не замѣтилъ. Во первыхъ, на тропѣ нигдѣ не видно было конскихъ слѣдовъ, во вторыхъ, по сторонамъ она не была очищена отъ вѣтвей; наши лошади пробирались съ трудомъ и все время задѣвали вьюками за деревья. Затѣмъ, повороты были такъ круты, что хони не могли повернуться и должны были дѣлать обходы; черезъ ручьи слѣды шли по бревну и нигдѣ тропа не спускалась въ воду; буреломъ, преграждавшій путь, не былъ прорубленъ,—люди шли свободно, а лошадей обводили стороною. Все это доказывало, что тропа не была приспособлена для путешествій съ вьюками.

Давно одинъ люди ходи, говорилъ Дерсу какъ бы про себя. Люди ходи кончай, дождь ходи—и онъ сталъ высчитывать, когда былъ послѣдній дождь.

Часа два мы шли по этой тропѣ. Мало по малу хвойный лѣсъ началъ замѣняться смѣшаннымъ. Все чаще и чаще сталъ попадаться то-

16) Мѣстное названіе узкой долины.

поль, клень, осина, береза и липа. Я хотѣлъ было сдѣлать второй при-
чалъ, но Дерсу совѣтовалъ пройти еще немного.

Наша скоро балаганъ найди есть, сказалъ онъ и указалъ на деревья,
съ которыхъ была снята кора.

Я сразу понялъ его. Значить, поблизости должно быть то, для чего
это корье предназначалось. Мы прибавили шагу и черезъ десять минутъ
на берегу ручья увидѣли небольшой односкатный балаганъ, поставлен-
ный охотниками или искателями жень-шеня. Осмотрѣвъ его кругомъ,
нашъ новый знакомый опять подтвердилъ, что нѣсколько дней тому на-
задъ по травѣ прошелъ китаецъ и что онъ ночевалъ въ этомъ балаганѣ.
Прибитая дождемъ зола, одинокое ложе изъ травы и брошенные старыя
наколѣнники изъ дабы⁽¹⁷⁾ свидѣтельствовали объ этомъ. Тогда я по-
нялъ, что Дерсу не простой человѣкъ. Передо мной былъ слѣдопытъ, и
невольно мнѣ вспомнились герои Купера и Майнъ Рида.

Надо было покормить лошадей. Я рѣшилъ воспользоваться этимъ,
легъ въ тѣни кедра и тотчасъ же уснулъ. Часа черезъ два меня разбу-
дилъ Олентьевъ. Проснувшись, я увидѣлъ, что Дерсу накололъ дровъ,
собралъ бересту и все это сложилъ въ балаганъ. Я думалъ, что онъ хо-
четъ его спалить и началъ отговаривать отъ этой затѣи. Но вмѣсто от-
вѣта онъ попросилъ у меня щепотку соли и горсть рису. Меня заинте-
ресовало, что онъ хочетъ съ ними дѣлать, и я приказалъ дать просимое.
Гольдъ тщательно обернулъ берестой спички, отдѣльно въ бересту за-
вернулъ соль и рисъ и повѣсилъ все это въ балаганѣ. Затѣмъ онъ попра-
вилъ снаружи корье и сталъ собираться.

Вѣроятно, ты думаешь вернуться сюда, спросилъ я гольда. Онъ от-
рицательно покачалъ головою. Тогда я спросилъ его, для кого онъ оста-
вилъ рисъ, соль и спички.

Какой—какой другой люди ходи, отвѣчалъ Дерсу, балаганъ найди.
сухія дрова найди, спички найди, кушай найди—пропади нѣту.

Помню, меня глубоко поразило это. Я задумался.. Гольдъ заботил-
ся о неизвѣстномъ ему человѣкѣ, котораго онъ никогда не увидитъ и ко-
торый тоже не узнаетъ, кто приготовилъ ему дрова и продовольствіе. Я
вспомнилъ, что мои люди, уходя съ бивановъ, всегда жгли корье на ко-
страхъ. Дѣлали они это не изъ за озорства, а такъ просто ради забавы, и
я никогда ихъ не останавливалъ. Этотъ динаръ былъ гораздо человѣко-
любивѣе, чѣмъ я. Что же такое культура? Не путаемъ ли мы тутъ два
понятія: матеріальная культура и культура духовная?... Забота о пут-
никѣ!... Отчего же у людей, живущихъ въ городахъ, это хорошее чув-
ство, это вниманіе къ чужимъ интересамъ заглохло, а оно несомнѣнно
было ранѣе.

Ваше Благородіе! лошади готовы. Надо бы идти, сказалъ подошед-
шій ко мнѣ Олентьевъ.

Я очнулся.—Да, и надо идти..

Трогай! сказалъ я стрѣлнамъ и пошелъ впередъ по тропинкѣ.

(17) Весьма прочная синяя матерія, изъ которой китайцы шьютъ себѣ одежду.

Къ вечеру мы дошли до того мѣста, гдѣ двѣ рѣчки слигаются вмѣстѣ, откуда собственно и начинается Лефу¹⁸⁾. Здѣсь она шириною 3—4 сажени и имѣеть быструю теченія 60—70 саж. въ минуту. Глубина рѣчки неравномѣрная и колеблется отъ 1 до 2 футъ.

Послѣ ужина я рано легъ спать и тотчасъ уснулъ.

На другой день, когда я проснулся, всѣ люди были уже на ногахъ. Я тотчасъ отдалъ приказаніе сѣдлатъ лошадей и, пока стрѣлки возились съ вьюками, я успѣлъ приготовить планшетъ и пошелъ впередъ вмѣстѣ съ гольдомъ.

Отъ мѣста нашего ночлега долина стала понемногу поворачивать на западъ. Лѣвые склоны ея были крутые, правые—пологіе. Съ каждой верстой тропа становилась шире и лучше. Въ одномъ мѣстѣ лежало срубленное топоромъ дерево. Дерсу подошелъ, осмотрѣлъ его и сказалъ:

Весной рубили; два люди работали; одинъ люди высокій—его топоръ тупой, другой люди маленький—его топоръ острый.

Для этого удивительнаго человѣка не существовало тайнъ. Какъ ясновидящій, онъ зналъ все, что здѣсь происходило. Тогда я рѣшилъ быть внимательнѣе и попытаться самому разобраться въ слѣдахъ. Вскорѣ я увидѣлъ еще одинъ порубленный пень. Кругомъ валялось множество щепокъ, пропитанныхъ смолою. Я понялъ, что кто то добывалъ растопку. Ну, а дальше? А дальше я ничего не могъ придумать.

Фанза близко, сказалъ гольдъ, какъ бы въ отвѣтъ на мои размышленія.

Дѣйствительно, скоро опять стали попадаться деревья, оголенные отъ коры (я уже зналъ, что это значить), а саженьхъ въ ста отъ нихъ на самомъ берегу рѣчки среди небольшой полянки стояла звѣровая фанза. Это была небольшая постройка съ глинобитными стѣнами, крытая корьемъ. Она оказалась пустою. Это можно было заключить изъ того, что входъ въ нее былъ припертъ коломъ снаружи. Около фанзы находился маленькій огородикъ, изрытый дикими свиньями, и слѣва — небольшая деревянная кумирня, обращенная, какъ всегда, лицомъ къ югу.

Внутренняя обстановка фанзы была грубая. Желѣзный котель, вмазанный въ низенькую печь, отъ которой шли дымовые ходы, согрѣвающіе каны (нары), два, три долбленыхъ корытца, деревянный ковшъ для воды, кухонная тряпка, желѣзная ложка, метелочка для промывки котла, двѣ запыленныхъ бутылки, кое—канія брошенные тряпки, одна или двѣ снамеечки, масляная лампа и обрывки звѣровыхъ шкуръ, разбросанные по полу—составляли все ея убрaнство.

Отсюда вверхъ по Лефу шли три тропы. Одна была та, по которой мы пришли, другая вела въ горы на востокъ и третья направлялась на западъ. Эта послѣдняя была много хоженная—конная. По ней мы пошли дальше. Люди заинули лошадямъ поводья на шею и предоставили имъ самимъ выбирать дорогу. Умныя животныя шли хорошо и всячески старались не зацѣплять вьюками за деревья. Въ мѣстахъ болотистыхъ и на

18) Лѣ-фу-хе—Рѣка счастливой охоты.

наменистыхъ розсыпяхъ они не прыгали, а ступали осторожно, каждый разъ пробую почву ногою, прежде чѣмъ поставить ее какъ слѣдуетъ. Этой сноровкой отличаются именно мѣстные лошадки, привыкшія къ путешествіямъ въ тайгѣ съ выюками.

Отъ звѣровой фанзы Лефу начала понемногу загибать къ сѣверо-востоку. Пройдя еще верстъ шесть, мы подошли къ земледѣльческимъ фанзамъ, расположеннымъ на правомъ берегу рѣки у подножья высокои горы, которую китайцы называютъ Тудинза(19).

Неожиданное появленіе воинскаго отряда смутило китайцевъ. Я велѣлъ Дерсу сказать имъ, чтобы они не боялись насъ и продолжали бы свои работы.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, какъ живутъ въ тайгѣ китайцы и чѣмъ они занимаются.

Звѣровыя шкуры, растянутыя для просушки, изюбриные рога, сложенные грудой въ амбарѣ, панты, подвѣшенные для просушки мѣшечки съ медвѣжьей желчью(20), олени выпоротни(21), рысьи, куньи, собольи и бѣличьи мѣха и инструменты для ловушекъ—все это указывало на то, что мѣстные китайцы занимаются не столько земледѣліемъ, сколько охотой и звѣроловствомъ. Около фанзъ были небольшіе участки обработанной земли. Китайцы сѣяли пшеницу, чумизу и кукурузу. Они жаловались на кабановъ и говорили, что недавно цѣлыя стада ихъ спустились съ горъ въ долины и начали травить поля. Поэтому пришлось собирать овощи не успѣвшія дозрѣть, но теперь на землю осыпались желуди, и дикія свиньи удалились въ дубняки.

Солнце стояло еще высоко на небѣ, и потому я рѣшилъ подняться на гору Тудинза, чтобы оттуда осмотрѣть окрестности. Вмѣстѣ со мною пошелъ и Дерсу. Мы отправились налегкѣ и захватили съ собой только однѣ винтовки.

Гора Тудинза представляетъ изъ себя массивъ, круто падающій въ долину р. Лефу и изрѣзанный глубокими падыми съ сѣверной стороны. Пожелтѣвшая листва деревьевъ стала уже осыпаться на землю. Лѣсъ повсюду началъ свозить, и только дубняки стояли еще одѣтыми въ свой нарядъ, поблѣншій и полузасохшій.

Гора была крутая.—Раза два мы садились и отдыхали, потомъ опять лезли вверхъ.

Кругомъ вся земля была изрыта. Дерсу часто останавливался и разбиралъ слѣды. По нимъ онъ угадывалъ возрастъ животныхъ, полъ ихъ, видѣлъ слѣды хромого кабана, нашелъ мѣсто, гдѣ два кабана дрались и одинъ гонялъ другого. Съ его словъ все это я представилъ себѣ ясно. Мнѣ казалось страннымъ, какъ это раньше я не замѣчалъ слѣдовъ, а если видѣлъ ихъ, то кромѣ направленія, въ которомъ уходили животныя, они мнѣ ничего не говорили.

19) Ту-динъ-цзы — Земляная вершина.

20) Употребляется китайцами, какъ лекарство отъ трахомы.

21) Плоды стельныхъ матокъ—тоже идутъ на изготѣвленіе лекарства для недоразвившихся отъ работы.

Черезъ часъ мы достигли вершины горы, покрытой осыпями. Здѣсь мы сѣли на камни и стали осматриваться.

На востокъ высился высокій водораздѣлъ между бассейномъ Лефу и водами, текущими въ Даубихе. Другой горный хребетъ тянулся отъ востока на западъ и служилъ границею между Лефу и р. Майхе. На юго-востокъ тамъ, гдѣ оба эти хребта сходились вмѣстѣ, высилась куполообразная гора Да-Дянь-Шань.

Отсюда съ вершины Тудинзы намъ хорошо было видѣнъ весь бассейнъ верхняго теченія Лефу, слагающійся изъ трехъ рѣчекъ одинаковой величины. Двѣ изъ нихъ сливаются раньше и текутъ отъ В. С. В., третья, та, по которой мы шли, имѣла направленіе меридіональное: Истокъ каждой изъ нихъ состоятъ изъ нѣсколькихъ горныхъ ручьевъ, сливающихся въ одно мѣсто. Въ топографическомъ отношеніи горы верхняго Лефу представляютъ изъ себя плоскія возвышенности съ чрезвычайно крутыми склонами, покрытыя густымъ смѣшаннымъ дѣсомъ съ большимъ преобладаніемъ хвой.

Близъ земледѣльческихъ фанзъ р. Лефу дѣлаетъ небольшую излучину, чему причиной является отрогъ, выдвинувшійся изъ южнаго массива. Затѣмъ она склоняется къ югу и, обогнувъ гору Тудинзу, опять поворачивается къ сѣверо-востоку, каковое направленіе и сохраняетъ уже до самаго своего впаденія въ оз. Ханна. Какъ разъ противъ Тудинзы р. Лефу принимаетъ въ себя еще одинъ притокъ—р. Отрадную. По этой послѣдней идетъ вьючная тропа на р. Майхе.

Посмотри, капитанъ, сказалъ мнѣ Дерсу, указывая на противоположный склонъ пади. Что это такое?

Я взглянулъ въ указанномъ направленіи и увидѣлъ какое то темное пятно. Я думалъ, что это тѣнь отъ облака, и высказалъ Дерсу свое предположеніе. Онъ засмѣялся и указалъ на небо. Я посмотрѣлъ вверхъ. Небо было совершенно безоблачнымъ: на безпредѣльной его синевѣ не было ни одного облачка. Черезъ нѣсколько минутъ пятно измѣнило свою форму и немного передвинулось въ сторону.

Что это такое? спросилъ я гольда въ свою очередь.

Тебѣ понимай нѣту, отвѣчалъ онъ—Надо ходи посмотри.

Мы стали спускаться внизъ. Скоро я замѣтилъ, что пятно тоже двигалось намъ навстрѣчу. Минутъ черезъ десять гольдъ остановился, сѣлъ на камень и указалъ мнѣ знакомъ, чтобы я сдѣлалъ тоже.

Наша тутъ надо дождай, сказалъ онъ. Надо тихо сиди, чего-чего домай не надо, говори тоже не надо.

Мы стали ждать. Вскорѣ я опять увидѣлъ пятно. Оно возросло до большихъ размѣровъ. Теперь я могъ рассмотреть его составныя части. —Это были какія то живыя существа, постоянно передвигающіяся съ мѣста на мѣсто.

Кабаны! воскликнулъ я.

Дѣйствительно, это были динія свиньи. Ихъ было тутъ болѣе сотни. Нѣкоторыя животныя отходили въ сторону, но тотчасъ опять возвращались назадъ. Скоро можно было рассмотреть каждое животное отдѣльно.

Одинъ «люди» шибно большой, тихонько проговорилъ Дерсу.

Я не понялъ, про казото «человѣка» онъ говорилъ, и посмотрѣлъ на него недоумѣвающе.

По срединѣ стада, какъ большой бугоръ, выдѣлялась спина огромнаго кабана. Онъ превосходилъ всѣхъ своими размѣрами и, вѣроятно, имѣлъ пудовъ пятнадцать вѣсу. Стадо приближалось съ каждой минутой. Теперь ясно были слышны шумъ сухой листвы, взбиваемой сотнями ногъ, трескъ сучьевъ, рѣзкіе звуки, подаваемые самцами, хрюканье спиной и визгъ поросятъ.

Большой «люди» близко ходилъ, сказалъ Дерсу — и я опять его не понялъ.

Самый крупный кабанъ былъ въ центрѣ стада, множество животныхъ бродило по сторонамъ и нѣкоторыя отходили довольно далеко отъ табуна, такъ что, когда эти одиночныя свиньи подошли къ намъ почти вплотную, большой кабанъ былъ еще еще выстрѣла. Мы сидѣли и не шевелились. Вдругъ, одинъ изъ ближайшихъ къ намъ кабановъ поднялъ вверхъ свое рыло. Онъ что-то жевалъ. Я какъ сейчасъ помню большую голову, настороженные уши, свирѣпыя глаза, подвижную морду съ двумя носовыми отверстіями и бѣлые клыки. Животное замерло въ неподвижной позѣ, перестало ѣсть и уставилось на насъ злобными вопрошающими глазами. Наконецъ, оно поняло опасность и издало рѣзкій крикъ. Вмигъ все стадо съ шумомъ и съ фырканиемъ бросилось въ сторону. Въ это мгновеніе грянулъ выстрѣлъ. Одно изъ животныхъ грохнулось на землю. — Въ рукахъ у Дерсу дымилась винтовка. Еще нѣсколько секундъ въ лѣсу былъ слышенъ трескъ ломаемыхъ сучьевъ, затѣмъ все стихло.

Кабанъ, обитающій въ Уссурійскомъ Краѣ (*Sus leucomystax continentalis. Negring*) — видъ, близкій къ японской дикой свиньѣ — достигаетъ 18 пудовъ вѣсу и имѣетъ наибольшіе размѣры: 7 футовъ въ длину и $3\frac{1}{2}$ фута въ высоту. Общая окраска его бурая; спина и ноги черныя; поросята всегда продольно полосатые. Тѣло кабана овальное, нѣсколько сжатое съ боковъ и поддерживается четырьмя крѣпкими ногами. Шея короткая и очень сильная; голова клиновидная; морда оканчивается довольно твердымъ и подвижнымъ «пячаткомъ», при помощи котораго диная свинья копаетъ землю. Кабанъ относится къ бугорчато-зубнымъ, но кромѣ коренныхъ зубовъ самцы вооружены еще острыми клыками, которые съ возрастомъ увеличиваются, загибаются назадъ и достигаютъ длины 8 дюймовъ. Такъ какъ кабанъ любитъ тереться о стволы елей, кедровъ и пихтъ, жесткая щетина его бываетъ часто запачкана смолой. Осенью во время холодовъ онъ валяется въ грязи. Отъ этого нѣ щетинѣ его примерзаетъ вода; сосульки все увеличиваются и образуютъ иногда такой толстый слой льда, что онъ служитъ помѣхой его движеніямъ.

Область распространенія дикихъ свиней въ Уссурійскомъ Краѣ тѣсно связана съ распространеніемъ кедра, орѣха, лещины и дуба. Сѣверная граница этой области проходитъ отъ низовьевъ Хунгари, черезъ среднее теченіе Анюя, верхнее — Хора и истоки Бикина, а оттуда идетъ черезъ Сихотэ-Алинь на сѣверъ къ мысу Успенія. Одиночныя на-

баны попадаютъ и на р.р. Копи, Хади и Тумнину. Животное это чрезвычайно подвижное и сильное. Оно прекрасно видѣть, отлично слышать и имѣть хорошее обоняніе. Будучи раненъ, кабанъ становится весьма опасенъ. Бѣда неразумному охотнику, который безъ мѣръ предосторожности вздумаетъ пойти по подранку. Въ этихъ случаяхъ кабанъ ложится на свой слѣдъ, головой въ сторону преслѣдователя. Завидѣвъ человѣка — онъ съ такою стремительностью бросается на него, что послѣдній нерѣдко не успѣваетъ даже вставить прикладъ ружья въ плечо и выстрѣлить.

Кабанъ, убитый гольдомъ, оказался двухъ-годовалую свиньей. Я спросилъ старина, почему онъ не стрѣлялъ сънача.

Его старый «люди», сказалъ онъ про кабана съ клыками. Его худо кушай, мясо мало-мало пахнетъ.

Меня поразило, что Дерсу кабановъ называетъ «людьми». Я спросилъ его объ этомъ.

Его все равно люди, подтвердилъ онъ, только рубашка другой. Обмани понимай, сердись понимай, кругомъ понимай. — Все равно люди!..

Для меня стало ясно. Воззрѣнія на природу этого первобытнаго человѣка были анимистическія, и потому все окружающее онъ очеловѣчивалъ.

На горѣ мы пробыли довольно долго. Незамѣтно кончился день. У облаковъ, столпившихся на западѣ, края свѣтились танъ, точно они были изъ расплавленнаго металла. Сквозь нихъ прорывались солнечные лучи и вѣерообразно расходились по небу.

Дерсу наскоро освѣживалъ убитаго кабана, взвалилъ его къ себѣ на плечи, и мы пошли къ дому. Черезъ часъ мы были уже на бивакѣ.

Въ китайскихъ фанзахъ было тѣсно и дымно, поэтому я рѣшилъ лечь спать на открытомъ воздухѣ вмѣстѣ съ Дерсу.

Моя думай, сказалъ онъ, поглядывая на небо—ночью тепло будетъ, завтра вечеромъ—дождь!..

Я долго не могъ уснуть. Всю ночь мнѣ мерещилась кабанья морда съ раздутыми ноздрями. Ничего другого, кромѣ этихъ ноздрей, я не видѣлъ. Онѣ казались мнѣ маленькими точками. Потомъ вдругъ увеличивались въ размѣрахъ.—Это была уже не голова кабана, а гора, и ноздри—пещеры, и будто въ пещерахъ опять кабаны, съ такими же дыроватыми мордами.

Странно устроенъ человѣческой мозгъ. Изъ впечатлѣній цѣлаго дня, изъ множества разнородныхъ явленій и тысячи предметовъ, которые всюду попадаютъ на глаза, что нибудь одно, часто даже не главное, а случайное, второстепенное запоминается сильнѣе, чѣмъ все остальное. Нѣкоторыя мѣста, гдѣ у меня не было никакихъ впечатлѣній, я помню гораздо лучше, чѣмъ тѣ, гдѣ что нибудь случилось. Почему я запоминалось одно дерево, которое ничѣмъ не отличалось отъ другихъ деревьевъ, муравейникъ, пожелтѣвшій листъ, одинъ видъ мха и т. д. Я думаю, что я могъ бы вещи эти нарисовать подробно со всѣми деталями.

IV.

ПРОИСШЕСТВІЕ ВЪ КОРЕЙСКОЙ ДЕРЕВНѢ.

ПРИМѢТЫ ДЕРСУ О ПОГОДѢ. ПЕРЕСТРѢЛКА. РАВНОДУШІЕ КОРЕЙЦЕВЪ. ДЕРЕВНЯ КАЗАКЕВИЧЕВА. ЭКСКУРСІЯ НА РЪЧНЫЯ ТЕРРАСЫ. ДЕРСУ УСТРАИВАЕТСЯ НА НОЧЬ. ТРОПА ДО ДЕР. ЛЯЛИЧИ.

Утромъ я проснулся позже другихъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза—отсутствіе солнца. Все небо было въ тучахъ. Замѣтивъ, что солдаты укладываютъ вещи такъ, чтобы ихъ не промочилъ дождь, Дерсу сказалъ:

«Торопиться не надо. Наша днемъ хорошо ходи, вечеромъ—будеть дождь».

Я спросилъ его, почему онъ думаетъ, что днемъ дождя не будетъ.

«Тебѣ самъ посмотри, отвѣтилъ гольдъ. Видишь маленькія птицы туда, сюда ходи, играй, кушай. Дождь скоро—его тогда тихонько сиди, все равно спи».

Дѣйствительно, я вспомнилъ, что передъ дождемъ всегда бываетъ тихо и сумрачно, а теперь—наоборотъ: лѣсъ жилъ полной жизнью; всюду перекликались дятлы, сойки и недровки, и весело посвистывали суетливые поползны.

Распросивъ китайцевъ о дорогѣ, мы тронулись въ путь.

Послѣ горы Тудинзы долина р. Лефу сразу расширяется (отъ 1 до 3 верстъ). Отсюда начинались мѣста жилья. Часамъ къ двумъ дня мы дошли до деревни Николаевки, въ которой насчитывалось тогда 36 дворовъ. Отдохнувъ немного, я велѣлъ Олентьеву купить овса и накормить хорошенъко лошадей, а самъ вмѣстѣ съ Дерсу пошелъ впередъ. Мнѣ хотѣлось поскорѣй дойти до корейской деревни Казакевичевой и устроить своихъ людей на ночь подъ крышу.

Осеиью въ пасмурный день всегда смернается рано. Часовъ въ пять началъ накрапывать дождь. Мы прибавили шагу. Скоро дорога раздѣлилась на двое. Одна шла за рѣку, другая какъ будто бы направлялась въ горы. Мы выбрали послѣднюю. Потомъ стали попадаться еще другія дороги, пересѣкающія нашу въ разныхъ направленіяхъ. Когда мы подходили къ корейской деревнѣ, было уже совсѣмъ темно.

Въ это время солдаты дошли до перекрестка дорогъ и, не зная, куда идти, дали два выстрѣла. Опасаясь, что они могутъ заблудиться, я отвѣтилъ имъ тѣмъ же. Вдругъ въ ближайшей фанзѣ раздался крикъ, и вслѣдъ за тѣмъ изъ окна ея грянулъ выстрѣлъ, потомъ другой, третій, и черезъ нѣсколько минутъ стрѣльба поднялась по всей деревнѣ. Я ничего не могъ понять: дождь, крики, ружейная пальба!.... Что случилось, почему поднялся такой переполохъ? Вдругъ изъ-за одной фанзы показался свѣтъ. Какой то кореецъ несъ въ одной рукѣ керосиновый фанель, а въ

другой—берданку. Онъ бѣжалъ и кричалъ что то по своему. ты орсился къ нему навстрѣчу. Неровный красноватый цвѣтъ фанела прыгаль по лужамъ и освѣщаль его искаженное страхомъ лицо. Увидѣвъ насъ, кореецъ бросилъ фанель на землю, выстрѣлилъ въ упоръ въ Дерсу и убѣжалъ. Разлившійся по землѣ керосинъ вспыхнулъ и загорѣлся дымнымъ пламенемъ.

Ты не раненъ, спросилъ я Дерсу.

Нѣтъ, сказалъ онъ и сталъ подымать фанель. Я видѣлъ, что въ него стрѣляютъ, а онъ стоялъ во весь свой ростъ,—махалъ рукою и что то кричалъ корейцамъ. Услышавъ стрѣльбу, Олентьевъ рѣшилъ, что мы подверглись нападенію хунхузовъ. Оставивъ при лошадахъ двухъ коноводовъ, онъ съ остальными людьми бросился къ намъ на выручку. Наконецъ, стрѣльба изъ ближайшей къ намъ фанзы прекратилась. Тогда Дерсу вступилъ съ корейцами въ переговоры. Они ни за что не хотѣли открывать дверей. Никакія увѣщанія не помогали. Корейцы ругались и грозили возобновить пальбу изъ ружей.

Нечего дѣлать, надо было становиться бивакомъ. Мы разложили костры на берегу рѣки и начали ставить палатки. Въ сторонѣ стояла старая развалившаяся фанза, а рядомъ съ нею были сложены грузы дровъ, заготовленныхъ корейцами на зиму. Въ деревнѣ стрѣльба долго еще не прекращалась. Тѣ фанзы, что были въ сторонѣ, отстрѣливались всю ночь. Отъ чего? Корейцы и сами не знали этого. Солдаты и ругались, и смѣялись.

На другой день была назначена дневка. Я велѣлъ людямъ осмотрѣть сѣдла, просушить то, что промокло, и почистить винтовки.

Дождь пересталъ; свѣжій сѣверо-западный вѣтеръ разогналъ тучи; выглянуло солнце...

Я одѣлся и пошелъ осматривать деревню.

Казалось бы, что послѣ вчерашней перепалки корейцы должны были придти на нашъ биванъ и посмотреть людей, въ которыхъ они стрѣляли. Ничего подобнаго. Изъ сосѣдней фанзы вышло двое мужчинъ. Они были одѣты въ бѣлыя куртки съ широкими рукавами, въ бѣлыя ватныя шаровары и имѣли плетеную веревочную обувь на ногахъ. Они даже не взглянули на насъ и прошли мимо. Около другой фанзы сидѣлъ старикъ и крутилъ нитки. Когда я подошелъ къ нему, онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на меня такими глазами, въ которыхъ нельзя было прочесть ни любопытства, ни удивленія. По дорогѣ навстрѣчу намъ шла женщина, одѣтая въ бѣлую юбку и бѣлую кофту; грудь ея была открыта. Она несла на головѣ глиняный кувшинъ съ водою и шла прямою походкой, опутивъ глаза въ землю. Поровнявшись съ нами, она не посторонилась и, не поднимая глазъ, прошла мимо.—И всюду, куда я ни приходилъ, я видѣлъ то удивительное равнодушіе, которымъ такъ отличаются корейцы. «Страна утренняго спокойствія» вспомнилось мнѣ названіе, данное Корей. Это спокойствіе очень похоже на ту-пость. Казалось, здѣсь не было жизни, а были только однѣ механическія движенія.

Корейцы живут хуторами. Фанзы их разбросаны на значительном разстояніи другъ отъ друга и каждая находится въ серединѣ своихъ полей и огородовъ. Вотъ почему небольшая корейская деревня сплошь и рядомъ занимаетъ пространство въ нѣсколько квадратныхъ верстъ (22).

Возвращаясь назадъ къ биваку, я вошелъ въ одну изъ фанзъ. Тонкія стѣны ея были обмазаны глиной изнутри и снаружи. Въ фанзѣ имѣлось трое дверей съ рѣшетчатыми окнами, оклеенными бумагой. Соломенная четырехскатная крыша была покрыта сѣтью, сплетенной изъ сухой травы.

Корейскія фанзы всѣ одинаковы. Внутри ихъ имѣется глиняный канъ. Онъ занимаетъ больше, чѣмъ половину помѣщенія. Подъ каномъ проходятъ печныя трубы, согрѣвающія полы въ комнатахъ и распространяющія тепло по всему дому. Дымовые ходы выведены наружу въ большое дуллистое дерево, замѣняющее трубу. Въ одной половинѣ фанзы, гдѣ находятся каны, помѣщаются люди, въ другой съ землянымъ поломъ—куры, лошади и рогатый скотъ. Жилая половина досчатыми перегородками раздѣляется еще на отдѣльныя комнаты, устланныя чистыми циновками. Въ одной комнатѣ помѣщаются женщины съ дѣтьми, въ другихъ—мужчины и гости.

Въ фанзѣ я увидѣлъ ту самую женщину, которая переходила намъ дорогу и несла на головѣ кувшинъ съ водою. Она сидѣла на корточкахъ и деревяннымъ ковшомъ наливала въ котель воду. Дѣлала она это медленно, высоко поднимала ковшъ вверхъ и лила воду какъ то странно черезъ руку въ правую сторону. Она равнодушно взглянула на меня и молча продолжала свое дѣло. На канѣ сидѣлъ мужчина лѣтъ пятидесяти и куриль трубку. Онъ не шевельнулся и ничего не отвѣтилъ на мое привѣтствіе. Я посидѣлъ съ минуту, затѣмъ вышелъ на улицу и направился къ своимъ людямъ.

Послѣ обѣда я отправился экскурсировать по окрестностямъ. Переправившись на другую сторону рѣки, я поднялся на возвышенность. Это была древняя рѣчная терраса, высотой въ 10—12 сажени. Нижніе слои ея состоятъ изъ песчаниновъ, верхній—изъ пористой лавы. Большія пустоты въ лавѣ свидѣтельствовали о томъ, что въ моментъ изверженія она была сильно насыщена газами. Многія пустоты выполнены какимъ-то минераломъ черного и сѣро-синяго цвѣта.

Съ высоты террасы мнѣ открывался чудный видъ на долину р. Лефу. Правый берегъ, гдѣ расположилась корейская деревня, былъ низменный. Въ этихъ мѣстахъ р. Лефу принимаетъ въ себя четыре притока: Малую Лефу и Пичизу—съ лѣвой стороны и р. р. Ивановку и Лубянку—съ правой. Между устьями двухъ послѣднихъ на такой же древней рѣчной террасѣ расположилось русское село Ивановское, насчитывающее въ себѣ около 200 дворовъ (23). Дальше долина р. Лефу становится расплывчатой. Пологіе холмы, мало возвышающіеся надъ общимъ уровнемъ, покрыты дубовымъ и чернопереозовымъ рѣдколѣсьемъ.

22) Село Казадевичева основано въ 1872 году.

23) Основаніе селенія относится къ 1883 году

Часа два я бродилъ по окрестностямъ и, наконецъ, опять подошелъ къ обрыву. День склонился къ вечеру. По небу медленно ползли легкія розовыя облачка. Дальнія горы, освѣщенные послѣдними лучами заходящаго солнца, казались фіолетовыми. Оголенные отъ листы деревья приняли однотонную сѣрую окраску. Въ корейской деревнѣ по прежнему царило полное спокойствіе. Изъ длинныхъ трубъ фанзъ вились бѣлые дымки. Они быстро таяли въ прохладномъ вечернемъ воздухѣ. По дорожкамъ кое гдѣ мелькали бѣлыя фигуры корейцевъ. Внизу у самой рѣки горѣлъ огонь. Это былъ нашъ бивакъ.

Когда я возвращался назадъ, уже смерчалось. Вода въ рѣкѣ казалась черной, и на спокойной поверхности ея отражались пламя костра и мигающія на небѣ звѣзды. Оноло огня сидѣли стрѣлки; одинъ что то рассказывалъ, другіе смѣялись.

«Ужинать!» крикнулъ артельщикъ. Смѣхъ и шутки сразу прекратились.

Послѣ чая я сѣлъ у огня и сталъ записывать въ дневникъ свои наблюденія. Дерсу разбиралъ свою котомку и поправлялъ костеръ.

Мало—мало холодно, сказалъ онъ, пожимая плечами.

Иди опять въ фанзу, посоветовалъ я ему.

Не хочу, отвѣтилъ онъ, моя всегда такъ спи.

Затѣмъ онъ натянулъ позади себя нѣсколько ивовыхъ прутьевъ и обтянулъ ихъ полотнищемъ палатки, потомъ постелилъ на землю козью шкуру, сѣлъ на нее и, накинувъ себѣ на плечи кожаную куртку, закурилъ трубку. Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ легкій храпъ. Онъ спалъ. Голова его свѣсилась на грудь, руки опустились, погасшая трубка выпала изо рта и лежала на колѣняхъ.... И такъ всю жизнь, подумалъ я. Какимъ тяжелымъ трудомъ, цѣною какихъ лишений добывалъ себѣ этотъ человѣкъ средства къ жизни!? Но тотчасъ я поймалъ себя на другой мысли: если бы этотъ звѣроловъ могъ понять, что наша хваленая европейская культура основана на эксплуатаціи однихъ людей другими, онъ навѣрное не согласился бы промѣнять на нее свою свободу. Дерсу по своему былъ счастливъ.

Въ сторонѣ глухо шумѣла рѣка; гдѣ то за деревней лаяла собака; въ одной изъ дальнихъ фанзъ плакалъ ребенокъ. Я завернулся въ бурку, легъ спиной къ костру и сладко уснулъ.

На другой день чуть свѣтъ мы всѣ были уже на ногахъ. Ночью наши лошади, не найдя корма на корейскихъ пашняхъ, ушли къ горамъ на отаву. Пона ихъ разыскивали, артельщикъ приготовилъ людямъ чай и сварилъ кашу. Когда стрѣлки вернулись съ конями, я успѣлъ закончить свои работы. Въ 8 часовъ утра мы выступили въ путь.

Отъ корейскаго села Казаневичева по долинѣ р. Лефу есть двѣ дороги. Одна изъ нихъ кружная, идетъ на село Ивановское, другая малохоженная и мѣстами болотистая идетъ по лѣвому берегу рѣки. Мы выбрали послѣднюю.

Чѣмъ дальше, тѣмъ долина все болѣе и болѣе принимала характеръ луговой. По всѣмъ признакамъ видно было, что горы нечужды. Онѣ

НИЖНЕЕ ТЕЧЕНИЕ Р. ЛЕФУ.

НОЧЕВКА ОКОЛО ДЕР. ЛЯЛИЧИ. МОРЕ ТРАВЫ. ОСЕННИЙ ПЕРЕЛЕТЪ ПТИЦЪ. СТРѢЛБА ДЕРСУ. СЕЛО ХАЛКИДОНЪ. ЖИВАЯ ВОДА И ЖИВОЙ ОГОНЬ. ПЕРНАТОЕ НАСЕЛЕНИЕ БОЛОТЬ. ТЪНЕВОЙ СЕГМЕНТЬ ЗЕМЛИ. ТЯЖЕЛОЕ СОСТОЯНІЕ ПОСЛѢ СНА. ПЕРЕМѢНА ПОГОДЫ.

На другое утро я взялъ съ собой только Олентьева и стрѣлна Марченко, а остальныхъ людей отправилъ въ село Черниговку съ приказаніемъ дожидаться тамъ моего возвращенія. При содѣйствіи старосты намъ очень скоро удалось получить довольно сносную глоскодонку. За нее мы уплатили двѣнадцать рублей деньгами и двѣ бутылки водки. Весь день былъ употребленъ на оборудованіе лодки. Дерсу самъ приспосабливалъ весла, устраивалъ изъ колышковъ уключины, налаживалъ сидѣнія и готовилъ шести. Я любовался, какъ работа у него въ рукахъ спорилась и кипѣла. Онъ никогда не суетился, всѣ дѣйствія его были обдуманны, послѣдовательны и ни въ чемъ не было проволочень. Видно было, что онъ въ жизни прошелъ такую школу, которая приучила его быть энергичнымъ, дѣятельнымъ и не тратитъ времени понапраску. Случайно въ одной изъ избъ нашли готовые сухари.—А большѣ намъ ничего не надо было. Все остальное—чай, сахаръ, соль, крупу и консервы мы имѣли въ достаточномъ количествѣ. Въ тотъ же вечеръ по совѣту гольда все имущество было перенесено въ лодку, а сами мы остались ночевать на берегу. Ночь выпала вѣтренная и холодная. За недостаткомъ дровъ огня большого развести было нельзя, и потому всѣ зябли и почти не спали. Какъ я ни старался завернуться въ бурку, но холодный вѣтеръ находилъ гдѣ нибудь лазейку и знобилъ, то плечо, то бокъ, то спину. Дрова были плохія, они трещали и бросали во всѣ стороны исыры. У Дерсу прогорѣло одѣяло. Сивозъ дремоту я слышалъ, какъ онъ ругалъ полѣно, называя его по своему «худой люди».

Его постоянно такъ гори—все равно кричи, говорилъ онъ ному-то и при этомъ изобразилъ своимъ голосомъ, какъ трещать дрова. Его надо гоняй.

Послѣ этого я слышалъ всплескъ на рѣкѣ и шипѣніе головешки. Очевидно, старикъ бросилъ ее въ воду. Потомъ мнѣ удалось какъ то согрѣться, и я уснулъ.

Ночью я проснулся и увидѣлъ Дерсу, сидящаго у костра. Онъ поправлялъ огонь. Вѣтеръ раздувалъ пламя во всѣ стороны. Поверхъ бурки на мнѣ лежало одѣяло гольда. Значитъ, это онъ прикрылъ меня, вотъ почему я и согрѣлся. Солдаты тоже поверхъ шинелей были прикрыты его палаткой. Я предлагалъ Дерсу лечь на мое мѣсто, но онъ отказался.

Не надо капитанъ, сказалъ онъ. Тебѣ спи, моя буду караулить огонь. Его шибко вредный—онъ указалъ на дрова.

Чѣмъ ближе я присматривался къ этому человѣку, тѣмъ больше онъ мнѣ нравился. Съ каждымъ днемъ я открывалъ въ немъ новыя достоинства. Раньше я думалъ, что эгоизмъ особенно свойствененъ диному человѣку, а чувство гуманности, человѣколюбія и вниманія къ чужому интересу присуще только европейцамъ. Не ошибался ли я?... Подъ эти мысли я опять задремалъ и проспалъ до утра.

Когда совсѣмъ разсвѣло, Дерсу разбудилъ насъ. Онъ согрѣлъ чай и сжарилъ мясо. Послѣ завтрака я отправилъ команду съ лошадьми въ Черниговку, затѣмъ мы спустили лодку въ воду и тронудись въ путь.

Подгоняемая шестами, лодка наша хорошо шла по теченію. Версть черезъ пять мы достигли желѣзнодорожнаго моста и остановились на отдыхъ. Дерсу разсказалъ, что въ этихъ мѣстахъ онъ бывалъ еще мальчиномъ съ отцомъ. Они приходили сюда на охоту за козами. Про желѣзную дорогу онъ слышалъ отъ китайцевъ, но никогда ее раньше не видалъ.

Послѣ краткаго отдыха мы поплыли дальше. Около желѣзнодорожнаго моста горы, кончились. Я вышелъ изъ лодки и поднялся на ближайшую сопку, чтобы въ послѣдній разъ осмотрѣться во всѣ стороны. Красивая панорама развернулась передъ моими глазами. Сзади, на востокъ толпились горы; на югѣ были пологіе холмы, поросшіе листовнымъ рѣдколѣсьемъ; на сѣверѣ, насколько хваталъ глазъ, растиалось безконечное низменное пространство, покрытое травой. Сколько я ни напрягалъ зрѣніе, я не могъ увидѣть конца этой низины. Она уходила вдаль и скрывалась гдѣ то за горизонтомъ. Порой по ней пробѣгалъ вѣтеръ. Трава колыхалась и волновалась, какъ море. Кое гдѣ группами и въ одиночку росли, чахлая березки, тощія лиственницы и другія канія то деревья. Съ горы, на которой я стоялъ, рѣку Лефу далеко можно было прослѣдить по ольшанникамъ и ивнякамъ, растущимъ по ея берегамъ въ изобиліи. Вначалѣ она сохраняетъ свое сѣверо-восточное направленіе, но, не доходя сопкокъ, видѣвшихся на западѣ верстахъ въ восьми, поворачиваетъ на сѣверъ и немного склоняется къ востоку. Безчисленное множество протоковъ, слѣпыхъ рукавовъ, заводей и озерковъ окаймляютъ ее съ обѣихъ сторонъ. Низина эта казалась безжизненной и пустынной. Яркіе блестящія на солнцѣ въ разныхъ мѣстахъ лужи свидѣтельствовали о томъ, что долина р. Лефу въ дождливый періодъ года легко затопляется водою.

На всемъ этомъ пространствѣ р. Лефу принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны два притока: Р. Сандуганъ⁽²⁵⁾ и р. Хунухезу⁽²⁶⁾. Послѣдняя протекаетъ по такой же низменной и болотистой долинтъ, какъ и сама Лефу.

25) Сань-дао-ганъ—Увалъ, по которому проходитъ третья дорога за Третій увалъ на пути.

26) Ху-ни-хэ-цзи—Триязыя рѣчка.

Къ полудню мы доѣхали еще до одной возвышенности, расположенной на самомъ берегу рѣки съ лѣвой стороны. Сопка эта высотой 60—70 саж. и покрыта рѣдколѣсьемъ изъ дуба, березы, липы, клена, орѣха и акцій. Отсюда шла тропинка, вѣроятно—къ селу Вознесенскому, находящемуся западнѣе, верстахъ въ двѣнадцать.

Во вторую половину дня мы проѣхали еще столько же и встали биваномъ довольно рано.

Долгое сидѣніе въ лодкѣ наскучило, и потому всѣмъ хотѣлось выйти и размять онѣмѣвшіе члены. Меня тянуло въ поле. Олентьевъ и Марченко принялись устраивать биванъ, а мы съ Дерсу пошли на охоту. Съ перваго же шага буйныя травы охватили насъ со всѣхъ сторонъ. Онѣ были такъ высоки и такъ густы, что человекъ въ нихъ казался утонувшимъ. Внизу подъ ногами—трава, спереди и сзади—трава, съ боковъ—тоже трава и только вверху—голубое небо. Казалось, что мы шли по дну травяного моря. Это впечатлѣніе становилось еще сильнѣе, когда, взобравшись на какую нибудь кочку, я видѣлъ, какъ степь волновалась. Съ робостью и съ опаской я опять погружался въ траву и шель дальше. Въ этихъ мѣстахъ такъ-же легко заблудиться, какъ и въ лѣсу. Мы нѣсколько разъ сбивались съ дороги, но тотчасъ же спѣшили исправить свои ошибки. Найдя какую нибудь точку, я взбирался на нее и старался рассмотреть что нибудь впереди. Дерсу хваталъ полныя руками и придавливалъ ее къ землѣ. Я смотрѣлъ впереди, въ стороны, и всюду передо мной разстилалось безконечное, волнующееся, травяное море.

Главными представителями этихъ травъ будутъ: тростники (*Phragmites communis*. Trinnius.) высотой до 10 фут., вѣтникъ (*Calamagrostis villosa* Mutel)—5 фут., полынь (*Artemisia vulgaris*)—8 фут., (*Arundinella anomala*. Steudel., *Miscanthus sacchariflorus*, Нас.) и друг. Изъ древесныхъ породъ, растущихъ по берегамъ протока, можно отмѣтить кустарниковую лозу (*Salix viminalis* Lin.), осину (*Populus tremula* L.), бѣлую березу (*Betula Latifolia* Tausch.), ольху (*Alnus hirsuta* Turcz.) и проч.

Главное населеніе этихъ болотистыхъ степей—пернатое. Кто не бывалъ въ низовьяхъ р. Лefу во время перелета, тотъ не можетъ себѣ представить, что тамъ происходитъ. Тысячи тысячъ птицъ большими и малыми стаями тянулись къ югу. Нѣкоторыя шли въ обратномъ направленіи, другія—наискось въ сторону. Вереницы ихъ то подымались кверху, то опускались внизъ, и всѣ разомъ ближнія и дальнія проектировались на фонѣ неба, въ особенности,—внизу около горизонта, который вслѣдствіе этого назался какъ бы затянутымъ паутиной. Я смотрѣлъ, какъ очарованный. Выше всѣхъ были орлы. Распластавъ свои могучія крылья, они парили, описывая большіе круги. Что для нихъ разстоянія!? Нѣкоторыя изъ нихъ кружились такъ высоко, что едва были замѣтны. Ниже ихъ, но все же высоко надъ землею, летѣли гуси. Эти осторожныя птицы шли правильными косяками и, тяжело въ разбродъ махая крыльями, оглашали воздухъ своими сильными криками. Рядомъ съ ними летѣли казарки и лебеди. Внизу, ближе къ землѣ, съ шумомъ неслись торпливыя утки. Тутъ были стаи грузной кряквы, которую легко можно было узнать по

свистящему шуму, издаваемому ихъ крыльями, и совѣмъ надъ водою тысячами летѣли чирки и другія мелкія утки. Тамъ и сямъ въ воздухѣ виднѣлись канюки и пустельга. Эти представители соколовъ описывали красивые круги, подолгу остававлялись на одномъ мѣстѣ и, трепеща крыльями, зорко высматривали на землѣ добычу. Порой они отлетали въ сторону, опять описывали круги и, вдругъ, сложивъ крылья, стремглавъ бросались книзу, но едва коснувшись травы, снова быстро взмывали вверхъ. Граціозныя и подвижныя чайки и изящныя проворныя крачки своей снѣжной бѣлизной мелькали въ синевѣ лазурнаго неба. Кроншнепы летѣли легко, плавно и при полетѣ своемъ дѣлали удивительно красивые повороты. Остроклювые крохали налету посматривали по сторонамъ, точно выискивали мѣсто, гдѣ бы имъ можно было остановиться. Сивки-моряки держались болотистыхъ низинъ. Лужи стоячей воды, видимо, служили для нихъ вѣхами, по которымъ онѣ и держали направленіе. И вся эта масса птицъ неслась къ югу. Величественная картина!

Вдругъ, совершенно неожиданно откуда то взялись двѣ козули. Онѣ были отъ насъ шагахъ въ шестидесяти. Въ густой травѣ ихъ почти не было видно—мелькали только головы съ растопыренными ушами и бѣлая пятна около заднихъ ногъ. Отбѣжавъ шаговъ полтораста, козули остановились. Я выпалилъ изъ ружья—и промахнулся. Раскатыстое эхо подхватило звукъ выстрѣла и далеко разнесло его по рѣкѣ. Тысячи птицъ поднялись отъ воды и съ криками полетѣли во всѣ стороны. Испуганныя козули сорвались съ мѣста и снова пошли большими прыжками. Тогда прицѣлился Дерсу. И въ тотъ моментъ, когда голова одной изъ нихъ показалась надъ травою, онъ спустилъ курокъ. Когда дымъ разсѣялся, животныхъ уже не было видно. Гольдъ снова зарядилъ свою винтовку и не торопясь пошелъ впередъ. Я молча последовалъ за нимъ. Дерсу оглядѣлся, потомъ повернулся назадъ, пошелъ въ сторону и опять вернулся обратно. Видно было, что онъ что то искалъ.

Кого ты ищешь?—спросилъ я его.

Козулю,—отвѣчалъ онъ.

Да вѣдь она ушла...

Нѣтъ, сказалъ онъ увѣренно.—Моя въ голову его попадн.

Я принялся тоже искать убитое животное, хотя и не совѣмъ вѣрилъ гольду. Мнѣ казалось, что онъ ошибся. Минуть черезъ десять мы нашли козулю. Голова ея оказалась дѣйствительно прострѣленной. Дерсу взвалилъ ее себѣ на плечи и тихонько пошелъ обратно. На бивуакъ мы возвратились уже въ сумерки.

Вечерняя заря еще пыталась было бороться съ надвигающейся тьмою, но не могла ее осилить, уступила и ушла за горизонтъ. Тотчасъ на небѣ замигали звѣзды, словно и онѣ обрадовались тому, что наконецъ-то солнце дало имъ свободу. Около протоки темнѣла какая то роща. Деревьевъ теперь разобрать было нельзя; они всѣ стали похожи другъ на друга. Сквозь нихъ виднѣлся свѣтъ нашего костра. Вечеръ былъ тихій и прохладный. Слышно было, какъ гдѣ то неподалену отъ насъ съ шумомъ опустилась въ воду стая утокъ. По полету можно было узнать, что это были чирки.

Послѣ ужина Дерсу и Олентьевъ принялись свѣжевать козулю, а я занялся своей работой. Покончивъ съ дневникомъ, я легъ, но долго не могъ уснуть. Едва я закрывалъ глаза, манъ передо мною тотчасъ появлялась качающаяся паутина: это было волнующееся травяное море и безчисленные стаи гусей и утокъ. Наконецъ, подъ утро я уснулъ.

На слѣдующій день мы встали довольно рано, наскоро напились чаю, уложили свои пожитки въ лодку и поплыли по Лефу. Чѣмъ даьше, тѣмъ извилистѣе становилась рѣка. Кривуны ея (такъ мѣстные жители называютъ извилины) описываютъ почти полную окружности и вдругъ поворачиваются назадъ, опять загибаются и нѣтъ мѣста, гдѣ бы рѣка хотъ бы немного текла прямо.

Въ нижнемъ теченіи Лефу принимаетъ въ себя съ правой стороны два небольшихъ притона: Монастырку и Черниговку. Множество протонъ и длинныхъ слѣпыхъ рукавовъ идутъ перпендикулярно къ рѣкѣ, наискось и параллельно ей и образуютъ весьма сложную водную систему. Верстъ на восемь ниже Монастырки горы подходятъ къ Лефу и оканчиваются здѣсь безымянною сопкой въ 147 саж. высоты. У подножья ея расположена деревня Халкидонъ. Это было послѣднее русское селеніе. Дальше къ сѣверу до самаго озера Ханна нигдѣ жилыхъ мѣстъ нѣтъ.

Взятые съ собой запасы продовольствія подходили къ концу. Надо было ихъ пополнить. Мы вытащили лодку на берегъ и пошли въ деревню. По серединѣ ея проходила широкая улица; дома стояли далеко другъ отъ друга. Почти всѣ крестьяне были старожилами и имѣли стодесятинный надѣлъ. Я вошелъ въ первую попавшуюся мнѣ избу. Нельзя сказать, чтобы на дворѣ было чисто, нельзя сказать, чтобы чисто было и въ домѣ. Мусор, разбросанныя вещи, покачнувшійся заборъ, сорванная съ петель дверь, почернѣвшій отъ времени и грязи рукомойникъ,—свидѣтельствовали о томъ, что обитатели этого дома не особенно любятъ порядокъ. Когда мы зашли на дворъ, навстрѣчу намъ вышла женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Она испуганно посторонилась и робко отвѣтила на мое привѣтствіе.

Я невольно обратилъ вниманіе на окна. Они были съ двойными рамами въ четыре стекла. Пространство же между ними почти до половины нижнихъ стеколъ было заполнено чѣмъ-то сѣровато-желтоватымъ. Сначала я думалъ, что это опилки, и спросилъ хозяйку, зачѣмъ она туда ихъ насыпала.

Какіе это опилки, сказала женщина, это комары.

Я подошелъ поближе. Дѣйствительно, это были сухіе комары. Ихъ тутъ было, по крайней мѣрѣ, три или четыре фунта.

Мы только и спасаемся отъ нихъ двумя рамами въ окнахъ, продолжала она. Они залѣзаютъ между стеною и тамъ пропадаютъ. А въ избѣ мы раскладываемъ дымокуры и спимъ въ комарникахъ.

А вы бы выжигали траву въ болотахъ, сказалъ ей стрѣлокъ Марченко.

Мы выжигали, да ничего не помогаетъ. Комары то изъ воды выходятъ. Что имъ огонь! Лѣтомъ трава сырая, не горитъ,

Въ то время подошелъ Олентьевъ и сообщилъ, что хлѣбъ купленъ. Сбоядя всю деревню, мы вернулись къ лодкѣ. Тамъ временемъ Дерсу изжарилъ на огнѣ мясо и согрѣлъ чай. На берегъ за нами прибѣжали деревенскіе ребятишки. Они стояли въ сторонѣ и поглядывали на насъ съ любопытствомъ.

Черезъ полчаса мы тронулись дальше. Я оглянулся назадъ. Ребятишки толпились на берегу и провожали насъ глазами. Рѣка сдѣлала поворотъ, и деревня скрылась изъ виду.

Трудно прослѣдить русло р. Лефу въ лабиринтъ его протоковъ. Ширина рѣки здѣсь колеблется отъ 8 до 40 саж. При этомъ она отдѣляется отъ себя въ сторону большіе слѣпые рунава, отъ которыхъ идутъ длинныя, узкіе и глубокіе каналы, сообщающіеся съ озерами и болотами или съ такими рѣчками, которыя впадаютъ въ Лефу значительно ниже. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ оз. Ханка, теченіе Лефу становилось медленнѣе. Шесты, которыми стрѣлки проталкивали лодки впередъ, упираясь въ дно рѣки, часто завязали и настольно крѣпко, что вырывались изъ рукъ. Глубина Лефу въ этихъ мѣстахъ весьма не ровная. То лодка наша натыналась на мели, то проходила по глубокимъ мѣстамъ, такъ, что безъ малаго весь шесть погружался въ воду.

Почва около береговъ болѣе или менѣе твердая, но стоитъ только стоять немного въ сторону, какъ сразу попадешь въ болото. Среди зарослей скрываются длинныя озера. Эти озера и кусты ивняковъ и ольшаниковъ, растущіе рядами, свидѣтельствуютъ о томъ, что рѣка Лефу раньше текла иначе и нѣсколько разъ мѣняла свое русло. Къ вечеру мы немного не дошли до р. Черниговки и стали бивакомъ на узкомъ гершейнѣ между нею и небольшою протокой.

Сегодня былъ особенно сильный перелетъ. Олентьевъ убилъ нѣсколько утокъ, которыя и составили намъ превосходный ужинъ. Когда стемнѣло, всѣ птицы прекратили свой летъ. Кругомъ сразу воцарилась тишина. Можно было подумать, что степи эти совершенно безжизненны, а между тѣмъ не было ни одного озера, ни одной заводи, ни одной протоки, гдѣ не ночевали бы стада лебедей, гусей, крохалей, утокъ и другой водяной птицы.

Вечеромъ Марченно и Олентьевъ улеглись спать раньше насъ, а мы съ Дерсу, по обыкновенію, сидѣли и разговаривали. Забытый на огнѣ чайникъ настойчиво напоминалъ о себѣ шипѣніемъ. Дерсу отставилъ его немного, но чайникъ продолжалъ гудѣть. Дерсу отставилъ его еще дальше. Тогда чайникъ запѣлъ тоненькимъ голоскомъ.

Какъ его кричи, сказалъ Дерсу. Худой люди! Онъ вскочилъ и вылилъ горячую воду на землю.

Какъ «люди», спросилъ я его въ недоумѣніи.

Вода, отвѣчалъ онъ просто. Его могу кричи, могу плакать, могу тоже играть.

Долго мнѣ говорилъ этотъ первобытный человѣкъ о своемъ міровоззрѣніи. Онъ видѣлъ живую силу въ водѣ, видѣлъ ея тихое теченіе и слышалъ ея ревъ во время наводненій.

Посмотри, сказалъ Дерсу, указывая на огонь. Его тоже все равно люди.

Я взглянулъ на костеръ. Дрова искрились и трещали. Огонь вспыхивалъ то длинными, то короткими языками, то становился яркимъ, то тусилымъ; изъ угольевъ слагались замки, гроты, потомъ все это разрушалось и созидалось вновь. Дерсу умолялъ, а я долго еще сидѣлъ и смотрѣлъ на «живой огонь».

Въ рѣкѣ шумно всплеснула рыба. Я вздрогнулъ и посмотрѣлъ на Дерсу. Онъ сидѣлъ и дремалъ. Въ степи по прежнему было тихо. Звѣзды на небѣ показывали полночь. Подбросивъ дровъ въ костеръ, я разбудилъ гольда, и мы оба стали укладываться на ночь.

На слѣдующій день мы всѣ проснулись очень рано. Вышло это какъ-то случайно, само собою.

Какъ только начала заниматься заря, пернатое царство поднялось на воздухъ и съ шумомъ и съ гамомъ снова понеслось къ югу. Первыми снялись гуси, за ними пошли лебеди, потомъ утки и уже послѣдними тронулись остальные перелетныя птицы. Сначала онѣ низко летѣли надъ землею, но по мѣрѣ того, какъ становилось свѣтлѣе, поднимались все выше и выше.

До восхода солнца мы успѣли оплыть отъ бивана верстъ восемь и дошли до горы Чайдынза(27), покрытой ильмомъ и осиною. У подножья ея протекаетъ небольшая рѣчка Сяохеза(28). Здѣсь долина рѣки Лефу становится шириной болѣе сорока верстъ. Съ лѣвой стороны ея на огромномъ протяженіи тянутся сплошныя болота. Лефу разбивается на множество рунавовъ, которые имѣютъ десятки верстъ длины. Рунава разбиваются на протоки и въ свою очередь даютъ отвлѣтленія. Эти протоки тянутся широкою полосою по обѣ стороны рѣки и образуютъ такой лабиринтъ, въ которомъ очень легко заблудиться, если не держаться главного русла и польститься на какой нибудь рунавъ въ надеждѣ сократить разстояніе. Кромѣ упомянутой Сяохезы въ Лефу впадаютъ еще двѣ рѣчки: Люганна—съ правой стороны и Сузгу(29)—съ лѣвой. Дальше до самаго озера Ханна никакихъ притоковъ нѣтъ.

Мы плыли по главному руслу и только въ случаѣ крайней нужды сворачивали въ сторону съ тѣмъ, чтобы при первой же возможности выйти на рѣку снова. Протоки эти, заросшіе лозой и камышами, совершенно скрывали нашу лодку. Мы плыли тихо и нерѣдко подходили къ птицамъ ближе, чѣмъ на ружейный выстрѣлъ. Иногда мы задерживались нарочно и подолгу разсматривали ихъ.

Прежде всего я замѣтилъ бѣлую цаплю съ черными ногами и желто-зеленымъ клювомъ. Она чинно расхаживала оокло берега, покачивала въ тактъ головою и внимательно разсматривала дно рѣки. Замѣтивъ лодку, птица подпрыгнула два раза, грузно поднялась на воздухъ и, отлетѣвъ немного, снова опустилась на сосѣдней протоцѣ. Потомъ мы увидѣли

27) Чай-динъ цзы — Вершина, гдѣ есть дрова.

28) Сяохъ-цзы — Маленькая рѣчка.

29) Сю-цзыгу — Долина семьи Сю.

выпь. Сѣровато-желтая окраска перьевъ, грязно-желтый клювъ, желтые глаза и такіе же желтые ноги, дѣлають ее удивительно непривлекательной. Эта угрюмая птица ходила сгорбившись по песку и все время преслѣдовала подвижного и хлопотливаго кулина-сорочку. Куликъ отлеталъ немного и, какъ только садился на землю, выпь тотчасъ же направлялась туда шагомъ и, когда подходила близко, бросалась бѣгомъ и старалась ударить его своимъ острымъ клювомъ. Замѣтивъ лодку, выпь заби-лась въ траву, вытянула шею и, поднявъ голову вверхъ, замерла на мѣ-стѣ. Когда лодка проходила мимо, Марченко выстрѣлилъ въ нее, но не попалъ, хотя пуля прошла такъ близко, что задѣла рядомъ съ ней нѣ-мышины. Выпь не шелохнулась.—Дерсу разсмѣялся.

Его шибко хитрый люди. Постоянно такъ обмани, сказалъ онъ.

Дѣйствительно, теперь выпь нельзя уже было замѣтить. Окраска ея оперенья и поднятый вверхъ клювъ совершенно затерялись въ травѣ.

Дальше мы увидѣли опять новую картину. Низко надъ водой около берега на вѣткѣ лозняка уединенно сидѣлъ зимородокъ. Эта маленькая птичка съ большою головою и съ большимъ клювомъ, казалось, дремала. Вдругъ она ринулась въ воду, нырнула и снова явилась на поверхно-сти, держа въ клювѣ маленькую рыбку. Проглотивъ добычу, зимородокъ сѣлъ на вѣтку и опять погрузился въ дремоту, но, услышавъ шумъ гриближающей лодки, съ крикомъ понесся вдоль рѣки. Яркой синевой мелькнуло его оперенье. Отлетѣвъ немного, онъ опять усѣлся на кустъ, потомъ отлетѣлъ еще дальше и, наконецъ, совсѣмъ скрылся за пово-ротомъ.

Раза два мы встрѣчали болотныхъ нурочекъ-лысухъ. Эти черныя, ныряющія птички съ большими ногами легко и свободно ходили по листьямъ водяныхъ растений, но въ воздухѣ казались безпомощными. Видно было, что это не ихъ родная стихія. При полетѣ онѣ какъ-то стран-но болтали ногами. Создавалось впечатлѣніе, будто онѣ недавно вышли изъ гнѣзда и еще не научились летать, какъ слѣдуетъ.

Кое-гдѣ въ стоячихъ водахъ держались поганки, съ торчащими въ сторону ушами и съ воротничками изъ цвѣтныхъ перьевъ. Онѣ не уле-тали, а спѣшили спрятаться въ травѣ или нырнуть въ воду.

Погода намъ благопріятствовала. Былъ одинъ изъ тѣхъ теплыхъ осеннихъ дней, которые такъ часто бываютъ въ Южно-Уссурійскомъ Краѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Небо было совершенно безоблачное, ясное; легкій вѣтерокъ тянулъ съ запада. Погода такая бываетъ часто обманчи-ва, и нерѣдко послѣ нея начинаютъ дуть холодные сѣверо-западные вѣтры и, чѣмъ дольше стоитъ такая тишь, тѣмъ рѣзче будетъ переменна.

Часовъ въ одиннадцать утра мы сдѣлали большой привалъ около рѣки Люганки. Послѣ обѣда люди легли отдыхать, а я пошелъ побродить по берегу. Куда я ни обращалъ свой взоръ, я всюду видѣлъ только траву и болото. Далеко на западѣ чуть-чуть виднѣлись туманныя горы. По без-лѣснымъ равнинамъ кое-гдѣ, какъ оазисы, темнѣли пятна мелкой ку-старниковой поросли.

Пробираясь къ нимъ, я спугнулъ большую болотную сову. Эта «ноч-ная птица открытыхъ пространствъ» днемъ всегда прлчется въ травѣ,

Она испуганно шарахнулась въ сторону отъ меня и, отлетѣвъ немного, опять опустилась въ болото. Около кустовъ я сѣлъ отдохнуть и, вдругъ, услышалъ слабый шорохъ. Я вздрогнулъ и оглянулся. Но страхъ мой оказался напраснымъ. Это были камышевки. Онѣ порхали по тростникамъ, поминутно подергивая хвостинкомъ. Затѣмъ я увидѣлъ двухъ крапивниковъ. Миловидныя, рыжевато-пестрыя, птички эти все время прятались въ заросляхъ, потомъ высканивали вдругъ гдѣ нибудь съ другой стороны и скрывались снова подъ сухою травою. Вмѣстѣ съ ними была одна камышевка-овсянка. Она все время лазила по тростникамъ, нагибала голову въ сторону и вопрошающе на меня поглядывала. Я видѣлъ здѣсь еще много другихъ мелкихъ птицъ, названія которыхъ мнѣ были неизвѣстны.

Черезъ часъ я вернулся къ «своимъ». Марченко уже согрѣлъ чай и ожидалъ моего возвращенія. Утоливъ жажду, мы сѣли въ лодку и поплыли дальше. Желая пополнить свой дневникъ, я спросилъ Дерсу, слѣды какихъ животныхъ онъ видѣлъ въ долинѣ Лефу съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ горъ, и начались болота. Онъ отвѣчалъ, что въ этихъ мѣстахъ держатся козули, енотовидныя собачки, барсуки, волки, лисицы, зайцы, хорьки, выдры, водяныя крысы, мыши и землеройки.

Во вторую половину дня мы прошли еще верстъ двѣнадцать и стали биваномъ на одномъ изъ многочисленныхъ острововъ.

Сегодня мы имѣли случай наблюдать на востокѣ тѣневой сегментъ земли. Вечерняя заря переливалась особенно яркими красками. Сначала она была блѣдная, потомъ стала изумрудно-зеленою, и по этому зеленому фону, какъ расходящіяся столбы, поднялись изъ за горизонта два свѣтло желтыхъ луча. Черезъ нѣсколько минутъ лучи пропали. Зеленый свѣтъ зари сдѣлался оранжевымъ и потомъ—краснымъ. Самое послѣднее явленіе заключалось въ томъ, что багово красный горизонтъ сталъ темнымъ, словно отъ дыма. Одновременно съ закатомъ солнца на востокѣ появился тѣневой сегментъ земли. Однимъ концомъ онъ касался сѣвернаго горизонта, другимъ—южнаго. Внѣшній край этой тѣни былъ пурпуровый, и, чѣмъ ниже спускалось солнце, тѣмъ выше поднимался тѣневой сегментъ. Скоро пурпуровая полоса слилась съ красною зарею на западѣ, и тогда наступила темная ночь.

Я смотрѣлъ и восторгался, но въ это время услышалъ, что Дерсу бѣрчить.

Покимай нѣту!

Я догадался, что это замѣчаніе относилось ко мнѣ и спросилъ его, въ чемъ дѣло.

Это худо, сказалъ онъ, указывая на небо. Моя думай будетъ большай вѣтеръ.

Вечеромъ мы недолго сидѣли у огня. Утромъ мы встали рано, за день утомились и поэтому, какъ только поужинали, тотчасъ же легли спать. Предразсвѣтный нашъ сонъ былъ какой то тяжелый. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась истома и слабость, движенія были вялыя. Такъ какъ это состояніе ощущалось всеми одинаково, то я испугался, думая, что мы заболѣли лихорадкой или чѣмъ нибудь отравились, но Дерсу успо-

воилъ меня, сказавъ, что это всегда бываетъ при переѣнѣ погоды. Не хотя мы поѣхали и нехотя поплыли дальше. Погода была теплая; вѣтру не было совершенно; камыши стояли неподвижно и какъ будто дремали. Дальнія горы, видѣнные дотолъ ясно, теперь совсѣмъ утонули въ мглѣ. По блѣдному небу протянулись тонкія растянутыя облачка, и около солнца появились вѣнцы. Я замѣтилъ, что кругомъ уже не было такой жизни, какъ наканунѣ. Куда то исчезли и гуси, и утки, и всѣ мелкія птицы. Только на небѣ парили орланы. Вѣроятно, они находились внѣ тѣхъ атмосферныхъ измѣненій, которыя вызвали среди всѣхъ животныхъ на землѣ общую апатію и сонливость.

Ничего! говорилъ Дерсу. Моя думай половина солнца кончай, другой вѣтеръ найди есть.

Я спросилъ его, отчего птицы перестали летѣть, и онъ прочелъ мнѣ длинную лекцію о перелетѣ.

По его словамъ, птицы любятъ двигаться противъ вѣтра. При полномъ штилѣ и во время теплой погоды онѣ сидятъ на болотахъ. Если вѣтеръ дуетъ имъ вслѣдъ, онѣ зябнутъ, потому что холодный воздухъ проникаетъ подъ перья. Тогда птицы прычутся въ травѣ. Только неожиданное выпаденіе снѣговъ можетъ принудить пернатыхъ летѣть дальше, не взирая на вѣтеръ и стужу.

Чѣмъ ближе мы подвигались къ озеру Ханка, тѣмъ болотистѣе становилась равнина. Деревья по берегамъ протонъ исчезли и ихъ мѣсто заняли рѣдкіе тощіе кустарники. Замедленіе теченія въ рѣкѣ тотчасъ сказалось на растительности. Появились лиліи, кувшинки, курослѣпъ, водяной орѣхъ и т. п. Иногда заросли травы были такъ густы, что лодка не могла пройти сквозь нихъ, и мы вынуждены были дѣлать большіе обходы. Въ одномъ мѣстѣ мы заблудились и попали въ какой то тупикъ. Оленьевъ хотѣлъ было выйти изъ лодки, но едва вступилъ на берегъ, какъ провалился и увязъ по колѣно. Тогда мы повернули назадъ, вошли въ какое то озеро и тамъ случайно нашли свою протоку. Лабиринтъ, заросшій травой, остался теперь назади, и мы могли радоваться, что отдѣлались такъ дешево. Съ наждымъ днемъ ориентировка становилась все труднѣе.

Раньше по деревьямъ можно было далеко прослѣдить рѣку, теперь же нигдѣ не было даже кустовъ, вслѣдствіе этого на нѣсколько саженой впередъ нельзя было сказать, куда свернетъ протока, влѣво или вправо.

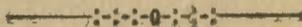
Предсказаніе Дерсу сбылось. Въ полдень началъ дуть вѣтеръ съ юга. Онъ постепенно усиливался и въ то же время мѣнялъ направле-
н^е къ западу. Гуси и утки снова поднялись на воздухъ и полетѣли низки^е надъ землею.

Въ одномъ мѣстѣ было много плавниковаго лѣса, принесеннаго сюда во время наводненій. На р. Лефу этимъ пренебрегать нельзя, иначе рискуешь заночевать безъ дровъ. Черезъ нѣсколько минутъ стрѣлки разгружали лодку, а Дерсу раскладывалъ огонь и ставилъ палатку.

До оз. Ханка оставалось немного. Я зналъ, что рѣка здѣсь отклоняется къ сѣверо-востоку и впадаетъ въ восточный уголъ залива Лебяжьего, названнаго такъ потому, что во время перелетовъ, здѣсь всегда дер-

жится много лебедей. Этотъ заливъ длиною отъ 5 до 7 верстъ и шириною около версты. Онъ очень мелководенъ и соединяется съ озеромъ узкою протокой. Такимъ образомъ для того, чтобы достигнуть Ханна на лодкѣ, нужно пройти было еще верстъ пятнадцать, а напрямикъ цѣлиною—не болѣе двухъ съ половиной или трехъ верстъ. Было рѣшено, что завтра мы, вмѣстѣ съ Дерсу, пойдёмъ пѣшкомъ и къ сумеркамъ вернемся назадъ. Олентевъ и Марченко должны были остаться на бивакѣ и ждать нашего возвращенія.

Вечеромъ у всѣхъ было много свободнаго времени. Мы сидѣли у костра, пили чай и разговаривали между собою. Сухія дрова горѣли яркимъ пламенемъ. Камыши качались и шумѣли и отъ этого шума вѣтеръ казался сильнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. На небѣ лежала мгла и сквозь нее чуть—чуть виднѣлись только крупныя звѣзды. Съ озера до насъ доносился шумъ прибоя. Къ утру небо покрылось слоистыми облаками. Теперь вѣтеръ дулъ съ сѣверо-запада. Погода немного ухудшилась, но не настолько, чтобы помѣшать нашей экскурси.

VI.

ПУРГА НА ОЗЕРЪ ХАНКА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ ОБЪ ОЗЕРЪ ХАНКА.
ТОРОПЛИВЫЙ ПЕРЕЛЕТЪ ПТИЦЪ. ЗАБЛУДИЛИСЬ. ПУРГА. ШАЛАШЪ
ИЗЪ ТРАВЫ. ВОЗВРАЩЕНІЕ НА БИВАКЪ.

Озеро Ханна (по гольдски Кенна) имѣеть нѣсколько яйцевидную форму. Оно расположено (между 44 гр. 36 мин. и 45 гр. 2 мин. с. ш.)³⁰⁾ такимъ образомъ, что закругленный овалъ его находится на сѣверѣ, а острый конецъ—на югѣ. Съ боковъ этотъ овалъ немного сжатъ. Наибольшяя ширина озера равна шестидесяти верстамъ, наименьшая—тридцати. Въ окружности оно около 250 верстъ и в длину—восемьдесятъ. Это даетъ площадь въ 2300 кв. верстъ.

На сѣверѣ Ханна имѣеть еще одинъ придатокъ—оз. Малое Ханна (по китайски Сю-Ху и по гольдски—Дабуку). Оно длиною въ пятнадцать, шириною въ двѣ съ половиной версты и отдѣлено отъ большого озера только песчаною носомъ, по которой въ прежнее время пролегалъ путь изъ Маньчжуріи въ Уссурійскій Край. Верхняя часть озера Ханна (приблизительно—четвертая) принадлежитъ Китаю. Граница между обоими государствами проходитъ здѣсь по прямой линіи отъ устья рѣки Туръ (по китайски Бай-минъ-хе)⁽³⁰⁾ къ р. Сунгачъ (по китайски Сунъ-ачанъ)⁽³¹⁾, берущей начало изъ озера Ханна въ точкѣ, имѣющей слѣдующія географическія координаты: 45 гр. 27 м. с. ш. и 150 гр. 10 мин. в. д. отъ Ферро на высотѣ 43 саж. надъ уровнемъ моря.

При Ляосской династіи оз. Ханна называлось Бэй-Цинъ-Хай, а въ настоящее время—Хинна, Хиннай и Синнай-ху, что значитъ «Озеро процвѣтанія и благоденствія». Надо полагать, что названіе оз. Ханна произошло отъ другого слова, именно отъ слова Ханхай, что значитъ «впадина». Этими именемъ китайцы называютъ всякое пониженное мѣсто, будетъ ли это сухая или наполненная водою котловина. Такъ они называютъ напримѣръ западную часть пустыни Такла-Маканъ. Озеро Ханна съ окрестными болотами дѣйствительно представляетъ изъ себя впадину и потому названіе Ханхай вполне ему соответствуетъ. Впослѣдствіи русскіе передѣляли это слово в Ханна, а мѣстные крестьяне в искаженіи пошли еще дальше—они говорятъ Ханънанъ.

Сплошныя топи и болота на сѣверѣ, западѣ и къ югу отъ озера свѣдѣтельствуютъ о томъ, что раньше оно было значительно больше. Устье

30) Бай-минъ хе — Рѣчка ста именъ т. е. Рѣка, на которой живутъ многіе: Китайская Рѣка (60-минъ, бай-минъ—китайцы, весь народъ).

31) Архимандритъ Палагій, Извѣстія Рус. Географ. Общ. 1871 г. Т. VI стр. 91 «Сунгча-Ачанъ» — Вѣроятно названіе маньчжурское, означающее «Пять связей», пять сходящихся дучей, пять отроговъ и т. д.

р. Лефу было гдѣ нибудь около Халкидона, а можетъ быть—и еще южнѣе. Р. Сунгачи⁽³²⁾, вѣроятно, тоже не существовала и Ханна соединялось непосредственно съ Уссури протокой. Въ настоящее время озеро Ханна выше уровня моря не болѣе, какъ на 25 саж. Средняя высота хребта, отдѣляющаго Суйфунскій⁽³³⁾ бассейнъ отъ озера, равняется 90 саженьямъ. Этимъ объясняется обиліе болотъ и топей по долинамъ рѣкъ внутренняго бассейна. Самый древній берегъ оз. Ханна—западный. Здѣсь въ обнаженіяхъ видна глина третичной формаціи. Самыми старыми поселками на озерѣ будутъ: Турій Рогъ и Камень-Рыболовъ. Послѣдній у китайцевъ назывался Хонту-Найза. Ханна, какъ и всѣ озера, черезъ которыя проходитъ рѣка, находится въ періодѣ обмеленія. Наибольшая глубина его равна пяти саженьямъ. Этотъ медленный процессъ заполнения озера пескомъ и иломъ продолжается и теперь. Вслѣдствіе мелководья оно очень бурное. Небольшое волненіе уже достигаетъ дна, поэтому прибой создается не только у береговъ, но и посрединѣ.

Сдѣлавъ нужныя распоряженія, мы съ Дерсу отправились въ путь. Мы полагали, что нѣ вечеру возвратимся назадъ и потому пошли налегкѣ, оставивъ все лишнее на бивакѣ. На всякій случай подъ тужурку я одѣлъ фуфайку, а Дерсу захватилъ съ собой полотнище палатки и двѣ пары мѣховыхъ чулокъ.

По дорогѣ онъ часто посматривалъ на небо, что то говорилъ самъ съ собою и затѣмъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ.

Какъ, капитанъ, наша скоро назадъ ходи, или нѣтъ? Моя думай ночью будетъ худо.

Я отвѣтилъ ему, что до Ханна недалеко и что задерживаться мы тамъ не будемъ.

Дерсу былъ сговорчивъ. Его всегда можно было легко уговорить. Онъ считалъ своимъ долгомъ предупредить объ угрожающей опасности, и если видѣлъ, что его не слушаютъ, покорялся, шелъ молча и никогда не спорилъ.

Хорошо, капитанъ, сказалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ. Тебѣ самъ посмотри, а моя, «нанъ ладно, такъ и ладно». Послѣдняя фраза была обычной формой выраженія имъ своего согласія.

Итти можно было только по берегамъ протоковъ и озерковъ; гдѣ почва была немного суше. Мы направились лѣвымъ берегомъ той протоки, около которой былъ расположенъ нашъ бивакъ. Она долгое время шла въ желательномъ для насъ направленіи, но потомъ, вдругъ, круто повернула назадъ. Мы оставили ее и, перейдя черезъ болотце, вышли къ другой, узкой, но очень глубокой протокѣ. Перепрыгнувъ черезъ нее, мы снова пошли намышами. Затѣмъ, я помню, что еще другая протока появилась у насъ слѣва—мы направились по правому ея берегу. Замѣтивъ, что она загибается къ югу, мы бросили ее и нѣкоторое время шли цѣльною, обходя лужи стоя-

32) А. Мичи. Путешествіе по Восточной Сибири 1868 г. стр. 339 Авторъ р. Сунгачу называетъ Вунгачанъ.

33) Суйфунъ—Маньчжурское слово означающее «шило» — Названіе одного изъ Маньчжурскихъ народовъ, переселившихся на эту рѣку.

чей воды и прыгая съ ночки на ночку. Тамъ, вѣроятно, прошли мы версты три. Наконецъ, я остановился, чтобы ориентироваться. Теперь вѣтеръ дулъ съ сѣвера, какъ разъ съ стороны озера. Тростникъ сильно начался и шумѣть. Порой вѣтеръ пригибалъ его къ землѣ и тогда являлась возможность разглядѣть то, что было впереди. Сѣверный горизонтъ былъ затянутъ какой то мглой, похожей на дымъ. Сквозь тучи на небѣ неясно просвѣчивало солнце и это казалось мнѣ хорошимъ предзнаменованіемъ. Наконецъ, мы увидѣли Ханна. Оно пѣнилось и бурлило.

Дерсу обратилъ мое вниманіе на птицъ. Онъ замѣтилъ у нихъ что то такое, что стало его беспокоить. Это не былъ спокойный перелетъ, это было торопливое бѣгство. Птица, какъ говорить охотники, шла валомъ и въ безпорядкѣ. Гуси летѣли низко, почти надъ самою землею. Станный видъ имѣли они, когда двигались намъ навстрѣчу и находились на линіи зрѣнія. Въ это время они были похожи на древнихъ летучихъ ящеровъ. Ни ногъ, ни хвоста не было видно—видѣлось что то кургузое, махающее длинными крыльями и приближающееся съ невѣроятною быстротою. Увидѣвъ насъ, гуси сразу взмывали кверху, но, обойдя опасное мѣсто, опять выстраивались въ прежній порядокъ и снова спускались къ землѣ.

Около полудня мы съ Дерсу дошли до Ханка. Грозный видъ имѣло теперь прѣсное море. Вода въ немъ кипѣла, какъ въ котлѣ. Послѣ долгаго пути по травянымъ болотамъ видъ свободной водяной стихіи доставлялъ большое удовольствіе. Я сѣлъ на песокъ и сталъ глядѣть въ воду. Что то особенно привлекательное есть въ прибоѣ. Можно цѣлыми часами смотрѣть, какъ бьется вода о берегъ.

Озеро было пустыннымъ. Нигдѣ ни одного паруса, ни одной лодки, около часу бродили мы по берегу и стрѣляли птицъ.

Утка кончай ходи, сказала Дерсу вслухъ.

Дѣйствительно, перелетъ птицъ сразу прекратился.

Черная игла, которая дотолѣ была у горизонта, вдругъ стала подниматься кверху. Солнца теперь уже совсѣмъ не было видно. По темному небу, покрытому тучами, точно въ перегонку бѣжали отдѣльныя бѣлесватая облака. Края ихъ были разорваны и висѣли клочьями, словно грязная вата.

Капитанъ! надо наша скоро ходи назадъ, сказалъ Дерсу. Моя мало—мало боится.

Въ самомъ дѣлѣ, пора было подумать о возвращеніи на биванъ. Мы переобулись и пошли обратно. Дойдя до зарослей, я остановился, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на озеро. Точно разъяренный звѣрь на привязи оно металось въ своихъ берегахъ и вздымало кверху желтоватую пѣну.

Вода прибавляй есть, сказалъ Дерсу, осматривая протоку.

Онъ былъ правъ. Сильный вѣтеръ гналъ воду къ устью Лефу, вслѣдствіе чего рѣка вышла изъ береговъ и понемногу стала затоплять равнину. Вспорѣ мы подошли къ какой то большой протоцѣ, преграждавшей намъ путь. Мѣсто это мнѣ показалось незнакомымъ. Дерсу тоже не узналъ его. Онъ остановился, подумалъ немного и пошелъ влѣво. Протока стала заворачиваться и ушла куда то въ сторону. Мы оставили ее и пошли напрямикъ къ югу. Черезъ нѣсколько минутъ мы попали въ топъ и должны

были возвратиться назадъ къ протонѣ. Тогда мы повернули направо, нагнулись на новую протоку и перешли ее вбродъ. Отсюда мы пошли на востокъ, но попали въ трясику. Въ одномъ мѣстѣ мы нашли сухую полоску земли. Какъ мѣсть, тянулась она черезъ болото. Ощупывая почву ногами, мы осторожно пробирались впередъ и, пройдя съ полверсты, очутились на сухомъ мѣстѣ, густо заросшемъ травою. Топь теперь осталась позади.

Я взглянулъ на часы. Было около четырехъ часовъ полудни, а началось, какъ будто наступили уже сумерки. Тяжелыя тучи опустились ниже и быстро неслись къ югу. По моимъ соображеніямъ, до рѣки оставалось не болѣе двухъ съ половиной верстъ. Одинокая сопка вдали, противъ которой былъ нашъ биванъ, служила намъ ориентировочнымъ пунктомъ. Заблудиться мы не могли, могли только запоздать. Вдругъ, совершенно неожиданно передъ нами очутилось довольно большое озеро. Мы рѣшили обойти. Но оно оказалось длиннымъ. Тогда мы пошли влѣво. Шаговъ черезъ полтораста передъ нами появилась новая протока, идущая къ озеру подъ прямымъ угломъ. Мы бросились въ другую сторону и вскорѣ опять подошли къ тому же зыбучему болоту. Тогда я рѣшилъ еще разъ попытаться счастья въ правой сторонѣ. Скоро подъ ногами стала хлюпать вода; дальше виднѣлись большія лужи. Стало ясно, что мы заблудились. Дѣло принимало серьезный оборотъ. Я предложилъ гольду вернуться назадъ и разыскать тотъ перешеекъ, который привелъ насъ на этотъ островъ. Дерсу согласился. Мы пошли обратно, но вторично его найти уже не могли.

Вдругъ вѣтеръ сразу упалъ. Иадали донесся до насъ шумъ озера Ханка. Начало смертаться, и одновременно съ тѣмъ въ воздухѣ закружилось нѣсколько снѣжинокъ. Штиль продолжался всего только нѣсколько минутъ и вслѣдъ затѣмъ налетѣлъ вихрь. Снѣгъ пошелъ сильнѣе.

Придется ночевать, подумалъ я, и вдругъ вспомнилъ, что на этомъ островѣ нѣтъ дровъ: ни единого деревца, ни единого кустика; ничего кромѣ воды и травы. Я испугался.

Что будемъ дѣлать? спросилъ я Дерсу.

Моя шибно боится, отвѣчалъ онъ.

Тутъ только я понялъ весь ужасъ нашего положенія. Ночью во время пурги намъ приходилось оставаться среди болотъ, безъ огня и безъ теплой одежды. Единственная моя надежда была на Дерсу. Въ немъ одномъ я видѣлъ свое спасеніе:

Слушай, капитанъ! сказалъ онъ. Хорошо слушай. Надо наша скоро работай. Хорошо работай нѣту, наша пропалъ. Надо скоро рѣзать траву.

Я не спрашивалъ его зачѣмъ это было нужно. Для меня было только одно понятно. «Надо скорѣй рѣзать траву». Мы быстро сняли съ себя все снаряженіе и съ лихорадочной поспѣшностью принялись за работу. Пока я собиралъ такую охапку травы, что ее можно было взять въ одну руку. Дерсу успѣвалъ нарѣзать стельно, что еле охватывалъ двумя руками. Вѣтеръ дулъ порывами и съ такой силой, что стоять на ногахъ было почти невозможно. Моя одежда стала смерзаться. Едва успѣвали мы положить на землю срубленную траву, какъ сверху ее тотчасъ же заносило снѣгомъ. Въ дѣлоторыхъ мѣстахъ Дерсу не велѣлъ рѣзать траву. Онъ ужасно сердился, когда я его не слушалъ.

Тебѣ понимай дѣту, кричалъ онъ. Тебѣ надо слушай и работай. Моя понимай.

Дерсу взялъ ремни отъ ружей, взялъ свой поясъ, у меня въ карманѣ нашлась веревочка. Все это онъ свернулъ и сунулъ къ себѣ за пазуху. Становилось все темнѣе и холоднѣе. Благодаря выпавшему снѣгу можно было кое что еще рассмотреть на землѣ. Дерсу двигался съ поразительной энергіей. Какъ только я прекращалъ работу, онъ кричалъ мнѣ, что надо торопиться. Въ голосѣ его слышались нотки страха и негодованія. Тогда я снова брался за ножъ и работалъ до изнеможенія. На рубашку мнѣ навалилось много снѣгу. Онъ сталъ таять и я почувствовалъ, какъ холодныя струйки воды потекли по спинѣ. Я думаю, что мы рѣзали траву болѣе часа, Рѣзкій пронзительный вѣтеръ и колючій снѣгъ нестерпимо рѣзали лицо. У меня озябли руки. Я сталъ согрѣвать ихъ дыханіемъ и въ это время обронилъ ножъ. Замѣтивъ, что я пересталъ работать, Дерсу вновь крикнулъ мнѣ.

Капитанъ! работай. Моя шибко боится. Скоро пропади.

Я сказалъ ему, что потерялъ ножъ.

Рви траву руками, крикнулъ онъ, стараясь пересилить шумъ вѣтра.

Автоматически, почти безсознательно я сталъ ломать камыши и порѣзалъ руки, но боялся оставить работу и продолжалъ рвать траву до тѣхъ поръ, пока окончательно не обезсилѣлъ. Въ глазахъ у меня стали ходить круги, зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ. Намоношая одежда, коробилась и трещала. На меня напала дремота. Такъ вотъ какъ замерзають, мелькнуло у меня въ головѣ, и вслѣдъ затѣмъ я впалъ въ какое то забытье. Сколько времени продолжалось это обморочное состояніе, не знаю. Вдругъ я почувствовалъ, что меня кто то трясетъ за плечо. Я очнулся. Надо мною, наклонившись, стоялъ Дерсу.

Становись на колѣни, сказалъ онъ мнѣ.

Я повиновался и уперся руками въ землю. Дерсу накрылъ меня своей палатной и затѣмъ сверху сталъ заваливать травою. Сразу стало теплѣе. Закапала вода.—Дерсу долго ходилъ вокругъ, подгрѣбалъ снѣгъ и утаптывалъ его ногами. Я сталъ согрѣваться и затѣмъ впалъ въ тяжелое дремотное состояніе. Мнѣ показалось, что я долго спалъ. Вдругъ я услышала голосъ Дерсу.

Капитанъ! подвисься...

Я сдѣлалъ надъ собой усиліе и прижался въ сторону. Гольдъ вползъ подъ палатку, легъ рядомъ со мной и сталъ покрывать насъ обоихъ своею кожанною курткой. Я протянулъ руку и нащупалъ на ногахъ у себя знакомую мнѣ мѣховую обувь.

Спасибо, Дерсу, говорилъ я ему. Покрывайся самъ.

Ничего, ничего, капитанъ, отвѣчалъ онъ. Теперь бояться не надо. Моя крѣпко трава вяжи. Вѣтеръ ломай не могу.

Чѣмъ больше засыпало насъ снѣгомъ, тѣмъ теплѣе становилось въ нашемъ импровизированномъ шалашѣ. Капанье сверху прекратилось. Снаружи доносилось завываніе вѣтра. Точно гдѣ-то гудѣли гудки, звонили гъ колокола и отпѣвали покойниковъ. Потомъ мнѣ стали грезиться какія то пляски, пѣсни, куда то я медленно падалъ, все ниже и ниже и, нако-

нець, погрузился въ долгій и глубокой сонъ... Такъ, вѣроятно, мы проспали часовъ двѣнадцать. Когда я проснулся, было темно и тихо. Вдругъ я замѣтилъ, что лежу одинъ.

Дерсу! крикнулъ я испуганно.

Медвѣди! услышалъ я голосъ его снаружи. Медвѣди! вылезай. Надо своя берлога ходи, какъ чужой берлога долго спи.

Я поспѣшно вылезъ наружу и невольно закрылъ глаза рукою. Кругомъ все бѣлѣло отъ снѣга. Воздухъ былъ свѣжій, прозрачный. Морозило. По небу плыли разорванные облака; кое гдѣ виднѣлось синее небо. Хотя кругомъ было еще хмуро и сумрачно, но уже чувствовалось, что скоро выглянетъ солнце. Прибитая снѣгомъ трава лежала полосами. Дерсу собралъ немного сухой ветоши, развелъ небольшой огонекъ и сушилъ на немъ мои обутики.

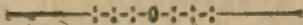
Теперь я понялъ, почему Дерсу въ нѣкоторыхъ мѣстах не велѣлъ рѣзать траву. Онъ скрутилъ ее и при помощи ремней и веревокъ перетянулъ поверхъ шалаша, чтобы его не разметало вѣтромъ. Первое, что я сдѣлалъ, поблагодарилъ Дерсу за спасеніе.

Наша вмѣстѣ ходи, вмѣстѣ работай. Спасибо не надо. И, какъ бы желая перевести разговоръ на другую тему, онъ сказалъ: Сегодня ночью много люди пропади. Я понялъ, что «люди», о которыхъ говорилъ Дерсу, были пернатые.

Послѣ этого мы разобрали травяной шатеръ, взяли свои ружья и пошли снова искать перешеекъ. Оказалось, что нашъ бивакъ былъ очень близко отъ него. Перейдя черезъ болото, мы прошли немного по направленію къ озеру Ханка, а потомъ свернули на востокъ къ р. Лефу.

Послѣ пурги степь казалась безжизненной и пустынной. Гуси, утки, чайки, крохали—все это куда то исчезло. По буро-желтому фону большими пятнами бѣлѣли болота, покрытыя снѣгомъ. Идти было славно, мокрая земля подмерзла и выдерживала тяжесть ноги человѣка. Скоро мы вышли на рѣку и черезъ часъ были на бивакѣ.

Олентьевъ и Марченко не безпокоились о насъ. Они думали, что около озера Ханка мы нашли жилье и остались тамъ ночевать. Я переобулся, напился чаю, легъ у костра и крѣпко заснулъ. Мнѣ грезилось, что я опять попалъ въ болото и кругомъ бушуетъ снѣжная буря. Я вскрикнулъ и сбросилъ съ себя одѣяло. Былъ вечеръ. На небѣ горѣли яркія звѣзды; длинную полосою протянулся млечный путь. Поднявшійся ночью вѣтеръ раздувалъ пламя костра и разносилъ искры по полю. По другую сторону огня спалъ Дерсу. Марченко приготовилъ ужинъ и хотѣлъ было будить насъ обоихъ.

VII.

РАЗСТАВАНІЕ СЪ ДЕРСУ.

ПУТЬ ДО ДМИТРОВКИ. ДЕРСУ ЗАБОТИТСЯ ОБЪ ЛОДКѢ. БИВАНЪ ГОЛЬДА ЗА ДЕРЕВНЕЙ. ПЛАНЫ ДЕРСУ. ПРОЩАНІЕ. ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ Г. ВЛАДИВОСТОКЪ.

На другой день утромъ ударилъ крѣпкій морозъ. Вода всюду замерзла; по рѣкѣ шла шуга. Переправа черезъ протоки Лефу отняла у насъ цѣлый день. Мы часто попадали въ слѣпые рукава и должны были возвращаться назадъ. Пройдя версты двѣ нашей протокой, мы свернули въ сосѣдную. Она оказалась узкою и извилистой. Тамъ, гдѣ эта извилистая протока опять соединялась съ главнымъ русломъ, высилась отдѣльная коническая сопка, покрытая порослью дубняка. Здѣсь мы и заночевали. Это была послѣдній нашъ бивакъ. Отсюда слѣдовало идти походнымъ порядкомъ в Черниговку, гдѣ насъ ожидали остальные люди съ конями. Уходя съ бивака, Дерсу просилъ Олентьева помочь ему вытащить лодку на берегъ. Онъ старательно очистилъ ее отъ песку и обтеръ травой, затѣмъ перевернулъ ее вверхъ дномъ и поставилъ на катки. Я уже зналъ, что это дѣлается для того, что бы какой нибудь «люди» могъ бы въ случаѣ нужды ею воспользоваться.

Утромъ мы распрощались съ Лефу. Въ тотъ же день послѣ полудня пришли въ деревню Дмитровку, расположенную по ту сторону Уссурийской желѣзной дороги. Переходя черезъ полотно дороги, Дерсу остановился, потрогалъ рельсы рукою, посмотрѣлъ въ обѣ стороны и сказалъ:

Гм! Моя это слышалъ. Кругомъ люди говорили. Теперь понимай есть.

Въ деревнѣ мы встали по квартирамъ, но гольдъ не хотѣлъ идти въ избу, и, по обыкновенію, остался ночевать подъ открытымъ небомъ. Вечеромъ я соскучился объ немъ и пошелъ его искать.

Ночь была хотя и темная, но, благодаря выпавшему снѣгу, можно было кое что разсмотрѣть. Во всѣхъ избахъ топились печи. Бѣловатый дымъ струйками выходилъ изъ трубъ и спокойно подымался кверху. Вся деревня нурилась. Изъ оконъ домовъ свѣтъ выходилъ на улицу и освѣщаль сугробы. Въ другой сторонѣ «на задахъ» около ручья видѣлся огонь. Я догадался, что это бивакъ Дерсу и направился прямо туда. Гольдъ сидѣлъ у костра и о чемъ то думалъ.

Пойдемъ въ избу чай пить, сказалъ я ему.

Онъ не отвѣтилъ мнѣ и въ свою очередь задалъ вопросъ.

Куда завтра ходи?

Я отвѣтилъ, что пойдемъ въ Черниговку, а оттуда—въ Владивостокъ, и сталъ приглашать его съ собою. Я общалъ в скоромъ времени опять пойти въ тайгу, предлагалъ жалованье... Мы оба задумались. Не знаю, что думалъ онъ, но я почувствовалъ, что въ сердце мое занрадась тоска. Я

Сталъ снова разсказывать ему про удобства и преимущества жизни въ городѣ. Дерсу слушалъ молча. Наконецъ, онъ вздохнулъ и проговорилъ:

Нѣтъ, спасибо, напѣтанъ! Моя Владивостокъ не могу ходи. Чего моя тамъ работай? Охота ходи нѣту, соболя гоняй тоже не могу. Городъ живи—моя скоро пропади.

Въ самомъ дѣлѣ, подумаль я. Житель лѣсовъ не выживетъ въ городѣ и не дѣлаю ли я худо, что сбиваю его съ того пути, на который онъ всталъ съ дѣтства.

Дерсу замолчалъ. Онъ, видимо, обдумываль, что дѣлать ему дальше. Потому, какъ бы отвѣчая на свои мысли, сказалъ:

Завтра моя прямо ходи. Онъ указаль рукою на востокъ. Четыре солнца ходи—Даубихе найди есть, потомъ Улахе ходи, потомъ—Фудинъ, Дзубъ-Гынь⁽³⁴⁾ и море. Моя слыхаль, тамъ на морской сторонѣ чего—чего много: соболя есть, олень тоже есть.

Долго мы еще сидѣли съ нимъ у огня и разговаривали. Ночь была тихая и морозная. Изрѣдка набѣгающій вѣтерокъ чуть шелестилъ дубовой листвою, еще не опавшей на землю. Въ деревнѣ давно уже всѣ спали, только въ томъ домѣ, гдѣ помѣстился я со своими людьми, свѣтился огонекъ. Созвѣздіе Оріона показывало полночь. Наконецъ, я всталъ, попрощался съ гольдомъ, пошелъ къ себѣ въ избу и легъ спать. Какая то непонятная тоска овладѣла мною. За это короткое время я успѣлъ привязаться къ Дерсу. Теперь мнѣ жаль было съ нимъ разставаться. Съ этими мыслями я задремаль.

На слѣдующее утро первое, что я вспомнилъ, это то, что Дерсу долженъ уйти отъ насъ. Напившись чаю, я поблагодарилъ хозяевъ и вышелъ на улицу. Стрѣлки были уже готовы къ выступленію, Дерсу былъ тоже съ ними. Съ перваго же взгляда я увидѣлъ, что онъ снаряжился въ дальній путь. Котомка его была плотно уложена, поясъ затянутъ, унты хорошо одѣты.

Отойдя отъ Дмитровки съ версту, Дерсу остановился. Насталъ тяжелый моментъ разставанія.

Прощай, Дерсу! сказалъ я ему, пожимая руку. Дай Богъ тебѣ всего хорошаго. Я никогда не забуду того, что ты для меня сдѣлалъ. Прощай! Быть можетъ, когда нибудь увидимся.

Дерсу попрощался со стрѣлками, затѣмъ кивнулъ мнѣ головою и пошелъ въ кусты налѣво. Мы остались на мѣстѣ и смотрѣли ему вслѣдъ. Въ ста саженьхъ отъ насъ высилась небольшая горка, поросшая мелкимъ кустарникомъ. Минуть черезъ пять онъ дошелъ до нее. На свѣтломъ фонѣ неба отчетливо вырисовывалась его фигура съ котомкой за плечами, съ сошками и съ ружьемъ въ рукахъ. Въ этотъ моментъ яркое солнце взошло изъ-за горъ и освѣтило гольда. Поднявшись на гривну, онъ остановился, повернулся къ намъ лицомъ, помахаль рукою и скрылся за гребнемъ. Словно что оторвалось у меня въ груди. Я почувствовалъ, что потерялъ близкаго мнѣ человѣка.

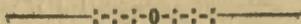
34) Такъ гольды называютъ Сихоте-Алинь.

Хорошій онъ человекъ, сказалъ Марченко.

Да, такихъ людей мало, отвѣтилъ ему Олентьевъ.

Прощай, Дерсу! думалъ я. Ты спасъ мнѣ жизнь. Я никогда не забуду этого.

Къ сумернамъ мы дошли до Черниговки и присоединились къ отряду. Вечеромъ въ тотъ же день я выѣхалъ во Владивостокъ къ мѣсту своей постоянной службы.

VIII.

1906 г.

СБОРЫ ВЪ ДОРОГУ И СНАРЯЖЕНІЕ ЭКСПЕДИЦІИ.

ПРИКАЗЪ. ДЕНЕЖНЫЯ СРЕДСТВА. СОСТАВЪ ОТРЯДА. ВЫЮЧНЫЙ ОБОЗЪ. НАУЧНОЕ СНАРЯЖЕНІЕ. ОДЕЖДА И ОБУВЬ. КОМАРНИКИ. ПРОДОВОЛЬСТВІЕ.

«Въ теченіе всего лѣта и осени для изслѣдованія хребта Сихотэ-Алинь и береговой полосы отъ залива Св. Ольги на сѣверъ, насколько позолитъ время, а также верховьевъ рѣки Уссури и бассейна р. Имана—отправляется экспедиція, начальникомъ и руководителемъ которой назначаю 29-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка штабсъ-капитана Арсеньева и въ помощь ему того же полка подпоручика Гранатмана, Уссурійскаго казачьяго дивизиона хорунжаго Анофріева и инженернаго подпорщика Мерзлякова. Кромѣ того въ составъ экспедиціи назначить отъ 24-го Восточно-Сибирскаго стрѣл. полка семь нижнихъ чиновъ и отъ Уссурійскаго казачьяго дивизиона четырехъ казаковъ. (35) Въ силу исключительныхъ условій службы, дисциплинарная власть начальника экспедиціи увеличивается до правъ баталіоннаго командира. Всѣхъ означенныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ полагать въ означенной командировкѣ съ 15-го мая сего года».—Таковъ былъ приказъ, отданный Приамурскимъ Генераль-Губернаторомъ и Командующимъ войсками Округа, сенаторомъ, инженеръ-генераломъ П. Ф. Унтербергеромъ, отъ 22 мая 1906 года за № 404.

Кромѣ лицъ, перечисленныхъ въ приназѣ, въ экспедиціи приняли еще участіе: бывшій въ это время начальникомъ штаба округа генераль-лейтенантъ П. К. Рутковскій и въ качествѣ флориста—лѣсничій Н. А. Пальчевскій. Цѣль экспедиціи естественно-историческая.

Средства были даны Генераль-Губернаторомъ—3000 руб. По окончаніи экспедиціи выяснилось, что путевые расходы распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

- 1) На организацію обоза 503 р. 58 коп.
- 2) Экспедиціонные расходы въ пути 1009 р. 28 коп.
- 3) Фуражное довольствіе коней 534 р. 52 коп.
- 4) Довольствіе людей 715 р. 36 коп.
- 5) Содержаніе проводниковъ и переводчиковъ 541 р. 72 коп.

35) Въ составъ экспедиціоннаго отряда вошли казаки: Бѣлоложкинъ, Мурзинъ, Фловъ и Кожевниковъ; стрѣлки — Дьяковъ, Ванушевъ, Егоровъ, Лузинъ, Титарьковъ, Бурметовъ, Мелянъ, Казандевъ, Волобинъ, Загурскій, Туртыгинъ и Бочкаревъ.

Перерасходъ 214 руб. 46 коп.

Маршруты экспедиціи были намѣчены по р. р. Уссури, Улахе и Фудзину, по 10-ти верстной и въ прибрежномъ районѣ по 40 верстной картамъ изданія 1889 года.

Въ то время всѣ свѣдѣнія о центральной части Сихота Алина были крайне скудны и не заходили за предѣлы случайныхъ рекогносцировокъ. Что же касается до побережья моря къ сѣверу отъ залива Св. Ольги, то о немъ имѣлись лишь отрывочныя свѣдѣнія отъ морскихъ офицеровъ, изрѣдка посѣщавшихъ эти мѣста для промѣровъ бухтъ и заливовъ.

Наши сборы въ экспедицію начались въ половинѣ апрѣля мѣсяца и длились около мѣсяца. Мнѣ предоставлено было право выбора нижнихъ чиновъ изъ всѣхъ частей Округа, кромѣ войскъ инженерныхъ и крѣпостной артиллеріи. Благодаря этому въ экспедиціонный отрядъ попали лучшіе люди, преимущественно сибиряки Тобольской и Енисейской губерній. Правда, это былъ народъ угрюмый, мало общительный, но зато съ дѣтства привыкшій переносить всякія невзгоды.

Въ путешествіе обыкновенно всегда просится много людей—записываешь всѣхъ, а затѣмъ наводишь справки у ротныхъ командировъ и включаешь тѣхъ, которые стремятся попасть въ экспедицію только ради того, чтобы нуданибудь уйти изъ части. Затѣмъ удаляются жители городовъ и занимавшіеся торговлей. Въ концѣ концовъ остаются только охотники и рыболовы. При выборѣ обращалось большое вниманіе на то, чтобы всѣ люди умѣли плавать и знали какое-нибудь ремесло. Хотя въ экспедицію требовалось только 12 человекъ, но я умышленно взялъ въ полтора раза болѣе для того, чтобы впоследствии отправить съ оказіей назадъ шестерыхъ наиболѣе слабыхъ.

Кромѣ солдатъ въ экспедицію всегда просится много и постороннихъ лицъ. Всѣ эти «господа» представляютъ себѣ путешествіе, какъ легкую и веселую прогулку. Они никакъ не могутъ понять, что это тяжелый трудъ. Въ ихъ представленіи рисуются: караваны, палатки, костры, хорошій обѣдъ и отличная погода. Но они забываютъ про дожди, «гниусъ»,⁽³⁶⁾ голодовки и множество другихъ лишеній, которымъ постоянно подвергается всякій путешественникъ, какъ только онъ минуетъ селенія и углубится въ лѣсную пустыню.

Собирается ѣхать всегда много, а выѣзжаютъ на сборный пунктъ два или три человека. Уже наканунѣ отъѣзда начинаешь получать письма, такого содержанія: «Велѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, ѣхать не могу. Желаю счастливаго пути и т. д.». На сборномъ пунктѣ получаешь такія же телеграммы. Наконецъ, прибываютъ двое. Одинъ изъ нихъ имѣетъ видъ воскреснаго охотника, другой—скромный, серьезный, но всему присматривающійся. Первый много говоритъ, все зло критикуетъ и съ видомъ бывалаго человека гордо ѣдетъ впереди отряда, ѣдетъ до тѣхъ поръ, пока не надоѣстъ ему бездѣлье и пока погода благоприятствуетъ. Но лишь только спрыснетъ дождь или появятся комары,—онъ тотчасъ поворачиваетъ назадъ, проклиная тотъ день и часъ, когда задумалъ идти въ путе-

36) Такъ сибиряки называютъ кожуровъ и мошекъ.

шествіе. Второй участникъ экспедиціи, котораго я назвалъ «скромнымъ», идетъ молча и работаетъ. Къ нему вскорѣ всѣ привыкають. Такіе люди всегда составляютъ по себѣ хорошія воспоминанія. Такъ было и въ данномъ случаѣ: собиралось ѣхать много, а поѣхали только тѣ, кто былъ перечисленъ выше.

Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ были организованы вьючный обозъ экспедиціи. Въ отрядѣ было двѣнадцать лошадей. Очень важно, чтобы люди изучили коней и чтобы лошади въ свою очередь привыкли къ людямъ. Заблаговременно надо познакомить стрѣлковъ съ уходомъ за лошадей, познакомить съ сѣдловой и съ нонскимъ снаряженіемъ, надо приучить лошадей къ носкѣ вьюновъ и т. д. Для этого команда собиралась недѣли за двѣ до похода.

Вьючные сѣдла съ нагрудниками и шлеями были хорошо пригнаны къ лошадямъ и приспособлены, какъ для перевозки тяжестей, такъ и для верховой ѣзды. Впрочемъ, всѣ чины отряда шли пѣшкомъ, и лошадьми никто не пользовался. Для того, чтобы кони не заподпруживались, къ переднимъ ремнямъ были пришиты кольца, за которыя сѣдельными веревками подпруги оттягивались назадъ—къ брюху. Особое вниманіе было обращено на сѣдельные ленточки. Дужки ихъ были сдѣланы высокими, полочки правильно изогнутыми и потники изъ лучшаго войлока—толстые и мягкіе. Въ такихъ случаяхъ никогда не надо скупиться на расходы. Надо твердо помнить, что разъ упущено на мѣстѣ сборовъ, того уже нельзя будетъ исправить въ дорогѣ. Крѣпкіе недоуздки съ желѣзными кольцами, торбы и путы, новочный инструментъ и гвозди, запасъ подновъ (по три пары на наждаго коня) и колокольчикъ для передовой лошади, которая на пастбищѣ водить весь табунъ за собою—дополняли конское снаряженіе. Кроме того для каждой лошади были сшиты головныя покрывала съ наушниками. Безъ этихъ приспособленій кони сильно страдаютъ отъ мошки. Она набивается въ уши и разъѣдаетъ ихъ до крови.

Вьюками были брезентовые мѣшки и походные ящики, обитые кожей и окрашенные масляной краской. Ящики эти имѣли слѣдующіе размѣры: длина—28, ширина и высота по—14 дюймовъ. Такіе ящики удобно переносимы на конскихъ вьюкахъ, помѣщаются хорошо въ инородческихъ лодкахъ и на нартахъ. Они служили намъ и для сидѣній и столами. Если не мѣшать имуществу въ ящикахъ и не перекладывать его съ одного мѣста на другое, то очень скоро запоминаешь, гдѣ, что лежитъ, и въ случаѣ нужды разсѣдываешь только ту лошадь, которая несетъ искомый грузъ.

Изъ животныхъ кромѣ лошадей въ отрядѣ еще были двѣ собаки: одна моя—маркировка «Альпа», другая командная «Лѣшій», крупная звѣровая, по складу и по окраскѣ напоминающая волка.

Научное снаряженіе экспедиціи состояло изъ слѣдующихъ инструментовъ: (37) буссоль Шмальальдера, шагомѣръ, секундомѣръ, два барометра—анероида, гипсотермометры, термометры для измѣренія темпе-

37) Большая часть ихъ была дана изъ Военно-Топографическаго отдѣла и только нѣкоторые изъ нихъ составляли собственность начальника экспедиціи.

ратуръ воздуха и воды, анемометръ, геологическій молотокъ, горный компасъ, рулетъ, фотографическій аппаратъ, тетради, карандаши и бумага. Затѣмъ были—ящики для собиранія насѣкомыхъ, препарировочные инструменты, прессъ, бумага для сушки растений, банки съ формалиномъ и т. п. Кромѣ упомянутыхъ инструментовъ въ отрядѣ набралось еще много походнаго инвентаря какъ то: котлы, чайники, топоры, поперечная пила, саперная лопата, паяльникъ, стругъ, клещи, капильники и проч.

Всѣ люди были вооружены 3-хъ линейными винтовками (безъ штыковъ) кавалерійскаго образца, приспособленными для носки на ремнѣ. На каждого было взято по 300 шт. патроновъ, изъ коихъ по 50 патроновъ находилось при себѣ, остальные были отправлены на питательныя базы, устроенныя на берегу моря. Кромѣ этого оружія въ экспедициі были двѣ винтовки системъ Маузера и Винчестера, малокалиберное ружье Франкотта, двухствольный дробовинъ Зауэра и два револьвера системы Нагана.

Снаряженіе людей состояло изъ слѣдующихъ предметовъ: финскіе ножи, патронташи, которые люди носили вмѣсто поясовъ, крученныя веревки длиною въ сажень съ кольцами и небольшія кожанныя сумки для разной мелочи (иголки, нитки, крючки, гвозди и т. п.) Холщевые мѣшки съ бѣлымъ стрѣлки приспособили для носки на спинѣ, сообразно чему перешили лямки. Всѣ въяна каждого участника экспедициі равнялся 30—40 фунт., Все остальное имущество было отправлено въ постъ Св. Ольги, кружнымъ путемъ на пароходѣ. Наша лѣтняя одежда стрѣлковъ состояла изъ рубахъ и шароваръ защитнаго цвѣта и легкихъ фуражекъ. На рукавники, стягивающіе рукава около кистей рукъ, лѣтмомъ служили для защиты отъ комаровъ и мошекъ, а зимой для того, чтобы холодный вѣтеръ не задувалъ подъ одежду. Вмѣсто сапогъ были сшиты унты, по инородческому образцу. Эта обувь оказалась наиболѣе пригодною. Правда, она скоро промокала, но зато скоро и высыхала. Ноги отъ колѣна до ступни обматывались суконными лентами. Сначала это не ладилось, ленты спадали съ ногъ, закатанные туго—давили икры, но потомъ сукно вытянулось, люди приспособились, и уже всю дорогу шли неоправляясь. На зиму были запасены шинели, теплыя куртки, фуфайки, шаровары, сшитыя изъ верблюжьяго сукна, брезентовые наколѣнники, шерстяные чулки, башлыки, рукавицы и папахи. Зимняя обувь была—тѣ же унты, только большаго размѣра для того, чтобы можно было набивать ихъ сухою травою и одѣвать на теплую портянку.

Изъ опыта прежнихъ лѣтъ выяснилось, что только тогда можно хорошо и продуктивно работать, когда ночью выспитесь, какъ слѣдуетъ. Днемъ отъ комаровъ еще можно найти защиту, но вечеромъ отъ мелкихъ мошекъ уже нѣтъ спасенія. Эти отвратительныя насѣкомыя всю ночь не даютъ сомкнуть глазъ. Люди нервничаютъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ разсвѣта. Единственная защита это комарникъ. Онъ дѣлается изъ такого матеріала (бѣлая китайская дрель), черезъ который воздухъ легко диффундируетъ, и въ то же время не позволяетъ комарамъ проникать внутрь. Сшивается онъ изъ двухъ полосъ матеріи по 15 футъ каждая. Длина комарниковъ 9 аршинъ, ширина $3\frac{1}{2}$ арш. и высота 5 футъ. Наши комарники были устроены такимъ образомъ, что, когда въ нихъ

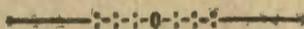
оставляли поперечныя распорки и за кольца привязывали къ деревьямъ, то получалось нѣчто въ родѣ футляра, въ которомъ можно было лежать, сидѣть и работѣть. На случай дождя надъ комарникомъ растягивалось въ видѣ двускатной крыши еще одно полотно. Въмѣсто постели у каждаго имѣлись тонкіе войлоки, обшитые съ одной стороны непромокаемымъ брезентомъ, подъ которые подвѣтывались края пологовъ. Такимъ образомъ комарники спасали людей отъ дождя, отъ холоднаго вѣтра и отъ докучливыхъ настькомыхъ. Участники экспедиціи, ведущіе научныя работы, имѣли каждый по особому комарнику, а стрѣлки по одному на два человѣка, для чего ихъ пологи шились больше размѣрами. Осенью съ исчезновеніемъ настькомыхъ, когда ночи дѣлаются холоднѣе, изъ комарниковъ ставятся односкатныя палатки. Передъ ними раскладываются длинныя костры дающіе много тепла и свѣта.

Теперь—относительно продовольствія. Общій запасъ его былъ расчитанъ на шесть мѣсяцевъ и состоялъ изъ муки, галетъ, риса, чумизы, экспортнаго масла, сухой пресованной зелени, соли, небольшого количества мясныхъ консервовъ, перцу, гороховаго порошку, клюквеннаго экстракта, сахара и чая. Ящики съ продовольствіемъ были отправлены на питательныя базы заблаговременно и выгружены при устьяхъ р. р. Тадуцу, Тютыхе, въ зал. Джигитъ и въ бухтѣ Терней. Тамъ, гдѣ по близости жили китайцы, ящики оставили у нихъ въ фанзахъ, тамъ же, гдѣ берегъ былъ пустынный, ихъ просто сложили въ кучу и прикрыли брезентомъ, обозначивъ мѣсто вѣхою.

Хлѣбныя сухари брались только въ сухое время года—осенью и зимою. Лѣтомъ они жадно впитываютъ въ себя влагу изъ воздуха и, чѣмъ больше ихъ прикрывать брезентами, тѣмъ скорѣе они портятся. То же самое и мясной порошокъ. Черезъ двадцать четыре часа послѣ вскрытія банки онъ уже слипаются въ комки, а еще черезъ сутки—начинаетъ цвѣсти и издавать запахъ. Мы сушили мясо тонкими ломтями. Правда, оно занимало много мѣста и это не спасало его отъ плѣсени, но все же его можно было употреблять въ пищу. Передъ тѣмъ, какъ класть мясо въ котель, его надо опалить на огнѣ, тогда плѣсень сгораетъ и мясо становится мягкимъ и съѣдобнымъ. Сухой яичный бѣлокъ и шоколадъ, предназначенные на случай голодовокъ, везлись, какъ неприкосновенный запасъ, въ особыхъ цинковыхъ коробкахъ. Жестяныя банки неудобны. Они легко ломаются — достаточно малѣйшей щели, чтобы продукты начали портиться. Гораздо легче сохранять вѣлуд муну. Для этого слѣдуетъ кулекъ съ мукою два раза окунуть въ воду и, не вскрывая, просушить. Вода, проникшая сквозь холстъ, смѣшивается съ мукою и образуетъ слой тѣста въ палецъ толщиною. Такимъ образомъ получается корка, совершенно непроницаемая для сырости; вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣшокъ становится твердымъ, и не рвется въ дорогѣ.

Въ отрядѣ имѣлась хорошо подобранная походная аптечка, наборъ хирургическихъ инструментовъ—(бритва, ножницы, пинцеты, ланцеты, иглы, щельнъ, иглодержатель, ушной балонъ, глазная ванночка, шприцы Пратца) и значительное количество перевязочнаго матеріала.

14-го мая все было готово, 15-го числа была отправлена по желѣзной дорогѣ команда съ лошадьми, а 16-го выѣхали изъ гор. Хабаровска и всѣ остальные участники экспедиціи. Сборнымъ пунктомъ была назначена станція Шмановна, находящаяся нѣсколько юнѣе того мѣста, гдѣ желѣзная дорога пересѣкаетъ р. Уссури.

IX.

НА СБОРНОМЪ ПУНКТЪ.

РАБОТА ПУТЕШЕСТВЕННИКА. ОТЪЕЗДЪ. Р. УССУРИ. РАСТИТЕЛЬ-
НОСТЬ ОКОЛО СТАНЦ. ШМАКОВКА. ПРЕСМЫКАЮЩІЯСЯ. ГРЫЗУ-
НЫ. ПТИЦЫ.

Къ путешественнику предъявляются слѣдующія требованія: 1) Онъ долженъ умѣть организовать экспедицію и исполнить всѣ подготовительныя работы на мѣстѣ еще задолго до выступленія. 2) Долженъ умѣть собрать коллекціи. 3) Умѣть вести дневникъ. 4) Знать на что обратить вниманіе: отличить цѣнное отъ рухляди. 5) Умѣть доставить коллекціи и 6) Обработать собранные матеріалы.

Послѣдняя работа не должна откладываться въ долгій ящикъ. Для этого нужно свободное время. Мы, русскіе, особенно часто грѣшимъ въ этомъ направленіи. Обыкновенно, на путешественника, по возвращеніи его къ мѣсту службы, тотчасъ же начинаютъ наваливать работу, ничего общаго не имѣющую съ тѣмъ дѣломъ, которое у него на рукахъ. Поэтому обработка путевыхъ дневниковъ производится урывками, въ часы досуга, котораго, кстати сказать, у каждаго служащаго бываетъ ровно столько, сколько надо для подкрѣпленія сномъ силъ, израсходованныхъ за день.

Что значить путешествіе? Въ чемъ заключается работа изслѣдователя? Къ сожалѣнію, для этого какого нибудь катехизиса дать нельзя. Многое зависитъ отъ личности самого путешественника и отъ того, насколько онъ научно подготовленъ. Этого мало, надо имѣть еще интересъ къ данной странѣ, необходима вѣра въ то, что именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ можно найти интересныя матеріалы. Только при помощи правильныхъ наблюденій можно найти связь между причиной и слѣдствіемъ, и тогда, вдругъ, какое нибудь маленькое, дотолѣ незамѣтное явленіе, становится доминирующимъ. Все это дается только знаніями и путемъ опыта. Весьма важно, если у начинающаго есть руководитель, человѣкъ опытный. Онъ сразу указываетъ новичку методы изслѣдованій.

Первый періодъ, періодъ подготовительный, для насъ прошелъ. Теперь на очереди было само путешествіе. Наканунѣ отъѣзда всегда много заботъ и хлопотъ. Надо все обдумать, вспомнить, не забыли ли что нибудь, надо послать телеграммы, уложить свои вещи, извѣстить то или иное лицо по телефону и т. д. Цѣлый день бѣгаешь по городу, являешься начальнику и дѣлаешь послѣднія распоряженія. Вечеръ уходитъ на писаніе писемъ. Ночью почти не спишь. Все время беспокоитъ одна и та же мысль: все ли сдѣлано и все ли взято. На другой день, чуть свѣтъ, вы уже на ногахъ. Послѣднія ваши хлопоты на вокзалѣ ошло кассы. Наконецъ, ударилъ третій звонокъ, раздался свистокъ, и поѣздъ тронулся.

Въ эту минуту чувствуешь, какъ какая то неимоверная тяжесть свалилась съ плечь. Всѣ безпокойства остались назади. Сознаніе, что ровно годъ будешь внѣ сферы штабовъ, управленій и канцелярій и ровно годъ не будутъ безпокоить предписаніями и телефонами, создаетъ душевное равновѣсіе. Чувствуешь себя свободнымъ; за работу принимаешься съ удовольствиемъ и самъ себя удивляешься, откуда берется энергія.

Мы имѣли отдѣльный вагонъ, прицепленный къ концу поѣзда. Насъ никто не стѣснялъ, и поэтому мы расположились, какъ дома. День мы провели въ дружеской бесѣдѣ, разсматривали карты и строили планы на будущее.

Погода была пасмурная. Дождь шелъ не переставая. По обѣ стороны полотна желѣзной дороги тянулись большія кочковатая болота, залитыя водою и окаймленныя чахлой растительностью. Въ окнахъ мелькали отдѣльныя деревья, телеграфныя столбы, выемки. Все это было однообразно. День тянулся долго, тоскливо. Наконецъ, стало смернаться. Въ вагонѣ зажгли свѣчи. Утомленные хлопотами послѣднихъ дней, убаюкиваемые поначиваніемъ вагона и ритмическимъ стукомъ колесъ, всѣ очень скоро уснули.

На другой день мы доѣхали до станціи Шмаковки. Это былъ нашъ сборный пунктъ. Отсюда должно было начаться путешествіе. Ночью дождь пересталъ, и погода немного разгулялась. Солнце ярко свѣтило. Смоченная водою листва блестѣла, какъ лакированная. Отъ земли подымался парь... Стрѣлки встрѣтили насъ и указали квартиру.

Остатокъ дня прошелъ въ разборкѣ имущества и въ укладкѣ вьюновъ.

Слѣдующій день 18-го мая былъ данъ людямъ въ ихъ распоряженіе. Они передѣлывали себѣ унты, шили наколѣнники, готовили патронташи и, вообще, послѣдній разъ снаряжали себя въ дорогу. Вначалѣ сразу всего не доглядишь. Личный опытъ въ такихъ случаяхъ—прежде всего. Важно, чтобы въ главномъ не было упущеній, а мелкія шероховатости сами сгладятся.

Пользуясь свободнымъ временемъ, мы вмѣстѣ съ П. К. Рутковскимъ пошли осматривать окрестности.

Въ этомъ мѣстѣ теченіе рѣки Уссури чрезвычайно извилистое. Если ее вытянуть на картѣ, она, вѣроятно, заняла бы вдвое болѣе мѣста. Нельзя сказать, чтобы рѣка имѣла много протоковъ: такой кружевной видъ ей придаютъ излучины.

Почти всѣ рѣки Уссурийскаго Края имѣютъ теченіе довольно прямое до тѣхъ поръ, пока текутъ по продольнымъ межскладочнымъ долинамъ. Но, какъ только онѣ выходятъ изъ горъ на низины, начинаютъ выдѣлывать узоры. Тѣмъ болѣе это удивительно, что составъ береговъ всюду одинъ и тотъ же: подъ дерномъ лежитъ небольшой слой чернозема, ниже—супесокъ, а еще ниже—толщи ила въ перемежку съ галькой. Я думаю, это можно объяснить такъ:

Пока рѣка течетъ въ горахъ, она можетъ уклоняться въ сторону только до извѣстныхъ предѣловъ. Благодаря крутому паденію тальве-

га(38), вода въ рѣкѣ движется быстро, смываетъ все, что попадаетъ ей на пути и выпрямляетъ теченіе. Рѣка дѣйствуетъ въ одно и тоже время, и какъ пила и какъ напильникъ. Совсѣмъ иное дѣло на равнинѣ. Здѣсь быстрота теченія значительно уменьшается, глубина становится ровнѣе, берега однообразнѣе. При этихъ условіяхъ немного нужно, чтобы заставить рѣку измѣнить направленіе. Напримѣръ: случайное скопленіе въ одномъ мѣстѣ глины или гальки тогда, какъ рядомъ находятся рыхлые пески. Вотъ почему такіе «кривуны» непостоянны; послѣ наждаго наводненія они измѣняются, рѣка образуетъ новыя колѣна и заноситъ пескомъ мѣсто своего прежняго теченія. Очень часто входы въ старыя русла закупориваются, образуются длинныя слѣпыя рукава, какъ въ данномъ случаѣ мы видимъ это на Уссури. Среди наносовъ рѣки много глины. Этимъ объясняется заболоченность долины.

Лѣто 1906 года было дождливое. Всюду по низинамъ стояла вода и, если бы не деревья, торчащія изъ лужъ, ихъ можно было бы принять за озера. Отъ поселка Нижне-Михайловскаго до рѣчки Кабарги болота тянутся съ правой стороны Уссури, а выше къ с. Нижне-Романовскому (Успенна)—съ той и другой стороны, но больше—съ лѣвой. Здѣсь посреди равнины поднимаются двѣ сопки съ старыми тригонометрическими знаками. Сѣверная (высотой въ 171 саж.) называемая Медвѣжьей горою, а южная (въ 102 саж.), сохранившая еще китайское названіе Хань-Динза-Сы(39). Между этими сопками находятся минеральныя Шмаковскіе ключи. На сѣверо-востокъ гора Медвѣжья раньше, видимо, соединялась съ хребтомъ Тырыдынза(40), но, въ послѣдствіи, ихъ разобщила рѣка Уссури.

Среди Уссурійскихъ болотъ есть много релонъ*) съ хорошею плодородною землею, которыми и воспользовались крестьяне для распашекъ. Въ пяти верстахъ отъ рѣки на востокъ начинаются горы. Лѣтъ десять тому назадъ онѣ были покрыты лѣсами, отъ которыхъ нынѣ не осталось и слѣдовъ. Ту древесную растительность, которую мы видимъ теперь въ долинѣ Уссури, лѣсомъ назвать нельзя. Эта жалкая поросль, состоитъ главнымъ образомъ изъ липы (*Tilia manshurica* Rupr. et Max.), черной и бѣлой березы (*Betula daurica* Pal. et *Betula japonica* H. Winke.) и растущихъ полукустарниками: ольхи (*Alnus hirsuta* Turcz.), ивняка (*Salix triandra* Lin) и, наконецъ, раскидистаго кустарника (*Securinea ramiflora* Mull. Argov.), похожего на леспедецу.

Почернѣвшіе стволы деревьевъ, обуглившіеся пни и отсутствіе молодняка указываютъ на частыя палы. Оноло желѣзной дороги и быть иначе не можетъ.

Цвѣтковыя растенія растутъ такою однообразною массою, что, кажется, будто, здѣсь вовсе нѣтъ ойкологическихъ сообществъ. То встрѣча-

38) Самыя низкія мѣста, по которымъ сбѣгаетъ вода

39) Хань-дэ динь-цзы сы — Вершина съ хрупкой Хань-дэ (китайской дубре-лѣтели).

40) Ди-эрт динь-цзы—Вторая вершина.

*) Релка—мѣстное названіе возвышеннаго мѣста среди затопляемой равнины

Х.

ВВЕРХЪ ПО УССУРИ.

ПОРЯДОКЪ ДНЯ ВЪ ПОХОДѢ. СЕЛО УСПЕНКА. ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ Р. УССУРИ. ДАУБИХЕ И УЛАХЕ. БОЛОТА. ОХОТА ЗА ПЧЕЛАМИ. БОРЬБА ПЧЕЛЪ СЪ МУРАВЬЯМИ. МАНЬЧЖУРСКІЙ ЗАЯЦЪ. ГОЛЫДЫ РОДА ЮКОМИКА. СУХАЯ МГЛА.

Работа между участниками экспедиціи распредѣлялась слѣдующимъ образомъ. На поручика Гранатмана было возложено завѣдываніе хозяйствомъ и фуражное довольствіе лошадей. Мерзлякову давались отдѣльныя порученія въ сторону отъ главнаго пути. Этнографическія изслѣдованія и маршрутные съемки я взялъ на себя, а Н. А. Пальчевскій направился прямо въ заливъ Св. Ольги, гдѣ, въ ожиданіи отряда, рѣшилъ заняться сборомъ растеній, а затѣмъ уже присоединиться къ экспедиціи и слѣдовать съ нею дальше по побережью моря.

Самый порядокъ дня въ походѣ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: очередной артельщикъ, выбранный срокомъ на двѣ недѣли, вставалъ раньше другихъ. Онъ варилъ какую нибудь кашу, грѣлъ чай и, когда завтракъ былъ готовъ, будилъ остальныхъ людей. На утренніе сборы уходило около часа. Приблизительно между семью и восемью часами мы выступали въ походъ. Около полудня дѣлался большой привалъ. Лошадей развьючивали и пускали на подножный кормъ. Горячая пища варилась два раза въ сутки, утромъ и вечеромъ, а днемъ на привалахъ пили чай съ сухарями или ѣли мучныя лепешки, испеченныя нананунѣ. Въ часъ дня выступали дальше и шли примѣрно часовъ до четырехъ. Одинъ изъ стрѣлковъ по очереди находился около меня. У него на рукахъ были тѣ инструменты, которые постоянно бываютъ нужны въ походѣ: ружье, малая шанцевая лопата, небольшой топорикъ, фотографическій аппаратъ и т. д.

За день мы успѣвали пройти отъ 15 до 25 верстъ, смотря по мѣстности, погодѣ и той работѣ, которая производилась въ пути. Мѣсто для бивака всегда выбирали гдѣ нибудь около рѣчки. Пона варился обѣдъ и ставили палатки, я успѣвалъ вычертить свой маршрутъ. Въ это время товарищи сушили растенія, препарировали птицъ, укладывали наскѣмыхъ въ ящики и нумеровали геологическій матеріалъ. Часовъ въ пять обѣдали и ужинали въ одно и тоже время. Послѣ этого съ ружьемъ въ рукахъ я уходилъ экскурсировать по окрестностямъ и заходилъ иногда такъ далеко, что не всегда успѣвалъ возвратиться назадъ къ сумеркамъ. Темнота застигала меня въ дорогѣ, и эти переходы въ лунную ночь по лѣсу, оставили по себѣ неизгладимыя воспоминанія. Часовъ въ девять вечера послѣдній разъ мы пили чай, затѣмъ стрѣлки занимались своими дѣлами: чистили ружья, починали одежду и обувь,

справляли сѣдла... Въ это время я заносилъ въ дневникъ свои наблюденія.

Во время путешествія скучать не приходится. За день такъ уходишься, что еле еле дотащишься до бивака. Палатка, костеръ и теплое сѣдло кажутся тогда лучшими благами, какія только даны людямъ на землѣ; никакая городская гостинница не можетъ сравниться съ ними. Выпьешь поскорѣ горячаго чаю, залѣзешь въ свой спальный мѣшокъ и уснешь такимъ сномъ, какимъ спать только устале. Ночью бивакъ охранялся часовымъ; онъ смотрѣлъ за лошадьми, подкладывалъ дрова въ огонь и окарауливалъ спящихъ.

Въ походѣ мы были ежедневно. Дневки были только случайныя: напримѣръ, заболѣла лошадь, сломалось сѣдло и т. п. Если окрестности были интересны, мы останавливались въ этомъ мѣстѣ на двое сутокъ, а то и болѣе. Изъ опыта выяснилось, что во время сильныхъ дождей быть въ дорогѣ невыгодно, потому что пройти удастся немного, люди и лошади скоро устаютъ, сѣдла порятыся, планшетъ мохнетъ и т. д. Въ результатѣ выходить такъ, что въ ненастье идешь, а въ солнечный день сидишь въ палаткѣ, приводишь въ порядокъ съѣмки, доканчиваешь дневникъ, дѣлаешь вычисленія—однимъ словомъ, исполняешь ту работу, которую почему либо не успѣлъ сдѣлать раньше.

Въ день выступленія 19 июня мы всѣ встали рано, но выступили поздно. Это вполне естественно. Первые обзоры всегда затягиваются. Дальше, въ пути, всѣ привыкаютъ къ извѣстному порядку, каждый знаетъ своего коня, свой вьюкъ, какія у него должны быть вещи, что сперва надо укладывать, что послѣ, какіе предметы бываютъ нужны въ дорогѣ и какіе на бивакѣ.

Въ первый день всѣ чины отряда выступили бодрыми и веселыми. День былъ жаркій. солнечный. На небѣ не было ни одного облачка, но въ воздухѣ чувствовался избытокъ влаги.

Грязная проселочная дорога между селеніями Шмаковкой и Успенкой пролегаетъ по уваламъ горы Хандо-Динза-Сы. Всѣ мосты на ней уничтожены весенними палами и потому переправа черезъ встрѣчающіяся на пути рѣчки, превратившіяся теперь въ стремительные потоки, была дѣломъ далеко не легкимъ.

На возвышенныхъ мѣстахъ характеръ растительности былъ тотъ же самый, что и около желѣзной дороги. Это было рѣдколѣсье изъ липы, дубяна и березы. При окружающихъ пустыряхъ рѣдколѣсье это казалось уже густымъ лѣсомъ.

Часамаъ къ тремъ дня отрядъ нашъ сталъ подходить къ р. Усури. Опытный глазъ сразу замѣтилъ бы, что это первый походъ. Лошади сильно растянулись, съ нихъ то и дѣло съѣзжали сѣдла, разстегивались подпруги, люди часто останавливались и переобувались. Кому много приходилось путешествовать, тотъ знаетъ, что это въ порядкѣ вещей. Съ каждымъ днемъ эти остановки дѣлаются рѣже, постепенно все налаживается и дальнѣйшія передвиженія происходятъ уже ровно и безъ замиднокъ. Тутъ тоже нуженъ опытъ каждаго человѣка въ отдѣльности.

Когда идешь въ далекое путешествіе, то ниюгда не надо въ первые дни совершать большихъ переходовъ. Наоборотъ, надо идти понемногу и чаще давать отдыхи. Когда всѣ приспособятся, то люди и лошади сами пойдутъ скорѣе и безъ понуканія.

Вступленіе экспедиціи въ село Успенну для жизни деревенской было цѣлымъ событіемъ. Ребятишки побросали свои игры и высыпали за ворота; изъ оной выглядывали испуганныя женскія лица; мужини сставляли свои работы и подолгу смотрѣли на проходившій мимо нихъ стрядъ.

Село Успенна расположено на высокихъ террасахъ съ лѣвой стороны р. Усури. Основано оно въ 1891 году и теперъ имѣло около 180 дворовъ.

Было каникулярное время, и потому насъ помѣстили въ школѣ, лошадей оставили на дворѣ, а все имущество и сѣдла сложили подъ навѣсомъ.

Вечеромъ приходили крестьяне—старожилы. Они разсказывали о своей жизни въ этихъ мѣстахъ, говорили о дорогѣ и давали совѣты.

На другой день мы продолжали свой путь. За деревней дорога привела насъ къ рѣкѣ Усури. Вся долина была затоплена водою. Возышенныя мѣста назались островами. Среди этой массы воды русло рѣки бѣгало быстрымъ теченіемъ и деревьями, росшими по берегамъ ея. При обыкновенномъ уровнѣ рѣки Усури имѣетъ около 100 сажень ширины, около двухъ сажень глубины и быстроту теченія 3 версты въ часъ. Сопровождавшіе насъ крестьяне говорили, что во время наводненій сообщеніе съ сосѣдними деревнями по дорогѣ совѣтъ прекращается и тогда они пробираются къ нимъ только на леднахъ.

Посовѣтовавшись, мы рѣшили итти вверхъ по рѣкѣ до такого мѣста, гдѣ она идетъ однимъ русломъ, и тамъ попробовать переправиться вплавъ съ конями.

С разсвѣтомъ казалось, что день будетъ пасмурный и дождливый, но къ десяти часамъ утра погода разгулялась. Тогда мы увидѣли то, что искали. Верстахъ въ пяти отъ насъ рѣка собирала въ себя всѣ протоки. Множество сухихъ релонъ давали возможность подойти къ ней вплотную. Но для этого надо было обойти болота и спуститься въ долину около горы «Кабарги».

Лошади уже отабунились, онѣ не лягались и не кусали другъ друга. Еъ поводу надо вести только перваго коня, а прочіе шли слѣдомъ сами. Одинъ изъ стрѣлковъ по очереди шелъ сзади и подгонялъ тѣхъ лошадей, которыя сворачивали въ сторону или отставали.

Поравнявшись съ горою Кабаргой, мы повернули на востокъ къ фанзѣ Хаудіень,⁽⁴²⁾ расположенной на другой сторонѣ Усури, около устья р. Ситухе. Перебираясь съ одной релки на другую и, обходя боетины, мы скорѣе достигли лѣса, растущаго на берегу рѣки. На наше счастье въ фанзѣ у китайцевъ оказалась лодка. Правда, она цѣдила, какъ что-то, но все же это была посудина, которая въ значительной степени

42) Худань—Второй (задній) постоялый дворъ.

облегчила нашу переправу. Около часа было потрачено на ее починку. Щели лодки мы кое какъ законопатали, доски сбили гвоздями, а вмѣсто уключинъ вбили деревянные колышки, къ которымъ привязали веревочныя петли. Когда все было готово, приступили къ переправѣ. Сначала перевезли сѣдла, потомъ переправили людей. Оставалась очередь за конями. Самы лошади въ воду идти не хотѣли и надо было, чтобы кто нибудь плыль вмѣстѣ съ ними. На это опасное дѣло вызвался казанъ Кожевниковъ. Онъ раздѣлся до нага, сѣлъ верхомъ на наиболѣе ходорого бѣлаго коня и смѣло вошелъ въ рѣку. Стрѣлки тотчасъ же всѣхъ остальныхъ лошадей погнали за нимъ въ воду. Канъ только лошадь Кожевникова потеряла дно подъ ногами, онъ тотчасъ же соскочилъ съ нея и, ухватившись рукою за гриву, поплыль рядомъ. Вслѣдъ за нимъ поплыли и другія лошади. Съ берега видно было, какъ Кожевниковъ ободрялъ коня и гладилъ рукою по шеѣ. Лошади плыли фыркая, раздувъ ноздри и оскаливъ зубы. Несмотря на то, что теченіе сносило ихъ, онѣ все же подвигались впередъ довольно быстро.

Удастся ли Кожевникову выплыть съ конями къ намѣченному мѣсту?

Ниже росли кусты и деревья, берегъ становился обрывистымъ и былъ заваленъ буреломомъ. Черезъ десять минутъ его лошадь достала до дна ногами. Изъ воды появились ея плечи, затѣмъ спина, крупъ и ноги. Съ гривы и хвоста вода текла ручьями. Казанъ тотчасъ же влѣзъ на коня и верхомъ выѣхалъ на берегъ.

Такъ какъ однѣ лошади были сильнѣе, другія слабѣе и плыли медленно, то естественно, что весь табунъ растянулся по рѣкѣ. Когда конь Кожевникова достигъ противоположнаго берега, послѣдняя лошадь была еще на серединѣ рѣки. Стало ясно, что ее снесетъ водою. Она напрягала ея свои силы и держалась противъ воды, стараясь преодолѣть теченіе, а теченіе увлѣкало ее все дальше и дальше. Кожевниковъ видѣлъ это. Дождавшись остальныхъ коней, онъ въ карьеръ бросился вдоль берега внизъ по теченію. Выбравъ мѣсто, гдѣ не было бурелома, казанъ сквозь кусты пробрался къ рѣкѣ, остановился въ виду у плывущей лошади и началъ ее окликать; но шумъ рѣки заглушалъ его голосъ. Бѣлый конь, на которомъ сидѣлъ Кожевниковъ, насторожился и, высоко поднявъ голову, смотрѣлъ на воду. Вдругъ громкое ржаніе пронеслось по рѣкѣ. Плывущая лошадь услышала этотъ крикъ и стала мѣнять направленіе. Черезъ нѣсколько минутъ она выходила на берегъ. Давъ ей отдышаться, казанъ надѣлъ на нее недоуздокъ и повелъ въ табунъ. Тѣмъ временемъ лодка перевезла остальныхъ людей и ихъ грузы.

Послѣ переправы у фанзы Хаудиень, экспедиція направилась вверхъ по р. Ситухе,⁽⁴³⁾ стараясь обойти болота и поскорѣе выйти къ горамъ.

Рѣка Ситухе течетъ въ широтномъ направленіи. Она длиною сорокъ пять верстъ. Большинство притоковъ ея находятся съ лѣвой стороны.

43) Ши-гоу ко—Камешстая рѣчка.

Сама по себѣ Ситухе маленькая рѣчка, но, не доходя трехъ верствъ до Усури, она превращается въ широкій и глубокий каналъ.

Здѣсь происходитъ сліяніе р. Даубихе съ р. Улахе (44 гр. 58 мин. с. ш. и 8 гр. 54 мин. в. д. отъ Гринвича—по Гамову). Отсюда начинается собственно р. Усури, которая на участіи до р. Сунгачи принимаетъ въ себя справа двѣ меньшія рѣчки—Гирма-Биру и Курма-Биру.

Рѣка Даубихе (по маньчжурски Хуэ-бира) течетъ съ ЮЮЗ къ ССВ. Истоки ея находятся въ горахъ Да-Дянь-шань съ перевалами на р. Сунчань и на р. Лефу. Въ верховьяхъ она слагается изъ трехъ рѣкъ: Ту-дагоу,⁽⁴⁴⁾ Эрлдагоу⁽⁴⁵⁾ и Сандагоу,⁽⁴⁶⁾ затѣмъ принимаетъ въ себя притоки: справа—Сыдагоу,⁽⁴⁷⁾ Ханыхезу,⁽⁴⁸⁾ Янь-цзинь-гоу,⁽⁴⁹⁾ Чау-тангоузу,⁽⁵⁰⁾ а слѣва—Хамыхезу,⁽⁵¹⁾ Даубихезу,⁽⁵²⁾ Шитухе и Угыдынзу.⁽⁵³⁾ Длинною Даубихе болѣе 250 верствъ, глубиною 5—6 фут. при быстротѣ теченія около 4 верствъ въ часъ.

Рѣка Улахе течетъ нѣкоторое время въ направленіи отъ Ю къ С, но потомъ, вдругъ, на высотѣ фанзы Линда-Пау круто поворачиваетъ на западъ. Здѣсь улахинская вода съ такою силою вливается въ даубихинскую, что принимаетъ ее къ лѣвому берегу. Волѣдствіе этого, какъ разъ противъ устья р. Улахэ, образовалась длинная заводь. Эта заводь и обѣ рѣки (Даубихэ и Улахэ) вмѣстѣ съ Усури расположились такимъ образомъ, что получилась крестообразная фигура. Во время наводненія здѣсь скопляется много воды. Отсюда собственно и начинается затопляться долина Усури. Отъ того мѣста, гдѣ Улахе поворачиваетъ на западъ, параллельно Усури, среди болотъ, цѣпью другъ за другомъ, тянется длинный рядъ озерковъ, кончающихся около канала Ситухе, о которомъ говорилось выше. Озера эти и каналъ Ситухе указываютъ мѣсто прежняго теченія Улахе. Сліяніе ея съ рѣкою Даубихе раньше происходило значительно ниже, чѣмъ теперь.

Почувствовавъ твердую почву подъ ногами, люди и лошади пошли бодрѣе. Къ полудню мы миновали старообрядческую деревню Подгорную, состоящую изъ 25 дворовъ. Время было раннее, и потому рѣшено было не задерживаться здѣсь. Дорога шла вверхъ по рѣкѣ Ситухе. Слева былъ лѣсъ, справа луговая низина, залитая водою. По пути намъ снова пришлось переходить еще одну небольшую рѣчку, протекающую по узенькой, но чрезвычайно заболоченной долинкѣ. Люди перебирались съ вочки на вочку, но лошадямъ досталось трудно. На нихъ жално было

44) Тоу да-гоу—Первая большая долина.

45) Эръ да-гоу—Вторая большая долина.

46) Сань да-гоу—Третья большая долина.

47) Сы да-гоу—Четвертая большая долина.

48) Хань-ни хэ-цзы—Рѣчка съ засохшею грядью.

*49) Янь-цзы гоу—Долина съ прогалинами.

50) Чао-танъ гоу-цзы—Надъ (долина), обращенная къ солиду.

51) Ха-ма хэ-цзы—Жабья рѣчка.

52) Дао-бинь хэ-цзы—Малая Дао-бинь хэ (сметри выше строку 10-ую).

53) У-гэ динь-цзы—Пятая вершина.

смотреть: онѣ проваливались по брюхо и часто падали. Нѣкоторые кони такъ увязли, что не могли уже подняться безъ посторонней помощи. Пришлось ихъ разсѣдывать и переносить грузы на рукахъ.

Когда послѣдняя лошадь перешла черезъ болото, день уже былъ на исходѣ. Мы прошли еще немного и встали бивакомъ около ручья съ чистой проточною водою.

Вечеромъ стрѣлки и казаки сидѣли у костра и пѣли пѣсни. Откуда то взялась у нихъ гармоника. Глядя на ихъ беззаботныя лица, никто бы не повѣрилъ, что только два часа тому назадъ они бились въ болотѣ измученные и усталые. Видно было, что они совершенно не думали о завтрашнемъ днѣ и жили только настоящимъ. А въ сторонѣ, у другого костра, другая группа людей разсматривала карты и обсуждала дальнѣйшіе маршруты.

На слѣдующій день рѣшено было сдѣлать дневку. Надо было просушить имущество, почистить сѣдла и дать лошадямъ отдыхъ. Стрѣлки съ утра взялись за работу. Каждый изъ нихъ зналъ, у кого что неладно, и что надо исправить.

Сегодня мы имѣли случай наблюдать, какъ казаки охотятся за пчелами. Когда мы пили чай, кто то изъ нихъ взялъ чашку, въ которой были остатки меда. Немедленно на бивакѣ появились пчелы—одна, другая, третья и такъ нѣсколько штукъ. Однѣ пчелы прилетали, а другія съ ношей торопились вернуться и вновь набрать меду. Разыскать медъ взялся казакъ Мурзинъ. Замѣтивъ направленіе, въ которомъ летѣли пчелы, онъ всталъ въ ту сторону лицомъ, имѣя въ рукахъ чашку съ медомъ. Черезъ минуту появилась пчела. Когда она полетѣла назадъ, Мурзинъ сталъ слѣдить за ней до тѣхъ поръ, пока не потерялъ ее изъ виду.

Тогда онъ перешелъ на новое мѣсто, дождался второй пчелы, перешелъ опять, выслѣдилъ третью и т. д. Такимъ образомъ онъ медленно, но вѣрно, шелъ къ улью. Пчелы сами указывали ему дорогу. Для такой охоты нужно запастись терпѣніемъ.

Часа черезъ полтора Мурзинъ возвратился назадъ и доложилъ, что нашелъ пчелъ и около ихъ улья увидѣлъ такую картину, что поспѣшилъ вернуться обратно за товарищами. У пчелъ шла война съ муравьями. Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже въ пути, захвативъ съ собой пилу, топоръ, котелки и спички. Мурзинъ шелъ впереди и указывалъ дорогу. Скоро мы увидѣли большую липу, растущую подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ. Вокругъ нея вились пчелы. Почти весь рой находился снаружи. Входъ въ улей (летикъ) былъ внизу около корней. Съ солнечной стороны они переплелись между собою и образовали пологій скатъ. Около входнаго отверстія въ улей густо столпились пчелы. Какъ разъ противъ нихъ, тоже густою массою, стояло плочище черныхъ муравьевъ. Интересно было видѣть, какъ эти два враждебные отряда стояли другъ противъ друга, не рѣшаясь на нападеніе. Развѣдчики муравьи бѣгали по сторонамъ. Пчелы нападали на нихъ сверху. Тогда муравьи садились на брюшко и, широко раскрывъ челюсти, яростно обонялись. Иногда муравьи принимали обходное движеніе, и старались

напасть на пчелъ сзади, но воздушные развѣдчики открывали ихъ, часть пчелъ перелетала туда и вновь преграждала муравьямъ дорогу.

Съ интересомъ мы наблюдали эту борьбу. Кто кого одолѣетъ? Удастся ли муравьямъ проникнуть въ улей? Кто первый уступитъ? Быть можетъ, съ заходомъ солнца, враги разойдутся по своимъ мѣстамъ для того, чтобы утромъ начать борьбу снова; быть можетъ эта осада пчелинаго улья длится уже не первый день.

Неизвѣстно чѣмъ кончилась бы эта борьба, если бы на помощь пчеламъ не пришли казаки. Они успѣли согрѣть воду и стали кипяткомъ обливать муравьевъ. Муравьи корчились, суетились и гибли на мѣстѣ тысячами. Пчелы были возбуждены до крайности. Въ это время по ошибкѣ кто то плеснулъ на пчелъ горячею водою. Мигомъ весь рой поднялся на воздухъ. Надо было видѣть въ какое бѣгство обратились казаки. Пчелы догоняли ихъ и жалили въ затылокъ и въ шею. Черезъ минуту около дерева никого не было. Люди стояли въ отдаленіи, ругались, смѣялись и острили надъ товарищами, но, вдругъ, лица ихъ дѣлались испуганными, они принимались отмахиваться рунами и убѣгали еще дальше.

Рѣшено было дать пчеламъ успокоиться. Передъ вечеромъ два казака вновь пошли къ улью, но уже ни меда, ни пчелъ не нашли. Улей былъ разграбленъ медвѣдями. Такъ неудачно кончился нашъ походъ за дикимъ медомъ.

Въ ночь съ 25 на 26 іюня шелъ сильный дождь, который прекратился только къ разсвѣту. Утромъ небо было хмурое; тяжелыя дождевыя тучи низко ползли надъ землею и, какъ саваномъ, окутывали вершины горъ. Надо было ждать дождя снова.

Когда идешь въ дальнюю дорогу, то уже не разбираешь погоду. Сегодня вымокнешь, завтра высохнешь, потомъ опять вымокнешь и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ дождливые дни сидѣть на мѣстѣ, то, пожалуй, недалеко уйдешь за лѣто. Мы рѣшили попытать счастье—и хорошо сдѣлали. Часамъ къ десяти утра стало видно, что погода разгуляется. Дѣйствительно, въ теченіе дня она смѣнялась нѣскольکو разъ: то свѣтило солнце, то шелъ дождь. Подсохшая было дорога размокла и опять появились лужи.

Перейдя р. Ситухе мы подошли къ дер. Крыловкѣ, состоящей изъ 66 дворовъ. Слѣдующая деревня Межгорная (17 дворовъ), была такъ бѣдна, что мы не могли купить въ ней десяти фунтовъ хлѣба. Крестьяно ездыхали и жаловались на свою судьбу. Последнее наводненіе сильно ихъ напугало.

Дольнѣйшій путь экспедици лежалъ черезъ горы. На этомъ пути намъ предстояло еще одно испытаніе. Нужно было перейти пять сильно заболоченныхъ распадовъ.(54) Первый распадонъ находился сейчасъ же за деревней, а послѣдній, самый большой,—недалеко отъ р. Улахе. Дорога, проложенная самими крестьянами, не имѣла ни канавъ, ни мостовъ, ни гатей. Грязь на ней была непролазная. Казаки пробовали былъ

54) Короткая и широкая долина съ маленькимъ ручьемъ.

вести лошадей цѣлиною, но это оказалось еще хуже. Чтобы закрѣпить заборы, стрѣлки рубили ивнякъ и бросали его коньямъ подъ ноги. Правда, это немного облегчало переправу людей, но мало помогало лошадямъ. Таная непрочная гать только обманывала ихъ, онѣ оступались и падали. Приходилось опять ихъ разсѣдывать и переносить на себѣ; бьюки. Наконецъ, и эти болота были пройдены.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ крестьянъ, дальше дорога шла лѣсомъ. Выйдя на твердую почву, отрядъ остановился на отдыхъ.

Въ это время, вдругъ, совершенно неожиданно, откуда то изъ кустовъ, выскочилъ заяцъ. Въ одно мгновеніе люди бросились за нимъ въ погоню. Надо было видѣть, какой поднялся переполохъ въ отрядѣ. Кто свисталъ, кто гиналъ, кто бросалъ въ убѣгающаго зайца палкой, камнемъ и всѣмъ, что попадало подъ руку. Несчастный звѣрекъ бѣжалъ зигзагами и хотѣлъ укрыться въ нустариннахъ. Это, вѣроятно, ему удалось бы сдѣлать, если бы Загурскій не выстрѣлилъ изъ ружья. Пуля ударила въ землю, какъ разъ оноло головы зайца и оглушила его. Въ это время другой стрѣлокъ подбѣжалъ и схватилъ его руками. Заяцъ метнулся, заверещалъ и, прижавъ къ спинѣ уши, притаился. Бѣдный звѣрокъ былъ страшно напуганъ. Его раздвоенная верхняя губа быстро двигалась, сердце усиленно билось. Онъ сидѣлъ на рукахъ у Туртыгина, прислушиваясь и озирался.

Пойманный заяцъ (*Lepus manshuricus*. Pal.) былъ маленькій, сѣро-бураго цвѣта. Такую окраску онъ сохраняетъ все время и лѣтомъ и зимою. Областью распространенія этого зайца въ Приамурьѣ является долина р. Уссури съ притоками и побережье моря до мыса Бѣлкина. Кроме этого зайца въ Уссурийскомъ Краѣ водится еще заяцъ-бѣлякъ (*Lepus timidus* Subsp.) и черный заяцъ (*Caprolagus* Sp.)—видъ до сихъ поръ еще не описанный. Онъ совершенно чернаго цвѣта и встрѣчается рѣдко. Быть можетъ, это просто меланистическое отклоненіе зайца-бѣляка. Въдѣсть же чернобурыя лисицы, черные волки, даже черные зайцы-русаки.

Любить русскій человекъ погонять зайца, любить травить его только потому, что онъ трусливъ и беззащитенъ. Это не злоба—это жестокая забава.

Заяцъ внесъ въ отрядъ большое оживленіе. Дожди, болота, усталость—все это было забыто. Люди кричали и на перерывъ старались разсказать другъ другу, кто и какъ увидѣлъ зайца, какъ онъ бѣжалъ и какимъ образомъ его поймали. Никаное другое животное не дало бы столько темъ для разговоровъ. Вокругъ Туртыгина столпились люди. Каждому хотѣлось какъ нибудь высказать звѣрку свое вниманіе: кто гладилъ его по спинѣ, кто тянулъ за хвостикъ, кто тыналъ ему сигаркой въ носъ и дергалъ за ухо. Ужъ какъ только солдаты не крестили зайца, какъ только не острили и въ десятый разъ разсказывали другъ другу о его поимкѣ. Не только у русскихъ, но и у китайцевъ и амурскихъ инородцевъ слово «заяцъ» означаетъ насмѣшку надъ человекомъ трусливымъ, дѣлающимъ отъ страха всякія глупости.

Приказъ сдѣлать рѣшено было заставить стрѣлковъ заняться дѣломъ. Послѣ короткаго совѣщанія рѣшено было дать зайцу свободу. Едва только

спустили его на землю, какъ онъ тотчасъ же бросился бѣжать. Свистъ и крики понеслись ему въ догонку. Шумъ и смѣхъ сопровождали его до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся изъ виду.

Когда лошади были застѣданы, отрядъ двинулся дальше. Теперь тропа пошла косогороми, обходя горные ключи и медленно взбираясь на переваль. Дубовое рѣдколѣсное смѣнилось лѣсонасажденіями изъ клена, липы и даурской березы; кое-гдѣ мелькали одиночные кедры и остроконачныя вершины елей и пихтъ.

Часа черезъ полтора мы достигли перевала. Здѣсь у подножья большого дуба стояла маленькая кумирня, сложенная изъ плитняковаго камня. Кумирня эта была поставлена китайскими охотниками и искателями женьшеня. Лицевая ея сторона была украшена красной тряпичей съ іероглифической надписью: «Санъ-линь-чжи-чжу», т. е. «Владыкъ горъ и лѣсовъ (тигру)».

Съ вершины перевала намъ открылся великолѣпный видъ на р. Улахе. Солнце только что скрылось за горизонтомъ. Кучевыя облака на небѣ и дальнія горы, приняли нѣжную пурпуровую окраску. Справа отъ дороги свѣтлой полосой змѣилась рѣка. Вдали виднѣлись канія - то фанзы. Дымъ отъ нихъ не подымался къверху, а стлался по землѣ и казался неподвижнымъ. Въ сторонѣ виднѣлось небольшое озерко. Около него мы встали на биванъ. Какъ и всегда сначала около огней было оживленіе, разговоры, смѣхъ и шутки. Потомъ все стало успокаиваться. Послѣ ужина солдатики легли спать, а мы долго сидѣли у огня, дѣлились впечатлѣніями послѣднихъ дней и строили планы на будущее.

Вечеръ былъ удивительно тихій. Слышно было, какъ паслись кони на лугу; гдѣ-то въ горахъ ухалъ филинъ и несмолкаемымъ гомономъ съ болотъ доносилось квананье лягушекъ.

На другой день мы встали рано и рано выступили въ дорогу. Фанзы, которыя вчера мы видѣли съ перевала, оказались гольдскія. Мѣстность эта называется Чжумтайза(55), что по - китайски означаетъ «Горный ручей». Живущіе здѣсь гольды принадлежали къ роду Юкамина, нынѣ почти совершенно уничтоженному оспенными эпидеміями. Стойбища ихъ были на Амурѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ городъ Хабаровскъ. Потѣсенные русскими, они ушли на Уссури, а оттуда, подъ давленіемъ казаковъ, перекочевали на р. Улахе. Теперь ихъ осталось только двѣнадцать человекъ: трое мужчинъ, пять женщинъ и четверо дѣтей.

Мужчины были одѣты по китайски. Они носили куртку, сшитую изъ синей дабы и такіе же штаны. Костюмъ женщинъ болѣе сохранилъ свой національный характеръ. Одежда ихъ пестрила вышивками по борту и по краямъ подола была обвѣшана побрянушками. Выбѣжавшіе изъ фанзъ грязные ребятишки, испуганно смотрѣли на насъ. Трудно сказать, какого цвѣта была у нихъ кожа, на ней были и загаръ, и грязь, и потъ. Гольды эти еще знали свой языкъ, но предпочитали объясняться по китайски. Дѣти же рѣшительно ни одного слова не понимали пе

55) Чжунъ тай цзы—Центральная башенка или Цзоу-ку тай-цзы, т. е. Дубовая башенка.

гольдски. Удивительно, как быстро китайцы умѣютъ передѣлывать ино-родцевъ по своему.

Покончивъ съ осмотромъ фанзъ, отрядъ нашъ пошелъ дальше. Тро-па стала прижиматься къ горамъ. Это будетъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Улахе начинаеть мѣнять свое широтное направленіе на сѣверо-западное. Здѣсь она шириною около 85 саж. и въ среднемъ имѣеть ско-рость теченія около 5 верстъ въ часъ. Изъ притоковъ ея замѣчательны: съ правой стороны—извѣстная уже намъ Ситухе, затѣмъ Чжумтайза, Тяпигоу(56), Ното(57) Вамбахеза(58) и Фудинь(59), а съ лѣвой сторо-ны—р.р. Хуанихеза(60) и Вангоу(61).

Отъ гольдскихъ фанзъ шло два пути. Одинъ былъ кружный по лѣ-вому берегу Улахе и велъ на Ното, другой шелъ въ юго-восточномъ на-правленіи мимо горъ Хуанихеза и Угы-Динза. Мы выбрали послѣдній. Рѣшено было все грузы отправить на лодкахъ съ гольдами вверхъ по Улахе, а самими переправиться черезъ рѣку и по долинѣ Хуанихезы вый-ти къ поселку Загорному, а оттуда съ легкими вьюками пройти напра-минъ въ деревню Кокшаровку.

Уже съ половины дня можно было предсказать, что завтрашній день будетъ дождливый. Въ Уссурійскомъ Краѣ, такъ называемая, сухая мгла часто является предвѣстникомъ непогоды. Первые признаки ея замѣча-лись еще наканунѣ вечеромъ. На другой день къ утру она значительно сгустилась, а въ полдень стала замѣтной даже вблизи. Контуры даль-нихъ горъ тогда только можно было разсмотрѣть, если наблюдатель на-передъ зналъ ихъ очертаніе. Казалось, будто весь воздухъ наполнился дымомъ. Небо сдѣлалось бѣлесоватымъ; вокругъ желтаго солнца появи-лись вѣнцы; тонкая паутина слоистыхъ облаковъ приняла грязно-сѣрый оттѣнокъ. Потомъ, вдругъ, воздухъ сдѣлался чистымъ и прозрачнымъ. Дальнія горы приняли цвѣтъ темно-синій и стали хмурыми. О томъ, что зашло солнце, мы узнали только по надвинувшимся сумеркамъ. Въ при-родѣ все замерло и притаилось. Однѣ только лягушки канъ будто радо-вались непогодѣ и наперерывъ старались перекричать другъ друга.

Вечеромъ пошелъ дождь...

56) Дяо-ли гоу—Соболиная долина.

57) Ното хэ—Бнотоя рѣка.

58) Вам-ба хэ-цаи—Черепашья рѣчка.

59) Фу-цзинь—Маньчжурское слово «Фудчжинь—начало, основаніе.

60) Хуань-ни хэ-цаи—Рѣчка желтой грязи (глинистая).

61) Вань-гоу—Ивилистая долина.

XI.

ОТЪ ЧЖУМТАЙЗЫ ДО ДЕРЕВНИ ЗАГОРНОЙ.

ПЕРЕМѢНА ПОГОДЫ. ПОЛОЗЪ ШРЕНКА. ГРОЗА. Р. ВАНГОУ. ДЕР. ЗАГОРНАЯ. СТАРОВЪРЪ ПАНАЧЕВЪ. ПРИЗНАКИ ПРИБЛИЖЕНІЯ АНТИХРИСТА.

Мы думали, что къ утру дождь прекратится, но ошиблись. Съ разсвѣтомъ онъ пошелъ еще сильнѣе. Чтобы вода не залила огонь, пришлось подкладывать въ костры побольше дровъ. Дрова горѣли плохо и сильно дымили. Люди забились въ комарники и не показывались наружу. Время тянулось утомительно долго.

Въ Уссурійскомъ Краѣ дожди выпадаютъ сразу на очень большой площади и идутъ съ удивительнымъ постоянствомъ. Они захватываютъ сразу нѣсколько бассейновъ, иногда даже—всю область. Этимъ и объясняются большія наводненія.

У Дерсу была слѣдующая примѣта: если во время дождя въ горахъ появится туманъ и онъ будетъ лежать неподвижно, это значитъ, что дождь скоро пренратится. Но, если туманъ быстро двигается—это признакъ затяжного дождя и можетъ быть—тайфуна(62).

Утромъ передъ восходомъ солнца дождь пересталъ, но вода въ рѣкѣ начала прибывать и потому надо было торопиться съ переправой. Въ этомъ случаѣ значительную помощь оназали намъ гольды. Быстро, безъ проволочекъ, они перебросили на другую сторону всѣ наши грузы. Слабую лошадь переправили въ поводу, рядомъ съ лодной, а остальные переплыли сами.

Часовъ въ восемь утра солнечные лучи прорвались сквозь тучи и стали играть въ облакахъ тумана, освѣщая ихъ своимъ золотистымъ свѣтомъ. Глядя на эту картину, я мысленно перенесся нъ первымъ днямъ творенія, когда надъ горячей поверхностью земли носились еще тяжелыя испаренія. Наконецъ, туманъ началъ разсѣиваться; природа оцѣлѣвшая отъ неустыи, стала оживать; послышалось пѣніе жаворонковъ, въ воздухѣ опять появились насекомыя.

Когда лодка отчалила отъ берега, мы тоже тронулись въ путь. Теперь горы были справа, а рѣка—слѣва. Болота кончились, но это насъ не избавило отъ сырости. Отъ послѣднихъ дождей земля была сильно пропитана водою; ручьи вышли изъ береговъ и разлились по долинамъ.

Вслѣдствіе какой-то задержки въ пути, лошади отстали, а мы ушли впередъ. На опушкѣ лѣса стояла старая, развалившаяся фанза. Тутъ мы сѣли на камни и стали дожидать коней. Вдругъ длинная темная по-

62) Тайфунъ есть искаженныя китайскія два слова Тай-фунъ (большой вѣтеръ)—такъ называются тихоокеанскіе циклоны.

лоса мелькнула въ сторонѣ. Стрѣлки бросились туда. Это было какое-то большое пресмыкающееся. Оно быстро скользило по травѣ, направляясь къ кустарникамъ. Солдаты бѣжали по сторонамъ, не рѣшаясь подойти къ нему близко. Ихъ пугали размѣры змѣи. Черезъ минуту она доползла до дерева, лежащаго на землѣ, и скрылась въ немъ. Это былъ древесный обломокъ съ гнилою сердцевиной около двухъ сажень длиною и зершновъ шести въ диаметрѣ. А. И. Мерзляковъ схватилъ палку и сталъ тыкать ею въ отверстіе. Въ отвѣтъ на это въ дуплѣ послышалось жужжаніе, а затѣмъ оттуда стали вылѣзать шмели. Значить, внутри дерева было ихъ гнѣздо. Но тогда, куда же дѣвалась змѣя? Неужели она залѣзла къ шмелямъ? Почему въ такомъ случаѣ шмели не подняли тревоги, какую они подняли тогда, когда мы просунули въ дупло палку? Это интересовало всѣхъ. Стрѣлки стали рубить дерево. Оно было гнилое и легко развалилось на части. Какъ только дерево было раскрыто, мы увидѣли змѣю. Она медленно извивалась, стараясь скрыться въ рухлякѣ. Однако это ее не спасло. Казакъ Бѣлоножинъ ударилъ животное топоромъ и отсѣкъ ему голову. Вслѣдъ затѣмъ змѣя была вытащена наружу.

Это оказался Полозь Шренка (*Coluber Schrenckii str.*). Онъ былъ длиною шесть фут. и два дюйма, при толщинѣ шести сантиметровъ.

Внутри дерева дупло вначалѣ было узкое, а затѣмъ къ коню нѣсколько расширялось. Птичій пухъ, клочки шерсти, мелная сухая трава и кожа, сброшенная ужомъ при линяніи, свидѣтельствовали о томъ, что здѣсь находилось его гнѣздо, а ближе къ выходу и нѣсколько сбоку было гнѣздо шмелей. Когда змѣя вылѣзала изъ дерева или входила въ него, она каждый разъ проползала мимо шмелей. Очевидно, и шмели, и ужъ уживались вмѣстѣ и не тяготились другъ другомъ.

Солдаты разсматривали ужа съ интересомъ.

У него что-то есть внутри,—сказалъ Бѣлоножинъ.

Дѣйствительно животъ ужа былъ сильно вздутъ. Интересно было посмотрѣть, чѣмъ питаются эти крупныя пресмыкающіяся. Велико было наше удивленіе, когда въ желудкѣ ужа оказался довольно крупный куликъ съ длиннымъ клювомъ. Какъ только онъ могъ проглотить такую птицу и не подавиться ей?

Гольды разсказываютъ, что Уссурійскій ужъ, вообще, большой охотникъ до пернатыхъ. По ихъ словамъ, онъ высоко взбирается на деревья и нападаетъ на птицъ въ то время, когда онѣ сидятъ въ гнѣздахъ. Въ особенности это ему удается въ томъ случаѣ, если гнѣздо находится въ дуплѣ. Это понятно. Но какъ онъ ухитрился поймать такую птицу, которая бѣгаетъ и летаетъ, и какъ онъ могъ проглотить кулика, длинный клювъ котораго, казалось-бы, долженъ служить ему большой помѣхой.

Надо торопиться, гроза будетъ, сказалъ А. И. Мерзляковъ и посмотрѣлъ на небо.

Какъ бы въ подтвержденіе его словъ, издали донесся глухой ударъ грома.

Пока довили ужа, мы и не замѣтили, какъ наша туча. На землѣ сразу стало темнѣе. Это заставило людей вернуться къ конямъ, которые не обращали вниманія ни на ужа, ни на небо и мирно паслись на травѣ около дороги. Сопровождавшіе насъ гольды говорили, что недалеко есть двѣ китайскихъ фанзы, гдѣ можно будетъ укрыться отъ непогоды.

Туча двигалась очень скоро. Передній край ея былъ бѣлесоватосѣрый и, точно, клубился; отдѣльные облака бѣжали по сторонамъ и, казалось, спорили съ тучей въ быстротѣ движения.

Уйти отъ грозы намъ не удалось. Едва только мы тронулись въ путь, какъ пошелъ дождь. Сначала съ неба упало нѣсколько крупныхъ капель, а затѣмъ хлынулъ настоящій ливень. Пока молнія сверкала вдали, было ясно видно, гдѣ именно происходятъ контакты небснаго электричества съ землею, но, когда она стала вспыхивать въ непосредственной близости, то утратила свой искровый характеръ. Вспышки молній происходили гдѣ-то въ пространствѣ, кругомъ, всюду... Удары грома были настолько сильные, что можно было ощущать, какъ вздрагиваетъ атмосфера и отъ этого сотрясенія каждый разъ дождь шелъ еще сильнѣе.

Обыкновенно такіе ливни непродолжительны, но въ Уссурийскомъ Краѣ бываетъ иначе. Часто, именно, затяжные дожди начинаются грозю. Такъ было и теперь. Гроза прошла, но солнце не появлялось. Кругомъ, вплоть до самаго горизонта, небо покрылось слоистыми тучами, сыпавшими на землю мелкій и частый дождь. Торопиться теперь къ фанзамъ не имѣло смысла. Это всѣ поняли—и люди, и лошади.

Китайскія фанзы находились въ сторонѣ за протокой. Чтобы попасть къ нимъ, надо было дѣлать большой обходъ. Поэтому рѣшено было идти прямо къ старообрядцамъ.

Невысокія горы, онаямляющія долину Вангоу, имѣли большею частью коническую форму. Между горами образовались глубокіе распадки. Вѣроятно, при солнечномъ освѣщеніи мѣстность эта очень живописна, но теперь она имѣла непривѣтливый видъ.

Разсчитывать на перемѣну погоды къ лучшему было нельзя. Къ дождю присоединился вѣтеръ; появился туманъ. Онъ заволакивалъ вершины горъ и то опускался въ долину, то, вдругъ, опять подымался вверхъ и тогда дождь шелъ еще сильнѣе.

Рѣка Вангоу невелика. Она шириною въ 2—3 сажени и глубиною $1\frac{1}{2}$ —2 фута, но теперь она разлилась и имѣла грозный видъ. Вода шла черезъ лѣсъ. Люди переходили черезъ затопленные мѣста безъ особыхъ затрудненій, лошадямъ же досталось. Онѣ ступали наугадъ и проваливались въ глубокія ямы.

Но вотъ, лѣсъ кончился. Передъ нами открылась большая поляна. На противоположномъ концѣ ея, около горъ, приютилась деревушка. Загорная. Но попасть въ нее было не легко. Мостъ, выстроенный старовѣрами черезъ рѣку, былъ размытъ. Болѣе двухъ часовъ мы провозились надъ его починкой. На дождь уже никто не обращалъ вниманія. Тутъ всѣмъ пришлось искупаться, какъ слѣдуетъ.

Наконѣцъ, это препятствіе было преодолѣно и мы вошли въ деревню. Она состояла изъ восьми дворовъ и имѣла чистенькій, опрятный

видъ. Избы были срублены прочно. видно было, что старовѣры строили ихъ не торопясь и работали, какъ говорится, не за страхъ, а за совѣсть. Въ одномъ изъ оконъ показалось женское лицо, и вслѣдъ затѣмъ на порогѣ появился мужчина. Это былъ староста. Узнавъ, кто мы такіе и куда идемъ, онъ пригласилъ насъ къ себѣ и предложилъ остановиться у него въ домѣ. Люди сильно промокли и потому старались поскорѣе разсѣдлатъ коней и уйти подъ крышу.

Нашъ хозяинъ былъ мужчина средняго роста лѣтъ сорока пяти. Каріе глаза его глядѣли умно. Онъ носилъ большую бороду и на головѣ—длинные волосы, обрѣзанные въ кружокъ, одинаково ровно, какъ на лбу, такъ и на затылкѣ. Одежда его состояла изъ широкой ситцевой рубахи, слабо подпоясанной тесемчатымъ пояскомъ, плисовыхъ штанахъ и сапогъ съ низкими наблуками.

Внутри избы было двѣ комнаты. Въ одной изъ нихъ находилась большая русская печь и около нея—рѣзные полки съ посудой, закрытыя занавѣсками, и начищенный мѣдный рукомоиникъ. Вдоль стѣны стояли двѣ длинныхъ скамьи; въ углу—деревянный столъ, покрытый бѣлою скатертью, а надъ столомъ—божница съ старинными образами, изображающими святыхъ угодниковъ съ большими головами, темными лицами и тонкими длинными руками.

Семья старовѣра состояла изъ его жены и двухъ маленькихъ ребятъ—тишекъ. Женщина была одѣта въ бѣлую нофточку и пестрый сарафанъ, стянутый выше талии и поддерживаемый на плечахъ узкими проймами, располагавшимися на спинѣ крестообразно. На головѣ у нея былъ одѣтъ глажокъ, завязанный, какъ киккошники. Когда мы вошли, она поклонилась въ поясъ низко, по старинному.

Другая комната была просторнѣе. Тутъ у стѣны стояла большая кровать, завѣшанная ситцевымъ пологомъ. Подъ окнами опять тянулись скамьи. Въ углу такъ же, какъ и въ первой комнатѣ, стоялъ столъ, покрытый самодѣльной скатертью. Въ простѣннѣ между окнами висѣли стѣнные часы, а рядомъ съ ними—полка съ большими старинными книгами въ кожаныхъ переплетахъ. Въ другомъ углу стояла ручная машина Зингера, около дверей на гвоздѣ висѣла малокалиберная винтовка Маузера и бинокль Цейса. Во всемъ домѣ полы были чисто вымыты, потолка хорошо выструганы, стѣны какъ слѣдуетъ проконопачены. Такой чистоты никогда не бываетъ у русскихъ крестьянъ-старовѣровъ даже и въ праздничные дни.

Мы стали раздѣваться и нагрязнили. Это насъ смутило.

Ничего, ничего, говорилъ хозяинъ. Бабы подотрутъ. Вишь, погода каная. Изъ тайги чистымъ не придешь...

Черезъ нѣсколько минутъ на столѣ появился горячій хлѣбъ, медъ, яйца и молоко. Мы съ аппетитомъ, чтобы не сказать съ жадностью, напросились на ѣду.

Оставшаяся часть дня ушла на распросы о пути къ Нокшаровкѣ. Оказалось, что дальше никакой дороги нѣтъ и что изъ всѣхъ здѣшнихъ старовѣровъ только одинъ, Паначевъ, могъ провести насъ туда цѣлиною черезъ горы.

Староста послалъ за нимъ. Паначевъ тотчасъ явился. На видъ ему было болѣе сорока лѣтъ. Онъ тоже носилъ бороду, но такъ какъ никогда ее не подстригалъ, то она росла у него неправильно, ключьями. Получалось впечатленіе, будто онъ только что всталъ со сна и не успѣлъ еще причесаться. Видно было, что человекъ этотъ добрый, безобидный. Войдя въ избу, Паначевъ трижды размашисто перекрестился на образа и трижды поклонился такъ, чтобы достать до земли рукою. Длинные волосы лѣзли ему на глаза. Онъ поминутно встряхивалъ головою и откидывалъ ихъ назадъ.

Здравствуйте! сказалъ онъ тихо, отошелъ къ дверямъ и сталъ мять свою шапку.

На сдѣланное ему предложеніе проводить насъ до Кошкаровки, онъ охотно согласился.

Хорошо, пойду, сказалъ онъ просто и въ этомъ «пойду» слышалась готовность услужить, покорность и сознаніе, что только онъ одинъ знаетъ туда дорогу.

Рѣшено было идти завтра, если дождь перестанетъ. Паначевъ ушелъ, а мы опять принялись бесѣдовать съ хозяиномъ. Мерзлякова заинтересовали старинныя книги.

Можно ихъ посмотрѣть, спросилъ онъ старосту.

А если только понимаете по славянски, отвѣчалъ старовѣръ, то читайте пожалуйста. И онъ принялся доставать книги одну за другою.

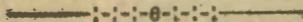
Вотъ это «Житіе Святыхъ Отцовъ Православной Апостольской Церкви», это — «Исторія Святой Церкви во время гоненія на христіанъ въ Римѣ», это — «Апекалиписисъ», это «Объ Антихриствѣ», а вотъ это — «Цвѣтникъ или Соборная Голубица». Послѣдняя — была рукописная.

Въ это время въ дверяхъ снова показался Паначевъ. Онъ позвалъ зачѣмъ то старосту и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ на улицу. Перевернувъ нѣсколько страницъ, Мерзляковъ остановился на закладкѣ и сталъ читать.

«И спросилъ его отрокъ: скажи Св. Отецъ, какъ же мы узнаемъ время приближенія антихриста. И отвѣчалъ ему старикъ: На приближеніе антихриста есть примѣты: Станутъ люди бросать свою прежнюю жизнь и одѣваться по иностранному, станутъ брить бороду, и усы и извлекать они мѣдный змій, самоваромъ зовущійся, и въ питіе будутъ употреблять траву отъ китайянъ. Воины одѣнуть на головы фуражки и станутъ сражаться не мечемъ и копьемъ, а огнемъ на далекія разстоянія. Воины не будутъ уже называться «воинами» какъ раньше, а «солдатами». — Слово начинающееся на одну букву со словомъ «сатана». И спросилъ тогда отрокъ: Какъ же спастись? Только тотъ спасется, отвѣчалъ старикъ, кто уйдетъ въ горы подальше отъ соблазна, кто будетъ жить по старому»....

Мы переглянулись. Съ одной стороны — порицаніе новшества и желаніе жить по старому, а съ другой стороны — часы фабрики Бурэ, вицтовна Маузера, машина Зингера и бинокль Цейса. Какъ все это не согласовалось другъ съ другомъ!... Мы такъ увлеклись чтеніемъ, что не замѣтили, какъ прошло время,

А на дворѣ бушевала непогода. Дождь съ вѣтромъ хлесталъ по намъ. Изъ темноты неслись жалобные звуки: точно выла собана или то стоналъ на чердакѣ подъ крышей. Подъ этотъ шумъ мы сладко нули.

XI.

МАРШРУТЬ ЧЕРЕЗЪ ГОРЫ КЪ ДЕРЕВНѢ КОКШАРОВКѢ.

УССУРІЙСКАЯ ТАЙГА. ПРОИЗВОДСТВО СЪЕМКИ ВЪ ЛѢСУ. ЗАБЛУДИЛИСЬ. ПОДЛѢСЬЕ. СРЕДСТВА ОТЪ КОМАРОВЪ И МОШЕКЪ. ДЕР. КОКШАРОВКА. КИТ. СЕЛЕНІЕ НОТОХОУЗА. Р. УЛАХЕ. ЖАРА И ДУХОТА.

На другой день (31 мая), чуть только стало свѣтать, я бросился къ онну. Дождь пересталъ, но погода была хмурая, сырая... Туманъ, какъ саваномъ окуталъ горы. Сквозь него слабо видѣлись: долина, лѣсъ и накія-то постройки на берегу рѣки.

Разъ дождя нѣтъ, значить можно идти дальше. Но одно обстоятельство заставило насъ задержаться.— Не былъ готовъ хлѣбъ. Часовъ въ восемь утра, вдругъ всѣ пѣтухи разомъ запѣли.

Погода разгуляется, будетъ ведро. Ишь пѣтухи какъ кричатъ. Это —вѣрная примѣта, говорили казаки между собою.

Извѣстно, что домашнія куры очень чувствительны къ перемѣнѣ погоды. Впрочемъ, онѣ часто и ошибаются. Достаточно иногда небу немного проясниться, чтобы пѣтухи тотчасъ начали перекликаться. Но на этотъ разъ они не ошиблись. Вскорѣ туманъ дѣйствительно поднялся вверхъ, кое гдѣ проглянуло синее небо, а вслѣдъ затѣмъ появилось и солнышко.

Въ 10 часовъ утра отрядъ нашъ во главѣ съ Паначевымъ выступилъ изъ деревни и направился вверхъ по р. Вангоу. Намъ предстояло переправить черезъ хребет, отдѣляющій Даубихе отъ Улахе и по рѣкѣ, неимѣющей названія, выйти къ устью Фудзина.

Тотчасъ за деревней дорога превратилась въ тропу. Она привела насъ къ пасекѣ Паначева.

Пройдемте кто нибудь со мной, ребята, обратился старовѣръ къ казанамъ.

Затѣмъ онъ полѣзъ черезъ заборъ, открылъ кадушку и сталъ передавать имъ сотовый медъ. Пчелы вились вокругъ него, садились ему на плечи и забивались въ бороду. Паначевъ разговаривалъ съ ними, называлъ ихъ ласкательными именами, вынималъ изъ бороды и пускалъ на свободу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и мы пошли дальше.

Понемногу погода разгулялась совсѣмъ: туманъ исчезъ; всюду по землѣ струйками бѣжала вода; озябшіе цвѣты подняли свои головки; въ воздухѣ опять замелькали чешуекрылыя.

Паначевъ повелъ насъ цѣлиною «по затескамъ». Какъ только мы углубились въ лѣсъ, тотчасъ же пришлось пустить въ дѣло топоры.

Читатель ошибается, если представляетъ себѣ тайгу въ видѣ рощи. Уссурійская тайга, это дѣйствительный и первобытный лѣсъ, остоящій изъ

кедра (*Pinus coraiensis* Sieb et Zucc.), черной березы (*Betula daurica* Pall.), амурской пихты (*Abies nephrolepis* Max.), ильмы (*Ulmus campestris* Lin.), тополя (*Populus suaveolens* Fisch.), сибирской ели (*Picea obovata* Leb.), липы маньчжурской (*Tilia manshurica* R. M.), даурской лиственницы (*Larix daurica* Turcz), ясени (*Fraxinus manshurica* Rupr.), дуба монгольского (*Quercus mongolica* Fisch.), пальмовидного диморфанта (*Aralia manshurica* R. M.), пробкового дерева (*Phellodendron amurense* Rupr) съ листвою, напоминающей ясень, съ красивою пробковою корою, бархатиною на ощупь, маньчжурскаго орѣха (*Juglans manshurica* Max.) съ крупной листвою, расположенной на концахъ сучьевъ пальмообразно и многихъ другихъ породъ. Подлѣсье состоитъ изъ густыхъ кустарниковыхъ зарослей. Среди нихъ бросаются въ глаза: колючій Элеутерококкусъ (*Eleutherococcus senticosus* Max.), краснаяоднинь (*Ribes petraeum* Wulf.), съ острыми листьями, лѣсная калина (*Viburnum buxifolium* Herder.), съ бѣлыми цвѣтами, желтая жимолость (*Lonicera chrysantha* Turcz.) съ узловатыми вѣтвями и съ морщинистою корою, лѣсная таволжанка (*Spiraea chamaedrifolia* Lin.) съ коротко заостренными зубчатыми листьями и выщипанная по дереву персидскій пасленъ (*Solanum Dulcamara* Lin.), И все это перепуталось виноградниками (*Vitis amurensis* Rupr.), лианами (*Schisandra chinensis* Baill.) и «кишь-мишемъ» (*Actinidia Kolomicta* Max). Стебли послѣдняго достигаютъ иногда толщины въ руку.

Паначевъ разсказывалъ, что налегкѣ отъ Загорной на Коншаровку днѣ выходилъ въ одинъ день. Правда, одинъ день онъ считалъ отъ разсвѣта до сумерокъ. А такъ какъ мы шли съ выюками довольно медленно, то рассчитывали этотъ путь сдѣлать въ двое сутокъ, съ одной только ночевкой въ лѣсу.

Около полудня мы сдѣлали большой привалъ. Люди тотчасъ же стали раздѣваться и вынимать другъ у друга клещей изъ тѣла. Плохо пришлось Паначеву. Онъ все время почесывался. Клещи набились ему въ бороду и въ шею. Обобравъ клещей съ себя, казаки принялись вынимать ихъ у собакъ. Умныя животныя отлично понимали, въ чемъ дѣло, и терпѣливо переносили операцію. Совсѣмъ не то—лошади; онѣ мотали головами и сильно бились. Пришлось употребить много усилій, чтобы освободить ихъ отъ паразитовъ, впившихся въ губы и въ вѣки глазъ.

Послѣ чая Паначевъ опять пошелъ впередъ, за нимъ—стрѣлки съ телюрами, а четверть часа послѣ ихъ ухода тронулись и выюки.

А вѣдь опять будетъ дождь, сказалъ Мурзинъ.

Ненадолго! отвѣтилъ ему старовѣръ. Къ вечеру, Богъ дастъ, перестанетъ.

По его словамъ, если послѣ большого ненастья нѣтъ вѣтра и сразу появится солнце, то въ этотъ день къ вечеру надо снова ждать небольшого дождя. Возможно, что это отъ сырой земли, пригрѣтой солнечными лучами, начинаютъ подыматься обильныя испаренія. Достигая верхнихъ слоевъ атмосферы, паръ конденсируется и падаетъ обратно на землю мелкимъ дождемъ,

Паначевъ оказался правъ. Часовъ въ пять вечера начало моросить; незадолго до сумерокъ дождь пересталъ, и тучи разсѣялись. Какой то особенно нѣжный свѣтъ разлился по всему лѣсу—это была послѣдняя улыбка солнца. Начавшая было засыпать жизньъ въ лѣсу—встрепенулась. Забѣгали бурундуки, послышались крики иволги и удода. Но, вотъ, свѣтъ на небѣ началъ гаснуть; изъ подъ старыхъ елей и кустовъ гудялись ночныя тѣни. Пламя отъ костра стало свѣтлѣе. Оноло него толпились люди... Паначевъ сидѣлъ въ сторонѣ и молча ѣлъ хлѣбъ, подбирая крошки. Казаки разбирали вьюки, ставили комарники и готовили ужинъ. Нѣкоторые изъ нихъ раздѣлись донага, собирали съ бѣлья илещей и нещадно ругались.

А что, дядя, сколько будетъ верстъ до Коншаровки—спросилъ старовѣра Бѣлоножкинъ.

А кто его знаетъ! Развѣ кто тайгу мѣрилъ. Тайга, такъ тайга и есть! Завтра надо бы дойти, отвѣчалъ старовѣръ.

Въ этомъ «надо бы дойти» слышалась неувѣренность.

Ты хорошо эти мѣста знаешь? продолжалъ допрашивать его казанъ.

Да не шибко хорошо. Два раза ходилъ и не блудилъ. Ничего, Господь дастъ, пройдемъ помаленьку.

Докончивъ ужинъ, Паначевъ, не смущаясь присутствія постороннихъ, помолился Богу, потомъ взялъ свой топоръ и сталъ подтачивать его на камнѣ.

Слѣдующій день былъ 1-ое июня. Утромъ, когда взошло солнце, отъ ночного тумана не осталось и слѣда. Первымъ съ бивака тронулся Паначевъ. Онъ снялъ шапку, перекрестился и пошелъ впередъ, высматривая затесни. Два стрѣлка помогали ему расчищать дорогу.

Путешествіе по тайгѣ всегда довольно однообразно. Сегодня лѣсъ, завтра—лѣсъ, послѣзавтра—опять лѣсъ. Ручьи, которые приходится переходить вбродъ, заросшіе кустами, заваленные камнями, съ чистой прозрачною водою, сухостои, валежники, покрытый мхомъ, папоротники—всѣ они удивительно похожи другъ на друга. Вслѣдствіе того, что деревья постоянно приходится видѣть близко передъ собою, глазъ утомляется и ищетъ простора. Чувствуется какая то неловкость въ зрѣніи, является непреодолимое желаніе смотрѣть вдалѣ.

Иногда, среди темнаго лѣса, вдругъ появляется просвѣтъ. Неопытный путникъ стремится туда и попадаетъ въ буреломъ. Просвѣтъ въ лѣсу—это мѣсто болота, пожарища или вѣтролома. Не всегда буреломъ можно обойти стороною. Если поваленныя деревья не велики, ихъ перерубаютъ топорами, если же дорогу преграждаетъ большое дерево, его стесываютъ съ боковъ и сверху, чтобы дать возможность перешагнуть лошадямъ. Все это задерживаетъ вьюки, и потому движеніе съ конями по тайгѣ всегда очень медленно.

Если идти по лѣсу безъ работы, то путешествіе скоро надоедаетъ.

Странствовать по тайгѣ можно только при условіи, если цѣлый день занять работой. Тогда не замѣчаешь, какъ летитъ время, забываешь невзгоды и мириться съ лишеніями.

Путевыя записки необходимо дѣлать безотлагательно на мѣстѣ наблюдёнія. Если это не сдѣлать тотчасъ, то новыя картины, новыя впечатлѣнія заслоняютъ старыя образы и видѣнное забывается. Эти путевыя записки можно дѣлать на краяхъ планшета или въ особой записной книжкѣ, которая всегда должна быть подъ рукою. Вечеромъ сокращенныя записки подробно заносятся въ дневники. Этому тоже никогда не слѣдуетъ откладывать на завтра. Завтра будетъ своя работа.

Съемку во время дождя рекомендуется работать подъ берестовымъ зонтомъ. Дѣлается онъ просто и скоро. Матеріалъ для него всегда находится подъ рукою. Надъ головой, во время работы, его держитъ кто либо изъ спутниковъ. Послѣ дождя такой зонтикъ не жалко и бросить.

Такъ какъ тропа въ лѣсу часто кружить и дѣлаетъ мелкія извилины, которыя по масштабу не могутъ быть нанесены на планшетъ, то съемщику рекомендуется идти сзади на такомъ разстояніи, чтобы хвостъ отряда можно было видѣть между деревьями. Направленіе берется по послѣдней лошади. Если же отрядъ идетъ быстрее, чѣмъ это нужно съемщику, то, чтобы не задерживать коней съ вьюками, приходится отпускать ихъ впередъ, а съ собой брать одного стрѣлна, которому поручается идти по слѣдамъ лошадей на такомъ разстояніи отъ съемщика, чтобы послѣдній могъ постоянно его видѣть. Въ чащѣ, гдѣ ничего не видно, направленіе приходится брать по звуку: напримѣръ по звону колокольчика, ударами палки о дерево, окрикамъ, свисткамъ и т. п.

Въ пути нашъ отрядъ раздѣлился на три части. Рабочій авангардъ подъ начальствомъ Гранатмана съ Паначевымъ во главѣ шель впереди, затѣмъ слѣдовали вьюки подъ командой Мерзлякова. Остальные участники экспедиціи шли сзади. Впередъ мы подвигались очень медленно. Приходилось часто останавливаться и ожидать, когда впереди рабочіе прорубяютъ дорогу. Около полудня кони, вдругъ, совсѣмъ встали.

Трогай! кричали сзади нетерпѣливые.

Обожди! Старовѣръ затески потерялъ, отвѣчали передніе.

А гдѣ самъ то онъ?

Да пошель впередъ искать дорогу.

Прошло минутъ двадцать. Наконецъ Паначевъ вернулся. Достаточно было взглянуть на него, чтобы догадаться въ чемъ дѣло. Лицо его было потное, усталое, взглядъ растерянный, волосы растрепанные.

Ну, что, есть затески? спросилъ его Гранатманъ.

Нѣту! отвѣчалъ старовѣръ. Онѣ должно лѣвѣе остались. Намъ надо какъ идти, сказалъ онъ, указывая рукою на сѣверо-востокъ.

Пошли дальше. Теперь Паначевъ шель уже не такъ увѣренно, какъ раньше: то онъ принималъ лѣво, то бросался въ другую сторону, то заворачивалъ круто назадъ, такъ что солнце, бывшее дотолѣ у насъ передъ лицомъ, оказывалось назади. Видно было, что онъ шель наугадъ. Я пробовалъ было его останавливать и разспрашивать, но отъ этихъ разспросовъ онъ еще болѣе терялся. Собранъ былъ маленькій совѣтъ, на которомъ П. К. Рутковскій высказался за возвращеніе назадъ до затесокъ, но Паначевъ говорилъ, что онъ пройдетъ и безъ дороги, и какъ только подымется на переваль, и осмотрится, возьметъ вѣрное направленіе.

Надо было дать вздохнуть лошадямъ. Ихъ разсѣдлали и пустили на подножный кормъ. Кавани принялись варить чай, а Паначевъ и Гранатманъ полѣзли на сосѣдную сопку. Черезъ полчаса они возвратились. Гранатманъ сообщилъ, что, кромѣ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, онъ ничего не видѣлъ. Паначевъ имѣлъ смущенный видъ и, хотя увѣрялъ насъ, что мѣсто это ему знакомо, но въ голосъ его звучало сомнѣніе.

Едва мы тронулись съ привала, какъ попали въ такой буреломъ, изъ котораго не могли выбраться до самаго вечера. Паначевъ велъ насъ какъ то странно. То мы карабкались на гору, то шли косогоромъ, то опять опускались въ долину. Обыкновенно, когда заблудишься, то уже идешь безъ расчета. Цѣлый день мы были въ пути и встали тамъ, гдѣ насъ настигла ночь. Невесело было на бивакѣ. Сознаніе, что мы заблудились, дѣйствовало на всѣхъ угнетающимъ образомъ. Особенно грустнымъ казался Паначевъ. Онъ вздыхалъ, поглядывалъ на небо, ерошилъ волосы на головѣ и хлопалъ руками по поламъ своего армяка.

Ты клещей то изъ бороды вытаци, говорили ему солдаты.

Вотъ бѣда то! говорилъ онъ самъ съ собою. Какъ на грѣхъ потерялъ затески.

Надо было выяснитъ, каковы наши продовольственные запасы. Уходя изъ Загорной, мы взяли съ собой хлѣба по расчету на три дня. Значитъ, на завтра продовольствія еще хватитъ, но что будетъ, если и завтра мы не выйдемъ къ Кокшаровкѣ?... На вечернемъ совѣщаніи рѣшено было строго держаться восточнаго направленія и не слушать болѣе Паначева.

На другой день чуть свѣтъ мы были уже на ногахъ. Въ томъ положеніи, въ которомъ мы находились, поспѣшность была необходима.

Пройдя версты двѣ съ половиной отъ бивака мы, вдругъ, совершенно неожиданно наткнулись на затески. Онѣ были старья, заплывшія. Чьи это затески? спросилъ Мерзляковъ.

Китайскія отвѣчалъ Паначевъ.

Значитъ и у васъ въ тайгѣ есть китайцы? спросили его казаки.

Гдѣ ихъ нѣтъ, отвѣтилъ старовѣръ. Въ тайгѣ наскрозь китайцы. Куда только не пойдѣ, вездѣ ихъ найдешь.

Затески были надѣланы часто и шли въ желательномъ для насъ направленіи, поэтому мы рѣшили идти по нимъ, пока возможно. Паначевъ потому и заблудился, что свои знаки онъ ставилъ рѣдко. Онъ упустилъ изъ виду, что современемъ они потускнѣютъ и на большомъ разстояніи будутъ видны плохо.

Идя по линіи затесокъ, мы скоро нашли соболиныя ловушки. Нѣкоторыя изъ нихъ были старья, другія—новья, видимо, только что выстроенныя. Одна ловушка преграждала дорогу. Кожевниковъ поднялъ бревно и сбросилъ его въ сторону. Подъ нимъ что то лежало. Это оказались кости соболя. Очевидно, вскорѣ послѣ того, какъ звѣрокъ попалъ въ ловушку, его завалило снѣгомъ. Странно, почему китаецъ не осмотрѣлъ свои ловушки передъ тѣмъ, какъ уйти изъ тайги. Быть можетъ, онъ обходилъ ихъ, но разыгравшаяся буря помѣшала ему дойти до крайнихъ затесокъ, или онъ заболѣлъ и не могъ уже болѣе заниматься

охотой... Долго ждалъ пойманный соболь своего хозяина, а весной, когда стаялъ снѣгъ, вороны расклевали дорогого хищника и теперь отъ него остались только клочки шерсти и мелкія кости.

Я вспомнилъ Дерсу. Если бы онъ теперь былъ съ нами, мы узнали бы, почему соболь остался въ ловушкѣ. Гольдъ навѣрно нашель бы дорогу и вывелъ бы насъ изъ затруднительнаго положенія.

Къ полудню мы поднялись на лѣсистый горный хребетъ, который тянется здѣсь въ направленіи отъ ССВ на ЮЮЗ и въ среднемъ имѣетъ высоту около полуверсты. Сквозь деревья можно было видѣть другой такой же переваль, а за нимъ еще какія то горы. Сверху гребень хребта казался краемъ громадной чаши, а долина—глубокою ямой, дно которой терялось въ туманѣ.

Обсудивъ наше положеніе, мы рѣшили спуститься въ долину и идти по теченію воды. Восточный склонъ хребта былъ крутой, заваленный буреломомъ и покрытой осыпями. Пришлось спускаться зигзагами, что отняло много времени. Ручей, котораго мы придерживались, скоро сталъ забирать на югъ, тогда мы пошли цѣлиною и пересѣкли еще нѣсколько горныхъ отроговъ.

Паначевъ работалъ молча: онъ попрежнему шель впереди, а мѣя плелась за нимъ сзади. Теперь уже было все равно. Исправить ошибку нельзя и оставалось только одно, идти по водѣ до тѣхъ поръ, пока она не приведетъ насъ къ р. Улахе. На большомъ привалѣ я еще разъ провѣрилъ запасы продовольствія. Выяснилось, что сухарей хватить только на сегодняшній ужинъ, поэтому я посоветовалъ людямъ сократить дневную дачу.

Густой смѣшанно-хвойный лѣсъ, по которому мы теперь шли, имѣлъ красивый и декоративный видъ. Нѣкоторыя деревья поражали своими размѣрами. Это были настоящіе лѣсные великаны отъ 12 до 15 сажень высоты и отъ 10 до 12 футовъ въ обхватѣ. На землѣ среди зарослей таволги (*Spirea chamedrifolia* L), ящички (*Corylus heterophylla* Fisch) и леспедецы (*Lespedeza bicolor* Turcz) валялось много колодника, покрытаго цвѣтистыми лишаями и мхами. По сырымъ мѣстамъ тысячами разрослись пышные папоротники (*Struthiopteris germanica* Willd), ваи которыхъ достигаютъ шести футовъ длины. По внѣшнему виду растенія эти походятъ на гигантскія зеленыя лиліи.

Въ Уссурийской тайгѣ растетъ много цвѣтковыхъ травянистыхъ растений. Прежде всего въ глаза бросается ядовитая черемица (*Yeratrum album*. L.) съ грубыми остроконечными плейчатыми листьями и бѣлыми цвѣтами, затѣмъ—бадянь (*Dictamnus albus*. L.); съ овально ланцетовидными листьями и ярко розовыми цвѣтами, выделяющими обильныя эфирныя масла. Синими цвѣтами изъ травянистыхъ зарослей выдѣлялся борецъ (*Aconitum Kusnezovi* Rehn) съ зубчатыми листьями; рядомъ съ нимъ—башмачки (*Cypripedium ventricosum*. Sw.), съ большими ланцетовидными листьями, нѣжные василистники (*Thalictrum filamentosum* Max) съ характерными яркими цвѣтами; большія огненно-красныя зорки (*Lychnis fulgens*—

Fisch.), съ сидячими овально ланцетовидными листьями и группы оранжевых троллиусовъ (Trollius Ledebaurii Reichenb.).

Несмотря на постигшую насъ неудачу, мы не могли быть равнодушными къ красота́мъ природы. Художники, ботаники, или просто любители природы нашли бы здѣсь неисчерпаемые матеріалы для своихъ наблюденій.

Сегодня передъ вечеромъ первый разъ появилась мошна. Мѣстные сторожилы называютъ ее «гносомъ». Уссурийская мошна—истинный бичъ тайги. Послѣ укуса ея сразу открывается кровоточивая ранка. Она ужасно зудитъ, и чѣмъ больше расчесывать ее, тѣмъ зудъ становится сильнѣе. Когда мошки много, ни на минуту нельзя снять сѣтку съ лица. Мошка слѣпитъ глаза, набивается въ волосы, уши, забивается въ рукава и нестерпимо кусаетъ шею. Лицо опухаетъ, какъ при рожистомъ воспаленіи. Дня черезъ два или три организмъ вырабатываетъ иммунитетъ и опухоль спадаетъ.

Люди могли защищаться отъ гнуса сѣтками, но лошади прішло плохо. Мошнара разѣбла имъ губы и вѣки глазъ. Бѣдныя животныя трясли головами, но ничего не могли подѣлать съ своими маленькими мучителями.

Самой рациональной защитой отъ мошнара является сѣтка. Металлической сѣтки никогда одѣвать не слѣдуетъ. Она сильно нагрѣвается. Лучше мучиться отъ мошканы, чѣмъ задыхаться въ горячемъ воздухѣ, насыщенный, еще, вдобавокъ, собственными испареніями. Кисейная сѣтка непрочна, она все время цѣпляется за сучки и рвется. Въ образовавшееся отверстіе набиваются насѣкомыя и тогда отъ нихъ можно освободиться только сниманіемъ головного убора. Лучшая сѣтка—волосная, она достаточно прочна и не такъ нагрѣвается отъ солнца, какъ металлическая. Нѣкоторые рекомендуютъ мазаться вазелиномъ. Я пробовалъ, и могу сказать, что это средство никуда не годится. Во первыхъ къ вазелину прилипаютъ насѣкомыя. Они шевелятся и щекочуть лицо. Другое неудобство заключается въ томъ, что вазелинъ таетъ и смывается потомъ. Разныя пахучія масла, въ родѣ гвоздичнаго, еще хуже. Они проникаютъ въ раскрытыя поры кожи и жгутъ, какъ крапивой. Самое лучшее средство—терпѣніе. Нетерпѣливаго человѣка гнусъ можетъ довести до слезъ.

Запасшись этимъ послѣднимъ средствомъ, мы шли впередъ до тѣхъ поръ, пока солнце совсѣмъ не скрылось за горизонтомъ. Паначевъ тотчасъ же пошелъ на развѣдку. Было уже совсѣмъ темно, когда онъ возвратился на бивакъ и сообщилъ, что съ горы видѣлъ долину Улахе и что завтра къ полудню мы выйдемъ изъ лѣсу. Это извѣстіе всѣхъ ободрило, люди стали шутить и смѣяться.

Незатѣйливъ былъ нашъ ужинъ. Оставшіяся отъ сухарей крошки, въ видѣ муки, были розданы всѣмъ поровну.

Часовъ въ восемь вечера на западѣ начала сверкать молнія и слышался отдаленный громъ. Небо при этомъ освѣщеніи казалось иллюминированнымъ. Ясно и отчетливо было видно каждое отдѣльное облачко. Иногда молніи вспыхивали въ одномъ мѣстѣ и мгновенно по-

лучались электрические разряды гдѣ нибудь въ другой сторонѣ. Потому все опять погружалось въ глубокой мракъ. Стрѣлки начали было ставить палатки и прикрывать брезентами сѣдла, но тревога оказалась напрасной. Гроза прошла стороной. Вечеромъ зарницы долго еще играли на горизонтѣ.

Утромъ, какъ только мы отошли отъ бивана, тотчасъ же наткнулись на тропку. Она оказалась звѣровой и шла куда-то въ горы. Паначевъ повелъ насъ по ней. Мы начали было беспокоиться, но оказалось, что на этотъ разъ онъ былъ правъ. Тропа привела насъ къ звѣровой фанзѣ. Теперь смѣшанный лѣсъ смѣнился листовнымъ рѣдколѣсьемъ. Почувявъ конецъ пути, лошади прибавили шагу. Наконецъ, показался просвѣтъ, и вслѣдъ за тѣмъ мы вышли на опушку лѣса. Передъ нами была долина рѣки Улахе. Множество признаковъ указывало на то, что деревня недалеко.

Черезъ нѣсколько минутъ мы подошли къ рѣкѣ и на другомъ ея берегу увидѣли Кокшаровку. Старообрядцы подали намъ лодки и перевезли на нихъ сѣдла и вьюки. Понукать лошадей не приходилось. Умныя животныя отлично понимали, что на той сторонѣ ихъ ждетъ обильный кормъ. Они сами вошли въ воду и переплыли на другую сторону рѣки.

Послѣ этого перехода люди очень устали, лошади тоже нуждались въ отдыхѣ. Мы рѣшили простоять въ Кокшаровкѣ трое сутокъ.

Воспользовавшись этимъ временемъ, я отправился къ китайской деревнѣ Ното-хоуза, расположенной около устья р. Ното-хе. Послѣдняя получила свое названіе отъ китайскаго слова Науту (Ното), что значитъ «Еноть» (44 гр. 39 мин. с. ш. и 8 гр. 56 мин. в. д. отъ Гринвича—по Гамову). Такое названіе китайцы дали рѣкѣ по той причинѣ, что раньше здѣсь водилось много этихъ животныхъ.

Деревня Ното-хоуза—одно изъ самыхъ старыхъ китайскихъ поселеній въ Уссурийскомъ Краѣ. Во времена Веникова (въ 1857 году), сюда отовсюду стекались золотопромышленники, искатели женьшеня, охотники и звѣроловы. Старинный путь, которымъ уссурийскіе манзы сообщались съ постомъ Св. Ольги, лежалъ именно здѣсь. Вьючные караваны ихъ шли мимо Ното по р. Фуд-зину черезъ Сихотэ-Алинь къ морю. Этою дорогою предстояло теперь пройти и намъ.

Выраженіе «рѣка Улахе» состоитъ изъ трехъ словъ: русскаго, маньчжурскаго и китайскаго, причѣмъ каждое изъ нихъ означаетъ одно и то же—«Рѣка». Въ переводѣ получается что то странное «Рѣка-рѣка-рѣка».

Улахе течетъ въ направленіи къ ССВ по продольной межскладчатой долинѣ. Она шириною около 60 саж. и глубиною въ среднемъ 6 фут. Продолженіемъ ея тектонической долины будутъ: долина нижняго Ноте и его притока р. Себучара,⁽⁶³⁾ текущихъ ей навстрѣчу.

Изъ притоковъ Улахе самыми большими будутъ: слѣва—Табахеца⁽⁶⁴⁾ и Синанца. Названіе послѣдней показываетъ направленіе ея

63) Се-бу ча-ри—Безымя, гдѣ нибудь портъ ставить вкось.

64) Табахеца—Вольга.

теченія (Си—западъ, Нан—югъ и Ца—развѣтвленіе т. е. Юго-западный притокъ). Съ правой стороны въ нее впадаетъ много рѣчекъ: Янь-му-тьхоуза, (65) Ту-да-гоу, Эр-да-гоу, Сандагоу, Сы-да-гоу. Затѣмъ дальше идутъ Фудзинъ и Ното-хе, о которой говорилось выше. Всѣ эти рѣки берутъ начало съ Сихотэ-Алиня. (66) Самымъ большимъ притокомъ Улахе безспорно будетъ р. Янь-му-тьхоуза. Ее собственно и слѣдуетъ считать за начало Уссури. По ней можно выйти на берегъ моря къ бухтамъ Ванчинъ и Св. Валентина. Горные хребты, онаямляющіе долину справа и слѣва, даютъ въ стороны длинные отроги, поросшіе густыми смѣшанными лѣсами и онаямляющіеся около рѣки небольшими сопками въ 200—250 саж. высоты.

Долина Улахе является одной изъ самыхъ плодородныхъ мѣстностей въ Краѣ. По ней растутъ въ одиночку большіе старые вязы, липы и дубы. Чтобы они не заслоняли солнца на огородахъ, китайцы снимаютъ съ нихъ кору около корней. Деревья подсыхаютъ и затѣмъ идутъ на топливо.

День былъ чрезвычайно жаркій. Небесный сводъ казался голубой хрустальной чашей, опрокинутой надъ землею. Какъ будто землю нарочно прикрыли этой чашей, точно такъ, какъ прикрываютъ молодые всходы, чтобы они скорѣй росли — и отъ этого именно было такъ душно и жарко. Ни дуновенія вѣтерка внизу, ни одного облачка на небѣ. Знойный воздухъ рѣялъ надъ дорогой. Деревья и кусты оцѣпенѣли отъ жары и поникли листвою. Рѣка текла тихо, безшумно. Солнце отражалось въ водѣ и, казалось, будто свѣтять два солнца: одно сверху, а другое откуда то снизу. Всѣ мелкія животныя попрятались въ своихъ норахъ. Однѣ только птицы проявляли признани жизни. У маньчжурскаго жаворонка хватило еще силъ описывать круги по воздуху и звонкимъ пѣніемъ привѣтствовать жаркое лѣто. Въ рѣдколѣсѣ около дороги я замѣтилъ двухъ голубыхъ соронь. Осторожныя хитрыя птицы эти прыгали по вѣтвямъ, ловко проскальзывали въ листьѣ и пугливо озирались по сторонамъ. Въ другомъ мѣстѣ, въ старой болотистой протоцѣ, я вспугнулъ сѣверную плиску. Эта маленькая сѣрозеленая птичка съ желтымъ брюшкомъ и желтой шейей поднялась на воздухъ, чтобы улѣтѣть, но увидала стрекоту и, ни мало не смущаясь моимъ присутствіемъ, принялась за охоту.

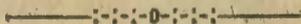
Послѣ полудня опять появилось много гнуса. Я прекратилъ работу и пошелъ въ деревню. По дорогѣ меня догналъ табунъ крестьянскихъ лошадей. Кони брыкались, мотали головами и били себя хвостами. Слѣпни и овода гнались за ними тучею. Увидѣвъ въ сторонѣ кусты, весь табунъ бросился туда. Вѣтви хлестали животныхъ по ногамъ, по брюху, и это было единственное средство согнать съ себя крылатыхъ кровопийцевъ. Въ деревнѣ уже ждали лошадей; оноо дворовъ нурились дымокуры. Добѣжавъ до костровъ, лошади уткнулись мордами чуть ли не въ самый огонь. На нихъ жалко было смотрѣть. Широно раздувъ ноздри,

65) Янь-му-теу гоу-цзы—Тополовая падь (долина).

66) Маньчжурское названіе водораздѣльнаго горнаго хребта.

они тяжело и порывисто дышали. Все тѣло ихъ было покрыто каплями крови, въ особенности крупъ, губы, шея и холка т. е. такія мѣста, которыя лошадь не можетъ достать ни хвостомъ, ни зубами.

Слѣдующій день былъ еще болѣе томительный и жаркій. Мы никуда не уходили, сидѣли въ избахъ и спрашивали старовѣровъ о деревнѣ и ея окрестностяхъ. Они рассказывали, что Коншаровна основана въ 1903 году, что въ ней 22 двора и что это послѣднее русское селеніе. Далѣе по Фудзину живутъ только китайцы, которые занимаются охотой, исканіемъ жень-шеня и соболеваніемъ.

ДОЛИНА Р. ФУДЗИНА.

КИТАЙСКАЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ФАНЗА. ВАРКА ПАНТОВ. АНО-
ФРИЕВЪ ВЪ РОЛИ НАЧАЛЬНИКА ОТРЯДА. КРУШЕНІЕ ЛОДКИ. ПОД-
ЛѢСЬЕ ВЪ ТАЙГѢ. ЛѢСНЫЯ ПТИЦЫ. ВСТРѢЧА СЪ ПРОМЫШЛЕН-
НИКОМЪ.

6-го іюля мы распрощались съ Кокшаровкой. Наши лошади отдохнули и теперь шли гораздо бодрѣе. Слѣпни и мошки, тучей слѣдовали за ними по пятамъ. Особенно трудно было идти заднимъ. Главная масса мошканы держится въ хвостѣ отряда. Въ такихъ случаяхъ рекомендуется по очереди мѣнять мѣстами людей и лошадей.

Отъ деревни Кокшаровки дорога идетъ правымъ берегомъ Улахе, и только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ рѣка подмываетъ утесы, она удаляется въ горы, но вскорѣ опять выходитъ въ долину. Рѣка Фудзинъ имѣетъ направление теченія широтное, но въ низовьяхъ постепенно заворачиваетъ къ сѣверу и сливается съ Улахе версты на двѣ ниже лѣваго края своей долины.

Рододендроны (*Rhododendron dauricum* Lin.), были теперь въ полномъ цвѣтѣ и отъ этого скалы, на которыхъ они росли, казались пурпуро-фіолетовыми. Долину Фудзина можно назвать луговой. Старый дубъ, вѣтвистая липа и узловатый осокоръ растутъ по ней одиночными деревьями. Невысокія горы по сторонамъ покрыты смѣшаннымъ лѣсомъ съ преобладаніемъ пихты и ели.

Дикая красота долины смягчалась присутствіемъ людей. Точно перепелки, попрятавшіяся отъ охотниковъ, тамъ и сямъ между деревьями видѣлись сѣренькія китайскія фанзы. Онѣ имѣли уютный видъ. Все вокругъ носило характеръ мира, тишины и трудолюбія. Около фанзъ широко раскинулись хлѣбныя поля и огороды. Чего только здѣсь не было: пшеница, кукуруза, чумиза, овесъ, макъ снотворный, нормовыя бобы, табак, и множество другихъ растений, которыхъ я не знаю. Ближе къ фанзамъ росли; фасоль, картофель, рѣдька, тыква, дыня, капуста, салатъ, брюква, огурцы, помидоры, лукъ разныхъ сортовъ и горошень. Въ поляхъ всюду видѣлись синія фигуры китайцевъ. Они прекратили работы и долго провожали насъ глазами. Появленіе воинскаго отряда, видимо, ихъ сильно смущало, а наличие вьючныхъ коней указывало, что отрядъ этотъ идетъ издалека и далеко.

Я направился къ одной изъ фанзъ. Тутъ на огородѣ работала глуповатый старикъ. Онъ ополивалъ грядки отъ сорной травы и каждый разъ, нагибаясь, стоналъ. Видно было, что ему трудно работать, но онъ не хотѣлъ жить праздно и быть другимъ въ тягость. Рядомъ съ нимъ работала другой старикъ—помоложе. Онъ старался придать овощамъ красивый видъ, оправлялъ ихъ листья и подрѣзала тѣ, которыя разрослись

и выдвлялись из общего уровня. Когда мы подошли, оба старина приветствовали нас по своему и затѣмъ, вытеревъ потное лицо грязной тряпичей, поплелись сзади.

Китайская фанза, къ которой мы подошли, состояла изъ трехъ построекъ, расположенныхъ «покоемъ»—изъ жилой фанзы—посрединѣ и двухъ сараевъ—по сторонамъ. Дворъ между ними, чисто выметенный и прибранный, былъ обнесень высокимъ частоколомъ въ уровень съ сараями. Почувявъ постороннихъ людей, собаки подняли неистовый лай и бросились къ намъ навстрѣчу. На шумъ изъ фанзы вышелъ самъ хозяинъ. Онъ тотчасъ распорядился, чтобы рабочіе помогли солдатамъ разсѣдывать лошадей.

Китайская фанза—оригинальная постройка. Стѣны ея сложены изъ глины; крыша двускатная, тростниковая. Рѣшетчатые окна, оклеенныя бумагой, занимаютъ почти весь ея передній фасадъ, зато сзади и съ боковъ оконъ не бываетъ вовсе. Рамы устроены такъ, что онѣ поднимаются кверху и свободно могутъ выниматься изъ своихъ гнѣздъ. Замковъ ни у кого нѣтъ. Дверь припирается не отъ людей, а для того, чтобы туда случайно не зашли собаки.

Внутри фанзы, по обѣ стороны двери, находятся низенькія печки, сложенныя изъ камня съ вмазанными въ нихъ желѣзными котлами. Дымовые ходы отъ этихъ печей идутъ вдоль стѣнъ подъ канами и согрѣваютъ ихъ. Каны сложены изъ плитняковаго камня и служатъ для спанья. Они шириной около сажени и прикрыты соломенными циновками. Ходы выведены наружу въ длинную трубу, тоже сложенную изъ камня, которая стоитъ немного въ сторонѣ отъ фанзы и не превышаетъ конька крыши. Спятъ китайцы всегда голыми, головой внутрь фанзы и ногами къ стѣнѣ.

Деревянной перегородкой фанза дѣлится на двѣ половины. Въ меньшей помѣщается самъ хозяинъ, и его компаніоны, въ большей — рабочіе. По срединѣ фанзы на треножничѣ стоитъ старый надтреснутый котелъ, наполненный пескомъ и золою. Это жаровня, куда складываются горящіе уголья изъ печей, когда пища сварена и каны достаточно нагрѣты. Если нужно согрѣть пищу, манзы разводятъ огонь прямо въ жаровнѣ. Вслѣдствіе этого въ жиломъ помѣщеніи всегда дымно и пыльно. Потолка въ фанзѣ нѣтъ, крыша поставлена непосредственно на стѣны. Деревянные балки, недровое корье и даже солома до того прокоптились, что стали черными и блестящими. Всѣ предметы, находящіеся выше роста человѣка, тоже закопчены и покрыты толстымъ слоемъ пыли.

Хозяинъ фанзы пригласилъ насъ въ свое помѣщеніе. Здѣсь было нѣсколько чище, чѣмъ у рабочихъ. Около стѣнъ стояли большіе сундуки съ наклеенными на нихъ красными бумажками съ новогодними иероглифическими письменами. Прямо противъ входа было устроено нѣчто въ родѣ кумирни, а около нея на столѣ стояли подсвѣчники съ красными свѣчами, какія-то желтыя коробочки и запыленные бутылки. Рядомъ на стѣнахъ висѣли размалеванныя картины, характерныя для китайскаго художества по отсутствію въ нихъ перспективы и изображающія

историческія театральныя сцены, что легко узнать по костюмамъ, заученнымъ позамъ антеровъ и по ихъ раскрашеннымъ физиономіямъ.

Хозяинъ разсталъ на канѣ новое ватное одѣяло, поставилъ маленький столикъ и налилъ намъ по кружкѣ чая. Китайскій чай даетъ наваръ блѣдно-желтый, слабый, но удивительно ароматный; его надо пить безъ сахара; сладкій онъ непріятенъ.

Первыя вопросы, съ которыми обратились ко мнѣ китайцы, были такіе.

Сколько у васъ людей?

Сзади еще идутъ люди или нѣтъ?

Сначала я возмущался такими вопросами, усматривая въ нихъ злое намѣреніе, но, впоследствии, убѣдился, что эта справка нужна имъ только для того, чтобы знать, на сколько людей надо готовить ужинъ.

Мы расположились въ фанзѣ, какъ дома. Китайцы старались предупредить всѣ наши желанія и просили только, чтобы не пускать лошадей на волю, дабы онѣ не потравили полей. Они дали конямъ овса и нанесли травъ столько, что ея хватило бы до утра на отрядъ вдвое большій. чѣмъ нашъ. Все исполнялось быстро, дружно и безъ всякихъ проволочекъ.

Послѣ сытнаго обѣда изъ вареной курицы, яицъ, жаренаго картофеля и лепешекъ, спеченныхъ на бобовомъ маслѣ, я пошелъ осматривать сарай.

Половина одной постройки предназначалась для выгонки спирта. Тутъ было двѣ заторныхъ ямы, перегонный кубъ и посуда. На стелажкахъ подъ крышей рядами лежали «сулевы»⁽⁶⁷⁾ кирпичи. По мѣрѣ надобности ихъ опять укладываютъ въ яму и смачиваютъ водою. Отъ этого они набухаютъ и разваливаются. Затору даютъ побродить немного и затѣмъ лопатами насыпаютъ въ котель, надъ которымъ ставятъ деревянный бездонный чанъ, а поверхъ его еще другой котель съ холодной водою. Винные пары осѣдаютъ на холодномъ днищѣ верхняго котла и по особому приѣмнику выходятъ наружу.

Въ другой половинѣ помѣщалась мельница, состоящая изъ двухъ жернововъ, изъ которыхъ нижній—былъ неподвижный. Мельница приводится въ движеніе силою лошади. Съ завязанными глазами она ходитъ вокругъ и вращаетъ верхній камень. Мука отдѣляется отъ отрубей при помощи сита. Оно помѣщается въ особомъ шкафу и приводится въ движеніе ногами человѣка. Онъ же слѣдитъ за лошадыю и подсыпаетъ зерно къ жерновамъ.

Рядомъ съ мельницей была кладовая, гдѣ хранились зерновые продукты и, вообще, разное имущество. Здѣсь были шкуры звѣрей, оленье панты, медвѣжья желчь, соболю и бѣличьи мѣха, бумажныя свѣчи, свертки съ чаемъ, новые топоры, плотничьи и огородные инструменты, луки, настораживаемые на звѣрей, охотничье копье, фитильное ружье, приспособленія для носки на спинѣ грузовъ, одежда, посуда, еще не бывшая въ употребленіи, китайская синяя даба, бѣлая

67) По кoreanскій водѣ называется «Сулей».

и черная матерія, одѣла, новые улы, сухая трава для обуви, веревки и тулузы⁽⁶⁸⁾ съ масломъ. Въ такихъ же, но только маленькихъ тулузахъ, китайцы въ походѣ носятъ бобовое масло. Пробной обыкновенно служить кочерыжка кукурузы, обмотанная тряпичей. Изготовленіе маленькихъ тулузовъ явилось слѣдствіемъ недостатка стеклянной и глинянной посуды.

Постройка съ правой стороны двора служила конюшней для лошадей и хлѣвомъ для рогатаго скота. Изъѣденная колода и обгрызанные столбы свидѣлствуютъ о томъ, что лошадямъ зимой даютъ мало сѣна. Китайцы кормятъ ихъ рѣзкой соломы въ перемежку съ бобами. Несмотря на это, лошади у нихъ всегда въ хорошемъ тѣлѣ.

Отъ фанзы шла маленькая тропинка. Я пошелъ по ней. Тропинка привела меня къ кумирнѣ, сколоченной изъ досокъ и украшенной рѣзбою. Въ ней была повѣшена картина, изображающая Бога Стихій «Лунь-ванъ-ѣ», окруженнаго другими богами. Всѣ они имѣли цвѣтныя гнѣвныя лица. Передъ богами стояли маленькія фарфоровыя чашечки, въ которыя, вѣроятно, наливался спиртъ во время жертвоприношенія. Впереди кумирни стояло два фигурныхъ столба съ украшеніями.

Позади фанзы и нѣсколько въ сторонѣ была большая груда дровъ, аккуратно наколотыхъ, но еще аккуратнѣе сложенныхъ въ круглый штабель, по внѣшнему виду похожий на стогъ сѣна.

Въ сосѣдней фанзѣ варили панты. Я пошелъ туда посмотреть, какъ производится эта операція. Варка происходила на открытомъ воздухѣ. Надъ огнемъ на трехъ камняхъ стоялъ котель, наполненный водою. Китаецъ-пантоваръ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы вода была горячей, но не кипѣла. Въ рунахъ у него была деревянная развилка, къ которой бичевой привязаны молодые олени рога. Обмокнувъ панты въ воду, онъ давалъ имъ немного остынуть, сдувая ртомъ паръ, затѣмъ опять погружалъ ихъ въ котель и опять остужалъ дуновеніемъ. Варка пантовъ производится ежедневно до тѣхъ поръ, пока они не потемнѣютъ и не сдѣлаются твердыми. Въ этомъ видѣ онѣ могутъ храниться много лѣтъ. Если передержать ихъ въ горячей водѣ дольше двухъ трехъ секундъ заразъ, они лопнутъ и потеряютъ цѣнность.

Когда я возвращался назадъ, день уже кончился. Едва солнце коснулось горизонта, какъ всѣ китайцы, словно по командѣ, прекратили свои работы и медленно, не торопясь, пошли домой. Въ полѣ никого не осталось.

Возвратясь въ фанзу, я принялся за дневникъ. Тотчасъ ко мнѣ подѣло два китайца. Они слѣдили за моей рукой и удивлялись скорописи. Въ это время мнѣ случилось написать что-то машинально, не глядя на бумагу. Крикъ восторга вырвался изъ ихъ устъ. Тотчасъ съ нана соскочило нѣсколько челоуѣкъ. Черезъ пять минутъ вокругъ меня стояли всѣ

68) Корзины, сплетенныя изъ прутьевъ и обмазанныя какимъ-то составомъ, похожимъ на бумагу, но настолько прочнымъ, что онъ не пропускаетъ даже шурта. Тулузы похожи на низкія бутылки съ широкими горлами.

обитатели фанзы и каждый просил меня продѣлать то же самое, еще и еще, безконечное число разъ.

Жидкая кукурузная каша, немного соленыхъ овощей и два хлѣбца изъ темной пшеничной муки—вотъ все, что составляетъ вечернюю трапезу рабочихъ манзъ. Сидя на корточкахъ за маленькимъ столикомъ, они ѣли молча. Послѣ ужина китайцы раздѣлись и легли на каны. Нѣкоторые курили табакъ, другіе пили чай. Теперь всѣ разговаривали. Въ фанзѣ было два постороннихъ человѣка, пришедшихъ съ р. Ното. Они что-то горячо рассказывали, а слушатели время отъ времени выражали свое удивленіе возгласами «айя-ха!». Такая бесѣда длилась около часа. Наконецъ, разговоръ мало по малу сталъ затихать и незамѣтно перешелъ въ храпъ. Только въ одномъ углу еще долго горѣла масляная лампочка. Это старикъ-китаецъ курилъ опій.

Видя меня сидящимъ за работой въ то время, когда другіе спятъ, китайцы объяснили это по своему. Они рѣшили, что я не болѣе, какъ писарь и что главный нашъ начальникъ есть хорунжий Анофріевъ. Заключили они это потому, что послѣдній постоянно кричалъ на нихъ, ругался и гналъ изъ чистой половины въ помѣщеніе для рабочихъ. Я вспомнилъ, что и въ другихъ фанзахъ было тоже самое. Китайцы боялись его, какъ огня. Когда кому нибудь въ отрядѣ не удавалось что либо добиться отъ нихъ, стоило только обратиться къ Анофріеву и тотчасъ же китайцы становились покорными и безо всякихъ прерѣканий исполняли приказанія. Очевидно, вѣсть о томъ, кто начальникъ въ отрядѣ, передавалась впередъ изъ фанзы въ фанзу. И съ этимъ ничего нельзя было подѣлать. Когда на другое утро я проснулся и попросилъ у китайцевъ чая, они указали на спящаго Анофріева и шопотомъ сказали мнѣ, что надо подождать, пока не встанетъ «самъ капитанъ». Я разбудилъ Анофріева и попросилъ его сдѣлать распоряженіе. Онъ прикрикнулъ на китайцевъ, тѣ сразу засуетились и тотчасъ подали мнѣ чай и булочки, спеченныя на пару.

Расплатившись съ хозяиномъ фанзы, мы отправились дальше вверхъ по р. Фудзину.

Горы съ лѣвой стороны долины состоятъ изъ безальтовой лавы, которая въ обнаженіяхъ, подъ вліяніемъ атмосферныхъ агентовъ, принимаетъ красивую окраску. По вершинамъ ихъ и кое-гдѣ по склонамъ виднѣются осыпи. Издали онѣ кажутся сѣрыми плѣщинами. Эти сопки изрѣзаны глубокими распадками и покрыты дубовымъ рѣдколѣсьемъ.

Съ правой стороны Фудзина тянется массивный горный кряжъ, поросшій густымъ хвойно-смѣшаннымъ лѣсомъ.

Къ полудню отрядъ нашъ дошелъ до того мѣста, гдѣ долина дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверъ. Пройдя въ этомъ направленіи версты три, она снова поворачиваетъ къ востоку.

На другой сторонѣ рѣки виднѣлась фанза. Здѣсь жило два китайца. Одинъ изъ нихъ былъ хромым, другой—слѣпой.

Вода въ рѣкѣ стояла на прибыли и потому въ бродъ ее перейти было нельзя. У китайцевъ нашлась небольшая лодка. Ма перевезли въ ней сѣдла и грузы, а коней переправили вплавъ.

За послѣдніе дни лошади наши сильно похудѣли. Днемъ онѣ были въ работѣ, а ночью страдали отъ гнуса. Онѣ не хотѣли пастись на травѣ и все время жались къ дымокурамъ. Чтобы облегчить ихъ работу, я рѣшилъ часть грузовъ отправить въ лодкѣ съ двумя стрѣлками. Китайцы охотно уступили ее намъ за недорогую цѣну. Но не суждено было ей совершить это плаваніе. Какъ только она вышла на середину рѣки, одинъ изъ солдатъ потерялъ равновѣсіе и упалъ. Лодка тотчасъ перевернулась. Стрѣлки умѣли плавать и безъ труда добрались до берега, но ружья, топоры, запасныя подковы, пила и ковочный инструментъ утонули. Лодку скоро задержали, но впопыхахъ потеряли мѣсто, гдѣ произошло крушеніе. Въ командѣ нашлись два человѣка (Аузинъ и Мелянъ), которые умѣли нырять. До самыхъ сумерокъ они бродили по водѣ, щупали дно шестами, закидывали веревки съ крючьями, но все было напрасно.

Слѣдующій день (8-го іюня) ушелъ на поиски въ водѣ ружей. Мы рассчитывали, что при солнцѣ будетъ лучше видно дно рѣки, но погода, какъ на грѣхъ, снова испортилась. Небо покрылось тучами и стало моросить. Тѣмъ не менѣе, послѣ полудня, Меляну удалось найти два ружья, ковочный инструментъ, подковы и гвозди. Удовольствовавшись этимъ, я приказалъ собираться въ дорогу.

Нѣтъ худа безъ добра. Случилось такъ, что послѣднія двѣ ночи мошки было мало; лошади отдохнули и выкормились. Злополучную лодку мы вернули китайцамъ и въ два часа дня тронулись въ путь.

Погода намъ благопріятствовала. Было прохладно и морочно⁶⁹⁾. По небу бѣжали большія кучевыя облака и заслоняли собою солнце.

Дальше Фудзинъ дѣлаетъ излучину въ видѣ буквы «П». Отсюда тропа поворачиваетъ направо въ горы, что значительно сокращаетъ дорогу. По пути она пересѣкаетъ два невысокихъ кряжика и обильный водоисточникъ.

Въ полдень у ручья я приказалъ остановиться. Послѣ чая я не сталъ дожидаться, пока завьючатъ коней и, сдѣлавъ нужныя распоряженія, пошелъ впередъ по тропинкѣ.

Во вторую половину дня состояніе погоды не измѣнилось: по прежнему было сумрачно, но чувствовалось, что дождя не будетъ. Такой погодой всегда надо пользоваться. Въ это время можно много сдѣлать и много пройти. Откуда то берется энергія и, главное, совершенно не чувствуешь усталости. Гнусъ тоже исчезъ. При вѣтрѣ мошка не можетъ держаться въ воздухѣ. Зато, если день солнечный и безвѣтренный, мошекъ появляется чрезвычайно много. Для нихъ не такъ нужно солнце, какъ теплый и насыщенный парами воздухъ. Вотъ почему гнусъ всегда появляется передъ дождемъ и въ сумерки.

На второмъ перевалѣ черезъ горный отрогъ, тропка, раздѣлилась. Одна пошла влѣво, а другая—прямо въ лѣсъ. Первая мнѣ показалась мало хоженной, а вторая—болѣе торной. Я выбралъ послѣднюю.

69) Мѣстное выраженіе, означающее сухую погоду при облачномъ небѣ.

Въ теченіи дня изъ пернатыхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ я видѣлъ Уссурийскаго пестраго дятла. Эта бойная и подвижная птица съ бѣлымъ, чернымъ и краснымъ опереніемъ все время перелетала съ одного дерева на другое и часто постукивала носомъ по корѣ и, казалось, прислушивалась, стараясь по звуку угадать, дуплистое ли дерево. Увидѣвъ меня, дятель спрятался за дерево и тотчасъ показался съ другой его стороны. Онъ осторожно выглядывалъ оттуда однимъ глазомъ. Замѣтивъ, что я приближаюсь, онъ съ крикомъ перелетѣлъ къ другому дереву и опять спрятался, потомъ отлетѣлъ еще дальше и вскорѣ совѣмъ скрылся въ лѣсу.

Въ сторонѣ звонко куковала кукушка. Осторожная и пугливая—она не сидѣла на мѣстѣ, то и дѣло шныряла съ вѣтки на вѣтку, и въ тактъ крика кивала головой, подымая хвостъ вверхъ. Не замѣчая опасности, кукушка безшумно пролетѣла совѣмъ близко отъ меня, сѣла на дерево и начала было опять куковать, но, вдругъ, испугалась, оборвала на половинѣ свое кукованіе и торопливо полетѣла обратно.

Изъ сосѣднихъ кустовъ я выгналъ вальдшнепа.

Онъ подпустилъ меня очень близко, но потомъ, вдругъ, сорвался съ мѣста и полетѣлъ низко надъ землею, ловко лавируя между деревьями. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заросли были гуще, держались сѣрые сорокопуть. Замѣтивъ подходившаго человѣка, они подняли сильное стрекотаніе. Эти небольшія птицы съ сердитымъ взглядомъ и съ клювомъ, какъ у хищника, поминутно то взлетали на вѣтви деревьевъ, то опускались на землю, какъ будто что-то клевали въ травѣ, затѣмъ опять взлетали наверхъ и ловко прятались въ листьѣ. Около воды по опушкамъ держались китайскія иволги и сибирскіе соловьи. Они выдавали себя своимъ пѣніемъ. Иволги, красивыя оранжево-желтыя птицы, величиной съ голубя, сидѣли на высокихъ деревьяхъ. Несмотря на величину и яркое опереніе, увидѣть ихъ всегда трудно. Вторыя—сѣрыя птички съ краснымъ горломъ также предпочитали держаться въ заросляхъ около воды. Голосъ сибирскаго соловья не такой богатый, какъ у соловья, обитающаго въ Европейской Россіи. Послѣ короткаго пѣнія сразу наступаетъ щелканье и стрекотаніе. По голосу я сначала даже и не принялъ его за соловья, но потомъ разглядѣлъ и призналъ въ немъ пернатого музыканта.

Моя тропа заворачивала все больше къ югу. Я перешелъ еще черезъ одинъ ручей и опять сталъ подыматься въ гору. Въ одномъ мѣстѣ я нашелъ чей-то биванъ. Осмотрѣвъ его внимательно, я убѣдился, что люди здѣсь ночевали давно и что это, по всей вѣроятности, были китайскіе охотники.

Лѣсъ становился гуще и крупнѣе; кое-гдѣ мелькали тупыя вершины кедровъ (*Pinus coraiensis* Sieb. et Zuc.) и остроконечныя ели (*Picea ajanensis* Fisch.), всегда придающіе лѣсу угрюмый видъ. Незамѣтно для себя я перевалилъ еще черезъ одинъ хребтикъ и спустился въ сосѣдную долину. По дну ея бѣжалъ шумный ручей.

Усталый я сѣлъ отдохнуть подъ большимъ кедромъ и сталъ разсматривать подлѣсье. Тутъ росли: даурская крушина (*Rhamnus dauri-*

cus Pal), съ овално заостренными листьями и мелкими бѣлыми цвѣтами: многоглытый шиповникъ (*Rosa pimpinellifolia* L.)—небольшой кустарникъ съ сильно колючими вѣтвями и желтая анація (*Caragana arborea cens* Lam.) съ ярко золотистыми вѣточками. Тамъ и сямъ среди кустарниковъ высились: зонтичная ангелика (*Angelica daurica* Max.), вороній глазъ (*Paris quadrifolia* Led.) съ расходящимися во всѣ стороны узкими ланцетовидными листьями и особый видъ папоротника (*Pteridium aquillinum* Kuhn) съ листьями, напоминающими развернутое орлиное крыло и вельдствіе этого называемаго въ просторѣчїи «орляком».

Вдругъ издали донеслись до меня какіе-то однообразные и заунывные звуки. Они приближались, и вслѣдъ затѣмъ я услышалъ совсѣмъ близко надъ своей головой шумъ птичьяго полета и глухое ворнованье. Тихонько я поднялъ голову и увидѣлъ восточно-сибирскую лѣсную горлицу. По неосторожности я что-то выронилъ изъ рукъ, горлица испугалась и стремительно скрылась въ чащѣ. Потомъ я увидѣлъ восточнаго сѣдоголоваго дятла. Эта лазящая птица съ зеленовато-сѣрымъ опереніемъ и съ краснымъ пятномъ на головѣ, подвижная и суетливая, выражала особенное безпокойство, видимо, потому, что я сидѣлъ неподвижно. Она перелетала съ одного мѣста на другое, и также, какъ и пестрый дятель, пряталась за деревья. По другому рѣзкому крику я узналъ сибирскую кедровку. Вскорѣ я увидѣлъ ее самое—большеголовую, пеструю и неуклюжую. Она проворно лазила по деревьямъ, лушила еловыя шишки и такъ пронзительно кричала, какъ будто хотѣла всему лѣсу оповѣстить, что здѣсь есть человекъ.

Наконецъ, мнѣ наскучило сидѣть на одномъ мѣстѣ; я рѣшилъ повернуть назадъ и идти навстрѣчу къ своему отряду. Въ это время до слуха моего донесся какой-то шорохъ. Слышно было, какъ кто-то осторожно шель по чащѣ. Должно быть звѣрь, подумалъ я, и приготовилъ винтовку. Шорохъ приближался. Притаивъ дыханіе, я старался сивозъ чащу лѣса разсмотрѣть приближающееся животное. Вдругъ сердце мое упало,—я увидѣлъ промышленника. По опыту прежнихъ лѣтъ я зналъ, какъ опасны встрѣчи съ этими людьми.

Въ тайгѣ Уссурійскаго Края надо всегда разсчитывать на возможность встрѣчи съ дикими звѣрями. Но самое непрїятное—это встрѣча съ человекомъ. Звѣрь спасается отъ человекна бѣгствомъ, если же онъ и бросается, то только тогда, когда его преслѣдуютъ. Въ такихъ случаяхъ и охотникъ, и звѣрь, каждый знаетъ, что надо дѣлать. Другое дѣло человекъ. Въ тайгѣ одинъ Богъ свидѣтель, и потому обычай выработалъ особую сноровку. Человекъ, завидѣвшій другаго человекна, прежде всего долженъ спрятаться и приготовить винтовку.

Въ тайгѣ всѣ бродятъ съ оружіемъ въ рукахъ: инородцы, китайцы, корейцы и звѣропромышленники. Звѣропромышленникъ,—это человекъ живущій почти исключительно охотой. Въ большинствѣ случаевъ хозяйствомъ его вѣдаетъ отецъ, братъ или кто-либо изъ близкихъ родственниковъ. Весьма интересно ходить съ нимъ на охоту. У него много

интересныхъ приемовъ, выработанныхъ долговѣтнимъ опытомъ: онъ знаетъ, гдѣ держится звѣрь, какъ его обойти, гдѣ искать подранка. Способность ориентироваться, устроиться на ночь во всякую погоду, умѣнiе быстро, безъ шума скрадывать звѣря, подражать крику животныхъ, — вотъ отличительныя черты охотника-звѣропромышленника. Но надо отличать звѣропромышленника отъ промышленника. Насколько первый въ большинствѣ случаевъ отличается порядочностью, настолько надо опасаться встрѣчи со вторымъ. Промышленникъ идетъ въ тайгу не для охоты, а, вообще, «на промыселъ». Кромѣ ружья, онъ имѣетъ при себѣ саперную лопату и сумочку съ кислотами. Онъ ищетъ золото, но при случаѣ не прочь поохотиться за «носачами» (китайцами) и за «лебедями» (норейцами), не прочь угнать чужую лодку, убить корову и продать мясо ся за оленину. Встрѣча съ такимъ промышленникомъ гораздо опаснѣе, чѣмъ встрѣча со звѣремъ. Надо всегда быть готовымъ къ оборонѣ. Малѣйшая оплошность—и неопытный охотникъ погибъ. Старые охотники, съ перваго взгляда, разбираютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло,—съ порядочнымъ человѣкомъ или съ разбойникомъ.

Передо мной былъ именно промышленникъ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то странный костюмъ, наполовину—китайскій, наполовину—русскій. Онъ шелъ наискось мимо меня, сгорбившись и все время оглядывался по сторонамъ. Вдругъ, онъ остановился, проворно сдернулъ съ плеча свою винтовку и тоже спрятался за дерево. Я понялъ, что онъ меня увидѣлъ. Въ такомъ положенiи мы пробыли нѣсколько минутъ. Наконецъ, я рѣшилъ отступать. Тихонько я поползъ по кустамъ назадъ и черезъ минуту добрался до другого большого дерева. Промышленникъ тоже отходилъ и прятался въ кустахъ. Тогда я понялъ, что онъ меня боится. Онъ никакъ не могъ допустить, что я могъ быть одинъ и думалъ, что по близости есть много солдатъ. Я зналъ, что если я выстрѣлю изъ винтовки, то пуля пройдетъ сквозь дерево, за которымъ спрятался бродяга и убьетъ его. Но я тотчасъ же поймалъ себя на другой мысли: онъ уходитъ, онъ боится и, если я выстрѣлю, то совершу убійство. Я стошелъ еще немного и оглянулся. Чуть-чуть между деревьями мелькала его синяя одежда. У меня отлегло на сердцѣ. Осторожно отъ дерева къ дереву, отъ камня къ камню, я сталъ удаляться отъ опаснаго мѣста и когда почувствовалъ себя внѣ выстрѣловъ, вышелъ на тропинку и спѣшно пошелъ назадъ къ своему отряду.

Черезъ полчаса я былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ расходились дороги. Я вспомнилъ уроки Дерсу и сталъ разсматривать обѣ тропы. Свѣжіе конскіе слѣды шли влѣво. Я прибавилъ шагу и черезъ полчаса подходилъ къ Фудзину. За рѣкой я увидѣлъ китайскую фанзу, окруженную частоколомъ, а около нея нашъ отрядъ на отдыхѣ.

Мѣстность эта называется Голайза. Это была послѣдняя земледѣльческая фанза. Дальше шла тайга—дикая и пустынная, оживающая только зимой на время соболеванья.

Отрядъ ожидалъ моего возвращенія. Я приказалъ разсѣдывать коней и ставить палатки. Здѣсь надо было въ послѣдній разъ пополнить запасы продовольствія.

СКВОЗЬ ТАЙГУ.

ТАЗЫ. ЛОВЦЫ ЖЕМЧУГА. СКРЫТНОСТЬ КИТАЙЦЕВЪ. ЛѢСНАЯ ТРОПА. ТАЗА ОХОТНИКЪ. СУМЕРКИ ВЪ ЛѢСУ. ПИЩУХА. БУРУНДУКЪ. ВСТРѢЧА СЪ МЕДВѢДЕМЪ. ГНУСЪ.

Послѣ короткаго отдыха я пошелъ осматривать тазовскія фанзы, расположенныя по сосѣдству съ китайскими. Аборигены Уссурійскаго края, обитающіе въ Центральной части горной области Сихотэ-Алиня и на побережьи моря къ сѣверу до мыса Успенія, называютъ себя «Удэ-хе» (70). Тѣ, которые жили въ южной части страны, со временемъ окитаились и теперь уже ихъ совершенно нельзя отличить отъ маньчжуръ. Китайцы называютъ ихъ Да-цзы, что значитъ инородецъ (ни русскій, ни кореецъ, и ни китаецъ). Отсюда получилось искаженное русскими слово Тазы. Характерны для этихъ ассимилированныхъ туземцевъ бѣдность и неряшливость. Бѣдность—въ фанзѣ, бѣдность—въ одеждѣ, бѣдность—въ ѣдѣ.

Когда я подходилъ къ ихъ жилищу, навстрѣчу мнѣ вышелъ таза. Одѣтый въ лохмотья, съ большими глазами и съ паршой на головѣ, онъ привѣтствовалъ меня, и въ голосъ его чувствовались и страхъ, и робость. Неподалеку отъ фанзы съ собаками играли ребятишки, у нихъ на тѣлѣ не было никакой одежды.

Фанза была старенькая, покосившаяся; кое-гдѣ со стѣнъ ея обваливалась глиняная штукатурка; старая, заплатанная и пожелтѣвшая отъ времени бумага въ окнахъ, во многихъ мѣстахъ была прорвана; на пыльных канахъ лежали обрывки циновокъ, а на стѣнѣ висѣли какія-то выцветшія и закоптѣлыя тряпки. Всюду запустѣніе, грязь и нищета.

Раньше я думалъ, что это отъ лѣни, но потомъ убѣдился, что такое обѣдненіе тазовъ происходитъ отъ другихъ причинъ—именно, отъ того положенія, въ которомъ они очутились среди китайскаго населенія. Изъ разспросовъ выяснилось, что китаецъ, владѣлецъ фанзы Юлайза, является Цай-дунгомъ (71) (хозяинъ рѣки). Всѣ инородцы, живущіе на Фудзинѣ, получаютъ отъ него въ кредитъ опиумъ, спиртъ, продовольствіе и матеріалъ для одежды. За это они обязаны отдавать ему все, что добудутъ на охотѣ: соболей, панты, жень-шень и т. д. Вслѣдствіе этого тазы впадаютъ въ неоплатные долги. Случалось не разъ, что за долги отъ нихъ отбирали жень и дочерей и нерѣдко самихъ продавали въ другія руны,

70) Двѣ послѣднія буквы проносятся чуть слышно. Впредь во всѣхъ случаяхъ придыхательную букву ятняскаго алфавита «хъ» я буду для простоты замѣнять русской буквой «хъ».

71) Цай-дунгъ—Владѣлецъ капитала.

потомъ въ третью и т. д. Иностранцы эти, позаимствовавъ китайскую культуру, не могли съ нею справиться и подпали подъ вліяніе тѣхъ же китайцевъ. Жить, какъ земледѣльцы, они не умѣли, а отъ жизни охотника и звѣролова отстали. Китайцы воспользовались ихъ духовною бѣдностью и сумѣли сдѣлаться для нихъ необходимыми. Съ этого момента тазы утратили всякую самостоятельность и превратились въ рабовъ.

Возвращаясь отъ нихъ, я сбился съ дороги и попалъ къ Фудзину. Здѣсь на рѣкѣ я увидаль двухъ китайцевъ, занимающихся добываніемъ жемчуга. Одинъ изъ нихъ стоялъ на берегу и изо всей силы упиралъ шесть въ дно рѣки, а другой опускался по немъ въ воду. Правою рукою онъ собиралъ раковины, а лѣвой держался за палку. Необходимость работать съ шестомъ вызывается быстрымъ теченіемъ рѣки. Водолазъ пробываетъ подъ водою не болѣе полминуты. Задержанное дыханіе позволило бы ему пробыть тамъ и дольше, но низкая температура воды заставляетъ его скоро всплывать наверхъ. Вслѣдствіе этого китайцы ныряютъ въ одеждѣ.

Я сѣлъ на берегу и сталъ наблюдать за ихъ работой. Послѣ короткаго пребыванія въ водѣ, водолазъ минутъ пять грѣлся на солнцѣ. Такъ какъ они чередовались, то выходило, что въ часъ каждый изъ нихъ спускался въ воду не болѣе десяти разъ. За это время они успѣли достать всего только восемь раковинъ (*Margaritana margaritifera* L.), изъ которыхъ ни одной не было съ жемчугомъ. На задаваемые вопросы, китайцы объяснили, что примѣрно изъ пятидесяти раковинъ одна бываетъ съ жемчугомъ. За лѣто они добываютъ около 200 жемчужинъ на сумму 500—600 руб. Китайцы эти не ограничиваются однимъ Фудзиномъ, ходятъ по всему краю и выискиваютъ старыя тинистыя протоки. Самымъ лучшимъ мѣстомъ жемчужнаго лова считается р. Ваку.

Вскорѣ китайцы приостановили свою работу, одѣли сухую одежду и выпили немного подогрѣтой водки. Затѣмъ они усѣлись на берегу, стали молотками разбивать раковины и искать въ нихъ жемчугъ. Я вспомнилъ, что раньше по берегамъ рѣки мнѣ случалось встрѣчать такія кучи битыхъ раковинъ. Тогда я не могъ найти этому объясненія. Теперь мнѣ все стало понятнымъ. Конечно, исканіе жемчуга ведется хищнически. Раковины разбиваются и тутъ же бросаются на мѣстѣ. Изъ восьмидесяти раковинъ, китайцы отложили двѣ драгоцѣнныя. Сколько я ни разсматривалъ ихъ, не могъ найти жемчуга до тѣхъ поръ, пока мнѣ его не указали. Это были небольшіе наросты блестящаго грязновато-сѣраго цвѣта. Перламутровый слой былъ гораздо ярче и красивѣе, чѣмъ самъ жемчугъ.

Послѣ того, какъ раковины просохли, китайцы осторожно ножами отдѣляли жемчужины отъ створокъ и убрали ихъ въ маленькіе кожаные мѣшечки.

Пока я былъ у тазовъ и смотрѣлъ, какъ китайцы ловятъ жемчугъ, незамѣтно подошелъ вечеръ. Въ нашей фанзѣ зажгли огонь.

Послѣ ужина я распрашивалъ китайцевъ о дорогѣ къ морю. Или они не хотѣли указывать мѣста, гдѣ находятся звѣровыя фанзы или у

потомъ въ третью и т. д. Инородцы эти, позаимствовавъ нитайскую культуру, не могли съ нею справиться и подпали подъ вліяніе тѣхъ же нитайцевъ. Жить, какъ земледѣльцы, они не умѣли, а отъ жизни охотника и звѣролова отстали. Китайцы воспользовались ихъ духовною бѣдностью и сумѣли сдѣлаться для нихъ необходимыми. Съ этого момента тазы утратили всякую самостоятельность и превратились въ рабовъ.

Возвращаясь отъ нихъ, я сбился съ дороги и попалъ къ Фудзину. Здѣсь на рѣкѣ я увидаль двухъ нитайцевъ, занимающихся добываніемъ жемчуга. Одинъ изъ нихъ стоялъ на берегу и изо всей силы упиралъ шесть въ дно рѣки, а другой опускался по немъ въ воду. Правую рукою онъ собиралъ раковины, а лѣвой держался за палку. Необходимость работать съ шестомъ вызывается быстрымъ теченіемъ рѣки. Водолазъ пробываетъ подъ водою не болѣе полминуты. Задержанное дыханіе позволило бы ему пробить тамъ и дольше, но низкая температура воды заставляетъ его скоро всплывать наверхъ. Вслѣдствіе этого нитайцы ныряютъ въ одеждѣ.

Я сѣлъ на берегу и сталъ наблюдать за ихъ работою. Послѣ короткаго пребыванія въ водѣ, водолазъ минуту пять грѣлся на солнцѣ. Такъ какъ они чередовались, то выходило, что въ часъ каждый изъ нихъ спускался въ воду не болѣе десяти разъ. За это время они успѣли достать всего только восемь раковинъ (*Margaritana margaritifera* L.), изъ которыхъ ни одной не было съ жемчугомъ. На задаваемые вопросы, нитайцы объяснили, что примѣрно изъ пятидесяти раковинъ одна бываетъ съ жемчугомъ. За лѣто они добываютъ около 200 жемчужинъ на сумму 500—600 руб. Китайцы эти не ограничиваются однимъ Фудзиномъ, ходятъ по всему краю и выискиваютъ старыя тинистыя протоки. Самымъ лучшимъ мѣстомъ жемчужнаго лова считается р. Вану.

Вскорѣ нитайцы приостановили свою работу, одѣли сухую одежду и выпили немного подогрѣтой водки. Затѣмъ они усѣлись на берегу, стали молотками разбивать раковины и искать въ нихъ жемчугъ. Я вспомнилъ, что раньше по берегамъ рѣки мнѣ случалось встрѣчать такія кучи битыхъ раковинъ. Тогда я не могъ найти этому объясненія. Теперь мнѣ все стало понятнымъ. Конечно, исканіе жемчуга ведется хищнически. Раковины разбиваются и тутъ же бросаются на мѣстѣ. Изъ восьмидесяти раковинъ, нитайцы отложили двѣ драгоцѣнныхъ. Сколько я ни разсматривалъ ихъ, не могъ найти жемчуга до тѣхъ поръ, пока мнѣ его не указали. Это были небольшіе наросты блестящаго грязновато-сѣраго цвѣта. Перламутровый слой былъ гораздо ярче и красивѣе, чѣмъ самъ жемчугъ.

Послѣ того, какъ раковины просохли, нитайцы осторожно ножами отдѣлили жемчужины отъ створокъ и убрали ихъ въ маленькіе кожаные мѣшечки.

Пока я былъ у тазовъ и смотрѣлъ, какъ нитайцы ловятъ жемчугъ, незамѣтно подошелъ вечеръ. Въ нашей фанзѣ зажгли огонь.

Послѣ ужина я распрашивалъ нитайцевъ о дорогѣ къ морю. Или они не хотѣли указывать мѣста, гдѣ находятся звѣровыя фанзы или у

Поблагодаривъ китайца за свѣдѣнія, мы сѣло пошли впередъ. Жилыя фанзы, луга, пашни и открытыя долины—все это осталось теперѣ сзади.

Всякій разъ, когда вступаешь въ лѣсъ, который тянется на нѣсколько сотъ верстъ, невольно испытываешь чувство похожее на робость. Такой первобытный лѣсъ — своего рода стихія и немудрено, что даже инородцы, эти привычные лѣсные бродяги, прежде, чѣмъ переступить границу, отдѣляющую ихъ отъ людей и свѣта, молятся Богу и просятъ у него защиты отъ злыхъ духовъ, населяющихъ лѣсныя пустыни.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше лѣсъ былъ заваленъ колодниномъ. Въ горахъ растительный слой почвы очень незначителенъ, поэтому корни деревьевъ не углубляются въ землю, а распространяются по поверхности. Вслѣдствіе этого деревья стоятъ непрочны и легко опрокидываются вѣтрами. Вотъ почему тайга Уссурийскаго Края такъ завалена буреломомъ. Упавшее дерево поднимаетъ вверхъ свои корни вмѣстѣ съ землей и съ застрявшими между ними камнями. Сплошь и рядомъ такія баррикады достигаютъ высоты до двухъ и трехъ саженъ. Вотъ почему лѣсныя тропы очень извилисты. Приходится все время обходить, то одно поваленное дерево, то другое. Всегда надо принимать во вниманіе эти извилины и считать всѣ разстоянія въ полтора раза больше, чѣмъ онѣ показаны на картахъ. Деревья, растущія внизу, въ долинѣ, болѣе прочно укрѣпляются въ толщѣ наносной земли. Здѣсь можно видѣть такіе лѣсные великаны, которые достигаютъ 15—18 саженъ высоты и 12—14 фут. въ окружности. Нерѣдко старые тополи служатъ берлогами медвѣдямъ. Иногда случается, что въ одномъ дуплѣ помѣщается сразу два-три медвѣдя.

Долинный лѣсъ иногда бываетъ такъ густъ, что сквозь вѣтви его совершенно не видно неба. Внизу всегда царитъ полумракъ, всегда прохладно и сыро. Утренній разсвѣтъ и вечернія сумерки въ лѣсу и въ мѣстахъ открытых не совпадаютъ по времени. Чуть только тучка закроетъ солнце, лѣсъ сразу становится угрюмымъ и погода кажется пасмурной. Зато въ ясный день, освѣщенные солнцемъ стволы деревьевъ, ярко зеленая листва, блестящая хвоя, цвѣты, мохъ и пестрые лишайники, принимаютъ декоративный видъ.

Къ сожалѣнію все, что можетъ дать хорошая погода, отравляется гнусомъ. Трудно передать мученія, которыя испытываетъ человекъ въ тайгѣ лѣтомъ. Описать ихъ нельзя—это надо перечувствовать.

Часа три мы шли безъ отдыха, пона въ сторонѣ не послышался шумъ воды. Вѣроятно, это была та самая рѣка Чау-Сунь, о которой говорилъ китаецъ охотникъ. Солнце достигло своей кульминаціонной точки на небѣ и палило во всю. Лошади шли, тяжело дыша и понуривъ головы. Въ воздухѣ стояла такая жара, что даже въ тѣни могучихъ кедровниковъ нельзя было найти прохлады. Не слышно было ни звѣрей ни птицъ; только одни настынныя носились по воздуху, и, чѣмъ сильнѣе припекало солнце, тѣмъ болѣе они проявляли жизни.

Я полагалъ было остановиться на привалѣ, но лошади отказывались отъ норма и жались къ дымокурамъ. Сидѣніе на мѣстѣ въ такихъ случаяхъ тяжелѣе похода. Я велѣлъ опять застѣлать коней и идти дальше. Часа въ два дня тропа привела насъ къ горамъ, покрытымъ осыпями. Отсюда начинался подъемъ на хребетъ. Все было такъ, какъ говорилъ охотникъ китаецъ.

На самомъ перевалѣ стояла маленькая кумирня. Читатель можетъ быть подумаетъ, что это большая каменная постройка. Если бы не красныя тряпицы, повѣшенные на сосѣднія деревья, то ее можно было бы пройти мимо и не замѣтить. Представте себѣ два плоскихъ камня, поставленныхъ на ребро, и третій такой же камень, покрывающій ихъ сверху. Вотъ вамъ и кумирня! Въ глубинѣ ея иногда помѣщаются лубочныя картинки, изображающія боговъ, иногда—деревянные дощечки съ надписями религіознаго содержанія. При внимательномъ осмотрѣ около камней можно замѣтить огарки бумажныхъ свѣчей, пепель, щепотку риса, кусо чекъ сахару и т. д. Это жертвы «Духу горъ и лѣсовъ, охраняющему прирость богатства».

По другую сторону хребта тропа привела насъ къ звѣровой фанзѣ, расположенной на лѣвомъ берегу рѣки Синанцы. Хозяинъ ея находился въ отлучкѣ. Я рѣшилъ дожидаться его возвращенія и приказалъ людямъ устраивать бивакъ.

Часовъ въ пять вечера владѣлецъ фанзы явился. Увидѣвъ солдатъ, онъ испугался и тоже хотѣлъ было убѣжать, но назани задержали его и привели ко мнѣ. Скоро онъ убѣдился въ томъ, что зла мы ему не хотимъ причинить, и сталъ охотно отвѣчать на вопросы. Это былъ таза лѣтъ тридцати, съ лицомъ, сильно изрытымъ оспой. Изъ его словъ я понялъ, что онъ работаетъ на хозяина фанзы Юлайза, у котораго состоитъ въ долгахъ. Сумму своего долга онъ, конечно, не зналъ, но чувствовалъ, что его обижаютъ. На предложеніе проводить насъ до Сихотэ-Алиня онъ отказался на томъ основаніи, что, если китайцы узнаютъ объ этомъ, то убьютъ его. Я не сталъ настаивать, но зато узналъ, что мы идемъ правильно. Чтобы расположить таза въ свою пользу, я далъ ему двадцать пять берданочныхъ патроновъ. Онъ такъ обрадовался этому подарку, что сталъ пѣть и плясать и затѣмъ заявилъ, что укажетъ намъ дорогу до слѣдующей фанзы, гдѣ живутъ два звѣровщика китайца.

До сумерокъ было еще далеко. Я взялъ свою винтовку и пошелъ осматривать окрестности. Отойдя отъ бивана съ версту, я сѣлъ на пенъ и сталъ слушать. Въ часы сумерокъ пернатое населеніе тайги воегда называется больше жизни, чѣмъ днемъ. Мелкія птицы взбирались на верхушки деревьевъ, чтобы взглянуть оттуда на угасающее свѣтило и послать ему послѣднее прости. Я весь ушелъ въ созерцаніе природы и совершенно забылъ что нахожусь одинъ, вдали отъ бивана. Вдругъ, въ сторону отъ себя я услышалъ шорохъ. Среди глубокой тишины онъ показался мнѣ очень сильнымъ. Я думалъ, что идетъ какое нибудь крупное животное и приготовился къ оборонѣ, но это онаялся барсунъ, онъ двинулся мелкой рысцой, иногда останавливался и что-то искалъ въ травѣ,

онъ прошелъ такъ близко отъ меня, что я могъ бы достать его концомъ ружья. Барсукъ направился къ ручью, полакалъ воду и заковылялъ дальше. Въ лѣсу опять стало тихо.

Вдругъ рѣзкій, пронзительный и отрывистый пискъ, похожій на звонкое шелканіе ножницами, раздался сзади. Я обернулся и увидѣлъ пищуху (*Lagomys hyperboreus* Pab). Звѣрокъ этотъ (*Ochotona alpinus*—по Бихнеру) имѣетъ весьма большое распространеніе по всему востоку и сѣверо-востоку Сибири. Онъ похожъ на маленькаго кролика, только безъ длинныхъ ушей; общая окраска его буро-сѣрая. Любимымъ мѣстопребываніемъ пищухъ являются каменистыя осыпи по склонамъ горъ и розсыпи въ долинахъ, слегка прикрытыя мхами. Животное это дневное, но крайне осторожное и пугливое. Его очень трудно убить такъ, чтобы не испортить шкуру; она разрывается на части отъ одной дробины.

Мое движеніе испугало звѣрка и заставило быстро спрятаться въ норку. Потому, какъ онъ прятался, видно было, что опасность приучила его быть всегда на сторожѣ и не довѣряться предательской тишинѣ лѣса. Затѣмъ я увидалъ бурундука (*Eritamias asiaticus orientalis*. Bonhot.) Эта пестренькая земляная бѣлка, бойкая и игривая, проворно бѣгала по колоднику, влѣзала на деревья, спускалась внизъ и снова пряталась въ травѣ. Окраска бурундука пестрая, желтая; по спинѣ и по бокамъ туловища тянется пять черныхъ полосъ.

Животное это равномерно распространено по всему Уссурийскому Краю. Его одинаково можно встрѣтить, какъ въ густомъ смѣшанномъ лѣсу такъ и на поляхъ около рѣдколѣся. Убѣгая оно подрываетъ пронзительный пискъ и тѣмъ выдаетъ себя. Китайцы иногда употребляютъ его шкурки на оторочки своихъ головныхъ уборовъ.

Я замѣтилъ, что бурундукъ постоянно возвращался къ одному и тому же мѣсту и каждый разъ что-то уносилъ съ собою. Когда онъ уходилъ, его зашечные мѣшки были туго набиты, когда же онъ появлялся снова на поверхности земли, ротъ его былъ пустой. Меня это очень заинтересовало. Я подошелъ поближе и сталъ наблюдать. На колодникѣ лежали сухіе грибки, корешки и орѣхи. Такъ какъ ни грибовъ, ни кедровыхъ орѣховъ въ лѣсу еще не было, то, очевидно, бурундукъ вытаскилъ ихъ изъ своей норки. Но зачѣмъ? Тогда я вспомнилъ рассказы Дерсу о томъ, что бурундукъ дѣлаетъ большіе запасы продовольствія, которыхъ ему хватаетъ иногда на два года. Чтобы продукты не испортились, онъ, время отъ времени, выноситъ ихъ наружу и сушитъ на валежникѣ, а къ вечеру уносить обратно въ свою норку.

Посидѣвъ еще немного, я пошелъ дальше. Все время мнѣ попадался въ пути свѣже перевернутый колодникъ. Я узналъ работу медвѣдя. Это его любимѣйшее занятіе. Слоняясь по тайгѣ, онъ подымаетъ буреломъ и что то собираетъ подъ нимъ на землѣ. Китайцы въ шутку говорятъ, что медвѣдь сушитъ валежникъ, поворачивая его къ солнцу то одной, то другой стороною.

На обратномъ пути, какъ то само собою вышло такъ, что я попалъ на свой старый слѣдъ. Я узналъ огромный кедръ, у котораго останавливался, перешелъ черезъ ручей по знакомому мнѣ поваленному дереву, миновалъ каменистую осыпь и незамѣтно подошелъ къ тому колоднику, на которомъ бурундуки сушили свои запасы. На мѣстѣ его норки теперь была глубокая яма. Орѣхи и грибы разбросаны по сторонамъ, а на свѣжевырытой землѣ виднѣлись слѣды медвѣдя. Все стало ясно. Косолапый разорилъ гнѣздо бурундука, поѣлъ его запасы и, можетъ быть, съѣлъ и самого хозяина.

Между тѣмъ подошелъ и вечеръ. Заря угасла, потемнѣлъ воздухъ, и ближнія и дальнія деревья приняли одну общую однотонную окраску, которую нельзя назвать ни зеленой, ни сѣрой, ни черной. Кругомъ было такъ тихо, что, казалось, будто въ ушахъ звенить. Въ темнотѣ мимо меня съ гудѣніемъ пронесся какой то жукъ. Я шелъ осторожно, стараясь не оступиться. Вдругъ въ сторонѣ раздался сильный шумъ. Какое то большое животное стояло впереди и сопѣло. Я хотѣлъ было стрѣлять въ ту сторону, но раздумалъ. Испуганный звѣрь могъ убѣжать, но могъ и броситься. Минута мнѣ показалась вѣчностью. Я узналъ медвѣдя. Онъ усиленно нюхалъ воздухъ. Я долго стоялъ на мѣстѣ, не рѣшаясь пошевелиться, наконецъ, не выдержалъ и осторожно двинулся влѣво. Не успѣлъ я сдѣлать двухъ шаговъ, какъ услышалъ уханье звѣря и трескъ ломаемыхъ сучьевъ. Сердце мое сжалось отъ страха. Инстинктивно я поднялъ ружье и выстрѣлилъ въ его сторону. Удаляющійся шумъ показывалъ, что животное убѣгло. Черезъ минуту съ бивака послышался отвѣтный выстрѣлъ.

Тогда я вернулся назадъ и пошелъ въ прежнемъ направленіи. Черезъ полчаса я увидѣлъ огни бивака. Яркое пламя освѣщало землю, кусты и стволы деревьевъ. Вокругъ костровъ суетились люди. Вьючная лошадь пасли на травѣ; оноло нихъ разложены были дымоуры. При моемъ приближеніи собаки подняли лай и бросились навстрѣчу, но, узнавъ меня, сконфузились и въ смущеніи вернулись обратно.

Съ заходомъ солнца крупная мошка исчезла и на ея мѣсто появился «мокрецъ» (74). Эти мельчайшія, почти невидимыя для глаза насѣкомыя, очень жестоко кусаются. Когда начинаютъ горѣть уши, это первый признакъ появленія мелкой мошки. Потомъ кажется, что на лицо ложится колючая паутина. Особенно сильное ощущеніе зуда бываетъ на лбу. Мокрецъ набивается въ волосы, лѣзетъ въ уши, въ носъ и въ ротъ. Люди ругаются, плюются и то и дѣло обтираютъ лицо руками. Солдаты поддѣли подъ фуражки носовые платки, чтобы хоть немного защитить шею и затылокъ. Меня мучила жажда, и я попросилъ чаю.

Пить нельзя, сказалъ казакъ Эповъ, подавая кружку.

Я поднесъ ее къ губамъ и увидѣлъ, что вся поверхность чая была покрыта какой то пылью.

Что это такое? спросилъ я казака.

74) Мѣстное названіе мелкой ночной мошки.

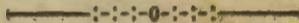
Гнусь, отвѣтилъ онъ. Его обварило паромъ, онъ и напалъ въ горячую воду.

Сначала я попробовалъ сдуть мошекъ ртомъ, потомъ принялся снимать ихъ ложкой, но каждый разъ, какъ я прекращалъ работу, онъ снова наполнялъ кружку. Казань оказалась правъ. Такъ напиться чаю мнѣ и не удалось. Я выплеснулъ чай на землю и залѣзъ въ свой комарникъ.

Послѣ ужина люди начали устраиваться на ночь. Нѣкоторые изъ нихъ поѣлились ставить комарники и легли спать на открытомъ воздухѣ, покрывшись одеялами. Они долго ворочались, охали, ахали, кутались съ головою, но это не спасало ихъ отъ гнуса. Мелкія насѣкомья пробирались въ каждую щелку, въ каждую маленькую складку. Наконецъ, одинъ изъ нихъ не выдержалъ.

Нате бѣште, чортъ васъ возьми! крикнулъ онъ раскрываясь—и раскинулъ въ стороны руки.

Раздался общій смѣхъ. Оказалось, что не онъ одинъ, а всѣ не спали, но никому первому не хотѣлось вставать и раскладывать дымокуры. Минуты черезъ двѣ разгорѣлся костеръ. Стрѣлки смѣялись другъ надъ другомъ, охали и ругались. Мало по малу на бивакѣ стала водворяться тишина. Милліоны комаровъ и мошекъ облѣпили мой комарникъ. Подъ жужжаніе ихъ я началъ дремать и вскорѣ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

ВЕЛИКІЙ ЛЬСЪ.

СОВѢТЬ ТАЗА. ПТИЦЫ ВЪ ТАЙГѢ. ГЕОЛОГІЯ СИНАНЦЫ. НОЧЬ ВЪ ЛЬСУ. МАНЗЫ—ТАЕЖНИКИ. ПЛАНТАЦІЯ ЖЕНЬ-ШЕНЯ. ВОЗВРАЩЕНІЕ ОТРЯДА. ПРОВОДНИКЪ — СТАРЫЙ КИТАЕЦЪ. СТАРИННЫЙ ПУТЬ КЪ П. СВ. ОЛЬГИ. ЛЬСЪ ВЪ ПРЕДГОРІЯХЪ СИХОТЭ-АЛИНЯ. УТОМЛЕНІЕ И НЕДОСТАТОКЪ ПРОДОВОЛЬСТВІЯ.

Утромъ я проснулся отъ говора людей. Было пять часовъ утра. По фырканью коней, по тому шуму, который они издавали, обмахиваясь хвостами, и по ругали казаковъ, я догадался, что гнуса много. Я поспѣшно одѣлся и вылѣзъ изъ комарника. Интересная картина представилась моимъ глазамъ. Надъ вѣтвѣмъ нашимъ бивакомъ кружились несмѣтныя тучи мошки. Несчастныя лошади, уткнувъ морды въ самые дымокуры, обмахивались хвостами, трясли головами.

На мѣстѣ костра поверхъ золы лежалъ слой мошнаны. Въ несмѣтномъ количествѣ онѣ падали на огонь до тѣхъ поръ, пока онъ не погасъ.

Отъ гнуса можетъ быть только два спасенія: большіе дымокуры и быстрое движеніе. Сидѣть на мѣстѣ не рекомендуется. Отдавъ приказъ выучить коней, я подошелъ къ дереву, чтобы взять свое ружье, и не узналъ его. Оно было покрыто густымъ сѣро-пепельнымъ налетомъ—это были мошки, прилипшія къ маслу. Наскоро собравъ свои инструменты и не дожидаясь, когда завьютъ коней, я пошелъ по тропинкѣ.

Въ верстѣ отъ фанзы тропа раздѣлилась на двое. Правая пошла на р. Улахе, а лѣвая—къ Сихотэ-Алиню. Здѣсь таза остановился; онъ указалъ ту тропу, которой намъ слѣдовало держаться, и при этомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

Напитанъ! дорога хорошо смотри. Кони ходи есть—тебѣ ходи есть, кони ходи нѣту—тебѣ ходи нѣту.

Для непривычнаго уха такія фраза показались — бы бессмысленнымъ наборомъ словъ, но я понялъ его сразу. Онъ говорилъ, что надо придерживаться конной тропы и избѣгать пѣшеходной.

Когда подошли лошади, таза вернулся обратно, а мы отправились по новой дорогѣ вверхъ по р. Синанцѣ.

Въ этихъ мѣстахъ растетъ густой смѣшанный лѣсъ съ преобладающимъ кедромъ. Сильно размытые берега, буреломъ, нанесенный водою, рытвины, ямы, поваленныя деревья и кучья сухой травы, застрявшіе въ кустахъ, все это свидѣтельствовало о недавнихъ большихъ наводненіяхъ.

Рѣки Уссурийскаго Края обладаютъ свойствомъ послѣ каждаго наводненія перемѣщать броды съ одного мѣста на другое. Найти замытую тропу не такъ то легко. На розыски ея были посланы люди въ разныя стороны. Наконецъ тропа была найдена и мы весело пошли дальше.

На пути намъ встрѣчались звѣриные слѣды, между которыми было много тигровыхъ. Два раза мы спугивали оленей и кабановъ, стрѣляли по нимъ, но убить не удалось—люди торопились и мѣшали другъ другу.

Уссурійскіе лѣса кажутся пустынными. Такое впечатленіе является благодаря отсутствію пѣвчихъ птицъ: Кое гдѣ по пути я видѣлъ Уссурійскихъ соекъ. Эти дерзкія и безонойныя птицы все время шмыгали съ одной вѣтки на другую и провожали насъ рѣзкими криками. Мелая разсмотрѣть ихъ я попробовалъ подойти къ нимъ поближе. Сойки сперва старались скрыться въ листьѣ и улетѣли только тогда, когда замѣтили, что я настойчиво ихъ преслѣдую. При полетѣ, благодаря своему синему оперенію крыльевъ съ бѣлымъ зеркаломъ, онѣ кажутся красивѣе, чѣмъ естъ на самомъ дѣлѣ.

Время отъ времени въ лѣсу слышались странные звуки, похожіе на барабанный бой. Скоро мы увидѣли и виновника этихъ звуковъ—то была желна. Недовѣрчивая и пугливая, черная съ красною головою, издали она похожа на ворону. Съ рѣзкими криками желна перелетала съ одного мѣста на другое и, какъ всѣ дятлы, пряталась за деревья.

Въ сырой чащѣ около рѣчки ютились рябчики. Испуганные приближеніемъ собакъ, они отлетѣли въ глубь лѣса и стали пересвистываться. Дьяковъ и Мелянъ хотѣли было поохотиться за ними, но рябчики не подпускали ихъ близко. Я уговорилъ людей не тратить время попусту и итти дальше.

Съ одного дерева снялась большая хищная птица. Это былъ царь ночи—уссурійскій филинъ. Онъ сѣлъ на сухостойную ель и сталъ испуганно озираться по сторонамъ. Какъ только мы стали приближаться къ нему, онъ полетѣлъ куда то въ сторону. Больше мы его не видѣли.

Геологія долины Сианцы очень проста. Это тектоническая долина, идущая сначала съ юго-запада, а потомъ поворачивающая на сѣверь вдоль Сихотэ-Алиня. По среднему теченію рѣки (съ лѣвой стороны) въ мѣстности Идагоуза,⁽⁷⁵⁾ встрѣчаются осыпи изъ мелкозернистаго гранита, а ниже фельзитовый порфиритъ, разложившійся апплитъ и миндалевидный діабазъ съ кальцитомъ и халцедономъ.

Чѣмъ болѣе мы углублялись въ горы, тѣмъ порожистѣе становилась рѣка. Тропа стала часто переходить съ одного берега на другой. Деревья, упавшія на землю, служили природными мостами. Это доказывало, что тропа была пѣшеходная. Помня слова таза, что надо придерживаться конной тропы, я удвоилъ вниманіе. Скоро я сталъ замѣчать, что мы все болѣе и болѣе забираемъ къ югу. Не было сомнѣнія, что мы ошиблись и пошли не по той дорогѣ. Наша тропа, вѣроятно, отвернула въ сторону, а эта болѣе торная, несомнѣнно вела къ истокамъ Улахе.

Въ вечеру мы дошли до третьей звѣровой фанзы. Хозяева ея отсутствовали и разспросить было некого. На общемъ совѣтѣ рѣшено было, оставивъ лошадей на биванѣ, разойтись въ разныя стороны на развѣдну. Г. И. Гранатманъ пошелъ прямо, А. И. Мерзляковъ—на востокъ,

75) И дао геу-цы—Падь (долина) первой дороги.

а я долженъ былъ вернуться назадъ и постараться разыскать потерянную тропинку.

К вечеру, какъ только вѣтеръ сталъ затихать, опять появился «монрець». Точно желая вознаграждать себя за потерянное, маленькіе кровопійцы съ ожесточеніемъ набросились на людей и лошадей.

День кончился. Послѣдніе отблески вечерней зари угасли на небѣ, но прохлады не было. Нагрѣтая земля и вечеромъ еще продолжала излучать теплоту. Лѣсные травы благоухали. Отъ рѣки подымались густыя испаренія. Казаки вокругъ бивака кольцомъ разложили дымокуры. Люди и лошади жались къ дыму и сторонились чистаго воздуха. Когда всѣ необходимыя бивачныя работы были закончены, я приказалъ поставить свой номарникъ и забился подъ спасательный пологъ. Черезъ часъ стемнѣло совсѣмъ. Возшла луна и своимъ мягкимъ фосфорическимъ свѣтомъ озарила лѣсъ. Вскорѣ послѣ ужина весь бивакъ погрузился въ сонъ; не спали только собаки, лошади, да очередные караульные.

На другой день было еще темно, когда я, вмѣстѣ съ казаконъ Бѣлоножкинымъ, вышелъ съ бивака. Скоро начало свѣтатъ; лунный свѣтъ пропалъ; ночныя тѣни исчезли; появились болѣе мягкіе тона. По вершинамъ деревьевъ пробѣжалъ утренній вѣтеронъ и разбудилъ пернатыхъ сбитателей лѣса. Солнышко медленно взбиралось по небу все выше и выше и, вдругъ, живительные лучи его брызнули изъ за горъ и разомъ освѣтили весь лѣсъ, кусты и траву, обильно смоченные росой.

Около первой звѣровой фанзы мы дѣйствительно нашли небольшую тропинку, отходящую въ сторону. Она привела насъ къ другой такой-же фанзочкѣ. Въ ней мы застали двухъ китайцевъ. Одинъ былъ молодой, а другой—старикъ. Первый занимался охотой, второй былъ искателемъ жень-шеня. Молодой китаецъ былъ лѣтъ двадцати пяти, крѣпкаго тѣлосложенія. По лицу его видно было, что онъ наслаждался жизнью, былъ счастливъ и доволенъ своею судьбою. Онъ часто смѣялся и постоянно забавлялъ себя дѣтскими выходнями. Старикъ былъ высокаго роста, худощавый и болѣе походилъ на мумію, чѣмъ на живого человѣка. Сильно морщинистое и загорѣлое лицо и сѣдые волосы на головѣ указывали на то, что года его подходили къ седьмому десятку. Оба китайца были одѣты въ синія куртки, синіе штаны, нанолѣнники и улы, но одежда молодого китайца была новая, щеголоватая, а платье старика—старое и заплатанное. На головахъ у того и другого были шляпы: у перваго—соломенная покупная, у втораго—берестяная самодѣльная.

Манзы сначала испугались, но потомъ, узнавъ въ чемъ дѣло, успокоились. Они накормили насъ чумизной кашей и дали чаю. Изъ разспросовъ выяснилось, что мы находимся у подножья Сихотэ-Алиня, что далѣе къ морю дороги нѣтъ вовсе и что тропа, по которой прошелъ нашъ отрядъ, идетъ на р. Чжундямагоу,⁽⁷⁶⁾ входящую въ бассейнъ верхняго Улахе.

76) Чжун-цзя ма гоу—Долина семьи Чжу, гдѣ растетъ конопля.

Тогда я влѣзъ на большое дерево и то, что увидѣлъ сверху, вполнѣ совпадало съ планомъ, который старикъ начертилъ мнѣ палочкой на землѣ. На востокѣ виднѣлся зубчатый гребень Сихотэ-Алиня. По моимъ расчетамъ до него было еще два дня ходу. Къ сѣверу, насколько хваталъ глазъ, тянулась слабо всхолмленная низина, покрытая громадными дѣвственными лѣсами. Въ большихъ лѣсахъ всегда есть что то таинственное, жуткое. Человѣкъ кажется маленькимъ, затерявшимся. На югъ и дальше на западъ характеръ страны видѣтъ становится гористый. Другой горный хребетъ шель параллельно Сихотэ-Алиню, за нимъ текла, вѣроятно, р. Улахе, но ея не было видно. Такая топографія мѣстности меня немало удивила. Казалось, что чѣмъ ближе подходить къ водораздѣлу, тѣмъ характеръ горной страны долженъ быть выраженъ интенсивнѣе. Я ожидалъ увидѣть высокія горы и остроконечныя причудливыя вершины. Оказалось-наоборотъ: около Сихотэ-Алиня были пологіе холмы, изрѣзанные мелкимъ ручьями. Это резуль- тать размыва (эрозія).

Ориентировавшись, я спустился внизъ и тотчасъ отправилъ Бѣлоножкина назадъ къ П. К. Рутновскому съ извѣщеніемъ, что дорога найдена, а самъ остался съ китайцами. Узнавъ, что отрядъ нашъ придетъ только къ вечеру, манзы собрались идти на работу. Мнѣ не хотѣлось оставаться одному въ фанкѣ и я пошелъ вмѣстѣ съ ними.

Старикъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и говорилъ мало, зато молодой китаецъ оказался очень словоохотливымъ. Онъ рассказалъ мнѣ, что у нихъ въ тайгѣ есть жень-шеневая плантація и что именно туда они и направляются. Я такъ увлекся его рассказами, что потерялъ направленіе пути и безъ помощи китайцевъ, вѣроятно, не нашелъ бы дороги обратно. Около часа мы шли косогорами; перелезали черезъ какую то сналу, потомъ спустились въ долину. На пути намъ встрѣчались наскладные горные ручьи и глубокіе овраги, на днѣ которыхъ лежалъ еще снѣгъ. Наконецъ, мы дошли до цѣли своего странствованія. Это былъ сѣверный нагорный склонъ, поросшій густымъ лѣсомъ.

Читатель ошибется, если вообразить себѣ жень-шеневую плантацію въ видѣ поляны, на которой посеяны растенія. Мѣсто, гдѣ найдено было въ разное время нѣсколько корней жень-шеня, считается удобнымъ. Сюда переносятся и всѣ другіе корни. Первое, что я увидѣлъ— это были навѣсы из недроваго корья для защиты жень-шеня отъ палящихъ лучей солнца. Для того, чтобы не прогрѣвалась земля, съ боковъ были посажены папоротники и изъ сосѣдняго ручья проведена узенькая канавка, по которой сочилась вода.

Дойдя до мѣста, старикъ опустился на колѣни, сложилъ руки ладонями вмѣстѣ, приложилъ ихъ ко лбу и дважды сдѣлалъ земной поклонъ. Онъ что то говорилъ про себя, вѣроятно—молился. Затѣмъ онъ всталъ, опять приложилъ руки къ головѣ и послѣ этого принялся за работу. Молодой китаецъ въ это время развѣшивалъ на деревѣ красныя тряпицы съ иероглифическими письменами.

Жень-шень! Такъ вотъ кановъ онъ.

Нигдѣ на землѣ нѣтъ другого растенія, вокругъ котораго сгруппировалось-бы столько легендъ и сказаній. Подъ вліяніемъ литературы или подъ вліяніемъ разсказовъ китайцевъ, не знаю почему, но я тоже почувствовалъ благоговѣніе къ этому невзрачному представителю араліевыхъ. Я всталъ на колѣни, чтобы ближе рассмотреть его. Старикъ объяснилъ это по своему: онъ думалъ, что я молюсь. Съ этой минуты я совсѣмъ расположилъ его въ свою пользу.

Оба китайца занялись работой. Они убрали сухія вѣтви, упавшія съ деревьевъ, пересадили два какихъ то куста и полили ихъ водою. Заинтересившись, что воды идетъ въ питомникъ мало, они пустили ее побольше. Потомъ они стали полоть сорныя травы, но удаляли не всѣ, а только нѣкоторыя изъ нихъ и особенно были недовольны, когда поблизости находили элеутерококкусъ.

Предоставивъ имъ заниматься своимъ дѣломъ, я пошелъ побродить по тайгѣ. Опасаясь заблудиться, я направился по теченію воды съ тѣмъ, чтобы назадъ вернуться по тому же ручью. Когда я возвратился на женьшеневую плантацію, китайцы уже покончили свою работу и ждали меня. Къ фанзѣ подошли мы какъ то съ другой стороны, изъ чего я заключилъ, что назадъ мы шли другой дорогой.

Незадолго передъ сумерками къ фанзочкѣ подошелъ отрядъ. Китайцы уступили намъ немного буды, хотя у нихъ самихъ ее было мало. Вечеромъ мнѣ удалось уговорить ихъ провести насъ за Сихотэ-Алинь къ истокамъ Вай-Фудина. Провожатымъ согласился быть самъ старикъ, но по своей слабости онъ могъ пройти только до водораздѣла. Дальше przewodникомъ общалъ быть молодой китаецъ. Ему непремѣнно нужно было добраться до земледѣльческихъ фанзъ и купить тамъ муки и чумизы. Старикъ поставилъ условіемъ, чтобы на него не кричали и не вступали съ нимъ въ пререканія. О первомъ пунктѣ не могло быть и рѣчи, а со вторымъ мы всѣ охотно согласились.

Чуть только смерклось, снова появился гнусъ. Китайцы разложили дымокуръ внутри фанзы, а мы спрятались въ свои комарники. Успокоившись мыслями, что съ помощью провожатыхъ мы перейдемъ черезъ Сихотэ-Алинь, скоро уснули. Теперь была только одна забота: хватить ли продовольствія?

На слѣдующій день въ 8 часовъ утра мы были уже готовы къ выступленію. Старикъ пошелъ впереди, за нимъ послѣдовалъ молодой китаецъ и два стрѣлка съ топорами, за тѣмъ—остальные люди и вьючныя лошади. Старикъ держалъ въ рукахъ длинный посохъ. Онъ ничего не говорилъ и только молча указывалъ направленіе, котораго слѣдовало держаться, и тотъ валежникъ, который слѣдовало убрать съ дороги. Не смотря на постоянныя задержки въ пути, отрядъ нашъ подвигался впередъ все же довольно быстро. Китайцы долго держались юго-западнаго направленія и только послѣ полудня повернули на югъ.

Ближайшія предѣлы Сихотэ-Алиня состоятъ изъ порфириода и порфириоваго туфа. Горныя породы на дневной поверхности распались

па обломки и образовали осыпи, покрытыя мхами и заросшія кустарниками.

Въ Уссурійскомъ Краѣ едва ли можно встрѣтить сухіе хвойное лѣса т. е. такіе, гдѣ подъ деревьями земля усѣяна осыпавшеюся хвоей, и не растеть трава. Здѣсь всюду сыро, всюду мохъ, папоротники и мелкія сосны.

Сегодня первый разъ приказано было сократить выдачу буды на половину. Но и при этомъ расчетъ продовольствія могло хватить только на двое сутокъ. Если по ту сторону Сихота-Алиня, мы не сразу найдемъ жилия мѣста—придется голодать. По словамъ китайцевъ, раньше въ истокахъ Вай-Фудина была звѣровая фанза, но теперь они не знаютъ, существуетъ она, или нѣтъ. Я хотѣлъ было остановиться и заняться охотой, но старикъ настаивалъ на томъ, чтобы не задерживаться и идти дальше. Помня данное ему обѣщаніе, я подчинился его требованіямъ. Нужно отдать справедливость старику, что онъ велъ насъ очень хорошо. Въ одномъ мѣстѣ онъ остановился и указалъ на старую тропу, заросшую травой и кустарниками. Это былъ тотъ самый старинный путь, по которому Уссурійскіе манзы раньше сообщались съ заливомъ Св. Ольги. Этою дорогою въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія прошли Будищевъ и Максимовичъ. Передо мною сразу встали ихъ образы и сдѣланныя ими описанія. Судя по тому, насколько этотъ путь былъ протоптанъ, видно было, что здѣсь ранѣе происходило большое движеніе. Когда же военный портъ былъ перенесенъ изъ Николаевска во Владивостокъ, китайскіе охотники перестали ходить этою дорогою, тропа заросла и совершенно утратила свое значеніе.

За послѣдніе дни люди сильно обносились: на одеждѣ появились саплаты; изорванныя головныя сѣтки уже не приносили пользы; лица были изъѣдены въ кровь; на лбу и около ушей появилась экзема.

Ограниченные запасы продовольствія заставили насъ торопиться. Мы сократили большой привалъ до тридцати минутъ и во вторую половину дня шли до самыхъ сумерокъ.

Такой большой переходъ трудно достался старику. Намъ только мы остановились на бивакъ, онъ со стономъ опустился на землю и безъ сторонней помощи не могъ уже подняться на ноги. У меня во флягѣ нашлось нѣсколько капель рома, который я берегъ на тотъ случай, если кто нибудь въ пути заболѣетъ. Теперь такой случай представился. Старикъ шель для насъ, завтра ему придется идти опять, а потомъ возвращаться обратно. Я вылилъ въ кружку весь ромъ и подаль ему. Въ глазахъ китайца я прочелъ выраженіе благодарности. Онъ не хотѣлъ пить одинъ и указывалъ на моихъ спутниковъ. Тогда мы всѣ сообща стали его угощать. Послѣ этого старикъ выпилъ ромъ, забрался въ свой комарникъ и легъ спать. Я послѣдовалъ его примѣру.

Прислушиваясь къ жужжанію мошекъ и комаровъ, я вспоминалъ библейское сказаніе о козняхъ египетскихъ: «Появилось множество мухъ, которая нестерпимо уязвляла египтянъ». Въ странѣ, гдѣ сухо, двѣ нѣтъ

воскитов, случайное появленіе ихъ казалось уже казною Божіей. Здѣсь же въ Приамурскомъ Краѣ гнусь былъ обычнымъ явленіемъ.

Чуть брезжилось, когда меня разбудилъ старикъ китаецъ.

Надо ходи! сказалъ онъ лаконически.

Закусивъ немного холодной кашицей, оставленной отъ вчерашняго ужина, мы тронулись въ путь. Теперь проводникъ китаецъ повернулъ круто на востокъ. Сразу съ бивака мы попали въ область размытыхъ горъ, предшествовавшихъ Сихотэ-Алиню. Это были невысокіе холмы съ пологими склонами. Множество ручьевъ текло въ разныя стороны, такъ что сразу трудно ориентироваться и указать то направленіе, куда стремилась выйти вода.

Чѣмъ ближе мы подходили къ хребту, тѣмъ лѣсъ становился все гуще, тѣмъ больше онъ былъ заваленъ колодникомъ. Здѣсь мы впервые увидѣли *Michauxia repens* (Зинц. et Zucc. et Sieb. et Zucc.) 'эзюи иигитрѣзѣ ставитель субтропической флоры, имѣвшей когда то распространеніе по всему Приамурскому Краю. Онъ имѣетъ красноватую кору, красноватую древесину, красныя ягоды и похожъ на ель, но вѣтви его расположены, какъ у лиственнаго дерева.

Здѣшній подлѣсокъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ антинидіи (*Actinidia Kolomikta* Max.), которую русскіе переселенцы называютъ почему-то кишмишемъ,—жимолости Маака (*Lonicera Maakii* Max.), барбариса (*Berberis amurensis* Rupr.), маньчжурскаго орѣшника (*Corylus manshurica* Max.), съ неровно зубчатыми листьями и мохового мирта (*Chamae daphne caluculata* Moench.), съ бѣлыми чешуйками на листьяхъ и съ бѣлыми цвѣтами. Изъ цвѣтковыхъ растеній чаще всего попадались на глаза бѣлорозовые пеоны (*Paeonia albiflora* Pal.), собираемые китайскими знахарями на лекарства, затѣмъ—охотскій лѣсной хмѣль (*Atragene ochotensis* Pal.), съ лапчато-зубчатыми листьями и фіолетовыми цвѣтами и клинтонія (*Clintonia udensis* Fr. et Mey.), съ крупными сочными листьями, расположенными розеткой.

Къ сумеркамъ мы дошли до водораздѣла. Люди сильно проголодались, лошади тоже нуждались въ отдыхѣ. Цѣлый день онѣ шли безъ корма и безъ приваловъ. По близости бивака нигдѣ травы не было. Кони такъ устали, что, когда съ нихъ сняли выюки, онѣ легли на землю. Никто не узналъ бы въ нихъ тѣхъ откормленыхъ и крѣпкихъ лошадей, съ которыми мы вышли со станціи Шмаковой. Теперь это были исхудалыя животныя, измученныя безкормицею и гнусомъ.

Китайцы подѣлились съ солдатами жидкой похлебкой, которую они сварили изъ листьевъ папоротника и остатковъ чумизы. Послѣ такого легкаго ужина, чтобы не мучиться голодомъ, всѣ люди легли спать—и хорошо сдѣлали, потому что на завтра выступленіе было назначено еще раньше, чѣмъ сегодня.

XVI.

ЧЕРЕЗЪ СИХОТЭ-АЛИНЬ—КЪ МОРЮ.

ПЕРЕВАЛЪ МАКСИМОВИЧА. КУСОКЪ САХАРА. ЛѢСЪ НА ВОСТОЧНЫХЪ СКЛОНАХЪ СИХОТЭ-АЛИНЯ. НАСѢКОМЫЯ И ПТИЦЫ. СИХОТЭ-АЛИНЬ, КАКЪ КЛИМАТИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА. ДОЛИНА Р. ВАЙ-ФУДИНА И ЕЯ ПРИТОКИ. ГОРАЛЪ. СВѢТЯЩІЯСЯ НАСѢКОМЫЯ. ПТИЦЫ ВЪ ПРИБРЕЖНОМЪ РАІОНѢ. ГОСТЕПРИМСТВО КИТАЙЦЕВЪ. ТАЗОВСКАЯ ГОРА.

Слѣдующій день былъ 16 июня. Мы снялись съ бивака въ пять часовъ утра и сразу стали подыматься на Сихотэ-Алинь. Подъемъ былъ медленный и постепенный. Нашъ проводникъ по возможности держалъ прямое направленіе, но тамъ, гдѣ было круто, шель зигзагами.

Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ больше изсыпали ручьи и, наконецъ, пропали совсѣмъ. Однако, глухой шумъ подъ камнями, указывалъ, что источники эти еще богаты водою. Мало по малу шумъ этотъ тоже началъ стихать. Слышно было, какъ подъ землею бѣжала вода маленькой струйкой,—точно ее лили изъ чайника, потому струйки эти превратились въ капли и затѣмъ все стихло.

Черезъ часъ мы достигли гребня. Здѣсь подъемъ сразу сдѣлался крутымъ, но ненадолго.

На самомъ перевалѣ, у подножья большого кедра, стояла маленькая кумирня, сложенная изъ корья. Старикъ китаецъ остановился передъ ней и сдѣлалъ земной поклонъ. Затѣмъ онъ поднялся и, указывая рукою на востокъ, сказала только два слова:

Рѣка Вай-Фудинь ~~(77)~~

Это значило, что мы были на водораздѣлѣ. Послѣ этого старикъ сѣлъ на землю и знакомъ далъ понять, что слѣдуетъ отдохнуть.

Воспользовавшись этимъ, я прошелъ немного по хребту на югъ, подялся на одну изъ каменныхъ глыбъ, торчащихъ здѣсь изъ земли во множествѣ и сталъ смотрѣть.

Прилегающая часть Сихотэ-Алиня слагается изъ кварцеваго порфира. Водораздѣльный хребетъ идетъ здѣсь отъ ЮЗ на СВ. Наивысшія точки его будутъ около 4.600 фут. надъ уровнемъ моря. Къ сѣверу Сихотэ-Алинь немного понижается. Западный склонъ его пологій, восточный — значительно круче. Весь хребетъ покрытъ густымъ хвойнымъ смѣшаннымъ лѣсомъ. Гольцы находятся только на отдѣльныхъ его вершинахъ и въ мѣстахъ осыпей. На старинныхъ китайскихъ картахъ этотъ водораздѣлъ называется Сихотэ-Алинь. Мѣстные китаицы называютъ его Сихо-

77) Вай фу-цзинь — Вѣшній Фу-цзивъ, текущій въ сторону, обращенную къ морю. Сравни съ подстрочнымъ примѣчаніемъ на страниц. 91.

та-Линь, а чаще всего Лао-Линь, т. е. старый перевалъ (въ смыслѣ «большой, древній»). По гипсометрическимъ измѣреніямъ высота перевала, на которомъ мы находились, равнялась 2.610 футамъ. Я окрестилъ его именемъ К. И. Мансимоича, одного изъ первыхъ изслѣдователей Уссурийскаго Края.

Къ востоку отъ водораздѣла, насколько хваталъ глазъ, все было покрыто туманомъ. Вершины сосѣднихъ горъ, казались разобщенными островами. Волны тумана надвигались на горный хребетъ и, какъ только переходили черезъ сѣдловины, становились опять невидимыми. Къ западу отъ водораздѣла воздухъ былъ чистъ и прозраченъ. По словамъ китайцевъ, явленіе это обычное. Впослѣдствіи, я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ томъ, что Сихотэ-Алинь является серьезной климатической границей между прибрежнымъ райономъ и бассейномъ правыхъ притоковъ Усури.

Должно быть я долго пробылъ въ отлучкѣ, потому что въ отрядѣ подъяли крикъ.

Казакъ согрѣли чай и ждали моего возвращенія. Не обошлось безъ курьеза. Когда чай былъ разлитъ по кружкамъ, П. К. Рутковскій сказалъ: Эхъ! если бы сахаръ былъ!

Есть, отвѣчалъ казанъ Бѣлоножкинъ и, пошаривъ у себя въ кармайтѣ, вытащилъ изъ него замусоленный и почернѣвшій отъ грязи кусокъ сахара. Гдѣ это ты, братецъ, его валялъ?—спросилъ П. К. Рутковскій.

Онъ Сихотэ-Алинь переваливалъ,—отвѣчалъ находчивый казанъ.

Всѣ разсмѣялись.

Прополоснавъ немного желудокъ горячей водицей, мы пошли дальше.

Спускъ съ хребта въ сторону Вай—Фудина, какъ я уже сказалъ, былъ крутой. Передъ нами было глубокое ущелье, заваленное камнями и буреломомъ. Вода, стенающая каскадами, во многихъ мѣстахъ выбила множество ямъ, замаскированныхъ папоротниками и представляющихъ изъ себя настоящія ловушки. Гранатмакъ толкнулъ одну глыбу. При паденіи своемъ, она увлекла другіе камни и произвела цѣлый обвалъ.

Спускаться по такимъ оврагамъ очень тяжело. Въ особенности трудно досталось лошадямъ. Если графически изобразить нашъ спускъ съ Сихотэ-Алиня, то онъ представился бы въ видѣ мелной извилистой линіи, по направленію къ востоку. Этотъ спускъ продолжался часа два. По дну лощины протекла ручей. Среди зарослей его почти не было видно. Съ веселымъ шумомъ бѣжала вода внизъ по долинѣ, словно радуясь тому, что, наконецъ-то, она вырвалась изъ-подъ земли на свободу. Ниже теченіе ручья становилось покойнѣе.

Но вотъ еще такой же глубокой оврагъ подошелъ справа. Теперь ущелье превратилось въ узкую долину, которую мѣстное манзовское населеніе называетъ Синь-Квандагоу.⁽⁷⁸⁾ За переваломъ хвойно смѣшанный лѣсъ началъ быстро смѣняться листовнымъ. Дубъ монгольскій (*Quercus mongolica* Fisch.) росъ преимущественно по склонамъ горъ

⁽⁷⁸⁾ Синь-гуань да гоу—Новая большая голая долина.

съ солнечной стороны. Въ долині лѣса были разнообразіе и богаче. Здѣсь можно отмѣтить мелколистную липу (*Tilia amurensis* Kom.) любительницу опушенъ и прогалинь, желтый кленъ (*Acer ukurunduense* Traut. et Mey) съ глубокоразрѣзанными блѣдными листьями, иву пельную (*Salix cinerea* L.)—полукустъ полудерево, крылатый бересклетъ (*Euonymus alata* Thunb.), имѣющей видъ кустарника съ пробовыми крыльями вдоль по стволу и по вѣткамъ. Изъ настоящихъ кустарниковъ можно указать на таволожникъ иволистный (*Spirea salicifolia* L) съ ярко розовыми цвѣтами, особый видъ боярышника (*Crataegus sanguinea* Pal) съ рѣдкими и короткими иглами и съ блѣсоватыми листьями съ нижней стороны, жимолость Маака (*Lonicera Maakii* Max.) болѣе двухъ сажень высоты съ многочисленными розоватыми цвѣтами и богородскую траву (*Thymus Serpyllum* L.) съ лещачими по землѣ стеблями, ланцетовидными мелкими листьями и ярко пурпурово-фіолетовыми цвѣтами. Въ сторонѣ отъ тропы были еще какіе то кустарники; хотѣлось мнѣ ихъ посмотреть, но голодъ принуждалъ торопиться. На полянахъ наблюдателя поражало обиліе цвѣтовъ. Тутъ были ирисы (*Iris uniflora* Pal.) самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, отъ блѣдно-голубого до темно-фіолетоваго, цѣлый рядъ орхидей (*Cypripedium ventricosum* Sw.) разныхъ окрасокъ; желтый куролѣпъ (*Caltha palustris* L.), темно-фіолетовые колокольчики (*Campanula glomerata* L.), душистый ландышъ (*Convallaria mayalis* L), лѣсная фіалка (*Viola uniflora* L), скромный цвѣточекъ земляники (*Fragaria ciliata* Ehrh.), розовый василекъ (*Centaurea monanthoc. georgi*), яркая гвоздика (*Dianthus barbatus* L) и красная, оранжевая и желтая лилія. (*Lilium dauricum* Gawl). Этотъ переходъ отъ густого хвойнаго лѣса къ дубовому рѣдколѣсью и къ полянамъ съ цвѣтами былъ настолько рѣзокъ, что невольно вызывалъ возгласы удивленія. То, что мы видѣли на западѣ, въ трехъ и четырехъ переходахъ отъ Сихотэ-Алиня, тутъ было у самаго его подножья. Кромѣ того я замѣтилъ еще одну особенность—тѣ растенія, которыя на западѣ были уже отцвѣтшими, здѣсь еще вовсе не начинали цвѣсти.

Въ бассейнѣ Ли-Фудина было много гнуса, и мало чешуекрылыхъ. Здѣсь—наоборотъ: всюду мелькали кирпично красная съ радужными переливами крапивницы (*Venessa charonides*), блѣложелтые съ черными и красными пятнами апполоны (*Apollo Eversmani*) и большіе темно-синіе махаоны (*Papilio Maaki*). Последніе часто садились на бѣду и, распластавъ крылья, предоставляли себя теченію рѣки. Можно было подумать, что бабочки эти случайно попадали въ воду и не могли подняться на воздухъ. Я нѣсколько разъ хотѣлъ было взять ихъ, но едва только протягивалъ руку, онѣ совершенно свободно подымались на воздухъ и, отлѣтѣвъ немного, снова опускались на воду. Всюду на цвѣтахъ реяли пчелы и осы, съ шумомъ по воздуху носились мохнатые шмели съ чернымъ, оранжевымъ и бѣлымъ брюшкомъ. Внизу, въ травѣ бѣгали проворныя жужилицы (*Carabus canaliculatus*). Этихъ жуковъ за ихъ хищный характеръ можно было бы назвать тиграми среди насекомыхъ.

По тропѣ ползали черныя могильщики (*Necrophorus concolor*) и трехцвѣтные снакуны (*Cicindela gemmata*, Fald). Послѣдніе передвигались какъ то порывисто—и не разберешь, прыгали они или летали. На зонтичныхъ растеніяхъ держались преимущественно слоники (*Sipalus hypocrita*) и зеленые ялопы (*Pentatoma metalliferum*), а около воды и по дорогамъ, гдѣ было посырѣе, съ прозрачными ярыльями и съ большими голубыми глазами, летали стрекозы (*Libellula* Sp.).

Прлюбовавшись насѣкомыми, я сталъ разсматривать птицъ. Прежде всего я увидѣлъ завирушекъ. Онѣ прыгали подѣ деревьями и копошились въ старой листьѣ. Когда я сталъ подходить къ нимъ, онѣ отлетѣли немного въ сторону и вновь опустились на траву. По берегамъ горныхъ ручьевъ, качая хвостиками, перебѣгали съ камня на камень горныя трясогузки. Птички эти довѣрчиво подпускали къ себѣ человекѣ и только въ томъ случаѣ, когда я ужь очень близко къ нимъ подходилъ, улетали не торопясь. Около шиповниковъ держались свиристели. Онѣ искусно лазили по вѣтвямъ кустарниковъ и избѣгали открытыхъ пространствъ. Въ другомъ мѣстѣ я замѣтилъ долгхвостыхъ синицъ, шныряющихъ въ листьѣ деревьевъ и мало обращающихъ вниманія на своихъ сосѣдей. Рядомъ съ ними суетились подвижныя гаички, совѣмъ маленькія птички съ крохотнымъ клювомъ и короткимъ хвостикомъ.

Изъ млекопитающихъ, судя по многочисленнымъ слѣдамъ, здѣсь обитали дикія козули, олени, кабаны, медвѣди и тигры.

Несмотря на утомленіе и на недостатокъ продовольствія всѣ шли довольно бодро Удачный маршрутъ черезъ Сихотэ-Алинь и столь рѣзкой переходѣ отъ безжизненной тайги къ живому лѣсу и, наконецъ, тропка, на которую мы наткнулись, дѣйствовали на всѣхъ подбадривающимъ образомъ. Въ сумерки мы дошли до пустой звѣровой фанзы. Оноло нея былъ небольшой огородъ, на которомъ росли брюква, салатъ и лукъ.

По сравненію съ овощами, которыя мы видѣли на Фудзинѣ, эти огородныя растенія были тоже отсталыми въ ростѣ. Однимъ словомъ, во всемъ, что попадалось намъ на глаза, видна была рѣзкая разница между западнымъ и восточнымъ склонами Сихотэ-Алиня. Очевидно, въ Уссурійскомъ Краѣ вегетационный періодъ наступаетъ гораздо позже, чѣмъ въ бассейнѣ Уссури.

Дальше мы не пошли и здѣсь около фанзочки встали биваномъ.

Продовольствіе въ тайгу манзы завозятъ вьюками, начиная съ августа мѣсяца. Въ самыя отдаленныя фанзы, соль, мука и чумиза переносятся въ котомкахъ. Запасы продовольствія складываются въ липовыя долбленныя кадушки, прикрытыя сверху корьемъ. Запоровъ нигдѣ не дѣлается, и кадушки прикрываются только для того, чтобы въ нихъ не заѣзали мышки и бурундуки.

Чужое продовольствіе въ тайгѣ трогать нельзя. Только въ случаѣ крайняго голода можно имъ воспользоваться, но при непремѣнномъ условіи, что бы изъ первыхъ же земледѣльческихъ фанзъ взятое было доставлено обратно на мѣсто. Тотъ, кто не исполнитъ этого обычая, счита-

ется грабителемъ и подвергается жестокому наказанію. Дѣйствительно, кража продовольствія въ звѣровой фанзѣ принуждаетъ соболевщина раньше времени уйти изъ тайги, а иногда можетъ поставить его, прямо таки, въ безвыходное положеніе.

Вечеромъ старикъ китаецъ заявилъ намъ, что далѣе онъ идти не можетъ и останется здѣсь ожидать возвращенія своего товарища.

На слѣдующій день 17 іюня мы разстались съ старикомъ. Я подарилъ ему свой охотничій ножъ, а А. И. Мерзляковъ—кожаную сумочку. Теперь топоры намъ были уже не нужны. Отъ звѣровой фанзы внизъ по рѣкѣ шла тропинка. Чѣмъ далѣе, тѣмъ она становилась лучше. Наконецъ, мы дошли до того мѣста, гдѣ р. Синь-Квандагоу сливается съ рѣкой Тудагоу. Эта послѣдняя течетъ въ широтномъ направленіи, подъ острымъ угломъ къ Сихотэ-Алиню. Она значительно больше Синь-Квандагоу и по справедливости могла бы присвоить себѣ названіе Вай-Фудина. По этой рѣкѣ въ 1860 году спустился Будищевъ. По слухамъ въ истокахъ ея есть нѣсколько китайскихъ фанзъ, обитатели которыхъ занимаютъ звѣроловствомъ. Отъ мѣста слиянія упомянутыхъ двухъ рѣчекъ начинается Вай-Фудинъ, названная русскими переселенцами Аввакумовкой.

Лѣсъ кончился, и передъ нами вдругъ неожиданно развернулась величественная горная панорама. Возвышенности съ лѣвой стороны долины покрыты дубовымъ рѣдколѣсьемъ съ примѣсю липы и черной березы. По склонамъ ихъ въ вертикальномъ направленіи идутъ осыпи, заросшія травой и мелкой кустарниковой порослью.

Долина Вай-Фудина богата террасами. Террасы эти идутъ уступами, точно гигантскія ступени. Это такъ называемая «пенеплена». Въ древніе геологическіе періоды здѣсь были сильные денудационные процессы, потомъ произошло поднятіе всей горной системы и затѣмъ опять—размыванія. Вода въ рѣкахъ въ одно и тоже время дѣйствовала и какъ пила, и какъ напильникъ.

Противъ р. Тудагоу, справа, въ Вай-Фудинъ впадаетъ порожистая рѣчка Таниогоуза,⁽⁷⁹⁾ а ниже ея, приблизительно на равномъ разстояніи другъ отъ друга, еще четыре небольшихъ рѣчки одинаковой величины: Харчинкина, Хэмутагоу,⁽⁸⁰⁾ Куандинза⁽⁸¹⁾ и Воротная. По первой лежить путь на р. Ли-Фудинъ къ мѣстности Сяень-Лаза.⁽⁸²⁾ На Хэмутагоу русскіе переселенцы, нашли христіанскую могилу и потому назвали рѣку Крестовой. По словамъ китаецевъ, р. Куандинза течетъ по весьма извилистому ложу; она очень бурлива и порожиста. Долина Воротной рѣки обставлена высокими скалистыми горами, и считается хорошимъ охотничьимъ мѣстомъ.

Между Харчинкиной падью и р. Синь-Квандагоу среди скалъ и осмелей держатся горалы (*Nemor ghaedus caudatus* M-Edw.), имѣющіе

79) Танъ ню гоу-цзы—Падь, гдѣ въ топн завязла корова.

80) Хэй-му да гоу—Большая долина съ черными деревьями.

81) Куань динь-цзы—Широкая долина.

82) Сянь янь да-цзы—Скала, обращенная къ солнцу.

по внѣшнему виду сходство съ козлами. Животныя эти относятся къ антилопамъ и имѣютъ размѣры въ длину шесть фут. и въ высоту до двухъ съ половиной. Шерсть ихъ грязно-желто-сѣраго цвѣта, морда, спина и хвостъ—темно бурые, горло и брюхо-бѣлесоватыя. На шеѣ волосы нѣсколько длиннѣе и образуютъ нѣчто въ родѣ гривы; голова украшена небольшими, загнутыми назадъ рожками. Въ Уссурійскомъ Краѣ область распространенія горала доходитъ до р. Имана включительно и въ прибрежномъ районѣ—до бухты Терней (рѣка Кудя-хе). Живутъ они небольшими табуннами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ съ одной стороны есть хвойно-смѣшанный лѣсъ, а съ другой—неприступныя скалы. Днемъ горалъ проводитъ время въ лѣсу, а ночью спускается въ долину для утоленія жажды. При малѣйшемъ намекѣ на опасность, онъ сейчасъ же перебѣгаетъ на скалистую сторону сопки. Зная это, охотники дѣлятся на двѣ группы. Одинъ изъ нихъ заходятъ въ лѣсъ, а другіе караулятъ животныхъ въ камняхъ. Вслѣдствіе того, что горалы привязаны къ опредѣленнымъ мѣстамъ, которыя хорошо извѣстны звѣропромышленникамъ, надо считать, что они находятся на пути совершеннаго исчезновенія.

Часовъ въ 10 утра мы увидѣли на тропѣ слѣды колесъ. Я думалъ что скоро мы выйдемъ на дорогу, но, провожающей насъ китаецъ объяснилъ, что русскіе сюда заѣзжаютъ только осенью и зимою на охоту, и что настоящая колесная дорога начнется только отъ устья р. Эрлдагоу.

Лошади сильно истомились; онѣ еле передвигали ноги и шатались, какъ пьяныя. Пришлось сдѣлать приваль. Воспользовавшись этимъ, я поднялся на небольшую сопку, чтобы ориентироваться.

Общее направленіе р. Вай-Фудина юго-восточное. Въ одномъ мѣстѣ она дѣлаетъ изломъ къ югу, но затѣмъ выпрямляется вновь и уже сохраняетъ это направленіе до самаго моря. На западѣ ясно виднѣлся Сихотэ-Алинь. Я ожидалъ увидѣть громаду горъ и причудливыя острыя вершины, но передо мной былъ ровный хребетъ съ плоскимъ гребнемъ и постепеннымъ переходомъ отъ куполообразныхъ вершинъ къ широкимъ сѣдловинамъ. Время и вода сдѣлали свое дѣло.

Долина р. Вай-Фудина будетъ продольная, хотя изъ направленій ея критиковъ, текущихъ параллельно берегу, морю и хребту Сихотэ-Алиню, какъ будто немного намѣчается денудационный характеръ.

Восточныя предгорья Сихотэ-Алиня слагаются изъ гранитовъ, сіени-товъ и кварцеваго порфира. Этотъ послѣдній, встрѣченный нами еще по ту сторону водораздѣла, тянулся и теперь. Высокія древне-рѣчныя террасы съ лѣвой стороны Вай-Фудина, съ массивнымъ основаніемъ (тоже изъ кварцеваго порфира), особенно рѣзко выступаютъ близъ устья Харчинкиной Пади.

Часа черезъ полтора я вернулся и сталъ будить разоспавшихся стрѣлковъ и казаконъ. Солдаты проснулись усталые; сонъ ихъ не подкрѣпилъ. Они обулись и пошли за конями. Лошади не убѣгали отъ людей послушно позволили одѣть на себя недоуздки и съ равнодушнымъ видомъ пошли за казаками.

Китаецъ говорилъ, что если мы будемъ идти цѣлый день, то къ вечеру дойдемъ до земледѣльческихъ фанзъ. Дѣйствительно, въ сумерки мы дошли до устья р. Эрдагоу (Вторая большая Парь). Это чрезвычайно порожистая и быстрая рѣка. Она течетъ съ юго-запада къ сѣверо-востоку, и на пути своемъ прорѣзаетъ мощные порфиновые пласты. Нѣкоторые изъ пороговъ ея имѣютъ видъ настоящихъ водопадовъ. Окрестныя горы слагаются изъ роговика и кварцита. Отсюда до моря китайцы считаютъ 150 ли, что съ переводомъ на наши мѣры будетъ 75 вер.

На другой сторонѣ рѣки, подъ сѣнью огромныхъ вязовъ, стояла китайская фанза. Мы обрадовались ей такъ, какъ будто это была первоклассная гостинница. Узнавъ, что мы послѣдніе два дня ничего не ѣли, гостеприимные китайцы стали торопливо готовить ужинъ. Лепешки на бобовомъ маслѣ и чумизная каша съ солеными овощами показали намъ вкуснѣе самыхъ изысканныхъ городскихъ блюдъ. По молчаливому соглашенію мы рѣшили остаться здѣсь ночевать. Китайцы убрали свои постели и предоставили намъ большую часть кановъ. Послѣдніе были сильно нагрѣты, но мы предпочли лучше мучиться отъ жары, чѣмъ страдать отъ гнуса.

Отъ множества сбившихся людей, въ фанзѣ стояла духота, которая увеличивалась еще оттого, что всѣ окна въ ней были завѣшаны одѣялами. Я одѣлся и вышелъ на улицу.

Ночь была тихая, теплая, какъ разъ такая, какую любятъ ночныя насѣкомыя. То, что я увидѣлъ, такъ поразило меня, что я совершенно забылъ про мошекъ и глядѣлъ, какъ очарованный. Весь воздухъ былъ наполненъ мигающими синеватыми искрами. Это были свѣтляки. (*Lusiola mongolica*). Свѣтъ, испускаемый ими, былъ прерывистый и длился каждый разъ не болѣе одной секунды. Слѣдя за одной такой искрой, можно было прослѣдить полетъ каждаго отдѣльнаго насѣкомаго. Свѣтляки эти появляются не сразу, а постепенно, по одиночкѣ. Рассказываютъ, что переселенцы изъ Россіи, увидѣвъ впервые такой мигающей свѣтъ, стрѣляли въ него изъ ружей и въ страхѣ убѣгали. Теперь это не были одиночныя насѣкомыя, ихъ было тысячи тысячъ—милліоны. Онѣ летали въ травѣ, низко надъ землею, рѣяли въ кустахъ и носились вверху надъ деревьями. Мигали насѣкомыя, мерцали и звѣзды. Это была какая то пляска свѣта. Вдругъ, вспыхнула ярная молнія и разомъ озарила всю землю. Огромный метеоръ съ длиннымъ хвостомъ пронесся по небу. Черезъ мгновеніе болидъ разсыпался на тысячу искръ и упалъ гдѣ то за горами. Свѣтъ погасъ. Какъ по мановенію волшебнаго жезла исчезли фосфорирующія насѣкомыя. Прошло минуты двѣ три, и, вдругъ, въ кустахъ вспыхнулъ одинъ огонекъ, за нимъ другой, десятый, и еще черезъ полминуты въ воздухѣ опять закуружились тысячами свѣтящіеся эльфы.

Какъ ни прекрасна была эта ночь, какъ ни величественны были явленія свѣтящихся насѣкомыхъ и падающаго метеора, но долго оставаться на улицѣ было нельзя. Мошкара облѣпила мнѣ шею, руки, лицо и набилась въ волосы. Я вернулся въ фанзу и легъ на канъ. Усталость взяла свое и я заснулъ.

На другой день назначена была дневка. Надо было дать отдохнуть и людям, и лошадямъ. За послѣдніе дни, всё такъ утомились, что нуждѣлись въ болѣе продолжительномъ отдыхѣ, чѣмъ ночной сонъ. Молодой нитаецъ, провожавшій насъ черезъ Сихотэ-Алинь, сдѣлалъ необходимая закупки и рано утромъ выступилъ въ обратный путь.

Вчера мы до того были утомлены, что даже не осмотрѣлись, какъ слѣдуетъ. Было не до наблюдений! Только сегодня, послѣ сытнаго завтрака, я рѣшилъ сдѣлать прогулку по окрестностямъ. Въ средней части долина рѣки Аввакумовки шириною около полуверсты. Съ правой стороны ея тянутся двойныя террасы, съ лѣвой—скалистыя сопки, состоящія изъ трахитовъ, конгломератовъ и брекчій. Около террасъ можно видѣть длинное болото. Это—мѣсто, гдѣ раньше проходила рѣка. Во время накого то большого наводненія она проложила себѣ новое русло.

Изъ пернатыхъ я здѣсь видѣлъ восточно-сибирскихъ жаворонковъ. На побережьѣ моря была еще весна, и потому ихъ звонкое пѣніе несло съ собою. Они, то опускались къ землѣ, то опять подымались высоко на воздухъ. Около ивняковъ крутился Уссурійскій малый дятель—дѣйствительно маленький, но также пестро окрашенный, канъ и другіе его сородичи. Между листвою кое гдѣ мелькали японскія пѣночки—непосѣды. Онѣ все время были въ движеніи,—одновременно и веселились, и охотились за насекомыми. По сторонамъ дороги, въ кустахъ, мелькали зеленыя овсянки. Въ сообществѣ съ полевыми воробьями, онѣ клевали конскій навозъ и купались въ пыли.

Изъ куриныхъ въ прибрежномъ районѣ водятся: уссурійскій перепелъ и уссурійскій фазанъ. Первая птица весьма похожа на куропатку и держится по долинамъ рѣкъ въ мѣстахъ равнинныхъ. Моя собака выгнала двухъ перепелокъ. Онѣ съ крикомъ поднялись у ней изъ подъ самага носа. Отлетѣвъ шаговъ двѣсти, перепелки опять спустились въ траву. На возвратномъ пути я видѣлъ двухъ фазановъ. Когда пѣтухъ поднимается, изъ кустарниковъ, онъ сперва взлетаетъ кверху сажени на полторы и при этомъ неистово кричитъ. Крикъ его немного похожъ на крикъ обыкновеннаго пѣтуха, когда послѣдній чего нибудь испугается. Въ другомъ мѣстѣ собака выгнала курицу съ цыплятами. По фазану собака рѣдко дѣлаетъ твердую стойку. Она ложится и начинаетъ ползти на брюхѣ, иногда замедляя, иногда прибавляя шагъ. Испуганная птица прежде всего старается спастись бѣгствомъ; она хитритъ, путаетъ слѣды и часто возвращается назадъ. Потерявъ слѣдъ, собака начинаетъ бросаться въ стороны. Этимъ моментомъ фазанъ пользуется и взлетаетъ на воздухъ. Курица всегда подымается молча и летитъ дальше, чѣмъ пѣтухъ. Но въ данномъ случаѣ она вела себя иначе: летѣла лѣниво, медленно и низко надъ землею, летѣла не по прямой линіи, а по окружности такъ, что собака едва не хватала ее за хвостъ зубами. Я сразу понялъ въ чемъ дѣло. У фазанухи были цыплята и она старалась отвести отъ нихъ собаку. Я взялъ свою Альпу за поводокъ и пошелъ назадъ.

Китайцы уже приготовили обѣдъ и ждали моего возвращенія.

Когда мы пили чай, въ фанзу пришелъ еще наной то китаецъ. За спиной у него была тяжелая котомка; загорѣлое лицо, изношенная обувь, изорванная одежда и закопченный котелокъ свидѣтельствовали о томъ, что онъ совершилъ длинный путь. Пришедшій снялъ котомку и сѣлъ на канъ. Хозяинъ тотчасъ же сталъ за нимъ ухаживать. Прежде всего онъ подалъ ему свой кисеть съ табакомъ.

Кто это? спросилъ я хозяина.

Прохожій, отвѣчалъ онъ.

Знакомый тебѣ?

Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, и затѣмъ обратился къ повару съ приказаніемъ приготовить для путника обѣдъ.

Пока пришедшій курилъ табанъ, китайцы разспрашивали его о новостяхъ. Онъ охотно разсказывалъ имъ то, что случилось въ тѣхъ мѣстахъ, откуда онъ прибылъ, и что онъ видѣлъ по дорогѣ. Оказалось, что китаецъ идетъ съ Ното и держитъ путь на р. Псухунъ. Вечеромъ, во время ужина, манзы, прежде чѣмъ самимъ сѣсть за столъ, пригласили гостя. Всѣ китайцы наперерывъ старались ему услужить. Едва его чаша на опоржнялась, канъ ее тотчасъ наполняли снова. Потомъ гостю отвели лучшее мѣсто на канѣ и дали два одъяла: одно—для подстилки, другое—педь голову, вмѣсто подушки. Прохожій остался въ этой фанзѣ на весь слѣдующій день для отдыха.

У мѣстнаго манзовскаго населенія сильно развито вниманіе къ путнику. Всякій прохожій можетъ бесплатно прожить въ чужой фанзѣ трое сутокъ, но, если онъ останется дольше, то долженъ работать или уплачиваетъ деньги за харчи по общей раскладкѣ.

На слѣдующій день 19-го числа мы распрощались съ гостепріимными китайцами и пошли дальше. Отсюда начиналась колесная дорога. Чтобы облегчить спины лошадей, я нанялъ двѣ подводы.

Въ нижнемъ теченіи долина Вай-Фудина очень живописна. Утесы съ правой стороны имѣютъ причудливыя очертанія и похожи на людей, замки, минареты, и т. д. Съ лѣвой стороны опять потянулись высокія двойныя террасы изъ глинистыхъ сланцевъ, постепенно переходяція на сѣверъ въ горы.

Здѣсь есть одинъ только небольшой притонъ—Касафунова Падь, которую мѣстные китайцы называютъ р. Чамигоузой.⁽⁸³⁾ Она длиною около 15 верстъ и имѣетъ направленіе теченія сперва на ЮВ, а потомъ на югъ. Правый край Касафуновой долины нагорный, лѣвый—пологій, слегка холмистый. Долина эта узкая и расширяется только въ среднемъ теченіи тамъ, гдѣ въ нее впадаетъ рѣчка Грушевая. Если идти вверхъ по рѣкѣ, то съ правой стороны видны каніе то нарнIZES, которые дальше переходятъ въ широкія террасы. Окрестныя горы покрыты лиственнымъ рѣдколѣсьемъ дровяного характера.

Верстахъ въ 15 отъ моря видны обнаженія известняковъ.

83) Ча-ли гоу-дзы—Падь, въ которой легко заблудиться.

Немного ниже Касафуновой Пади въ р. Вай-Фудинъ съ правой стороны впадаютъ двѣ рѣки—Сандагоу и Лисягоу.⁽⁸⁴⁾ Последняя беретъ начало съ Тазовской горы, о которой рѣчь будетъ ниже. Верховья рѣки Сандагоу слагаются изъ множества горныхъ ручьевъ, стекающихъ по узкимъ распадинамъ. Раньше здѣсь были большіе лѣса, изобилующіе звѣремъ, но лѣсные пожары въ значительной степени обезцѣнили это охотничье эльдорадо.

Колесная дорога, проложенная китайцами по долинѣ р. Вай-Фудина, дважды переходитъ рѣку въ бродъ, что является большимъ препятствіемъ для сообщеній во время наводненія. Чтобы избѣгать этихъ бродовъ, надо идти по тропѣ. Она начинается около террасъ, съ лѣвой стороны долины подымается въ гору и идетъ по карнизу. Здѣсь тропа на протяженіи 150 саженъ буквально виситъ надъ пропастью.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ на террасахъ оноло устья р. Касафуновой жили тазы удэхейцы. Впослѣдствіи ихъ отгѣснили китайцы, но большею частью они вымерли отъ оспенной эпидеміи въ 1881 году.

Инородцы эти на охоту ходили всегда на Тазовскую гору, номандующую надъ всѣми окрестными высотами, отчего она и получила свое настоящее названіе.

По всей долинѣ Вай-Фудина отъ устья рѣки Эрдагоу до Тазовской горы разбросаны многочисленныя китайскія фанзы. Обитатели ихъ занимаются лѣтомъ земледѣліемъ и морскими промыслами, а зимой собираваньемъ и охотой.

84) Ли-си-гоу—Нижняя грушевая долина.

ДЕРЕВНЯ ФУДИНЬ И СЕЛО ПЕРМСКОЕ.

БѢДСТВІЯ ПЕРВЫХЪ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ ИЗЪ РОССІИ. ОХОТНИКИ. ЗАКАЗНИКЪ НА ОЛЕНЕЙ. ЦѢННОСТЬ ПАНТОВЪ. КАШЛЕВЪ-ТИГРИНАЯ СМЕРТЬ. ДЮНЫ. МАНЧЖУРСКАЯ ПОЛЕВАЯ МЫШЬ. КОНЕЦЪ ПУТИ.

Самымъ большимъ притокомъ Вай-Футина будетъ рѣка Арзамасовна. Она впадаетъ въ него съ лѣвой стороны. Немного выше устья Арзамасовки, на возвышенномъ мѣстѣ, расположился маленькій русскій поселокъ Фудинь (нынѣ переименованный въ Вѣткино). Въ 1906 году въ деревнѣ этой жило всего только четыре семьи. Жители ея были самыми первыми переселенцами изъ Россіи. Какой то особенный отпечатокъ носила на себѣ эта деревушка. Старенькіе, но чистенькіе домики глядѣли уютно; крестьяне были какіе-то веселые, добродушные. Они привѣтливо встрѣтили насъ и размѣстили у себя по квартирамъ. Вечеромъ собрались старики. Они разсказывали о томъ, сколько бѣдствій имъ пришлось перетерпѣть на чужой землѣ въ первые годы переселенія. Привезли ихъ сюда въ 1859 году и высадили въ заливѣ Св. Ольги, предоставивъ самимъ устраиваться, кто—какъ можетъ и кто—какъ умѣетъ. Сначала они поселились въ одной верстѣ отъ бухты и образовали небольшой поселокъ Новинку. Скоро крестьяне замѣтили, что чѣмъ дальше отъ моря, тѣмъ тумановъ бываетъ меньше. Тогда они перекочевали въ долину Вай-Футина. Въ 1906 году въ Новинкѣ жилъ только одинъ человекъ. Мѣста, гдѣ раньше были крестьянскіе дома, видны и по сіе время. Но и на новыхъ мѣстахъ ихъ ожидали невзгоды. По неопытности они посѣяли хлѣбъ внизу въ долину; первымъ же наводненіемъ его смыло, вторымъ—унесло все сѣно; тигры поѣли весь снотъ, и стали нападать на людей. Ружье у крестьянъ было только одно, да и то пистонное. Чтобы не умереть съ голоду они нанялись въ работники къ китайцамъ съ поденной платой—фунтъ чумизы въ день. Разсчитъ производили разъ въ мѣсяцъ и чумизу эту за 68 верстѣ должны были доставлять на себѣ въ котомкахъ. Старики долго не могли привыкнуть къ новымъ мѣстамъ. У нихъ были еще живы воспоминанія о родинѣ; зато молодежь скоро приспособилась; изъ нихъ выработались великолѣпные стрѣлки и отличные охотники. Быстрое теченіе въ рѣкахъ ихъ уже не пугало; скоро они начали плавать и по морю. Для Европейской Россіи охота на медвѣдя въ одиночку считается геройскимъ подвигомъ. Здѣсь же каждый юноша бьетъ медвѣдя одинъ на одинъ. Некрасовъ воспѣлъ крестьянина, который убилъ сорокъ медвѣдей, а здѣсь были братья Пятюшкины и Мяншиевы, изъ которыхъ каждый, въ одиночку, убилъ болѣе семидесяти медвѣдей. Затѣмъ слѣдуютъ Силины и Воробы, которые убили по нѣсколько тигровъ и потеряли счетъ убитымъ

медвѣдямъ. Одинъ разъ они задумали связать медвѣдя такъ, ради забавы, и чуть за это не заплатились жизнью. Каждый изъ этихъ охотниковъ носилъ на себѣ слѣды тигровыхъ зубовъ и кабаньихъ клыковъ; каждый не разъ видѣлъ смерть лицомъ къ лицу и только случай спасалъ ихъ отъ гибели.

Фудинскіе крестьяне серьезно относятся къ охотѣ. Они не только бьютъ звѣря, но и заботятся о его сохранности. Фактъ этотъ знаменателенъ. Крестьяне собрались и на сходѣ порѣшили не трогать самокъ, телятъ и не бить самцовъ во время гона. Кромѣ того они сами отвели заказникъ, сами установили границы его и дали другъ другу зарокъ тамъ не охотиться. Вновь прибывшій элементъ изъ Россіи не пожелалъ съ этимъ считаться и началъ хищничать. Такъ какъ заказникъ возникъ по частной инициативѣ и находился на казенной землѣ, то привлечь виновныхъ къ ответственности они не могли. Этимъ воспользовались браконьеры и благое начинаніе Фудинскихъ крестьянъ сошло на нѣтъ.

Цѣнность пантовъ въ Ольгинскомъ районѣ доходитъ до 1200 руб. пара. Въ деревнѣ Пермской у крестьянина Пятышкина я видѣлъ панты высотой въ 21 и толщиной въ 9 дюймовъ (разстояніе между рогами у основанія равнялось 3 дюймамъ); на концахъ они только что начали развѣтвляться; вѣсъ ихъ былъ 11 фунтовъ. Панты эти были проданы по очень низкой цѣнѣ, за 870 руб. По словамъ братьевъ Пятышкиныхъ въ прошломъ году отъ продажи четырехъ паръ пантовъ они выручили 2200 рублей.

Во время этихъ разсказовъ въ избу вошелъ какой то человекъ. На видъ ему было лѣтъ сорокъ пять. Онъ былъ средняго роста, сухощавый, съ небольшою бородою и съ длинными волосами. Вошедшій поклонился, виновато улыбнулся, и сѣлъ въ углу на ящикъ.

Кто это? Спросилъ Гранатманъ.

Кашлевъ — «Тигриная смерть», отвѣчало нѣсколько голосовъ. Мы стали его спрашивать, но онъ оказался не изъ разговорчивыхъ. Посидѣвъ немного, Кашлевъ всталъ.

Убить звѣря не трудно, ничего хитраго тутъ нѣтъ, хитро его только увидѣть, сказалъ онъ, затѣмъ надѣлъ свою шапку и вышелъ на улицу.

О Кашлевѣ мы кое—что узнали отъ другихъ крестьянъ. ..розвище «Тигриная смерть» онъ получилъ оттого, что на своей жизни больше всѣхъ перебилъ тигровъ. Никто лучше его не можетъ выслѣдить звѣря. По тайгѣ Кашлевъ бродитъ всегда одинъ, ночуетъ подъ открытымъ небомъ и часто безъ огня. Никто не знаетъ, куда онъ уходитъ, и когда возвратится обратно. Это настоящій лѣсной скиталецъ. На рѣкѣ Сандагоу онъ нашелъ утесъ, около котораго всегда проходятъ тигры. Тутъ онъ ихъ и гараулитъ.

Среди крестьянъ были и такіе, которые ловятъ тигровъ живыми. При этомъ никакихъ клѣтокъ и западней не ставится. Тигровъ они ловятъ руками и связываютъ веревками. Найдя свѣжій слѣдъ тигрицы съ годовалыми тигрятами, они пускаютъ много собакъ и съ криками начинаютъ стрѣлять въ воздухъ. Имъ нужно, чтобы тигры разбѣжались въ разныя

стороны. Тогда они начинают слѣдить ихъ по одиночкѣ. Для такой охоты нужны смѣлость, ловкость и отвага.

Бѣсѣды наши затянулись. Это было такъ интересно, что мы готовы были слушать до утра. Въ полночь крестьяне стали расходиться по своимъ домамъ.

На другой день мы отправились въ село Пермское, расположенное на четыре версты ниже Фудина.

Экономическое благосостояніе пермскихъ крестьянъ не заставляетъ желать ничего лучшаго. Село это можно было назвать образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. На добротныхъ пожертвованія они построили въ По-ету Св. Ольги церковь, а у себя въ деревнѣ—школу. У ребятешекъ есть ного книгъ по исторіи, природовѣдѣнію и географіи Россіи. Всѣ крестьяне достаточно начитаны и развиты; нѣкоторые изъ нихъ интересуются техни-кой, примѣняя ее у себя въ хозяйствѣ. Кабана въ селѣ Пермскомъ нѣтъ. При насъ одинъ новосель позволилъ себѣ выругаться площадной бранью. Надо было видѣть, какую проборнку задали ему старожилы. Всѣ Пермскіе крестьяне такіе же разумные охотники, какъ и Фудинцы. Живутъ Пермскіе крестьяне безбѣдно, долговъ не имѣютъ и вполне довольны своею судьбою.

Земля въ долинѣ Вай-Фудина весьма плодородная. Крестьяне не помнятъ ни одного неурожайнаго года, несмотря на то, что въ теченіе сорока лѣтъ пашутъ безъ удобренія на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ,

Въ періодъ лѣтнихъ дождей вода, стекающая съ окрестныхъ горъ, переполняетъ рѣку и разливается по долинѣ. Самыя большія наводненія происходятъ въ нижнемъ теченіи Вай-Фудина, тамъ, гдѣ рѣка принимаетъ въ себя сразу два притока: Сыдагоу—справа и р. Арзамасовку—слѣва. По словамъ «пермцевъ», умѣренные наводненія не только не приносятъ вреда, но, наоборотъ,—даже полезны, такъ какъ послѣ нихъ на землѣ остается плодородный иль. Большія-же наводненія совершенно смываютъ пашни и приносятъ непоправимый вредъ.

Отъ устья р. Сыдагоу долина Вай-Фудина сразу расширяется. Отсюда видно уже море.

Отъ села Пермскаго дорога идетъ сначала около лѣваго края долины у подножья террасы, а затѣмъ отклоняется вправо и постепенно подходит къ рѣкѣ. Здѣсь растетъ рѣдкій лѣсъ дровяного характера, состоящій изъ низкорослой черной березы (*Betula daurica*. Pal.), дуба (*Quercus mongolica*. Fish.), японской ольхи (*Alnus japonica*. Sieb. et Zucc.), со спирально скрученнымъ стволомъ и ольгинской лиственницы (*Larix Olgae*). Песчаная почва сверху покрыта тонкимъ слоемъ наноснаго ила, поросшаго травой. Гдѣ только дерновой слой подвергся уничтоженію, оголились пески. Вслѣдствіе этого дорога между селомъ Пермскимъ и берегомъ моря считается тяжелой.

Выйдя на почтовый траить, я покончилъ съемку, отдалъ планшетъ сопровождавшему меня стрѣлку и взялъ ружье. Несмотря на пройденный длинный путь, моя собака все время бѣгала по кустамъ, выискивая птицъ. Одинъ разъ она сдѣлала стойку по слуху. Я подошелъ къ ней. Она прыгну-

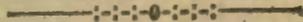
ла въ заросли, что-то схватила зубами, потрясла головой и бросила въ сторону. Это оказалась маньчжурская полевая мышь (*Apodemus agrarius manshuricus*. Thomas.), весьма распространенная по всему Краю. Великою она съ обыкновенную домашнюю мышь, но съ буро-желтой окраской спины и съ бѣлыми лапками. Эта мышь не такъ подвижна, какъ домашняя и вслѣдствіе этого легко становится добычей хищныхъ птицъ. Кормомъ ей служатъ различныя сѣмена растеній, дубовые желуди и корни травъ. Забравъ мертвую мышь, какъ охотничій трофей, мы пошли дальше по дорогѣ.

На половинѣ пути между селомъ Пермскимъ и Постомъ Св. Ольги съ дѣвой стороны высятся скалы, называемая мѣстными жителями «Чертавымъ Утесомъ». Еще пятнадцать минутъ ходу, и вы подходите къ морю. Читатель пойметъ то радостное настроеніе, которое насъ охватило. Мы съли на камни и съ наслажденіемъ стали смотрѣть, какъ бьются волны о берегъ.

Слава, Богу,—путь конченъ!

Изъ морского песку здѣсь образовались дюны, заросшія шиповникомъ (*Rosa rugosa* Thunb.), травой и низкорослыми дубнами, похожими скорѣе на кустарники, чѣмъ на деревья. Тамъ, гдѣ наружный покровъ дюнь былъ нарушенъ, пески пришли въ движеніе и погребли подъ собою все, что встрѣтилось имъ на пути.

Въ Постъ Св. Ольги мы прибыли 21-го іюня въ 2 часа дня и размѣстились по квартирамъ. Всѣ наши грузы шли на пароходъ моремъ. Въ ожиданіи ихъ я рѣшилъ заняться обслѣдованіемъ окрестностей.

XVIII.

ЗАЛИВЪ СВ. ОЛЬГИ.

ИСТОРИЯ ЗАЛИВА. ТИХАЯ ПРИСТАНЬ. КИТАЙСКИЙ ПОСЕЛОКЪ ШИ-МЫНЬ. ПОСТЪ СВ. ОЛЬГИ. И. А. ПЯТЫШИНЪ. ОТЪЕЗДЪ П. К. РУТКОВСКАГО. КРЕСТОВАЯ ГОРА. Б. Н. БУНИНЪ. ГЕОЛОГИЯ ЗАЛ. СВ. ОЛЬГИ. МАНЗА ЗОЛОТОИСКАТЕЛЬ. ПТИЦЫ. ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Заливъ Св. Ольги (43° 44' С. Ш. и 152° 57' В. Д. от О. Ферро) открытъ французскимъ мореплавателемъ Лаперузомъ въ 1787 году и тогда былъ названъ портомъ Сеймура. Во время крымской кампаніи нѣсколько англійскихъ судовъ преслѣдовали русскій военный корабль, Пользуясь туманомъ, судно укрылось въ какую-то бухту. Англичане потеряли его изъ виду и ушли ни съ чѣмъ. Такъ какъ это случилось 11 іюля въ день Св. Ольги, то русскіе заливъ своего спасенія назвали ея именемъ. Въ память избавленія своего отъ врага они поставили крестъ на высокой горѣ, которая съ той поры стала называться Крестовою*.)

При входѣ въ заливъ Св. Ольги справа высится одинокая скала, названная моряками островомъ Чихачева. На этой скалѣ поставлена сигнальная башня, указывающая судамъ мѣсто входа. Но такъ какъ лѣтомъ въ этой части побережья почти все время стоятъ туманы, то она является совершенно бесполезной, ибо съ моря ее все равно не видно..

Заливъ Св. Ольги закрытъ съ трехъ сторонъ; онъ имѣетъ версты три въ длину, столько же въ ширину, и глубину—около 12 сажень. Зимой онъ замерзаетъ на три мѣсяца только съ сѣверной стороны. Сѣверо-восточная часть залива образуетъ еще особую бухту, называемую мѣстными жителями «Тихою Пристанью». Эта бухта соединяется съ большимъ заливомъ узкимъ проходомъ и замерзаетъ на болѣе продолжительное время. «Тихая Пристань» (глубиною посрединѣ 5—6 сажень, длиною съ версту и шириною съ 1/2 версты) постепенно заполняется наносами рѣчки Ольги.

На восточномъ берегу залива находится китайскій поселокъ Шимынь⁽⁸⁵⁾, называемый русскими «Кошкой». Раньше поселокъ этотъ былъ главнымъ китайскимъ торговымъ пунктомъ въ Уссурійскомъ Краѣ. Ежегодно сюда приходило до сотни шаландъ съ товарами изъ Хунчуна. Охотники съ р. Усури доставляли въ Шимынь соболиные мѣха, цѣнные панты и дорогой жень-шень. Дары тайги вымѣнивались на продукты морского промысла. Съ 1901 года послѣ китайскихъ безпорядковъ въ Маньчжуріи жизнь въ поселкѣ стала замирать. По длинному ряду бараконъ, располо-

*) По другимъ источникамъ крестъ былъ поставленъ монахомъ Филаретомъ въ 1860 году.

85) Шимынь (Шимынь-эръ)—Каменные ворота.

женныхъ на берегу моря для склада товаровъ и разнаго сырья, можно судить о размѣрахъ торговыхъ оборотовъ китайцевъ въ заливѣ Святой Ольги.

Въ самомъ углу залива находится русское селеніе Св. Ольги. Первая постройка, которая появилась здѣсь въ 1859 году, была матросская казарма. Въ 1878 году сюда пріѣхалъ лѣсничій и фельдшеръ, а до того времени мѣстный приставъ исполнялъ ихъ обязанности: онъ былъ и учителемъ. и врачомъ, чинилъ судъ и расправу.

Въ 1906 году въ Посту Св. Ольги была небольшая деревянная церковь, переселенческая бѣльница, почтово-телеграфная станція и нѣсколько мелочныхъ лавокъ. Въ настоящее время Постъ Св. Ольги не деревня и не село. Ольгинцы въ большинствѣ случаевъ разночинцы и запасные солдаты, земли своей не имѣютъ, а арендуютъ ее въ казнѣ. Никто не занимается ни огородничествомъ, ни хлѣбопашествомъ, никто не сѣетъ, не жнетъ и не собираетъ въ житницы, но все строятъ дома, хотя бы и въ долгъ; все надѣются на то, что Постъ Св. Ольги въ концѣ концовъ будетъ городомъ и захваченная земля перейдетъ въ собственность, послѣ чего ее можно будетъ выгодно продать.

Русско-Японская война тяжело отразилась на этомъ маленькомъ русскомъ поселкѣ, отрѣзанномъ бездорожьемъ отъ другихъ жилыхъ мѣстъ Уссурийскаго Края. Предметовъ первой необходимости, какъ неросинъ, свѣчи, мыло, чай и сахаръ нельзя было достать ни за какія деньги. Да и теперь еще населеніе его, въ ожиданіи лучшихъ дней, перебивается съ хлѣба на квасъ. Нѣкоторые жители не живутъ въ П. Ольга, а уѣхали во Владивостокъ. Много домовъ брошено и заколочено досками. Домовладѣльцы рады радешеньки сдать кому-нибудь свои постройки не только въ аренду, но даже въ бесплатное пользованіе, лишь бы кто нибудь охранялъ ихъ отъ расхищенія.

Около «Поста» есть старинное кладбище, совершенно запущенное. Черезъ нѣсколько лѣтъ оно будетъ совсѣмъ утеряно. Первымъ на немъ былъ похороненъ въ 1860 году морской офицеръ, затѣмъ хоронили матросовъ, умершихъ отъ цынги.

Другой достопримѣчательностью Поста будетъ маленькая чугунная лупина на неподвижномъ деревянномъ лафетѣ. Я видѣлъ ее въ полномъ пренебреженіи на площади около дома лѣсничаго. По разсказамъ старожиловъ она привезена была въ Постъ Ольгу для того, чтобы во время тумана подавать сигналы кораблямъ, находящимся въ открытомъ морѣ.

Въ заключеніе еще остается сказать нѣсколько словъ объ одномъ мѣстномъ обывателѣ, весьма способствовавшемъ процвѣтанію этого уголка Далекой Русской Окраны. Я говорю о крестьянинѣ Иванѣ Архиповичѣ Пятюшинѣ. Обремененный большой семьей, этотъ удивительный труженикъ—вѣчно находится въ работѣ, вѣчно онъ о чемъ нибудь хлопочетъ. Сперва г. Пятюшинъ отирывъ въ Посту Ольгѣ торговлю, но, будучи по характеру добрымъ и довѣрчивымъ человекомъ, роздалъ въ кредитъ весь свой товаръ и раззорился. Потомъ онъ занялся рыболовствомъ:—вода унесла у него невода. Тогда онъ сталъ добывать морскую капусту:—работніе китайцы, забравъ впередъ задатки, разбѣжались. Послѣ этого онѣ

взялся за лѣсное дѣло:—наводненіе унесло у него весь лѣсъ. Пятышинъ собралъ всѣ свои остатки и началъ строить кирпичный заводъ,—но кирпич не нашель сбыта, ломку мрамора постигла та же участь; не пошло въ ходъ также и выжиганіе извести. Последнее дѣло, которымъ неудачно занимался Пятышинъ—это подрядная постройка домовъ и разбивка улицъ въ Посту Св. Ольги. Другой на мѣстѣ И. А. Пятышина давно опустилъ бы руки и впалъ въ отчаяніе, но онъ не упалъ духомъ и вновь занялся рыбной ловлей. Ни на кого онъ не жаловался, винилъ только свою судьбу и продолжалъ съ нею бороться. Много неимущихъ переселенцевъ находило заработокъ у Пятышина, много личнаго труда и денежныхъ средствъ онъ вложилъ въ устройство Поста Св. Ольги. Къ сожалѣнію, въ свое время онъ ни откуда не получалъ поддержки и теперь началъ уставать.

Первые два дня мы отдыхали и ничего не дѣлали. Въ это время за П. К. Рутковскимъ пришелъ изъ Владивостока миноносецъ «Безшумный». Вечеромъ П. К. Рутковскій распрощался съ нами и перешелъ на судно. На другой день на разсвѣтѣ миноносецъ ушелъ въ моръ. П. К. Рутковскій оставилъ по себѣ въ отрядѣ самыя лучшія воспоминанія и мы долго не могли привыкнуть къ тому, что его нѣтъ болѣе съ нами.

Первая моя экскурсія въ окрестностяхъ залива Св. Ольги была на гору «Крестовую».

Крестъ, о которомъ говорилось выше, еще стоялъ на мѣстѣ, но уже покачнулся. Въ него была вѣрзана металлическая доска съ надписью. Теперь ея нѣтъ. Осталось только гнѣздо и слѣды гвоздей. На крестѣ кто то повѣсилъ шейный серебряный крестинъ и маленькій мѣдный образокъ.

Съ Крестовой горы можно было хорошо разсмотрѣть всѣ окрестности. Въ одну сторону шла широкая долина Вай-Фудина. Вслѣдствіе того, что около р. Сандагоу она дѣлаетъ изломъ, конца ея не видно. Сихотэ-Алинь заслоняли теперь другія горы. Къ сѣверо-западу протянулась р. Арзамасовна. Она загибалась на сѣверъ и терялась гдѣ-то въ горахъ. Продолженіемъ бухты Тихой Пристани является живописная долина р. Ольги, текущей параллельно берегу моря.

Горы въ окрестностяхъ залива не высоки, но выражены весьма рѣзко и большею частью состоятъ изъ стараго гранита, кварцоваго порфира, песчаника, роговика, арноза и зеленой яшмы, въ которой въ разныхъ направленіяхъ проходятъ тонкія кварцевыя прожилки. Въ окрестностяхъ найдено много желѣзныхъ, мѣдныхъ и серебро-свинцовыхъ рудъ.

Большинство сопокъ покрыто осыпями, являющимися результатомъ разрушенія горныхъ породъ дѣятельностью атмосферныхъ агентовъ. Образование этихъ осыпей можно прослѣдить съ момента появленія трещинъ въ скалахъ до разсыпанія ихъ на мелкіе обломки. Если молотомъ ударить по такой глыбѣ или съ силою бросить ее о землю, она разобьется по трещинамъ, по которымъ внутрь проницала вода. И сколько-бы не разбивать эти камни на еще болѣе мелкіе обломки, они нигдѣ не дадутъ свѣжихъ изломовъ. Въ Посту Св. Ольги я познакомился съ Б. И. Буничнымъ, знаткомъ Южно-Уссурийскаго Края, исходившаго его вдоль и по-

перекъ. Въ 1901 году въ бытность его офицеромъ 6-го Восточно Сибирскаго Стрѣлковаго полка, во время подавленія беспорядковъ въ Маньчжуріи, онъ былъ тяжело раненъ изъ фальконета. Послѣ этого Б. И. Бунинъ сталъ прихрамывать на одну ногу, не могъ продолжать службу и, выйдя въ отставку, поселился въ Посту Св. Ольги.

Однажды онъ отправлялся въ горы по своимъ дѣламъ и пригласилъ меня съ собою. 24-го іюня рано утромъ мы выѣхали съ нимъ на лодкѣ и, миновавъ Мраморный Мысъ, высадились на берегу противъ острова Чихачева. Эта экскурсія дала мнѣ возможность хорошо ознакомиться съ заливомъ Св. Ольги и устьемъ р. Вай-Фудина.

Вдоль берега моря и параллельно ему тянутся рядами болота и длинныя озерки, отдѣленные другъ отъ друга песчаными валами. Чѣмъ ближе къ берегу моря, тѣмъ валы эти свѣжѣе и выражены рѣзче. По нимъ грядами растутъ кустарниковая ольха (*Alnus japonica*. S. et Z), съ коротко волосистыми вѣтвями и слегка опушенными листьями, и березолистный таволожникъ (*Spirea betulifolia* Pal.), — маленькій кустарникъ съ блѣдно-розовыми цвѣтами. Во многихъ мѣстахъ отъ заловъ уже не осталось слѣда и только растительность указываетъ бывшее ихъ направленіе. Произведенныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раскопки дали обломки морскихъ раковинъ. Здѣсь надъ приростомъ суши трудились одновременно и рѣка, и море. Первая принесла готовый матеріалъ, второе складывало его въ валы. Нынѣ въ низовьяхъ рѣки образовалось много острововъ. Они только что вышли изъ воды, состоятъ изъ чистаго песка и еще не успѣли зарости травой.

Геологу рисуется картина далекаго прошлаго. Заливъ Св. Ольги имѣлъ совсѣмъ не такой видъ, какой онъ имѣетъ теперь. Онъ былъ въ три раза больше и далѣе вдавался въ сушу въ западномъ направленіи. Со стороны моря ясно видны границы древняго залива, въ который самостоятельно впадали Вай-Фудинъ, Сыдагоу и Арзамасовна. Заболоченность нижней части долины Аввакумовки, протоки, озерки, слѣпыя рукава, соединяющіеся съ моремъ, тоже указываютъ на это. Около устья, теченіе рѣки почти незамѣтно. Даже, наоборотъ, при свѣжемъ восточномъ вѣтрѣ и во время приливовъ замѣчается обратное движеніе воды. На Чортовомъ утѣсѣ можно видѣть слѣды морского прибоя. Этотъ безмолвный свидѣтель говоритъ намъ о томъ, что когда-то и онъ былъ омываемъ волнами Великаго Океана.

Сколько понадобилось вѣновъ для того, чтобы разрушить твердую горную породу и превратить ее въ песокъ? Сколько понадобилось времени, чтобы песчинка за песчинкой заполнить заливъ и вытѣснить морскую воду? Не малое участіе въ заполненіи долины принималъ и плавниковый дѣсъ. Тысячами кряжины и пней завалены русло рѣки и острова. Стволы деревьевъ сейчасъ-же заносятся пескомъ; на поверхности остаются торчать только сучья и корни. Мало по малу погрѣбаются и они. Каждое новое наводненіе приноситъ новый буреломъ и накладываетъ его сверху, потомъ опять заноситъ пескомъ. и т. д. Такъ отступаютъ океанъ,

наростаёт суша и настанет время, когда р. Вай-Фудинъ будетъ впадать не въ Заливъ Св. Ольги, а непосредственно въ море.

Мы высадились на южномъ берегу залива часовъ въ 10 утра, лодку отправили назадъ, а сами пошли въ горы. По дорогѣ къ намъ присоединился китаецъ искатель золота. У него въ котомкѣ была желѣзная лопата безъ черенка, деревянный лотокъ для промыванія песка и облегченный заступъ съ короткою рукояткой. Китаецъ этотъ былъ среднихъ лѣтъ, худой, съ рябоватымъ лицомъ и съ соломенной шляпой на головѣ. Онъ охотно отвѣчалъ на задаваемые ему вопросы. Это дало мнѣ возможность познакомиться съ китайскими приемами золотоискательства. Прежде всего онъ старался найти такую рѣчку, противъ которой въ морѣ есть островъ. Это вѣрный признакъ, что въ долинѣ будетъ золото. Подымаясь вверхъ по рѣкѣ, онъ искалъ такой притокъ, чтобы противъ устья его была отвѣсная скала, причемъ направленіе новой долины должно быть строго перпендикулярно къ плоскости скалы и не меньше, какъ въ две версты длиною. Если это разстояніе было короче или, если долина шла не совсѣмъ подъ прямымъ угломъ къ скалѣ, она не годилась. Манза все время шель впереди и высматривалъ все новые и новые притоки, причемъ протяженіе ихъ сокращалось отъ двухъ верстъ до одной, потомъ до полуверсты и т. д. Послѣдній ключикъ имѣлъ сажень двѣсти длиною. Китаецъ остановился и сказалъ, что тутъ надо искать золото. Онъ сталъ разсматривать въ ручьѣ гальку и песокъ. То и другое, видимо, его удовлетворило и онъ рѣшилъ остаться здѣсь для развѣдокъ. Многія объясненія его для меня были непонятны. Такъ, на примѣръ, онъ говорилъ, что есть люди, которые непосредственно чувствуютъ присутствіе золота въ землѣ; къ числу ихъ онъ присоединялъ и себя.

Въ топографическомъ отношеніи мѣстность, по которой мы теперь шли, представляла изъ себя сильно размытыя горы съ пологими скатами. Кое гдѣ торчали скалы, находящіяся въ послѣдней стадіи разрушенія; большинство ихъ превратилось уже въ осыпи.

Характеръ растительности былъ тотъ же самый, что и около Поста Св. Ольги. Дубъ, береза, липа, бархатъ, тополь, ясень и ива росли то группами, то въ одиночку. Различныя кустарники, главнымъ образомъ, леспедеца, калина и таволга, опутанныя виноградомъ и полевымъ горошкомъ, дѣлали нѣкоторыя мѣста положительно непроходимыми, въ особенности, если къ нимъ еще примѣшивалось чортово дерево (*Agalia tan-shurica* R. M.). Идти по этимъ кустарникамъ въ жаркій день очень трудно. Единственная отрада — это ручьи съ холодною водою.

Въ полдень мы дошли до водораздѣла. Солнце стояло на небѣ и заливало землю своими палящими лучами. Жара стояла невыносимая. Даже въ тѣни нельзя было найти прохлады. Отдохнувъ немного на горѣ, мы стали спускаться по ручью на западъ. Это былъ одинъ изъ лѣвыхъ притоковъ р. Сыдагоу. Разстилавшаяся передъ нами картина была довольно однообразная. Куда ни взглянешь, всюду холмы, и всюду одна и та же растительность,

Надъ землею висѣлъ раскаленный воздухъ, насыщенный влагою. Деревья и кусты поникли листвою и казались безжизненными.

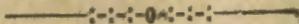
За весь день мы не видѣли ни одного животнаго, хотя козыхъ и оленьихъ слѣдовъ попадалось много. Въ пути я не упустилъ случая дѣлать замѣтки по орнитологiи.

Прежде всего упомяну о зеленомъ дятлѣ съ красною головою. Говорятъ, что онъ ходитъ по землѣ довольно хорошо. Проворный, пугливый и крикливый, онъ по ухваткамъ походить на своихъ пестрыхъ собратьевъ. Затѣмъ тутъ были Маньчжурскiе жаворонки; голоса ихъ слышны были повсюду. Нѣкоторыя птицы выпархивали у насъ изъ подъ ногъ и, стлѣтѣвъ немного, садились опять на землю. Казалось, на нихъ жара не дѣйствовала совсѣмъ; онѣ высоко подымались къ небу и звонкимъ пѣнiемъ оглашали окрестности. Въ низинѣ изъ кочковатой болотинки собаки выгнали нѣсколькихъ куличковъ. Я убилъ одного изъ нихъ. Это оказался восточно-сибирскiй бекасъ. Въ другомъ мѣстѣ изъ чащи вылетѣлъ красивый длинноносый дупель. На поваленныхъ деревьяхъ и на пняхъ кое гдѣ встрѣчались японскiе коньки. Они проворно бѣгали по землѣ и грѣлись на солнышкѣ. При приближенiи людей, птички эти не улетали, а ловко скрывались въ кустахъ и появлялись только тогда, когда убѣждались, что опасность миновала. Судя по тому, что въ этихъ мѣстахъ было много мелкихъ птицъ, можно было допустить присутствiе малаго перепелятника. И дѣйствительно, одного такого ястреба я вспугнулъ изъ травы. Это было тѣмъ болѣе странно, что ноги его совсѣмъ не приспособлены къ хожденiю по землѣ. Быть можетъ, эти хищники изъ опыта уяснили себѣ, что видъ ихъ, сидящихъ на сухостойныхъ деревьяхъ, пугаетъ мелкихъ птицъ, тогда какъ спрятавшись, они скорѣе могутъ рассчитывать на добычу.

День близился къ концу. Солнце склонилось на западъ, отъ деревьевъ по землѣ протянулись длинныя тѣни. Надо было становиться на ночь. Выбравъ мѣсто, гдѣ есть вода, мы стали устраивать бивакъ.

Вечеромъ я долго сидѣлъ съ Б. Н. Бунинымъ у огня. Онъ рассказывалъ мнѣ о своихъ путешествiяхъ, о хунхузахъ, объ охотѣ и т. д. Наконецъ, я почувствовалъ, что сонъ начинаетъ овладѣвать мною. Я легъ къ огню, завернулся въ бурну и скоро уснулъ.

На слѣдующiй день мы разстались съ золотоискателемъ. Онъ пошелъ назадъ къ перевалу, а мы направились къ рѣкѣ Сыдагоу и оттуда обратно въ Постъ Св. Ольги.

ЭККУРСІЯ НА Р. СЫДАГОУ.

ЛѢСНЫЯ ЗАРССЛИ. ТИГРЬ. НА ВЕРШИНѢ ХРЕБТА. ГОЛЫЦЫ. ЛИШАИ И МХИ. ЖАЖДА. ПОИСКИ ВОДЫ. ЛЕДЬ ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ. ИСТОКИ Р. САНДАГОУ. ПЯТНИСТЫЕ ОЛЕНИ.

26-го числа небо начало хмуриться. Порывистый вѣтеръ гналъ тучи и густой туманъ. Это былъ плохой признакъ. Ночью пошелъ дождь съ вѣтромъ, который не прекращался подрядъ трое сутокъ. 28-го числа разразилась сильная буря съ проливнымъ дождемъ. Вода стекала съ горъ стремительными потоками; рѣки переполнились и вышли изъ береговъ; сообщеніе Поста Св. Ольги съ сосѣдними селеніями прекратилось.

Въ ожиданіи парохода, который долженъ былъ привезти наши грузы, я рѣшилъ отправиться въ обследованіе рѣки Сыдагоу и намѣтилъ такой маршрутъ: перевалить черезъ водораздѣлъ около Тазовской горы, спуститься по рѣкѣ Сандагоу и опять выйти на р. Вай-Фудинь. На выполненіе этого маршрута потребовалось шесть сутокъ.

1-е іюля прошло въ сборахъ. Лошадей я оставилъ дома на отдыхъ, изъ людей взялъ съ собою только Загурскаго и Туртыгина. Вещи свои мы должны были нести на себѣ въ котомкахъ.

Утромъ послѣ бури еще моросилъ мелкій дождь. Въ полдень вѣтеръ разорвалъ туманную завѣсу, выглянуло солнце, и вдругъ—все ожило: міръ Божій сталъ снова прекрасенъ. Камни, деревья, трава, дорога—приняли праздничный видъ. Въ кустахъ запѣли птицы, въ воздухѣ появились наѣдомыя и даже шумъ воды, стекающей съ горъ, сталъ ликующимъ и веселымъ.

Черезъ р. Вай-Фудинь мы переправились верхомъ на лошадяхъ и затѣмъ пошли по почтовому тракту, соединяющему Постъ Св. Ольги съ селомъ Владиміро-Александровскимъ на р. Сучанѣ.

Рѣка Сыдагоу длиною 57 верстъ. Въ верхней половинѣ она течетъ параллельно Вай-Фудину, затѣмъ поворачиваетъ къ востоку и впадаетъ въ него противъ села Пермскаго. Мы вышли какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ Сыдагоу дѣлаетъ поворотъ. Рѣка эта очень каменистая и порожистая. Пермцы пробовали было по ней сплавлять дѣсь, но онъ такъ сильно обивался о камни, что пришлось бросить это дѣло. Нижняя часть долины, гдѣ проходитъ почтовый трактъ, открытая и удобная для земледѣлія, средняя—лѣсистая, а верхняя—голая и каменистая.

Лѣсъ на р. Сыдагоу растетъ дѣвственный и величественный. Натуральныя ботаники отмѣтили бы здѣсь кромѣ кедра, ели, даурской березы и маньчжурскаго орѣха, еще сибирскую лиственницу (*Larix sibirica* Ldb.), растущую вмѣстѣ съ дубомъ и мелколистнымъ кленомъ (*Acer mono* Max.). «Моно», собственно, ороцское названіе этого дерева;

академикъ Максимовичъ удержалъ его, какъ видовое. Среди таволги, леспедецы, орѣшника и калины здѣсь произрастали: бородавчатая боярка (*Crataegus pinnatifida* Bunge) съ строю корою, рѣдкими шипами и листьями, глубоко разсѣченными, и пригнутый къ землѣ черемушникъ (*Prunus Maximoviczii* Rupr), перепутанный съ колючимъ элеутерококусомъ. Обыкновенно древесные стволы служатъ опорой для ползучихъ растеній, которыя стремятся вверхъ къ солнцу; они такъ сильно вдавливаютъ свои стебли въ кору деревьевъ, что образуютъ въ ней глубокиѣ рубцы.

Изъ такихъ вьющихся растеній ботаникъ указалъ бы на уже знакомую коломинту и лимонникъ (*Schizandra chinensis* Baill), съ запахомъ и вкусомъ, дѣйствительно напоминающимъ лимонъ. Въ сырыхъ мѣстахъ росли: папоротникъ чистоустъ (*Osmunda cinnamomata* L.), съ краснымъ пушкомъ на стебляхъ, что придаетъ растенію весьма эффектный видъ, и—цѣлыя заросли гигантскаго бѣлокопытника (*Petasites palmata*. Asa Gray.). Листья его большіе, раздѣльно зубчатые, сверху блѣдно-зеленые, внизу матово-блѣдные. Весной это самое лакомое блюдо медвѣдей.

Какъ только мы вошли въ дѣсь, сразу попали на тропинку. Послѣ недавнихъ дождей въ лѣсу было сыро. На грязи и на песокѣ около рѣки всюду попадались многочисленныя слѣды кабановъ, оленей, изюбрей, козуль, набрарожки, рассомахъ, рысей и тигровъ. Мы нѣсколько разъ подымали съ лежки звѣрей, но въ чащѣ ихъ нельзя было стрѣлять. Одинъ разъ совсѣмъ близко отъ меня пробѣжалъ кабанъ. Это вышло такъ неожиданно, что, пока я снималъ ружье съ плеча и взводилъ курокъ, отъ него и слѣдъ простылъ.

Въ полдень тропа привела насъ къ китайской звѣровой фанзѣ. Множество шкуръ, сложенныхъ въ амбарѣ, свидѣтельствовали о томъ, что обитатели ея занимаются охотой очень успѣшно. Фанза была новая, видимо, недавно выстроенная. На крышѣ для просушки были растянуты двѣ оленьи шкуры, а надъ дымокуромъ на веревочкѣ висѣла медвѣжья желчь. Китайцы употребляютъ ее, какъ лекарство отъ трахомы. Для этого они разбавляютъ сухую желчь водою и тряпичей смачиваютъ вѣки глазъ. Медвѣжья желчь цѣнится отъ 2 до 5 рублей въ зависимости отъ ея размѣровъ.

За день намъ удалось пройти двадцать двѣ версты.

Лѣсъ на лѣвомъ берегу кончился, и началась гать⁽⁸⁶⁾. Горы, окаймляющія долину, состоятъ изъ діорита, сіенита, кварца, полевошпатоваго порфира, совершенно обезлѣсены и сплошь покрыты осыпями. Верховья рѣки Сыдагоу представляются въ видѣ небольшой горной рѣчки, въ которую справа и слѣва впадаетъ множество мелкихъ ручьевъ. Во время послѣдняго наводненія вода размыла ложе рѣки шириною до ста сажень. Все это пространство занесено пескомъ и галькой. Съ правой стороны тамъ, гдѣ кончалась каменистая отмель, сразу начинался обрывистый берегъ. Въ

(86) Сухостой, оставшійся послѣ пожара.

обрѣзъ его видно, что почва долины состоитъ изъ такой же гальки въ перемѣшку съ иломъ.

Въ одномъ мѣстѣ рѣка дѣлала изгибъ; русло ея проходило у противоположнаго берега, а съ нашей стороны вытянулась длинная коса. На ней мы и расположились бивакомъ; палатку поставили у края берегового обрыва лицомъ къ рѣкѣ и спиною къ лѣсу, а впереди развели большой огонь.

Въ этотъ день мнѣ нездоровилось немного, и потому я не сталъ дожидаться ужина и легъ спать. Во снѣ мнѣ грезилось, будто бы я попалъ въ напканъ, и отъ этого сильно болѣли ноги. Когда я проснулся, было уже темно.

Осмотрѣвшись, я понялъ причину своихъ сновъ. Обѣ собаки лежали у меня на ногахъ и смотрѣли на людей съ такимъ видомъ, точно боялись, что ихъ побьютъ. Я прогналъ ихъ. Онѣ перебѣжали въ другой уголъ палатки.

Вотъ диво! сказалъ Загурскій. Не хотятъ собаки идти наружу.

Поведеніе собакъ, дѣйствительно, было странное. Въ особенности удивилъ меня Лѣшій. Онъ всегда уходилъ въ кусты и ложился гдѣ нибудь за палаткой, а теперь жался къ людямъ. Наконецъ, мы собакъ выгнали, но не надолго. Черезъ нѣсколько минутъ онѣ вновь пробрались въ палатку и расположились около изголовьявъ.

Въ это время, вдругъ, въ лѣсу раздался какой-то шорохъ. Собаки подняли головы и насторожили уши. Я всталъ на ноги. Край палатки приподнялся мнѣ какъ разъ до подбородка. Въ лѣсу было тихо и ничего подозрительнаго я не замѣтилъ. Мы сѣли ужинать. Вскорѣ опять повторился тотъ же шумъ, но сильнѣе и дальше въ сторонѣ. Тогда мы стали смотрѣть втроемъ, но въ лѣсу, какъ нарочно, снова водворилась тишина. Это повторилось нѣсколько разъ сряду.

Вѣроятно, мыши, сказалъ Туртыгинъ.

Или, можетъ быть, заяцъ, отвѣтилъ Загурскій.

Наконецъ, все успокоилось. Послѣ чая стрѣлки стали уговариваться по сколько часовъ они будутъ нараулить ночью. Я отдохнулъ хорошо, спать мнѣ не хотѣлось, и потому предложилъ имъ лечь, а самъ рѣшилъ заняться своимъ дневникомъ.

Пошли вонъ! прогоняли солдаты собакъ изъ палатки.

Собаки вышли, немного посидѣли у огня, а затѣмъ снова полѣзли къ людямъ. Лѣшій примостился въ ногахъ у Туртыгина, а Альпа легла на мое мѣсто.

Ночь была такая тихая, что даже осины замерли и не трепетали листьями. Въ сонномъ воздухѣ слышались каніе-то неясные звуки: точно кто-то вздыхалъ, шептался, гдѣ-то капала вода, чуть слышно трещали кузнечики... По темному небу, усыпанному тысячами звѣздъ, вспыхивали едва уловимыя зарницы. Красные блики отъ костра неровно ложились по землѣ, и за границей ихъ ночная тьма казалась еще чернѣе.

Я подложилъ дровъ въ огонь и сталъ дѣлать записи въ дневникъ. Вдругъ, обѣ собаки подняли головы и стали глухо ворчать. Я всталъ со

своего мѣста, осмотрѣлся и, хотя ничего не увидѣлъ, но зато услышалъ удаляющійся шорохъ. Вѣроятно, барсукъ или енотъ, подумалъ я и сѣлъ снова за работу. Прошло съ полчаса. Вдругъ я услышалъ, какъ въ сторонѣ, слѣва отъ бивака, посыпалась галька. Кто-то спускался съ обрыва къ рѣкѣ. По моимъ расчетамъ это было отъ нашего костра саженьяхъ въ пятидесяти, не болѣе. Прикрывъ рукою глаза отъ свѣта, я сталъ усиленно смотрѣть на рѣку. Собаки выражали крайній испугъ. Альпа забила въ самую глубь палатки. Вслѣдъ за тѣмъ я услышалъ, какъ кто-то осторожно шель по отмели. Подъ давленіемъ чьей-то ноги галька раздавалась въ стороны. Это не было копытное животное. Изюбрь или олень стучать сильнѣе ногами; это не могло быть и маленькое животное, потому что вѣсь его тѣла былъ бы недостаточенъ для того, чтобы производить такой шумъ. Это было крупное животное, у котораго большая и мягкая лапа. Брешь чанье гальками удалялось по направленію къ рѣкѣ и, вдругъ, я увидѣлъ на краю отмели около воды какую-то длинную тѣнь. Тигръ! мелькнуло у меня въ головѣ. Не спуская глазъ съ звѣря, я потянулся за ружьемъ, но, какъ на грѣхъ, оно не попадалось мнѣ подъ руку. Дальше случилось, что то похожее на суматоху. Толкнувъ Загурскаго, я схватилъ винтовку. Стрѣлокъ съ просонья толкнулъ собаку. Альпа испугалась и бросилась въ другую сторону и сѣла на голову Туртыгину. Въ это мгновение я выстрѣлилъ. Животное, стоявшее на отмели, издало короткій отрывистый звукъ, похожій на храпъ, и бросилось въ воду, затѣмъ быстро взобралось на противоположный берегъ и исчезло въ кустахъ.

Сна какъ не бывало. На биванѣ поднялся шумъ. Голоса людей смѣшались съ лаемъ собакъ. Каждый старался разсказать, что онъ видѣлъ. Загурскій говорилъ, что видѣлъ набана, а Туртыгинъ спорилъ и доказывалъ, что это былъ медвѣдь. Собаки отбѣгали отъ костра, лаяли, но тотчасъ же возвращались обратно. Только передъ разсвѣтомъ онѣ немного успокоились.

Часа черезъ два темное небо начало синѣть. Можно было уже разсмотрѣть противоположный берегъ и буреломъ на рѣкѣ, нанесенный водою. Мы пошли на то мѣсто, гдѣ видѣли звѣря. На песокъ около воды были ясно видны отпечатки большой кошачьей лапы. Очевидно, тигръ долго бродилъ около бивака съ намѣреніемъ чѣмъ нибудь поживиться, но собаки почуяли его и забили въ палатку.

Тигръ (*Felis tigris longipilis* Fitz.), обитающій въ Уссурийскомъ Краѣ, крупнѣе своего индійскаго собрата. Длина его тѣла вмѣстѣ съ хвостомъ равна 9—10 футамъ, высота $3\frac{1}{2}$ —4 футамъ при вѣсѣ въ 12—15 лудовъ. Окраска шерсти такая же пестрая, какъ и у южнаго тигра, но встрѣчаются иногда экземпляры, блѣдно окрашенные, съ рѣдкими и тусклыми полосами. Тигръ—животное чрезвычайно красивое. Основной цвѣтъ его шерсти ржаво-желтый, испещренный черными полосами. На груди, шеѣ и переднихъ лапахъ онъ расположенъ рѣже, а на спинѣ, крупѣ и на заднихъ ногахъ выражены особенно ярко. Голова пестрая, баненбардовѣнъ; брюхо бѣлое. Такая окраска является для тигра вполне защитной. Когда онъ бѣжитъ по тайгѣ, среди вустарниковъ, лишенныхъ листьвы, чер-

ный, желтый и бѣлый цвѣта сливаются и звѣрь принимаетъ однотонную суро-сѣрую окраску. Осенью среди оранжево-красныхъ виноградниковъ и сухихъ желтыхъ папортниковъ, въ которыхъ есть не мало почернѣвшихъ старыхъ листьевъ, тигра трудно увидѣть даже на близкомъ растояніи. Возможно, что при болѣе тщательныхъ изслѣдованіяхъ длинношерстный тигръ окажется родственникомъ пещернаго тигра, обитавшаго когда-то въ Европѣ. Тогда Уссурійскій Край можно считать его родиной. Животное это чрезвычайно любитъ заѣззать въ пещеры. Лѣтомъ мнѣ часто приходилось видѣть въ нихъ тигровыя сдѣды и перегрызанныя кости. Тигръ мало обращаетъ вниманія на климатическія условія страны. Ему не страшны ни снѣгъ, ни холодъ. Онъ держится тамъ, гдѣ гуще заросли и гдѣ достаточно есть корма—главнымъ образомъ, козь, набановъ и оленей. Въ Уссурійскомъ Краѣ онъ обитаетъ въ южной части страны; на побережьѣ моря граница его распространенія доходитъ до мыса Гилянъ. Затѣмъ онъ встрѣчается по всей долинѣ р. Уссури и ея притокамъ и по р. р. Мухеню, Пихцѣ, Анию и Хунгари, впадающихъ въ Амуръ съ правой стороны. Одиночныя экземпляры заходятъ еще дальше на востокъ и на сѣверъ. Если корма достаточно, тигръ не трогаетъ домашній скотъ; только крайняя нужда заставляетъ его приближаться къ селеніямъ и нападать на человѣка. Особенно старательно тигры охотятся за собаками.

Я вспомнилъ Дерсу. Онъ говорилъ мнѣ, что тигръ не боится огня и смѣло подходит къ бивану, если на немъ тихо. Сегодня мы имѣли случай въ этомъ убѣдиться. За утреннимъ чаемъ мы еще разъ говорили о ночной тревогѣ и затѣмъ стали собирать свои котомки.

Сразу съ бивака мы повернули вправо и пошли по няючюу въ горы. Подъемъ былъ продолжительный и трудный. Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ растительность становилась скуднѣе. Лѣсные великаны теперь остались назади. Въмѣсто нихъ появились корявый дубокъ, манчжурская рябина (*Sorbus aucuparia* L.) съ голыми вѣтками и слабо опущенными листьями, желтая береза (*Betula Ermani*. Cham.) съ мохнатой корой, висящей по стволу лохмотьями, рододендроны (*Rhododendron dauricum* L.) съ кожистыми, иногда зимующими листьями и бѣлая ясеница (*Dictamnus albus* L.). Туртыгинъ съѣлъ около одного такого куста и сталъ закуривать трубку. Едва онъ чирнулъ спичку, какъ окружающія кустъ эфирныя масла вспыхнули съ шумомъ безцвѣтнымъ пламенемъ. Это понравилось стрѣлкамъ и они стали устраивать такіе фейерверки около каждаго куста. Наконецъ, я остановилъ ихъ, прося побережъ спички. Если непривычный человѣкъ въ безвѣтренный жаркій день попадетъ въ заросли этого растенія, съ нимъ можетъ сдѣлаться дурно: такъ много оно выделяетъ изъ себя эфирнаго масла.

Отсюда начинался подъемъ на хребетъ. Я взялъ направленіе по отрогу, покрытому осыпями. Интересно наблюдать, какъ приспособляются деревья, растущія на камняхъ. Кажется, будто они сознательно ищутъ землю и посылаютъ къ ней корни по кратчайшему направленію. Черезъ часъ мы вступили въ область произростанія шховъ и лишайниковъ.

Откуда эти тайнобрачные добывают влагу? Вода въ камняхъ не задерживается, а между тѣмъ мхи растутъ пышно. На ощупь они чрезвычайно влажны. Если мохъ выжать руной, изъ него капаетъ вода. Отвѣтъ на заданный вопросъ намъ дать туманъ. Онъ то и есть постоянный источникъ влаги. Мхи получаютъ воду не изъ земли, а изъ воздуха. Такъ какъ въ Зауссурійскомъ Краѣ лѣтомъ и весною туманныхъ дней несравненно больше, чѣмъ солнечныхъ, то пышное развитіе мховъ среди осыпей становится вполне понятнымъ.

Но вотъ и мхи остались озади. Теперь начались гольцы. Это не значитъ, что камни, составляющіе осыпи на вершинахъ горъ, голыя. Они покрыты лишаями, которые тоже питаются влагой изъ воздуха. Смотря по времени года, они становятся или сухими такъ, что легко растираются пальцами руки въ порошокъ, или дѣлаются мягкими и влажными. Изъ отмершихъ лишайниковъ образуется тонкій слой почвы, на немъ вырастаютъ мхи, а затѣмъ уже травы и кустарники.

Когда мы поднялись на вершину хребта, утренняя мгла разсѣялась и открылся великолѣпный видъ во всѣ стороны. Внизу протекала рѣка Садагоу. Сверху хорошо было видно, какъ она извивалась по лѣсу и блестяла на солнцѣ. На сѣверѣ высилась Тазовская Гора, которую мы должны были обогнуть. На юго-западѣ видѣлся лѣсистый бассейнъ р. Пхуэуна(87), на юго-востокѣ—море, а на западѣ—еще какія то горы. Разобраться въ нихъ не всякій сумѣетъ. Для этого нуженъ большой опытъ. Знакомыя вершины мѣняютъ свои очертанія до неузнаваемости. Напр. Столовая гора, если смотрѣть на нее по направленію продольной оси, кажется острымъ пикомъ. Тазовская гора служила намъ прекраснымъ ориентировочнымъ пунктомъ. Это дало мнѣ возможность взять вѣрное направленіе.

Въ полдень я подалъ знакъ къ остановкѣ. Хотѣлось пить, но нигдѣ не было воды. Спускаться въ долину было далеко. Поэтому мы рѣшили перетерпѣть жажду, отдохнуть немного и идти дальше. Стрѣлки растянулись въ тѣни скалъ и скоро уснули. Вѣроятно, мы проспали довольно долго, потому что солнце перемѣстилось на небѣ и заглянуло за камни. Я проснулся и посмотрѣлъ на часы. Было три часа по полудни—слѣдовало теропиться. Всѣ знали, что до воды мы дойдемъ только къ сумернамъ. Дѣлать нечего, оставалось запастись терпѣніемъ.

Хребетъ, въ которому мы теперь шли, состоялъ изъ ряда голыхъ вершинъ, поднимающихся одна надъ другою въ восходящемъ порядкѣ. Впереди, верстахъ въ двѣнадцати, перпендикулярно къ нему шель другой такой же хребетъ. Въ составъ послѣдняго съ правой стороны входила уже извѣстная намъ Тазовская гора. Надо было достигнуть узла, гдѣ соединились оба хребта и оттуда начать спускъ въ долину р. Садагоу.

День, какъ на грѣлкѣ, выпалъ тихій, безвѣтренный; жара стояла невыносимая. Одинъ разъ мы попробовали было спуститься съ хребта за водою. Воды не нашли, но зато на обратномъ подъемѣ такъ измучились, что

87) Пу-суи—Обширный кедровникъ.

болѣе уже не предѣльвали этого опыта. Взбираясь на вершины, мы каждый разъ надѣялись по ту сторону ихъ увидѣть что—нибудь такое, что предвѣщало бы близость воды, но каждый разъ наденда эта смѣнялась разочарованіемъ. Впереди, кромѣ голыхъ безжизненныхъ осыпей, ничего не было видно. Будь это не осыпи, будь сналы, всетаки можно бы разсчитывать найти какую нибудь щель, наполненную дождевой водою. Но, что найдешь среди камней, въ беспорядкѣ наваленныхъ другъ на друга? Люди шли молча; опустивъ головы и высунувъ изо рта длинные языки, тихононько за ними плелись собаки.

Въ горахъ разстоянія очень обманчивы. Мы шли цѣлый день, а горный хребетъ, служащій водораздѣломъ между р. р. Садагоу и Сыдагоу, какъ будто тоже удалялся отъ насъ. Мнѣ очень хотѣлось дойти до него, но вскорѣ я увидѣлъ, что сегодня намъ это сдѣлать не удастся. День приближался къ концу; солнце стояло почти у самаго горизонта.

Нагрѣтые за день камни сильно излучали теплоту. Только свѣжій вѣтеръ могъ принести прохладу.

Передъ нами высилась еще одна высокая гора. Надо было ее «взять» во чтобы то ни стало. На всѣ окрестныя горы легла вечерняя тѣнь, только одна эта сопка еще была озарена солнечными лучами. Послѣдній подъемъ былъ очень труденъ. Раза три мы сажались и отдыхали, потомъ опять поднимались и черезъ силу карабкались вверхъ.

Когда мы достигли вершины горы, солнце уже успѣло сѣсть. Отблески вечерней зари еще нѣкоторое время играли въ облакахъ, но они скоро стали затягиваться дымкой вечерняго тумана.

Опасеніе, что къ сумеркамъ мы не найдемъ воды, придало всѣмъ энергію. За горой была глубокая сѣдловина и около нея выемка, покрытая низкорослой древесной растительностью. Мы стали спускаться въ эту ложбину. Чѣмъ скорѣе мы найдемъ воду, тѣмъ меньше завтра будемъ тратить усилій на обратное восхожденіе на хребетъ. Поэтому, спускаясь внизъ, всѣ внимательно, прислушивались. Вскорѣ наша ложбина приняла видъ оврага. На днѣ его густо росли трава и кустарники, любящіе влагу. Отъ сѣдловины мы уже спустились саженъ на двѣсти, а воды все еще не было видно. Вдругъ, ухо мое уловило глухой шумъ подъ землею. Солдатики сбросили котомки и стали разбирать камни, но вода оказалась далеко. Тогда мы перешли ниже саженъ на сто и принялись опять копать въ землѣ. На этотъ разъ труды наши увѣчались успѣхомъ: вода была найдена. Первымъ дѣломъ всѣ бросились утолять жажду, но вода была такъ холодна, что ее пить можно было только маленькими глотками съ перерывами.

Когда Туртыгинъ развелъ огонь, я принялся осматривать ручей. Температура воды была $+0,9$ С. Я просунулъ руку въ образовавшееся отверстіе и вынулъ оттуда нѣсколько камней, покрытыхъ концентрическими слоями льда. Льду было такъ много, что камки казались въ него вмерзшими. Мѣстами ледъ достигалъ мощности десяти сантиметровъ.

Нѣсколько разъ стрѣлки принимались варить чай.—Пили его передъ земъ, какъ ставить палатку, потомъ пили послѣ того, какъ она была поста-

елена и еще разъ пили передъ сномъ. Послѣ ужина все тотчасъ уснули. Биванъ охраняли однѣ собаки.

Слѣдующій день былъ такой же душный и жаркій, какъ и предыдущій. Въ Уссурійскомъ Краѣ лѣтнія жары всегда бываютъ очень влажными. Причина этого—муссонъ, приносящій сырость съ моря.

Дерновой покровъ и громадное количество отмершаго листа на землѣ задерживаютъ значительную часть влаги, не давая ей скатываться въ долины. Днемъ, когда пригрѣетъ солнце, эта влага начинаетъ испаряться до полного насыщенія воздуха.

Этимъ объясняются вечернія и утреннія росы, которыя бываютъ такъ обильны, что смачиваютъ растительность точно дождемъ. При сравнительно высокой лѣтней температурѣ и обилии поливки, климатъ Уссурійскаго Края могъ бы быть весьма благопріятенъ для садоводства, но страшная сухость и сильные вѣтры зимою губительно вліяютъ на садовыя растенія и не позволяютъ имъ развиваться нормально.

Влажные жары сильно истомляютъ людей и животныхъ. Влага осѣдаетъ на лицо, руки и одежду, бумага становится вонхою⁽⁸⁸⁾ и перестаетъ шуршать, сахаръ рассыпается, соль и мука слипаются въ комки, табанъ не курится; на тѣлѣ часто появляется тропическая сыпь.

Часа два прошло пока мы опять достигли водораздѣла. Теперь начался спускъ. Горы, окаймляющія истоки р. Сандагоу, также обезлѣсены пожарами. Обыкновенно послѣ перваго пала остаются сухостои, второй пожаръ подтачиваетъ ихъ у корня, они падаютъ на землю и горятъ, пока ихъ не залыетъ дождемъ. Третій пожаръ уничтожаетъ эти послѣдніе остатки, и только одна поросль около пней указываетъ на то, что здѣсь былъ когда то большой лѣсъ. Съ исчезновеніемъ лѣсовъ, получается свободный доступъ солнечнымъ лучамъ къ землѣ, а это въ свою очередь сказывается на развитіи травяной растительности. На горѣлыхъ мѣстахъ всегда растутъ буйныя травы, превышающія ростъ человека. Итти по такимъ зарослямъ, заваленнымъ буреломомъ, всегда очень трудно.

Спускъ съ хребта былъ не легче подъема. Люди часто падали и больно ушибались о нащипы и сучья валежника. Мы спускались по высохшему ложу какого-то ручья и опять долго не могли найти воды. Рывины, ямы, гряды камней, заросли чортова дерева, мошна и жара дѣлали эту часть пути очень тяжелой.

Послѣ полудня мы вышли, наконецъ, къ рѣкѣ Сандагоу. Въ руслѣ ея не было ни капли воды. Отдохнувъ немного въ тѣни кустовъ, мы пошли дальше и только къ вечеру могли утолить мучившую насъ жажду. Здѣсь въ глубокой ямѣ было много мальмы (*Salvelinus alpinus malma* Wal) ⁽⁸⁹⁾. Загурскій и Туртыгинъ безъ труда наловили ее столько, сколько хотѣли. Это было какъ разъ истати, потому что взятое съ собой удовольствіе приходило къ концу.

88) Мѣстное выраженіе, означающее—сырой, влажный на ощупь, но не мокрый

89) Рыба, весьма похожая на горную форель.

Въ верхней части рѣки Сандагоу слагается изъ двухъ рѣкъ—Малой Сандагоу, имѣющей истоки у Тазовской горы, и Большой Сандагоу, берущей начало тамъ же, гдѣ и р. Эрлдагоу (притокъ Вай-Фудина). Мы вышли на вторую рѣчку почти въ самыхъ ея истокахъ. Пройдя по ней двѣ—три версты, мы остановились на ночлегъ около ямы съ водою на краю размытой террасы. Ночью снова была тревога. Опять какой-то звѣрь приближался къ бивану. Собаки страшно беспокоились. Загурскій два раза стрѣлялъ въ воздухъ и криками отогналъ звѣря.

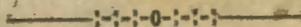
Слѣдующій день былъ воскресный. Пользуясь тѣмъ, что вода въ рѣкѣ была только кое гдѣ въ углубленіяхъ, мы шли прямо по ея руслу. Въ средней части Сандагоу растутъ такіе же хорошіе лѣса, какъ и на р. Сыдагоу. Всюду видѣлись звѣриныя слѣды.

Въ одномъ мѣстѣ рѣка дѣлаетъ большую петлю. Солдаты шли впереди, а я немного отсталъ отъ нихъ. За поворотомъ стрѣлки увидели на протокѣ пятнистыхъ оленей—телка и самку. Загурскій стрѣлялъ и убилъ матку. Телокъ не убѣжалъ; онъ остановился и недоумѣвающе смотрѣлъ, что люди дѣлаютъ съ его матерью и почему она не встаетъ съ земли. Я велѣлъ его прогнать. Трижды прогоняли телка солдаты и трижды онъ возвращался назадъ. Пришлось поугаать его собаками.

Бивакомъ мы встали на мѣстѣ охоты. Часть мяса мы рѣшили взять съ собой, а остальное передать китайцамъ.

За ночь погода испортилась. Утро грозило дождемъ. Мы спѣшно собрали свои котомки и къ полудню дошли до утеса, около котораго Кашлевъ караулитъ тигровъ. Мѣсто это представляетъ изъ себя тѣснину, между скалой и глубокой протокой, не замерзающей даже зимою. Здѣсь постоянно ходятъ тигры, выслѣживающіе кабановъ, а за ними въ свою очередь охотится Кашлевъ.

Пройдя отъ скалы еще пять верстъ, мы дошли до первой земледѣльческой фанзы и указали китайцамъ, гдѣ можно найти оленья мясо. Къ вечеру мы дошли до р. Вай-Фудина, а еще черезъ двое сутокъ возвратились въ Постъ Св. Ольги.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ НА Р. АРЗАМАСОВКЪ.

ПРИТОКИ РЪКИ АРЗАМАСОВКИ. КИТАЕЦЪ ЧЕ-ФАНЪ. ПЕЩЕРЫ. ПТИЦЫ ДРЕВЕСНЫЯ И КУСТАРНИКОВЫЯ ПОРОДЫ ВЪ ЛѢСУ. ОХОТА НА КАБАНОВЪ. ЗАБЛУДИЛСЯ. ДОЖДЬ. ОПАСНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ. УСЛУГА ОКАЗАННАЯ ЛѢШИМЪ. ТРОПА. УПАДОКЪ СИЛЬ. ОГОНЬ. ЧУЖОЙ БИВАКЪ. МУРЗИНЪ. ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Начиная съ 7 іюля погода снова стала портиться. Все время шли дожди съ вѣтромъ. Воспользовавшись нерогодой, я занялся вычерчиваніемъ маршрутовъ и обработкой путевыхъ дневниковъ. На эту работу ушло трие сутокъ. Покончивъ съ ней, я сталъ собираться въ новую экскурсію на р. Арзамасовку. А. И. Мерзлякову было поручено произвести съемку Масафуновой и Кабаньей Пади, а Г. И. Гранатманъ взялся произвести рекогносцировку въ направленіи Арзамасовна—Тадушу.

15-го іюля, рано утромъ, я выступилъ въ дорогу, взявъ съ собою троихъ казановъ: Мурзина, Эпова, и Кожевникова. Ночевали мы въ селѣ Пермскомъ, а на другой день пошли дальше.

Р. Арзамасовка по китайски называется Да-дунъ-гоу⁹⁰). Она длиною верстъ сорокъ, шириною около устья сажень пятьдесятъ и глубиною по руслу 6—7 футовъ. Долина ея вначалѣ узкая, но выше, послѣ впаденія р. Кабаньей, значительно расширяется. Въ настоящее время всѣ китайскія и туземныя названія уже утрачены. Пермскіе крестьяне передѣляли ихъ по своему. Со стороны Пади Широкой въ долину Арзамасовки выдвигаются мощныя рѣчныя террасы, мѣстами сильно размытыя. Здѣсь въ горахъ много осыпей. Своимъ сѣрымъ цвѣтомъ они рѣзко выдѣляются изъ окружающихъ ихъ растительности.

Интересною особенностью Арзамасовскихъ горъ, находящихся противъ Пади Широкой, будетъ однообразіе ихъ формъ. Представьте себѣ нѣсколько трехгранныхъ пирамидъ, положенныхъ на бокъ другъ около друга, основаніями въ долину, а вершинами къ водораздѣлу. Трехгранные углы ихъ будутъ возвышенностями, а углубленія между ними—распадинами. Треугольныя основанія ихъ по отношенію къ долинамъ находятся подъ угломъ градусовъ въ шестьдесятъ.

Частыя и сильныя наводненія въ долинѣ Вай-Фудина принудили Пермскихъ крестьянъ искать мѣста, болѣе удобныя для земледѣлія, гдѣ либо въ сторонѣ. Естественно, что они прежде всего обратили вниманіе на Да-дунъ-гоу.

Отъ зал. Св. Ольги въ долину Арзамасовки есть два пути. Одинъ идетъ черезъ село Пермское, а другой—по рѣчкѣ Поддѣваловкѣ, названной такъ

90) Да-дунъ-гоу—Большая восточная долина.

потому, что послѣ дождей на размытой дорогѣ образуется много ям—ловушекъ. Дорога эта выходитъ какъ разъ противъ Пади Широкой. Последняя представляетъ изъ себя дѣйствительно широкую долину, по которой протекаетъ маленькая рѣчка. Выше ея въ долину Арзамасовки входятъ три пади: Колывайская, Угловая и Лиственничная. По нимъ можно выйти на р. Хулухай, впадающую въ заливъ Св. Владиміра. Перевалы черезъ невысокіе горные хребты состоятъ изъ цѣлаго ряда коническихъ сопокъ, слагающихся изъ известняковъ.

Въ первый день мы дошли до фанзы китайца Че-фана. По единогласному свидѣтельству всѣхъ Пермскихъ и Фудинскихъ крестьянъ китаецъ этотъ отличается удивительной добротой. Когда впервые у нихъ воднениями размыло пашни, онъ пришелъ къ нимъ на помощь и далъ сѣмяна для новыхъ поствовъ. Всякій, у кого была какая нибудь нужда, шелъ къ Че-фану и онъ никому ни въ чемъ не отказывалъ. Если-бы не Че-фанъ, переселенцы ни за что не поднялись бы на ноги. Многіе эксплуатировали его доброту и, не смотря на это, онъ никогда не являлся къ обидчикамъ въ качествѣ кредитора. При насъ одинъ изъ крестьянъ пріѣхалъ къ нему просить конопли для веревокъ.

Возьми, коротко отвѣтилъ китаецъ, и указалъ рукой на амбаръ.

Мужикъ полѣзъ туда, досталъ коноплю, напихалъ ее въ мѣшокъ, сколько могъ, и уѣхалъ обратно.

Въ настоящее время Че-фанъ почти разорился и думаетъ оставить Уссурійскій Край и уѣхать къ себѣ на родину.

Утромъ на слѣдующій день я пошелъ осматривать пещеры въ известковыхъ горахъ съ правой стороны Арзамасовки противъ устья р. Угловой. Ихъ двѣ: одна вверху на горѣ, прямая, похожая на шахту. Длина ея около 50 сажень, высота отъ 8 до 16 футовъ. Другая пещера находится внизу на склонѣ горы. Она спускается внизъ колодцемъ сажень на пять, затѣмъ идетъ наклонно подъ угломъ въ 100. Раньше это было русло подземной рѣки. Длина второй пещеры около 60 сажень, ширина и высота неравномѣрны; то она становится узкой съ боковъ и высокой, то, наоборотъ, низкой и широкой. Дно пещеры завалено камнями, свалившимися сверху, вслѣдствіе этого въ ней нѣтъ сталактитовъ. Такъ какъ эти обвалы происходятъ всюду и равномерно, то пещера какъ бы перемѣщается въ вертикальномъ направленіи.

Какъ и во всѣхъ такихъ пещерахъ въ ней было много летучихъ мышей съ большими ушами (*Myotis ikonnikovi*. Ogn.) и бѣлыхъ комаровъ-долгоножекъ (*Tipula* Sp.).

Когда мы окончили осмотръ пещеръ, наступилъ уже вечеръ. Въ фанзѣ Че-фана зажгли огонь. Я хотѣлъ было ночевать на улицѣ, но побоялся дождя. Че-фанъ отвелъ мнѣ мѣсто у себя на канѣ. Мы долго съ нимъ разговаривали. На мои вопросы онъ отвѣчалъ охотно, зря не болталъ, говорилъ искренно. Изъ этого разговора я вынесъ впечатлѣніе, что онъ дѣйствительно хорошій, добрый человекъ, и рѣшилъ по возвращеніи въ гор. Хабаровскъ хлопотать о награжденіи его чѣмъ нибудь за ту ши-

рокую помощь, какую онъ въ свое время оказывалъ русскимъ переселенцамъ.

Передъ разсвѣтомъ съ моря потянулъ туманъ. Онъ медленно взбился по сѣдловинамъ въ горы. Можно было ждать дождя. Но вотъ, взошло солнце и туманъ сталъ разсѣиваться. Такое превращеніе пара изъ состоянія конденсаціи въ состояніе нагрѣтое, невидимое, въ Уссурійскомъ Краѣ всегда происходитъ очень быстро. Не успѣли мы согрѣть чай, какъ отъ морского тумана не осталось и слѣда; только мокрые кустарники и трава еще свидѣтельствовали о недавнемъ его нашествіи.

15 и 16-ое июля я посвятивъ осмотру рѣки Угловой и Лиственичной. Р. Угловая (Нандунгау) въ верховьяхъ слагается изъ трехъ горныхъ ручьевъ. По ней можно выйти на р. Мокрушу (нижній правый притокъ Хулухая). Наносная иловатая почва въ этой долинкѣ чрезвычайно плодородна. Сопки, защищающія ее отъ губительныхъ морскихъ вѣтровъ, покрыты лѣсомъ. Среди листовенныхъ породъ кое-гдѣ мелькаютъ одиночные недръ. Зато съ подвѣтренной стороны онѣ почти совершенно оголены отъ растительности. Въ самой долинкѣ растутъ: низкорослый корявый дубъ, похожій скорѣе на кустъ, чѣмъ на дерево, дуплистая липа, черная береза; около рѣки—тальникъ, вязъ и ольха, а по солнцепекамъ—лепестецъ, таволга, калина, орѣшникъ, полынь, трясникъ, виноградъ и полевая горошекъ.

Достигнувъ водораздѣла, мы повернули на сѣверъ и пошли вдоль хребта къ истокамъ рѣки Лиственичной. Печальную картину представляетъ изъ себя этотъ хребетъ съ чахлою растительностью по склонамъ и съ гольцами по гребню. Сейчасъ же за переваломъ высится высокая куполообразная гора, которую мѣстные жители называютъ «Борисовой плѣшиной». Относительная высота этой горы надъ истоками р. Лиственичной равняется 225½ футамъ. Спускъ съ водораздѣла, медленный и пологіи къ Ардмасовкѣ, становится крутымъ въ сторону рѣки Хулухая. Въ верховьяхъ рѣки Лиственичная (Сяо-дунъ-гоу) состоитъ изъ двухъ рѣчекъ одинаковой величины. Лѣвая сторона ея покрыта листовеничнымъ лѣсомъ, отъ котораго она и получила свое названіе; правая—рѣдколѣсьемъ изъ дуба и березы. Последняя является господствующей и составляетъ болѣе 70% всей древесной растительности.

Изъ крупныхъ четвероногихъ, судя по тѣмъ слѣдамъ, которые я видѣлъ на землѣ, тутъ водились кабаны, изюбри, пятнистые олени и динія козы. Два раза мы стрѣляли по нимъ, но неудачно.

Птиць тутъ было также очень много. По воздуху безъ шума носились два азіатскихъ канюка. Они все время гонялись другъ за другомъ. Одинъ старался другого ударить сверху, съ налета, но послѣдній ловко увертывался отъ него. Верхняя птица по инерціи пронесилась мимо, а нижняя подымалась вверхъ, такъ что потомъ нельзя уже было разобрать, которая изъ нихъ была нападающей и которая обороняющейся. Потомъ канюки спустились въ траву и, распутивъ крылья, продолжали бой на землѣ. Лѣшій спугнулъ ихъ. Птицы поднялись на воздухъ и на этотъ разъ разлетѣлись въ разныя стороны. Около каменистыхъ осыпей въ оди-

ночку держались необщительные каменные дрозды. Они шаркали по камням, прятались въ щеляхъ и неожиданно появлялись гдѣ нибудь съ другой стороны. При малѣйшемъ намекѣ на опасность, они поспѣшно старались скрыться въ кустарникахъ и среди россыпей. Въ другомъ мѣстѣ я замѣтилъ мухоловокъ. Онѣ легко ловили на лету насекомыхъ и тань были заняты своимъ дѣломъ, что совершенно не замѣчали людей и собакъ и даже не обращали вниманія на ружейные выстрѣлы. Въ высокой густой травѣ то и дѣло встрѣчались длинхвостыя камышевки. Имъ тутъ и жѣсто. Онѣ лазили по тростникамъ, садились на кусты, бѣгали по землѣ. У нихъ была каналъ то боязнъ открытыхъ мѣстъ, лишенныхъ растительности. Одна изъ этихъ птичекъ вылетѣла было на дорогу, но, вдругъ, какъ-бы чего-то испугавшись, мѣтнулась назадъ, и тогда только успокоилась, когда опять сѣла на камышинку. Около горнаго ключа между сухими кочками собака моя выгнала какую-то птицу. Я выстрѣлилъ и убилъ ее. Это оказался восточный горный дупель. Потомъ я замѣтилъ камчатскую черную трясогузку—граціозную и наивную птичку. Она не выражала страха передъ человѣкомъ, бѣгала около воды и что то клевала на берегу.

17 июля ушло на осмотръ рѣки Арзамасовни. Истоки ея находятся какъ разъ противъ верховьевъ рѣки Сибегоу, входящей въ бассейнъ р. Тудушу. Въ верхней части своего теченія р. Арзамасовна течетъ въ меридіональномъ направленіи и по пути принимаетъ въ себя рѣчку Мѣнную, потомъ Лиственичную, а немного ниже—еще двѣ рѣчки съ правой стороны, которыя мѣстные крестьяне называютъ «Фальипади» (отъ китайскаго слова Фалу, что значитъ олень). Отсюда Арзамасовна поворачиваетъ къ югу и сохраняетъ это направленіе до конца. По пути она забираетъ воду съ правой стороны изъ рѣки Вымойной, которая въ свою очередь принимаетъ въ себя р. р. Сальную, Клышную и Судновую. Эта послѣдняя имѣетъ притоками справа: р. р. Форточкину, Сухую, Комфоркину и слѣва—Прострѣльную. Въ долинѣ р. Сальной можно наблюдать весьма интересныя образованія. Вода, стекающая съ горы, по узкимъ ложбинамъ выноситъ массы песку и щебня. По выходѣ въ долину матеріалъ этотъ складывается въ большіе конусы, которые тѣмъ больше, чѣмъ длиннѣе и глубже ущелье. Вѣроятно, конусы эти нарастаютъ періодически, во время сильныхъ ливней, потому что только масса быстро двигающейся воды способна переносить столь крупныя обломки горной породы.

Дойдя до истоковъ р. Арзамасовки, мы поднялись на водораздѣлъ и шли нѣкоторое время горами въ юго-западномъ направленіи. Въ этомъ районѣ преобладающими горными породами будутъ известняки. Въ контактахъ ихъ съ массивно кристаллическими породами встрѣчаются богатая цинковыя и серебро-свинцовыя руды.

Въ сумерки съ моря снова потянулъ туманъ. Я опасался, какъ бы спать не испортилась погода, но на наше счастье слѣдующій день былъ хотя и пасмурный, но сухой.

Изъ новыхъ древесныхъ породъ въ этихъ мѣстахъ я замѣтилъ: пекленъ *Acer Pseudo Sieboldianum* (Pax.)—небольшое стройное де-

рево съ красно-коричневою корою и съ звѣздообразно разѣтченными листьями, затѣмъ—сибирскую яблоню (*Pirus baccata* L.), дающую очень желніе плоды, похожіе скорѣе на ягоды, чѣмъ на яблоки. Медвѣди особенно любятъ ими лакомиться. Около рѣчки росли: душистый осоноръ (*Populus snaveolens* Fisch.) съ приземистымъ ежволотомъ и съ узловатыми вѣтвями, рядомъ съ нимъ—вѣчно трепещущая осина (*Populus tremula* L.), а на галешниновыхъ отмеляхъ, какъ бамбуковый лѣсъ—тонноствольные тальники (*Salix acutifolia* Willd.). На скалахъ около ручья пріютилась японская черемуха (*Prunus glandulifolia* Max. et Rupr.)—полукустъ — полудерево и камчатская дафінія (*Daphne Kamtschatica* Max.) съ свѣтло-сѣрою корою и съ красными ягодами. Дальше виднѣлась амурская сирень (*Syringa amurensis* Rupr.)—основной элементъ манчжурской флоры—крупный кустарникъ съ сѣрою корою; а по опушкамъ—выющаяся діоскорейя (*Dioscorea quinqueloba* L.) растеніе раздѣльнолоное, причѣмъ мужскіе экземпляры отличаются отъ женскихъ не только цвѣтами, но и листвою.

Землистая, сильно избитая, лишенная растительности, тропа привела насъ къ Сихотэ-Алиню. Скоро она раздѣлилась. Одна пошла въ горы, а другая направилась нуда то по правому берегу Лиственичной. Здѣсь мы устроились. Рѣшено было, что двое изъ насъ пойдутъ на охоту, а остальные останутся на бивакѣ.

Лѣтомъ охота на звѣря возможна только утромъ на разсвѣтѣ и въ сумерки до темноты. Днемъ звѣрь лежитъ гдѣ нибудь въ чащѣ, и найти его трудно. Поэтому, воспользовавшись свободнымъ временемъ, мы растянулись на травѣ и заснули.

Когда я проснулся, первое, что бросилось мнѣ въ глаза, это отсутствіе солнца. На небѣ появились слоистыя облака, и на землю, какъ будто, спустились сумерки. Было четыре часа. Можно было собираться на охоту. Я разбудилъ казаковъ, они обулись и принялись грѣть воду.

Послѣ чая мы съ Мурзинымъ взяли свои ружья и разошлись въ разныя стороны. На всякій случай я захватилъ съ собою на поводокъ Лѣшаго. Вскорѣ я нашель набановъ и началъ ихъ слѣдить. Дикія свинья шли не останавливаясь и на ходу все время рыли землю. Судя по числу слѣдовъ, ихъ было, вѣроятно, больше двадцати. Въ одномъ мѣстѣ видно было, что кабаны перестали копаться въ землѣ и бросились вразсыпную. Потомъ они опять сошлись вмѣстѣ. Я уже хотѣлъ было прибавить шагу, какъ, вдругъ, то, что я увидѣлъ, заставило меня оглянуться. Около лужи на грязи былъ свѣжій отпечатокъ тигровой лапы. Я ясно представилъ себѣ, какъ шли кабаны, и какъ слѣдомъ за ними крался тигръ. Не вернуться ли назадъ, подумаль я, но тотчасъ же взялъ себя въ руки и осторожно двинулся впередъ.

Теперь дикія свиньи пошли въ гору, потомъ спустились въ сосѣднюю падь. Оттуда по ребу опять стали подниматься вверхъ, но, не дойдя до вершины, круто повернули въ сторону и снова спустились въ долину. Я такъ увлеченъ преслѣдованіемъ ихъ, что совершенно забылъ о томъ, что

надо осматриваться и запоминать мѣстность. Все вниманіе мое было поглощено кабанами и слѣдами тигра. Такъ прошелъ я еще около часа.

Нѣскольکو мелкихъ капель, упавшихъ сверху, заставили меня остановиться: началъ накрапывать дождь. Сперва онъ немного только поморосилъ и пересталъ. Минуту черезъ десять онъ опять попрыскалъ и снова пересталъ. Перерывы эти дѣлались короче, а дождь сильнѣе и, наконецъ, онъ полилъ какъ слѣдуетъ.

Пора возвращаться на бивакъ, подумалъ я, и сталъ осматриваться, но за лѣсомъ ничего не было видно. Тогда я поднялся на одну изъ ближайшихъ сопокъ, чтобы ориентироваться.

Кругомъ, насколько хваталъ глазъ, все небо было покрыто тучами; только на крайнемъ западномъ горизонтѣ виднѣлась узенькая полоска вечерней зари. Облака двигались къ западу. Значить, рассчитывать на то, что погода разгуляется, не приходилось. Горы, которыя я теперь увидѣлъ, показались мнѣ незнакомыми. Куда идти? Я понялъ свою ошибку. Я слишкомъ увлекся кабанами и слишкомъ мало удѣлил вниманія окружающей обстановкѣ. Идти назадъ по слѣдамъ было немислимо. Ночь застигла бы меня раньше, чѣмъ я успѣлъ бы пройти и половину дороги. Тутъ я вспомнилъ, что я, какъ ненурящій, не имѣю спичекъ. Расчитывая къ сумеркамъ вернуться на бивакъ, я не захватилъ ихъ съ собою. Это была вторая ошибка. Я два раза выстрѣлилъ на воздухъ, но не получилъ отвѣтныхъ сигналовъ. Тогда я рѣшилъ спуститься въ долину и, пока возможно, идти по теченію воды. Была маленькая надежда, что до темноты я успѣю выбраться на тропу. Не теряя времени, я сталъ спускаться внизъ. Лѣшій покорно ползлея сзади.

Какъ бы ни былъ малъ дождь въ лѣсу, онъ всегда вымочитъ до послѣдней нитки. Каждый кустъ и каждое дерево собираютъ дождевую воду на листьяхъ и крупными каплями осыпаютъ путника съ головы до ногъ. Скоро я почувствовалъ, что одежда моя намочка.

Черезъ полчаса въ лѣсу стало темно. Уже нельзя было отличить яму отъ камня, колодникъ отъ земли. Я сталъ спотыкаться. Дождь усилился и пошелъ ровный и частый. Пройдя съ версту, я остановился, чтобы перевести духъ. Собака моя тоже промокла. Она сильно встряхнулась и стала тихонько визжать. Я снялъ съ нее поводокъ. Лѣшій только и ждалъ этого. Встряхнувшись еще разъ, онъ побѣжалъ впередъ и тотчасъ скрылся съ глазъ. Чувство полного одиночества охватило меня. Я сталъ оклинять его, но напрасно. Простоявъ еще минуты двѣ, я пошелъ въ ту сторону, куда побѣжала собака.

Когда идешь по тайгѣ днемъ, то обходишь колодникъ, кусты и заросли. Въ темнотѣ же всегда, какъ нарочно, залѣзешь въ самую чащу. Оттуда то берутся сучья, которые то и дѣло цѣпляются за одежду, пелзучія растенія срываютъ головной уборъ, протягиваются къ лицу и опутываютъ ноги.

Быть въ лѣсу, наполненномъ дикими звѣрями, безъ огня, во время ненастья—жутно. Сознанье своей безпомощности заставляло меня идти осторожно и прислушиваться къ каждому звуку. Нервы были напряжены

до крайности! Шелестъ листьевъ, шумъ упавшей вѣтви, шорохъ пробегающей мыши, казались преувеличенными, заставляли круто поворачивать въ ихъ сторону, и стоило много труда сдерживать себя, чтобы не выстрѣлить.

Наконецъ, стало такъ темно, что въ глазахъ уже не было нужды. Я промокъ до костей; съ фуражки за шею текла вода ручьями. Пробираясь ощупью въ темнотѣ, я залѣзъ въ такой буреломъ, изъ котораго и днемъ то едва ли можно скоро выбраться. Нащупывая руками опрокинутыя деревья, вывороченные пни, камни и сучья, я ухитрился какъ то выйти изъ этого лабиринта. Я усталъ и съѣлъ отдохнуть, но тотчасъ почувствовалъ, что начинаю заблудиться. Зубы выстукивали дробь; я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Усталыя ноги требовали отдыха, а холодъ заставлялъ двигаться.

Залѣзъ на дерево! Эта глупая мысль всегда первой приходитъ въ голову заблудившемуся путнику. Я сейчасъ же отогналъ ее прочь. Дѣйствительно, на деревѣ было еще холоднѣе, и отъ неудобнаго положенія стали бы затекать ноги. Зарыться въ листья. Это не спасло бы меня отъ дождя, но кромѣ того на мокрой землѣ можно легко простудиться. Какъ я ругалъ себя за то, что не взялъ съ собой спичекъ. Я мысленно далъ себѣ слово на будущее время не отлучаться безъ нихъ отъ бивана даже на нѣсколько сажень.

Я сталъ карабкаться черезъ буреломъ и пошелъ куда то подъ откосъ. Вдругъ, съ правой стороны послышался трескъ ломаемыхъ сучьевъ и чье то порывистое дыханіе. Какой-то звѣрь бѣжалъ прямо мнѣ навстрѣчу. Сердце мое упало. Я хотѣлъ было стрѣлять, но винтовка, какъ на грѣху, дульной частью зацѣпилась за лѣаны. Я вскрикнулъ не своимъ голосомъ и въ этотъ моментъ почувствовалъ, что животное лизнуло меня по лицу... Это былъ Лѣшій.

Въ душѣ моей смѣшались два чувства: злоба къ собакамъ, что она меня такъ напугала, и радость, что она возвратилась. Лѣшій съ минуту повертѣлся около меня, тихонько повизжалъ и снова скрылся въ темнотѣ.

Съ неимовернымъ трудомъ я подвигался впередъ. Каждый шагъ стоилъ мнѣ большихъ усилий. Минуть черезъ двадцать я подошелъ къ обрыву. Гдѣ то глубоко внизу шумѣла вода. Разыскавъ ощупью большой камень, я столкнулъ его подъ кручу. Камень полетѣлъ по воздуху; я слышалъ, какъ онъ глубоко внизу упалъ въ воду. Тогда я круто свернулъ въ сторону и пошелъ вправо, въ обходъ опаснаго мѣста. Въ это время опять ко мнѣ приближалъ Лѣшій. Я уже не испугался его и поймалъ за хвостъ. Онъ осторожно взялъ зубами мою руку и сталъ тихонько визжать, какъ бы прося его не задерживать. Я отпустилъ его. Отбѣжавъ немного, онъ тотчасъ вернулся назадъ и тогда только успокоился, когда убѣдился что я иду за нимъ слѣдомъ. Такъ прошли мы еще съ полчаса.

Вдругъ, въ одномъ мѣстѣ я поскользнулся и упалъ, больно ушибивъ колѣно о камень. Я со стономъ опустился на землю и сталъ потирать больную ногу. Черезъ минуту приближала собака и съѣла рядомъ со мною. Въ темнотѣ я ее не видѣлъ—только ощущалъ ея теплое дыханіе. Когда

Боль въ ногѣ утихла, я поднялся и пошелъ въ ту сторону, гдѣ было не такъ темно. Не успѣлъ я сдѣлать и десяти шаговъ, какъ опять поскользнулся, потомъ еще разъ и еще. Тогда я сталъ ощупывать землю руками. Крикъ радости вырвался изъ моей груди! Это была тропа. Не смотря на усталость и боль въ ногѣ, я пошелъ впередъ. Теперь не пропаду, думалъ я, тропинка куда нибудь приведетъ. Я рѣшилъ идти по ней всю ночь до разсвѣта, но сдѣлать это было не такъ то легко. Въ полной темнотѣ я не видѣлъ дороги и ощупывалъ ее ногою. Поэтому движеніе мое было до крайности медленнымъ. Тамъ, гдѣ тропа терялась, я садился на землю и шарилъ руками. Особенно трудно было разыскивать ее на поворотахъ. Иногда я останавливался и ждалъ возвращенія Лѣшаго, и собака вновь указывала мнѣ потерянное направленіе. Часа черезъ полтора я дошелъ до какой то рѣчки. Вода съ шумомъ катилась по камнямъ. Я опустил въ нее руку, чтобы узнать направленіе теченія. Рѣчка бѣжала направо.

Перейдя въ бродъ горный потокъ, я сразу попалъ на тропу. Я ни за что не нашелъ бы ее, если-бы не Лѣшій. Собака сидѣла на самой дорогѣ и ждала меня. Замѣтивъ, что я подхожу къ ней, она повертѣлась немного на мѣстѣ и снова побѣжала впередъ. Въ темнотѣ ничего не было видно, слышно было только, какъ шумѣла вода въ рѣкѣ, шумѣлъ дождь и шумѣлъ вѣтеръ въ лѣсу. Тропа вывела меня на другую дорогу. Теперь являлся вопросъ, куда итти, вправо или влѣво. Обдумавъ немного, я сталъ ждать собаку, но она долго не возвращалась. Тогда я пошелъ вправо. Минуть черезъ пять появился Лѣшій. Собака бѣжала мнѣ навстрѣчу. Я нагнулся къ ней. Въ это время она встряхнулась и всего меня обдала водою. Я уже не ругался, погладилъ ее и пошелъ слѣдомъ за нею.

Итти стало немного легче; тропа меньше кружила и не такъ была завалена буреломомъ. Въ одно мѣстѣ пришлось еще разъ переходить въ бродъ рѣчку. Перебираясь черезъ нее, я поскользнулся и упалъ въ воду, но отъ этого одежда моя не стала мокрѣе.

Наконецъ, я совершенно выбился изъ силъ и сѣлъ на пень. Руки и ноги болѣли отъ занозъ и ушибовъ, голова отяжелѣла, вѣки закрывались сами собою. Я сталъ дремать. Мнѣ грезилось, что гдѣ то далеко между деревьями мелькаетъ огонь. Я сдѣлалъ надъ собою усиліе и открылъ глаза. Было темно; холодъ и сырость пронизывали до костей. Опасаясь, чтобы не простудиться, я вскочилъ и началъ топтаться на мѣстѣ, но въ то время опять увидѣлъ свѣтъ между деревьями. Я рѣшилъ, что это галлюцинація. Но вотъ огонь появился снова. Сонливость моя разомъ пропала. Я бросилъ тропу и пошелъ прямо по направленію огня. Когда ночью передъ глазами находится свѣтъ, то нельзя опредѣлить, близко онъ или далеко, низко или высоко надъ землею. Онъ просто находится гдѣ то въ пространствѣ.

Черезъ четверть часа я подошелъ настолько близко къ огню, что могъ рассмотреть все около него. Прежде всего я увидѣлъ, что это не нашъ бивакъ. Меня поразило, что около костра не было людей. Уйти съ бивака ночью во время дождя они не могли. Очевидно, они спрятались за деревьями. Мнѣ стало жутко. Итти къ огню или нѣтъ?—Хорошо, если это

ЗАЛИВЪ СВ. ВЛАДИМИРА.

Р. ОЛЬГА. НОЧЕВКА ОКОЛО КИТАЙСКОЙ ФАНЗЫ. Р. ВЛАДИМИРОВКА.
ГЕОЛОГІЯ ЗАЛИВА. КИТАЙСКІЕ МОРСКІЕ ПРОМЫСЛЫ. ОСЬМИНОГЪ.
Р. ХУЛУХАЙ.

Пока я былъ на р. Арзамасовнѣ, изъ Владивостока прибыли давно жданные грузы. Это было какъ разъ кстати. Скрестности залива Св. Ольги были уже осмотрѣны и надо двигаться дальше. 24—25 іюля прошли въ сборахъ. За это время лошади отдохнули и оправились. Конское снаряженіе и одежда людей были въ порядкѣ, запасы продовольствія пополнены.

Дальнѣйшій планъ работъ былъ намѣченъ слѣдующимъ образомъ: Г. И. Гранатману было поручено пройти горами между р. Арзамасовкой и р. Сибеогу (притокъ р. Тадушу), а А. И. Мерзляковъ долженъ былъ обойти р. Арзамасовку съ другой стороны. Въ верховьяхъ Тадушу мы должны были встрѣтиться. Я съ остальными людьми намѣтилъ себѣ путь по побережью моря къ заливу Св. Владиміра. Мои товарищи выступили въ походъ 26 іюля утромъ, а я—28 числа послѣ полудня.

День выпалъ хорошей и теплой. По небу громоздились массы кучевыхъ облаковъ. Сквозь нихъ прорывались солнечные лучи и свѣтлыми полосами ходили по воздуху. Они отражались въ лужахъ воды, играли на камняхъ, въ листвѣ ольшанниковъ и освѣщали то одинъ склонъ горы, то другой. Издали доносились удары грома.

Заливъ Св. Владиміра и заливъ Св. Ольги расположены рядомъ въ разстояніи 45 верстъ другъ отъ друга. По срединѣ между ними проходитъ небольшая горный кряжъ, высотой въ среднемъ около 800 фут., съ наивысшими точками въ 1500 фут., служащій водораздѣломъ между рѣчкой Ольгой (12 верстъ) и рѣчкой Владимировкой (8 верстъ), впадающей въ заливъ того же имени. Обѣ рѣчки текутъ по широкимъ продольнымъ долинамъ (Далматскій типъ берега по Рихтгофену), отдѣленнымъ отъ моря невысокимъ горнымъ хребтомъ, который начинается у мыса Шкота (Заливъ Св. Ольги) и тянется до мыса Ватовснаго (заливъ Св. Владиміра). Направленіе этой складки можно прослѣдить и дальше на сѣверъ.

Рѣка Ольга состоитъ изъ двухъ рѣчекъ одинаковой величины со множествомъ мелкихъ притоковъ, отчего долина ея кажется въ видѣ широкой размытой котловины. Раньше жители Поста Св. Ольги сообщались съ заливомъ Св. Владиміра по тропѣ, проложенной китайскими охотниками. Во время Русско-Японской войны въ 1905 году въ заливъ Св. Владиміра разбился крейсеръ «Изумрудъ». Для того, чтобы имущество съ корабля перевезти въ постъ Ольги, была построена колесная дорога. Съ того времени между обоими заливами установилось правильное сообщеніе.

Гроза прошла стороной, и послѣ полудня небо очистилось. Солнце такъ ярко свѣтило, что, казалось, будто всѣ предметы на землѣ сами издаютъ свѣтъ и тепло. День былъ жаркій и душный.

Сумерки спустились на землю раньше, чѣмъ мы успѣли дойти до перевала. День только что кончился. Съ востока, отсюда то издалека, изъ за моря, точно синій туманъ, надвигалась ночь. Яркія зарницы по минутно вспыхивали на небѣ и освѣщали кучевыя облака, столпившіяся на горизонтѣ. Въ сторонѣ шумѣлъ горный ручей, въ травѣ неумолкаемымъ гомономъ трещали кузнечики.

Я уже хотѣлъ подать сигналъ къ остановкѣ, какъ, вдругъ, одинъ изъ казаковъ сказалъ, что видитъ огонь. Дѣйствительно, маленькій огонекъ видѣлся въ сторонѣ около лѣса, шагахъ въ трехстахъ отъ дороги. Мы пошли туда. Это была китайская фанза. Собака своимъ лаемъ извѣстила хозяевъ о нашемъ приближеніи. Два китайца вышли намъ навстрѣчу. Въ улыбкахъ и поклонахъ ихъ были страхъ и покорность, заискиваніе и гостеприимство. Китайцы предлагали мнѣ лечь у нихъ въ фанзѣ, но ночь была такъ хороша, что я отказался отъ ихъ приглашенія и съ удовольствіемъ расположился у огня вмѣстѣ съ солдатами.

Обыкновенно послѣ долгой стоянки, первый бивакъ всегда бываетъ особенно оживленнымъ. Всѣ полны силъ и энергіи, всего вдоволь, всѣ чувствуютъ, что наступаетъ новая жизнь, всякому хочется что то сдѣлать... Опять у стрѣлковъ появилась гармоника. Веселые голоса, шутки, смѣхъ, разносились далеко по долиноѣ.

Стояла китайская фанзочка много лѣтъ въ тиши, слушая только шумъ воды въ ручьѣ, и, вдругъ, все кругомъ наполнилось пѣнями и веселымъ смѣхомъ. Китайцы вышли изъ фанзы, тоже развели небольшой огонекъ въ сторонѣ, сѣли на корточки и молча стали смотрѣть на людей, такъ неожиданно пришедшихъ и нарушившихъ ихъ покой. Мало по малу пѣсни солдатъ стали затихать. Казаки и стрѣлки послѣдній разъ напильсь чаю и начали устриваться на ночь.

Я спалъ плохо, раза два просыпался и видѣлъ китайцевъ, сидящихъ у огня. Кругомъ стояла удивительная тишина. Только время отъ времени доносились ржаніе какой то безпокойной лошади и собачій лай. Но потомъ все стихло. Я завернулся въ бурку и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Передъ солнечнымъ восходомъ пала на землю обильная роса. Кое гдѣ въ горахъ еще тянулся туманъ. Онъ словно боялся солнца и старался спрятаться въ глубокія лоцины. Я проснулся раньше другихъ и сталъ будить команду.

Распростившись съ китайцами, мы тронулись въ путь. Я заплатилъ имъ за дрова и овощи. Манзы пошли было насъ провожать, но я настоялъ на томъ, чтобы они возвратились обратно. Часовъ въ девять утра мы перевалили черезъ водораздѣлъ и спустились въ долину рѣки Владимировки.

На этомъ маршрутѣ слѣдуетъ отмѣтить весьма интересныя золотыя образованія въ видѣ гладко обточенныхъ столбовъ, шарообразныхъ глыбъ,

покоющихся на небольшихъ пьедесталахъ, въ видѣ выпуклостей съ перетяжками, овальныхъ углубленій и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ поражаютъ своею оригинальностью. Однѣ глыбы похожи на звѣрей, другія—на колонны, третьи—на людей и т. д. Образованія эти заслуживаютъ особаго вниманія потому еще, что вблизи нигдѣ нѣтъ песковъ, которые играютъ въ такихъ случаяхъ роль шлифовальнаго матеріала. Высокій горный хребетъ, служащій водораздѣломъ между р.р. Ольгой и Владиміровкой, спускается къ морю мысами и состоитъ изъ песчанниковъ, конгломератовъ и сѣрыхъ ваккъ.

Рѣчка Владиміровка имѣетъ видъ обыкновеннаго горнаго ручья, протекающаго по болотистой долинкѣ, окаймленной сравнительно высокими горами.

Къ вечеру отрядъ нашъ дошелъ до ея устья и расположился бивакомъ на берегу моря.

Въ сумерки на западѣ слышны были раскаты грома. Мы стали ставить палатки, но опасенія наши оказались напрасными. Гроза опять прошла стороною. Однако, насъ смутило другое явленіе. Какъ только погасла вечерняя заря, звѣзды начали меркнуть и небо стало заволакиваться не то тучами, не то туманомъ. Прохладный вѣтерокъ тянулъ съ суши на море, а мгла вверху шла въ обратномъ направленіи. Это бризы. Въ августѣ и сентябрѣ на берегу моря ихъ можно наблюдать почти ежедневно. На разсвѣтѣ небо кажется сѣрымъ. Туманъ неподвижно лежитъ надъ землею въ полгоры. Когда же солнце подымется надъ горизонтомъ градусовъ на пятнадцать, онъ приходитъ въ движеніе, начинаетъ клубиться и снова ползетъ къ морю, сначала медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе. Сперва это насъ безпокоило. Все казалось что будетъ дождь. Потомъ мы привыкли къ этому явленію и уже болѣе не обращали на него вниманія.

Весь слѣдующій день былъ посвященъ осмотру залива Св. Владиміра. Китайцы называютъ его Хулувай (отъ словъ Ху-лу, что означаетъ круглая тыква (горлянка) и вай—заливъ или бухта). Нѣкоторые русскіе вмѣсто Хулувай говорятъ Фалуай и производятъ его отъ китайскаго слова «Фалу», что значить пятнистый олень. Это совершенно неправильно.

Заливъ Св. Владиміра (45 гр. 53 мин. С. Ш. и 135 гр. 37 мин. В. Д. отъ О-ва Ферро—астр. пунктъ находится на мысѣ Орѣхова) представляетъ изъ себя огромный водоемъ глубиною до 6 саж., обставленный со всѣхъ сторонъ гранитными горами высотой съ среднемъ около 750 фут. Онъ значительно больше залива Св. Ольги и состоитъ изъ трехъ частей: сѣверо-западной—большой, юго-восточной—меньшей и средней—самой маленькой. Со стороны открытаго моря заливъ этотъ оаймленъ двумя гористыми полуостровами: Валузена и Ватовскаго. Третій полуостровъ, Рудановскаго, находится въ срединѣ залива. Изъ упомянутыхъ полуострововъ наибольшимъ будетъ южный — Ватовскаго. Видно, что они еще недавно были подъ водою и на поверхность поднялись въ новѣйшій періодъ.

Вокруг залива Св. Владиміра, около устьевъ, впадающихъ въ него рѣчекъ, находится цѣлый рядъ небольшихъ озерновъ съ опрѣсненной водою. Эти озера и окружающіе ихъ болота свидѣтельствуютъ о томъ, что заливъ раньше глубже вдавался въ материкъ. Потомъ вода была оттѣснена и суша сдѣлала кое-гдѣ захваты. Самое большое озеро—южное. Оно величиною около $1\frac{1}{2}$ кв. версты и глубиною отъ 10 до 20 фут. Вслѣдствіе того, что черезъ него проходитъ рѣка, оно быстро мелѣетъ. Два озера съ соленою водою, на перешейкахъ около полуострововъ, тоже живые свидѣтели того недавняго прошлаго, когда полуострова эти были еще островами. Морской прибой постарался соединить ихъ съ материнкомъ. Теперь уже можно предсказать и будущее Залива Св. Владиміра. Море медленно отступаетъ. Современемъ оно закроетъ входъ въ заливъ и превратитъ его въ лагуну; лагуна станетъ выполняться наносами рѣкъ, обмелѣетъ и превратится въ болото. По низинѣ пройдетъ рѣка и всѣ рѣчки, впадающія теперь въ заливъ самостоятельно, сдѣлаются ея притоками.

Растительность въ окрестностяхъ залива Св. Владиміра еще болѣе скудная, чѣмъ около Поста Св. Ольги. Склоны горъ, обращенные къ морю, совершенно голые. Въ долинахъ берега рѣкъ, какъ бордюромъ, окаймлены ельхой (*Alnus hirsuta* Turcz.) и тальниками (*Salix philicidolia* L.). Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ деревья подвержены вліянію морскихъ вѣтровъ, сиѣ низкорослы и имѣютъ жалкій видъ. Во всякой лоцинкѣ, которая защищена отъ вѣтра, развивается растительность болѣе пышная, чѣмъ на склонахъ, обращенныхъ къ морю. Такимъ образомъ по растительности можно судить о преобладающихъ вѣтрахъ въ данной мѣстности и указать, гдѣ находится море.

При входѣ въ заливъ Св. Владиміра съ лѣвой стороны ниже мыса Орѣхова можно видѣть каную то торчащую изъ воды безформенную массу. Это крейсеръ «Изумрудъ», выскочившій на мель и взорвавшій себя въ 1905 году. Грустно смотрѣть на эту развалину. Что можно было, то съ «Изумруда» сняли, перевезли въ постъ Св. Ольги и отправили въ горы Владивостока—остальное разграбили китайцы.

На берегахъ залива мы нашли нѣсколько промысловыхъ фанзъ. По кучкамъ около нихъ можно было сназать, чѣмъ занимались ихъ обитатели. Въ одномъ мѣстѣ было навалено много створокъ большого гребешка (*Pecten maximus*).

Нѣкоторыя кучи уже покрылись слоемъ земли и обросли травою. Это были своего рода маленькіе «киекенмединги», Китайцы берутъ у моллюсковъ только одни мускулы, соединяющіе створни раковинъ, и въ сухомъ видѣ отправляютъ ихъ въ городъ. В Китаѣ этотъ продуктъ цѣнится очень дорого, какъ гастрономическое лакомство.

Около другой фанзочки были нагромождены груды панцирей крабовъ (*Paralithodes camtschatica* Tilesins), высохшихъ и покраснѣвшихъ на солнцѣ. Тутъ же на циновкахъ сушилось мясо, взятое изъ когъ и клещей животныхъ.

Слѣдующая фанзочка принадлежала капустоловамъ, а рядомъ съ ней янулись навѣсы изъ травы, подъ которыми сушилась морская капуста

(*Laminaria Saccharina*). Здѣсь было много народу. Одни китайцы особыми крючьями доставали ее со дна моря, другіе сушили капусту на солнцѣ, наблюдая за тѣмъ, чтобы она высохла ровно настолько, чтобы не стать ломкой и не утратить своего зеленовато-бураго цвѣта. Наконецъ, третья группа китайцевъ была занята увязываніемъ капусты въ пучки и укладкой ее подъ навѣсы.

Идя вдоль берега моря, я издали видѣлъ, какъ у противоположнаго берега въ полосѣ мелководья по колѣно въ водѣ съ шестью въ рунахъ бродили китайцы. Они были такъ заняты своимъ дѣломъ, что замѣтили насъ только тогда, когда мы подошли къ нимъ вплотную. Раздѣтые до пояса и въ штанахъ, засученныхъ по колѣно, китайцы осторожно двигались въ водѣ и что-то высматривали на днѣ моря. Иногда они останавливались, тихонько опускали въ воду свои палки и что-то выбрасывали на берегъ. Это оказался съѣдобный ракушникъ (*Mytilus edulis* Lin.). Палки, которыми работали китайцы, имѣли съ одной стороны небольшую сѣточку въ видѣ ковшика, а съ другой—желѣзный крюченъ. Увидѣвъ двухстворчатку, манза отрывалъ ее багромъ отъ камней, а затѣмъ вынималъ сѣточкой. Китайцы на берегу сейчасъ же опускали ихъ въ котелъ съ горячею водою. Умирая, моллюски сами раскрывали раковины. Тогда при помощи ножей вынималось ихъ содержимое и заготовлялось впрокъ продолжительнымъ кипяченіемъ.

Китайцы далеко разбрелись по берегу по одному и по два человака. Я сѣлъ на камни и сталъ смотрѣть въ море. Вдругъ слѣва отъ меня раздались какіе-то крики. Я повернулся въ ту сторону и увидѣлъ, что въ водѣ происходила борьба. Китайцы старались палками выбросить какое-то животное на берегъ, наступали на него, въ то же время боялись его и не хотѣли упустить. Я побѣжалъ туда. Животное, съ которымъ боролись китайцы, оказалось большимъ осьминогомъ (*Octopus* Sp.). Своими сильными руками онъ цѣплялся за камни, иногда махалъ ими по воздуху, затѣмъ вдругъ стремительно бросался въ одну какую нибудь сторону, видимо, съ намѣреніемъ прорваться къ открытому морю. Въ это время на помощь прибѣжало еще три китайца.

Огромный осьминогъ былъ настолько близко къ берегу, что я могъ его хорошо рассмотреть. Я затрудняюсь сказать, какого онъ былъ цвѣта. Окраска его постоянно мѣнялась, то она была синеватая, то красная, то ярко-зеленая, то сѣрая и даже желтоватая. Чѣмъ ближе китайцы подвигали моллюска на мель, тѣмъ безпомощнѣе онъ становился. Наконецъ, манзы вытащили его на берегъ. Это былъ огромный мѣшокъ съ головой, отъ которой отходили длинныя руки, унизанныя множествомъ присосковъ. Когда онъ подымалъ вверхъ сразу двѣ три руки, можно было видѣть его большой чернѣея клювъ. Иногда этотъ клювъ сильно выдвигался впередъ, иногда совсѣмъ втягивался внутрь, и на мѣстѣ его оставалось только небольшое отверстие. Особенно интересны были его глаза. Трудно найти другое животное, у котораго глаза такъ напоминали бы человѣчскіе.

Мало по малу движенія осьминога становились медленнѣе; по тѣлу его начали пробѣгать судороги, окраска стала блѣкнуть и наружу все больше и больше стала выступать одинъ общій фиолетово-сѣрый цвѣтъ.

Наконецъ, животное успокоилось настолько, что къ нему явилась возможность подойти безъ опаски. Я смѣрилъ его. Этотъ представитель головоногихъ былъ чрезвычайно большихъ размѣровъ. Мѣшокъ съ внутренностями былъ длиною 2 фута 8 дюймовъ. Турбинный аппаратъ, при помощи котораго двигается животное, находился спереди около головы, немного сбоку. Голова моллюска имѣла большіе размѣры въ ширину, чѣмъ въ длину, и равнялась 11 дюймамъ. Роговой клювъ, донельзя напоминающій клювъ попугая, былъ трехъ съ половиной дюймовъ по наружной кривизнѣ и два дюйма, если мѣрить его сбоку. Руки осьминога были 4 фута 2 дюйма длиною и толщиною около головы, 5 дюймовъ въ окружности. Пневматическіе присоски, которыми была устьяна вся внутренняя сторона рукъ, около головы имѣли размѣры трехкопеечной монеты, а на концѣ—величиной въ серебряныя пятакъ.

Этотъ интересный экземпляръ осьминога былъ достоинъ помѣщенія въ любой музей, но у меня не было подходящей посуды и достаточнаго количества формалина, поэтому пришлось ограничиться только кускомъ его ноги. Этотъ обрѣзокъ я положилъ въ одну банку съ раковинами раковъ отшельниковъ. Вечеромъ, когда я сталъ разбирать содержимое банки, то къ своему удивленію не нашелъ двухъ раковинъ. Оказалось, что онѣ были глубоко засосаны обрѣзкомъ ноги спрута. Значитъ, присоски ея дѣйствовали нѣкоторое время и послѣ того, какъ она отрѣзана и положена въ банку съ формалиномъ.

Осмотръ морскихъ промысловъ китайцевъ и охота за осьминогомъ заняли почти цѣлый день. Незамѣтно подошли сумерки и пора было подумать о бивакѣ. Я хотѣлъ было идти назадъ и разыскивать бивакъ, но узналъ, что люди мои расположились около устья рѣки Хулухая.

Вечеромъ китайцы угощали меня мясомъ осьминога. Они варили его въ котлѣ съ морскою водою. На видъ оно было бѣлое, на ощупь упругое и вкусомъ нѣсколько напоминало бѣлые грибы.

Слѣдующій день былъ посвященъ осмотру рѣки Хулухая. Рѣка эта длиною верстъ двадцать. Она течетъ въ меридіальномъ направленіи и впадаетъ въ заливъ Св. Владиміра съ сѣверной стороны. Около устья долина Хулухая сужена, но выше она расширяется. Высоты съ правой стороны имѣютъ рѣзко выраженный горный характеръ. Большинство ихъ покрыто осыпями. Съ лѣвой—тянутся широкія террасы, которыя дальше отъ рѣки переходятъ въ увалы, покрытые рѣдколѣсьемъ изъ липы, дуба и даурской березы. Съ этой стороны въ Хулухай впадаетъ нѣсколько ключей, которые во время дождей выносятъ въ долину много мусора и засоряютъ участки плодородной земли.

Изъ притоковъ Хулухая наибольшаго вниманія заслуживаетъ р. Тихій Ключъ, впадающая съ правой стороны. По этому ключу идетъ тропа на рѣку Арзамасовку. Ключъ этотъ вполнѣ оправдываетъ свое названіе. Въ немъ всегда царитъ тишина, свойственная мѣстамъ болотистымъ. Ра-

стительность по долине мелкорослая, редкая и состоит, главным образом, из белой березы и кустарниковой ольхи. Первые разбросаны по всей долине в одиночку и небольшими группами, вторые—образуют частые насаждения по берегам реки. Ориентировочным пунктом может служить здесь высокая скалистая сопка, называемая старожилыми крестьянами «Пятый Гребень». Гора эта входит в состав водораздела между р. Тапоузой и р. Хулухаемъ. Подъем на переваль в истоках р. Хулухая длинный и пологий, но спускъ къ реке Тапоузъ крутой. В пяти верстах от устья долина расширяется и становится удобной для заселения. Здесь расположились китайскія земледельческія фанзы. Ихъ немного—всего только пять. Ближайшая къ морю называется Сяо-чинза.

Цѣлый день я бродилъ по горамъ и къ вечеру, какъ разъ вышелъ къ этой фанзе. В сумерки одинъ изъ казаковъ убилъ кабана. Мяса у насъ было много и потому мы пѣдѣлились съ китайцами. Въ отвѣтъ на это хозяинъ фанзы принесъ намъ овощей и свѣжаго картофеля. Онъ предлагалъ мнѣ свою постель, но, опасаясь блохъ, которыхъ всегда очень много въ китайскихъ жилищахъ, я предпочелъ остаться на открытомъ воздухѣ.

Р. ТАДУШУ.

Р. ТАПОУЗА. ПРОИСХОЖДЕНІЕ НАЗВАНІЯ ТАДУШУ. НИЗОВЬЯ РЪКИ. ПРИТОКИ. ФАНЗА СІ-ЯНЬ. РАЗСКАЗЫ СТАРИКА - МАНЬЧЖУРА. НАСЕЛЕНІЕ.

Солнечный восходъ засталъ насъ въ дорогѣ.

Отъ залива Св. Владиміра на р. Тадушу есть два пути. Одинъ идетъ вверхъ по р. Хулухаю, потомъ по р. Талоузѣ и по р. Лисагоу (притокъ Тадушу); другой—(ближайшій къ морю)—ведетъ на р. Тапоузу, а затѣмъ горами—къ устью р. Тадушу. Я выбралъ послѣдній, какъ мало извѣстный.

Возвышенности между заливомъ Св. Владиміра и рѣкой Тапоузой состоятъ изъ кварцпорфироваго туфа съ включеніемъ обломковъ безкварцеваго и фельзитоваго порфира и смоляного камня.

Названіе Тапоуза есть искаженное китайское слово Дапао цзы (т. е. Большая лагуна). Дѣйствительно, рѣка Тапоуза впадаетъ не непосредственно въ море, а въ большое прибрежное озеро, имѣющее въ окружности около 10 верстъ. Озеро это отдѣлено отъ моря песчаной косою и соединяется съ нимъ небольшимъ рукавомъ. И здѣсь мы видимъ тотъ же процессъ выравниванія берега и отвоеванія сушей части территоріи, ранѣе захваченной моремъ.

По словамъ инородцевъ, въ прежніе годы въ этихъ мѣстахъ водилось много пятнистыхъ оленей. Тазы при помощи собакъ загоняли животныхъ въ озеро, гдѣ специально отряженные охотники караулили ихъ въ поднахъ. Загнанныхъ животныхъ били изъ самострѣловъ и кололи копьями.

Рѣка Тапоуза (по тазовски Каія) длиною въ 25 верстъ и течетъ параллельно р. Хулухаю. Собственно говоря, Тапоуза состоитъ изъ сліянія двухъ рѣкъ: самой Тапоузы и р. Чензагоу⁹¹). Горный хребетъ, выходящій мысомъ между двумя этими рѣчками, состоитъ изъ кварцеваго и полевошпатоваго порфира.

Заливъ Св. Владиміра соединяется съ долиной р. Тадушу пѣшеходною тропею. Ею можно пользоваться и для движенія съ вьючными обозами. Тропа начинается у р. Хулухая и идетъ по первому ближайшему къ морю ключику до перевала. Перейдя горы, она спускается въ долину р. Талоузы. Подъемъ на хребетъ и спускъ съ него—длинные и пологіе, поросшіе рѣдкимъ дубовымъ лѣсомъ. Среди деревьевъ есть много дуплистыхъ. На корѣ одного изъ нихъ казаки замѣтили слѣды зубовъ и ногтей. Это медвѣдь добывалъ медъ. Какіе-то проходившіе мимо охотники прогнали медвѣдя и затѣмъ сами доставали медъ такимъ же хищническимъ способомъ, какъ и звѣрь. Въ данномъ случаѣ люди недалеко ушли отъ медвѣдя.

91) Чанъ-цзы гоу—Долина съ городкомъ (валомъ).

За переваломъ дорога нѣкоторое время идетъ вверхъ по рѣкѣ Тапоузѣ, среди роскошнаго дубоваго лѣса. Здѣсь также развиты высокія рѣчныя террасы. Черезъ десять верстъ тропа переходитъ къ лѣвому краю долины и потомъ по маленькому ключику, не имѣющему названія, опять поднимается въ горы. Этотъ переваль немного выше предыдущаго. Подъемъ со стороны Тапоузы крутой, зато спускъ къ р. Тадушу—пологий. Дальше тропа идетъ по рѣкѣ Сяо-Поуза⁽⁹²⁾, почти совершенно обезлѣсенной. Сяо-Поуза впадаетъ въ рѣку Тадушу верстахъ въ двухъ отъ ея устья. Въ общемъ, пройденный нами въ этотъ день путь равнялся двадцати семи верстамъ и имѣлъ направленіе параллельное берегу моря.

Въ лѣсу попалось много слѣдовъ пятнистыхъ оленей. Вскорѣ мы увидѣли и самихъ животныхъ. Ихъ было три: самецъ, самка и теленокъ. Солдаты стрѣляли, но промахнулись, чему я былъ несказанно радъ, такъ какъ продовольствія у насъ было вдоволь, а время пантовки⁽⁹³⁾ давно уже миновало.

Тадушу!—Такъ вотъ, та самая рѣка, по которой первымъ прошелъ М. Венюковъ. Здѣсь китайцы преградили ему путь и потребовали, чтобы онъ возвратился обратно. При устьѣ Тадушу Венюковъ поставилъ большой деревянный крестъ съ надписью, что онъ здѣсь былъ въ 1857 году. Креста этого я нигдѣ не нашелъ. Вѣроятно, китайцы уничтожили его послѣ ухода русскихъ. Слѣдомъ за Венюковымъ Тадушу посѣтили Мансиминовичъ, Будичевъ и Пржевальскій.

Въ Уссурийскомъ Краѣ рѣки, горы и мысы на берегу моря имѣютъ различныя названія. Это произошло оттого, что инородцы называютъ ихъ по своему, китайцы—по своему, а русскіе въ свою очередь окрестили ихъ своими именами. Поэтому, чтобы избѣжать путаницы, слѣдуетъ тамъ, гдѣ живутъ китайцы, придерживаться названій китайскихъ; тамъ, гдѣ обитаютъ инородцы, не слѣдуетъ руководствоваться названіями, данными русскими. Послѣднія имѣютъ мѣсто только на картахъ и мѣстнымъ жителямъ совершенно неизвѣстны.

Разспросивъ китайцевъ о дорогахъ, я намѣтилъ себѣ маршрутъ вверхъ по рѣкѣ Тадушу черезъ хребетъ Сихотэ-Алинь, въ бассейнъ рѣки Ли-Фудзина и оттуда на р. Ното. Затѣмъ я полагаю по этой послѣдней спясть подняться до Сихотэ-Алиня и попытаться выйти на р. Тютихе. Если бы это мнѣ не удалось, то я могъ бы снова вернуться на Тадушу, гдѣ и дожидаться прихода Г. И. Гранатмана и А. И. Мерзлякова.

Р. Тадушу почему-то называется на однѣхъ картахъ Ли-фуле, на другихъ—Лэй-фынь-хе, что значитъ Ударъ Грома. Тазы (удэхейцы) называютъ ее Узи. Нѣкоторые ориенталисты пытаются слово Тадушу произвести отъ слова Дацзы (Тазы). Это совершенно невѣрно. Китайцы называютъ ее Да цзо шу (т. е. Большой Дубъ). Старожилы - манзы говорятъ, что дубъ этотъ росъ въ верховьяхъ рѣки около Сихотэ-Алиня. Дерево было дуплистое и такое большое, что внутри его могли свободно помѣстить-

92) Сяо пао-цзы—Малая заводь (загуна).

93) Охота за оленями въ началѣ дѣтя ради добычи пантовъ.

ся восемь человекъ. Искатели жень-шеня устроили въ немъ кумирню и все проходящія мимо люди молились Богу. Но вотъ однажды искатели золота остались въ немъ ночевать. Они вынесли кумирню наружу, сѣли въ дуплѣ и стали играть въ карты. Тогда Богъ послалъ жестокою грозю. Молнія ударила въ дерево, разбила его въ щепы и убила всехъ игроковъ на мѣстѣ. Отсюда и получились два названія Лэй-фынь-хе и Да цзо шу, впоследствіи искаженное.

Низовья рѣки Тадушу представляютъ изъ себя большую болотистую низину. Ранѣе это былъ большой заливъ. Устье рѣки находилось, немного выше того мѣста, гдѣ нынѣ расположена деревня Новотадушинская. Высокія террасы на берегу моря и карнизы по склонамъ горъ указываютъ на отрицательное движеніе береговой линіи и отступаніе моря. Не малую роль въ этомъ сыграла и самая рѣка, въ теченіе многихъ вѣковъ наносившая осадочный матеріалъ и откладываявшая его въ видѣ мощныхъ напластованій. Затѣмъ образовалась большая лагуна, отдѣленная отъ моря однимъ только валомъ. Озера, оставшіяся нынѣ среди болотъ,—это наиболѣе глубокія мѣста лагуны.

Склоны сосѣднихъ горъ почти совершенно голые. Только съ подвѣтренной стороны группами кое-гдѣ растутъ низкорослый дубъ и корявая черная береза.

Въ заводяхъ Тадушу осенью держится много красноперки, тайменя, кунжи, горбуши и нэты. Въ озерахъ есть караси и щуки.

Длина всей рѣки 68 верстъ. Протекаетъ она по типичной денудационной долинѣ, которая какъ бы слагается изъ ряда обширныхъ котловинъ. Особенно это замѣтно около ея притоковъ. Въ долинѣ р. Тадушу сильно развиты рѣчныя террасы. Онѣ тянутся все время то съ одной, то съ другой стороны почти до самыхъ истоковъ.

Если идти вверхъ по рѣкѣ, то въ послѣдовательномъ порядкѣ будутъ попадаться слѣдующіе притоки: съ лѣвой стороны (по теченію)—Дунгоу(94), Канхеза(95) и Цимухэ. По послѣдней идетъ тропа на р. Тютихе. Затѣмъ еще двѣ небольшихъ рѣчки: Либагоуза(96) и Дитагоуза(97) (съ сбѣихъ—перевалы на р. Динзахе). Справа маленькія рѣчки: Квандагоу(98) и Сюень-Лаза, потомъ слѣдуетъ Сяо-лися-гоу(99) и Да-Ляся гоу(100) съ перевалами на р. Тапоузу. Еще дальше—Юшангоу(101) съ скрытымъ устьемъ (перевалъ на р. Худухай) и Сибегоу(102) (перевалъ на Арзамасовку). Послѣдняя длиною 30 верстъ и состоитъ изъ двухъ рѣ-

94) Дунъ-гоу—Восточная долина.

95) Гань ха-цзы—Сухая рѣчка.

96) Лп ба гоу-цзы—Надъ съ изгородью для ловли въѣрѣй.

97) Ди та гоу-цзы—Надъ съ обваливающейся почвой.

98) Гуайъ дэ-гоу—Большая голая долина.

99) Сюе ли ся гоу—Малая нижняя грушевая долина.

100) Да ли ся гоу—Большая нижняя грушевая долина.

101) Ю шанъ гоу—Правая верхняя долина.

102) Си бэй гоу—Сѣверо-западная долина.

чень: Хисяза-гоу(103) и Цименсангоуза(104). У мѣста слиянія ихъ поселились всѣ тадушинскіе инородцы.

Нашъ путь лежалъ по лѣвому берегу рѣки. Тамъ, гдѣ ранѣе было древнее ея устье, тропа взбирается на гору и идетъ по карнизу. Отсюда стирывается великолѣпный видъ на востокъ—къ морю, и на западъ — вверхъ по долині. Слѣва характеръ горной страны выраженъ очень рѣзко. Особенно величественной кажется голая солка, которую мѣстные китайцы называютъ Дита-шань(105), а удэхейцы—Дита-Кямони, покрытая трахитовыми осыпями. По разсказамъ тазовъ, на ней раньше водилось много пятнистыхъ оленей, но теперь они почти всѣ выбиты. Внизу у подножья горы почти на самой тропѣ видны обнаженія бурого угля.

Изъ правыхъ притоковъ Тадушу интересна р. Лисягоу. Она длиною 12 верстъ; по ней проходитъ тропа на р. Арзамасовку. Подъемъ на переваль съ южной стороны пологій, зато спускъ въ долину Тадушу—крутой и очень живописный. Тропа здѣсь проложена по карнизу. Это слѣдъ старинной дороги, которая въ древнія времена проходила вдоль всего побережья моря и кончалась гдѣ-то у мыса Гилякъ. Само названіе р. Лисягоу показываетъ, что здѣсь много растеть грушевыхъ деревьевъ (*Pirus sinensis* Linde). Около устья рѣки Лисягоу въ долину Тадушу вдается горный отрогъ, соединяющійся съ сосѣдними горами глубокою сѣдловиной, отчего онъ кажется какъ бы отдѣльно стоящей сопкой. У подножья ея расположена богатая фанза Сіанъ, окруженная старыми осокорями.

День кончился. На землю спустилась ночная тѣнь. Скоро все должно было погрузиться въ мракъ.

Когда мы подходили къ фанзѣ, въ дверяхъ ея показался хозяинъ дома. Это былъ высокій старикъ, немного сутуловатый, съ длинною сѣдою бородою и съ благообразными чертами лица. Достаточно было взглянуть на его одежду, домъ и людскія, чтобы сказать, что живетъ онъ здѣсь давно и съ большимъ достаткомъ. Китаецъ привѣтствовалъ насъ по своему. Въ каждомъ движеніи его, въ каждомъ жестѣ сквозило гостепріимство. Мы вошли въ фанзу. Внутри ея было также все въ порядкѣ, какъ и снаружи. Я не раснаивался, что принялъ приглашеніе старика.

Вечеромъ послѣ ужина я сталъ его разспрашивать о р. Тадушу и о дорогѣ на Ли-Фудзинъ. Сначала онъ говорилъ неохотно, но потомъ оживился и, вспоминая старину, разсказалъ много интереснаго. Оказалось, что онъ былъ маньчжуръ, по имени Кинь-Чжу, родомъ изъ Нингута. На р. Тадушу онъ жилъ болѣе шестидесяти лѣтъ и уже собирался уѣхать на родину, чтобы тамъ схоронить свои кости. Послѣ этого онъ разсказалъ мнѣ о первыхъ годахъ своей жизни въ диной странѣ среди инородцевъ. Отъ этого маньчжура я впервые услышалъ интересное сказаніе о давно минувшемъ Уссурійскаго Края. То была междуусобная борьба между какимъ то царемъ Куань-Юномъ, жившемъ на р. Сучанъ и кня-

103) Хэй ся-цзы гоу—Медвѣжья долина.

104) Ци мынь со гоу—Долина семи разбросанныхъ дворовъ.

105) Ди та шань—Невысокая гора въ видѣ башни.

земь Чинь-я-тай-цзы изъ г. Нингута. Далѣ онъ говорилъ о битвѣ на р. Даубихе и на горѣ Коу-че-дын-цза (около Поста Св. Ольги). Старикъ говорилъ пространно и очень красиво. Слушая его, я совершенно перенесся въ то далекое прошлое и забылъ, что нахожусь на р. Тадушу. Но одинъ я увлекся его рассказами; я замѣтилъ, что въ фанзѣ всѣ китайцы притихли и слушали повѣствованіе старика. Далѣ онъ говорилъ о какой то страшной болѣзни, которая уничтожила почти все, оставшееся послѣ войны, населеніе. Тогда край впалъ въ запустѣніе. Первые китайцы, появившіеся въ Уссурійской тайгѣ, были искатели жень-шеня. Вмѣстѣ съ ними пришелъ сюда и онъ, Кинь-Чну. На Тадушу онъ заболѣлъ и сѣлся у инородцевъ, потомъ женился на инородческой женщинѣ и прожилъ съ тазами до глубокой старости.

Наконецъ, старикъ кончилъ: я очнулся и вновь увидѣлъ себя въ современной обстановкѣ. Въ фанзѣ было душно, я вышелъ на улицу подышать свѣжимъ воздухомъ. Небо было черное; звѣзды горѣли ярко и переливались всѣми цвѣтами радуги; на землѣ было тоже темно. Рядомъ въ конюшнѣ пофыркивали кони. Въ сосѣднемъ болотѣ стонала выпь; въ травѣ стрекотали кузнечики... Долго я сидѣлъ на берегу рѣки. Величавая тишина ночи и спокойствіе, царившее во всей природѣ, такъ гармонировали другъ съ другомъ. Я вспомнилъ Дерсу и мнѣ стало грустно. Я поднялся, пошелъ въ фанзу, легъ на приготовленную постель, но долго не могъ уснуть.

На другой день, распростившись съ старикомъ, мы пошли вверхъ по рѣкѣ. Погода намъ благопріятствовала. Несмотря на то, что небо было покрыто кучевыми облаками, силнце свѣтило ярко.

Верхняя половина долины Тадушу нѣсколько разнится отъ нижней. Внизу, какъ выше было сказано, она слагается изъ цѣлаго ряда большихъ котловинъ, а вверху становится похожей на продольную долину. Здѣсь она принимаетъ въ себя съ правой стороны маленькую рѣчку Чингоузу⁽¹⁰⁶⁾ съ тропой, ведущей къ тазовскимъ фанзамъ на р. Сибегоу, а съ лѣвой стороны будетъ большой притонъ Динзахе. Этотъ послѣдній длиннѣе и многоводнѣе, чѣмъ сама Тадушу и потому его надо бы считать главною рѣкою, а Тадушу притокомъ. О рѣкѣ Динзахе я буду говорить ниже подробнѣе.

На р. Тадушу живетъ много китайцевъ. Я насчиталъ девяносто семь фанзъ. Они живутъ здѣсь гораздо зажиточнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Уссурійскаго Края. Каждая фанза представляетъ изъ себя маленькій ханшинный⁽¹⁰⁷⁾ заводъ. Кромѣ того я замѣтилъ, что тадушинскіе китайцы одѣты чище и опрятнѣе и имѣютъ видъ здоровый и упитанный. Вокругъ фанзъ всюду видны огороды, хлѣбныя поля и обширныя плантаціи мака, засымаемаго для сбора опія.

Въ верхней части долины живутъ тазы. Они, какъ всегда, ютятся въ маленькихъ фанзочкахъ манзовскаго типа. Китайцы ихъ немилосерд-

106) Цинь гоу-памъ — Чистая долина.

107) Т. е. водочный, вивокуренный.

но эксплуатируютъ. Грязь въ жилищѣ, грязь въ одеждѣ и грязь на тѣлѣ являются источниками всяческихъ болѣзней и причиной ихъ вымирания. Китайцы приходятъ въ Уссурійскій Край одинокими и отбираютъ отъ инородцевъ женщинъ силою. Отъ этого брака получаютъ дѣти, которыхъ нельзя причислить ни къ китайцамъ, ни къ инородцамъ. Большая часть инородческаго населенія Южно-Уссурійскаго Края, въ томъ числѣ и на р. Тадушу, будутъ именно такіе нечистокровные тазы. Очень многіе изъ нихъ, и въ особенности женщины, курятъ опій. Это тоже является одной изъ главныхъ причинъ ихъ обѣднѣнія.

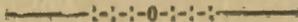
Табакъ курятъ всѣ, даже малые ребятишки. Мнѣ неоднократно приходилось видѣть дѣтей, едва умѣющихъ ходить, сосущихъ грудь матери и курящихъ трубку. Забавно было смотрѣть на малыша, котораго мать только что отогнала отъ груди. Это такъ сильно его обидѣло, что онъ горько заплакалъ, потомъ взялъ трубку, направился къ огню и сквозъ слезы сталъ раскуривать ее уголькомъ.

Долина р. Тадушу весьма плодородна. Большихъ наводненій въ ней не бываетъ. Даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ на короткомъ протяженіи впадаетъ въ нее сразу три сравнительно большихъ рѣки (Динзахе, Сибегоу и Юшангоу), вода немного выходитъ изъ береговъ, и то не надолго. Тадушу въ своемъ Ольгинскомъ районѣ является лучшимъ мѣстомъ для колонизаціи.

Горы въ средней части долины, выше тазовской фанзы Ся-Инга(108), слагаются изъ песчаниковъ и глинистыхъ сланцевъ съ многочисленными кварцевыми прослойками. Горный отрогъ, входящій острымъ клиномъ между р.р. Сибегоу и Тадушу, состоитъ изъ мелафира, порфирира и витрофира. Съ южной стороны его внизу выступаетъ обсидіанъ съ приматической отдѣльностью.

Здѣсь колесная дорога кончилась.

108) Сяо инъ-цзы—Малый лагерь.

ДЕРСУ УЗАЛА.

СУМЕРКИ И НЕНАСТЬЕ. БИВАКЪ НЕЗНАКОМЦА. ВСТРѢЧА. НОЧНАЯ БЕСѢДА. РЪЧНЫЯ ТЕРРАСЫ. ЛУДЕВАЯ ФАНЗА. ИСТОКИ ТАДУШУ. СИХОТЭ-АЛИНЬ. ПЕРЕВАЛЪ ВЕНЮКОВА. Р. ЛИ-ФУДЗИНЬ И Р. ДУНЬ-БЭЙ-ЦА.

Послѣ полудня погода стала замѣтно портиться. На небѣ появились тучи. Онѣ низко бѣжали надъ землею и задѣвали за вершины горъ. Картина сразу перемѣнилась: долина приняла хмурый видъ. Скалы, которыя были такъ красивы при солнечномъ освѣщеніи, теперь казались угрюмыми; вода въ рѣкѣ потемнѣла. Я зналъ, что это значитъ, велѣлъ ставить палатки и готовить побольше дровъ на ночь.

Когда всѣ бивачныя работы были закончены, стрѣлки стали проситься на охоту. Я посоветовалъ имъ не уходить далеко и пораньше возвращаться на бивакъ. Загурскій пошелъ по долинѣ р. Динзахе, Туртыгинъ — вверхъ по Тадушу, а я съ остальными людьми остался на бивакѣ.

Должно быть солнце скрылось за горизонтомъ, потому что, вдругъ, стало темно. Дневной свѣтъ нѣкоторое время еще спорилъ съ сумерками, но видно было, что ночь скоро возьметъ верхъ и завладѣетъ сперва землею, а потомъ и небесами.

Черезъ часъ Туртыгинъ возвратился и доложилъ мнѣ, что верстахъ въ двухъ отъ нашего табора у подножья скалистой сопки онъ нашелъ бивакъ накого то охотника. Этотъ человекъ разспрашивалъ его, кто мы такіе, куда идемъ, давно ли мы въ дорогѣ, и, когда узналъ мою фамилію, то сталъ спѣшно собирать свою котомку. Это извѣстіе меня взволновало.

Кто бы это могъ быть?

Солдатикъ говорилъ, что ходить туда не стоитъ, такъ какъ незнакомецъ самъ обѣщалъ къ намъ придти. Странное чувство овладѣло мною. Что то неудержимо влекло меня туда, навстрѣчу этому незнакомцу. Я взялъ свое ружье, крикнулъ собаку и быстро пошелъ по тропинкѣ.

Сразу отъ огня вечерній мракъ мнѣ показался темнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, но черезъ минуту глаза мои привыкли, и я сталъ различать тропинку. Луна только что нарождалась. Тяжелыя тучи быстро неслись по небу и поминутно закрывали ее собою. Казалось, луна бѣжала имъ навстрѣчу и точно проходила сквозь нихъ. Все живое кругомъ притихло; въ травѣ чуть слышно стрекотали кузнечики...

Обернувшись назадъ, я уже не видѣлъ огней на бивакѣ. Простоявъ съ минуту, я пошелъ дальше.

Вдругъ, собака моя бросилась впередъ и яростно залаяла. Я поднялъ голову и невдалекѣ отъ себя увидѣлъ каную-то фигуру.

Кто здѣсь? оклинулъ я.

И въ отвѣтъ на свой окликъ я услышалъ гозось, который заставилъ меня вѣдрогнуть.

Какой люди ходи?

Дерсу! Дерсу! закричалъ я радостно и бросился къ нему навстрѣчу.

Если бы въ это время былъ посторонній наблюдатель, то онъ увидѣлъ бы, какъ два человѣка схватили другъ друга въ объятья, словно хотѣли бороться. Не понимая, въ чемъ дѣло, моя Альпа яростно бросилась на Дерсу, но тотчасъ узяла его, и злобный лай ея смѣнился ласковымъ визжаніемъ.

Здравствуй, капитанъ! сказалъ гольдъ, оправляясь.

Откуда ты? Какъ ты сюда попалъ? Гдѣ былъ? Куда идешь?—засыпалъ я его своими вопросами.

Онъ не успѣвалъ мнѣ отвѣчать.

Наконецъ, мы оба успокоились и стали говорить, какъ слѣдуетъ.

Моя недавно Тадушу пришелъ, говорилъ онъ. Моя слыхалъ четыре напитана и двадцать солдатъ Ши-Мынъ (Постъ Св. Ольги) есть. Моя думай, надо туда ходи. Сегодня одинъ солдатъ посмотри, тогда все понимай.

Поговоривъ еще немного, мы повернули назадъ къ нашему бивану. Я шель радостный и веселый. И какъ было не радоваться: Дерсу былъ особенно мнѣ близокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы подошли къ бивану. Солдаты разступились и съ любопытствомъ стали разсматривать гольда.

Дерсу нисколько не измѣнился и не постарѣлъ. Одѣтъ онъ былъ по прежнему, въ кожаную куртку и штаны изъ выдѣланной оленьей кожи. На головѣ его была повязка и въ рукахъ—та же самая берданка, только сошки, какъ будто, новѣе.

Съ перваго же раза стрѣлки поняли, что мы съ Дерсу—старые знакомые. Онъ повѣсилъ свое ружье на дерево и тоже принялся меня разсматривать. По выраженію его глазъ, по улыбкѣ, которая играла на его губахъ, я видѣлъ, что и онъ доволенъ нашей встрѣчъ.

Я велѣлъ подбросить дровъ въ костеръ и согрѣть чай, а самъ принялся его разспрашивать, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ за эти три года. Дерсу мнѣ разсказалъ, что, разставшись со мною около озера Ханна, онъ пробрался на р. Ното, гдѣ ловилъ соболей всю зиму, весною перешелъ въ верховья р. Улахе, гдѣ охотился за пантами, а лѣтомъ отправился на Фудинъ къ горамъ Сяень-Лаза. Пришедшіе сюда изъ Поста Св. Ольги китайцы сообщили ему, что нашъ отрядъ направляется къ сѣверу по побережью моря. Тогда онъ пошелъ на Тадушу.

Солдаты не долго сидѣли у огня. Они рано легли спать, а мы остались вдвоемъ съ Дерсу и просидѣли всю ночь. Я живо вспомнилъ р. Лефу, когда онъ впервые пришелъ къ намъ на биванъ, и теперь опять, какъ и тотъ разъ, я смотрѣлъ на него и слушалъ его разсказы.

Сумрачная ночь близилась къ концу. Воздухъ началъ синѣть. Уже можно было разглядѣть сѣрое небо, туманъ въ горахъ, сонныя деревья и потемнѣвшую отъ росы тропинку. Свѣтъ костра потуснѣлъ; красныя уголья стали блекнуть. Въ природѣ чувствовалось какое то напряженіе;

туманъ подымался все выше и выше, и, наконецъ, пошелъ частый и мелкій дождь.

Тогда мы легли спать.

Теперь я ничего не боялся. Мнѣ не страшны были ни хунхузы, ни дикіе звѣри, ни глубокой снѣгъ; ни наводненія. Со мною былъ Дерсу. Съ этими мыслями я крѣпко уснулъ.

Проснулся я въ 9 час. утра. Дождь пересталъ, но небо по прежнему было сумрачное. Въ такую погоду скверно итти, но еще хуже сидѣть на одномъ мѣстѣ. Поэтому приказаніе — вычистить коней—было встрѣчено всѣми съ удовольствіемъ. Черезъ полчаса мы были уже въ дорогѣ. У насъ съ Дерсу опять произошло молчаливое соглашеніе. Я зналъ, что онъ пойдетъ со мною. Это было вполнѣ естественно. Другого рѣшенія у него и не могло явиться. По пути мы зашли къ скалистой сопкѣ и тамъ захватили имущество, которое по прежнему все помѣщалось въ одной котомкѣ.

Теперь съ лѣвой стороны у насъ была рѣка, а съ правой — рѣчныя террасы въ 12 футовъ высоту. Онѣ особенно выдвигаются въ долину Тадушу послѣ р. Динзахе. Террасы эти состоятъ изъ весьма плотныхъ известняковъ, съ плитняковой отдѣльностью.

Послѣднимъ притокомъ Тадушу будетъ р. Вангоу(109). По ней можно выйти черезъ хребетъ Сихотэ-Алиня на р. Ното. Немного не доходя ея устья, въ долину выдвигаются двѣ скалы. Одна съ лѣвой стороны у подножья террасы — низкая и очень живописная съ углубленіемъ въ родѣ ниши, въ которой китайцы устроили кумирню, а другая — съ правой, какъ разъ противъ устья р. Вангоу, носящая названіе Янь-тунъ-лаза(110). Около нея есть маленькій ключикъ Чин-гоу-за(111).

Скала Янь-тунъ-лаза высотой 110 метровъ. Въ ней много углубленій, въ которыхъ гнѣздятся дикіе голуби. На самой вершинѣ изъ плитняковыхъ камней китайцы сложили подобіе кумирни. Манзы питаютъ особую любовь къ высокимъ мѣстамъ; они думаютъ, что, подымаясь на гору, становятся ближе къ Богу.

Тропа привела насъ къ фанзѣ Лудевой, расположенной какъ разъ на перекресткѣ путей, идущихъ на Ното и на Ли-Фудзинъ. Раньше обитатели этой фанзы занимались ловлей оленей ямами, отчего фанза и получила такое названіе. Въ настоящее время она функционируетъ, какъ постоянный дворъ. Здѣсь всегда можно встрѣтить прохожихъ китайцевъ, идущихъ отъ моря на Усури или обратно. Хозяинъ фанзы снабжаетъ ихъ продовольствіемъ за плату и, такимъ образомъ, зарабатываетъ значительную сумму денегъ. Фанза расположена у подножья большой террасы, которая сильно выдвигается въ долину и прижимаетъ р. Тадушу къ горамъ съ правой стороны. Поверхность террасы заболочена и покрыта группами тощей березы (*Betula latifolia* Tausch).

109) Ванъ гоу—См. на стр... 63.

110) Янь-тунъ ла-цаы—Скала въ видѣ печной трубы.

111) Цинъ гоу цаы—Чистая (незаросшая) ладь.

Лудевую фанзу мы прошли мимо и направились къ Сихотэ-Алиню. Хмурившаяся съ утра погода стала понемногу разясняться. Туманъ, окутывавшій горы, началъ клубиться и подыматься кверху; тяжелая завѣса тучъ разорвалась; выглянуло солнышко, и улыбулась природа. Сразу все оживилось; со стороны фанзы донеслось пѣніе пѣтуховъ, засуетились птицы въ лѣсу, на цвѣтахъ снова появились наѣкомыя.

Въ верхней части р. Тадушу течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Истоки ея состоятъ изъ мелкихъ горныхъ ключей, которые располагаются такъ: съ лѣвой стороны—Царль-гоуза(112), Люденза-Янгоу(113) и Сатен-гоу(114), а съ правой—Безымянный и Салингоу(115). Здѣсь находится самый низкій перевалъ черезъ Сихотэ-Алинь. Небольшіе холмы съ сглаженными контурами и сильно размытыя ложи ручьевъ свидѣтельствуютъ о большихъ денудационныхъ процессахъ.

Съ р. Тадушу черезъ Сихотэ-Алинь идутъ три пути: два—на Ното и одинъ—на Ли-Фудзинь. Первый начинается отъ извѣстной уже намъ Лудевой фанзы и идетъ по р. Вангоу. Этой дорогой пользуются только тѣ китайцы, которые иѣбуютъ цѣлюю верховья р. Дананцы (притокъ Ното). Второй путь начинается около устья рѣки Людензы. Тропа долгое время идетъ по хребту Сихотэ-Алиню, затѣмъ спускается въ долину р. Дунъ-бэй-ца (сѣверовосточный притокъ Ли-Фудзина) и направляется по ней до истоковъ. По пути она пересѣкаетъ еще три перевала и только тогда выходитъ на р. Дананцу. Этою дорогой идутъ тѣ пѣшеходы, которымъ надо выйти въ нижнюю часть Ното. Третій путь, который мы избрали, идетъ прямо по ручью Салингоу на Ли-Фудзинь.

Манчжурское слово Сихотэ-Алинь мѣстные китайцы передѣлали по своему Ся-хо-та Линь т. е. Перевалъ западныхъ большихъ рѣкъ. И дѣйствительно, къ западу отъ водораздѣла текутъ большія рѣки: Вану, Иманъ, Бикинь, Хоръ и т. д. Гольды называютъ его Дзубъ-Гынь, а удэхейцы—Ада-Сололи, причемъ западный его склонъ они называютъ Ада-Цазани, а восточный—Ада-Намузани отъ слова Наму, что значитъ «море».

У подножья хребта мы сдѣлали приваль. Сухая рыба съ солью, пара сухарей и кружка горячаго кофе составили обѣдъ, который въ тайгѣ называется очень хорошимъ.

Подъемъ на Сихотэ-Алинь крутой около гребня. Самый перевалъ представляетъ изъ себя широкую сѣдловину, заболоченную и покрытую выгорѣвшимъ лѣсомъ. Абсолютная высота его равняется 1340 футамъ. Его слѣдовало бы назвать именемъ М. Венюкова. Онъ прошелъ здѣсь въ 1857 году, а слѣдомъ за нимъ, какъ по проторенной дорожкѣ, пошли и другіе. Вѣчная память и вѣчная слава первому изслѣдователю Уссурійскаго Края.

На самомъ перевалѣ около тропы съ правой стороны стоитъ небольшая кумирня, сложенная изъ накатника. Внутри ея помѣщена лубочная

112) Чэ-эръ гоу-цзы—Развѣтвляющаяся падь.

113) Люй дань-цзы янь гоу—Зеленое козье пастбище.

114) Ша тянь-гоу—Долина съ песчаными полями.

115) Са линь гоу—Долина, идущая съ разсыпного хребта.

картина, изображающая китайских боговъ, а передъ ней поставлены два деревянныхъ ящика съ огарками отъ бумажныхъ свѣчей. Съ другой стороны лежало нѣсколько листовъ табану и два нуска сахару. Это жертва богу лѣсовъ. На сосѣдномъ деревѣ была повѣшена красная тряпица съ надписью: «Шань мэнъ чжэнъ вэй Си-жи Ци-го вой да суай Цзинь цзанъ да-цинъ чжэнъшань-линъ», т. е. «Господину истинному духу горъ (тигру). Въ древности въ государствѣ Ци онъ былъ главнокомандующимъ Да-цинъской династіи, а нынѣ охраняетъ лѣса и горы».

Отъ перевала Венюнова Сихотэ-Алинь имѣетъ видъ гряды, медленно повышающейся на сѣверъ (2170—2380 фут.). Этотъ подъемъ такъ незаметенъ для глаза, что во время пути совершенно забываешь, что идешь по хребту, и только склоны по сторонамъ напоминаютъ о томъ, что находишься на водораздѣлѣ. Мѣста эти покрыты напозвянутомъ, которому можно дать не болѣе сорока лѣтъ. Онъ, вѣроятно, появился здѣсь послѣ пожара.

Спускъ съ хребта длинный и пологій. Идя по травѣ, то и дѣло натыкаешься на обгорѣлыя, поваленныя деревья. Сейчасъ же за переваломъ начинается болото, покрытое замшистымъ хвойнымъ лѣсомъ.

Часамъ къ тремъ по полудни мы дошли до того мѣста, гдѣ Ли-Фудзинъ сливается съ р. Дунъ-Бей-Цой и стали биваномъ на галешниковой отмели.

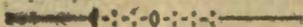
Рѣка Дунъ-Бей-ца⁽¹¹⁶⁾ длиною верстъ сорочь. Она все время течетъ вдоль Сихотэ-Алини и въ верховьяхъ слагается изъ трехъ горныхъ ручьевъ. Слѣды эрозіи видны на каждомъ шагѣ. Мѣстами горы такъ сильно размыты, что за лѣсомъ ихъ совсѣмъ не видно. Является впечатлѣніе, что идешь по слабо всхолмленной низинѣ, покрытой хвойнымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ пихты, ели, кедра, березы, тиса, клена, лиственницы и ольхи. Недавно этотъ лѣсъ выгорѣлъ. Теперь вся долина представляетъ изъ себя сплошную гарь. Здѣсь проходитъ та самая тропа, которой мѣстное манчжовское населеніе пользуется для сообщенія съ рѣкой Ното. По пути на разстояніи перехода другъ отъ друга расположены четыре звѣровыхъ фансы, обитатели которыхъ занимаются охотой и соболеваніемъ.

Первое, что мы сдѣлали,—развели дымокуры, а затѣмъ уже принялись таскать дрова изъ лѣсу. Солдаты хотѣли было ночевать въ комарникахъ, но Дерсу посоветовалъ ставить односкатную палатку.

Къ вечеру погода начала хмуриться; туманъ поднялся вверхъ и превратился въ тучи. Дерсу помогаль солдатамъ во всѣхъ работахъ, и они сразу его оцѣнили. Онъ хотѣлъ было ставить свою палатку отдѣльно, но я уговорилъ его ночевать вмѣстѣ. Тогда Дерсу схватилъ топоръ и побѣждалъ въ тайгу за кедровымъ норьемъ. Сперва онъ надрубилъ у дерева кору сверху и снизу зубцами, затѣмъ прорубилъ ее вдоль и сталъ снимать заостренной палкой. Такихъ пластовъ было снято шесть. Два пласта онъ положилъ на землю, два пошли на крышу, а остальные поставилъ съ боковъ для защиты отъ вѣтра.

116) Дунъ-бай-ца — Северо-восточный распадокъ.

Въ сумерки пошелъ крупный дождь. Номары и мошки сразу куда то исчезли. Послѣ ужина стрѣлки легли спать, а мы съ Дерсу долго еще сидѣли у огня и разговаривали. Онъ рассказывалъ мнѣ о жизни нитайцевъ на Ното, рассказывалъ о томъ, какъ они его обидѣли: отобрали мѣха и ничего не заплатили.

XXIV.

АМБА.

АНИМИЗМЪ ДЕРСУ. ТИГРЬ ПРЕСЛѢДОВАТЕЛЬ. ДЕРСУ ГОВОРИТЬ СЪ ЗВѢРЕМЪ. КВАНДАГОУ. ОХОТА НА СОЛОНЦАХЪ. ДЕРСУ ПРОСИТЬ ТИГРА НЕ СЕРДИТЬСЯ. ВОЗВРАЩЕНІЕ. ВОЛНЕНІЕ ГОЛЬДА. НОЧЬ.

На другой день густой тяжелой туманъ окутывалъ всѣ окрестности. День казался сѣрымъ, пасмурнымъ; было холодно, сыро...

Пока люди собирали имущество и выючили лошадей, мы съ Дерсу, наскоро напившись чаю и захвативъ въ карманъ по сухарю, пошли впередъ. Обыкновенно по утрамъ я всегда уходилъ съ бивана раньше другихъ. Производя маршрутные съемки, я подвигался настолько медленно, что часа черезъ два отрядъ меня обгонялъ и на большой привалъ я приходилъ уже тогда, когда люди успѣвали поѣсть и снова собирались въ дорогу. То же самое было и послѣ полудня: уходилъ я раньше, а на биванъ приходилъ лишь къ обѣду.

Еще наканунѣ Дерсу говорилъ мнѣ, что въ этихъ мѣстахъ бродитъ много тигровъ, и потому не совѣтовалъ отставать отъ отряда.

Путь нашъ лежалъ правымъ берегомъ Ли-Фудзина. Иногда тропинка отходила въ сторону, углубляясь въ лѣсъ настолько, что трудно было ориентироваться и указать, гдѣ течетъ Ли-Фудзинъ, но, вдругъ, совершенно неожиданно, мы снова выходили на рѣку и шли оноло береговыхъ обрывовъ.

Кто не бывалъ въ тайгѣ Уссурійскаго Края, тотъ не можетъ себѣ представить, какая это чаща, какія это заросли. Буквально въ нѣсколькихъ шагахъ ничего нельзя увидѣть. Въ двухъ или трехъ саженьяхъ не разъ случалось подымать съ ложки звѣря, и только шумъ и трескъ сучьевъ указывалъ направленіе, въ которомъ уходило животное. Вотъ именно по такой-то тайгѣ мы и шли уже подрядъ въ теченіе двухъ сутокъ.

Погода намъ не благоприятствовала. Все время моросило, на дорожкѣ стояли лужи, трава была мокрая, съ деревьевъ падали рѣдкія крупныя капли. Въ лѣсу стояла удивительная тишина. Точно все вымерло. Даже дятлы—и тѣ куда то исчезли.

Чортъ знаетъ, что за погода, говорилъ я своему спутнику. Не то туманъ, не то дождь—не разберешь право. Ты какъ думаешь, Дерсу? Разгуляется погода или станетъ еще хуже?

Гольдъ посмотрѣлъ на небо, оглянулся кругомъ и молча пошелъ дальше. Черезъ минуту онъ остановился и сказалъ.

Наша такъ думай: это земля, сопия, лѣсъ—все равно люди. Его теперь потѣеть. Слушай. Онъ насторожился. Его дышитъ—все равно люди...

Онъ пошелъ снова впередъ и долго еще говорилъ мнѣ о своихъ возрѣтніяхъ на природу, гдѣ все было живымъ, какъ люди.

Было уже около 11 часовъ утра. Судя по времени, вьючный обозъ долженъ былъ давно уже обогнать насъ, а между тѣмъ сзади, въ тайгѣ, ничего не было слышно.

Надо подождать, сказалъ я своему спутнику.

Онъ молча остановился, снялъ съ плеча свою берданку, приставилъ ее къ дереву, сошки воткнулъ въ землю и сталъ искать свою трубку.

Тьфу! Моя трубку потерялъ, сказалъ онъ съ досадой.

Онъ хотѣлъ идти назадъ и искать свою трубку, но я совѣтовалъ ему подождать, въ надеждѣ, что люди, идущіе сзади, найдутъ его трубку и принесутъ съ собою.

Мы простояли минутъ двадцать. Старику, видимо, очень хотѣлось курить. Наконецъ, онъ не выдержалъ, взялъ свое ружье и сказалъ:

Моя думай, трубка тутъ близко есть. Надо назадъ ходи.

Обезпокоенный тѣмъ, что вьюковъ нѣтъ долго и опасаясь, что съ лошадьми могло что нибудь случиться, я вмѣстѣ съ Дерсу пошелъ назадъ. Гольдъ шелъ впереди, и, какъ всегда, началъ головою и рассуждалъ велухъ самъ съ собою.

Какъ это моя трубку потерялъ. Али старый сталъ, али моя голова худой, али какъ....

Онъ не докончилъ фразы, остановился на полусловѣ, затѣмъ попятился назадъ и, нагнувшись къ землѣ, сталъ разсматривать что то у себя подъ ногами. Я подошелъ къ нему. Дерсу озирался, имѣлъ нѣсколько смущенный видъ и говорилъ, шопотомъ:

Посмотри, капитанъ, это Амба. Его сзади наша ходи. Это шибко худо. Слѣдъ совѣтъ свѣжій. Его сейчасъ тутъ былъ...

Дѣйствительно, совершенно свѣжіе отпечатки большой кошачьей лапы отчетливо виднѣлись на грязной тропинкѣ. Когда мы шли союда, слѣдовъ на дорожкѣ не было. Я это отлично помнилъ, да и Дерсу не могъ бы пройти ихъ мимо. Теперь же, когда мы повернули назадъ и пошли навстрѣчу отряду, появились слѣды: они направлялись въ нашу сторону. Очевидно, звѣрь все время шелъ за нами «по пятамъ».

Его близко тутъ прятался, сказалъ Дерсу, указавъ руной въ правую сторону. Его долго тутъ стоялъ, когда наша тамъ остановился, моя трубка искалъ. Наша назадъ ходи, его тогда скоро прыгалъ. Посмотри, капитанъ, въ слѣдахъ воды еще нѣту....

Дѣйствительно, несмотря на то, что кругомъ всюду были лужи, вона еще не успѣла наполнить слѣды, выдавленные лапой тигра. Не было сомнѣнія, что страшный хищникъ только что стоялъ здѣсь и затѣмъ, когда услышалъ наши шаги, бросился въ чащу и спрятался гдѣ нибудь за буреломомъ.

Его далеко ходи нѣту. Моя хорошо понимай. Погоди, капитанъ!...

Нѣсколько минутъ мы простояли на одномъ мѣстѣ въ надеждѣ, что какой нибудь шорохъ выдастъ присутствіе тигра, но тишина была гробовая. Эта тишина была какой то особенно таинственной, страшной.

Капитанъ! обратился ко мнѣ Дерсу, теперь надо хорошо смотри. Твоя винтовка патроны есть? Тихонько надо ходи. Какая ямба, какое де-

рево на землѣ лежи, надо хорошо посмотри. Торопиться не надо. Это— Амба. Твоя понимай— Амба?!...

Говоря это, онъ самъ осматривалъ каждый кустъ и каждое дерево. Такъ прошли мы около получаса. Дерсу все время шель впереди и не спускалъ глазъ съ тропинки.

Наконецъ, мы услышали голоса: кто то изъ казаконъ ругалъ лошадь. Черезъ нѣсколько минутъ подошли люди съ конями. Двѣ лошади были въ грязи. Сѣдла тоже были замазаны глиной. Оказалось, что при переправѣ черезъ одну проточку обѣ лошади оступились и завязли въ болотѣ. Это и было причиной ихъ запозданія. Какъ я и думалъ, стрѣлки нашли трубку Дерсу на тропѣ и принесли ее съ собою.

Чтобы идти дальше, нужно было поправить выюки, переложить грузы и хоть немного обмыть лошадей отъ грязи.

Я хотѣлъ было одѣлать приваль и варить чай, но Дерсу совѣтовалъ поправить одну сѣдловку и идти дальше. Онъ говорилъ, что гдѣ то, недалеко, въ этихъ мѣстахъ, есть охотничій балаганъ. Тамъ онъ полагалъ остановиться бивакомъ. Подумавъ немного, я согласился.

Люди начали снимать съ измученныхъ лошадей выюки, а я съ Дерсу снова пошелъ по дорожкѣ. Мы успѣли мы сдѣлать и двухсотъ шаговъ, какъ снова наткнулись на слѣды тигра. Страшный звѣрь опять шель за нами и, шпя, какъ и въ первый разъ, почуявъ наше приближеніе, уклонился отъ встрѣчи. Дерсу остановился и, оборотившись лицомъ въ ту сторону, куда скрылся тигръ, закричалъ громкимъ голосомъ, въ которомъ я замѣтилъ нотки негодованія:

Что ходишь сзади?... Что нужно тебѣ, Амба? Что ты хочешь? Наша дорога ходи, тебѣ мѣшай нѣту. Какъ твоя сзади ходи? Неужели въ тайгѣ мѣста мало?!...

Онъ потрясалъ въ воздухѣ своей винтовкой. Въ такомъ возбужденномъ состояннн я никогда его не видывалъ. Въ глазахъ Дерсу была видна глубокая вѣра въ то, что тигръ, Амба, слышитъ и понимаетъ его слова. Онъ былъ увѣренъ, что тигръ или приметъ вызовъ, или оставить насъ въ покоѣ и уйдетъ въ другое мѣсто. Прождавъ минутъ пять, старикъ облегченно вздохнулъ, затѣмъ закурилъ свою трубку и, взбросивъ винтовку на плечо, увѣренно пошелъ дальше по тропинкѣ. Лицо его снова стало равнодушно сосредоточеннымъ. Онъ устыдилъ тигра и заставилъ его удалиться.

Приблизительно еще съ часъ мы шли лѣсомъ. Вдругъ, чаща начала рѣдѣть. Передъ нами открылась большая поляна. Тропа перерѣзала ее наискось по діагонали. Продолжительное путешествіе по тайгѣ сильно насъ утомило. Глазъ искалъ отдыха и простора. Поэтому, можно себѣ представить, съ какою радостію мы вышли изъ лѣсу и стали осматривать поляну.

Это—Ивандагоу, сказалъ Дерсу. Скоро наша балаганъ найди есть.

Елань (117), по которой мы теперь шли, была покрыта зарослями низкорослага папоротника—орляна. За лѣсомъ, съ сѣверной стороны, слабо свозъ туманъ, виднѣлись высокія горы, покрытыя лѣсомъ. По низинѣ

кое гдѣ стояли одиночныя деревья, преимущественно кленъ, дубъ и даурская береза. Съ правой стороны поляны было узкое болото съ солонцами, куда, по словамъ Дерсу, постоянно по ночамъ выходили изюбри и дикія козы, чтобы полакомиться водянымъ лютикомъ и погрызть соленую черную землю.

Надо наша сегодня на охоту ходи, говорилъ Дерсу, показывая сошки на болото.

Часамъ къ тремъ пополудни мы дѣйствительно нашли двускатный балаганчикъ. Сдѣланъ онъ былъ изъ недроваго корья китайскими охотниками такъ, что дымъ отъ костра, разложеннаго внутри, выходилъ по обѣ стороны и не позволялъ комарамъ проникнуть внутрь помещенія. Около балагана протекалъ небольшой ручей. Пришлось опять долго возиться съ переправой лошадей на другой берегъ, но, наконецъ, и это препятствіе было преодолено.

Между тѣмъ погода по прежнему, какъ выражался Дерсу, «потѣла». Съ утра хмурившееся небо начало какъ бы немногу проясниться. Туманъ поднялся выше, кое гдѣ появились прѣсвѣты, дождь пересталъ, но на землѣ было еще попрежнему сыро...

Я рѣшилъ остаться здѣсь на ночь. Мнѣ очень хотѣлось поохотиться на солонцахъ, тѣмъ болѣе, что у насъ давно не было мяса, и мы уже четвертые сутки питались одними сухарями.

Черезъ нѣсколько минутъ на бивакѣ закипѣла та веселая и спѣшная работа, которая знакома всякому, кому приходилось подолгу бывать въ тайгѣ и вести страннической образъ жизни. Развьюченные лошади были пущены на волю. Какъ только съ нихъ сняли сѣдла, они сперва побалаялись на землѣ, потомъ, вытряхнувшись, пошли на поляну кормиться.

На случай дождя, всѣ вьюки сложили въ одно мѣсто и прищипали ихъ брезентами.

Пока возились съ лошадьми и разбирали сѣдла, кто то усилъ уже разложить костеръ и повѣсить надъ огнемъ чайникъ.

На бивакѣ Дерсу проявлялъ всегда удивительную энергію. Онъ бѣгалъ отъ одного дерева къ другому, снималъ бересту, рубилъ жерди и сошки, ставилъ палатку, сушилъ свою и чужую одежду и старался разложить огонь такъ, чтобы внутри балагана можно было сидѣть и не страдать отъ дыма глазами. Я всегда удивлялся, какъ успѣвалъ этотъ, уже старый человѣкъ, дѣлать сразу нѣсколько дѣлъ и какъ работа въ рунахъ у него спорилась и кипѣла. Мы давно уже разулись и отдыхали, а Дерсу все еще хлопоталъ около балагана.

Черезъ часъ наблюдатель со стороны увидѣлъ бы такую картину: На полянѣ около ручья пасутся лошади; спины ихъ мокры отъ дождя. Дымъ отъ костровъ не подымается кверху, а стелется низко надъ землею и кажется неподвижнымъ. Спасаясь отъ комаровъ и мошекъ, всѣ люди спрятались въ балаганъ. Одинъ только человѣкъ все еще торопливо бѣгаетъ по дѣсу—это Дерсу; онъ хлопочетъ о заготовкѣ дровъ на ночь.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, да еще въ пасмурный день, смеркается очень рано. Такъ было и теперь. Туманъ держался только по вершинамъ горъ. Ключья его бродили по кустамъ и казались привидѣніями.

Насоро поужинавъ, мы пошли съ Дерсу на охоту. Путь нашъ лежалъ по тропинкѣ къ бивану, а оттуда наискось къ солонцамъ около лѣса. Множество слѣдовъ изюбрей и дикихъ нозъ было замѣтно по всему лугу. Черноватая земля солонцовъ была почти совершенно лишена растительности. Малыя низкорослыя деревья, окружавшія ихъ, имѣли чахлый и болѣзненный видъ. Здѣсь мѣстами земля была сильно истоптана. Видно было, что изюбри постоянно приходили сюда и въ одиночку, и цѣлыми стадами.

Выбравъ удобное мѣстечко, мы сѣли и стали поджидать звѣря. Я прислонился къ пню и сталъ осматриваться. Темнота быстро сгущалась около кустовъ и внизу подъ деревьями. Дерсу долго не могъ успокоиться. Онъ ломалъ сучки, чтобы отыскать себѣ обстрѣлъ и зачѣмъ то пригибалъ растущую позади себя березку.

Кругомъ въ лѣсу и на полянѣ стояла мертвящая тишина, нарушаемая только однообразнымъ жужжаніемъ комаровъ. Такая тишина какъ то особенно гнетуще дѣйствуетъ на душу. Невольно самъ уходишь въ нее, подчиняешься ей и, кажется, силъ не хватило бы нарушить ее словомъ или какимъ нибудь неосторожнымъ движеніемъ.

Въ воздухѣ и на землѣ становилось все темнѣе и темнѣе. Кусты и деревья начали принимать неопредѣленные очертанія: они казались живыми существами и какъ будто передвигались съ одного мѣста, на другое. Порою мнѣ грезилось, что это олени; фантазія дополняла остальное. Я сжималъ ружье въ рукахъ и готовъ былъ уже выстрѣлить, но каждый разъ, взглянувъ на спокойное лицо Дерсу, я приходилъ въ себя. Иллюзія сразу пропадала, и темный силуэтъ оленя снова принималъ фигуру куста или дерева. Какъ мраморное изваяніе сидѣлъ Дерсу. Онъ пылливо смотрѣлъ на кусты около солонцовъ и спокойно выжидалъ свою добычу. Одинъ разъ онъ вдругъ насторожился, тихонько поднялъ свое ружье и сталъ напрягать зрѣніе. Сердце мое усиленно забилось. Я тоже сталъ смотрѣть въ ту сторону, куда смотрѣлъ старикъ, но ничего не видѣлъ. Скоро я замѣтилъ, что Дерсу успокоился; успокоился и я также.

Стало совсѣмъ темно, такъ темно, что въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя уже было разсмотрѣть ни черной земли на солонцахъ, ни темныхъ силуэтовъ деревьевъ. Комары нестерпимо кусали шею и руни. Я прикрылъ лицо сѣткой. Дерсу сидѣлъ безъ сѣтки и, казалось, совершенно не замѣчалъ ихъ укусовъ.

Вдругъ, до слуха моего донесся шорохъ. Я не ошибаю. Шорохъ исходилъ изъ кустовъ, находящихся по другую сторону солонцовъ, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ мы сидѣли. Я посмотрѣлъ на Дерсу. Онъ пригибалъ голову и, казалось, силою своего зрѣнія хотѣлъ проникнуть сквозь темноту и узнать причину этого шума. Иногда шорохъ усиливался и становился очень явственнымъ, иногда затихалъ и прекращался совершенно. Сомнѣній не было—кто то осторожно приближается къ намъ ч

резь заросли. Это изюбрь шель грызть и лизать соленую землю. Мое воображеніе рисовало уже стройнаго оленя съ красивыми вѣтвистыми рогами. Я отбросилъ сѣтку, сталъ слушать и смотрѣть, совершенно позабывъ про комаровъ. Я искалъ глазами изюбря, который по моимъ расчетамъ былъ отъ насъ въ семидесяти или восьмидесяти шагахъ, не болѣе.

Вдругъ, грозное ворчаніе, похожее на отдаленный громъ, пронеслось въ воздухъ:

Rrrrrr!....

Дерсу схватилъ меня за руку.

Амба, капитанъ! сказалъ онъ испуганнымъ голосомъ

Жуткое чувство сразу всколыхнуло мое сердце. Я хотѣлъ бы передать, что я почувствовалъ, но едва ли я съумѣю это сдѣлать.

Я почувствовалъ, какъ какая то истомы, какая то тяжесть стала опускаться мнѣ въ ноги. Колѣни заныли, точно въ нихъ налили свинець. Ощущеніе это знакомо всякому, кому случалось неожиданно чего нибудь сильно испугаться. Но въ то же время другое чувство, чувство, смѣшанное съ любопытствомъ, съ благоговѣніемъ къ царственному грозному звѣрю и съ охотничьей страстью, наполнило мою душу.

Худо! Наша напрасно сюда ходи. Амба сердится! Это его мѣсто, говорилъ Дерсу и, я не знаю, говорилъ ли онъ самъ съ собою или обращался ко мнѣ. Мнѣ показалось, что онъ испугался.

Rrrrrr!.... снова раздалось въ тихомъ ночномъ воздухѣ.

Вдругъ Дерсу быстро поднялся съ мѣста. Я думалъ, онъ хочетъ стрѣлять. Но велико было мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что въ рукахъ у него не было винтовки, и когда я услышалъ рѣчь, съ которой онъ обратился къ тигру.

Хорошо, хорошо, Амба! Не надо сердиться, не надо!.. Это твое мѣсто. Наша это не зналъ. Наша сейчасъ другое мѣсто ходи. Въ тайгѣ мѣсто много. Сердиться не надо!....

Гольдь стоялъ, протянувъ руки къ звѣрю. Вдругъ, онъ опустился на колѣни, дважды поклонился въ землю и вполголоса, что то сталъ говорить на своемъ нарѣчій. Мнѣ почему то стало жаль старика...

Наконецъ, Дерсу медленно поднялся, подошелъ къ пню и взялъ свою берданку.

«Пойдемъ, капитанъ!» сказалъ онъ рѣшительно и, не дожидаясь моего отвѣта, быстро черезъ заросли пошелъ на тропинку. Я безотчетно последовалъ за нимъ.

Спокойный видъ Дерсу, увѣренность, съ накою онъ шель безъ опаски и не озираясь, успокоили и меня: я почувствовалъ, что тигръ не пойдетъ за нами и не рѣшится сдѣлать нападеніе.

Пройдя шаговъ двѣсти, я остановился и сталъ уговаривать старика подождать еще немного.

Нѣтъ, сказалъ Дерсу.—Моя не могу. Моя тебѣ впередъ говори, въ компаніи стрѣлять Амба никогда не буду! Твоя хорошо ато слушай! Амба стрѣляй моя товарищъ нѣту»...

ЛИ-ФУДЗИНЪ.

ЛѢСА, СОДЕРЖИМОЕ КОТОМКИ ДЕРСУ. ПРИСПОСОБЛЕННОСТЬ КЪ ЖИЗНИ ВЪ ТАЙГѢ. ПОЛЯНЫ СЯЕНЬ-ЛАЗА. РОДНЫЯ МОГИЛЫ. ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЯ.

Чуть только начало свѣтать, нашъ биванъ опять атаковали комары. О снѣ нечего было и думать. Точно по командѣ всѣ встали. Казаки быстро завьючили коней и, не пивши чаю, тронулись въ путь. Съ восходомъ солнца туманъ началъ разсѣиваться; кое гдѣ проглянуло синее небо.

Отъ устья р. Квандагоу Ли-Фудзинъ начинается по немногу склоняться къ сѣверо-западу. Дальше русло его становится извилистымъ. Обрывистые берега и отмели располагаются, чередуясь то съ той, то съ другой стороны.

Въ долинѣ Ли-Фудзина растутъ великолѣпные смѣшанные лѣса. Тутъ можно найти всѣхъ представителей манчжурской флоры. Кромѣ кедра, лиственницы, пихты, ели, вяза, дуба, ясеня, орѣха и пробноваго дерева, здѣсь произрастають: желтая береза (*Betula costata* Trautv.) съ желто-зеленою листвою и съ желтою пушистою корою, не имѣющей бересты; особый видъ клена (*Acer barbinerve* Max.)—развѣсистое дерево съ гладкой темно-сѣрой корою, съ желтоватыми молодыми вѣтвями и съ глубокоразсѣченными листьями. Затѣмъ—горный илемъ (*Ilmus montana* Wither.)—высокое стройное дерево съ широкой развѣистой вершиной и съ острыми шершавыми листьями; грабъ (*Carpinus cordata* Blume.) съ темной корою и цвѣтами, висящими, какъ кисти; черемуха Максимовича (*Prunus maximoviczii* R.) съ пригнутыми къ землѣ вѣтвями, образующими непроходимую чащу и наконецъ—бересклетъ (*Euonymus macroptera* Rupr.)—небольшое деревцо съ тонкимъ стволемъ и съ корою, покрытой бѣловатыми чечевичками, располагающимися продольными рядами и съ листьями удлинненно—обратно—овальными. Около рѣки и, вообще, по сырѣмъ мѣстамъ, гдѣ больше свѣта, росли: козья ива (*Salix caprea* L.)—полукустъ, полудерево; манчжурская смородина (*Ribes manshuricum* Kom.) съ трехлопастными острозубчатыми листьями; таволожника шелковистая (*Spiraea Media* Schmidt.)—очень вѣтвистый кустарникъ съ узкими листьями, любящій каменистую почву; жасминъ (*Philadelphus temifolius* Rupr. et Max.)—тѣневое растеніе съ красивыми сердцевидными заостренными листьями и бѣлыми цвѣтами и ползучій лимонникъ (*Schizandra chinensis* Baill.) съ темной крупной листвою и съ красными ягодами, цѣпляющійся по кустамъ и деревьямъ.

Лѣсъ, растущій около воды, скорѣе способствуетъ обрушиванію береговъ, чѣмъ ихъ закрѣпленію. Большое дерево, подмытое водою, при па-

деніи своемъ увлекаетъ огромную глыбу земли, а вмѣстѣ съ ней и дѣрева, растущія поблизости. Буреломъ этотъ плыветъ по рѣкѣ до тѣхъ поръ, пока не застрянетъ гдѣ нибудь въ протокѣ. Тотчасъ вода начинаетъ заносить его пескомъ и галькой. Нерѣдко можно видѣть водопады, основаніемъ которыхъ служатъ гигантскіе стволы тополей или недровъ. Если какому плавнику посчастливится пройти черезъ перекаты, то до устья дойдетъ только стволъ измочаленный и лишенный коры и вѣтокъ.

Въ среднемъ теченіи Ли-Фудзинъ проходитъ у подножья такъ называемыхъ «Черныхъ скалъ». Здѣсь рѣка разбивается на нѣсколько протоковъ, которые имѣютъ вязкое дно и илистые берега. Вслѣдствіе засоренности главнаго русла, вода не успѣваетъ пройти черезъ протоки и затопляетъ весь лѣсъ. Тогда сообщеніе по тропѣ прекращается. Путники, которыхъ случайно застанетъ здѣсь непогода, карабкаются черезъ скалы и въ теченіи цѣлаго дня успѣваютъ пройти не болѣе трехъ или четырехъ верстъ.

Въ полдень мы остановились на большой привалъ и стали варить чай.

При уходѣ изъ поста Св. Ольги, капитанъ 2-го ранга С. З. Баянъ далъ мнѣ бутылку съ ромомъ. Ромъ этотъ я берегъ, какъ лѣкарство, и давалъ его солдатамъ пить съ чаемъ въ ненастные дни. Теперь въ бутылкѣ осталось только нѣсколько капель. Чтобы не нести напрасно посуду, я вылилъ остатки рома въ чай и кинулъ ее въ траву. Дерсу стремглавъ бросился за ней.

Какъ можно его бросай? Гдѣ въ тайгѣ другую бутылку найди?, воскликнулъ онъ, развязывая свою котомку.

Дѣйствительно, для меня, горючанина, пустая бутылка нинаной цѣны не имѣла. Но для дикаря, живущаго въ лѣсу, она составляла большую цѣнность.

По мѣрѣ того, какъ онъ вынималъ свои вещи изъ котомки, я все больше и больше изумлялся. Чего тутъ только не было: порожній цѣпшонъ изъ подъ муки, двѣ старенькихъ рубашки, свитонъ тонкихъ ремней, пучекъ веревокъ, старые унты, гильзы отъ ружья, пороховница, свинець, коробочка съ капсулями, полотнище палатки, козья шнурка, кусонъ кирочнаго чаю вмѣстѣ съ листовымъ табаконъ, банка изъ подъ консервовъ, шило, маленькій топоръ, жестяная коробочка, спички, кремень, огниво, трутъ, смолье для растопокъ, береста, еще какая то баночка, кружка, маленькій нотелонъ, инородческій кривой ножикъ, жильныя нитки, двѣ иглы, пустая катушка, какая то сухая трава, набанья желчь, зубы и ногти медвѣдя, попытка кабарги и кости рыси, нанизанныя на веревочку, двѣ мѣдныхъ пуговицы и множество разнаго другаго хлама. Среди этихъ вещей я узналъ такія, которыя я раньше бросалъ по дорогѣ. Очевидно, все это онъ подбиралъ и несъ съ собою.

Сматривая его вещи, я разсортировалъ ихъ на двѣ части и добрую половину посовѣтовалъ выбросить. Дерсу взмолился. Онъ просилъ ничего не трогать и доказывалъ, что потомъ все можетъ пригодиться. Я не сталъ настаивать и рѣшилъ впрямь ничего не бросать, прежде, чѣмъ поспрашу на то его согласія. Точно боясь, чтобы отъ него не отняли чего нибудь,

Дерсу смѣшно собралъ свою котомку и особенно старательно спряталъ бутылку.

Около Черныхъ Скалъ тропа раздѣлилась. Одна (правая) пошла въ горы въ обходъ опаснаго мѣста, а другая направилась куда то черезъ рѣку. Дерсу, хорошо знающій эти мѣста, указалъ на правую тропу. Лѣвая, по его словамъ, идетъ только до звѣровой фанзы Цу-жунъ-гоу (***) и тамъ кончается.

Сразу съ привала начался подъемъ, но до самой вершины тропа не доходить. Съ версту она идетъ носогоромъ, а затѣмъ опять спускается въ долину.

Къ вечеру небо снова заволкло тучами. Я опасался дождя, но Дерсу сказалъ, что это не тучи, а туманъ, и что завтра будетъ день солнечный и даже жаркій. Я зналъ, что его предсказанія всегда сбываются, и потому спросилъ его о примѣтахъ.

Моя такъ посмотри, думай—воздухъ легкій, тяжело нѣту. Гольдъ вздохнулъ и показалъ себѣ на грудь.

Онъ такъ сжился съ природой, что органически вѣсмъ своимъ существомъ могъ предчувствовать перемѣну погоды. Какъ будто для этого у него было еще шестое чувство.

Дерсу удивительно приспособился къ жизни въ тайгѣ. Мѣсто для своего ночлега онъ выбиралъ гдѣ нибудь подъ деревомъ между двумя корнями, такъ что дупло защищало его отъ вѣтра; подъ себя онъ подстилалъ кору пробноваго дерева; на сучекъ гдѣ нибудь вѣшалъ унты такъ, чтобы они не спалились отъ огня. Винтовка тоже была рядомъ съ нимъ, но она не лежала на землѣ, а покоилась на двухъ коротенькихъ сошкахъ. Дрова у него всегда горѣли лучше, чѣмъ у солдатъ. Онъ не бросали искръ, и дымъ отъ костра относилъ въ сторону. Если вѣтеръ начиналъ мѣняться, онъ съ подвѣтренной стороны ставилъ заслонъ. Все у него было къ мѣсту и подъ рукой.

По отношенію къ человѣку природа безжалостна. Послѣ короткой ласки она вдругъ нападаетъ и какъ будто нарочно старается подчеркнуть его беспомощность. Путешественнику постоянно приходится имѣть дѣло со стихіями: дождь, вѣтеръ, наводненіе, гнусь, болота, холодъ, снѣгъ и т. д. Даже самый лѣсъ представляетъ изъ себя стихію. Дерсу не находилъ подъ давленіемъ природы. Онъ скорѣе былъ въ соотвѣтствіи съ окружающей его обстановкой.

Слѣдующій день былъ 7-е августа. Какъ только взошло солнце, туманъ началъ разсѣиваться, и черезъ какіе нибудь полчаса на небѣ не было ни одного облачка. Роса передъ разсвѣтомъ обильно смочила траву, кусты и деревья. Утромъ я немного прозябъ и потому всталъ раньше другихъ. Дерсу не было на бивакѣ. Онъ ходилъ на охоту, но неудачно и возвратился обратно канъ разъ по времени выступленія. Мы сейчасъ же тронулись въ путь.

***) Поляна въ лѣсу около рѣки Цунъ жунъ гоу—Долина, заросшая дикимъ лугомъ, какъ бархатомъ. Звѣровыя фанзы иногда носятъ названіе той мѣстности, въ которой онѣ построены.

По дорогѣ Дерсу разсказывалъ мнѣ, что изстари къ западу отъ Сихотэ-Алиня жили гольды, а съ восточной стороны удэгейцы, но теперь всюду хозяйничаютъ китайцы. Дѣйствительно, манзовскіе охотничьи шалаши встрѣчались во множествѣ. Можно было такъ соразмѣрить свой путь, что каждый разъ ночевать въ балаганѣ.

Версть черезъ десять намъ пришлось еще разъ переправляться черезъ рѣку, которая тутъ разбивается на множество протоковъ, образуя низкіе острова, заросшіе лѣсомъ: Слои ила, бурелом, рывины и пригнутый къ землѣ кустарникъ—все это указывало на недавнее большое наводненіе.

Вдругъ, лѣсъ сразу кончился и мы вышли къ полянамъ, которыя китайцы называютъ Сянь-лаза. Ихъ три: первая—длиною въ двѣ версты, вторая—съ полверсты и третья—самая большая, занимающая площадь въ шесть квадратныхъ верствъ. Поляны эти отдѣлены другъ отъ друга небольшими перелѣсками. Здѣсь происходитъ сліяніе Ли-Фудзина съ р. Сианцей, по которой мы прошли первый разъ черезъ Сихотэ-Алинь къ Посту Св. Ольги. Выйдя изъ лѣса, рѣка отклоняется сначала влѣво, а затѣмъ около большой поляны снова пересѣкаетъ долину и подходит къ горамъ съ правой стороны.

Дальше мы не пошли и встали биваномъ на берегу рѣки, среди дубоваго рѣдколѣся.

Возвратившіеся съ развѣдокъ казаки сообщили, что видѣли много вѣтриныхъ слѣдовъ, и стали проситься на охоту.

Днемъ четверногіе обитатели тайги забиваются въ чащу, но передъ сумерками, начинаютъ подыматься со своихъ лежекъ. Сначала они бродятъ по опушкамъ лѣса, а когда ночная мгла окутаетъ землю, выходятъ шастись на поляны.

Казаки не стали дожидаться сумерокъ и пошли тотчасъ, какъ только развьючили лошадей и убрали сѣдла. На биванѣ остались мы вдвоемъ съ Дерсу.

Сегодня я замѣтилъ, что онъ весь день былъ какъ то особенно развѣянъ. Иногда онъ садился въ сторонѣ и о чемъ то напряженно думалъ. Онъ опускалъ руки и смотрѣлъ куда-то вдаль. На вопросъ, не боленъ ли онъ, старикъ отрицательно качалъ головой, хватался за топоръ и, видимо, рьячески старался отогнать отъ себя какія-то тяжелыя мысли.

Прошло два съ половиной часа. Удлинившіяся до невѣроятныхъ размѣровъ тѣни на землѣ указывали, что солнце уже дошло до горизонта. Пора было итти на охоту. Я окликнулъ Дерсу. Онъ точно чего то испугался.

Капитанъ! сначала онъ мнѣ, и въ голосѣ его зазвучали просительныя ноты—моя не могу сегодня охота ходи. Тамъ (онъ указалъ рукой въ дѣсь) помирай есть моя жена и мои дѣти.

Потомъ онъ сталъ говорить, что по ихъ обычаю на могилы покойниковъ нельзя ходить, нельзя вблизи стрѣлять, рубить лѣсъ, собирать ягоды и мять траву—нельзя нарушать покой усопшихъ.

Я понялъ причину его тоски и мнѣ жаль стало старина. Я сказалъ

ПУТЬ ПО Р. НОТО.

Р. ПОУ-ГОУ. БАРСУКЪ. НАПАДЕНІЕ ШЕРШНЕИ. ЛЕКАРСТВЕННОЕ РАСТЕНІЕ. ЕНОТО ВИДНАЯ СОБАКА. ОХОТА НА КАБАНОВЪ. ЛЪСЪ ВЪ ИСТОКАХЪ Р. ДАҢАНЦЫ. ПРИВИДѢНІЯ. ПЕРЕВАЛЪ ЗАБЫТЫЙ. ГОРА ТУДИНЗА. ПТИЦЫ.

Утромъ 8-го августа мы оставили Фудин—это ужасное мѣсто, гдѣ людей хоронятъ живыми. Отъ фанзы Юлайза мы вернулись сначала къ горамъ Сяень-Лаза, а оттуда пошли прямо на сѣверъ по небольшой рѣчкѣ Поу-гоу, что въ переводѣ на русскій языкъ значить Козья долина. Прогонить насъ немного вызвался одинъ пожилій таза. Онъ все время шель съ Дерсу и что то разсказывалъ ему въ полголоса. Впоследствии я узналъ, что они были старые знакомые, и таза собирался тайно переселиться съ Фудина куда нибудь на побережье моря. Разставаясь съ нимъ, Дерсу въ знакъ дружбы подарилъ ему ту самую бутылку, которую я бросилъ на Ли-Фудзинѣ. Надо было видѣть, съ какой довольной улыбки таза принималъ отъ него этотъ подарокъ.

Долина рѣки Поу-гоу представляетъ изъ себя довольно широкій распадокъ. Множество горныхъ ключей впадаетъ въ него съ той и съ другой стороны. Пологие холмы и высокія рѣкни, вдающіеся въ долину съ боковъ, покрыты рѣдкимъ листовымъ лѣсомъ и кустарниковой порослью.—Это и есть самая любимая мѣста дикихъ козуль.

Послѣ полудня Дерсу нашелъ маленькую тропку, которая привела насъ къ перевалу, покрытому густымъ лѣсомъ. Здѣсь было много барсучьихъ норъ. Однѣ изъ нихъ были старыя, другія—совсѣмъ свѣжія. Въ некоторыхъ норахъ поселились лисицы, что можно было узнать по слѣдамъ на пескѣ.

Отрядъ нашъ нѣсколько отсталъ, а мы съ Дерсу шли впереди и говорили между собою. Вдругъ, шагахъ въ тридцати отъ себя, я увидѣлъ, что въ заросляхъ кто то шевелится. Это оказался барсукъ (*Meles amurensis* Schrencki; по Бихнеру—*M. anakuma amurensis*). близко родственникъ японскому барсучку и распространенный по всему Краю. Окраска его буро-сѣрая съ чернымъ, морда бѣлесоватая съ продольными темными полосами около глазъ. Барсукъ—животное всеядное, ведущее одиночную жизнь. Китайцы и инородцы специально за нимъ не охотятся, но бьютъ, если онъ попадается подъ выстрѣлы. Шкура его, покрытая жесткими волосами, употребляется ими на чехлы къ ружьямъ и оторочку сумокъ.

Замѣченный мною барсукъ часто подымался на заднія ноги и старался что то достать, но что именно, я разсмотрѣть никакъ не могъ. Онъ такъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, что совершенно не замѣчалъ насъ.

Долго мы слѣдили за нимъ, наконецъ, мнѣ насучило это занятіе, и я пошелъ впередъ. Испуганный шумомъ, барсукъ бросился въ сторону и быстро исчезъ изъ виду.

Придя на то мѣсто, гдѣ было животное, я остановился и сталъ осматриваться. Вдругъ я услышалъ крики Дерсу. Онъ махалъ руками и давалъ мнѣ понять, чтобы я скорѣе отходилъ назадъ. Въ это самое время я почувствовалъ сильную боль въ плечѣ. Схвативъ рукой больное мѣсто, я поймалъ какое то крупное насекомое. Оно тотчасъ ужалило меня въ руку. Тутъ только я замѣтилъ на кустѣ бузины совсѣмъ рядомъ съ собою большое гнѣздо шершней. Я бросился бѣжать и сталъ ругаться. Нѣсколько насекомыхъ погналось слѣдомъ.

Погоди, капитанъ, сказала Дерсу, вынимая топоръ изъ котомки. Выбравъ тонкое деревцо, онъ срубилъ его и очистилъ отъ вѣтокъ. Потомъ набралъ бересты и привязалъ ее къ концу жерди. Когда шершни успокоились, онъ зажегъ бересту и поднесъ ее, подъ самое гнѣздо. Оно вспыхнуло, какъ бумага. Подпаливая шершней, Дерсу приговаривалъ:

Что; будешь нашего капитана кусать?

Покончивъ съ шершнями, онъ побѣжалъ опять въ лѣсъ, нарвалъ какой то травы и, растеревъ ее на лезвіи топора, приложилъ мнѣ на больныя мѣста, а сверху прикрылъ кусочками мягкой бересты и обвязалъ тряпицами. Минуть черезъ десять боль стала утихать. Я просилъ его показать мнѣ эту траву. Онъ опять сходилъ въ лѣсъ, и принесъ растеніе, которое оказалось маньчжурскимъ ломоносомъ (*Clematis manshurica* Rupr.). Дерсу сообщилъ мнѣ, что трава эта также помогаетъ и отъ укусовъ змѣй, что эту то именно траву и ѣдятъ собаки. Она вызываетъ обильное выдѣленіе слюны; слюна, смѣшанная съ сокомъ травы, при зализываніи укушеннаго мѣста является спасительной и парализуетъ дѣйствіе яда. Покончивъ съ перевязкой, мы пошли дальше. Разговоръ нашъ теперь вертѣлся около шершней и осъ. Дерсу считалъ ихъ самыми «вредными людьми» и говорилъ:

Его постоянно самъ кусай. Теперь моя всегда его берестой пали.

Дня черезъ два мы достигли водораздѣла. И подъемъ на хребетъ, и спускъ съ него были одинаково крутыми. По ту сторону перевала мы сразу попали на тропинку, которая привела насъ къ фанзѣ соболевщика китайца. Осмотрѣвъ ее, Дерсу сказала, что хозяинъ ея жилъ здѣсь нѣсколько дней подрядъ и ушелъ только вчера. Я высказалъ сомнѣніе. Въ фанзѣ могъ быть и не хозяинъ, а работникъ или случайный прохожій. Въмѣсто отвѣта Дерсу указала мнѣ на старыя вещи, выброшенныя изъ фанзы и замѣненныя новыми. Это могъ сдѣлать только самъ хозяинъ. Съ этими доводами нельзя было не согласиться.

Къ вечеру въ этотъ день намъ удалось дойти до рѣки Ното. Истоки ея находятся приблизительно тамъ, гдѣ пересѣкаются 45 параллель и 135 меридіанъ (отъ Пулково). Отсюда беретъ начало р. Ваку и всѣ верхніе лѣвые притоки Имана.

Рѣка Ното (по здѣшески—Нынту) длиною около 100 верстъ. Въ верхней половинѣ она состоитъ изъ двухъ рѣкъ одинаковой величины:

Да-бэй-цы (118) и Да-нань-цы. (119) Названія эти китайскія и указываютъ направленіе ихъ теченій. Первая течетъ съ сѣвера, вторая—съ юга. Мѣсто сліянія ихъ опредѣляетъ границу, гдѣ кончаются лѣса и начинаются открытыя мѣста и земледѣльческія фанзы. Если итти вверхъ по р. Да-бэй-цѣ, то можно выйти въ верховья р. Ваку и далѣе къ охотничьему поселку Сидатунъ на Иманѣ.

Верховья Ното по справедливости считаются самыми глухими мѣстами Уссурійскаго Края. Китайскія фанзы, разбросанныя по тайгѣ, нельзя назвать ни охотничьими, ни земледѣльческими. Сюда стекается весь безпокойный манзовскій элементъ, гадкій до легкой наживы, способный на грабежи и убійства.

Долина нижняго Ното является, какъ бы продолженіемъ долины Даханцы. Она принимаетъ въ себя справа р. Себучаръ и, согласуясь съ ея направлениемъ, поворачиваетъ къ югу. Недалеко отъ впаденія своего въ р. Улахе она снова склоняется на юго-западъ. Такимъ образомъ, бассейнъ р. Ното со своими притоками составляетъ систему тектоническихъ долинъ, сходящихся почти подъ прямыми углами съ денудационными долинами прорыва. Первые представляютъ изъ себя прямыя долины, узкія въ вершинахъ и постепенно расширяющіяся книзу, вторыя—изломанныя и состоящія изъ цѣлаго ряда котловинъ, замыаемыхъ горами, такъ что впередъ сказать, куда повернетъ рѣка—невозможно. Котловины между собою соединены узкими проходами. Обыкновенно въ этихъ мѣстахъ рѣка дѣлаетъ поворотъ. Вслѣдствіе этого очень часто притоки легко принять за главную долину; ошибка разъясняется только тогда, когда подходишь къ нимъ вплотную.

Рѣка Ното порожистая, и плаваніе по ней считается опаснымъ. Въ нижнемъ теченіи она около 30 сажень ширины, 3 фута глубины и имѣетъ быстроту теченія до 8 верстъ въ часъ въ малую воду. Въ дождливый періодъ года вода, сбѣгающая съ горъ, переполняетъ рѣку и производитъ внизу большія опустошенія.

Тутъ мы нашли брошенныя инородческія юрты и старые развалившіеся лѣтники. Дерсу мнѣ сообщилъ, что раньше на р. Ното жили удэхейцы (четыре мужчины и двѣ женщины съ тремя дѣтьми), но китѣйцы вытѣснили ихъ на р. Ваку. Въ настоящее время по всей долинѣ Ното охотничаютъ и соболѣютъ одни манзы.

На другой день мы пошли вверхъ по р. Да-нань-цѣ. Она длиною около 50 верстъ.

Здѣсь въ лѣсахъ растетъ много тиса (*Taxus cuspidata* S. et Z.). Нѣкоторыя деревья достигаютъ десяти сажень высоты и трехъ съ половиною футовъ въ обхватъ на грудной высотѣ.

Не доходя верстъ десяти до перевала, тропа дѣлится на двѣ. Одна идетъ на востокъ, другая поворачиваетъ къ югу. Если итти по первой, то можно выйти на р. Динзахе, вторая приведетъ на р. Вангоу (притоки

118) Да бэй ча—Большой сѣверный распадокъ.

119) Да нань ча—Большой южный распадокъ.

Тадушу). Мы выбрали последнюю. Тропа эта пѣшеходная, много кружить и часто переходить съ одного берега рѣки на другой.

В походѣ Дерсу всегда внимательно смотрѣлъ себѣ подъ ноги. Онъ ничего не искалъ, но дѣлалъ это просто такъ, по привычкѣ. Одинъ разъ онъ нагнулся и поднялъ съ земли палочку. На ней были слѣды инородческаго ножа. Мѣсто срѣза давно уже почернѣло.

Разрушенныя юрты, порубки на деревьяхъ, пни, на которыхъ раньше стояли амбары, и эта струганая палочка свидѣтельствовали о томъ, что удачейцы были здѣсь годъ тому назадъ.

Въ сумерки мы вѣтали бивакомъ на галькѣ, въ надеждѣ, что около воды насъ не такъ будутъ допекать комары.

Нозулятина приходила къ концу, надо было достать еще мяса. Мы сговорились съ Дерсу и пошли на охоту. Было рѣшено, что отъ разсошины (120) я пойду вверхъ по рѣкѣ, а онъ—по ручейку въ горы.

Уссурийская тайга оживаетъ два раза въ сутки: утромъ передъ восходомъ солнца и вечеромъ во время заката.

Когда мы вышли съ бивака, солнце стояло уже низко надъ горизонтомъ. Золотистые лучи его пробирались между стволами деревьевъ въ самые затаенные уголки тайги. Лѣсъ былъ удивительно красивъ въ эту минуту. Величественные кедръ своею темной хвоею какъ будто хотѣли прикрыть молоднякъ. Огромные тополи съ узловатыми вѣтвями, насчитывающіе себѣ около трехсотъ лѣтъ, назалось, спорили въ силѣ и мощности съ вѣковыми дубами. Рядомъ, съ ними въ сообществѣ, росли гигантскія липы и высокоствольные ильмы. Позади нихъ виднѣлся коренастый стволъ осокоря, потомъ—черная береза, за ней—ель и пихта, грабъ, пробковое дерево, желтый кленъ и т. д. Дальше за ними уже ничего не было видно. Тамъ все скрывалось въ заросляхъ крушины, бузины и черемушника.

Вдругъ сразу въ лѣсу сдѣлалось сумрачно. Солнечные лучи освѣщали теперь только вершины горъ и облака на небѣ. Свѣтъ, отраженный отъ нихъ, еще нѣкоторое время освѣщалъ землю, но мало по малу и онъ сталъ блекнуть. Жизнь пернатыхъ начала замирать, зато стала просыпаться другая жизнь—жизнь крупныхъ четвероногихъ.

До слуха моего донесся шорохъ. Скоро я увидѣлъ и виновника шума—это была енотовидная собака (*Nyctereutes procyonoides*. Gray)—животное, занимающее среднее мѣсто между собаками, куницами и енотами. Тѣло ея длиною около 2,5 фута поддерживается короткими ногами, голова заостренная, хвостъ длинный, общая окраска сѣрая съ темными и бѣлесоватыми просвѣтами, шерсть длинная, отчего животное кажется больше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

Енотовидная собака обитаетъ почти по всему Уссурийскому Краю, преимущественно же въ западной и въ южной его половинѣ и держится, главнымъ образомъ, по долинамъ около рѣкъ. Животное это довольно злобное, ведущее большею частью ночной образъ жизни и весьма прожорливое. Его можно бы назвать всеяднымъ; оно не отказывается отъ растительной

120) Мѣсто, гдѣ сливаются двѣ рѣчки вмѣстѣ.

пищи, но любимое лакомство ея составляют рыбы и мыши. Если лѣтомъ корма было достаточно, то зимой енотовидная собака погружается въ спячку.

Проводивъ ее глазами, я постоялъ съ минуту и пошелъ дальше.

Черезъ полчаса свѣтъ на небѣ еще болѣе отодвинулся на западъ. Изъ блага онъ сталъ зеленымъ, потомъ желтымъ, оранжевымъ и, наконецъ, темно-краснымъ. Медленно земля совершала свой оборотъ и, казалось уходила отъ солнца навстрѣчу ночи.

Вдругъ, я услышалъ трескъ сучьевъ и вслѣдъ затѣмъ какое то сопѣніе. Я замеръ на мѣстѣ. Изъ чащи, окутанной мракомъ, показались двѣ темныя массы. Я узналъ кабановъ. Они направлялись къ рѣкѣ. Судя по неторопливому шагу животныхъ, я понялъ, что они меня не видали. Одинъ кабанъ былъ большой, а другой поменьше. Я выбралъ меньшаго и сталъ въ него цѣлиться. Вдругъ, большой кабанъ издалъ рѣзкій крикъ, и одновременно я спустилъ курокъ. Эхо подхватило звукъ выстрѣла и далеко разнесло его по лѣсу. Большой кабанъ шархнулся было въ сторону. Я думалъ, что промахнулся, и хотѣлъ уже было двинуться впередъ, но въ это время увидѣлъ раненаго звѣря, поднимающагося съ земли. Я выстрѣлилъ второй разъ, животное ткнулось мордой въ траву и опять стало подниматься. Тогда я выстрѣлилъ тѣ третій разъ. Кабанъ упалъ и остался недвижимъ. Я подошелъ къ нему. Это была свинья средней величины, вѣроятно, не болѣе восьми пудовъ вѣсомъ.

Чтобы мясо не испортилось, я выпотрошилъ кабана и хотѣлъ было уже итти на бивакъ за людьми, но опять услышалъ шорохъ въ лѣсу. Это оказался Дерсу. Онъ пришелъ на мои выстрѣлы. Я очень удивился, когда онъ спросилъ меня, кого я убилъ. Я могъ и промахнуться.

Нѣтъ, засмѣялся онъ, моя хорошо понимаю, тебѣ убей есть.

Я просилъ объяснить мнѣ, на чемъ онъ основываетъ свои предположенія. Гольдъ сказалъ мнѣ, что обо всемъ происшедшемъ онъ узналъ не по выстрѣламъ, а по промежуткамъ между ними. Однимъ выстрѣломъ рѣдко удается убить звѣря. Обыкновенно приходится дѣлать два, три выстрѣла. Если бы онъ слышалъ только одинъ выстрѣлъ, то это значило бы, что я промахнулся. Три выстрѣла, часто слѣдующихъ одинъ за другимъ, говорятъ за то, что животное убѣгаетъ и выстрѣлы пускаются вдогонку. Но выстрѣлы съ неравными промежутками между ними доказываютъ, что звѣрь раненъ и охотникъ его добиваетъ.

Рѣшено было, что до разсвѣта кабанъ останется на мѣстѣ, а съ собой мы возьмемъ только печень, сердце и почки животнаго. Затѣмъ мы разложили около него огонь и пошли назадъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда мы подошли къ бивану. Свѣтъ отъ костровъ отражался въ рѣкѣ яркою полосою. Полоса эта какъ будто двигалась, прерывалась и появлялась вновь у противоположнаго берега. Съ бивана доносились удары топора, говоръ людей и смѣхъ. Разставленные на землѣ комарники, освѣщенные изнутри огнемъ, казались громадными фонарями. Казаки слышали мои выстрѣлы и ждали добычи. Принесенная набанина тотчасъ же была обращена въ ужинъ, послѣ котораго мы напи-

лись чаю и улеглись спать. Остался только один караульный для охраны коней, пущенных на волю.

11-го числа мы продолжали свой путь по р. Дананцѣ. Здѣсь въ изобиліи растутъ кедрѣ. По мѣрѣ приближенія къ Сихотэ-Алиню строевой лѣсъ исчезаетъ все больше и больше, и на смѣну ему выступаютъ лѣса подѣлочнаго характера, и, наконецъ, въ самыхъ истокахъ растутъ исключительно замшистая и жидкая ель (*Picea ajanensis* Fisch.), лиственница (*Larix sibirica* Ldb.) и пихта (*Abies nephrolepis* Max.). Корни деревьевъ не углубляются въ землю, а стелются по поверхности. Сверху они чуть-чуть только прикрыты мхами. Отъ этого дерева недолговѣчны и стоятъ непрочны. Молоднякъ двадцатилѣтнаго возраста свободно опрокидывается на землю усиліями одного человѣка. Отмираніе деревьевъ происходитъ отъ вершинъ. Иногда умершее дерево продолжаетъ еще долго стоять на корню, но стоитъ до него слегка дотронуться, какъ оно тотчасъ же обваливается и разсыпается въ прахъ.

При подъемѣ на крутыя горы, въ особенности съ ношею за плечами, слѣдуетъ быть всегда осторожнымъ. Надо внимательно осматривать деревья, за которыя приходится хвататься. Ужъ не говоря про то, что при паденіи такого рухляка сразу теряешь равновѣсіе, но кромѣ того обломки сухостоя могутъ еще разбить голову. У березъ древесина разрушается всегда скорѣе, чѣмъ кора. При паденіи, березъ древесина разрушается всегда скорѣе, чѣмъ кора. При паденіи труха изъ нихъ высыпается, и на землѣ остаются лежать однѣ берестяные футляры.

Такіе лѣса всегда пустынные. Не видно нигдѣ звѣриныхъ слѣдовъ, нѣтъ птицъ, не слышно жужжанія насекомыхъ. Стволы деревьевъ въ массѣ имѣютъ однотонную буро-сѣрую окраску. Тутъ нѣтъ подлѣсна, нѣтъ даже папоротниковъ и осонь. Куда ни глянешь, всюду кругомъ мохъ: и внизу подъ ногами, и на камняхъ, и на вѣтвяхъ деревьевъ. Тосливое чувство навѣваетъ такая тайга. Въ ней всегда стоитъ мертвая тишина, нарушаемая только однообразнымъ свистомъ вѣтра по вершинамъ сухостоевъ. Въ этомъ шумѣ есть что то злобное, предостерегающее. Такія мѣста инородцы считаютъ обиталищами злыхъ духовъ.

Къ вечеру мы немного не дошли до перевала и остановились у предгорій Сихотэ-Алиня. На этотъ день на развѣдки я послалъ казаковъ, а самъ съ Дерсу остался на бивакѣ. Мы скоро поставили односкатную палатку, повѣсили надъ огнемъ чайникъ и стали ждать возвращенія людей. Дерсу молча курилъ трубку, а я дѣлалъ записи въ свой дневникъ.

Въ переходѣ отъ дня къ ночи всегда есть что то таинственное. Въ лѣсу въ это время становится сумрачно и тоскливо; кругомъ воцаряется жуткое безмолвіе. Затѣмъ появляются какіе-то едва уловимые звуки. Какъ будто слышатся глубокіе вздохи. Откуда они исходятъ? Кажется, это вздыхаетъ сама тайга. Я оставилъ работу и весь отдался влѣянію, окружающей меня, обстановки. Голосъ Дерсу вывелъ меня изъ задумчивости.

Худо здѣсь наша спи, сказалъ онъ какъ бы про себя.

Почему? спросилъ я его.

Онъ молча указалъ рукой на клочья тумана, которые появились въ горахъ и, точно привидѣнія, бродили по лѣсу.

Тебѣ, капитанъ, понимай нѣту, продолжалъ онъ. Его тоже все равно люди.

Дальше изъ его словъ я понялъ, что раньше это были люди, но они заблудились въ горахъ, погибли отъ голода и вотъ теперь души ихъ бродятъ по тайгѣ въ такихъ мѣстахъ, куда рѣдно заходятъ живые. Вдругъ Дерсу насторожился.

Слушай, капитанъ, сказалъ онъ тихо.

Я прислушался: со стороны противоположной той, куда ушли казаки, издали, доносились какіе-то странные звуки. Точно кто нибудь рубилъ дерево. Потомъ все стихло. Прошло минутъ десять, и опять новый звукъ пронесся въ воздухѣ. Точно кто-то лязгалъ желѣзомъ, но только очень далеко. Вдругъ сильный шумъ прокатился по всему лѣсу. Должно быть унало дерево.

Это его, его! забормоталъ испуганно Дерсу, и я понялъ, что онъ говоритъ про души заблудившихся и умершихъ. Затѣмъ онъ вскочилъ на ноги и что то по своему сталъ сердито кричать въ тайгу. Я спросилъ его, что это значить.

Моя мало, мало ругался, отвѣчалъ онъ. Моя ему сказала, что наша одну только ночь здѣсь спи и завтра ходи дальше.

Въ это время съ развѣдокъ вернулись казаки и принесли съ собой оживленіе. Ночныхъ звуковъ больше не было слышно, и ночь прошла спокойно.

На слѣдующій день я проснулся раньше солнца и тотчасъ же принялся будить разспавшихся казановъ. Солнечный восходъ засталъ насъ уже въ дорогѣ.

Подъемъ со стороны р. Дананцы былъ длинный, пологій, спускъ въ сторону моря—крутой. Самый перевалъ представляетъ изъ себя довольно глубокую сѣдловину, покрытую хвойнымъ лѣсомъ, высотой въ 2.740 футовъ. Я назвалъ его «Забытымъ».

Въ горахъ Сихотэ-Алиня почти всегда около глубокихъ сѣдловинъ располагаются высокія горы. Такъ было и здѣсь. Слева отъ насъ высилась большая гора съ плоской вершиной, которую мѣстные китайцы называютъ Тудинза.

Оставивъ казановъ ожидать насъ въ сѣдловинѣ, мы вмѣстѣ съ Дерсу поднялись на гору. По гипсометрическимъ измѣреніямъ высота ея равна 4.160 футамъ. Подъемъ, сначала пологій, по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ, становился все круче и круче. Безспорно, что гора Тудинза является самой высокой въ этой мѣстности. Вершина ея представляетъ изъ себя небольшую площадку, покрытую травой и обставленную по краямъ низкорослой ольхой и березой.

Сверху съ горы открывался великолѣпный видъ во всѣ стороны. Передъ нами развернулась красивая панорама. Земля внизу казалась моремъ, а горы—громадными окаменѣвшими волнами. Ближайшія вершины имѣли причудливыя очертанія, за ними толпились другія, но контуры ихъ были задержаны дымкой синеватаго тумана, а дальше уже нельзя было разоб-

ратъ, горы это или нучерья облака на горизонтѣ. Въ этомъ мѣстѣ хребетъ Сихотэ-Алинь дѣлаетъ небольшой изломъ къ морю, а затѣмъ опять поворота чизаетъ на сѣверо-востокъ. Гора Тудинза находилась какъ разъ въ углу излома. Сверху я легко могъ разобратъся въ расположении горныхъ складокъ и въ направленьяхъ теченій рѣкъ. На западу текли Ли-Фудзинъ и Ното, къ сѣверо-востоку — Тютихе, къ востоку — Динзахе и на юго-востокъ — Вангоу.

Покончивъ съ кипяченіемъ воды, мы стали спускаться обратно къ сѣдловинѣ.

Я не знаю, что труднѣе, подъѣмъ или спускъ? Правда, при подъѣмѣ въ работѣ участвуетъ дыханіе, зато положеніе тѣла — устойчивѣе. При спускѣ приходится все время бороться съ тягостью собственнаго тѣла. Каждый знаетъ, какъ легко подыматься по осыпямъ вверхъ и какъ трудно по нимъ спускаться книзу. При спускѣ приходится упираться ногой въ камни, въ буреломъ, въ основаніе куста, въ почку обрешую травой и т. д. При подъѣмѣ на гору это не опасно, но при спускѣ всегда надо быть осторожнымъ. Въ такихъ случаяхъ легко сорваться съ кручи и полетѣть внизъ головою.

Восхожденіе на гору Тудинзу отняло у насъ цѣлый день. Когда мы спустились въ сѣдловину, было уже поздно. На самомъ перевалѣ находилась кумирня. Казаки нашли въ ней китайскіе леденцы. Они сидѣли за чашью и благодумствовали.

И здѣсь, какъ и на р. Вай-Фудинѣ, при переходѣ черезъ Сихотэ-Алинь наблюдателя поражаетъ разница въ растительности. За водораздѣломъ мы сразу попали въ лиственный лѣсъ — хвоя и мохъ остались назадъ.

Въ истокахъ Вангоу стояла китайская звѣровая фанза Цоцогоу-за(121); въ ней мы и заночевали.

Передъ сумерками я взялъ ружье и отправился на развѣдки. Я шель медленно, часто останавливался и прислушивался. Вдругъ, до слуха моего донеслись какіе-то странные звуки, похожіе на пѣбучее нарианье. Я притаился и вскорѣ увидѣлъ ворона. Птица эта гораздо крупнѣе обыкновенной вороны. Крики, издаваемые ворономъ, довольно разнообразны и даже пріятны для слуха. Онъ сидѣлъ на деревѣ и какъ будто разговаривалъ самъ съ собой. Въ голосѣ его я насчиталъ девять колѣнь. Забѣтивъ меня, птица испугалась. — Она легко снялась съ мѣста и полетѣла назадъ. Въ одномъ мѣстѣ въ расщелинѣ между корой и древесиной я замѣтилъ гнѣздо шишухи, а затѣмъ и ее самое. Эта сѣренькая живая и веселая птичка лазила по дереву и своимъ длиннымъ и тонкимъ клювомъ ощупывала кору. Иногда она двигалась такъ, что приходилась спиной книзу и лапками держалась за вѣтви. Рядомъ съ ней суетились два амурскихъ поползня. Они тихонько пищали и пропорно осматривали каждую складку на деревѣ. Они дѣйствовали своими коническими клювами, какъ долотомъ, нанося удары не прямо, а сбоку, то съ одной, то съ другой стороны.

На возвратномъ пути я убилъ трехъ рябчиковъ, которые и доставили намъ херошій ужинъ.

121) Цао-цао гоу цзы — Падь Цао-цао (Историческое имя пражень Троецарствія).

ПРОКЛЯТОЕ МѢСТО.

Р. ВАНГОУ. СТРАННЫЙ ВЫСТРѢЛЬ. ДЕРСУ РАНЕНЪ. СОЛОНЦЫ. БРОШЕНАЯ ЛУДЕВА. ВСТРѢЧА СЪ ГРАНАТМАНОМЪ И МЕРЗЛЯКОВЫМЪ.
Р. ДИНЗАХЕ. ПТИЦЫ. ИСКАТЕЛЬ ЖЕНЬ-ШЕНЯ.

На разсвѣтѣ (это было 12 Августа) меня разбудилъ Дерсу. Казаки еще спали. Захвативъ съ собой гипсометры, мы снова поднялись на Сихотэ-Алинь. Мнѣ хотѣлось смѣрить высоту съ другой стороны сѣдловины. Насколько я могъ себѣ уяснить, Сихотэ-Алинь тянется здѣсь въ направленіи къ юго-западу и имѣетъ пологіе склѣны, обращенные къ Дананцѣ, и крутые—къ р. Тадушу. Съ одной стороны были только мохъ и хвоя, съ другой — смѣшанные лиственные лѣса, полные жизни.

Когда мы вернулись въ фанзу, отрядъ нашъ былъ уже готовъ къ выступленію. Стрѣлки и казаки позавтракали, согрѣли чай и ожидали нашего возвращенія. Закусивъ немного, я велѣлъ имъ сѣдлать коней, а самъ вмѣстѣ съ Дерсу пошелъ впередъ по тропинкѣ.

Р. Вангоу имѣетъ видъ горной таежной рѣчки, длиною около 20 верстѣ, протекающей по продольной межскладчатой долинѣ, покрытой отличнымъ строевымъ лѣсомъ. На этомъ протяженіи она принимаетъ въ себя пять небольшихъ притоковъ, три—съ лѣвой стороны: Тунца(122). Сяоца(123) и Сявангуль(124), и два—съ правой: Та-Сица(125) и Сяо-Сица(126).

Къ несчастью, р. Вангоу сплавной быть не можетъ, потому что русло ея засорено гальной и завалено буреломомъ.

Около устья первой рѣчки мы остановились, чтобы подождать вьючной обозъ. Дерсу сѣлъ на берегу рѣчки и сталъ переобуваться, а я пошелъ дальше. Тропинка описываетъ здѣсь дугу градусовъ въ сто двадцать. Отойдя немного, я оглянулся назадъ и увидѣлъ его, сидящаго на берегу рѣчки. Онъ махнулъ мнѣ рукой, чтобы я его не дожидался.

Едва я вступилъ на опушку лѣса, какъ сразу наткнулся на кабановъ, но выстрѣлить не успѣлъ. Замѣтивъ, куда побѣжали животныя, я бросился имъ наперерѣзъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ я опять догналъ ихъ. Снвозъ чащу я видѣлъ, какъ что то мелькнуло. Выбравъ моментъ, когда темное пятно остановилось, я приложился и выстрѣлилъ. Въ то же мгновеніе я услышалъ человѣческой крикъ и затѣмъ болѣзнен-

122) Дуни-ча—Восточное развѣтвленіе.

123) Сяо-ча—Малое развѣтвленіе.

124) Сяо ванъ гоу-оръ—Малая извилистая долина.

125) Да си ча—Большое западное развѣтвленіе.

126) Сяо си ча—Малое западное развѣтвленіе.

ный стонъ. Безумный страхъ овладѣлъ мной. Я понялъ, что стрѣлялъ въ человѣка, и кинулся черезъ заросли къ роковому мѣсту. То, что я увидѣлъ, поразило меня, какъ обухомъ по головѣ. На землѣ лежалъ Дерсу.

Дерсу! Дерсу! закричалъ я не своимъ голосомъ и бросился къ нему.

Онъ уперся лѣвой рукой въ землю и, приподнявшись немного на локоть, правую рукою закрылъ глаза. Я тормошилъ его и торопливо, испуганно спрашивалъ, куда попала пуля.

Спина больно, отвѣчалъ онъ.

Я спѣшно сталъ снимать съ него верхнюю одежду. Его куртка и нижняя рубашка были разорваны. Наконецъ, я его раздѣлъ. Вздохъ облегченія вырвался изъ моей груди. Пулевой раны нигдѣ не было, но съ одного спинного позвонка пуля сорвала кожу. Вокругъ контуженнаго мѣста былъ кровоподтекъ немного болѣе пятикопѣечной монеты. Тутъ только я замѣтилъ, что я дрожу, какъ въ лихорадкѣ. Я сообщилъ Дерсу характеръ его раненія. Онъ тоже успокоился. Замѣтивъ мое волненіе, онъ сталъ меня успокаивать.

Ничего, капитанъ! Тебѣ виновать нѣту. Моя назади былъ. Какъ тебѣ понимай, что моя впередъ ходи.

Я поднялъ его, посадилъ, и сталъ разспрашивать, какъ могло случиться, что онъ оказался между мною и кабанями. Оказалось, что кабановъ онъ замѣтилъ со мной одновременно. Прирожденная охотничья страсть тотчасъ въ немъ заговорила. Онъ вскочилъ и бросился за животными. А такъ какъ я двигался по круговой тропѣ, а дикія свиньи шли прямо, то слѣдуя за ними, Дерсу скоро обогналъ меня. Куртка его по цвѣту удивительно подходила къ цвѣту шерсти кабана. Дерсу въ это время пробирался по чащѣ согнувшись. Я принялъ его за звѣря и выстрѣлилъ. Пуля разорвала куртку и контузила спину, вслѣдствіе чего у него отнялись ноги.

Минуть черезъ десять подошли вьюки. Первое, что я сдѣлалъ—это смазалъ ушибъ растворомъ іода, затѣмъ освободилъ одну лошадь, а грузъ разложилъ по другимъ конямъ. На освободившееся сѣдло мы посадили Дерсу и пошли дальше отъ этого проклятаго мѣста.

Послѣ полудня тамъ, гдѣ рѣка Вангоу принимаетъ въ себя сразу три притока, мы нашли еще одну звѣровую фанзу. Дальше итти было нельзя; у Дерсу болѣла голова и ломило спину. Я рѣшилъ остановиться на ночлегъ. Раненаго мы перенесли на рунахъ въ фанзу и положили на калъ. Я старался окружить его самымъ заботливымъ уходомъ. Первымъ долгомъ я положилъ ему согрѣвающій компрессъ на спину, для чего разорвалъ на полосы одинъ комарникъ.

Къ вечеру Дерсу немного успокоился. Зато я не могъ найти себѣ мѣста. Мысль, что я стрѣлялъ въ человѣка, которому обязанъ жизнью, и давала мнѣ покой. Я проклиналъ сегодняшній день, проклиналъ кабановъ и охоту. Вѣдь, если бы на сантиметръ я взялъ лѣвѣе, если бы моя рука немного дрогнула, Дерсу былъ бы убитъ! Всю ночь я не могъ уснуть. Мнѣ все мерещился дѣсь, кабаны, мой выстрѣлъ, крикъ Дерсу и кустъ, подъ которымъ онъ лежалъ. Въ испугѣ я вскакивалъ съ кана и нѣсколько разъ

выходил на улицу; я старался успокоить себя тѣмъ, что все обошлось благополучно, что Дерсу живъ и находится со мною, но ничего не помогало. Тогда я развел огонь и попробовалъ было читать. Скоро я замѣтилъ, что представляю себѣ не то, что написано въ книгѣ, а другую картину..... Наконецъ, стало свѣтать. На мое счастье проснулся очередной артельщикъ. Онъ принялся готовить утреннйй завтракъ, а я сталъ ему помогать.

Утромъ Дерсу почувствовалъ себя легче. Боль въ спинѣ утихла совсѣмъ. Онъ началъ ходить, но все еще жаловался на головную боль и слабость. Я опять приказалъ одного коня предоставить больному. Въ девять часовъ утра мы выступили съ бивака.

Въ нижнемъ теченіи рѣка Вангоу немного болотистая. Здѣсь есть кое гдѣ небольшія полянки съ землею плодородною, заросшею орѣшникомъ, леспедецей, тростникомъ и полынью. Верстахъ въ пяти отъ устья, слѣва, въ Вангоу впадаетъ маленькій ключикъ, называемый китайцами Та-лаза-гоу(127). (Долина большой скалы). Дѣйствительно такая скала здѣсь есть. Порода, изъ которой она состоитъ, разрушаясь подъ дѣйствіемъ солнца, дождя и вѣтра, даетъ бѣловатую рыхлую массу, похожую на глину. По словамъ тазовъ, лѣтомъ во время пантовки здѣсь всегда держится много изюбрей. Они съ какой то особенной жадностью грызутъ эту землю. При ближайшемъ обследованіи скалы, на ней дѣйствительно были найдены многочисленные слѣды, оставленные зубами оленей. Съ одной стороны ими было съѣдено такъ много породы, что образовалась выемка фута въ два глубиною.

Неподалеку отъ скалы находилась лудева, т. е. заборъ, преграждавшій доступъ животнымъ къ водою. Онъ былъ сдѣланъ частью изъ буреломнаго лѣса, частью изъ живыхъ деревьевъ. При помощи колевъ валежникъ закрѣпляется такъ, чтобы животныя не могли разбросать его ногами. Кое гдѣ оставляются проходы, въ которыхъ копаются глубокія ямы, сверху искусно замаскированныя травой и сухой листвою. Ночью олени идутъ къ водѣ, натыкаются на заборъ и, пытаясь обойти его, попадаютъ въ ямы. Такія лудевы тянутся иногда на пятьдесятъ верстъ съ лишнимъ и имѣютъ около двухсотъ дѣйствующихъ ямъ.

Лудева на р. Вангоу была заброшена. Видно было, что китайцы не навѣщали ее уже давно. Въ одной изъ ямъ мы нашли изюбря. Бѣдное животное попало туда, видимо, сутонъ трое тому назадъ. Мы остановились и стали разсуждать о томъ, какъ его спасти. Одинъ изъ солдатъ хотѣлъ было спуститься въ яму, но Дерсу посоветовалъ не дѣлать этого. Олень могъ убиться самъ и переломать охотнику ноги. Тогда мы рѣшили вынуть его арканами. Такъ и сдѣлали. Въ двѣ петли, брошенныя на землю, изюбрь попалъ ногами, третью набросили ему на голову и быстро вытащили наверхъ. Казалось, что онъ задохся. Но едва петли были сняты, онъ тотчасъ началъ вращать глазами. Отдышавшись немного, олень поднялся на ноги и, шатаясь, пошелъ въ сторону, но, не доходя до лѣса, увидѣлъ ручей и, не обращая на насъ болѣе вниманія, сталъ жадно пить воду.

127) Да ла-цзы гоу—Долина большой скалы.

Дерсу ужасно ругалъ китайцевъ за то, что они, просивъ лудеву, не позаботились завалить ямы землею. Черезъ часъ мы подошли къ знакомой намъ Лудевой фанзѣ. Дерсу совсѣмъ оправился и хотѣлъ было самъ итти разрушать лудеву, но я совѣтовалъ ему остаться и отдохнуть до завтра. Послѣ обѣда я выгналъ всѣхъ китайцевъ на работу и приказалъ казакамъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ ямы были уничтожены.

Послѣ пяти часовъ пополудни погода стала портиться:—съ моря потянулъ туманъ; откуда то на небѣ появились тучи. Въ сумерки возвратились казаки и доложили, что въ трехъ ямахъ они еще нашли двухъ мертвыхъ оленей и одну живую козулю.

Весь слѣдующій день мы простояли на мѣстѣ. Погода была переменная, но больше дождливая и пасмурная. Люди стирали бѣлье, починяли одежду и занимались чисткой оружія. Дерсу оправился окончательно, чему я несказанно радовался.

Послѣ полудня мы услышали выстрѣлы. Это Г. И. Гранатманъ и А. И. Мерзляковъ давали знать о своемъ возвращеніи. Встрѣча наша была радостной. Начались разспросы и рассказы другъ другу о томъ, кто гдѣ былъ и кто что видѣлъ. Разговоры эти затянулись до самой ночи.

14-го Августа мы были готовы къ продолженію путешествія. Теперь я полагалъ подняться по р. Динзахэ и спуститься въ бассейнъ Тютихе, а Г. И. Гранатманъ съ А. И. Мерзляковымъ взялись обследовать другой путь по р. Вандагоу, впадающей в Тютихе съ правой стороны недалеко отъ устья.

15 Августа въ 9 часовъ утра оба наши отряда раздѣлились и пошли каждый своей дорогой.

Густой туманъ, лежавшій до сихъ поръ въ долинахъ, вдругъ началъ подыматься. Сначала огодились подошвы горъ, потомъ стали видны склоны ихъ и сѣдловины. Дойдя до вершинъ, онъ растянулся въ видѣ снѣготины и остался неподвиженъ. Казалось, вотъ—вотъ хлынетъ дождь, но благоприятныя для насъ стихіи взяли верхъ: день былъ облачный, но не дождли былъ.

Рѣка Динзахэ(128) длиною верстъ сорокъ пять. Общее направленіе теченія съ сѣвера на юг. Немного не доходя до Тадушу, она круто поворачиваетъ на западъ и течетъ нѣкоторое время ей параллельно. Высокій отрогъ горнаго хребта, влинившійся между этими двумя рѣками, состоитъ изъ трахитоваго туфа, фельзитовъ съ плитняковою отдѣльностью и зеленаго оруденлаго кварцита. Лѣсонасажденіе въ горахъ рѣдкое. Здѣсь растутъ бѣлая и черная береза, клень, дубъ и липа. Китайцы и инородцы, которымъ нужно попасть на р. Динзахэ, идутъ прямо черезъ этотъ отрогъ, чѣмъ значительно сокращаютъ разстояніе и выигрываютъ во времени. Послѣднія три версты рѣка снова склоняется на югъ и подъ прямымъ угломъ въ Тадушу.

Сначала на протяженіи десяти верстъ по долинѣ р. Динзахэ тянутся поляны, отдѣленныя другъ отъ друга небольшими перелѣсками, а затѣмъ

начинаются сплошные лѣса, такіе же роскошные, какъ и на р. Ли-Фуд-эинѣ. Тутъ я впервые замѣтилъ японскую березу (*Betula japonica*. Н. Winke) съ треугольными листьями. Говорятъ, она часто встрѣчается къ югу отъ р. Тадушу, затѣмъ—бересклетъ малоцвѣтковый (*Euonymus pauciflora*. Max.) съ бахромчатыми вѣтвями и съ блѣдными листьями. абрикосовое дерево (*Prunus manshurica*. Koehne.) съ мелкими плодами и черешню Максимовича (*Prunus Maximoviczii*. Rupr.), растущую всегда одиноко и дающую черные безвкусные плоды. Въ другомъ мѣстѣ я замѣтилъ приземистый тальникъ (*Salix vagans*. Anderss.) съ слабо опущенными листьями и пепельную иву (*Salix cinerea* L.), растущую то кустомъ, то деревомъ. Кое гдѣ одиночно встрѣчались кусты смородины Максимовича (*Ribes Maximoviczianum* Kom.) съ красивой листвою и мелкими ягодами и изрѣдка—княжикъ охотскій (*Atragene ochotensis* Pal.) съ тонкими заостренными долями листьевъ.

Нѣкоторыя деревья поражали своей величиной. Измѣренные стволы ихъ въ обхватъ на грудной высотѣ дали слѣдующія цифры: кедръ—9 фут. 8 дюймовъ, лихтѣ—4 фута 9 дюйм., ель—9 фут. 1 дюйм., вязъ—7 фут. 9 дюйм., береза бѣлая—7 фут. 7 дюйм., тополь—15 фут. 2 дюйма, ива бередная—8 фут. 6 дюйм., пробковое дерево—3 фута 2 дюйма и т. д.

Рѣка Динзахѣ сильно извивается по долинѣ. Мѣстами она очень мелка, течетъ по галькѣ и имѣетъ много перекатовъ, но мѣстами образуетъ глубокія ямы. Вода въ массѣ, вслѣдствіе постороннихъ примѣсей, имѣетъ красивый опаловый цвѣтъ.

Съ каждымъ днемъ гнусу становилось все меньше и меньше. Это очень облегчило работу. Комары стали какіе то желтые, холодныя и злыя.

Первымъ большимъ притокомъ. Динзахѣ съ правой стороны будетъ р. Канхеза. По ней можно выйти на р. Вангоу. Въ этотъ день мы прошли сравнительно немного и на ночь остановились въ густомъ лѣсу около брошенной звѣровой фанзы.

Когда стемнѣло, съ моря вѣтромъ опять нанесло туманъ. Конденсация пара была такъ велика, что влага непосредственно изъ воздуха осѣдала на землю мелкой изморозью. Туманъ былъ такъ густъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя было разсмотрѣть человѣка. На немъ, какъ на экранѣ, отражались тѣни людей. Онѣ ходили по радіусамъ, принимали гигантскіе размѣры и прыгали съ одного мѣста на другое. Въ такой сырости не хочется долго сидѣть у огня. Послѣ ужина всѣ, словно сговорившись, залѣзли въ комарники и легли спать.

Съ восходомъ солнца туманъ разсѣялся. По обыкновенію, мы съ Дерсу не стали дожидаться, когда засѣдлаютъ лошадей, и пошли впередъ по тропѣ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ становился глуше. Въ этой дѣвственной тайгѣ было что то такое, что манило въ глубину ея и въ то же время пугало своей неизвѣстностью. Въ спокойномъ проявленіи силъ природы здѣсь произрастали представители всѣхъ лиственныхъ и хвойныхъ породъ маньчжурской флоры. Эти молчаливые великаны могли бы многое рассказать изъ того, чему они были свидѣтелями двѣсти и триста лѣтъ тому назадъ.

Проникнуть въ самую глубь тайги удается немногимъ. Она слишкомъ велика. Путнину все время приходится имѣть дѣло съ растительной стихіей. Много тайнъ хранить въ себѣ тайга и ревниво оберегаетъ ихъ отъ человека. Она кажется угрюмой, молчаливой, мертвой. Таково первое впечатлѣніе. Но кому случалось поближе съ ней познакомиться, тотъ скоро привыкаетъ къ ней и тоскуетъ, если долго не видитъ лѣса. Мертвой тайга кажется только снаружи, на самомъ дѣлѣ она полна жизни. Мы съ Дерсу шли не торопясь и наблюдали птицъ.

Въ частѣ подлѣся въ одиночку кое гдѣ мелькали бойкія ремезы-овсянки. (129) Тамъ и сямъ на деревьяхъ можно было видѣть Уссурійскихъ малыхъ дятловъ. Изъ нихъ особенно интересенъ зеленый дятель съ золотистою головкой. Онъ усердно долбилъ деревья и нимало не боялся приближенія людей. Въ другомъ мѣстѣ порхало нѣсколько темныхъ дроздовъ. Рядомъ по вѣткамъ шоркали двѣ уссурійскихъ сойки-пересмѣшницы. Одинъ разъ мы вспугнули сокола—дербиюка. Онъ низко полетѣлъ надъ землею и скрылся вскорѣ за деревьями. Надъ водой рѣзвились стрекозы. За одной изъ нихъ гналась азіатская трясогузка; она старалась поймать стрекозу на лету, но послѣдняя ловко отъ нея увертывалась.

Вдругъ, гдѣ то въ сторонѣ тревожно закричала кадровна, Дерсу сдѣлалъ мнѣ знакъ остановиться.

Погоди, капитанъ, сказалъ онъ. Его сюда ходи.

Дѣйствительно, ирки приближались. Не было сомнѣнія, что эта тревожная птица кого то провожала по лѣсу. Минутъ черезъ пять изъ зарослей вышелъ человекъ. Увидѣвъ насъ, онъ остановился, какъ вкопанный. На лицѣ его изобразилась тревога.

Я оразу узналъ въ немъ искателя жень-шеня. Одѣтъ онъ былъ въ рубашку и штаны изъ синей дабы, кожаные унты, а на головѣ красовалась коническая берестяная шляпа. Спереди на немъ былъ одѣтъ промасленный передникъ, для защиты одежды отъ росы, а сзади къ поясу привязана была шкура барсука, позволявшая садиться на мокрый валежникъ безъ опасенія замочить одежду. У его пояса висѣлъ ножъ, костяная палочка для выкапыванія жень-шеня и мѣшочекъ, въ которомъ хранились ирмень и огниво. Въ рукахъ китаецъ держалъ длинную палку для разгребанія травы и листья подъ ногами.

Дерсу сказалъ ему, что онъ не боялся и подошелъ поближе. Это былъ человекъ лѣтъ пятидесяти пяти, уже постѣдвшій. Лицо и руки его такъ загорѣли, что приняли цвѣтъ оливково-красный. Никакого оружія у него не было.

Когда китаецъ убѣдился, что мы не хотимъ ему сдѣлать зла, онъ сѣлъ на колодки, досталъ изъ за пазухи тряпицу и сталъ вытирать ею чотное лицо. Вся фигура старика выражала крайнее утомленіе.

Такъ вотъ онъ, искатель жень-шеня!... Это былъ своего рода пустынный, ушедшій въ горы и отдавшій себя подъ покровительство лѣсныхъ духовъ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КЪ МОРЮ.

ЕНОТОВИДНЫЯ СОБАКИ. ДОЛИНА ИНЗА-ЛАЗА-ГОУ. УСТЬЕ Р. ТЮТИХЕ. СТРѢЛБА ПО УТКАМЪ. ФИЛОСОФІЯ ДЕРСУ. БАНЯ. БУХТА ТЮТИХЕ. ПТИЦЫ НА БЕРЕГУ МОРЯ. ГРОЗА. Р.Р. ЦИМУХЕ И ВАДАГОУ.

За переваломъ слѣдя теченію воды къ востоку, мы часа въ три съ половиной дня вышли на рѣку Инза-Лазы-Гоу (Долина серебряной скалы). Рѣка эта будетъ самымъ большимъ и ближайшимъ къ морю притокомъ Тютихе.

Въ верховьяхъ р. Инза-Лазы-Гоу состоитъ тоже изъ двухъ рѣчекъ, именуемыхъ также Сицой и Тунцой. Каждая изъ нихъ въ свою очередь слагается изъ нѣсколькихъ мелкихъ ручьевъ. Въ этотъ день мы дошли до слиянія ихъ и встали биваномъ въ густомъ лѣсу.

Здѣсь въ рѣкѣ было много мальмы. (*Salvelinus alpinus malma* Walb.) Мы ловили ее просто руками. Она подавалась намъ ежедневно утромъ на завтракъ и вечеромъ на ужинъ. Интересно отмѣтить, что рыба эта особенно распространена въ Зауссурийскомъ Краѣ. Иностранцы говорятъ, что къ западу отъ Сихотэ-Алиня преобладаетъ ленокъ (*Brachymystax lenok* Pall.), котораго вовсе нѣтъ въ прибрежномъ районѣ.

Стрѣлки занялись ловлей рыбы на удочку, а я взялъ ружье и отправился на развѣдки въ горы. Проходя до самыхъ сумерокъ и ничего не найдя, я пошелъ назадъ по берегу рѣки. Вдругъ, въ одной ямѣ я услышалъ шумъ, похожій на полосканье. Подойдя осторожно къ обрыву, я заглянулъ внизъ и увидѣлъ двухъ енотовидныхъ собакъ. Онѣ такъ были заняты ловлею рыбы, что совершенно не замѣчали моего присутствія. Передними ногами еноты стояли въ водѣ и зубами старались схватить шмыгающихъ мимо нихъ рыбешекъ. Я долго наблюдалъ за животными. Иногда онѣ, вдругъ, круто оборачивались назадъ, бросались за землеройками и принимались торопливо рыть землю. Но вотъ одинъ изъ звѣрьковъ поднялъ голову, внимательно посмотрѣлъ въ мою сторону и издавъ какой то звукъ, похожій на тявканье. Вслѣдъ затѣмъ оба енота быстро исчезли въ травѣ и больше уже не показывались около рѣчки.

На бивакѣ я засталъ всѣхъ въ сборѣ. Послѣ ужина мы еще съ часъ занимались каждый своей работой, а затѣмъ напились чаю и легли спать, кто гдѣ нашелъ для себя удобнѣе.

Слѣдующій день мы продолжали свой маршрутъ на р. Инза-Лазы-Гоу. Долина этой рѣки въ средней части суживается, но затѣмъ опять начинаетъ расширяться. Горы съ правой стороны крутыя и скалистыя. Въ ихъ обрывахъ китайцы нашли прожилки серебро-свинцовой руды, отчего и долина получила свое настоящее названіе. Долина Инза-Лазы-Гоу боль-

шею частью свободна отъ лѣса, но такъ какъ почва въ ней каменистая, она совершенно неудобна для земледѣлія. Вотъ почему китайцы игнорировали ее и поселились около устья.

На всѣмъ протяженіи рѣки принимаетъ въ себя только два притока и оба съ правой стороны. Это будутъ небольшіе горные ручьи—Тамча-стау(132) и Панчангоу.(133) Отъ мѣста сліянія ихъ идетъ тропа, продолженная тазовскими охотниками и китайцами соболевщиками. По пути я замѣчалъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля была истоптана и взрыта. Я думалъ, что это кабаны, но Дерсу указалъ мнѣ на исковерканное деревцо, лишенное коры и листьевъ, и сказалъ:

Его скоро начинай кричи!

Изъ объясненій его я понялъ, что какъ только у изюбря окрѣпнуть молодые рога (панты), онъ старается содрать съ нихъ кожу, для чего третъ панть каное нибудь деревцо. Другой самецъ, придя на это мѣсто, понимаетъ, что это значитъ. Онъ начинаетъ злиться, рыть землю ногами и бить молодянь рогами.

Р. Инза-Лаза-Гоу впадаетъ въ р. Тютихе въ пяти верстахъ отъ моря.

Нижняя часть долины послѣдней представляетъ изъ себя три широкихъ котловины. Китайскія фанзы расположены съ лѣвой стороны.

Верстахъ въ двухъ отъ устья рѣки начинаются болота. Песчаные валы и лужи стоячей воды между ними указываютъ мѣсто, до котораго раньше доходило море. Въ приростѣ суши принимали участіе три фактора: отрицательное движеніе береговой линіи, наносы рѣки и морской прибой.

Около самаго залива рѣка вдругъ поворачиваетъ налѣво и течетъ вдоль берега моря, отдѣляясь отъ него только песчаной косой. Раньше устье Тютихе было около сѣвернаго мыса. Во время наводненія въ 1904-омъ году рѣка прорвала эту плотину и вышла прямо къ бухтѣ. Какъ только въ прежнемъ руслѣ ослабѣло теченіе, море заметало его устье пескомъ. Тамъ образовался слѣпой рукавъ, впоследствии обмелѣвшій. Въ недалекомъ будущемъ онъ превратился въ болото. Длинное озеро, которое сохранилось между валами въ одной верстѣ отъ моря, вѣроятно, было самое глубокое мѣсто залива. Нынѣ озеро это почти все заросло травой.

На немъ плавало множество утокъ. Я остался съ Дерсу ради охоты, а отрядъ ушелъ впередъ. Стрѣлять утокъ, плававшихъ на озерѣ, не имѣло смысла. Безъ лодки мы все равно не могли бы ихъ достать. Тогда мы стали караулить перелетныхъ. Я стрѣлялъ изъ дробовика, а Дерсу изъ винтовки и рѣдкій разъ онъ давалъ промахи. Глядя на его стрѣльбу, я невольно еслухъ высказывалъ похвалу.

Моя раньше хорошо стрѣляя, отвѣчалъ онъ. Никогда пуля мимо ходитъ. Теперь мало мало плохо.

Въ это мгновеніе надъ нами высоко пролетала утка. Дерсу быстро поднялъ ружье и выстрѣлилъ. Птица, прострѣленная пулей, переверну-

132) Да ма ча-цаы гоу — Развѣтвляющаяся надъ, гдѣ расстѣт высокая елоля.

133) Паш-чашъ гоу.—Долина извилистая, какъ вѣшка.

лась въ воздухѣ, камнемъ полетѣла внизъ и грузно ударилась о землю. остановился и въ изумленіи посматривалъ то на него, то на утку. Дерсу развеселился. Онъ предложилъ мнѣ бросать кверху камни величиной въ куриное яйцо. Я бросилъ десять камней и восемь изъ нихъ онъ въ воздухѣ разбилъ пулями. Дерсу былъ доволенъ. Но не тщеславіе говорило въ немъ, онъ просто радовался тому, что средства къ жизни можетъ еще добывать охотой.

Долго мы бродили около озера и стрѣляли птицъ. Время летѣло незамѣтно. Когда вся долина залилась золотистыми лучами заходящаго солнца, я понялъ, что день кончился. Вслѣдъ за трудовымъ днемъ приближался покой; вся природа готовилась къ отдыху. Едва солнце успѣло скрыться за горизонтомъ, какъ съ другой стороны изъ за моря стала подыматься ночь.

Широкой полосой передъ нами разстилались пески; они тянулись версты на три. Далеко впереди, точно караванъ въ пустынѣ, двигался нашъ отрядъ. Собравъ поскорѣе птицъ, мы пошли за нимъ слѣдомъ.

Около моря караванъ нашъ остановился. Черезъ нѣсколько минутъ кверху взвилась струйка бѣлаго дыма, это разложили огонь на бивакѣ. Мы прибавили шагу и черезъ полчаса были около своихъ.

Солдаты встали на ночь рядомъ съ маленькой фанзой, построенной изъ плавниковаго лѣса, оноо береговыхъ обрывовъ. Здѣсь жили два китайца, занимающихся сборомъ съдобныхъ ракушекъ въ полосѣ мелководья. Большаго радушія и большаго гостепримства я нигдѣ не встрѣчалъ.

За этотъ переходъ всѣ сильно устали. На несчастье я сильно натеръ пятку. Надо было всѣмъ отдохнуть, поэтому я рѣшилъ сдѣлать здѣсь дневку и дожидаться возвращенія Г. И. Гранатмана и А. И. Мерзлянова.

Ночью больная нога не позволила мнѣ сомкнуть глазъ, и я неснано былъ радъ, когда стало свѣтать. Сидя у огня, я наблюдалъ, какъ къ жизни пробуждалась природа.

Раньше всѣхъ проснулись бакланы. Они медленно, не торопясь, летѣли надъ моремъ куда то въ одну сторону, вѣроятно—на кормъ. Надъ озеромъ, заросшимъ травою, носились табуны утокъ. Въ морѣ, на землѣ и въ воздухѣ стояла глубокая тишина.

Дерсу поднялся раньше другихъ и началъ грѣть чай. Въ это время стало всходить солнце. Словно живое оно выглянуло изъ воды однимъ краешкомъ, затѣмъ отдѣлилось отъ горизонта и стало взбираться вверхъ по небу.

Какъ это красиво! воскликнулъ я.

Его самый главный люди, отвѣтилъ мнѣ Дерсу, указывая на солнце. Его пропади—кругомъ все пропади. Онъ подождаль съ минуту и затѣмъ опять сталъ говорить: Земля тоже люди. Голова его—тамъ (онъ указалъ на сѣверо-востокъ), а ноги—туда (онъ указалъ на юго-западъ). Огонь и вода тоже два сильные люди. Огонь и вода пропади—тогда все сразу кончай.

Въ этихъ простыхъ словахъ было много анимистическаго, но было много и мысли. Услышавъ нашъ разговоръ, стали просыпаться стрѣлки и

казани. Весь день я просидѣлъ на мѣстѣ. Солдаты тоже отдыхали и только по временамъ ходили посмѣтрѣть лошадей, чтобы онѣ не ушли далеко отъ бивада.

Сегодня мы устроили походную баню. Для этого была поставлена глужая двускатная палатка. Потомъ въ сторонѣ на кострахъ наналили нарами, а у китайцевъ въ большомъ котлѣ и двухъ керосиновыхъ банкахъ согрѣли воду. Когда все было готово, палатку снаружи смочили водою, внесли въ нее раскаленные камни и стали поддавать паръ. Получилась довольно хорошал паровая баня. Правда, въ палаткѣ было тѣсно и приходилось мыться по очереди. Пока одни мылись, другіе—калили камни. Много было шутокъ, много смѣху, но все же всѣ вымылись и даже постирали бѣлье.

Слѣдующіе три дня провели за починкой обуви. Прежде всего я позаботился доставить продовольствіе Н. А. Пальчевскому, который собиралъ растенія въ окрестностяхъ бухты Терней. На наше счастье, въ устьѣ р. Тютихе мы застали большую парусную лодку, которая шла на сѣверъ. Дереву уговорилъ хозяина ея маньчжура Хэй-ба-тоу⁽¹³⁵⁾ зайти въ бухту Терней и передать Н. А. Пальчевскому письма и два ящина с грузомъ.

Погода эти дни стояла переменная: дули рѣзкіе западные вѣтры; ночи стали прохладныя; приближалась осень.

Нога моя скоро прошла, и явилась возможность продолжать путешествіе.

Тамъ, гдѣ р. Тютихе впадаетъ въ море, нѣтъ ни залива, ни бухты. Незначительное углубленіе береговой линіи внутрь материка не даетъ уирытія судамъ во время непогоды. Поэтому, если вѣтеръ начинаетъ свѣжѣть, они спѣшатъ сняться съ якоря и уйтн подалеже отъ берега. Бухта Тютихе (будемъ такъ называть ее) окаймлена съ сѣвера и съ юга невысокими горами, лишенными древесной растительности; только по распадкамъ и, вообще, въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ морскихъ вѣтровъ, кое гдѣ растутъ группами дубъ, черная береза и липа исключительно дровяного характера. Южная возвышенность представляетъ изъ себя великолѣпный образчикъ горы, отмытой по вертикали отъ вершины до основанія и оканчивающейся мысомъ Бринера. Это—одинокая скала, соединяющаяся съ материкомъ намывной косой изъ песку и гальки. По срединѣ косы есть небольшая, но довольно глубокая лагуна съ соленою водою. Къ югу отъ мыса Бринера, саженяхъ въ ста отъ берега, изъ воды торчатъ еще двѣ скалы, именуемыя, какъ и всегда, «Братомъ и Сестрою». Раньше это были береговые ворота. Сводъ ихъ обрушился; и остались только одни столбы. Если смѣтрѣть на мысъ Бринера съ сѣвернаго берега бухты Тютихе, то нажется, что столбы эти стоятъ на песчаномъ перешейкѣ.

Нѣсколько южнѣе въ береговыхъ обрывахъ можно наблюдать выходы вулканическаго туфа съ прослойками горючей сѣры. Горы съ сѣверной стороны бухты оканчиваются обрывами высотой въ 245—280 футъ съ

134) Хэй ба-тоу—Черный лодочникъ.

узкою намывною полосою прибой, на которую море выбросило множество морской травы.

Такие травяные завалы всегда служат мѣстопробываніемъ разнаго рода куликовъ. Прежде всего я замѣтилъ быстро бѣгающихъ по песчаной стмели восточно-сибирскихъ грязовиковъ. Они заходили въ воду и, казалось, совершенно не обращали вниманія на прибой. Рядомъ съ ними были гулички-травники. Эти красноногія смиръныя птички держались маленькими стайками, ходили по травѣ и выискивали въ ней кормъ. При приближеніи человѣка, онѣ испуганно съ криками снимались съ мѣста и летѣли сначала въ море, потомъ, вдругъ, круто поворачивали въ сторону и разомъ, точно по командѣ, садились снова на берегъ. Тамъ, гдѣ морская трава чередовалась съ полосами песку, можно было видѣть Уссурійскихъ зуйковъ. Симпатичныя птички эти постоянно заглядывали подъ щепки, камни и ракушки и то и дѣло заходили въ воду и только, когда сильная прибойная волна дальше обыкновеннаго забѣгала на берегъ, онѣ вспархивали и держались на воздухѣ до тѣхъ поръ, пока вода не отходила назадъ. Невдалекѣ отъ нихъ по берегу чинно расхаживали два кулина—сорони и что то клевали. Около мысовъ плавали нырковыя морскія утки—бѣлобоки съ сѣрою спиною и пестрыя наменушки. Онѣ то и дѣло ныряли за кормомъ. Поднявшись на поверхность воды, утки осматривались по сторонамъ, встряхивали своимъ коротенькимъ хвостикомъ и опять принимались за ныренье. Дальше въ морѣ держались тихоокеанскіе банланы. Они ныряли счень глубоко и всплывали на поверхность на значительномъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ погружались въ воду. Надъ моремъ носилось множество чаекъ. Изъ нихъ особенно выдѣлялась восточно-сибирская хохотунья. Порой онѣ спускались на воду и тогда подымали неистовый крикъ, дѣйствительно напоминающій человѣческой смѣхъ. Чайки по очереди снимались съ воды, перелетали другъ черезъ друга и опять садились рядомъ, гри этомъ одна другую старалась ударить клювомъ или отнять пойманную добычу. Въ другой сторонѣ надъ самымъ устьемъ рѣки Тютихе кружились два бѣлохвостыхъ орлана. Они долго и зорно высматривали добычу и, вдругъ, точно сговорившись, разомъ опустились на берегъ. Вороны, чайки и кулички безъ спора уступили имъ свои мѣста.

Послѣдніе два дня были грозвые. Особенно сильная гроза была 23-го числа вечеромъ. Уже съ утра было видно, что въ природѣ что то готовится: весь день сильно парило; въ воздухѣ стояла мгла. Она постепенно увеличивалась и послѣ полудня сгустилась настолько, что даже ближнія горы приняли неясныя и расплывчатыя очертанія. Небо сдѣлалось бѣлесоватымъ. На солнце можно было смотрѣть невооруженнымъ глазомъ: вокругъ него появилась желтая корона.

Будетъ Агды, говорилъ Дерсу. Постоянно такъ начинай.

Часа въ два дня съ запада донеслись глухіе раскаты грома. Всѣ птицы разомъ куда то исчезли. Стало сумрачно; точно сверху на землю опустился темный саванъ и вслѣдъ затѣмъ пошелъ рѣдкій и крупный дождь. Вдругъ, могучій ударъ грома потрясъ воздухъ. Сильныя молніи сверкали то тутъ, то тамъ и не успѣвали въ небѣ заглухнуть одни раскаты, какъ появлялись

новые. Горное эхо вторило грозѣ и разносило громовые удары «во всѣ стороны свѣта бѣлаго». Къ дождю присоединился вихрь. Онъ ломалъ мелкіе сучья, срывалъ листву съ деревьевъ и высоко подымалъ ее на воздухъ. Вслѣдъ затѣмъ хлынулъ сильный ливень. Буря эта продолжалась до восьми часовъ вечера.

На другой день 24-го августа сразу было три грозы. Я замѣтилъ, что по мѣрѣ приближенія къ мѣрю, грозы затихали. Надъ водой вспышки молніи происходили только въ верхнихъ слояхъ атмосферы—между облаками. Канъ и надо было ожидать, послѣдній ливень перешелъ въ мелкій дождь, который продолжался всю ночь и слѣдующія двое сутокъ безъ перерыва.

26-го вечеромъ дождь пересталъ, и небо немного очистилось. Утромъ солнце взошло во всей своей лучезарной красотѣ, но земля еще хранила на себѣ слѣды непогоды. Отовсюду сбѣгала вода; всѣ мелкіе ручейки перератились въ бурные и пѣнящіеся потоки.

25-го августа на Тютихе пришли Г. И. Гранатманъ и А. И. Мерзляковъ. Ихъ путь до фанзы Тадянза⁽¹³⁴⁾ лежалъ сначала по р. Тадушу а затѣмъ по лѣвому ея притоку р. Цимухе. Послѣдняя состоитъ изъ двухъ рѣчекъ, раздѣленныхъ между собою небольшою возвышенностью, поросшей мелкимъ лѣсомъ и кустарниками. Одна рѣчка течетъ съ сѣвера, другая—съ востока.

Береговая тропа, проложена китайцами очейъ искусно. Она все время придерживается такихъ долинъ, которыя идутъ вдоль берега моря; перевалы избраны самые низкіе, подъемы и спуски—возможно пологіе.

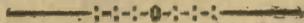
Высота перевала между обѣими упомянутыми рѣчками равняется 660 футамъ. Всѣ окрестныя горы состоятъ главнымъ образомъ изъ кварцитовъ.

Далѣе тропа идетъ по р. Вандагоу,⁽¹³⁶⁾ владающей въ Тютихе недалеко отъ устья. Она длиною верстъ двѣнадцать, въ верхней части—лѣсистая, въ нижней—заболоченная. Лѣсъ, растущій на ней, рѣдкій и носитъ на себѣ слѣды частыхъ пожарищъ.

У послѣдней земледѣльческой фанзы тропа раздѣляется. Одна идетъ низомъ по болотамъ прямо къ морю, другая—къ броду на р. Тютихе верстахъ въ пяти отъ устья.

135) Да дянъ-цзы—Обширное пастбище.

136) Ванъ да гоу—Извилистая большая долина.

ВВЕРХЪ ПО Р. ТЮТИХЕ.

ВЫСТУПЛЕНІЕ. ТАЗЫ. НЕТА. ПОТРАВА ПАШЕНЪ КАБАНАМИ. РУДНИКЪ. ЛЕТАГА. ЛѢСНАЯ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ. ЖЕНЬ-ШЕНЬ. ЗАѢЗДКА ДЛЯ ЛОВЛИ РЫБЫ. ИСТОКИ Р. ТЮТИХЕ. ПЕРЕВАЛЪ СКАЛИСТЫЙ. ВЕРХОВЬЯ ИМАНА. ДЕРСУ ПЕРЕДЪ КИТАЙСКОЙ КУМИРНЕЙ. СИЛЬНЫЙ ВИХРЬ. ТИХАЯ НОЧЬ.

26-го августа мы отдыхали, 27-е число посвятили сборамъ, а 28-го вновь выступили въ походъ. Я съ Дерсу и съ четырьмя казанами пошелъ вверхъ по р. Тютихе, Г. И. Гранатманъ отправился на р. Юдзыхе, а А. И. Мерзлякову было поручено произвести обслѣдованіе побережья моря до залива Джигитъ.

По долину своей рѣки Тютихе (по удэгейски Ногуле) будетъ, пожалуй, больше всѣхъ рѣкъ южной части прибрежнаго района (около 80 верстъ). Названіе ея есть искаженное китайское слово Чжю-чжи-хе (т. е. Рѣка дикихъ свиней). Такое названіе она получила оттого, что дикіе кабаны на ней какъ то разь разорвали двухъ охотниковъ. Русскіе въ искаженіи пошли еще дальше и слово Тютихе(137) исказили въ Тетюха, что уже окончательно не имѣетъ никакого смысла.

Если смотрѣть на долину со стороны моря, то, кажется, будто Тютихе течетъ съ запада. Ошибка эта скоро разъясняется: видимая долина есть знакомая намъ р. Инза-Лаза-Гоу.

Долина Тетюхе—денудационная; она слагается изъ цѣлаго ряда котловинъ, замыкаемыхъ горами. Проходы изъ одной котловины въ другую до того узки, что трудно усмотрѣть, откуда именно течетъ рѣка. Очень часто какой нибудь притонъ мы принимали за самую Тетюхе, долго шли по немъ и только по направленію теченія воды узнавали о своей ошибкѣ.

У мѣста сліянія р.р. Тютихе и Инза-Лаза-Гоу живутъ китайцы и инородцы. Я насчиталъ сорокъ четыре фанзы, изъ числа которыхъ было шесть тазовскихъ. Послѣдніе нѣсколько отличаются отъ тѣхъ тазовъ, которыхъ мы видѣли около залива Св. Ольги. У нихъ уже и физическій обликъ былъ нѣсколько иной. Вслѣдствіе притѣсненія китайцевъ и благодаря злоупотребленію спиртомъ, они находились въ ужасной нищетѣ. Позаимствовавъ кое—что отъ китайской культуры, они увеличили свои потребности, но не измѣнили въ корнѣ уклада жизни, вслѣдствіе чего началось быстрое паденіе ихъ экономическаго благосостоянія. У стариковъ еще живы воспоминанія о тѣхъ временахъ, когда они жили одни и были многочисленнымъ народомъ. Тогда не было китайцевъ, и только съ приходомъ ихъ появляются тѣ страшныя болѣзни, отъ которыхъ они гибли тысячами. Среди

137) По П. В. Шкуркину—Цаю цзи хе, означающее: Десятая быстрая рѣка.

тазовъ я не нашель ни одной семьи, въ которой не было бы прибора для куренія опиума. Особенно этой погубной страсти преданы женщины. Тутъ я нашель одну старуху, которая еще помнила свой родной языкъ. Я уговорилъ ее подѣлиться со мною своими знаніями. Съ трудомъ она могла вспомнить только одиннадцать словъ. Я записалъ ихъ,—они оназались принадлежащими Удэхейцамъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ старуха (ей тогда было 20 лѣтъ) ни одного слова не знала по китайски, а теперь она совершенно утратила все національное, само-бытное, даже—языкъ.

Въ этотъ день мы дошли до фанзы таза Лай-Серль. Здѣсь рѣна Тютихе принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны двѣ маленькія рѣчки Сысенурль (138) и Сыбегоу (139).

Мы попали на р. Тютихе въ то время, когда кэта (*Oncorhynchus Keta*, Walb.) шла изъ моря въ рѣки метать икру. Представьте себѣ тысячи-тысячъ рыбъ отъ 8 до 12 фунтовъ вѣсомъ, наводнящихъ рѣку и стремящихся вверхъ къ порогамъ. Какая то неудержимая сила заставляеть ихъ итти противъ воды и преодолевать препятствія.

Въ это время кэта ничего не ѣстъ и питается только тѣмъ запасомъ жизненныхъ силъ, которая она приобрѣла въ морѣ. Сверху, съ высоты рѣчныхъ террасъ видно все, что дѣлалось въ водѣ. Рыбы было такъ много, что мѣстами за ней совершенно не было видно dna рѣки. Интересно наблюдать, какъ кэта проходить пороги. Она двигается зигзагами, переворачивается съ боку на бокъ, кувырняется и всетани идетъ впередъ. Тамъ, гдѣ ей мѣшаетъ водопадъ, она подпрыгиваетъ изъ воды и старается зацѣпиться за камни. Избитая, израненная, она гибнетъ въ верховьяхъ рѣки, а на смѣну ей изъ моря идутъ все новыя толпы, точно на приступъ.

Сперва мы съ жадностью набросились на рыбу, но вскорѣ она прѣтлала и опротивѣла.

Послѣ продолжительнаго отдыха у моря люди и лошади шли охотно.

Дальнія горы задернулись синей дымкой вечерняго тумана. Приближался вечеръ. Скоро кругомъ должна была воцариться тишина. Однако я замѣтилъ, что по мѣрѣ того, какъ становилось темнѣе, какими то неясными звуками наполнялась долина. Слышались человѣческіе крики и лязганье по желѣзу. Нѣкоторые звуки были далеко, а нѣкоторые совсѣмъ близко.

Дерсу, что это такое? спросилъ я гольда.

Манзы чушну гомай, отвѣчалъ онъ.

Я не понялъ его и подумалъ, что китайцы загоняютъ своихъ свиней на ночь. Дерсу возражалъ. Онъ говорилъ, что пока не убрана кукуруза и не собраны овощи съ огородовъ, нинто свиней изъ загоновъ не выпускаеть.

Мы пошли дальше. Минутъ черезъ двадцать я замѣтилъ огни, но не около фанзъ, а въ сторонѣ отъ нихъ.

138) Сы сянь хунъ-аръ.—Пещера (небольшая) четырехъ духовъ.

139) Си-бэй гоу.—Сѣверо-западная долина.

Манзы чушну гоняй, опять сказалъ Дерсу, и я опять его не понялъ.

Наконецъ, мы обогнули утесы и вышли на поляну. Звуки стали сразу яснѣе. Китаецъ кричалъ такимъ голосомъ, какъ будто аукался съ кѣмъ нибудь, и время отъ времени колотилъ палкой въ мѣдный тазикъ. Услышавъ шумъ приближающагося отряда, онъ закричалъ еще больше и сталъ разжигать кучу дровъ, сложенныхъ около тропинки.

Погоди, капитанъ, сказалъ Дерсу. Такъ худо ходи. Его могу стрѣляй. Его думай наша чушна есть.

Я началъ понимать. Китаецъ принималъ насъ за дикихъ свиней и, дѣйствительно, могъ выстрѣлить изъ ружья. Дерсу что-то закричалъ ему. Китаецъ тотчасъ отвѣтилъ и побѣждалъ намъ навстрѣчу. Видно было, что онъ и испугался, и обрадовался нашему приходу.

Я рѣшилъ здѣсь ночевать. Казаки принялись развьючивать лошадей и ставить палатки, а я вошелъ въ фанзу и сталъ разспрашивать китайцевъ. Они пеняли на свою судьбу и говорили, что вотъ три ночи подрядъ кабаны травятъ пашни и огороды. За двое сутокъ они уничтожили почти всѣ огородные овощи. Осталась одна кукуруза. Сколо неп днемъ китайцы уже видѣли дикихъ свиней и не было сомнѣнія, что ночью они явятся снова. Китаецъ просилъ меня стрѣлять на воздухъ, за что обѣщаль платить деньги. Послѣ этого онъ выбѣжалъ изъ фанзы и опять началъ кричать и бить въ тазикъ. Далеко изъ-за горы ему вторилъ другой китаецъ, еще дальше—третій. Эти нестройные звуки неслись по долинѣ и таили въ тихомъ ночномъ воздухѣ. Послѣ ужина мы рѣшили заняться охотой.

Когда заря потухла на небѣ, китаецъ сбѣгалъ къ кукурузѣ и зажегъ около нея огонь. Взявъ ружья, мы съ Дерсу отправились на охоту. Китаецъ тоже пошелъ съ нами. Онъ не переставалъ кричать. Я хотѣлъ было его остановить, но Дерсу сказалъ, что это не помѣшаетъ, и кабаны все равно придуть на пашню. Черезъ нѣсколько минутъ мы были около кукурузы. Я сѣлъ на пенъ съ одной стороны, Дерсу съ другой и стали ждать. Отъ костра столбомъ подымался вверхъ дымъ; красный свѣтъ прыгалъ по землѣ неровными пятнами и освѣщаль кукурузу, траву, камни и все, что было по близости.

Намъ пришлось ждать недолго. За пашней, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ мы сидѣли, послышался шумъ. Онъ замѣтно усиливался. Кабаны взбивали ногами траву и фырканьемъ выражали свое неудовольствіе, чуя присутствіе людей. Несмотря на крики китайца, несмотря на огонь, дикія свиньи прямо шли къ кукурузѣ. Черезъ минуту, двѣ мы увидѣли ихъ. Переднія уже начали потраву. Мы выстрѣлили почти одновременно. Дерсу уложилъ одно животное, я—другое. Кабаны бросились назадъ, но черезъ четверть часа они опять появились въ кукурузѣ. Снова—два выстрѣла и еще пара свиней осталась на мѣстѣ; одно животное, раскрывъ ротъ, ринулось къ намъ навстрѣчу, но выстрѣлъ Дерсу уложилъ его на мѣстѣ. Китаецъ бросалъ въ свиней головешками. Выстрѣды гремѣли одинъ за другимъ, но ничего не помогало. Кабаны шли точно на приступъ. Я хотѣлъ было идти къ убитымъ животнымъ, но Дерсу не пустилъ меня, сказавъ, что это очень опасно, потому что среди нихъ могли быть

раненыя. Подождавъ еще немного, мы пошли въ фанзу и, напившись чаю, легли спать. Но уснуть не удалось: китаецъ всю ночь кричалъ и колотилъ въ мѣдный тазъ.

На разсвѣтѣ китаецъ успокоился, и мы уснули крѣпкимъ сномъ. Часовъ въ девять я проснулся и спросилъ про кабановъ. Дерсу сообщилъ мнѣ, что ночью мы убили пять животныхъ. Послѣ нашего ухода кабаны все-таки пришли на пашню и потравили остальную кукурузу начисто. Китаецъ былъ очень опечаленъ. Мы взяли съ собой только одного кабана, а остальныхъ бросили на мѣстѣ.

По словамъ инородцевъ, рацѣе кабановъ было значительно меньше. Они расплодился послѣднiя десяти дѣтъ и, если бы ихъ не уничтожали тигры, они заповолонили бы всю тайгу.

Распростившись съ китайцемъ, мы пошли своею дорогою.

Чѣмъ дальше, тѣмъ интереснѣе становилась долина. Съ каждымъ поворотомъ открывались все новые и новые виды. Художники нашли бы здѣсь неистощимый матеріалъ для своихъ этюдовъ. Нѣкоторые виды были такъ красивы, что даже нижніе чины, почти всегда равнодушные къ красотамъ природы, не могли оторвать отъ нихъ своихъ глазъ и смотрѣли, какъ зачарованные.

Кругомъ высились горы съ причудливыми гребнями, и утесы, похожіе на человѣческія фигуры, которымъ какъ будто кто-то «невѣдомый» приказалъ окарауливать сопки. Другія скалы походили на животныхъ, птицъ или просто казались длинной колоннадой. Утесы, выходящіе въ долину, увѣшанные гирляндами ползучихъ растений, листва которыхъ приняла уже осеннюю окраску, были похожи на портики храмовъ, развалины замковъ и т. д.

Большинство горъ въ долині Тютихе состоитъ изъ сѣрыхъ гранитовъ, порфировъ и известняковъ. Лѣсонасажденію здѣсь крайне разнообразно: у моря растетъ преимущественно дубъ и черная береза, въ среднемъ теченіи—ясень, кленъ, вязъ, липа и бархатъ, ближе къ горамъ начинается попадаться пихта, а около рѣки въ изобиліи растетъ тальникъ и ольха. Иной разъ положительно останавливаешься въ недоумѣнiи передъ деревомъ, выросшемъ буквально на голомъ камнѣ. Кажется и трещины нѣтъ, но дерево стоитъ прочно; корни его оплели камень со всѣхъ сторонъ и укрѣпились въ осыпяхъ.

Въ среднемъ теченіи рѣки принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны притокъ р. Горбушу. Издали невольно ее принимаешь за р. Тютихе, которая въ самомъ дѣлѣ проходитъ лѣвѣе черезъ узкое ущелье.

Не доходя р. Горбуши версты двѣ, тропа раздѣляется. Конная идетъ въ бродъ черезъ рѣку, а пѣшеходная взбирается на утесы и лѣпится по нарнису. Мѣсто это считается опаснымъ, потому что почва на тропѣ подъ давленіемъ ноги ползетъ книзу.

Въ этотъ день мы дошли до серебро-свинцоваго рудника. Здѣсь была одна только фанза, въ которой жилъ сторожъ кореецъ. Онъ тоже жаловался на кабановъ и собирался перемочевать къ морю. Мѣсто руды откры-

го китайцами лѣтъ сорокъ тому назадъ. Они пробовали было выплавлять изъ нее серебро, но—неудачно. Впослѣдствіи мѣсто это застолбилъ Г. Бринеръ.

Съ каждымъ днемъ комаровъ и мошней становилось все меньше и меньше. Теперь они стали появляться только передъ сумерками и на разсвѣтѣ. Это, вѣроятно, объясняется сильными росами и пониженіемъ температуры послѣ захода солнца.

Ночи стали значительно холоднѣе. Наступило самое хорошее время года. Зато для лошадей, въ другомъ отношеніи, стало хуже. Трава, которой онѣ, главнымъ образомъ, кормились въ пути, стала засыхать. За неимѣніемъ овса, изрѣдка, гдѣ были фанзы, казаки покупали буду и по-немногу подкармливали ихъ утромъ передъ походомъ и вечеромъ на биванахъ.

У корейца въ фанзѣ было такъ много клоповъ, что самъ хозяинъ вынужденъ былъ спать снаружи, а во время дождя прятался въ сарайчикъ, сложенный изъ тонкаго нанатника. Узнавъ объ этомъ, мы отшли отъ фанзы еще съ версту и встали биваномъ на берегу рѣки.

Вечеромъ, послѣ ужина, мы всѣ сидѣли у костра и разговаривали. Вдругъ, что то бѣлесовато-сѣрое пролетѣло мимо, безшумно и неторопливо. Стрѣлки говорили, что это птица, а я думалъ, что это большая летучая мышь. Черезъ нѣсколько минутъ странное существо появилось снова. Оно не махало крыльями, а летѣло горизонтально и нѣсколько наклонно книзу. Животное сѣло на осину и затѣмъ взбиралось вверхъ по стволу. Окраска звѣрна до того подходила подѣ цвѣтъ коры дерева, что, если бы онъ оставался неподвижнымъ, то его совершенно нельзя было бы замѣтить. Поднявшись сажени на три, онъ остановился и, казалось, замеръ на мѣстѣ. Я взялъ дробовое ружье и хотѣлъ было стрѣлять, но меня остановилъ Дерсу. Онъ быстро нартзалъ мелкихъ вѣтокъ и прикрѣпилъ ихъ въ видѣ вѣника къ длинной палкѣ, затѣмъ подошелъ къ дереву и поднялъ ихъ такъ, чтобы не закрывать свѣтъ костра. Ослѣпленное огнемъ, животное продолжало сидѣть на одномъ мѣстѣ. Когда вѣникъ былъ достаточно высоко, Дерсу прижалъ его къ дереву, затѣмъ велѣлъ одному казаку держать палку, а самъ взобрался до ближайшаго суча, сѣлъ на него и вѣникомъ, какъ тряпкой, схватилъ свою добычу. Испуганный звѣрекъ запищалъ и сталъ биться. Это оказалась летяга (*Seiuropterus russicus* Fied). Она относится къ отряду грызуновъ (*Rodentia*) и къ семейству бѣличьихъ (*Seiuridae*). По бокамъ туловища, между передними и задними ногами, имѣется эластичная складка кожи, которая позволяетъ ей планировать отъ одного дерева къ другому. Все тѣло летяги покрыто мягкой шелковистою свѣтло-сѣрою шерстью съ проборомъ на хвостѣ.

Летяга распространена по всему Уссурийскому Краю и живетъ въ смѣшанныхъ лѣсахъ, гдѣ есть береза и осина. Пойманный нами экземпляръ былъ длиною 8 и шириною (вмѣстѣ съ растянутой перепонкой) 6 дюймовъ. Солдаты столпились кругомъ и разсматривали летучаго грызуна. Особенно оригинальна была его голова съ большими усами и огромными черными глазами, приспособленными для воспріятія возможно большаго

количества свѣтовыхъ лучей *ж*чью. Когда всѣ кончили разсматривать летягу, Дерсу поднялъ ее надъ головой, что то грозно сказалъ и пустилъ на свободу. Летяга низко полетѣла надъ землею и скрылась въ темнотѣ. Я спросилъ гольда, зачѣмъ онъ отпустилъ летягу.

Его птица нѣту, мышь нѣту, отвѣчалъ онъ. Его нельзя убей.

И онъ принялся мнѣ рассказывать о томъ, что это душа умершаго ребенка. Она нѣкоторое время сятается по землѣ въ видѣ летяги и только, въ послѣдствіи, попадаетъ въ загробный міръ, находящійся въ той сторонѣ, гдѣ закатывается солнце.

Мы долго бесѣдовали съ нимъ на эту тему. Онъ рассказывалъ мнѣ и о другихъ животныхъ. Каждое изъ нихъ было человѣкоподобное и имѣло душу. У него была даже своя классификація ихъ. Такъ, крупныхъ животныхъ онъ ставилъ отдѣльно отъ мелкихъ, умныхъ—отдѣльно отъ глупыхъ. Соболя онъ считалъ самымъ хитрымъ животнымъ.

На вопросъ, какой звѣръ, по его мнѣнію, самый вредный, Дерсу подумалъ и сказалъ:

Кротъ!

А на вопросъ, почему именно кротъ, а не другое животное, онъ отвѣтилъ:

Такъ, никто его не хочу стрѣляй, никто не хочу его кушай.

Этими словами Дерсу хотѣлъ сказать, что кротъ животное бесполезное, никчемное.

Оглянувшись кругомъ, я увидѣлъ, что всѣ уже спали. Пожелавъ Дерсу покойной ночи, я завернулся въ бурну, легъ поближе къ огоньку и сладко уснулъ.

На слѣдующій день, 30 Августа, мы пошли дальше. Въ трѣхъ верстахъ отъ корейской фанзы за «щенами»¹⁴⁰⁾ долина повернула къ сѣверо-западу. Съ лѣвой стороны ея по теченію тянется невысокая, но обширная рѣчная терраса. Когда-то здѣсь былъ большой лѣсъ. Три раза слѣдующее другъ за другомъ пожары уничтожили его совершенно. Остались только рѣдкіе обгорѣлые стволы. Точно персты они указывали челювѣку на небо, гдѣ онъ долженъ будетъ дать отвѣтъ Богу за то насиліе, которое творить надъ природою. Этотъ горѣлый лѣсъ тянется далеко въ стороны. Чрезвычайно грустный и безжизненный видъ имѣютъ такіа гари.

Къ полудню мы вошли въ густой лѣсъ. Здѣсь былъ едланъ небольшой привалъ. Воспользовавшись свободнымъ временемъ, я сталъ осматривать древесную и кустарниковую растительность и отмѣтилъ у себя въ записной книжкѣ: 1) бѣлый клень (*Acer tegmentosum* Max.), съ гладкой зеленоватою корою и съ листьями, слабо зазубренными, мохнатыми и бѣлесоватыми снизу, 2) черемуху Маака (*Prunus Maakii* R.), съ жорой, напоминающей бересту и съ темной остроконечной зазубренной листвою, 3) каменную березу (*Betula Ermani* Cham.), съ желтовато-грязной корою и съ чрезвычайно изорванной и висящей лохмотьями берестой, 4) особый видъ смородины (*Ribes petraeum* Wulf.), почти не от-

140) Ускія мѣста долины со скалистыми обрывами съ обѣихъ сторонъ.

личающей от обыкновенной красной; несмотря на август мѣсяцъ, на кустахъ еще не было ягодъ, 5) шиповникъ безъ шиповъ (*Rosa acicularis*. Lin.), съ красноватыми вѣтвями, мелкими листьями и крупными розовыми цвѣтами, 6) спирею (*Spiraea chamaedrifolia*. Lin.), съ клиновидно-заостренными мелко-зубчатыми листьями и бѣлыми цвѣтами и 7) бузину (*Sambucus racemosa*. Lin.),—кустъ съ свѣтлой корой, съ парноперистыми овально-ланцетовидными и мелко-зубчатыми листьями и съ желтоватыми цвѣтами.

Подкрѣпивъ свои силы ѣдой, мы съ Дерсу отправились впередъ, а лошади остались сзади. Теперь наша дорога стала подыматься куда-то въ гору. Я думалъ, что рѣка Тютихе протекаетъ здѣсь по ущелью, и потому тропа обходитъ опасное мѣсто. Однако, я замѣтилъ, что это была не та тропа, по которой мы шли раньше. Во-первыхъ, на ней не было конныхъ слѣдовъ, а во-вторыхъ, она шла вверхъ по ручью, въ чемъ я убѣдился, какъ только увидѣлъ воду. Тогда мы рѣшили повернуть назадъ и идти напрямикъ къ рѣкѣ въ надеждѣ, что гдѣ нибудь пересѣчемъ свою дорогу. Оказалось, что эта тропа увела насъ далеко въ сторону. Мы перешли на лѣвую сторону ручья и пошли у подножья какой-то сопки.

Вѣковые дубы, могучіе недры, черная береза, кленъ, аралія, ель, тополь, грабъ, пихта, лиственница и тисъ росли здѣсь въ живописномъ безпорядкѣ. Что-то особенное было въ этомъ лѣсу. Внизу подъ деревьями царилъ полумракъ. Дерсу шелъ медленно и, по обыкновенію, внимательно смотрѣлъ себѣ подъ ноги. Вдругъ, онъ остановился и, не спуская глазъ съ какого-то предмета, сѣлъ съ собою котомку, положилъ на землю ружье и сошки, бросилъ топоръ, затѣмъ легъ на землю ничкомъ и сталъ кого-то о чемъ-то просить.

Я думалъ, что онъ сошелъ сума.

Дерсу, что съ тобой? спрашивалъ я его.

Дерсу поднялся и, указавъ рукой на траву, сказалъ одно только слово:

Панцуй! (жень-шень).

Тутъ росло много травы. Которая изъ нихъ была жень-шень, я не зналъ. Дерсу показалъ мнѣ его. Я увидѣлъ небольшое травянистое растеніе, величиною въ $1\frac{1}{2}$ фута съ четырьмя листьями. Каждый листъ состоялъ изъ пяти листочковъ, изъ которыхъ средній былъ длиннѣе, два покромче, а два крайніе—самые короткіе. Жень-шень уже отцвѣлъ, и появились плоды. Это были маленькія кругленькія коробочки, расположенныя такъ же, какъ и у зонтичныхъ. Коробочки еще не вскрылись и не осыпали сѣмянъ. Дерсу очистилъ вокругъ растенія землю отъ травы, потомъ собралъ всѣ плоды и завернулъ ихъ въ тряпицу. Послѣ этого онъ попросилъ меня придержать растеніе сверху рукой, а самъ принялся выкапывать корень. Откапывалъ онъ его очень осторожно. Все вниманіе было обращено на то, чтобы не повредить корневые мочки. Затѣмъ онъ понесъ его къ водѣ и сталъ осторожно смывать землю.

Я помогалъ ему, какъ могъ. Мало-по-малу земля стала отваливаться и черезъ нѣсколько минутъ корень можно было разсмотрѣть. Онъ былъ

длиною $3\frac{1}{2}$ дюйма съ двумя нонцами, значить—мужской. Тянь вотъ на-
новъ этотъ жень-шень, излѣчивающій всѣ недуги и возвращающій старче-
скому тѣлу молодую бодрость жизни. Дерсу отрѣзалъ растеніе, уложилъ
его вмѣстѣ съ корнемъ въ мохъ и завернулъ въ бересту. Послѣ этого онъ
помолился Богу, затѣмъ одѣлъ свою котомку, взялъ въ руки ружье и
сошил и сказалъ:

Ты, капитанъ, счастливый!

По дорогѣ я спросилъ гольда, что онъ думаетъ дѣлать съ жень-ше-
немъ. Дерсу сказалъ, что онъ хочетъ его продать и на вырученный деньги
купить патроновъ. Тогда я рѣшилъ купить у него жень-шень и дать ему
денегъ больше, чѣмъ дали бы китайцы. Я высказалъ ему свои соображе-
нія, но результатъ получился совсѣмъ неожиданный. Дерсу тотчасъ по-
лѣзъ за пазуху и, подавая мнѣ корень, сказалъ, что отдаетъ его даромъ.
Я отказался, но онъ началъ настаивать. Мой отказъ и удивилъ, и обидѣлъ
его. Только впослѣдствіи я понялъ, что дѣлать подарки въ обычаѣ инород-
цевъ, и что обычай требуетъ отблагодарить дарившаго равноцѣнной
вещью.

Разговаривая, такимъ образомъ, мы скоро вышли на р. Тютихе и
здѣсь нашли потерянную тропинку. Съ перваго же взгляда Дерсу уви-
дѣлъ, что нашъ вьючный отрядъ прошелъ впередъ.

Мы прибавили шагъ. Версты черезъ двѣ долина, вдругъ, стала сужи-
ваться. Начали попадаться глинистые сланцы—вѣрный признакъ, что
Сихотэ-Алинь былъ недалеко. Здѣсь рѣка протекаетъ по узкому ложу.
Шумъ у подножья береговыхъ обрывовъ указывалъ, что дно рѣки загро-
мозжено камнями. Всюду пѣнились каскады; они чередовались съ глубо-
кими водоемами, наполненными прозрачною водою, которая въ массѣ имѣ-
ла красивый изумрудный цвѣтъ.

Въ рѣкѣ было много крупной мальмы. Дерсу хотѣлъ было стрѣлать
ея нее изъ ружья, но я уговорилъ его побережъ патроны. Мнѣ хотѣлось по-
скорѣе присоединиться къ отряду, тѣмъ болѣе, что солдаты считали меня
и Дерсу находящимися впереди и, конечно, торопились догнать насъ. Та-
кимъ образомъ, они могли уйти далеко впередъ.

Часевъ въ пять мы подошли къ звѣровой фанзѣ. Около нея я увидѣлъ
своихъ людей. Лошади уже были разсѣдланы и пущены на волю. Въ фан-
зѣ кромѣ солдата находился еще какой-то китаецъ. Узнавъ, что мы съ
Дерсу еще не проходили, они резонно рѣшили, что мы остались назади и
встановились, чтобы обогнать. У китайца было много набаромьяго мяса
и рыбы, пойманной заѣздами.

Китайская заѣздка устраивается слѣдующимъ образомъ: при помо-
щи камней рѣка перегораживается отъ одного берега до другого, а въ се-
рединѣ оставляется небольшой проходъ. Вода просачивается между камня-
ми, но большая ея часть идетъ по руслу къ отверстию и падаетъ въ рѣще-
то, связанное изъ тальниковыхъ прутьевъ. Раза два или три въ сутки ки-
таецъ осматриваетъ его и собираетъ богатую добычу.

Отъ хозяина фанзы мы узнали, что находимся у подножья Сихотэ-

Алиня, который дѣлаетъ здѣсь большой изломъ, а рѣка Тютихе течетъ вдоль него. Затѣмъ онъ сообщилъ намъ, что дальше отъ его фанзы идутъ двѣ тропы: одна къ сѣверу прямо на водораздѣльный хребетъ, а другая—на западъ, вдоль рѣки Тютихе. До истоковъ послѣдней оставалось еще верстъ двѣнадцать.

Вечеромъ, послѣ ужина, мы держали совѣтъ. Рѣшено было, что завтра я, Дерсу и китаецъ охотникъ отправимся вверхъ по р. Тютихе, перевалимъ черезъ Сихотэ-Алинь и назадъ вернемся по р. Ляничхэзѣ. На это путешествіе нужно было употребить трое сутокъ. Стрѣлки и казакъ съ лошадьми останутся на мѣстѣ и будутъ ожидать нашего возвращенія.

На другой день рано утромъ мы втроемъ наладили свои котомки, взяли ружья и тронулись въ путь.

Чѣмъ дальше, тѣмъ тропа становилась все хуже и хуже. Долина сузилась совсѣмъ и стала походить на ущелье. Приходилось карабкаться на утесы и хвататься руками за корни деревьевъ. Отъ жесткой почвы подъ ногами стали болѣть подошвы ступней. Мы старались обходить каменистыя розсыли и ступать ногою на мохъ или мягкій гнилой рухлякъ, но это мало помогало.

Истоки рѣки Тютихе представляютъ изъ себя два ручья. По меньшему, текущему с юга, можно выйти на рѣку Ното, а по большому, текущему с сѣверо-запада—на Иманъ. У мѣста слиянія ихъ высота надъ уровнемъ моря равняется 2.135 футамъ. Мы выбрали послѣдній путь, какъ наименѣе извѣстный.

Съ этой стороны Сихотэ-Алинь казался грознымъ и недоступнымъ. Вслѣдствіе размывовъ, а можетъ быть отъ какихъ либо другихъ причинъ, здѣсь образовались узкіе и глубокіе распадни, похожіе на каньоны. Казалось, будто горы дали трещины и эти трещины разошлись. По дну овраговъ бѣжали ручьи, но ихъ не было видно; внизу во мглѣ слышно было только, какъ шумѣли насклады. Ниже бѣгъ воды становился покойнѣе, и тогда въ рокотѣ ея можно было уловить игривыя нотки.

Канимъ затерявшимся кажется человекъ среди этихъ скалистыхъ горъ, лишенныхъ растительности. Незадолго до сумерокъ мы взобрались на переваль, высота котораго измѣряется въ 4.970 футовъ. Я назвалъ его «Скалистымъ». Отсюда, сверху, все представляется въ мелкомъ масштабѣ; въковой лѣсъ, растущій въ долинѣ, кажется мелкой щетиной, а хвойныя деревья—тоненькими иглами.

Заночевали мы по ту сторону Сихотэ-Алиня на границѣ лѣсныхъ насажденій. Ночью было сыро и холодно; мы почти не спали. Я все время кутался въ одѣяло и никакъ не могъ согрѣться. Къ утру небо затянулось тучами и началъ надрываться дождь.

Сегодня первый осенній день—пасмурный и вѣтренный. Живо, безъ проволочекъ, мы собрали свое имущество и стали спускаться въ бассейнъ Имана. Насколько подъемъ былъ крутымъ со стороны Тютихе, настолько онъ былъ пологимъ со стороны Имана. Сначала я даже думалъ, что мы находимся на плоскогоріи, и только когда увидѣлъ воду, понялъ, что мы уже спустились съ гребня.

Лѣсъ, растущій на западныхъ склонахъ Сихотэ-Алиня — старый, замѣстный, низкорослый и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ лиственницы, ели и лихты, съ небольшою примѣсью ольхи и березы.

Въ верховьяхъ Иманъ слагается изъ двухъ рѣкъ, текущихъ съ юга. Мы попали на правую рѣчку, которую китайцы называютъ Ханыхеза. Отъ Сихотэ-Алиня до слиянiя ихъ будетъ не менѣе 30 верстъ.

Старыя затески на деревьяхъ привели насъ къ звѣровой фанзѣ. Судя по сложеннымъ въ ней запасамъ продовольствiя, видно было, что Иманские звѣровщики уже готовились къ соболеванию.

Китаецъ не повелъ насъ далеко по Иману, а свернулъ на востокъ къ рѣкѣ Лянчихезѣ. Здѣсь нашъ проводникъ немного заблудился и долго искалъ тропу.

Къ полудню погода испортилась совсѣмъ. Тучи быстро бѣжали съ юго-востока и заволакивали вершины горъ. Я часто поглядывалъ на компасъ и удивлялся, какъ нашъ проводникъ, безъ всякихъ инструментовъ, держалъ правильное направленiе.

Въ одномъ ручьѣ мы нашли много сухой ольхи. Хотя было еще рано, но я по опыту зналъ, что значать сухiе дрова во время ненастья и потому посоветовалъ остановиться на бивакъ. Мои опасенiя оказались напрасными. Ночью дождя не было, а утромъ появился густой туманъ.

Китаецъ торопилъ насъ. Ему хотѣлось поскорѣе добраться до другой фанзы, которая, по его словамъ, была еще верстахъ въ двѣнадцать. И, дѣйствительно, къ полудню мы нашли эту фанзочку. Она была пуста. Я спросилъ нашего вожатаго, кто ея хозяинъ. Онъ сказалъ, что въ верховьяхъ Имана соболеваниемъ занимаются китайцы, живущiе на берегу моря, дальше, внизъ по рѣкѣ, будутъ фанзы соболевщиновъ съ р. Юдзыхе, а еще дальше, на значительномъ протяженiи, слѣдуетъ пустынная область, которая снова оживаетъ немного около рѣки Кулумбе.

Отдохнувъ здѣсь немного, мы пошли снова къ Сихотэ-Алиню. По мѣрѣ приближенiя къ гребню, подъемъ становился болѣе пологимъ. Около часа мы шли какъ бы по плоскогорiю. Вдругъ, около тропы я увидѣлъ кумирню. Это служило показателемъ того, что мы достигли перевала. Высота его равнялась 4.200 футамъ. Я назвалъ его «Руднымъ». Отсюда начался крутой ступенчатый спускъ къ р. Тютихе.

Мы остановились отдохнуть. Дерсу поставилъ свое ружье къ дереву, подошелъ къ кумирнѣ, опустился передъ ней на колѣни и дважды поклонился въ землю. Я удивился, что онъ молится передъ китайской кумирней.

Дерсу, обратился я къ нему. Что ты молишься? Вѣдь это китайскiй Богъ!?

Ничего, капитанъ, отвѣтилъ онъ мнѣ, какой, какой Богъ—вашъ Богъ, нашъ Богъ, китайскiй Богъ, все равно одинъ Богъ—три иѣту.

Я поразился его отвѣтомъ и устыдился своего вопроса. Его ужъ не былъ забить никакими теософическими теорiями. Вопросъ, надъ которымъ европейцы тысячелѣтiями ломаютъ головы и ведутъ споры, иногда доходящiе до кровопролитiя, онъ, простой дикарь, разрѣшалъ такъ просто. Въ

самомъ дѣлѣ—одинъ Богъ! Разница только въ томъ, что каждый чело-вѣкъ представляетъ себѣ его по своему и по своему его называетъ. Послѣ этого я воспретилъ казакамъ обирать сахаръ въ кумирняхъ.

Отдохнувъ немного, мы стали спускаться съ водораздѣла. Спускъ въ долину рѣки Тютихе, какъ я уже сказалъ, идетъ уступами. По эту сторону былъ также хвойный лѣсъ, но по качеству несравненно лучше иманскаго.

Съ перевала тропа привела прямо къ той фанзѣ, гдѣ оставались люди и лошади. Казаки соснучились и чрезвычайно были рады нашему возвращенію. За это время они убили изюбря и наловили много рыбы.

Передъ вечеромъ небо вдругъ, какъ то быстро, стало расчищаться. Тучи, которыя доселѣ лежали неподвижно-ровной пеленой, разорвались. Облака имѣли разлохмаченный видъ, двигались вразбродъ, навстрѣчу другъ другу, и вслѣдъ затѣмъ налетѣлъ такой сильный вѣтеръ, что столѣтнія деревья закачались, какъ слабыя тростинки. Въ воздухѣ закружилась сухая трава, листва, сорванная съ деревьевъ, и мелкіе сучья. Какая то птица пыталась было бороться съ разбушевавшейся стихіей, но скоро выбилась изъ силъ. Ее понесло куда то внизъ, и она скорѣе упала, чѣмъ опустилась, на землю. Вдругъ, одинъ кедръ, растущій недалеко отъ фанзы, накренился и началъ медленно падать. Со страшнымъ грохотомъ рухнулъ онъ на землю, увлекая за собой сосѣдній молоднякъ. Около часу свирѣпствовалъ этотъ вихрь и затѣмъ пропалъ такъ же неожиданно, какъ и появился. Въ лѣсу попрежнему стало тихо.

Я одѣлся, взявъ свое ружье, свистнулъ собаку и пошелъ внизъ по рѣчкѣ. Отойдя немного отъ фанзы, я сѣлъ на камень и сталъ слушать. Монотонный шумъ ручья, который обыкновенно не замѣчаешь днемъ, вечеромъ нажется сильнѣе. Внизу подъ обрывомъ плескалась рыба, по ту сторону рѣки въ лѣсу ухалъ филинъ-пугачъ, въ горахъ ревѣли изюбри, и гдѣ-то поблизости тоскливо кричала кабарга. Я такъ увлекся созерцаніемъ природы, что не замѣтилъ, какъ прошло время. Одежда моя стала мокнуть отъ росы. Я вернулся въ фанзу, забрался на теплый канъ и уснулъ, канъ убитый.

Слѣдующіе два дня (3-го и 4-го сентября) мы употребили на переходъ отъ Сихотэ-Алиня до устья р. Горбуши. Я намѣревался сначала пройти по ней до перевала, а затѣмъ спуститься по р. Аохобѣ къ морю.

РЕВЪ ИЗЮБРЕЙ.

Р. ГОРБУША. ПЕЩЕРЫ. МЕДВѢДЬ ДОБЫВАЕТЪ ЖЕЛУДИ. Р. ПАПИ-
ГОУЗА. ИЗЮБРИ. ТИГРЪ НА ОХОТЬ ЗА ОЛЕНЯМИ. ФАКЕЛЬ. ВОЗВРА-
ЩЕНИЕ НА БИВАКЪ.

Рѣка Горбуша (по китайски Дунмаца) длиною 8 верстъ. Общее направление ея теченія будетъ по кривой съ востока къ югу. Невдалекѣ отъ своего устья, съ правой стороны, она принимаетъ въ себя безымянный притокъ, на которомъ есть довольно обширныя пещеры. Онѣ расположены въ два яруса и идутъ книзу спиралями. Глубокіе колодцы, ходы сообщеній, и сталактиты въ видѣ колоннъ дѣлаютъ эти пещеры весьма интересными. Внутри ихъ по стѣнамъ въ видѣ барельефовъ спускаются натеки, рядомъ съ которыми блестятъ друзы горнаго хрусталя и весьма крупныя кристаллы известковаго шпата. Другая пещера, меньшая по размѣрамъ, на ходится съ лѣвой стороны р. Горбуши, какъ разъ противъ устья р. Безымянной. Въ этой пещерѣ, на мягкой наносной почвѣ, валялось много костей и видѣлись свѣжіе тигровыя слѣды.

Осмотрѣвъ обѣ пещеры, мы пошли дальше.

Въ долині рѣки Горбуши развиты рѣчныя террасы. Онѣ тянутся все время, чередуясь то съ правой, то съ лѣвой стороны. Здѣсь раньше были хорошіе смѣшанные лѣса, впоследствии уничтоженные пожарами.

Скоро выяснилось, что рѣка Горбуша идетъ вдоль Сихотэ-Алиня и въ истокахъ подходит къ нему почти вплотную.

Послѣ полудня мы съ Дерсу опять пошли впередъ. За рѣкой тропка поднялась немного на косогоръ. Здѣсь мы сѣли отдохнуть. Я началъ переобуваться, а Дерсу сталъ закуривать трубку. Онъ уже хотѣлъ было взять ее въ ротъ, какъ, вдругъ, остановился и сталъ пристально смѣтрѣть куда то въ лѣсъ. Черезъ минуту онъ разсмѣялся и сказалъ:

Ишь, хитрый! Чего-чего понимай.

Кто? спросилъ я его.

Онъ молча указалъ рукою. Я поглядѣлъ въ ту сторону, но ничего не видѣлъ. Дерсу посоветовалъ мнѣ смѣтрѣть не на землю, а на деревья. Тогда я замѣтилъ, что одно дерево затряслось, потомъ еще и еще разъ. Мы встали и тихонько двинулись впередъ. Скоро все разъяснилось. На деревѣ сидѣлъ бѣлогрудый медвѣдь и лакомился желудями.

Животное это (*Ursus tibetanus* F. Cuv.) по размѣрамъ своимъ значительно уступаетъ обыкновенному бурому медвѣдью. Максимальная его длина пять футовъ, а высота въ плечахъ два съ половиной фута, при наибольшемъ вѣсѣ въ десять пудовъ. Окраска его шерсти—черная, блестящая, а на груди находится бѣлое пятно, которое захватываетъ нижнюю часть шеи. Иногда встрѣчаются (правда—очень рѣдко) такіе медвѣди, у которыхъ все брюхо и даже лапы бѣлыя. Голова звѣря конусообразная съ маленькими глазами и большими ушами. Вокругъ нея растутъ длинныя волосы, имѣющіе видъ пышнаго воротника.

Бѣлогрудые медвѣды устраиваютъ свои берлоги въ дуплахъ старыхъ тополей. Слѣдовательно, область распространѣнія ихъ тѣсно связана съ маньчжурской флорой. Сѣверная граница этой области проходитъ приблизительно отъ устья рѣки Уссури къ истокамъ Имана и оттуда—по побережью моря къ мысу Олимпіады. Главной пищей имъ служатъ: весной — ворни росани и листва бѣлокопытника, лѣтомъ—ягоды коломинты, черемухи и желуди, а осенью—лещина, маньчжурскіе и кедровые орѣхи и плоды дикой яблони. Въ зимнюю спячку этотъ медвѣдъ впадаетъ рано. Вверху, въ стволѣ, онъ прогрызаетъ небольшую отдушину, вокругъ которой собирается замерзшій иней. По этому признаку охотники узнаютъ о присутствіи въ дуплѣ звѣря.

Подойдя къ медвѣдью шаговъ на сто, мы остановились и стали за нимъ наблюдать. «Косолапый» взобрался на самую вершину дерева и тамъ устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ лабазъ⁽¹⁴¹⁾. Много желудей оставалось на тѣхъ сучьяхъ, до которыхъ онъ не въ силахъ былъ дотянуться. Тогда медвѣдъ началъ сильно трясти дерево и поглядывать на землю. Расчетъ его оказался правильнымъ. Желудки созрѣли, но не настолько, чтобы осыпаться самостоятельно. Черезъ нѣкоторое время онъ спустился внизъ и принялся искать ихъ въ травѣ.

Тебѣ накой люди? закричалъ ему Дерсу.

Медвѣдъ быстро обернулся, насторожилъ уши и сталъ усиленно нюхать воздухъ. Мы не шевелились. Медвѣдъ успокоился и хотѣлъ было спать приняться за ѣду, но Дерсу въ это время свистнулъ. Медвѣдъ поднялся на заднія лапы, затѣмъ спрятался за дерево и сталъ выглядывать оттуда однимъ глазомъ. Въ это время вѣтеръ подулъ намъ въ спину. Медвѣдъ рывнулъ, прижалъ уши и безъ оглядки пустился на утекъ. Черезъ нѣсколько минутъ подошли казаки съ конями.

Подъемъ на перевалъ, высота котораго измѣряется въ 2.520 футовъ, какъ со стороны р. Горбуши, такъ и со стороны р. Синанцы, одинаково пологій. Ближайшія горы состоятъ изъ кварцеваго порфира. Отсюда Сихотэ-Алинь постепенно отходитъ къ сѣверо-востоку.

Съ грѣвала мы спустились въ рѣку Папигоузу, получившую свое названіе отъ двухъ китайскихъ словъ: Папи,—т. е. береста и гоуза—долинка. Рѣчка эта принимаетъ въ себя справа и слѣва два горныхъ ручья. Отъ мѣста сліянія ихъ начинается р. Синанца, что значитъ «Юго-западный григонъ». Дальше долина замѣтно расширяется и идетъ по отношенію къ Сихотэ-Алиню подъ угломъ въ десять градусовъ. Пройдя по ней версты четыре, мы встали биваномъ на берегу рѣки.

Конецъ августа и начало сентября—самое интересное время въ тайгѣ. Въ это время начинается ревъ изюбрей и бой самцовъ за обладаніе матками. Для подзыванія изюбря обыкновенно дѣлается берестяной рожекъ, для чего снимается береста лентой, верхка въ два шириною. Она

141) Такъ называется искусственный помостъ на вѣтвяхъ дерева, на которомъ ночью охотники подкарауливаютъ звѣря.

скручивается спиралью, и, такимъ образомъ, получается труба, длиною въ два фута. Звукъ получается отъ втягиванія въ себя воздуха.

Убить оленя во время рева очень легко. Самцы, ослѣпленные страстью, совершенно не замѣчаютъ опасности и подходятъ къ охотнику, если онъ ихъ подманиваетъ рожкомъ, почти вплотную. Мясомъ мы были вполне обеспечены, поэтому я не пустил казановъ на охоту, но самъ рѣшилъ пойти въ тайгу ради наблюдений.

Запасшись такими рожками, мы съ Дерсу отправились въ лѣсъ и, отойдя отъ бивака съ версту, разошлись въ разныя стороны. Выбравъ мѣсто, гдѣ заросли были не такъ густы, я сѣлъ на пенъ и сталъ ждать.

По мѣрѣ того, какъ угасалъ день, въ лѣсу становилось все тише и тише.

Въ переходѣ отъ дня къ ночи въ тайгѣ всегда есть что то торжественное. Угасающій день нагоняетъ на душу чувство жуткое и тоскливое. Одиночество родитъ мысли, воспоминанія. Я такъ ушелъ въ себя, что совершенно забылъ о томъ, гдѣ я нахожусь, и зачѣмъ пришелъ сюда въ этотъ часъ сумерокъ.

Вдругъ, гдѣ то на югѣ, заревѣлъ одинъ изюбрь. Призывной крикъ его разнесся по всему лѣсу, и тотчасъ въ отвѣтъ ему отвѣтилъ другой— совсѣмъ недалеко отъ меня. Это должно быть былъ старый самецъ. Онъ началъ съ низкихъ нотъ, затѣмъ постепенно перешелъ на высокія и окончилъ густою октавою. Я отвѣтилъ ему на берестяномъ рожкѣ. Не болѣе, какъ черезъ минуту, я услышалъ трескъ сучьевъ и вслѣдъ за тѣмъ увидѣлъ стройнаго оленя. Онъ шелъ увѣренной граціозной походной, поначивая головой и поправляя рога, задѣваящіе за сучья деревьевъ. Я замеръ на мѣстѣ. Изюбрь остановился и, закинувъ голову, дѣлалъ носомъ гримасы, стараясь по запаху узнать, гдѣ находится его противникъ. Глаза его горѣли, ноздри были раздуты и уши насторожены. Минуты двѣ я любовался прекраснымъ животнымъ и совершенно не имѣлъ намѣренія лишать его жизни. Чувствуя присутствіе врага, олень волновался. Онъ началъ рогами рыть землю, затѣмъ поднялъ свою голову вверхъ и издалъ могучій крикъ. Легкій паръ вылетѣлъ у него изо рта. Не успѣло ему стѣтнуть эхо, какъ со стороны Синанцы послышался другой ревъ. Олень, встрепенулся, какъ то завывъ, затѣмъ вой его перешелъ въ ревъ короткій и яростный. Въ это время олень былъ удивительно красивъ.

Вдругъ, слѣва отъ меня послышался слабый шумъ. Я оглянулся и увидѣлъ самку. Когда я снова повернулъ голову къ оленямъ, самцы уже дрались. Съ изумительной яростью они бросились другъ на друга. Я ясно слышалъ удары ихъ роговъ и тяжелые вздохи, вырывавшіеся изъ груди вмѣстѣ со стонами. Заднія ноги животныхъ были вытянуты, а переднія подогнуты подъ брюхо. Былъ моментъ, когда они такъ крѣпко сцѣпились рогами, что долго не могли разойтись. Сильнымъ встряхиваніемъ головы одинъ олень отломалъ у другого верхній отростокъ рога и только этимъ освободилъ себя и противника. Бой изюбрей продолжался минутъ десять. Наконецъ, стало ясно, что одинъ изъ нихъ долженъ уступить. Онъ

тяжело дышалъ и понемногу пятился назадъ. Забѣтивъ отступленіе противника, другой олень сталъ нападать еще яростнѣе. Скоро оба изюбры скрылись у меня изъ виду.

Я вспомнилъ про самку и сталъ искать ее глазами. Она стояла на томъ-же мѣстѣ и равнодушно смотрѣла на обоихъ своихъ поклонниковъ, ещѣ пившихся въ смертельную схватку. Шумъ борьбы постепенно удалялся. Очевидно, одинъ олень гналъ другого. Самка слѣдовала сзади въ нѣкоторомъ разстояніи. Вдругъ, по лѣсу прокатился отдаленный звукъ выстрѣла, я понялъ что это стрѣлялъ Дерсу. Только теперь я замѣтилъ, что не одни эти олени дрались. Ревъ ихъ несся отовсюду—въ лѣсу стоялъ настоящій гомонъ.

Начинало быстро темнѣть. На небѣ послѣднія вспышки зари боролась еще съ ночнымъ мракомъ, быстро наступавшимъ съ востока.

Черезъ полчаса я пришелъ на биванъ. Дерсу былъ уже дома. Онъ сидѣлъ у огня и чистилъ свою винтовку. Онъ могъ бы убить нѣсколькихъ изюбрей, но ограничился однимъ только рябчикомъ.

Долго сидѣли мы у костра и слушали ревъ звѣрей. Изюбры не давали намъ спать всю ночь. Сквозь дремоту я слышалъ ихъ крики и то и дѣло просыпался. У костра сидѣли наказы и ругались. Искры, точно фейерверкъ, вздымались вверху, кружились и одна за другой гасли въ темнотѣ. Наконецъ, стало свѣтатъ. Изюбриный ревъ понемногу стихъ. Только одинокіе ярые самцы долго еще не могли успокоиться. Они слонялись по тѣневымъ склонамъ горъ и ревѣли, но имъ уже никто не отвѣчалъ. Но вотъ вошло солнце, и тайга снова погрузилась въ безмолвіе.

Оставивъ всѣхъ людей на биванѣ, мы съ Дерсу пошли на Сихотэ-Алинь. Для этого мы воспользовались однимъ изъ ключиковъ, текущихъ съ водораздѣла къ р. Синанцѣ. Подъемъ былъ сначала длинный и пологій, а затѣмъ сдѣлался крутымъ. Пришлось итти безъ тропы по густой кустарниковой заросли, заваленной горѣлымъ лѣсомъ.

Приближалась осень. Листва на деревьяхъ уже стала опадать на землю. Днемъ она шуршитъ подъ ногами, а вечеромъ отъ росы опять становится мягкою. Это позволяетъ охотнику подойти къ звѣрю очень близко.

Въ полдень мы были на вершинѣ Сихотэ-Алиня. Здѣсь я увидѣлъ знакомую картину: гарь—къ востоку и замшистый хвойный лѣсъ—къ западу. Восточный склонъ Сихотэ-Алиня—крутой, а западный—пологій. Дерсу нашелъ слѣды лося и сообщилъ мнѣ, что сохатый въ этихъ мѣстахъ встрѣчается только до Ното. Ниже этой границы онъ не слухается.

Часамъ къ шести пополудни мы возвратились на биванъ. Было еще довольно свѣтло, когда наиболѣе ярые самцы начали ревѣть; сначала на высокихъ горахъ, а потомъ—и въ долинахъ.

Бой изюбрей въ прошлый вечеръ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе; я рѣшилъ опять пойти въ тайгу и пригласилъ съ собой Дерсу. Мы переправились черезъ рѣку и вступили въ лѣсъ, полный таинственнаго сумрака. Отойдя отъ бивака версты полторы, мы остановились около тихаго ручья и стали слушать. Когда солнце скрылось за горизонтомъ,

на землю спустились сумерни, и чѣмъ темнѣе становилось въ тайгѣ, тѣмъ больше ревѣли изюбри. Эта волшебная музыка наполняла весь лѣсъ. Мы пробовали было подходить къ оленямъ, но неудачно. Раза два мы видѣли животныхъ, но какъ то плохо: или видна была одна голова съ рогами, или задняя часть тѣла и ноги. Въ одномъ мѣстѣ мы замѣтили красиваго самца. Около него уже табунилось три матки. Олени не стояли на мѣстѣ, а тихонько шли. Мы слѣдовали за ними по слѣдамъ. Если бы не Дерсу, я давно потерялъ бы ихъ изъ виду. Самецъ шелъ впереди. Онъ чувствовалъ, что онъ сильнѣй другихъ самцовъ и потому отвѣчалъ на каждый брошенный ему вызовъ. Вдругъ Дерсу остановился и сталъ прислушиваться. Онъ повернулся назадъ и замеръ въ неподвижной позѣ. Оттуда слышался ревъ стараго быка, но только ноты его голоса были расположены не въ томъ порядкѣ, какъ обыкновенно у изюбрей.

Гмъ, тебѣ понимай, какой это люди? спросилъ меня тихо Дерсу.

Я отвѣтилъ, что думаю, что это изюбрь, но только старый.

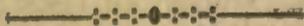
Это—Амба, отвѣтилъ онъ мнѣ шопотомъ. Его шибно хитрый. Его постоянно такъ изюбря обмани. Изюбрь теперь понимай нѣту, какой люди кричи. Амба скоро matka поймай есть.

Какъ бы въ подтвержденіе его словъ, въ отвѣтъ на ревъ тигра, изюбрь отвѣтилъ громкимъ голосомъ. Тотчасъ отвѣтилъ и тигръ. Онъ довольно ловко подражалъ оленю, но только подъ конецъ его ревъ закончился короткимъ мурлыканьемъ.

Тигръ приближался и, вѣроятно, долженъ былъ пройти близко отъ насъ. Дерсу казался взволнованнымъ. Сердце мое усиленно забилося. Я поймалъ себя на томъ, что чувство страха начало овладѣвать мною. Вдругъ Дерсу принялся кричать.

А-та-та, та-та-та, та-та-та!!.....

Послѣ этого онъ выстрѣлилъ изъ ружья два раза въ воздухъ, затѣмъ бросился къ березѣ, сгѣшно сорвалъ съ нея кору и зажегъ спичкой. Яркимъ пламенемъ вспыхнула сухая береста и въ то же мгновеніе вокругъ насъ сразу стало вдвое темнѣе. Испуганные выстрѣломъ, изюбри шаркнулись въ сторону, и затѣмъ все стихло. Дерсу взялъ палку и накрутилъ на нее горящую бересту. Черезъ минуту мы шли назадъ, освѣщая дорогу фанеломъ. Перейдя рѣку, мы вышли на тропинку и по ней возвратились на бивакъ.

ОХОТА НА МЕДВѢДЯ.

Р. АОХОБЕ. ЛУДЕВА. БЕРЕГОВАЯ ТРОПА. СТРАШНЫЙ ЗВѢРЬ. ТРИ ВЫСТРѢЛА. БѢГСТВО. БУРЫЙ МЕДВѢДЬ. ТРОФЕЙ, ЗАКОПАННЫЙ ВЪ ЗЕМЛЮ. ДЕРСУ ПО СЛѢДАМЪ ВОЗСТАНАВЛИВАЕТЪ КАРТИНУ БОРЬБЫ СЪ МЕДВѢДЕМЪ. ВОЗВРАЩЕНІЕ НА БИВАКЪ.

На другой день (7-го Сентября) мы продолжали наше путешествіе. Отъ китайскаго охотничьяго балагана шло двѣ тропы. Одна внизъ по р. Синанцѣ, а другая—вправо на р. Аохобе (по удэхейски Эне, что значитъ «чортъ»). Если бы я пошелъ по Синанцѣ, то вышелъ бы прямо къ заливу Джигитъ. Тогда побережье моря между р. р. Тютюхе и Юдзыхе осталось бы неосмотрѣннымъ. Поэтому я рѣшилъ спуститься къ морю по р. Аохобе, а Синанцу осмотрѣть впоследствии.

Сначала путь нашъ лежалъ на югъ по небольшой тропинкѣ, проложенной по самому верхнему и правому притоку р. Синанцы, длиною въ двѣ или три версты.

Горы въ этихъ мѣстахъ состоятъ изъ порфировъ, известняковъ и орудинѣлыхъ фельзитовъ. Во многихъ мѣстахъ я видѣлъ прожилки сербро-свинцовой руды, цинковой обманки и мѣднаго колчедана.

Поднявшись на переваль высоту въ 940 футовъ, я сталъ осматриваться. На сѣверо-западѣ, высокой грядой, тянулся голый Сихотэ-Алинъ, на югъ виднѣлась рѣка Тютюхе, на востокъ—Мутюхе и прямо на западъ шла р. Дуница—притокъ Аохобе. По ней намъ и надлежало итти. Всюду на горахъ лѣсъ уничтоженъ пожарами; онъ сохранился только въ долинахъ, кое-гдѣ, какъ-бы отдѣльными оазисами—островнами.

Послѣ короткаго отдыха на перевалѣ, мы начали спускаться къ р. Дуницѣ, протекающей по небольшой извилистой долинкѣ, поросшей березой, бархатомъ и тополемъ. Вскорѣ мы наткнулись на какой то заборъ. Это оказалась лудева. Она пересѣкала долину Аохобе поперекъ и шла дальше по правому ея притоку на протяженіи четырнадцати верствъ.

При лудевѣ находилась фанза съ дворомъ, окруженнымъ высокимъ частоколомъ. Здѣсь, обыкновенно, производится операція ениманія пантовъ съ живыхъ оленей. За фанзой около забора были выстроены какія то кѣтки, похожія на стойла. Въ этихъ кѣткахъ китайцы держатъ оленей до тѣхъ поръ, пока ихъ рога не достигнуть наибольшей цѣнности.

Справа у забора стоялъ амбаръ на сваяхъ. Въ немъ хранились ножи изюброей, сухіе рога и болѣе десяти пудовъ жилъ, вытянутыхъ изъ заднихъ ногъ животныхъ. Сваренные панты и высушенные олени хвосты висѣли рядами подъ конькомъ у самой крыши.

Въ фанзѣ мы застали четырехъ китайцевъ. Сначала они испугались, но затѣмъ, когда увидѣли, что зла мы имъ не хотимъ причинить, успокоились, и раболѣпство ихъ смѣнилось обыкновенной услужливостью.

Вечеромъ въ фанзу пришли еще три китайца. Они что то разсказывали и ужасно ругались, а Дерсу смѣялся. Я долго не могъ понять, въ

чем дѣло. Оказалось, что въ одну изъ ямъ попалъ медвѣдь. Конечно, онъ сейчасъ же вылѣзъ оттуда и принялся ломать заборъ и разбрасывать покрышки, которыми были замаскированы ямы. Теперь китайцамъ предстояла большая работа по приведенію ихъ въ порядокъ.

Лудевая фанза была маленькая, и китайцевъ набралось въ ней много, поэтому я рѣшилъ пройти еще нѣсколько верстъ и заночевать подъ открытымъ небомъ.

Дальше тропа идетъ по долинѣ р. Аохобе, придерживаясь лѣвой ея стороны. Здѣсь особенно развиты рѣчныя террасы съ массивно-кристаллическимъ основаніемъ, высотой до двухъ сажень. Средняя часть долины Аохобе свободна отъ лѣса, но тѣмъ не менѣе совершенно непригодна для занятія земледѣліемъ. Тонкій слой земли едва прикрываетъ жесткую каменистую почву и легко смывается водою. По тѣневымъ склонамъ горъ растутъ рѣдкія смѣшанный лѣсъ, состоящій изъ кедра, бархата, липы, дуба, тополя, березы, орѣха и т. д. На солнцепекахъ—кустарники, преимущественно лещина, леспедеца, калина и таволга. Около рѣки, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ больше влаги—заросли тонкоствольныхъ тальниковъ, ольхи и осины.

Въ нижней части живетъ много китайцевъ. На р. Аохобе они появились не болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Раньше здѣсь жили удэхейцы, впоследствии вымершіе и частью переселившіеся на другое мѣсто.

Если смотрѣть на долину со стороны моря, то она кажется очень короткой. Когда-то это былъ глубокой морской заливъ, и устье Аохобе находилось тамъ, гдѣ суживается долина. Шагъ за шагомъ отходило море и уступало мѣсто сушѣ. Но самое интересное въ долинѣ, это сама рѣка. Верстахъ въ пяти отъ моря она изсякаетъ и течетъ подъ камнями. Только во время дождей вода выступаетъ на дневную поверхность и тогда идетъ очень стремительно.

Съ Тютихе на Аохобе можно попасть и другой дорогой. Разстояніе между ними всего только семь верстъ. Тропа эта начинается отъ того озера, гдѣ мы съ Дерсу стрѣляли утокъ. Она идетъ по ключину на перевалъ, высота котораго равна 1015 футамъ. Рѣдколѣсье по склонамъ горъ, одиночные старые дубы въ долинахъ и густыя кустарниковыя заросли по уваламъ—обычныя для всего побережья. Спускъ на Аохобе въ два раза длиннѣе, чѣмъ подъемъ со стороны Тютихе. Тропа эта продолжается и далѣе по побережью моря.

Между р. Синанцой, о которой говорилось выше, и р. Аохобе тянется невысокой горный хребетъ, состоящій изъ кварцеваго порфира. Отъ него къ морю идетъ нѣсколько отроговъ, между которыми текутъ небольшія горныя рѣчки, имѣющія обычныя китайскія числительныя названія: Турлдагоу, Эрлдагоу, Сандагоу и Сыдагоу. Тропа пересѣкаетъ ихъ въ самыхъ истокахъ. Первый перевалъ имѣетъ высоту 490, второй—420, третій—430 и четвертый—360 футовъ.

Послѣ полудня мы какъ то сбились съ дороги и попали на звѣровую тропу. Она завела насъ далеко въ сторону. Перейдя черезъ горный отрогъ, покрытый осыпями и почти лишенный растительности, мы случайно выш-

ли на какую то рѣчку. Она онаялась притокомъ Мутухе. Русло ея во многихъ мѣстахъ было завалено буреломнымъ лѣсомъ. По этимъ заваламъ можно судить о размѣрахъ наводненій. Видно, что на Мутухе они коротки, но чрезвычайно стремительны, что объясняется близостью горъ и крутизной ихъ склоновъ.

Пока земля прикрыта дерномъ, она можетъ еще сопротивляться водѣ, но, какъ только цѣльность дернового слоя нарушена, начинается размываніе. Быстро идущая вода уноситъ съ собою легкія частицы земли, оставляя на мѣстѣ только щебень, Отъ ила, который вмѣстѣ съ прѣсною водою выносятся рѣками, море около береговъ, полоскою въ нѣсколько верстъ, изъ темно зеленого становится грязно желтымъ.

Долину рѣки Мутухе можно считать самымъ звѣровымъ мѣстомъ на побережьи моря. Изъ зарослей леспедыцы и орѣшника то и дѣло выбѣгали олени, козули и кабаны. Казаки ахали, волновались, и мнѣ стоило не мало трудовъ удержать ихъ отъ стрѣльбы и бесполезнаго истребленія животныхъ. Часа въ три дня я подалъ сигналъ къ остановкѣ.

Мнѣ очень хотѣлось убить медвѣдя. Другіе бьютъ медвѣдей «одинъ на одинъ», думалъ я. Почему бы мнѣ не сдѣлать то же? Охотничій задоръ разжегъ во мнѣ чувство тщеславія, и я рѣшилъ попытать счастье.

Многіе охотники рассказываютъ о томъ, какъ они били медвѣдя безъ всякаго страха, и выставляютъ при этомъ только комичныя стороны охоты. По разсказамъ однихъ, медвѣдь убѣгаетъ послѣ выстрѣла; другіе говорятъ, что онъ становится на заднія лапы и идетъ навстрѣчу охотнику, и что въ это время въ него можно влѣпить нѣсколько пуль. Дерсу не соглашался съ этимъ. Слушая такіе разсказы, онъ сердился, плевался, но никогда не вступалъ въ пререканія.

Узнавъ, что я хочу итти на медвѣдя одинъ, онъ посоветовалъ мнѣ быть осторожнѣе и предлагалъ свои услуги. Его уговоры еще больше подзадорили меня, и я еще тверже рѣшилъ во что бы то ни стало поохотиться за «досолапымъ» въ одиночку.

Я отошелъ отъ бивана не болѣе полуверсты, но уже успѣлъ вспугнуть двухъ козуль и кабана. Здѣсь было такъ много звѣря, что получалось впечатлѣніе звѣринца, гдѣ животныя собраны въ одно мѣсто и ходятъ на свободѣ.

Перейдя ручей, я остановился среди рѣдколѣсья и сталъ ждать. Черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ оленя; онъ пробѣжалъ по опушнѣ лѣса; рядомъ въ орѣшникѣ шумѣли кабаны и взвизгивали поросята.

Вдругъ, впереди меня послышался трескъ сучьевъ, и вслѣдъ затѣмъ я услышалъ чьи то рѣдкіе шаги. Кто то шель мѣрною тяжелою походной. Я испугался и хотѣлъ было уйти назадъ, но поборолъ въ себѣ чувство страха и остался на мѣстѣ. Вслѣдъ затѣмъ я увидѣлъ въ нустахъ какую то темную массу. Это былъ большой медвѣдь. Онъ шель наискось по увалу и былъ немного выше меня. Онъ часто останавливался, копался въ землѣ, переворачивалъ валежники и что то внимательно подъ нимъ разсматривалъ. Выждавъ, когда звѣрь былъ отъ меня шагахъ въ сорока, я медленно прицѣлился и спустил курокъ. Сквозь дымъ выстрѣла я видѣлъ,

какъ медвѣдь съ ревомъ быстро повернулся и схватилъ себя зубами за то мѣсто, куда ударила пуля. Что дальше случилось, я плохо помню. Все произошло такъ быстро, что я уже не могу разобраться, что чему предшествовало. Тотчасъ же послѣ выстрѣла медвѣдь во весь духъ бросился ко мнѣ навстрѣчу. Я почувствовалъ сильный толчекъ, и въ это время произошла вторая выстрѣлъ. Когда и какъ я успѣлъ зарядить ружье, это для меня самого осталось загадкой. Кажется, я упалъ на лѣвую сторону. Медвѣдь перевернулся черезъ голову и покатился по склону вправо. Какъ случилось, что я очутился опять на ногахъ, и какъ я не выпустилъ ружья изъ рукъ, не помню. Я побѣжалъ вдоль увала и въ это время услышалъ за собой погоню. Медвѣдь бѣжалъ за мной слѣдомъ, но уже не такъ быстро, какъ раньше. Каждый свой прыжокъ онъ сопровождалъ грузными вздохами и ворчаньемъ. Вспомнивъ, что ружье мое не заряжено я остановился и быстро передернулъ затворъ.

Надо стрѣлять! Стя хорошаго прицѣла зависить спасеніе жизни, мелькнуло у меня въ головѣ.

Я вставилъ прикладъ ружья въ плечо, но ни мушки, ни прицѣла не видѣлъ. Я видѣлъ только мохнатую голову медвѣдя, его раскрытый ротъ и злобные глаза. Если бы кто нибудь въ это время посмотрѣлъ на меня со стороны, то, навѣрнѣе, увидѣлъ бы, какъ лицо мое искажилось отъ страха.

Я ни за что не повѣрю охотникамъ, увѣряющимъ, что въ звѣря, бѣгущаго имъ навстрѣчу, они стрѣляютъ такъ-же спокойно, какъ въ пустую бутылку. Это неправда. Неправда потому, что чувство самосохраненія свойственно всякому человѣку. Видъ разъяреннаго звѣря не можетъ не волновать охотника и непременно отразится на мѣткости его стрѣльбы.

Когда медвѣдь былъ отъ меня совсѣмъ близко, я выстрѣлилъ почти въ упоръ. Онъ опрокинулся, а я отбѣжалъ снова. Когда я оглянулся назадъ, то увидѣлъ, что медвѣдь катается на землѣ. Въ это время съ правой стороны я еще услышалъ шумъ. Инстинктивно я обернулся и замеръ на мѣстѣ. Изъ кустовъ показалась голова другого медвѣдя, но сейчасъ-же опять спряталась въ заросляхъ. Тихонько, стараясь не шумѣть, я побѣжалъ влѣво и вышелъ на рѣчу.

Минуть двадцать я безцѣльно бродилъ по одному мѣсту, пока не успокоился. Идти на бивакъ съ пустыми руками—стыдно. Если я убилъ медвѣдя, то бросить его было жалко. Но тамъ былъ еще другой медвѣдь—нераненый. Что дѣлать? Такъ я бродилъ до тѣхъ поръ, пока солнце не ушло за горизонтъ. Лучи его оставили землю и теперь свѣтили куда то въ небо. Тогда я рѣшилъ пройти стороною и издали взглянуть на медвѣдей. Чѣмъ ближе я подходилъ къ опасному мѣсту, тѣмъ становилось страшнѣе. Нервы мои были напряжены до послѣдней крайности. Каждый шорохъ заставлялъ меня испуганно оборачиваться. Всюду мнѣ мерещились медвѣди, всюду казалось, что они идутъ за мной по пятамъ. Я часто останавливался и прислушивался. Наконецъ, я увидѣлъ дерево, около котораго послѣдній разъ свалился медвѣдь. Оно показалось мнѣ особенно страшнымъ. Я рѣшилъ обойти его по косогору и посмотреть съ гребня

увала. Для этого я сдѣлалъ большой кругъ. Въ подозрительныхъ мѣстахъ я останавливался и бросалъ камнями.

Вдругъ я замѣтилъ, что въ кустахъ кто то шевелится: Медвѣдь! подумалъ я и попятился назадъ. Но въ это время услышалъ человѣческой голось. Это былъ Дерсу. Я страшно обрадовался и побѣжалъ къ нему. Увидѣвъ меня, гольдь сѣлъ на лежавшее на землѣ дерево и сталъ закуривать свою трубку. Я подошелъ къ нему и спросилъ, какъ онъ попалъ сюда. Дерсу разсказалъ мнѣ, что съ бивана онъ услышалъ мои выстрѣлы и пошелъ мнѣ на помощь. По слѣдамъ онъ установилъ, гдѣ я стрѣлялъ медвѣдья и какъ онъ на меня бросился. Затѣмъ онъ указалъ мѣсто, гдѣ я упалъ; дальше слѣды показали ему, что медвѣдь гнался за мной и т. д. Однимъ словомъ, онъ разсказалъ мнѣ все, что со мной случилось.

Должно быть подранокъ ушелъ, сказалъ я своему товарищу.

Его остался здѣсь, отвѣтилъ Дерсу и указалъ на большую кучу земли.

Я понималъ все. Мнѣ вспомнились разсказы охотниковъ о томъ, что медвѣдь, найдя какое нибудь мертвое животное, всегда закапываетъ его въ землю. Когда мясо станеть разлагаться, онъ лакомится имъ. Но я не зналъ, что медвѣдь закапываетъ медвѣдя. Для Дерсу это тоже было новинкой.

Черезъ нѣсколько минутъ мы откопали медвѣдя. Кромѣ земли на него было наложено много камней и валежника.

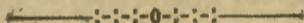
Я сталъ раскладывать огонь, а Дерсу принялся потрошить звѣря. Убитый мною медвѣдь былъ изъ крупныхъ, черно-бурой масти. Видъ этотъ (*Nrsus arctos L.*) близокъ къ американскому гризли. Длина его тѣла равняется восьми, высота—четыремъ футамъ, а вѣсъ достигаетъ до двадцати пудовъ. Онъ имѣетъ притупленную морду, небольшія уши и маленькіе глаза. Къ гигантской силѣ его надо прибавить крѣпкіе клыки и ногти въ три дюйма длиною. Животное это распространено по всему Уссурійскому Краю, но чаще всего встрѣчается въ сѣверной его половинѣ и на берегу моря между Мысомъ Гилякъ и устьемъ р. Амура. Любопытно то, что окраска его на югѣ черная, а чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ больше приближается къ свѣтло бурой. нравъ этого медвѣдя довольно добродушный, пока его не трогаютъ, но раненый, онъ становится положительно ужасенъ. Во время течки самцы очень злы. Они слоняются по тайгѣ, нападаютъ на животныхъ и гоняются даже за рябчиками. Пища ихъ, главнымъ образомъ, растительная, но при случаѣ они не прочь покомиться мясомъ и рыбою. Берлогу бурый медвѣдь устраиваетъ подъ корнями деревьевъ, въ расщелинахъ камней и даже просто въ землѣ. Подобно своимъ четвертичнымъ сородичамъ, онъ чрезвычайно любитъ забиваться въ пещеры и жить въ нихъ не только зимою, но даже и въ теплое время года. Въ зимнюю спячку бурый медвѣдь впадаетъ поздно. Нѣкоторые изъ нихъ бродятъ по тайгѣ иногда до декабря мѣсяца. Они не любятъ лазить по деревьямъ—быть можетъ препятствіемъ этому служитъ ихъ большой вѣсъ.

Въ убитого мною медвѣдя попали всѣ три пули. Одна въ бокъ, другая—въ грудь и третья—въ голову. Когда Дерсу покончилъ свою рабо-

было уже темно. Подложивъ въ костеръ сырыхъ дровъ, чтобы они горѣли до утра, мы тихонько пошли на бивакъ.

Вечеръ былъ тихій и прохладный. Полная луна плыла по ясному безоблачному небу и по мѣрѣ того, какъ свѣтъ мѣсяца становился ярче, наши тѣни дѣлались короче и чернѣе. По дорогѣ мы опять вспугнули дикихъ кабановъ. Они съ шумомъ разбѣжались въ разныя стороны. Наконецъ, между деревьями показался свѣтъ. Это былъ нашъ бивакъ.

Послѣ ужина казаки рано легли спать. За день я такъ перевозился, что не могъ уснуть. Я поднялся, сѣлъ къ огню и сталъ думать о пережитомъ. Ночь была ясная—тихая. Красные блики отъ огня, черныя тѣни отъ деревьевъ и голубоватый свѣтъ луны—мѣшались между собою. По опушкамъ соннаго лѣса бродили дикіе звѣри. Иные совсѣмъ близко подходили къ биваку. Особеннымъ любопытствомъ отличались дикія козули. Наконецъ, я почувствовалъ дремоту, легъ рядомъ съ казаками и уснулъ крѣпкимъ сномъ.

увала. Для этого я сдѣлалъ большой кругъ. Въ подозрительныхъ мѣстахъ я останавливался и бросалъ камнями.

Вдругъ я замѣтилъ, что въ кустахъ кто то шевелится: Медвѣдь! подумалъ я и попятился назадъ. Но въ это время услышалъ человѣческой голось. Это былъ Дерсу. Я страшно обрадовался и побѣжалъ къ нему. Увидѣвъ меня, гольдь сѣлъ на лежавшее на землѣ дерево и сталъ закуривать свою трубку. Я подошелъ къ нему и спросилъ, какъ онъ попалъ сюда. Дерсу разсказалъ мнѣ, что съ бивака онъ услышалъ мои выстрѣлы и пошелъ мнѣ на помощь. По слѣдамъ онъ установилъ, гдѣ я стрѣлялъ медвѣдья и какъ онъ на меня бросился. Затѣмъ онъ указалъ мѣсто, гдѣ я упалъ; дальше слѣды показали ему, что медвѣдь гнался за мной и т. д. Однимъ словомъ, онъ разсказалъ мнѣ все, что со мной случилось.

Должно быть подранокъ ушелъ, сказалъ я своему товарищу.

Его остался здѣсь, отвѣтилъ Дерсу и указалъ на большую кучу земли.

Я понялъ все. Мнѣ вспомнились разсказы охотниковъ о томъ, что медвѣдь, найдя какое нибудь мертвое животное, всегда закапываетъ его въ землю. Когда мясо станетъ разлагаться, онъ лакомится имъ. Но я не зналъ, что медвѣдь закапываетъ медвѣдья. Для Дерсу это тоже было новинкой.

Черезъ нѣсколько минутъ мы откопали медвѣдья. Кромѣ земли на него было наложено много камней и валежника.

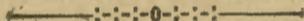
Я сталъ раскладывать огонь, а Дерсу принялся потрошить звѣря. Убитый мною медвѣдь былъ изъ крупныхъ, черно-бурой масти. Видъ этотъ (*Nrsus arctos* L.) близокъ къ американо-американскому гризли. Длина его тѣла равняется восьми, высота—четыремъ футамъ, а вѣсъ достигаетъ до двадцати пудовъ. Онъ имѣетъ притупленную морду, небольшія уши и маленькіе глаза. Къ гигантской силѣ его надо прибавить крѣпкіе клыки и когти въ три дюйма длиною. Животное это распространено по всему Уссурийскому Краю, но чаще всего встрѣчается въ сѣверной его половинѣ и на берегу моря между Мысомъ Гилянъ и устьемъ р. Амура. Любопытно то, что окраска его на югѣ черная, а чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ больше приближается къ свѣтло бурой. Нравъ этого медвѣдья довольно добродушный, пока его не трогаютъ, но раненый, онъ становится положительно ужасенъ. Во время течки самцы очень злы. Они слоняются по тайгѣ, нападаютъ на животныхъ и гоняются даже за рябчиками. Пища ихъ, главнымъ образомъ, растительная, но при случаѣ они не прочь покомиться мясомъ и рыбою. Берлогу бурый медвѣдь устраиваетъ подъ корнями деревьевъ, въ расщелинахъ камней и даже просто въ землѣ. Подобно своимъ четверетичнымъ сородичамъ, онъ чрезвычайно любитъ забиваться въ пещеры и жить въ нихъ не только зимою, но даже и въ теплое время года. Въ зимнюю спячку бурый медвѣдь впадаетъ поздно. Нѣкоторые изъ нихъ бродятъ по тайгѣ иногда до декабря мѣсяца. Они не любятъ лазить по деревьямъ—быть можетъ препятствіемъ этому служитъ ихъ большой вѣсъ.

Въ убитого мною медвѣдья попали всѣ три пули. Одна въ бокъ, другая—въ грудь и третья—въ голову. Когда Дерсу покончилъ свою работу

было уже темно. Подложивъ въ костеръ сырыхъ дровъ, чтобы они горѣли до утра, мы тихонько пошли на бивакъ.

Вечеръ былъ тихій и прохладный. Полная луна плыла по ясному безоблачному небу и по мѣрѣ того, какъ свѣтъ мѣсяца становился ярче, наши тѣни дѣлались короче и чернѣе. По дорогѣ мы опять вспугнули динихъ кабановъ. Они съ шумомъ разбѣжались въ разныя стороны. Наконецъ, между деревьями показался свѣтъ. Это былъ нашъ бивакъ.

Послѣ ужина казани рано легли спать. За день я такъ перевозился, что не могъ уснуть. Я поднялся, сѣлъ къ огню и сталъ думать о пережитомъ. Ночь была ясная—тихая. Красные блики отъ огня, черныя тѣни отъ деревьевъ и голубоватый свѣтъ луны—мѣшались между собою. По опушкамъ соннаго лѣса бродили дикіе звѣри. Иные совсѣмъ близко подходили къ бивану. Особеннымъ любопытствомъ отличались дикія козули. Наконецъ, я почувствовалъ дремоту, легъ рядомъ съ казанами и уснулъ крѣпкимъ сномъ.

ОТЪ Р. МУТУХЕ—ДО СЕОХОБЕ.

Р. МУТУХЕ. ОТСТАЛЫЯ ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ. ЛЕЖБИЩЕ СИВУЧЕЙ. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ОГНЕСТРѢЛЬНЫМЪ ОРУЖИЕМЪ. ПАЛЪ. ПОИСКИ БИВАКА. ДЫМЪ И ХОЛОДНЫЕ УТРЕННИКИ. ОЗЕРА ОКОЛО Р. СЕОХОБЕ. ЛУДЕВА. ХИЩНИЧЕСТВО КИТАЙЦЕВЪ.

На разсвѣтъ, раньше всѣхъ, проснулся Дерсу. Затѣмъ всталъ я, а потомъ и другіе. Солнце только что взошло и своими лучами едва озарило верхушки горъ. Канъ разъ противъ нашего бивака, шагахъ въ двухстахъ, бродилъ медвѣдь. Онъ все время тортался на одномъ мѣстѣ. Вѣроятно, онъ долго еще ходилъ бы здѣсь, если бы его не спугнулъ Мурзинъ. Онъ взялъ винтовку и выстрѣлилъ. Медвѣдь круто обернулся, посмотрѣлъ въ нашу сторону и проворно исчезъ въ лѣсу.

Закусивъ немного, мы собрали свои котомки и тронулись въ путь. Около моря я нашель мѣсто бивака Н. А. Пальчевскаго. Изъ письма, оставленнаго мнѣ въ бутылкѣ, привязанной къ палкѣ, я узналъ, что онъ здѣсь работалъ нѣсколько дней тому назадъ и затѣмъ отправился на сѣверъ, конечнымъ пунктомъ намѣтивъ себѣ бухту Терней.

Рѣка Мутухе (по удэхейски Ца-уги) впадаетъ въ бухту Опричникъ (44 гр. 27 мин. С. Ш. и 36 гр. 40 мин. В. Д. отъ Гринвича), совершенно открытую со стороны моря и потому для стоянки судовъ непригодную. Глубокая заводь рѣки, сразу расширяющаяся долина и необсохшія болота вблизи моря—указываютъ на то, что раньше здѣсь тоже былъ заливъ. довольно глубоко вдавшійся въ сушу. По береговымъ валамъ, около самой бухты, растутъ ползучій даурскій можжевельникъ (*Juniperus daurica* Pal.), а по болотамъ—кустарниковая береза (*Betula fruticosa* Pall.) съ узкокрылыми плодами.

Название Мутухе есть искаженное китайское названіе Му-чжу-хе (Мугу—самка, чжу—дикій кабанъ, хе—рѣка, что значить—«Рѣка дикихъ свиней»(142)). Она течетъ вдоль берега моря по тектонической долинѣ и принимаетъ зъ себя, не считая мелкіе горные ручьи, три притона съ правой стороны. Такъ какъ рѣчки эту у китайцевъ не имѣли названій, то я окрестилъ ихъ по русски. Первую рѣчку я назвалъ Оленьей, вторую—Медвѣжьей, третью—Звѣровой.

Тамъ, гдѣ долина Оленьей рѣки сходитъ съ долиной рѣки Медвѣжьей, на концѣ увала, приютилась маленькая фанза. Она была пуста. Окинувъ ее взоромъ, Дерсу сказалъ, что здѣсь живутъ корейцы, четыре человѣка, что они занимаются ловлей соболей и недавно ушли на охоту на всю зиму.

142) По другому толкованію Му-тоу хэ—Рѣка, по которой много (рубится) лѣса.

Здѣсь по рѣчкамъ, въ болотѣ и на берегу моря на песокѣ мы застали кое-какихъ перелетныхъ птицъ. Судя по малочисленности какъ особей, такъ и видовъ, видно, что по берегу моря не бываетъ большого перелета. Тутъ было нѣсколько амурскихъ кроншнеповъ. Они красиво расхаживали по травѣ. При приближеніи нашемъ птицы останавливались, пристально смотрѣли на насъ и затѣмъ съ хриплымъ крикомъ снимались съ мѣста. Отлетѣвъ немного, онѣ опять спускались на землю, но были уже осторожѣ. Въ другой сторонѣ, около воды, ходила восточная бѣлолобая казарка. Я сначала принялъ ее за гуся. Она мнѣ показалась больше размѣрами, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Мурзинъ обошелъ ее по кустамъ и убилъ пулей. Изъ утокъ здѣсь было много маленькихъ чирковъ. Они держались въ ручьяхъ, заросшихъ ольхой и кустарниками. Когда я очень близко подходилъ къ нимъ, они не улетали, а только немного отплывали въ сторону и, видимо, совершенно не боялись человѣка.

Отъ корейской фанзы вверхъ по рѣкѣ Мутухе идетъ тропа. Она долгое время придерживается праваго берега рѣки и только въ верховьяхъ переходитъ на другую сторону. Горы, онаямляющія долину р. Мутухе, состоятъ большею частью изъ кварцеваго порфира. Между рѣками Оленьей, Медвѣжьей и Звѣровой по выходѣ въ долину онѣ кончаются широкими террасами въ 10 и 12 саж. высотой. Слѣва (по теченію) растетъ лѣсъ хвойный и смѣшанный, справа—лиственный. Рѣка Мутухе будетъ самое близкое къ морю мѣсто, гдѣ произрастаетъ строевой кедръ. Онъ достигаетъ здѣсь высоты до 10 сажень и имѣетъ въ обхватѣ 10—12 футовъ.

Въ верховьяхъ рѣки встрѣчается много тиса (*Taxus cuspidata* S. et Z.). Это дерево нигдѣ въ Краѣ не растетъ сплошными лѣсонасажденіями; не смотря на возрастъ въ 300—400 лѣтъ, оно не достигаетъ большихъ размѣровъ и очень скоро становится дуплистымъ.

Путь по р. Мутухе до перевала чрезвычайно каменистъ, и движенію по нему затруднительно. Расщелины въ камняхъ и рѣшетины между корнями представляютъ изъ себя настоящія ловушки. Опасенія поломать ногу конямъ дѣлаютъ эту дорогу трудно проходимою. Надо удивляться, какъ мѣстныя некованья китайскія лошади ухитряются ходить здѣсь, да еще нести на себѣ значительныя тяжести.

Пройдя по рѣкѣ верстъ пять, мы повернули на востокъ къ морю.

Уже съ утра я замѣтилъ, что въ атмосферѣ творится что то неладное. Въ воздухѣ стояла мгла; небо изъ синяго стало бѣлесоватымъ; дальнихъ горъ совсѣмъ не было видно. Я указалъ Дерсу на это явленіе и сталъ говорить ему много изъ того, что мнѣ было известно изъ метеорологіи о сухой мглѣ.

Моя думай—это дымъ, отвѣчалъ онъ. Вѣтеръ нѣту, который сторона гори, понимай не могу.

Едва мы поднялись наверхъ, какъ сразу увидѣли, въ чемъ дѣло. Изъ за горъ, съ правой стороны Мутухе, большими клубами подымался бѣлый дымъ. Дальше на сѣверѣ тоже курились сопки. Очевидно, палъ уже успѣлъ охватить большое пространство. Полюбовавшись имъ нѣсколько минутъ,

мы пошли къ морю и, когда достигли береговыхъ обрывовъ, повернули влѣво, обходя глубокіе овраги и высокіе мысы.

Я обратилъ вниманіе, какъ на распространеніе звуковыхъ волнъ вліяли встрѣчающіяся на пути препятствія. Какъ только мы заходили за какую нибудь вершину, шумъ моря замиралъ, но когда приближались къ расщелинѣ, онъ опять становился явственнымъ.

Вдругъ, какіе то странные звуки, похोजіе на хриплый и протяжный лай, донесло до насъ вѣтромъ снизу. Я тихонько подошелъ къ краю обрыва и то, что увидѣлъ, было удивительно интересно. Множество сивучей—большихъ и малыхъ лежало на берегу моря.

Сивучъ (*Eumetopias Stelleri*. Gray.) относится къ отряду ластоногихъ (*Pinnipedia*) и къ семейству ушастыхъ тюленей (*Otariidae*). Это довольно крупное животное и достигаетъ до двухъ саженой длины и полоторыхъ сажень въ обхватъ около плечъ, при вѣсѣ 80—100 пудовъ. Онъ имѣетъ маленькія ушныя раковины, красивые черные глаза, большія челюсти съ сильными нлыками, длинную сравнительно шею, на которой шерсть нѣсколько длиннѣе, чѣмъ на всемъ остальномъ тѣлѣ, и большія ноги (ласты) съ голыми подошвами. Обыкновенно самцы въ два раза больше самокъ.

Въ Приморской области сивучи встрѣчаются по всему побережью Японскаго моря. За ними охотятся инородцы, главнымъ образомъ, ради ихъ толстой шкуры, которая идетъ на обувь и на выдѣлку ремней для собачьей упряжи.

Нѣжится на камняхъ, обдаваемыхъ пѣной прибоя, видимо, доставляло сивучамъ большое удовольствіе. Они потягивались, закидывали голову назадъ, подымали кверху заднія ноги сколько только возможно, поворачивались вверхъ брюхомъ и, вдругъ, совершенно неожиданно соскальзывали съ камня въ воду. Камень не оставался порожнимъ; тотчасъ же около него показывалась другая голова и другое животное спѣшило занять вакантное мѣсто. На берегу лежали самки и, рядомъ съ ними, молоднякъ, а въ сторонѣ, около пещеръ, выбитыхъ волненіемъ, дремали большіе самцы. Старые были свѣтло-бураго цвѣта, молодые—болѣе темные. Послѣдніе держали себя какъ то особенно гордо. Поднявъ кверху гдлову, они медленно поворачивали ею изъ стороны въ сторону и, несмотря на свое неуклюжее тѣло, имъ нельзя было отказать въ граціи. По манерѣ себя держать, по величію и быстротѣ движеній, они заслуживали бы названій морскихъ львовъ, какъ и ихъ сородичи у береговъ Калифорніи.

По свойственной казакамъ-охотникамъ привычкѣ, Мурзинъ поднялъ свое ружье и сталъ чѣлиться въ ближайшаго къ намъ сивуча, но Дерсу остановилъ его и тихонько въ сторону отвелъ винтовку.

Не надо стрѣляй, сказалъ онъ. Таскай не могу. Напрасно стрѣлай—худо, грѣхъ!

Тутъ только мы замѣтили, что къ лежищу ни съ какой стороны подойти было нельзя. Сырава и слѣва оно замыкалось выдающимися въ море уступами, а со стороны суши были отвѣсныя обрывы саженой въ 25 высоты. Къ сивучамъ можно было только подѣхать на лодкѣ. Убитаго си-

вуча взять съ собой мы не могли; значить, убили бы его зря и бросили бы на мѣстѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ меня поразили Дерсу своими словами. Напрасно стрѣлять—грѣхъ! Какая правильная и простая мысль!? Почему же европейцы часто злоупотребляютъ оружіемъ и сплэшъ и рядомъ убиваютъ животныхъ такъ, ради выстрѣла, ради забавы?

Минуть двадцать мы наблюдали сивучей. Я не могъ оторвать отъ нихъ своихъ глазъ. Вдругъ, я почувствовалъ, что кто то трогаетъ меня за плечо.

Капитанъ! надо ходи, говорилъ Дерсу.

Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною за эти дни животныхъ болѣе всего мнѣ понравились ластоногія.

Итти по вершинѣ хребта всегда легче, чѣмъ косогоромъ, потому, что выдающіяся вершины можно обходить по горизонталямъ. Когда мы вышли опять на тропу, ночь уже опустилась на землю. Намъ предстояло теперь подняться на высокую гору и оттуда спуститься въ сѣдловину. Высота перевала оказалась равной 2600 футамъ.

Картина, которую я увидѣлъ съ вершины горы, такъ поразила меня, что я вскрикнулъ отъ удивленія. Шель палъ: линія огней опоясывала горы:—точно иллюминація. Величественная и жуткая картина. Огни мерцали и гасли, но тотчасъ вновь разгорались съ большою силой. Они уже перешли черезъ сѣдловины и теперь спускались въ долину. Наиболѣе высокая вершины еще не были во власти огня. Палъ шель кверху правильнымъ кольцомъ,—точно на приступъ. На небѣ стояли два зарева. Одно—на западѣ, другое на востокѣ. Одно трепетало, другое было покойное.—Начинала всходить луна. Изъ за горизонта показался сначала край ея. Медленно, нерѣшительно выплывала она изъ воды все выше и выше—большая, тусклая и багровая.....

Капитанъ! ходи надо, шелнулъ опять мнѣ Дерсу.

Мы спустились въ долину и, какъ только нашли воду, тотчасъ же остановились среди дубоваго рѣдколѣся. Дерсу велѣлъ намъ нарвать травы для бивана, а затѣмъ пустилъ встрѣчный палъ. Какъ порохъ, вспыхнула сухая трава и опавшіе листья. Огонь быстро пошелъ по вѣтру и въ стороны. Теперь лѣсъ имѣлъ сказочный, феерическій видъ. Я сталъ слѣдить за паломъ. Огонь шель по листьѣ довольно медленно, но, когда добирался до травы, то сразу перескакивалъ впередъ. Жаръ увлекалъ кверху сухую ветошь. Она летѣла и горѣла въ воздухѣ. Такимъ образомъ, огонь перебрасывался все дальше и дальше. Наконецъ, палъ подошелъ къ кустамъ. Съ сильнымъ шумомъ взвилось огромное пламя. Тутъ росла желтая береза съ лохматою корою. Въ одно мгновенье она превратилась въ сплошную факель,—но только на минуту; кора обогрѣла и потухла. Старыя деревья съ сухою сердцевиною горѣли, стоя на корню. Позади пала, тамъ и сямъ, взвивались струйки бѣлаго дыма:—это тлѣли на землѣ головешки. Испуганныя животныя и птицы спасались бѣгствомъ. Мимго меня пробѣжалъ заяцъ; по начинавшему загораться колоднику прыгали

бурундунъ; съ рѣзкими криками отъ одного дерева къ другому носился пестрый дятель.

Я шель за огнемъ все дальше и дальше, не опасаясь заблудиться, шель до тѣхъ поръ, пока желудонъ не напомнилъ, что пора возвратиться назадъ. Я полагаю, что костеръ укажетъ мнѣ мѣсто бивана. Обернувшись, я увидѣлъ много огней: это догоралъ валежникъ. Который изъ нихъ былъ нашъ огонь, я разобрать не могъ. Одинъ изъ огней мнѣ показался больше другихъ. Я направился къ нему, но это оказался горящій сухой пенъ. Я пошелъ къ другому—опять то же. Такъ я переходилъ отъ огня къ огню и все не могъ найти бивана. Тогда я принялся кричать. Совсѣмъ съ другой стороны донесся до меня откликъ. Я повернулъ обратно и вскорѣ добрался до своихъ. Мои спутники подтрунивали надо мной, и я самъ отъ души смѣялся.

Опасенія Дерсу сбылись. Во вторую половину ночи палъ сталъ двигаться прямо на насъ, но, не найдя себѣ пищи, прошелъ стороною. Вопреки ожиданіямъ, ночь была теплая, несмотря на безоблачное небо. Въ такихъ случаяхъ, когда я видѣлъ что либо непонятное, я обращался къ Дерсу и всегда получалъ отъ него вѣрные объясненія.

Морозъ ходи не могу, отвѣтилъ онъ. Посмотри кругомъ, дыму много.

Тогда я вспомнилъ, канъ садоводы, при помощи дымокуровъ, спасаютъ сады свои отъ утренниковъ.

День мы видѣли изюбря; онъ пасся около горящаго валежника. Олень спокойно перешагнулъ черезъ него и сталъ оципывать кустарники. Частые палы, видимо, приучили животныхъ къ огню, и они перестали его бояться.

Солнечный восходъ засталъ насъ въ дорогѣ. Послѣ спуска съ перевала тропа нѣкоторое время идетъ по береговому валу, сложенному изъ окатанной гальки, имѣя справа море, а слѣва—болото. Валъ этотъ и болото свидѣтельствуютъ о томъ, что раньше здѣсь была лагуна. На другомъ склонѣ вала лежали огромные валуны изъ гнейса. Никакое волненіе не могло забросить ихъ такъ высоко. Это надо приписать дѣйствию льдовъ, которые въ зимнее время нагоняются сюда вѣтрами и «припахиваютъ» берегъ.

Кромѣ валуновъ, здѣсь было также много китовыхъ костей: лопатки, ребра, позвонки и части черепа. Вѣроятно, волненіемъ прибило къ берегу цѣлый трупъ животнаго. Звѣри и птицы позаботились убрать все, что можно; остались однѣ кости.

Отдохнувъ немного, мы пошли дальше. Черезъ часть пути тропа привела насъ къ озерамъ. Ихъ было три: «Малое», «Среднее» и «Долгое». Послѣднее было версты три длиною. Съ западной стороны въ него впадаетъ рѣка Сеохобе (т. е. рѣка Перваго Снѣга), почему то названная на морскихъ картахъ Ядихой. Мѣстность между озерами сильно заболочена. Только одинъ валъ изъ песку и гальки отдѣляетъ ихъ отъ моря. Здѣсь мы видимъ опять исчезнувшую бухту. Когда-то заливъ этотъ былъ много длиннѣе и загибался на сѣверъ.

Около балотъ тропа раздѣлилась. Одна пошла влѣво нъ горамъ, а другая—по намывной полосѣ прибоя. Эта послѣдняя привела насъ нъ небольшой, но глубокой протокѣ, которой озеро Долгое сообщается съ моремъ.

Нечего дѣлать, пришлось остановиться здѣсь, благо въ дровахъ не было недостатка. Море выбросило на берегъ много плавника, а солнца и вѣтеръ позаботились его просушить. Одно только было нехорошо: въ лагунѣ вода имѣла солоноватый вкусъ и непріятный запахъ. По пути я замѣтилъ на берегу моря какихъ-то куликовъ. Вмѣстѣ съ ними все время леталъ большой улитъ. Онъ имѣлъ бѣлое брюшко, сѣровато-бурую съ крапичками спину и темный клювъ.

Пока казаки становили палатку и таскали дрова, я успѣлъ сбѣгать на охоту. Птицы первый разъ подпустили меня близко. Я убилъ четырехъ и воротился назадъ.

Бивакъ нашъ былъ не изъ числа удачныхъ: холодный рѣзкій вѣтеръ всю ночь дулъ съ запада по долинѣ, какъ въ трубу. Пришлось спрятаться за валъ нъ морю. Въ палаткѣ было дымно, а снаружи холодно. Послѣ ужина всѣ поспѣшили лечь спать, но я не могъ уснуть—прислушиваясь нъ шуму прибоя и думалъ о судьбѣ, забросившей меня изъ Петрограда на берегъ Великаго океана.

20-го сентября погода весь день стояла теплая и сухая. Я рѣшилъ заняться обслѣдованіемъ рѣки Сеохобе. Сперва намъ надлежало переправиться черезъ озеро. При отсутствіи лодокъ сдѣлать это было нелегко. Надо было или вязать плоты, или попытаться перейти вбродъ. Я рѣшился на послѣднее средство, какъ скорѣйшее. Опытъ вышелъ удачнымъ. Озеро оказалось мелкимъ; самыя глубокія мѣста едва достигали трехъ сажени. Мели были извилистыя. Мы все время шли ощупью по поясъ въ водѣ. По мѣрѣ приближенія нъ рѣкѣ вода замѣтно становилась холоднѣе. Какъ только мы вышли на берегъ, сразу попали на тропу.

Рѣка Сеохобе длиною 22 версты. Истоки ея приходятся противъ средняго теченія Синанды, о которой упоминалось выше. Она, собственно говоря, состоитъ изъ двухъ рѣчекъ одинаковой величины, сливающихся вмѣстѣ въ пяти верстахъ отъ устья. Немного ниже, Сеохобе принимаетъ съ себя справа еще одинъ небольшой притокъ. Тутъ ходили изюбри цѣлыми стадами. Ревъ уже кончился; самцы отабунили около себя самокъ; вскорѣ олени должны разойтись по одиночкѣ.

Замѣтно, что съ каждымъ днемъ птицъ становится все меньше и меньше. За эти дни я отмѣтилъ только: 1) Уссурійскую длиннохвостую неясыть—птицу, смѣлую ночью и трусливую днемъ. Въ яркіе солнечные дни она забивается въ глухіе хвойные лѣса не столько ради корма, сколько ради мрана, который тамъ всегда господствуетъ; 2) Уссурійскаго бѣлоспиннаго дятла—самаго крупнаго изъ есемейства *Picidae*. Птица эта предпочитаетъ старыя смѣшанные лѣса, гдѣ есть много рухляка и сухостоевъ; 3) Клинохвостаго сорокопуга—жаднаго и задорнаго хищника, нападающаго даже на такихъ птицъ, которыя больше его размѣрами; 4) Зеленаго конька, обитающаго по опушкамъ лѣсовъ и 5) Черноголовыхъ овсянокъ—

красивыхъ, желтобрюхихъ птичекъ съ черными шапочками на головахъ. Онѣ предпочитали открытыя мѣста тѣневымъ и собирались въ небольшія стайки.

Тропа, по которой мы шли, привела насъ къ лудевѣ длиною въ 24 версты съ 74 дѣйствующими ямами. Большаго хищничества, чѣмъ здѣсь, я никогда нигдѣ не видѣлъ. Рядомъ съ фанзой стоялъ на сваяхъ сарай, дѣлиномъ набитый оленьими жилами, связанными въ пачки. Судя по вѣсу одной такой пачки, тутъ было собрано жилъ, вѣроятно, около 50 пудовъ. Китайцы показывали, что олени сухожилія они два раза въ годъ отправляютъ во Владивостокъ, а оттуда—въ Чифу. На стѣнахъ фанзошки сушилось около сотни шкуронъ сивучей. Всѣ они принадлежали молодняку. Не было сомнѣнія, что китайцы знали о лежбищѣ ластоногихъ около р. Мутухе и хозяйничали тамъ также хищнически, какъ и на Сеохобе.

Когда мы возвращались назадъ, Дерсу вдругъ спросилъ меня, кому принадлежитъ Уссурійскій Край, китайцамъ или русскимъ и, если русскимъ, то почему послѣдніе не выгоняютъ китайцевъ.

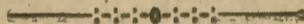
Все кругомъ скоро манза советѣмъ нончай, сказалъ онъ. Моя думай еще десять лѣтъ—олень, соболь, бѣлка пропади есть.

Со словами Дерсу нельзя было не согласиться. У себя на родинѣ китайцы уничтожили все живое. У нихъ въ странѣ остались только вброны, собаки и крысы. Даже въ морѣ, вблизи береговъ, они уничтожили всѣхъ трепанговъ, краббовъ, моллюсковъ и всю морскую капусту. Богатый звѣрьемъ и лѣсами Приамурскій Край ожидаетъ та же участь, если своевременно не будутъ приняты мѣры къ борьбѣ съ хищничествомъ китайцевъ.

Около моря, въ полуверстѣ отъ озера, есть еще одна небольшая лудева. Она длиною три версты и имѣетъ семь ямъ.

Въ озеро Долгое съ сѣвера впадаетъ маленькая безымянная рѣчка, протекающая по болотистой долинѣ. Здѣсь тропа становится весьма мокрой и вязкой. Мѣстами при ходѣбѣ ощущается колебанье почвы. Вѣроятно, въ дождливое время года, путь этотъ труднопроходимъ.

Послѣ перевала (высотой 500 футовъ) тропа придерживается лѣваго берега маленькой рѣчки, впадающей въ р. Тхетибе. Эта послѣдняя длиною верста пять и не менѣе болотиста, чѣмъ рѣка Безымянная. Положеніе этихъ двухъ долинь, параллельныхъ берегу моря, опредѣляетъ направленіе невысокаго прибрежнаго горнаго хребта, отмытаго вдоль оси своего простиранія и состоящаго изъ кварцитовъ и еще изъ какой-то кремнистой породы.

ВСТРѢЧА СЪ ХУНХУЗАМИ.

СЛѢДЫ. ХУНХУЗЫ. ДЕРСУ НА РАЗВѢДКАХЪ. ПЕРЕСТРѢЛКА. ЧЖАНЪ-БАО. Р. ДУНГОУ. ГОРА ХУНТАМИ. Р. МУЛУМБЕ. ОЗ. БЛАГОДАТИ. Р. КАИМБЕ. ГРИБНАЯ ФАНЗА. КАМЕННАЯ КОЖА. ПУТЬ ДО Р. САНХОБЕ. ОТЪѢЗДЪ Н. А. ПАЛЬЧЕВСКАГО И А. И. МЕРЗЛЯКОВА.

Днемъ на тропѣ Дерсу нашель человѣческіе слѣды. Онъ сталъ внимательно ихъ изучать. Одинъ разъ онъ поднялъ окуронъ папиросы и кусокъ синей дабы. По его мнѣнію, здѣсь проходили два человѣка. Это не были рабочіе манзы, а какіе-то праздные люди, потому что трудящійся человѣкъ не броситъ новую дабу только потому, что она запачкана; онъ и старую тряпку будетъ носить до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ не истреплется. Затѣмъ, рабочіе курятъ трубки, а папиросы для нихъ слишкомъ дороги. Продолжая свои наблюденія, онъ нашель мѣсто, гдѣ прошедшіе два человѣка отдыхали, причѣмъ одинъ изъ нихъ переобувался; брошенная ружейная гильза указывала на то, что китайцы были вооружены винтовками.

Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ разнообразнѣе были находки. Вдругъ Дерсу остановился.

Еще два люди ходили, сказалъ онъ. Теперь четыре стало. Моя думай, это худые люди.

Мы совѣтовались и рѣшили оставить тропу и пойти цѣлиною. Взобравшись на первую попавшуюся сопку, мы стали осматриваться. Впереди, верстахъ въ четырехъ отъ насъ, виднѣлся заливъ Пластунъ; влѣво—высокій горный хребетъ, за которымъ, вѣроятно, должна быть р. Сианца; сзади—озеро Долгое, справа—цѣпь размытыхъ холмовъ, а за ними—море.

Не замѣтивъ ничего подозрительнаго, я хотѣлъ было опять вернуться на тропу но гольдъ совѣтовалъ спуститься къ ключику, текущему къ сѣверу, и дойти по нему до р. Тхетибе.

Черезъ часъ пути мы дошли до опушки лѣса. Здѣсь Дерсу велѣлъ намъ ожидать его возвращенія, а самъ пошелъ на развѣдки.

Тхетибе представляетъ изъ себя небольшую горную рѣчку, протекающую по широкой и заболоченной долинкѣ, поросшей ивой, ольхой и бѣлой березой.

Приближались сумерки. Болото приняло одну общую желто-бурую окраску и имѣло теперь безжизненный и пустынный видъ. Горы окутаны въ синюю дымку вечерняго тумана и казались хмурыми. По мѣрѣ того, какъ становилось темнѣе, ярче на небѣ разгоралось зарево лѣсного пожара. Прошелъ часъ, другой, а Дерсу не возвращался. Я началъ беспокоиться.

Вдругъ, гдѣ-то далеко, послышался крикъ, затѣмъ раздалось четыре выстрѣла, опять крикъ и—еще одинъ выстрѣлъ. Я хотѣлъ было бѣжать туда, но вспомнилъ, что такимъ образомъ мы потеряемъ другъ друга.

Минуть черезъ двадцать гольдъ возвратился. Видъ его былъ крайне встревоженный. Насколько возможно, онъ спѣшно разсказалъ, что съ нимъ случилось. Идя по слѣдамъ четырехъ человѣкъ, онъ дошелъ до залива Пластунъ и здѣсь увидѣлъ палатку. Въ ней было около двадцати человѣкъ вооруженныхъ китайцевъ. Убѣдившись, что это хунхузы, онъ поплѣзъ по кустамъ обратно, но въ это время его учуяла собака и подняла лай. Три китайца схватили ружья и бросились за нимъ въ погоню. Убѣгая, Дерсу попалъ въ забучее болото. Хунхузы закричали, чтобы онъ остановился и затѣмъ стали стрѣлять. Выйдя на сухое мѣсто, Дерсу прицѣлился съ колѣна въ одного изъ разбойниковъ и выстрѣлилъ. Онъ хорошо видѣлъ, что китаецъ упалъ. Двое другихъ остались около раненаго, а онъ побѣжалъ дальше. Чтобы сбить хунхузовъ съ толку, Дерсу на глазахъ у нихъ нарочно направился въ сторону противоположную той, гдѣ мы притаились, а затѣмъ кружнымъ путемъ вернулъ обратно.

Моя рубашка хунхузы дырку дѣлай, сназалъ Дерсу и показалъ свою куртку, прострѣленную пулей.

Надо наша скоро ходи, закончилъ онъ свой разсказъ и сталъ одѣвать котомку.

Мы тихонько двинулись впередъ, стараясь не шумѣть. Гольдъ повелъ насъ осыпями, по сухому ложу рѣчки, и избѣгалъ тропинокъ.

Часовъ въ десять вечера мы достигли р. Юдзыхе, но не пошли въ фаңзы, а остались ночевать подъ открытымъ небомъ. Ночью я сильно зябъ, кутался въ палатку, но сырость проникала всюду. Никто не смыкалъ глазъ. Съ нетерпѣніемъ мы ждали разсвѣта, но время, какъ на зло, тянулось безконечно долго.

Какъ только стало свѣтать, мы тотчасъ тронулись дальше. Надо было какъ можно скорѣе соединиться съ Г. И. Гранатманомъ и А. И. Мерзляковымъ. Дерсу полагалъ, что будеть лучше, если мы оставимъ тропу и пойдемъ горами. Такъ и сдѣлали. Перейдя вбродъ рѣку, мы вышли на тропинку и только собирались юркнуть въ траву, какъ навстрѣчу намъ изъ кустовъ вышелъ таза съ винтовкою въ рукахъ. Сначала онъ испугался и изрядно, въ свою очередь, напугалъ насъ, но, увидѣвъ на мнѣ формениую фуражку, полѣзъ за пазуху и подаль панеть. Это было письмо отъ Н. А. Пальчевскаго. Послѣдній извѣщалъ меня, что съ р. Санхобе въ поиски за хунхузами выступилъ отрядъ охотниковъ подъ начальствомъ китайскаго старшины Чжанъ-Бао. Пока я читалъ письмо, Дерсу разспрашивалъ таза, а таза, въ свою очередь, разспрашивалъ его. Выяснилось, что Чжанъ-Бао съ своими тридцатью охотниками ночевалъ недалеко отъ насъ и теперь, вѣроятно, подходилъ уже къ р. Юдзыхе.

Дѣйствительно, минутъ черезъ двадцать мы съ нимъ встрѣтились.

Чжанъ-Бао былъ мужчина высокаго роста лѣтъ сорока пяти. Одѣтъ онъ былъ въ обыкновенную китайскую синюю одежду, только нѣсколько

спрятѣе, чѣмъ у простыхъ рабочихъ манзѣ. На подвижномъ лицѣ его лежала печать перенесенныхъ лишеній. Онъ носилъ черные усы, по китайскому обычаю опущенные книзу, въ которыхъ уже кое-гдѣ пробивалась сѣдина. Въ черныхъ глазахъ этого человѣка сквозилъ умъ, на губахъ постоянно играла улыбка, и въ то же время лицо его никогда не теряло серьезности. Прежде чѣмъ что нибудь сказать, онъ всегда обдумывалъ свой отвѣтъ и говорилъ тихо, не торопясь. Мнѣ не приходилось встрѣчать человѣка, въ которомъ такъ совмѣщались бы серьезность, добродушіе, энергія, разсудительность, настойчивость и таланты дипломата. Въ личности Чжань-Бао, въ его жестахъ, во всей его фигурѣ, въ манерѣ держать себя—было что-то интеллигентное. Его умъ, самолюбіе и умѣніе подчинить себѣ толпу говорили за то, что это не былъ простой манза. По всей вѣроятности, это былъ одинъ изъ политическихъ преступниковъ, бѣжавшихъ изъ Китая.

Дружина, которою командовалъ Чжань-Бао, состояла изъ китайцевъ и тазовъ. Все это были молодые люди, крѣпкіе, сильные, хорошо вооруженные. Я, какъ военный человѣкъ, сразу замѣтилъ, что въ его отрядѣ была крѣпкая дисциплина. Всѣ распоряженія его исполнялись быстро, и не было случая, чтобы онъ свои приказанія повторялъ дважды.

Во всемъ районѣ отъ Кусуна до залива Св. Ольги Чжань-Бао считался самой авторитетнѣйшей личностью. Китайцы и тазы обращались къ нему за совѣтами и, если гдѣ-нибудь надо было примирить двухъ непримиримыхъ враговъ, китайцы опять-таки обращались къ Чжань-Бао. Онъ часто заступался за обиженныхъ, и на этой почвѣ у него было много тайныхъ враговъ. Особенную ненависть онъ питалъ къ хунхузамъ и своими преслѣдованіями навелъ на нихъ такой страхъ, что далѣе рѣки Іодзыхе они заходить не рѣшались.

Шайка, на которую мы наткнулись, пріѣхала въ заливъ Пластунъ на лодкахъ съ намѣреніемъ заняться грабежомъ шаландъ, заходящихъ сюда во время непогоды.

Чжань-Бао привѣтствовалъ меня вѣжливо, но съ достоинствомъ. Узнавъ, что Дерсу ночью подвергся нападенію хунхузцовъ, онъ сталъ подробно его разспрашивать, гдѣ это случилось и при этомъ палочкой чертилъ планъ на песокъ.

Собравъ свѣдѣнія, онъ сказалъ, что ему нужно торопиться, и что онъ вернется на р. Санхобе дня черезъ два или три. Затѣмъ онъ простился со мной и пошелъ съ охотниками далѣе.

Теперь уже намъ нечего было скрываться отъ китайцевъ, поэтому мы стправились въ первую попавшуюся фанзу, напились чаю и легли спать. Въ полдень мы встали, напились чаю еще разъ и затѣмъ пошли вверхъ по долинѣ р. Дунгоу, что по китайски означаетъ Восточная Падь.

Горы на лѣвой сторонѣ ея—крутыя, на правой—пологія и состоятъ изъ полевошпатоваго порфира. Около устья, у подножья рѣчныхъ террасъ, можно наблюдать выходы мелкозернистаго гранита, который въ обнаженіяхъ превращается въ дресвянникъ. Тропа идетъ сначала съ правой сто-

роны рѣки, потомъ около скалы Янтунлаза переходить на лѣвый берегъ и отсюда взбирается на переваль высотой въ 560 футовъ.

Растительность въ долинѣ рѣки Дунгоу довольно скудная. Рѣдко-лѣсье изъ дуба и черной березы, лиственницы и липы дровяного и педѣлочнаго характера нельзя назвать лѣсомъ. Молодняка нигдѣ нѣтъ, онъ систематически два раза въ годъ уничтожается палами. Склоны горъ, обращенные къ югу, поросли кустарниками, главнымъ образомъ,—таврягой, калиной и леспедецей. Все остальное пространство луговое и заболоченное. Ширина рѣки—двѣ, три сажени; она порожиста и мелководна. Нѣкоторые пороги очень красивы и имѣютъ видъ небольшихъ водопадовъ.

Во вторую половину дня намъ удалось пройти только до перевала. Замѣтивъ, что вода въ рѣкѣ начинаетъ изсякать, мы отошли немного въ сторону и встали бивакомъ недалеко отъ водораздѣла. Весело затрещали сухія дрова въ кострѣ. Мы грѣлись около огня, пили чай и дѣлились впечатлѣніями предыдущей ночи.

Я замѣтилъ, что Дерсу что-то собирается меня спросить, но, видимо, стѣсняется. Я помогъ ему высказаться.

Моя слышалъ, русскіе хунхузы тоже есть. Правда это, али нѣтъ? спросилъ онъ, конфузясь.

Правда, отвѣчалъ я, только русскіе хунхузы ходятъ по одному, по два челобѣна и никогда не собираются такими большими шайнами, какъ китайскіе. Русское правительство не допускаетъ до этого.

Я думалъ, что мое объясненіе удовлетворило гольда, однако, я замѣтилъ, что мысли его были направлены въ другую сторону.

Какъ это? разсуждалъ онъ вслухъ. Царь есть, много всякихъ напитковъ есть и хунхузы есть. У китайцевъ тоже такъ: царь есть и хунхузы есть. Какъ наша живи? Царя нѣту, напитковъ нѣту и хунхузозъ нѣту.

Сначала мнѣ показалось страннымъ сопоставленіе—царь и хунхузы, но, вникнувъ въ смыслъ его словъ, я увидѣлъ, что Дерсу былъ правъ. Разъ происходитъ сортировка людей по сословіямъ, то должны быть богатые и бѣдные, праздные и трудящіеся. Разъ ихъ сортируютъ на честныхъ и безчестныхъ, то преступный элементъ отдѣляется, ассоціируется и образуетъ нѣчто въ родѣ особой касты, по китайски именуемой хунхузами.

Недолго длилась наша бестѣда. Утренній отдыхъ въ фанзѣ былъ непродолжителенъ. Организмъ требовалъ еще сна. Положивъ въ огонь сырыхъ дровъ, чтобы они дольше горѣли, мы легли на траву и крѣпко заснули.

Когда на другой день я поднялся, солнце было уже высоко. Напившись чаю, мы взяли свои котомки и пошли къ перевалу. Здѣсь тропа долгое время идетъ по хребту, огибая его вершины то съ одной, то съ другой стороны. Поэтому кажется, что она то подымается, то опускается и какъ будто пересѣкаетъ нѣсколько горныхъ отроговъ.

Поднявшись на переваль (780 футовъ), я увидѣлъ довольно интересную картину. Слѣва отъ насъ высилась высокая гора Хунтами(143),

143) Хунъ та ми—Гора въ видѣ большой буддійской лагоды.

имѣющая видъ усѣченного конуса. Она входитъ въ хребетъ, отдѣляющій бассейнъ р. Санхобе отъ р. Юдзыхе. Со стороны моря Хунтами кажется двугорбой. Вѣроятно, вслѣдствіе этого на морскихъ картахъ она и названа Верблюдомъ. Абсолютная высота сѣдловины между вершинами, опредѣленная А. И. Морзляновымъ, равняется 730, а наивысшая точка 3.600 футовъ. Къ востоку отъ насъ высились горы, поросшія рѣдкимъ лѣсомъ, а впереди разстилалась большая болотистая низина, покрытая изжелята-бурую травю.

Съ перевала тропа идетъ внизъ по маленькому ключику и скоро пересѣкаетъ небольшую горную рѣчку Мулумбе (по ороцки Мули), впадающую въ озеро Хунтами. Китайцы названіе это толкуютъ по своему и производятъ его отъ словъ Му-лу, что значитъ «Самна изюбря».

Несомнѣнно, и тутъ мы имѣемъ дѣло со старой лагуной, процессъ осушанія которой далеко еще не законченъ. Всему виною торфяники, прикрывшіе ее сверху и образовавшіе болото. Около моря сохранилась еще открытая вода. Это озеро Благодати ($44^{\circ} 47' \text{ С.Ш.}$ и $136^{\circ} 24' 20'' \text{ В.Д.}$ отъ Гринвича). Вѣроятно, тутъ было самое глубокое мѣсто бухты.

Мелкіе ручьи, сбѣгающіе съ горъ, текутъ по узкимъ оврагамъ и питаютъ болото водою. Между ними образовались небольшія релки, покрытая ольхой, березой, липой, а гдѣ посуше,—дубовымъ рѣдколѣсьемъ. Тропа идетъ черезъ эти овраги, но затѣмъ круто поворачиваетъ къ болоту. Разстояніе отъ Мулумбе до р. Каимбе не болѣе 5 верстъ, но на этотъ переходъ мы употребили почти цѣлый день—болото оказалось зыбучимъ. Мы пробовали было итти стороною около тропы, но это оказалось еще хуже. Наконецъ, передъ сумерками болото было пройдено. Впереди около рѣчки Каимбе виднѣлась какая-то фанза; къ ней мы и направили свои стопы.

Р. Каимбе (по ороцки Кая) на картахъ значится Каембэ. Она такой же величины, какъ и р. Мулумбе, только впадаетъ непосредственно въ море. Съ лѣвой стороны ея тянется длинная и высокая терраса, уже разрушенная временемъ. Терраса эта является древнимъ берегомъ лагуны и имѣетъ наклонъ къ озеру и обрывистые края—къ морю.

Въ фанзѣ жило два китайца. Ни огородовъ, ни пашень вокругъ ея не было видно. Однако, зоркій глазъ Дерсу усмотрѣлъ поперечную пилу, топоры съ длинными ручками, кузовни, плетеные изъ лыка, и длинные каны, несоотвѣтствующіе числу обитателей фанзы. Оказалось, что китайцы занимаются сборомъ древесныхъ грибовъ и лишайниковъ съ камней. Первые—относятся къ семейству дрожжалковыхъ грибовъ (*Tremellinaceae*) и собираются исключительно съ дуба. Они своеобразно ароматны и содержатъ въ себѣ много воды (98%). Для культуры ихъ китайцы валяютъ на землю множество дубовыхъ деревьевъ. Когда дубъ начинаетъ гнить, на немъ появляются грибы (*Tremella lutescens*), по внѣшнему виду похожіе на бѣлые кораллы. Китайцы ихъ называютъ «Му-эръ». Ихъ собираютъ и сушатъ, сначала на солнцѣ, а потомъ въ фанзѣ на сильномъ нагрѣтыхъ нанахъ.

Лишайники (*Parmelia centrifuga*) темно-оливково-зеленые (называемые китайцами Шихуй-пи т. е. каменная ножа), въ сухомъ состояніи становятся черными. Ихъ собираютъ съ известковыхъ и сланцевыхъ скаль и отправляютъ въ гор. Владивостокъ въ плетеныхъ корзинахъ, какъ гастрономическое лакомство.

Нельзя не удивляться предприимчивости китайцевъ. Одни изъ нихъ сходятся за оленями, другіе ищутъ жень-шень, третьи соблазняютъ, четвертые заняты добычей кабарожьяго мускуса, тамъ видишь напустолововъ, въ другомъ мѣстѣ ловятъ крабовъ или трепанговъ, тамъ съютъ макъ и добываютъ опи́й и т. д. Что ни фанза, то новый промыселъ: ловля жемчуга, добыча каюго то растительнаго масла, ханшина, корней острогала, — да всего и не перечесть. Всюду они умѣютъ находить источники обогащенія. Вопросъ труда отходить у нихъ на второй планъ, лишь бы источникъ этотъ былъ неизсякаемый.

Мы такъ устали за день, что не пошли дальше и остались здѣсь ночевать.

Внутри фанзы было чисто, опрятно. Гостепріимные китайцы уступили намъ свои мѣста на канахъ и, вообще, старались всячески услужить. На улицѣ было темно и холодно; со стороны моря доносился шумъ прибоя, а въ фанзѣ было уютно и тепло....

Вечеромъ манзы угостили насъ «каменной ножей». Темно бурые слизлые лишайники были безвкусны, хрустѣли на зубахъ, какъ вязига, и могли удовлетворить развѣ только гастрономическому вкусу китайцевъ.

По ихъ словамъ, до Санхобе оставался только одинъ переходъ. Желая дойти туда засвѣтло, мы выступили на другой день очень рано.

Отъ грибной фанзы тропа идетъ горами вдоль берега моря и на пути пересѣкаетъ пять горныхъ отроговъ, слагающихся изъ кварцеваго порфира и поросшихъ рѣдколѣсьемъ изъ дуба, липы и черной березы.

Эта тропа считается тяжелой, какъ для лошадей, такъ и для пѣшиходовъ. По пятому послѣднему распадну она поворачиваетъ на западъ и идетъ вверхъ до перевала, высота котораго равна 1150 футамъ. Подъемъ со стороны моря крутой и спускъ къ р. Санхобе—пологій.

За переваломъ картина мѣняется. Въмѣсто порфировъ появляются граниты и на смѣну листовеннаго рѣдколѣсья выступаетъ хвойно-смѣшанный лѣсъ отличнаго качества. Маленькая рѣчна, по которой проложена тропа, привела насъ на рѣку Сяненгоу (144), впадающую въ Санхобе недалеко отъ моря.

Здѣсь была лѣсная концессія Гляссера и Хроманскаго. Предпріятіе это, какъ и всѣ скороспѣлыя русскія предпріятія, обречено на гибель. Срублено деревьевъ было много, а вывезено—мало. Большинство ихъ брошено въ тайгѣ; зато какой хорошій горючій матеріалъ для лѣсныхъ пожаровъ остался на мѣстѣ.

Китайцы въ грибной фанзѣ сказали правду. Только къ вечеру мы дошли до рѣки Санхобе. Тропа привела насъ прямо къ китайскому посед-

144) Сянь янь гоу—Долина, обращенная къ солнцу.

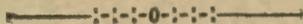
ку. Въ одной фанзѣ горѣлъ огонь. Сивозъ тонкую бумагу въ окнѣ я услышалъ голосъ Н. А. Пальчевскаго и увидѣлъ его профиль. Въ такой поздній часъ онъ меня не ожидалъ. Г. И. Гранатманъ и А. И. Мерзляковъ находились въ сосѣдней фанзѣ. Узнавъ о нашемъ приходѣ, они тотчасъ прибѣжали. Начались обоюдные распросы. Я рассказывалъ имъ, что случилось съ нами въ дорогѣ, а они мнѣ говорили о томъ, какъ работали на Санхобе. Какъ ни интересенъ былъ нашъ разговоръ, но усталость взяла свое. Н. А. Пальчевскій замѣтилъ это и сталъ устраивать мнѣ постель. Я легъ на канъ и тотчасъ уснулъ.

Весь слѣдующій день мы провели въ бесѣдѣ. Р. Санхобе являлась крайнимъ пунктомъ нашего путешествія по берегу моря. Отсюда намъ надо было итти къ Сихотэ-Алиню и далѣе—на Иманъ. На совѣтѣ рѣшено было остаться на Санхобе столько времени, сколько потребуется для того, чтобы подкрѣпить силы и снарядиться для зимняго похода.

Въ виду приближенія зимняго времени, довольствіе лошадей сдѣлалось весьма затруднительнымъ. Поэтому я распорядился всѣхъ коней съ А. И. Мерзляковымъ и съ частью команды отправить назадъ къ Зал. Св. Ольги. Вслѣдствіе полного замиранія растительности Н. А. Пальчевскій тоже пожелалъ возвратиться въ гор. Владивостокъ. Для этого онъ рѣшилъ воспользоваться шхуной Гляссера, которая должна была уйти черезъ двое сутокъ.

Такимъ образомъ, для зимняго похода черезъ Сихотэ-Алинь оставались только я, Г. И. Гранатманъ, Дерсу, двое казаковъ (Мурзинъ и Кожевниковъ) и стрѣлокъ Бочкаревъ.

25-го Сентября мы разстались съ Н. А. Пальчевскимъ, а на слѣдующій день въ походѣ выступилъ и А. И. Мерзляковъ.

ПОЖАРЪ ВЪ ЛЬСУ.

БУХТА ТЕРНЕЙ. ПТИЦЫ НА БЕРЕГУ МОРЯ. НАСЕЛЕНИЕ Р. САНХОБЕ. Р. СИЦА. ТАЙГА. СИХОТЭ-АЛИНЬ. ДА-ЛАЗА-ГОУ. ИЗУЧЕНИЕ СЛѢДОВЪ. ЗАНОЗА. НАРЫВЪ НА ПОДОШВѢ. ЛЬСНОЙ ПОЖАРЪ. ОПЕРАЦІЯ. ВОЗВРАЩЕНІЕ. ДРАМЫ НА БЕРЕГУ МОРЯ.

Двадцать седьмое число было посвящено осмотру бухты Терней (Мысь Страшный 45° 1' д. С. Ш. и 136° — 44'30 В. Д. отъ Гринвича), открытой знаменитымъ Лаперузомъ 23 іюня 1787 года и окрещенной тогда этимъ именемъ. Здѣсь особенно ясно видно, что раньше бухта Терней гораздо глубже вдавалась въ материкъ: значительная глубина рѣки около устья, обширный заливъ, отходящій отъ нея въ сторону, и, наконецъ, два озера среди болотъ указываютъ, гдѣ ранѣе были глубокія мѣста бухты. Само море потрудилося надъ тѣмъ, чтобы оттѣснить себя отъ суши. Коса, наметанная морскимъ прибоемъ, протянувшаяся отъ одного мыса въ другому, превратила заливъ въ лагуну. Потомъ здѣсь образовались дюны; онѣ увеличивались въ размѣрахъ и погребли подъ собою прибрежные утесы.

Около такихъ лагунъ всегда держится много птицъ. Однѣ изъ нихъ были на берегу моря, другія предпочитали держаться въ заводяхъ рѣки. Среди первыхъ я замѣтилъ тихоокеанскихъ чернозобиновъ. Судя по времени, это были, вѣроятно, отсталыя птицы. Тутъ же летали и чайки. Онѣ часто садились на воду и вновь взлетали на воздухъ. Молоднякъ среди нихъ выдѣлялся голубовато-сѣрою окраской.

Въ глубокихъ заводяхъ можно было замѣтить большихъ баклановъ. Они то и дѣло ныряли въ воду и никакъ не могли наполнить свое прожорливое брюхо.

Растительность въ нижней части долины р. Санхобе чахлая и низкорослая. Съ правой стороны по болотамъ растутъ небольшими группами сибирская лиственница. (*Larix sibirica* Ldb.). Повидимому, р. Санхобе является сѣверной границей акаціи Маака (*Cladrastis amurensis* Benth.), по крайней мѣрѣ, тутъ она встрѣчается уже, какъ рѣдкость.

Населеніе р. Санхобе смѣшанное и состоитъ изъ китайцевъ и тазовъ. Первые живутъ ближе къ морю, вторые—дальше въ горахъ. Китайскихъ фанзѣ 38; въ нихъ насчитывается 233 человекъ. Здѣшніе китайцы положительно убѣждены въ томъ, что земля эта принадлежитъ имъ, и на русскихъ смотрятъ, какъ на пришельцевъ. Тазовскихъ фанзѣ 14. Въ нихъ живетъ 72 мужчины, 54 женщины и 89 дѣтей обоего пола.

Положеніе здѣшнихъ тазовъ весьма тяжелое. Они имѣютъ совершенно забитый и угнетенный видъ. Я сталъ было ихъ спрашивать, но они испугались чего то, пошептались между собою и подъ какимъ то предлогомъ удалились.

Очевидно, они боялись китайцевъ. Если кто либо изъ нихъ посмѣетъ жаловаться русскимъ властямъ или разскажетъ о томъ, что происходитъ въ долині Санхобе, того ждетъ ужасное наказаніе: утопленіе въ рѣкѣ или закапываніе живымъ въ землю.

Санхобейскіе тазы почти ничемъ не отличаются отъ тазовъ на р. Тадушу. Они такъ же одѣты, говорятъ по китайски и занимаются хлѣбопашествомъ... Но около каждой фанзы есть амбаръ на сваяхъ, гдѣ хранится разный скарбъ. Этотъ амбаръ является типичной инородческой постройкой. Кромѣ того, я замѣтилъ у стариковъ тунгузскіе кривые ножи, которыми они владѣютъ весьма искусно. Эти ножи замѣняютъ имъ и шило, и буравчикъ, и долото, и настругъ.

По разсказамъ тазовъ, лѣтъ тридцать тому назадъ на р. Санхобе свирѣпствовала оспа. Не было ни одной фанзы, которую не постигла бы эта страшная болѣзнь. Китайцы боялись хоронить умершихъ и сжигали ихъ на кострахъ, выволакивая трупы изъ фанзъ крючьями. Были случаи, когда вмѣстѣ съ мертвыми сжигались и больные, впавшіе въ безсознательное состояніе.

Въ этотъ день вечеромъ возвратился Чжань-Бао. Онъ сообщил намъ, что не засталъ хунгузовъ въ заливѣ Пластунъ. Послѣ перестрѣлки съ Дерсу они ушли на шаландѣ въ море, направляясь, повидимому, на югъ.

Слѣдующіе три дня 28—30 сентября я просидѣлъ дома, вычерчивалъ маршруты, дѣлалъ записи въ путевыхъ дневникахъ и писалъ письма. Казаки убили изюбря и сушили мясо, а Бочкаревъ готовилъ зимнюю обувь. Я не хотѣлъ отрывать ихъ отъ дѣла и не бралъ съ собою въ экскурсіи по окрестностямъ.

Р. Санхобе (на картахъ—Саченбея и по удегейски Санкз) состоитъ изъ двухъ рѣкъ одинаковой величины: Сицы (по китайски—Западный Притокъ) и Дунцы (Восточный Притокъ). Путь мой на Иманъ, на основаніи разспросныхъ свѣдѣній, былъ намѣченъ по р. Дунцѣ. Поэтому я рѣшилъ теперь, пока есть время, осмотрѣть рѣку Сицу. На эту работу у меня ушло ровно семь сутонъ.

1-го октября я вмѣстѣ съ Дерсу, съ котомками за плечами выступилъ изъ своей «Штабъ-квартиры».

Сліяніе Сицы и Дунцы происходитъ въ 10 верстахъ отъ моря. Здѣсь долина Санхобе раздѣляется на двѣ долины, изъ которыхъ одна идетъ на сѣверъ (Дунца), а другая—на западъ (Сица). Видъ въ долину Сицы со стороны моря очень красивъ. Высокія горы съ острыми и причудливыми вершинами кажутся величественными. Я нѣсколько разъ видѣлъ ихъ послѣдствіи и всегда онѣ производили на меня впечатлѣніе какой то особенной дикой красоты.

На половинѣ пути отъ моря до мѣста сліянія Сицы и Дунцы съ лѣвой стороны есть скала Да-лаза⁽¹⁴⁵⁾. Разсказываютъ, что однажды какой то старикъ китаецъ нашелъ около нея жень-шень крупныхъ размѣровъ. Когда корень принесли въ фанзу, сдѣлалось землетрясеніе, и всѣ люди

145) Да ла-цзы—Большая скала.

слышали, какъ ночью скала Да-лаза стонала. По словамъ китайцевъ, р. Санхобе на побережьи моря является сѣверной границей, до которой прорастаетъ жень-шень. Дальше на сѣверъ никто его не встрѣчалъ.

Рѣка Сица течетъ въ направленіи къ юго-западу. Свое начало она беретъ съ Сихотэ-Алиня (переваль на р. Иманъ) и принимаетъ въ себя только два притока. Одинъ изъ нихъ Нанъ-ца (146), длиною въ 20 верстъ, находится съ правой стороны, съ переваломъ на Юдзыхе. Горный хребетъ, отдѣляющій бассейнъ р. Нанцы отъ моря, идетъ по кривой сначала къ востоку, а затѣмъ къ сѣверо-востоку и состоитъ изъ горъ Хунтами—въ 3600, Сахарной головы—въ 2380, Благодати—въ 1920 и Лѣсной—въ 1370 футовъ. Къ морю съ этого горнаго хребта текутъ рѣки Мулумбо и Наимбе, о которыхъ уже говорилось выше. Отъ истоковъ Нанъ-ца сперва течетъ къ сѣверу, потомъ къ сѣверо-востоку и затѣмъ къ сѣверо-западу. Въ общемъ, если смотрѣть вверхъ по долинтъ, въ суммѣ дѣйствительно получается направленіе южное.

Долина р. Сицы покрыта отличнымъ хвойно-смѣшаннымъ лѣсомъ. Особенности этой долины заключаются въ мощныхъ террасахъ. Въ обнаженіяхъ видно, что террасы эти наноснаго образованія и состоятъ изъ глины, ила и угловатыхъ камней величиной съ конскую голову. Было время, когда канія то силы создали эти террасы. Затѣмъ, вдругъ, наступилъ покой. Террасы стали заростать лѣсомъ, которому теперь насчитывается болѣе двухсотъ лѣтъ.

Нижняя часть долины Сицы представляется въ видѣ большихъ котловинъ, обставленныхъ высокими горами. Здѣсь растутъ великолѣпные лѣса, среди которыхъ много кедра. Около рѣки лѣсъ вырубленъ концессионеромъ Хроманскимъ, но вывезена только четвертая его часть. Все остальное брошено на мѣстѣ. При паденіи своемъ лѣсные великаны поломали множество другихъ деревьевъ, которыя не предполагались къ вырубкѣ. Въ общемъ, здѣсь больше испорченнаго сухого лѣса, чѣмъ живого. По такому лѣсу итти цѣлиною невозможно. Одинъ разъ мы пробовали было свернуть съ тропы въ сторону и черезъ нѣсколько шаговъ попали въ такой буреломъ, что еле—еле выбрались обратно. Площадь этого рубленнаго лѣса занимаетъ пространство около 15 квадратныхъ верстъ, изъ которыхъ пять приходится въ длину и три въ ширину. Тропа проходитъ почти по серединѣ лѣса. Для того, чтобы проложить ее, вѣроятно, понадобилось употребить не мало усилій и испортить не мало пилъ и топоровъ.

На слѣдующій день мы пошли вверхъ по р. Сицѣ. Чѣмъ дальше мы подвигались вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ тайга становилась глуше. Разрушающая руна лѣсопромышленника еще не коснулась этого дѣвственнаго лѣса. Кромѣ кедра, тополя, ели, пробковаго дерева, пихты и орѣха тутъ росли: китайскій ясень (*Traxinus rhynchophylla* Hance) — красивое дерево съ сѣрой корой и съ овальными остроконечными листьями: дейція мелкоцвѣтная (*Deutzia parviflora* В.) — небольшое деревцо съ мел-

ними черными ягодами, корзиночная ива (*Salix viminalis* L.)—весьма распространенная по всему Уссурийскому Краю и растущая обыкновенно по галещниковым отмелям вблизи рѣкъ. Растительное сообщество по берегамъ протока состояло изъ кустарниковой ольхи (*Alnus fruticosa* Rupr.) съ рѣзкими жилками на крупныхъ листьяхъ, перистого боярышника (*Crataegus pinnatifida* Bunge.) съ сѣрой корой, съ клиновидными листьями и рѣдкими шипами, рябины бузино—листной (*Sorbus sambucifolia* Trautv.) съ темно зелеными листьями и съ крупными ярко-красными плодами, жимолости съѣдобной (*Lonicera edulis* Turcz.) съ бурой корой, мелкой листвою и удлиненными ягодами темно-синяго цвѣта съ матовымъ налетомъ и, наконецъ, даурскаго луноствянника (*Menispermum dauricum* D. C.), вьющагося около другихъ кустарниковъ.

По мѣрѣ того, какъ исчезали слѣды человѣческіе, встрѣчалось все болѣе и болѣе слѣдовъ звѣриныхъ. Тигрь, рысь, медвѣдь, рассомаха, изюбрь, олень, козуля и кабанъ—постоянные обитатели здѣшней тайги.

Рѣка Сица—быстрая и порожистая. Пороги ея не похожи на пороги другихъ рѣкъ Уссурийскаго Края—это скорѣ шумные и пѣнистые каскады. Въ среднемъ теченіи рѣка шириною около пяти сажень и имѣетъ быстроту теченія 8 верстъ въ часъ въ малую воду. Истоки ея представляются въ видѣ одного большого ручья, принимающаго въ себя множество мелкихъ ручьевъ, стекающихъ съ горъ по короткимъ распадкамъ.

Поднявшись на Сихотэ-Алинь я увидѣлъ, какъ и надо было ожидать: пологій склонъ къ западу и обрывистый—къ востоку. Такая же рѣзкая разница наблюдается въ растительности. Съ западной стороны растетъ хвойный лѣсъ, а съ восточной—смѣшанный, который ниже по рѣкѣ очень скоро смѣняется лиственнымъ.

За водораздѣломъ мы нашли ручей, который привелъ насъ къ рѣкѣ Дананцѣ, впадающей въ Нолумбе (верхній притокъ Имана). Пройдя по ней верстъ десять,—мы повернули на востокъ и снова взобрались на Сихотэ-Алинь, а затѣмъ спустились къ рѣкѣ Да-Лаза-гоу (притокъ Сицы). Названіе это китайское и въ буквальномъ переводѣ означаетъ «Падь большихъ скалъ».

Въ геологическомъ отношеніи долина Да-ла-за-гоу—денудационная. Если идти отъ истоковъ къ устью, горныя породы располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: глинистые сланцы, окрашенные окисью бурога желѣзняка, затѣмъ сѣрые граниты и кварцевый порфиръ. По среднему теченію — диабазовый афанитъ съ неправильнымъ глыбовымъ распаденіемъ и осыпи изъ туфовиднаго кварце-порфира. Пороги на рѣкѣ Сицѣ состоятъ: верхній изъ песчаниковистаго сланца и нижній—изъ микропегмапнита (гранофира), съ метаморфозомъ желтаго и ржаваго цвѣта.

Дерсу шелъ молча и смотрѣлъ на все равнодушно. Я восторгался пейзажами, а онъ разсматривалъ сломанный сучекъ на высотѣ кисти руки человѣка и по тому, куда прутинъ былъ загнутъ, онъ зналъ о направленіи, въ которомъ шелъ человѣкъ. По свѣжности излома онъ опредѣлялъ время, когда это произошло, угадывалъ обувь и т. д. Каждый разъ, когда я не понималъ чего нибудь или высказывалъ сомнѣніе, онъ говорилъ мнѣ:

Какъ тебѣ, столько года въ сопнахъ ходи, понимай нѣту?

То, что для меня было непонятно, ему казалось простымъ и яснымъ. Иногда онъ замѣчалъ слѣды тамъ, гдѣ, при всемъ желаніи что либо усмотрѣть, я ничего не видѣлъ. А онъ видѣлъ, что прошла старая матка изюбря и годовалый теленокъ. Они щипали листву таволожнина, пятномъ стремительно убѣжали, очевидно, испугавшись чего то.

Все это дѣлалось не ради рисовки: мы слишкомъ хорошо знали другъ друга. Дѣлалось это просто по вкоренившейся многолѣтней привычкѣ не пропускать никакой мелочи и ко всему относиться внимательно. Если бы онъ не занимался изученіемъ слѣдовъ съ дѣтства, то умеръ бы съ голода. Когда я пропускалъ какой нибудь ясный слѣдъ, Дерсу подсмѣивался надо мной, покачивалъ головой и говорилъ.

..Гмъ! Все равно мальчинъ. Такъ ходи, головой качай. Глаза есть, посмотри не могу, понимай нѣту. Вѣрно—это люди в городѣ живи. Олень иснай не надо; кушай хочю—купи. Одинъ сопка живи не могу—скоро пропади.

Да, онъ былъ правъ. Тысячи опасностей ожидаютъ одинокаго путешественника въ тайгѣ и только тотъ, кто умѣетъ разбираться въ слѣдахъ, можетъ изъ этой борьбы выйти побѣдителемъ.

Во время пути я наступилъ на колючее дерево. Острый шипъ прокололъ обувь и вонзился въ ногу. Я быстро разулся и вытащилъ занозу, но должно быть не всю. Вѣроятно, кончикъ ея остался въ ранѣ, потому что на другой день ногу стало ломить. Я попросилъ Дерсу еще разъ осмотрѣть рану, но она уже успѣла запухнуть по краямъ. Этотъ день я шель, зато ночью нога сильно болѣла. До самаго разсвѣта я не могъ сомкнуть глазъ. На утро стало ясно, что на ногѣ у меня образовался большой нарывъ.

Недостатокъ взятаго съ собой продовольствія принуждалъ итти впередъ. Мы уже и такъ сидѣли безъ хлѣба и кормились только гѣмъ, что добывали охотой. На бивакѣ были и перевязочные матеріалы, и медикаменты. Въ тайгѣ могло застать ненастье и неизвѣстно сколько времени я провалялся бы безъ движенія. Поэтому, какъ ни больно было, но я рѣшилъ итти дальше. Я твердо ступалъ только на одну правую ногу, а лѣвую волочилъ за собою. Дерсу взялъ мои котомку и ружье. При спускахъ около овраговъ онъ поддерживалъ меня и всячески старался облегчить мои страданія.

Съ большимъ трудомъ мы прошли въ этотъ день только восемь верстъ, а до бивака оставалось еще двадцать четыре.

Ночью ногу страшно ломило. Опухоль распространилась по всей ступнѣ. Удастся ли мнѣ дотѣшиться хотя бы до первой тазовской фанзы? Эта мысль, видимо, безпокоила и Дерсу. Онъ часто поглядывалъ на небо. Я думалъ, что онъ смотритъ, не будетъ ли дождя, но у него были опасенія другого рода. По небу тянулась какая то мгла; она сгушалась все больше и больше. Мѣсяцъ только что зарождался, но ликъ его не былъ свѣтлымъ, какъ всегда, а казался красноватымъ и тусклымъ. Порей его совсѣмъ не было видно. Наконецъ, изъ за горъ показалось зарево.

Шибко большой дымъ, говорилъ мой спутникъ.

Чуть свѣтъ мы были уже на ногахъ. Все равно спать я не могъ и, пока была хоть малѣйшая возможность, надо было итти. Я никогда не забуду этого дня. Я шель и черезъ каждыя сто шаговъ садился на землю. Чтобы обувь не давила ногу, я распоролъ ее.

Скоро мы дошли до того мѣста, гдѣ Да-лаза-гоу впадаетъ въ Сицу. Теперь мы вошли въ лѣсъ, заваленный буреломомъ. Кругомъ все было окутано дымомъ. Въ пятидесяти шагахъ нельзя было рассмотреть деревья.

Капитанъ! надо торопиться, говорилъ Дерсу. Моя мало-мало боится. Трава гори нѣту, лѣсъ—гори!

Последнія усилія собралъ я и потащился дальше. Гдѣ былъ хоть маленькій подъемъ, я ползъ на колѣняхъ. Каждый корень, еловая шишка, маленькій камешекъ, прутикъ, попавшій подъ больную ногу, заставляли меня вскрикивать и ложиться на землю.

Въ дыму итти становилось все труднѣе и труднѣе. Начинало першить въ горлѣ. Стало ясно, что мы не успѣемъ пройти буреломный лѣсъ, который, будучи высушенъ солнцемъ и вѣтромъ, представлялъ изъ себя теперь огромный костеръ.

Извѣстно, что когда разгорается сильное пламя, то образуется вихрь. Шумъ этого вихря уловило привычное ухо гольда. Надо было перейти на другую сторону рѣки. Это было единственное спасеніе. Но для того, чтобы перейти Да-лаза-гоу, надо было крѣпко держаться на ногахъ. Для меня теперь это было совершенно немисливо. Что дѣлать? Вдругъ, Дерсу, не говоря ни слова, схватилъ меня на руки и быстро перенесъ черезъ рѣку. Тутъ была широкая полоса гальки. Онъ опустилъ меня на землю, какъ только вышелъ изъ воды и тотчасъ побѣжалъ обратно за ружьями. Въ это время нанесло дымъ, и ничего не стало видно. Когда я очнулся, рядомъ со мною на камняхъ лежалъ Дерсу.—Мы оба были покрыты мокрой палаткой. Сверху сыпались искры. Густой ѣдкій дымъ не позволялъ дышать.

Первый разъ въ жизни я видѣлъ такой страшный лѣсной пожаръ. Огромные кедры, охваченные пламенемъ, пылали точно факелы. Внизу, около земли было море огня. Тутъ все горѣло: горѣла трава, сухая листва и валежникъ; слышно было какъ лопались отъ жара и стонали живыя деревья. Желтый дымъ большими клубами быстро вздымался кверху. По землѣ бѣжали огненные волны; языки пламени вились вокругъ пней и облизывали накалившіеся камни.

Вдругъ вѣтеръ переѣнился и дымъ отнесло въ сторону. Дерсу поднялся и растолкалъ меня. Я попробовалъ было еще идти по галешковой отмели, но вскорѣ убѣдился, что это свыше моихъ силъ. Я могъ только лежать и стонать.

Такъ какъ при ходьбѣ я больше упирался на пятку, то сильно натрудилъ и ее. Другая нога устала и тоже болѣла въ колѣнѣ. Убѣдившись, что дальше я итти не могу, Дерсу поставилъ палатку, натаскалъ дровъ и собѣщилъ мнѣ, что пойдеть къ китайцамъ за лошадей. Это былъ единственный способъ выбраться изъ тайги. Дерсу ушелъ, и я остался одинъ.

За рѣкой все еще бушевало пламя. По небу вмѣстѣ съ дымомъ летѣли тучи искръ. Огонь шель все дальше и дальше. Одни деревья горѣли

спорте другія—медленіе. Я видѣлъ, какъ черезъ рѣку перебрелъ набантъ, затѣмъ переплылъ полозъ Шренка; какъ сумасшедшая, отъ одного дерева къ другому носилась желна, и не умоляя кричала недровна. Я вторилъ ей своими стопами. Наконецъ, стало смеркаться.

Я понималъ, что сегодня Дерсу не придетъ. Больная нога сильно отекала. Я раздѣлся и ощупалъ нарывъ,—онъ уже нагрѣлъ, но, огрубѣвшая отъ долгой ходьбы, кожа на подошвѣ не прорывалась. Я вспомнилъ, что имѣю перочинный ножъ. Тогда я сталъ точить его о камни. Подложивъ дровъ въ костеръ, я выждалъ, когда они хорошенько разгорѣлись и вскрылъ нарывъ. Отъ боли у меня потемнѣло въ глазахъ. Черная кровь и гной густой массой хлынули изъ раны. Съ ужасными усилиями я доползъ до воды, оторвалъ рукавъ отъ рубашки и началъ промывать рану. Послѣ этого я перевязалъ ногу и вернулся къ костру. Черезъ часъ я почувствовалъ облегченіе: боль въ ногѣ еще была, но уже не такая, какъ раньше.

Въ той сторонѣ, куда пошелъ пожаръ, виднѣлось красное зарево. Въ лѣсу во многихъ мѣстахъ мерцали огни. Это догоралъ валежникъ. Я долго сидѣлъ въ палаткѣ и поглаживалъ рукой больную ногу. Пламя костра согрѣло меня, и я погрузился въ сонъ. Когда я проснулся, то увидѣлъ около костра Дерсу и китайца. Я былъ покрытъ одеяломъ. На кострѣ грѣлся чай; въ сторонѣ стояла остѣлланная лошадь. Боль въ ногѣ утихла, и опухоль начала спадать. Согрѣвъ воду, я еще разъ промылъ рану, затѣмъ наполнил чаю, закурилъ китайскимъ прѣснымъ хлѣбомъ и сталъ одѣваться. Дерсу и китаецъ помогли мнѣ взобраться на коня, и мы тронулись въ путь.

За ночь лѣсной пожаръ ушелъ далеко, но въ воздухѣ все еще было дымно.

Послѣ полудня мы прибыли на Санхобе. Г. И. Гранатмана не было дома. Онъ куда то пошелъ на развѣдки и возвратился только черезъ двое сутокъ.

Пришлось мнѣ сидѣть на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока рана на ногѣ не зажила, какъ слѣдуетъ. Черезъ три дня я уже могъ ходить, а черезъ недѣлю совѣтъ оправился. ЧжанъБао нѣсколько разъ навѣщалъ меня. Отъ него я узналъ много интереснаго. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ вблизи бухты Терней разбился пароходъ «Викингъ», узналъ о томъ, какъ въ 1905 году японцы убили его помощника Лю-Пула и какъ онъ отомстилъ имъ за это, разсказалъ онъ мнѣ также о партіи кагоржанъ, которые въ 1906 году высадились на материкъ около мыса Олимпіады. Путь ихъ по берегу моря сопровождался грабежами и убійствами. Чжан-Бао со своими охотниками догналъ ихъ около озера Благодати и всѣхъ перебилъ... И много еще чего я узналъ отъ него. Все это было страшнаго, кровавья драмы.

Наблюдая за китайцами, я убѣдился, какой популярностью среди нихъ пользовался Чжанъ-Бао. Слова его передавались изъ устъ въ уста. Все, что онъ приказывалъ, исполнялось охотно и безъ проволочекъ. Многіе приходили къ нему за совѣтомъ и, кажется, не было такого запутаннаго дѣла, котораго онъ не могъ бы разобрать и найти виновныхъ. На-

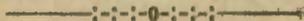
ходились и недовольные. Въ большинствѣ случаевъ это были люди изъ низовъ. Чжанъ-Бао обуздывалъ ихъ страсти.

Онъ постоянно посылалъ развѣдчиковъ, то на р. Юдзыхе, то на берегъ моря, то по тропѣ на сѣверъ. Вечеромъ онъ дѣлалъ сводки этимъ развѣдкамъ и сообщалъ ихъ мнѣ ежедневно. Чжанъ-Бао велъ большую корреспонденцію. Каждый почти день прибѣгалъ къ нему нарочный и приносилъ письма.

Всѣ эти дни Дерсу пропадалъ гдѣ то у тазовъ. Среди нихъ онъ нашелъ старика, который раньше жилъ на р. Улахе, и котораго онъ зналъ еще въ молодые годы. Онъ успѣлъ со всѣми перезнакомиться и вездѣ былъ желаннымъ гостемъ.

Дня за два до моего отхода Чжанъ-Бао пришелъ ко мнѣ проститься. Неотложныя дѣла требовали его личного присутствія на р. Такемѣ. Онъ распорядился назначить двухъ китайцевъ, которые должны были проводить меня до Ситохэ-Алиня, возвратиться обратно другой дорогой и сообщить ему о томъ, что они въ пути увидятъ.

15 октября былъ послѣдній день нашихъ сборовъ. Изъ муни мы напекли лепешекъ, засушили мяса. Предусмотрѣно было все, не забыта была даже сухая трава для обуви.

ЗИМНИЙ ПОХОДЪ.

ВЫСТУПЛЕНІЕ. ОТРАВЛЕНІЕ. ПРОТИВОЯДІЕ. Р. ДУНЦА. УБОРКА РЫБЫ ВЪ ИСТОКАХЪ РѢКИ ПТИЦАМИ И ЗВѢРЯМИ. ПРОКЛЯТОЕ МѢСТО. ПРИЗНАКИ НЕПОГОДЫ. ПУРГА. ПЕРЕВАЛЪ ТЕРПѢНІЯ.

16-го числа выступить не удалось. Задержали проводники китайцы. Они явились только на другой день около полудня. Тазы провожали насъ отъ одной фанзы до другой, прося зайти къ нимъ хоть на минутку. По адресу Дерсу сыпались привѣтствія; женщины и дѣти махали ему руками. Онъ отвѣчалъ имъ тѣмъ же. Такъ отъ одной фанзы до другой, съ постоянными задержками, мы дошли, наконецъ, до послѣдняго тазовскаго жилья, чему я, откровенно говоря, очень порадовался. Дальше тропа перешла за рѣку и потянулась вдоль ея лѣваго берега еще версты двѣ съ половиной, а затѣмъ стала взбираться на перевалъ.

Въ нижнемъ теченіи рѣки Дунца⁽¹⁴⁷⁾ течетъ въ меридіальномъ направленіи до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ рѣку Сицу. Тутъ она дѣлаетъ петлю и огибаетъ горный отрогъ, имѣющій пологіе склоны къ р. Санхобе и крутые—къ р. Дунцѣ. Черезъ этотъ самый отрогъ намъ и надлежало перейти.

Приближались сумерки. Поэтому мы встали бивакомъ тотчасъ, какъ только спустились къ водѣ.

Днемъ мнѣ недомогало: сильно болѣлъ животъ. Китаецъ проводникъ предложилъ мнѣ лѣнарство, состоящее изъ смѣси жень-шеня, опіума, оленьихъ пантовъ и наvara изъ медвѣжьихъ костей. Полагая, что отъ опіума боли утихнутъ, я согласился выпить нѣсколько капель этого варева, но китаецъ сталъ убѣждать меня выпить цѣлую ложку. Онъ говорилъ, что въ смѣси находится немного опіума, больше же другихъ снадобій. Быть можетъ, дозу онъ мѣрилъ по себѣ; самъ онъ привыкъ къ опіуму, а для меня и малая доза была уже очень большой.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ приѣма лѣнарства, боль въ животѣ стала утихать, но вмѣстѣ съ тѣмъ по всему тѣлу разлилась какая то слабость. Я легъ у огня и погрузился въ тяжелый сонъ, похожій на обморокъ. Черезъ полчаса я очнулся и хотѣлъ подняться на ноги, но не могъ, хотѣлъ шевельнуться—не могъ, хотѣлъ крикнуть—и тоже не могъ. Въ странномъ состояніи я находился: я утратилъ всѣ чувства и ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, ничего не ощущалъ. Нечеловѣческія усилія я сдѣлалъ надъ собой, поднялъ руку, дотронулся до своего лица—и испугался. Казалось, это были не мои руки а чужія, точно не лицо я трогалъ, а какую то маску. Ужасъ охватилъ меня. Послѣ страшной внутренней

147) Лѣвный притокъ р. Санхобе—Омюри стр. «231».

борьбы я рванулся, вскочил на ноги и тотчас упалъ на землю. Началась сильная рвота. На мое счастье, Дерсу еще не спалъ. Онъ принесъ мнѣ воды. Я съдѣлалъ нѣсколько глотковъ и началъ приходить въ себя. Голова такъ сильно кружилась, что я не могъ сосредоточить своего зрѣнія ни на одномъ предметѣ: я понялъ, что отравился. Нѣсколько разъ я пилъ воду въ большомъ количествѣ и нѣсколько разъ искусственно вызывалъ рвоту, и это меня спасло. Такъ промаялся я до утра. Когда разсвѣло, Дерсу сбѣгалъ въ лѣсъ, принесъ какой-то травы, велѣлъ мнѣ жевать ее и глотать сокъ.

Наконецъ, понемногу я сталъ приходить въ себя; головокруженіе и головная боль исчезли, зато появилась слабость и сильная жажда.

Растеніе это оказалось *Polygonum amphibium* L. Иностранцы его принимаютъ также и отъ дезинтеріи.

Санхобе протекаетъ по типичной долинѣ прорыва, мѣстами расширяющейся, мѣстами суживающейся ровно настолько, чтобы пропустить одну рѣку. Наиболѣе широкія мѣста ея находятся тамъ, гдѣ въ нее впадаютъ притоки. Изъ нихъ самымъ крупнымъ будетъ р. Фату, текущая съ сѣвера вдоль берега моря.

По р. Дунцѣ растутъ такой же хорошій лѣсъ, какъ и по р. Сицѣ. Съ лѣвой стороны въ горахъ преобладаютъ лиственные породы, съ правой—хвойныя.

Тропа идетъ по лѣвому берегу рѣки, то приближаясь къ ней, то удаляясь саженей на сто. Въ одномъ мѣстѣ рѣка прижимается вплотную къ горамъ, покрытымъ осыпями. Осыпи эти медленно ползутъ книзу. Сверху сыплются мелкіе камни. Слабый умъ китайскаго простонародья увидѣлъ въ этомъ сверхъестественную силу. Они поставили здѣсь нумирно богу Шань-синь-ѣ, охраняющему горы. Сопровождающіе насъ китайцы не преминули помолиться, ни мало не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ.

Дальше тропа выходитъ на гарь, которая тянется до самой р. Фату. Затѣмъ опять идутъ осыпи, а противъ нихъ рѣчныя террасы, занимающія довольно большое пространство съ правой стороны рѣки.

Версть на семь ниже въ Санхобе впадаетъ небольшая рѣчка, не имѣющая названія. По ней можно выйти къ самымъ истокамъ р. Билембе, впадающей въ море версть на 40 сѣвернѣе бухты Терней. Версты на двѣ выше устья этой безымянной рѣчки, Дунца принимаетъ въ себя еще одинъ притокъ, который китайцы называютъ Сю-ца. Тутъ тропы раздѣлились: одна пошла вверхъ по Дунцѣ, а другая—свернула влѣво.

Вслѣдствіе болѣзни я не могъ идти скоро, часто останавливался, садился на землю и отдыхалъ.

Дерсу и двое стрѣлковъ ходили осматривать рѣчку Сюоцу. Истоки ея сходятся съ истоками горнаго ручья, впадающаго въ Сицу въ среднемъ теченіи. Самый перевалъ покрытъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Какъ подъемъ, такъ равно и спускъ съ него средней крутизны. Верстахъ въ трехъ отъ Дунцы они нашли китайскую звѣровую фанзу. Хозяева ея находились въ отсутствіи.

Къ вечеру я почти оправился, но ѣсть не могъ—все еще мѣшала рвота. Поэтому я рѣшилъ пораньше лечь спать въ надеждѣ, что завтрашній день принесетъ полное выздоровленіе.

Часовъ въ двѣнадцать я проснулся. У огня сидѣлъ китаецъ проводникъ и караулилъ бивакъ. Ночь была тихая, лунная. Я посмотрѣлъ на небо, оно показалось мнѣ какимъ то страннымъ, приплюснутымъ,—точно спустилось къ землѣ. Вокругъ луны было матовое пятно и большой радужный вѣнецъ. Въ такихъ же пятнахъ были и звѣзды. Наверно къ утру будетъ крѣпкій морозъ, подумалъ я, затѣмъ завернулся въ свое одѣяло, прижался къ спящему рядомъ со мной казану и опять погрузился въ сонъ.

Утромъ меня разбудилъ дождь-мелкій и частый. Недомоганье мое кончилось, и я чувствовалъ себя совсѣмъ здоровымъ. Ни мало не мѣшая, мы собрали свои котомки и пошли дальше.

Отъ устья Сяо-цы долина Дунцы стала замѣтно суживаться. Съ обѣихъ сторонъ высились горы, покрытыя осыпями. Отъ нихъ въ долину выдвигается много утесовъ. Пѣшеходная тропа лѣпится здѣсь по высокому карнизу, а конная нѣсколько разъ переходитъ въ бродъ рѣку. Минувавъ тѣснину, дороги сходятся снова. Немного дальше р. Дунца раздѣляется на двѣ рѣки: долина одной изъ нихъ идетъ прямо, а сама Дунца поворачиваетъ влѣво. Въ этомъ мѣстѣ тропа наша опять раздѣлилась. Одна пошла по Дунцѣ, а другая, по словамъ провожающихъ насъ китайцевъ, на р. Арму (притокъ Имана).

Послѣ полудня дождь усилился, намъ пришлось рано встать на бивакъ.

До вечера еще было много времени, и потому мы съ Дерсу взяли свои винтовки и пошли на развѣдки. Осенью, во время ненастья, лѣсъ имѣетъ особенно унылый видъ. Голые стволы деревьевъ, окутанные холоднымъ туманомъ, пожелтѣвшая трава, опавшая на землю листва и дряблые потемнѣвшіе папоротники уназывали, что наступили уже сумерки года. Приближалась зима.

Вдругъ, какой то странный шумъ послышался въ сторонѣ. Мы оставили тропу и пошли къ берегу рѣки. Интересная картина представилась нашимъ глазамъ. Рѣка была буквально запружена рыбой. Это была кѣта. Мѣстами отъ дохлой рыбы образовались цѣлые завалы. Тысячи ея набились въ заводи и протоки. Теперь она имѣла отвратительный видъ. Плавники ея были обтрепаны и все тѣло изранено. Большая часть рыбъ была мертвой, но нѣкоторыя изъ нихъ еще не утратили способности двигаться. Онѣ все еще стремились вверхъ противъ воды, точно рассчитывали тамъ найти избавленіе отъ своихъ страданій.

Для уборки рыбы природа позаботилась прислать санитаровъ въ лицѣ медвѣдей, кабановъ, лисицъ, барсуновъ, енотовидныхъ собакъ, орловъ, воронъ, сизоворонковъ, соекъ и т. д. Дохлой кѣтой питались преимущественно птицы, четвероногіе же старались поймать живую рыбу. Вдоль рѣки они протоптали цѣлыя тропы. Въ одномъ мѣстѣ мы увидѣли медвѣдя. Онъ сидѣлъ на галешниковой отмели и лапами старался схватить рыбу.

Бурый медвѣдь и родственнй ему Камчатскій медвѣдь отъѣдаютъ у рыбу головы, а мясо бросаютъ. Бѣлогрудые-же медвѣди наоборотъ—ѣдятъ мясо, а головы оставляютъ.

Въ другомъ мѣстѣ рыбой лакомились два набана. Они отъѣдали у рыбу только хвосты. Пройдя еще немного, я увидѣлъ лисицу. Она выскочила изъ зарослей, схватила одну изъ рыбинъ, но, изъ предосторожности, не стала ее ѣсть на мѣстѣ, а потащила въ нусты.

Больше же всего здѣсь было пернатыхъ. Орлы сидѣли около воды и лѣниво, не торопясь, точно сознавая свое могущество, клевали то, что осталось отъ медвѣжьей трапезы. Особенно же много было воронъ. Своимъ чернымъ опереніемъ онѣ рѣзко выдѣлялись на свѣтлой каменистой отмели. Вороны передвигались прыжками и особое предпочтеніе оказывали той рыбѣ, которая стала уже разлагаться. По нустамъ шныряли сойки, онѣ ссорились со всѣми птицами и пронзительно кричали.

Вода въ протонахъ ное гдѣ начала уже замерзаетъ. Вмержшая въ ледъ рыба останется такъ на всю зиму. Весной, какъ только солнышко пригрѣтетъ землю, она вмѣстѣ со льдомъ будетъ вынесена въ море и тамъ уничтоженіемъ ея займутся уже морскія животныя.

Какой круговоротъ! Какъ все это разумно! Ничто не пропадетъ. Даже въ глухой тайгѣ есть кому позаботиться надъ уборкой падали.

Одинъ люди, другой люди кушай, высказывалъ Дерсу вслухъ свои мысли. Чего-чего рыба кушай, потомъ набанъ рыбу кушай, теперь надо наша набана кушай.

Говоря это, онъ прицѣлился и выстрѣлилъ въ одну изъ свиней. Съ ревомъ подпрыгнуло раненое на смерть животное, кинулось было къ лѣсу, но тутъ же тинулось мордой въ землю и начало барахтаться. Испуганныя выстрѣломъ птицы съ крикомъ поднялись на воздухъ и въ свою очередь испугали рыбу, которая, какъ сумасшедшая, взадъ и впередъ начала носиться по протоку.

Къ сумеркамъ мы возвратились на бивакъ. Дождь пересталъ, и небо очистилось. Взошла луна. На ней ясно и отчетливо видны были темныя мѣста и бѣлыя пятна. Значитъ, воздухъ былъ чистъ и прозраченъ.

Рано мы легли спать и ча другой день рано и встали. Когда лучи солнца позолотили вершины горъ, мы успѣли уже отойти отъ бивака версты три или четыре. Теперь р. Дунца круто поворачивала на западъ, но потомъ стала опять склоняться къ сѣверу. Какъ разъ на поворотѣ, съ лѣвой стороны въ долину вдвинулась высокая скала, увѣнчанная причудливымъ острымъ гребнемъ. Одни утесы были похожи на людей, другіе на птицъ, третьи на животныхъ и т. д.

Китайцы проводники говорили, что здѣсь съ людьми всегда происходятъ несчастья: то кто нибудь ломаетъ ногу, то кто нибудь умретъ и т. д. Въ подтвержденіе своихъ словъ, они указали на двѣ могилы тѣхъ несчастливцевъ, которыхъ преслѣдовалъ злой рокъ на этомъ мѣстѣ. Однако, съ нами ничего не случилось, и мы благополучно прошли мимо «Проклятыхъ скалъ».

Дальше мы вошли въ зону густого хвойно-смѣшаннаго лѣса. Зимой колючки чертова дерева (*Eleuterococcus*) становятся ломкими; хватая

его рукой, сразу набираешь много занозъ. Сквиерно то, что занозы эти входят въ кожу въ вертикальномъ направленіи и при извлеченіи крошатся.

Къ полудню мы достигли маленькой звѣтровой фанзочки, расположенной у слиянія трехъ горныхъ ручьевъ. По среднему лежалъ нашъ путь. Вечеромъ я измѣрилъ высоту мѣста. Барометръ показалъ 2100 футовъ надъ уровнемъ моря.

Всѣ эти дни стояла хорошая тихая погода. Было настолько тепло, что мы шли въ лѣтнихъ рубашкахъ и только къ вечеру одѣвались потеплѣе. Я восторгался погодой, но Дерсу не соглашался со мною.

Посмотри, капитанъ, говорилъ онъ, какъ птицы торопятся кушать. Его хорошо понимай, будетъ худо.

Барометръ стоялъ высоко. Я сталъ посмѣиваться надъ гольдомъ, но онъ на это только возразилъ:

Птица сейчасъ понимай, моя понимай послѣ.

Отъ упомянутой фанзы до перевала черезъ Сихотэ-Алинь будетъ верстъ восемь. Хотя котомки наши и давали себя чувствовать, но тѣмъ не менѣе мы шли бодро, и рѣдко дѣлали привалы. Часамъ къ четыремъ пополудни мы добрались до Сихотэ-Алиня, оставалось только подняться на его гребень. Я хотѣлъ было итти дальше, но Дерсу удержалъ меня за рунавъ.

Погоди, капитанъ, сказала онъ. Моя думай, здѣсь надо ночевать. Почему? спросилъ я его.

Утромъ птицы торопились кушать, а сейчасъ, посмотри самъ, ни одной нѣту.

Дѣйствительно, передъ закатомъ солнца птицы всегда проявляютъ особую живость, а теперь въ лѣсу стояла мертвая тишина. Точно по приказу, онѣ всѣ сразу нуда то спрятались.

Дерсу совѣтовалъ крѣпче ставить палатки и, главное, приготовить какъ можно больше дровъ не только на ночь, но и на весь завтрашній день. Я не сталъ съ нимъ больше спорить и пошелъ въ лѣсъ за дровами. Часа черезъ два начало смеркаться. Солдаты натаскали много дровъ, казалось, больше, чѣмъ нужно, но гольдъ не унимался, и я слышалъ, какъ онъ говорилъ китайцамъ:

Солдаты понимай нѣту, наша надо самъ работай.

Они вновь принялись за дѣло. Тогда на помощь имъ я послалъ обоихъ казачковъ. И только, когда на небѣ угасли послѣдніе отблески вечерней зари, мы прекратили работу.

Взошла луна. Ясная ночь глядѣла съ неба на землю. Свѣтъ мѣсяца пробирался въ глубину темнаго лѣса и ложился по сухой травѣ длинными полосами. На землѣ и на небѣ—всюду кругомъ было спокойно и ничто не предвѣщало непогоды. Сидя у огня, мы попивали горячій чай и подтрунивали надъ гольдомъ.

На этотъ разъ ты совралъ, говорили ему казани.

Дерсу не отвѣчалъ и молча продолжалъ укрѣплять свою палатку. Онъ забился подъ скалу, съ одной стороны приворотилъ большой пень и обложилъ его камнями, а дыры между ними заткнулъ мхомъ. Сверху онъ

еще натянул свою палатку, а впереди разложил костеръ. Мнѣ такъ показалось у него уютно, что я немедленно перебрался къ нему со своими вещами.

Время шло, а кругомъ было по прежнему тихо. Я тоже началъ думать, что Дерсу ошибся, какъ, вдругъ, около мѣсяца появилось матовое пятно, съ радужной окраской по наружному краю. Мало по малу дискъ луны сталъ тускнѣть, контуры его сдѣлались расплывчатыми, неясными. Матовое пятно расширилось и поглотило наружное кольцо. Какая то мгла быстро застилала небо, но откуда она взялась и куда двигалась, этого сказать было нельзя.

Я полагалъ, что дѣло окончится небольшимъ дождемъ и, убаюканный этой мыслью, заснулъ. Сколько я спалъ, не помню. Проснулся я оттого, что кто то меня будилъ. Я открылъ глаза, передо мной стоялъ Мурзинъ.

Снѣгъ идетъ, доложилъ онъ мнѣ.

Я сбросилъ съ себя одѣяло. Кругомъ была темная ночь. Луна совершенно исчезла. Съ неба сыпался мелкій снѣгъ. Огонь горѣлъ ярко и освѣщаль палатки, спящихъ людей и сложенные въ сторонѣ дрова. Я разбудилъ Дерсу. Онъ испугался, спросонья посмотрѣлъ по сторонамъ, посмотрѣлъ на небо и сталъ закуривать свою трубку.

Совсѣмъ тихо, сказалъ онъ. Много солнца т. е. нѣсколько дней не было вѣтра. Однако, будетъ пурга.

Дѣйствительно, кругомъ было тихо, но въ этой тишинѣ чувствовалось что то угрожающее. Черезъ нѣсколько минутъ снѣгъ пошелъ сильнѣе; онъ падалъ на землю съ какимъ то особеннымъ шуршаніемъ. Проснулись остальные люди и стали убирать свои вещи.

Вдругъ, снѣгъ началъ кружиться.

Начинай есть, сказалъ Дерсу.

И точно въ отвѣтъ на его слова, въ горахъ послышался шумъ, потомъ налетѣлъ сильный порывъ вѣтра съ той стороны, откуда мы его вовсе не ожидали. Дрова разгорѣлись яркимъ пламенемъ. Вслѣдъ за первымъ порывомъ налетѣлъ второй, потомъ третій, пятый, десятый, и каждый порывъ былъ продолжительнѣе предыдущаго. Хорошо, что палатки наши были крѣпко привязаны, иначе ихъ сорвало бы вѣтромъ.

Я посмотрѣлъ на Дерсу. Онъ спокойно курилъ трубку и равнодушно госматривалъ на огонь. Начинаящаяся пурга его не лугала. Онъ такъ много ихъ видѣлъ на своемъ вѣку, что эта не была для него новинкой. Дерсу какъ бы понялъ мои мысли и сказалъ.

Дрова много есть, палатка хорошо ставили. Ничего!

Черезъ часъ начало свѣтать.

Пурга—это снѣжный ураганъ, во время котораго температура понижается до 20° С. и вѣтеръ бываетъ такъ силенъ, что снімаетъ съ дощевъ крыши и вырываетъ съ корнями деревья. Итти во время пурги положительно нельзя; единственное спасеніе—отставаться на мѣстѣ. Обыкновенно всякая снѣжная буря сопровождается человѣческими жертвами.

Кругомъ насъ творилось что то невѣроятное. Вѣтеръ бушевалъ истово, ломалъ сучья деревьевъ и переносилъ ихъ по воздуху словно легкія пушинки. Огромные старые кедры раскачивались изъ стороны въ сторону, какъ тонкоствольный молодякъ. Теперь уже ни горъ, ни неба, ни земли—ничего не было видно. Все кружилось въ снѣжномъ вихрѣ. Порой сквозь снѣжную завѣсу чуть-чуть видѣлись силуэты ближайшихъ деревьевъ, но—только на мгновеніе. Новый порывъ вѣтра и туманная картина пропадала.

Мы забились въ свои палатки и въ страхѣ притихли. Дерсу посмотривалъ на небо и что то говорилъ самъ съ собою. Я напомнилъ ему пургу, которая захватила насъ около озера Ханна въ 1902 году.

Моя тогда шибко боялся, отвѣчалъ онъ мнѣ. Дрова нѣту—скоро кончай.

Послѣ полудня пурга разразилась со всею силою. Хотя мы были и защищены утесами и палаткой, однако это была ненадежная защита. То становилось жарко и дымно, какъ на пожарѣ, когда вѣтеръ дулъ намъ въ лицо, то холодно, когда пламя отклонялось въ противоположную сторону.

Мы уже не ходили за водой, а набивали чайники снѣгомъ, благо въ немъ не было недостатка. Къ сумеркамъ пурга достигла своей наибольшей силы, и, по мѣрѣ того, какъ становилось темнѣе, страшнѣе казалась буря.

Мало кто спалъ въ эту ночь. Я находился въ состояніи какого то полусозабутья. Вся забота была только о томъ, чтобы согрѣться.

21-го числа мы еще отстанивались отъ пурги. Теперь вѣтеръ перемѣнился и дулъ съ сѣверо-востока, зато порывы его сдѣлались сильнѣе. Даже вблизи бивака ничего нельзя было разсмотрѣть.

Чего его сердится? говорилъ въ досадѣ и со страхомъ Дерсу. Неужели наша чего нибудь худо дѣлалъ?

Кто? спросили казаки.

Моя не знаю, какъ по русски говори, отвѣчалъ гольдь. Его мало—мало богъ, мало—мало люди, сонна постоянно живи, вѣтеръ могу гоняй, ерево ломай. Наша говори Каньгу.

Горный или лѣсной духъ, подумалъ я.

Большихъ трудовъ стоило намъ поддержать костеръ. Скверно то, что каждый порывъ вѣтра выносилъ изъ него уголья и засыпалъ ихъ снѣгомъ. Сколо палатки намело большіе сугробы. Послѣ полудня появились вихри необычайной силы. Они вздымали съ земли тучи снѣга и, вдругъ, разсыпались бѣлою пылью, потомъ зарождались снова и съ воемъ носились по лѣсу. Каждый такой вихрь оставлялъ послѣ себя слѣдъ изъ множества човаленныхъ деревьевъ. Иногда на мгновеніе наступала короткая пауза, и течась вслѣдъ за ней опять начиналась пляска снѣжныхъ привидѣній.

Послѣ полудня небо стало понемногу расчищаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ, стала понижаться температура. Сквозь густую завѣсу тучъ въ видѣ неяснаго пятна чуть-чуть проглянуло солнце.

Надо было позаботиться о дровахъ. Мы побѣжали и стали подбирать тотъ буреломъ, который валялся по близости. Работали мы долго, пока Дерсу не скомандовалъ «довольно!» Никого не чадо было угвари-

вать. Всѣ разомъ бросились къ палаткамъ и стали грѣть у огня руки. Такъ мы промаялись еще одну ночь.

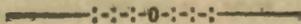
На утро погода мало измѣнилась къ лучшему: Вѣтеръ былъ рѣзкій и порывистый. На совѣтѣ рѣшено было попытаться перевалить черезъ Сихотэ-Алинь въ надеждѣ, что на западной сторонѣ его будетъ тише. Рѣшающее значеніе имѣлъ голосъ Дерсу.

Моя думай его скоро кончай, сказалъ онъ и началъ первый собираться въ дорогу.

Сборы наши были недолги. Минуть черезъ двадцать мы съ котомками за плечами уже лѣзли въ гору.

Отъ бивака сразу начинался крутой подъемъ. За эти два дня выпало много снѣгу. Мѣстами онъ былъ глубиною до полусажени. На гребнѣ мы остановились передохнуть. По барометрическимъ измѣреніямъ высота перевала оказалась равной 3.180 футамъ. Мы назвали его переваломъ «Терпѣнія».

Жуткая картина представилась намъ на Сихотэ-Алинь. Здѣсь вѣтромъ были повалены цѣлыя полосы лѣса. Пришлось обходить ихъ далеко стороною. Я уже говорилъ, что корни деревьевъ, растущихъ въ горахъ, распространяются по поверхности земли; сверху они едва только прикрыты мхами. Нѣкоторые изъ нихъ были оторваны. Деревья начали и подымали всю корневую систему. Черныя расщелины то открывались, то закрывались среди снѣжнаго покроя, словно гигантскія ласти. На одномъ изъ корней вздумалъ было качаться Кожевниковъ. Въ это время налетѣлъ сильный шиваль, дерево наклонилось, и, едва казакъ успѣлъ отскочить въ сторону, какъ оно съ страшнымъ шумомъ рухнуло на землю, разбрасывая во всѣ стороны комья мерзлой земли.

КЪ ИМАНУ.

ДЕРСУ РАЗБИРАЕТСЯ ВЪ СЛѢДАХЪ. ПТИЦЫ. ДОСТАВКА ПРОДОВОЛЬСТВІЯ СОБОЛЕВЩИКАМИ ВЪ ВЕРХОВЬЯ ИМАНА. КОРЕЙЦЫ. КАБАРЖЬЯ ЛУДЕВА. УДЭХЕЙЦЫ. НОЧЕВКА ВЪ ЮРТѢ. Р. КУЛУМБЕ.

Спускъ съ Сихотэ-Алиня къ западу былъ—пологій, заваленный глыбами камней и поросшій густымъ лѣсомъ. Небольшой ручей; въ который мы спустились, привелъ насъ къ рѣкѣ Нанцѣ. Она течетъ съ сѣверо-востока вдоль хребта Сихотэ-Алиня и постепенно склоняется къ сѣверо-западу. Долина Нанцы широкая, болотистая и покрита густымъ хвойно-замшистымъ лѣсомъ. Китайская охотничья тропа проложена частью по краю долины, частью по горамъ, которыя имѣютъ здѣсь видъ сильно размытыхъ холмовъ.

По пути намъ попалась юрта, сложенная изъ недроваго корья съ двускатной крышей, приспособленная подъ фанзу. Утомленные двумя предшествующими ночами, мы встали около нея бивакомъ и, какъ только поужинали, тотчасъ легли спать.

23-го октября мы продолжали путь внизъ по рѣкѣ Нанцѣ. На свѣжевыпавшемъ снѣгу былъ видѣнъ отчетливо каждый слѣдъ. Тутъ были отпечатки ногъ лосей, кабарги, соболей, хорьковъ и т. п. Дерсу шельъ впереди и внимательно ихъ разсматривалъ. Вдругъ, онъ остановился, посмотрѣлъ во всѣ стороны и проговорилъ:

Кого она боялась?

Кто? спросилъ я его.

Кабарга, отвѣчалъ онъ.

Я посмотрѣлъ на слѣды и ничего особеннаго въ нихъ не замѣтилъ. Слѣды, какъ слѣды—маленькіе, частые...

Дерсу удивительно разбирался въ примѣтахъ. Онъ угадывалъ даже душевное состояніе животныхъ. Достаточно было небольшой неровности въ слѣдахъ, чтобы онъ усмотрѣлъ, что животное волновалось.

Я просилъ Дерсу указать мнѣ данныя, на основаніи которыхъ онъ заключилъ, что кабарга боялась. То, что разсказалъ онъ мнѣ, было опять такъ просто и ясно. Кабарга шла ровнымъ шагомъ, затѣмъ остановилась и пошла осторожнѣй, потомъ шархнула въ сторону и побѣжала прыжками. На свѣжевыпавшемъ снѣгу все это видно было, какъ на ладони. Я хотѣлъ было идти дальше, но Дерсу остановилъ меня.

Погоди, капитанъ, сказалъ онъ. Наша надо посмотри, накой люди пугай кабаргу.

Черезъ минуту онъ крикнулъ мнѣ, что кабарга боялась соболя. Я подошелъ къ нему. На большомъ поваленномъ деревѣ, занесенномъ снѣгомъ, дѣйствительно видѣлись его слѣды. Видно было, что маленькій хищникъ врался тихонько, прятался за сукъ, затѣмъ бросился на кабаргу. Потомъ

Дерсу нашелъ мѣсто, гдѣ кабарга валялась на землѣ. Капли крови указывали на то, что соболь прокусилъ ей кожу около затылка. Далѣе слѣды доназывали, что кабаргѣ удалось сбросить съ себя соболя. Она побѣжала дальше, а соболь погнался было за ней, но отсталъ, затѣмъ свернулъ въ сторону и полѣзъ на дерево.

Чувствую, что, если бы я подольше походилъ съ Дерсу и если бы онъ былъ общительнѣе, вѣроятно, я научился бы разбираться въ слѣдахъ, если и не такъ хорошо, какъ онъ, то все же лучше, чѣмъ другіе охотники. Это было удивительно интересно.

Многое Дерсу видѣлъ и молчалъ. Молчалъ потому, что не хотѣлъ останавливаться, какъ ему казалось, на всякихъ мелочахъ.

Только въ исключительныхъ случаяхъ, когда на глаза ему попадалось что нибудь особенно интересное, онъ разсуждалъ вслухъ, самъ съ собою.

Верстахъ въ двадцати пяти отъ Сихотэ-Алиня Нанца сливается съ рѣкой Бейцой, текущей съ сѣвера. Отсюда собственно и начинается Кулумбе, которая должна была привести насъ къ Иману. Вода въ рѣкѣ стала уже замерзать, появились широкіе забереги. Безъ труда мы переправились на другую ея сторону и пошли дальше.

Рѣка Кулумбе течетъ по широкой заболоченной долинѣ въ направленіи съ востока на западъ. Тропа все время придерживается правой стороны долины. Лѣсъ, растущій въ горахъ, исключительно хвойный, съ большимъ процентомъ кедрѣ; въ болотистыхъ низинахъ много замшистаго сучостоя.

Послѣ полудня вѣтеръ стихъ окончательно. На небѣ не было ни единого облачка; яркіе солнечные лучи отражались отъ снѣга, и отъ этого день казался еще свѣтлѣе. Хвойныя деревья одѣлись въ зимній нарядъ; отяжелѣвшія отъ снѣга, вѣтви пригнулись къ землѣ. Кругомъ было тихо, безмолвно. Казалось, будто природа находилась въ томъ дремотномъ состояніи, которое, какъ реакція, всегда наступаетъ послѣ пережитыхъ тревоженій.

Изъ царства пернатыхъ я видѣлъ здѣсь большеклювыхъ воронъ, красноголовыхъ желнь, пестрыхъ дятловъ и поползней. Раза два мы спугивали бѣлыхъ крохалей съ черной головой и съ краснымъ носомъ. Птицы эти остаются на зимовку въ Уссурійскомъ Краѣ и приобрѣтаютъ бѣлую защитную окраску. Сплошь и рядомъ мы замѣчали ихъ только тогда, когда подходили къ нимъ вплотную. Бѣлые крохали держались парами, вѣроятно, —самецъ и самка.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ одной симпатичной птичкѣ, которая за свой игривый нравъ заслужила у казановъ названіе «Веселушнѣ». Это оляпка. Она величиною съ дрозда и всегда держится около воды. Одна изъ нихъ подпустила меня очень близко. Я остановился и сталъ за ней наблюдать. Оляпка была насторожѣ; она часто поворачивалась, кричала и въ тактъ голоса поначивала своимъ хвостикомъ, но затѣмъ, вдругъ, бросилась въ воду и нырнула. Инородцы говорятъ, что она свободно ходитъ по дну рѣки, не обращая вниманія на быстроту теченія. Вынырнувъ на по-

верхность и увидѣвъ людей, оляпка съ крикомъ полетѣла къ другой по-
лыньѣ, потомъ къ третьей. Я слѣдовала за ней до тѣхъ поръ, пока рѣка
не отошла въ сторону.

Въ другомъ мѣстѣ мы спугнули даурскаго бекаса. Онъ держался око-
ло воды, тамъ, гдѣ еще не было снѣга. Я думала, что это отсталая птица,
но видъ у него былъ веселый и бодрый. Впослѣдствіи я часто встрѣчала
ихъ по берегамъ незамерзшихъ протоковъ. Изъ этого я заключаю, что бекасы
держатся въ Уссурийскомъ Краѣ до половины зимы и только послѣ де-
кабря переночевываютъ къ югу.

За день мы прошли двѣнадцать верстъ и остановились у фанзочки
Сіу-фу. Высота этого мѣста опредѣляется в 1.850 футовъ надъ уровнемъ
моря. Обитатели фанзы китайцы занимались ловлей лосей ямами.

Утромъ китайцы проснулись рано и стали собираться на охоту, а
мы—въ дорогу. Взятые съ собой запасы продовольствія приходили къ
концу. Надо было пополнить ихъ. Я купилъ у китайцевъ двадцать пять
фунтовъ буды и заплатилъ за это восемь рублей. По ихъ словамъ, въ этихъ
мѣстахъ мука стоитъ 16 рублей, а чумиза—12 рублей пудъ. Цѣнятся не
столько сами продукты, сколько ихъ доставна. Обыкновенно носильщикъ
беретъ по 1 руб. 50 коп. въ сутки съ пуда.

За ночь рѣка Кулумбе замерзла настолько, что явилась возможность
идти по льду. Это очень облегчило наше путешествіе. Сильнымъ вѣтромъ
снѣгъ съ рѣки смело. Ледъ крѣпчалъ съ каждымъ днемъ. Тѣмъ не менѣе,
на рѣкѣ было много еще проталинъ. Отъ нихъ подымался густой туманъ.

Черезъ какія нибудь версты пять мы подошли къ двумъ корейскимъ
фанзамъ. Хозяева ихъ, два старика и два молодыхъ корейца, занимались
схотой и звѣроловствомъ. Фанзочки были новенькія, чистенькія; онѣ такъ
мнѣ понравились, что я рѣшилъ сдѣлать здѣсь дневку.

Послѣ полудня два корейца стали собираться въ тайгу для осмотра
кабарожьей лудевы. Я пошелъ вмѣстѣ съ ними.

Лудева была въ полуверстѣ отъ фанзы. Это была изгородь высотой
въ четыре фута, сложенная изъ буреломнаго лѣса. Чтобы деревья нельзя
было растащить, корейцы закрѣпили ихъ кольями.

Такія лудевы ставятся всегда въ горахъ на кабарожьихъ тропахъ.
Въ изгороди мѣстами оставляются проходы, а въ нихъ настораживаются
веревочныя петли. Попавъ головой въ петлю, испуганная набарга начи-
наетъ метаться и, чѣмъ сильнѣе бьется, тѣмъ больше себя затягиваетъ.

Въ осматриваемой лудевѣ было двадцать двѣ петли. Въ четырехъ изъ
нихъ они нашли мертвыхъ животныхъ—трехъ самокъ и одного самца.
Корейцы оттащили самокъ въ сторону и бросили на съѣденіе воронамъ.
На вопросъ, почему они бросили пойманныхъ животныхъ, корейцы отвѣ-
тили, что только одни самцы даютъ цѣнный мускусъ, который китайскіе
купцы скупаютъ у нихъ по 3 рубля за штуку. Что же касается до мяса,
то и одного самца съ нихъ довольно, а завтра они поймаютъ еще столько
же. По словамъ корейцевъ, въ зимній сезонъ они убиваютъ до 125 наба-
рожекъ, изъ которыхъ 75% приходится матокъ.

Грустное впечатлѣніе вынесъ я изъ этой экскурсіи. Куда ни взглянешь, всюду наталкиваешься на хищничество. Гдѣ же русскія власти, гдѣ же охрана лѣсовъ, гдѣ законъ? Въ недалекомъ будущемъ богатый землемъ и лѣсами Уссурийскій Край долженъ превратиться въ пустыню. Охрана лѣсовъ и законъ объ охотѣ здѣсь появятся тогда, когда будетъ уже слишкомъ поздно.

На слѣдующій день мы нарочно выступили пораньше, чтобы наверстать то, что потеряли на дневнѣ. Одну изъ набороженъ, брѣшенныхъ корейцами, мы взяли съ собою.

Стъ норейскихъ фанзъ рѣна Кулумбе течеть въ широтномъ направленіи съ небольшимъ отклоненіемъ къ югу. Тотчасъ за фанзами начинается гарь, которая распространяется далеко по долинѣ и по горамъ. Замѣтно, что горы стали выше и склоны ихъ круче.

Сплошкыя хвойныя лѣсонасажденія теперь остались сзади, а на смѣну имъ стали выступать тополь, илимъ, береза, осина, дубъ, осокоръ, клеій и т. д. Въ горахъ замшистая ель и пихта смѣнились великолѣпными кедровыми лѣсами.

За день намъ удалось пройти около пятнадцати верстъ. Въ сумерки стрѣлки замѣтили въ сторонѣ на протонѣ одинокую инородческую юрту. Дымъ, выходящій изъ отверстія въ крышѣ, указывалъ, что въ ней есть люди. Около нея на стойнахъ сушилось множество рыбы. Юрта была сложена изъ кедроваго корья и прикрыта сухою травою. Она имѣла сажени полторы въ длину и полсажени въ высоту. Входъ въ нее былъ завѣшанъ берестянымъ пологомъ. На берегу лежали двѣ опрокинутыя вверхъ дномъ лодки: одна большаго размѣра съ канимъ то страннымъ носомъ въ родѣ новша, другая—легонькая, съ заостренными концами спереди и сзади. Русскіе называютъ ее оморочкой.

Когда мы подошли поближе, двѣ собаки подняли лай. Изъ юрты вышло какое-то чловѣкоподобное существо, которое я сперва принялъ было за мальчишку, но серъга въ носу изобличила въ немъ женщину. Она была очень маленькаго роста, какъ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, и одѣта въ кожаную рубашку—длиною до колѣнъ, штаны, сшитыя изъ выдѣланной изюбриной кожи, наодѣнники, разукрашенные цвѣтными вышивками, такіе же расшитыя унты и ирасивыя цвѣтистыя нарукавники. На головѣ у нея было бѣлое покрывало.

Каріе глаза, расположенныя горизонтально, прикрывались сильно развитою монгольской складкою вѣкъ, выдающіяся скулы, широкое переносье, вдавленный носъ и узкія губы—все это придавало ея лицу выраженіе, чуждое европейцу:—оно казалось плоскимъ, пятиугольнымъ и, въ дѣйствительности, было шире черепа.

Женщина съ удивленіемъ посмотрѣла на насъ и, вдругъ, на лицѣ ея изобразилась тревога. Какіе русскіе могутъ придти сюда? Порядочныя люди не пойдутъ.—Это «чолдоны»(148), подумала она и спряталась обратно въ юрту. Чтобы разсѣять ея подозрѣнія, Дерсу заговорилъ съ нею по

148) Такъ удахойцы называютъ разбойниковъ.

удэхейски и представилъ меня, какъ начальника экспедиціи. Тогда она успокоилась. Этикетъ требовалъ, чтобы женщина не проявляла шумно своего любопытства. Она сдерживала себя и разсматривала насъ тихонько, украдкой.

Юрта, маленькая снаружи, внутри была еще меньше. Въ ней можно было только сидѣть или лежать. Я распорядился, чтобы назаки ставили палатки.

Переходъ отъ онитаенныхъ тазовъ на берегу моря къ инородцамъ, у которыхъ еще сохранилось такъ много первобытнаго, былъ очень рѣзокъ.

Женщина молча принялась готовить ужинъ. Она повѣсила надъ огнемъ котелъ, налила воды и положила въ него двѣ большихъ рыбыны, затѣмъ достала свою трубку, набила ее табакомъ и принялась курить, время отъ времени задавая Дерсу вопросы.

Когда ужинъ былъ готовъ, пришелъ самъ хозяинъ. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати, сухощавый, средняго роста. Одѣтъ онъ былъ тоже въ длинную рубашку, подвязанную пояскомъ такъ, что получался напускъ въ талии. По всему правому борту рубашки вокругъ шеи и подола тянулась широкая полоса, покрытая узорными вышивками. На ногахъ у него были надѣты штаны, наколѣнники и унты изъ рыбьей кожи, а на головѣ—бѣлое покрывало и поверхъ него маленькая шапочка изъ козьяго мѣха съ торчащимъ вверху бѣличьимъ хвостикомъ. Красное загорѣлое лицо, пестроты костюма, бѣличій хвостикъ на головномъ уборѣ, кольца и браслеты на рукахъ, дѣлали этого дикаря очень похожимъ на краснокожаго. Впечатлѣніе это еще болѣе усилилось, когда онъ, почти не обращая на насъ вниманія, сѣлъ у огня и молча сталъ курить свою трубку.

Этикетъ требовалъ, чтобы гости первые нарушили молчаніе. Дерсу зналъ это и потому спросилъ его о дорогѣ и о глубинѣ выпавшаго снѣга. Разговоръ завязался. Узнавъ, кто мы и откуда идемъ, удэхеецъ сказалъ, что ему извѣстно было, что мы должны спуститься по Иману. Объ этомъ онъ слышалъ отъ своихъ сородичей, живущихъ ниже по рѣкѣ и что тамъ внизу насъ давно уже ожидаютъ. Это извѣстіе очень меня удивило.

Вечеромъ жена его осмотрѣла нашу одежду, починила ее, гдѣ надо, и взамѣнъ изношенныхъ унтовъ дада новыя. Хозяинъ далъ мнѣ для подстилки медвѣжью шкуру, сверху я покрылся одѣяломъ и скоро уснулъ.

Ночью я проснулся отъ страшнаго холода. Сбросивъ съ головы одѣяло, я увидѣлъ, что огня въ юртѣ нѣтъ. Въ очагѣ тлѣлось только нѣскольکو угольковъ. Черезъ отверстіе въ крышѣ виднѣлось темное небо, устѣянное звѣздами. Съ другой стороны юрты раздавался храпъ. Очевидно, ложась спать, удэхейцы во избѣжаніе пожара, нарочно погасили огонь. Я попробовалъ было плотнѣе завернуться въ одѣяло, но ничего не помогало,—холодъ проникалъ подъ каждую складку. Я поднялся, зажегъ спичку и посмотрѣлъ на термометръ; онъ показывалъ—17° С. Тогда я оторвалъ часть своей берестяной подстилки, положилъ ее на огонь и сталъ раздувать уголья. Черезъ минуту вспыхнуло пламя. Собравъ разбросанныя головешки къ огню, я одѣлся и вышелъ изъ юрты. Въ сторонѣ подъ покровомъ палатки спали мои люди; около нихъ горѣлъ костеръ. Я погрѣлся у

огня и хотѣлъ уже было пойти назадъ въ юрту, но въ это время увидѣлъ въ сторонѣ около рѣки отвѣтъ другого костра. Здѣсь, внизу, подъ яромъ, я нашель Дерсу. Водой подмыло берегъ, сверху нависла большая дерновина; подъ ней образовалось нѣчто въ родѣ ниши. Въ этомъ углубленіи онъ устроилъ себѣ ложе изъ травы, а впереди разложилъ огонь. Во рту у Дерсу была трубка, а рядомъ лежало ружье. Я разбудилъ его. Гольдъ вскочилъ и, думая, что проспалъ, началъ спѣшно собирать свою котомку. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ тотчасъ же уступилъ мнѣ свое мѣсто и самъ помѣстился рядомъ. Черезъ нѣсколько минутъ здѣсь подъ яромъ я находился въ большемъ теплѣ и спалъ гораздо лучше, чѣмъ въ юртѣ на шкурѣ медвѣды.

Проснулся я тогда, когда всѣ были уже на ногахъ: Бочнаревъ варилъ кабарожье мясо. Когда мы стали собираться, удѣеецъ тоже одѣлся и заявилъ, что пойдетъ съ нами до Сидатуна.

За утреннимъ чаемъ Г. И. Гранатманъ заспорилъ съ Кожевниковымъ по вопросу, съ какой стороны ночью дулъ вѣтеръ. Кожевниковъ указывалъ на востокъ, Г. И. Гранатманъ—на югъ, а мнѣ казалось что вѣтеръ дулъ съ сѣвера. Мы не могли столкнуться и потому обратились къ Дерсу. Гольдъ сказалъ, что направленіе вѣтра ночью было съ запада. При этомъ онъ указалъ на листья тростника (*Fragmites communis*). Утромъ съ восходомъ солнца вѣтеръ стихъ, а листья такъ и остались загнутыми въ ту сторону, куда ихъ направилъ вѣтеръ.

Отъ юрты тропа стала свѣрять къ правому краю долины и пошла ко-согорами на сѣверъ, а потомъ свернула къ юго-западу. Верстъ черезъ десять мы опять подошли къ р. Кулумбе, которая здѣсь разбивается на протоки и достигаетъ ширины до двѣнадцати сажень и глубины по фарватеру до шести футовъ.

Въ этотъ день мы прошли немного. По мѣрѣ того, какъ уменьшались взятые съ собою запасы продовольствія, котомки дѣлались легче, а нести ихъ становилось все труднѣе—лямки сильно рѣзали плечи, и я замѣтилъ, что не я одинъ, а всѣ чувствовали это.

Отъ холоднаго вѣтра снѣгъ сталъ сухимъ и разсыпчатымъ, что въ значительной степени затрудняло движеніе. Въ особенности трудно было подниматься въ гору: люди часто падали и съѣзжали книзу. Силы были уже не тѣ—стала появляться усталость, чувствовалась потребность въ болѣе продолжительномъ отдыхѣ, чѣмъ обыкновенная дневка.

Около рѣки мы нашли еще одну пустую юрту. Казаки и Бочнаревъ устроились въ ней, а китайцамъ пришлось спать снаружи около огня. Дерсу сначала хотѣлъ было помѣститься вмѣстѣ съ ними, но, увидѣвъ, что они заготавливали дрова, не разбирая, какія попадались подъ руку, рѣшилъ спать отдѣльно.

Понимай нѣту, говорилъ онъ. Моя не хочу рубашка гори. Надо хорошія дрова искать.

Пустая юрта, видимо, часто служила охотникамъ для ночевокъ. Кругомъ ея весь сухой лѣсъ давно уже былъ вырубленъ и пожженъ. Дерсу это не смутило. Онъ ушелъ поглубже въ тайгу и издалека приволокъ су-

хой ясень. До самых сумерокъ онъ таскалъ дрова, и я помогаль ему, сколько могъ. Зато всю ночь мы спали хорошо, не опасаясь за палатку и за одежду.

Багровая заря вечеромъ и мгла на горизонтѣ передь разсвѣтомъ были вѣрными признаками того, что утромъ будетъ морозъ. Такъ оно и случилось. Солнце бзошло мутное, деформированное. Оно давало свѣтъ, но не тепло. Отъ диска его нверху и книзу шли яркіе лучи, а по сторонамъ были свѣтящіяся радужныя пятна, которыя на языкѣ полярныхъ народовъ называются «ушами солнца».

Удѣхеецъ, сопровождавшій насъ, хорошо зналъ эти мѣста. Онъ находилъ тропы тамъ, гдѣ надо было сократить дорогу. Версты двѣ не доходя до устья Кулумбе, тропа свернула въ лѣсъ, которымъ мы шли еще около часа. Вдругъ, лѣсъ сразу кончился и тропа оборвалась. Передь нами была рѣка Иманъ.

Теперь бросимъ бѣглый взглядъ назадъ на рѣку Кулумбе. Длина ея около 50 верстъ. Направленіе теченія строго широтное. Вверху она слгагается изъ трехъ рѣкъ: Бэйцы, Нанцы и Санцазы(149). По рѣкѣ Бэйцѣ въ два дня можно достигнуть перевала на Арму, а по Санцазѣ—въ три дня—до Санхобе. Съ правой стороны Кулумбе принимаетъ въ себя р. Янху(150), а съ лѣвой—Дананцу съ шестью звѣровыми фанзами. По этой послѣдней въ три дня китайцы выходятъ къ истокамъ р. Санхобе. Еще ниже слѣва будетъ рѣка Да-бей-ца (большой сѣверный притокъ), съ переваломъ на р. Нэйкуля (притокъ Арму). Этотъ путь измѣряется двумя переходами. Послѣдними Кулумбейскими притоками въ нижнемъ теченіи будутъ р.р. Сяо-бей-ца(151) и Сяо-нан-ца(152).

По всей долинѣ Кулумбе развиты глинистые сланцы, которые продолжаютъ и дальше по Иману. Всѣ древне-рѣчныя террасы состоятъ именно изъ этой породы. Весьма возможно, что сланцы эти придется отнести къ архейскимъ.

Лѣса по р. Кулумбе такіе же, какъ и въ верховьяхъ Имана: въ горахъ растутъ кедръ съ большой примѣсью ели, а по долинѣ—лиственница, бѣлая береза, осина, ива, ольха, клень, пихта, липа, ясень, тополь, илимъ и черемуха; встрѣчается и тисъ, но одиночными деревьями.

149) Санъ ча цзы—Тройной распадокъ.

150) Янъ ху—Переполненное озеро.

151) Сяо бэй ча—Малое сѣверное развѣтвленіе.

152) Сяо нанъ ча—Малое южное развѣтвленіе.

ОПАСНОЕ ПЛАВАНІЕ.

Р. ИМАНЪ. УДЭХЕЙСКАЯ ЛОДКА. ОХОТНИЧІЙ ПОСЕЛОКЪ СИДАТУНЪ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ. РАБСТВО. ПЛАВАНІЕ ПО Р. ИМАНУ. ПОРОГИ. ЛЕДОХОДЪ. КРУШЕНІЕ ЛОДКИ. Р. АРМУ.

На старинныхъ картахъ, составленныхъ въ 1854 году, при первомъ Губернаторѣ Приморской области Генералѣ Тихменевѣ, рѣка эта значится подъ именемъ Нимана. Слово это маньчжурское и означаетъ «горный возель». Отсюда легко могло получиться и другое слово «Иманъ». Удэхейцы называютъ ее сокращенно Има, а китайцы къ этому названію прибавляютъ еще слово Хе (рѣка), и получилось Има-хе.

Кулумбе встрѣчаетъ Иманъ уже большою рѣкою, шириною въ 50 сажень, глубиной въ $1\frac{1}{2}$ сажени при быстротѣ теченія 8 верстъ въ часъ въ малую воду. Долина Имана слагается изъ участковъ денудационныхъ и тектоническихъ, чередующихся между собою. Первые имѣютъ широтное направленіе, вторые—меридіальное. Продолженіемъ Иманскихъ денудационныхъ долинъ будутъ долины притоковъ р.р. Тхетибе, Арму и Кулумбе.

Иманъ еще не замерзъ и только по краямъ имѣлъ забереги. На другомъ берегу, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ мы стояли, копошились каіе-то маленькіе люди. Это оказались удэхейскія дѣти. Немного дальше въ тальникахъ видѣлась юрта и около нея—амбаръ на сваяхъ. Дерсу крикнулъ ребятишкамъ, чтобы они подали лодку. Мальчики испуганно посмотрѣли въ нашу сторону и убѣжали. Вслѣдъ затѣмъ изъ юрты вышелъ мужчина съ ружьемъ въ рукахъ. Онъ перекинулся съ Дерсу нѣсколькими словами и затѣмъ переѣхалъ въ лодкѣ на нашу сторону.

Удэхейская лодка—длинный плоскостонный челнокъ, настолько легкой, что одинъ человекъ безъ труда можетъ вытащить его на берегъ. Передняя часть его тупая, но дно выдается впередъ; оно расширено и загнуто кверху, такъ что получается нѣчто въ родѣ ковша или лопаты, вслѣдствіе чего вся лодка кажется несурзадной. Благодаря таковой конструкціи, она не разрываетъ воду, а, такъ сказать, взбирается на нее. Имѣя центр тяжести высоко поднятый, она кажется очень валкой. Когда мы вошли въ лодку, она такъ заначалась, что я невольно ухватился руками за борта. Но какъ только мы успокоились и отчалили отъ берега, я убѣдился насколько она была устойчива. Удэхеецъ управлялъ ею при помощи длиннаго шеста, стоя на ногахъ. Сильными толчками онъ продвигалъ лодку противъ воды; теченіе относило ее въ сторону и постепенно прибывало къ противоположному берегу.

Наконецъ, мы пристали къ тому мѣсту, гдѣ была юрта, и высадились на ледъ. Навстрѣчу намъ вышли женщина и трое ребятишекъ. Они испуганно прятались за свою мать. Пропустивъ насъ, женщина тоже вошла въ юрту, сѣла на корточки у огня и закурила трубку, а дѣти остались на улицѣ и принялись укладывать рыбу въ амбаръ. Въ юртѣ было множество щелей. Въ нихъ свисталъ вѣтеръ. Посрединѣ помѣщенія горѣлъ огонь. Время отъ времени ребятишки забѣгали въ юрту и грѣли у огня

свои озябшія ручки. Я удивлялся, какъ легко они были одѣты:—съ открытою грудью, безъ рукавицъ и безъ головного убора они работали и, казалось, ни мало не страдали отъ стужи. Если который нибудь изъ нихъ дольше другихъ засиживался у огня, отецъ прикрикивалъ на него и выгонялъ вонъ.

Онъ озябъ, сказалъ я Дерсу и просилъ его перевести слова мои удахейцу.

Пусть привыкаетъ, отвѣчалъ тотъ, иначе умретъ съ голоду.

Съ этимъ нельзя было не согласиться. Кому приходится имѣть дѣло съ природой и пользоваться дарами ея въ сыромъ видѣ, надо быть въ общеніи съ нею, даже тогда, когда она не ласкаетъ.

Я принялся разспрашивать удахейца объ Иманѣ и узналъ, что въ верхнемъ теченіи рѣки эта имѣетъ направленіе теченія параллельно Сихотэ-Алиню, причемъ истоки ея находятся на высотѣ истоковъ р. Тютихе. Странное явленіе! Вода сбѣгаетъ съ водораздѣла въ какихъ нибудь 50 верстахъ отъ моря, течетъ на западъ, совершаетъ длинный кружной путь для того, чтобы въ концѣ концовъ попасть въ то же море.

Верховья Имана покрыты густыми смѣшанными лѣсами. Трудно себѣ представить мѣстность болѣе пустынную и дикую. Только въ началѣ зимы она немного оживаетъ. Сюда перекочевываютъ прибрежные китайцы для соболѣванія, но долго здѣсь не остаются; они боятся быть застигнутыми глубокими снѣгами и потому рано уходятъ обратно.

Разспросивъ удахейцевъ о дорогѣ, мы отправились дальше и очень скоро дошли до того мѣста, гдѣ Иманъ поворачиваетъ на сѣверо-западъ. Здѣсь въ углу съ лѣвой стороны примыкаетъ къ рѣкѣ большая поляна. Она длиною пять и шириною около двухъ верствъ. Въ концѣ ея находятся четыре фанзы. Это и есть китайскій охотничій поселокъ Сидатунъ (153). На другой сторонѣ Имана живутъ инородцы (пять семействъ) въ трехъ юртахъ. У нихъ я и остановился.

На Сидатунѣ мы простояли съ 27 по 30 октября. За это время я успѣлъ осмотрѣть поселокъ и ознакомиться со всѣми его обитателями. Это были большею частью различные преступники, бѣглые, уклоняющіеся отъ суда и искатели приключеній; бурныя страсти которыхъ не знали предѣловъ. Они ничего не дѣлали, курили опій, пили водку, играли въ кости, ссорились и ругались между собою. Обитатели каждой фанзы дѣлились на три группы: хозяевъ, работниковъ и бездѣльниковъ, живущихъ на средства, добытыя грабежами и убійствами. Я вспомнилъ Чжанъ-Бао. Онъ предупреждалъ меня не довѣряться китайцамъ на Сидатунѣ.

Какъ и вездѣ, мѣстное туземное населеніе находилось въ полномъ рабощеніи. Не имѣя никакого понятія о письменности, удахейцы совершенно не знали, кто изъ нихъ и сколько долженъ китайцамъ. Последнiе численностью превосходили ихъ разъ въ двадцать, если не больше. Тутъ можно было видѣть рабство въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Такъ, напримѣръ, удахеецъ Си-ба-юнь за то, что къ указанному сроку не доста-

153) Си ця туш—(Военный) поселокъ Си-цяя (западной общины).

виль опредѣленнаго числа соболей, былъ такъ избить палками, что на всю жизнь остался калѣжкой. Жену и дочь у него отобрали; а самого его продали за 400 рублей въ качествѣ бесплатнаго работника другому китайцу.

Наблюдая все это, я горѣлъ негодованіемъ. Но что могли сдѣлать мы шестеромъ, находясь среди многочисленныхъ и хорошо вооруженныхъ разбойниковъ. Я обѣщаль помочь удэхейцамъ тотчасъ, какъ только возвращусь въ городъ Хабаровскъ.

31-го числа морозы замѣтно усилились; по рѣкѣ плылъ ледъ. Несмотря на это, удэхейцы рѣшили вести насъ на лодкѣ, сколько это будетъ возможно.

1-го ноября рано утромъ мы покинули Сидатунъ и поплыли внизъ по Иману.

Къ плаванію по горнымъ рѣкамъ въ инородческихъ лодкахъ надо привыкнуть съ дѣтства. Надо далеко смотрѣть впередъ, надо знатъ, гдѣ слѣдуетъ придерживать лодку, гдѣ повернуть ее носомъ противъ воды, или, наоборотъ, разогнать елико возможно и проскочить опасное мѣсто. Все это надо учитывать и быстро принимать соотвѣтствующія мѣры. Малѣйшій промахъ—и лодка, подхваченная быстрымъ теченіемъ, въ одинъ мигъ будетъ разбита о камни. На порогахъ вода находится въ волненіи, лодка качается, и потому сохранять равновѣсіе въ ней еще труднѣе. Для насъ трудность плаванія увеличивалась еще тѣмъ, что по рѣкѣ плылъ ледъ и фарватеръ ея былъ стѣсненъ заберегами. Лѣды заставляли плыть не тамъ, гдѣ намъ хотѣлось, а тамъ, гдѣ это было возможно. Особенно это было замѣтно въ тѣхъ случаяхъ, когда порогъ находился на мѣстѣ поворота. Чѣмъ больше увеличивались забереги, тѣмъ быстрѣе становилось теченіе по срединѣ рѣки.

Отъ Сидатуна долина рѣки Имана носить рѣзко выраженный денудационный характеръ. Изъ мелкихъ притоковъ ея въ этомъ мѣстѣ замѣчательны съ правой стороны: Дунъ-да-гоу⁽¹⁵⁴⁾ (съ переваломъ на Аргу), ломъ на Вану, потомъ—Хуанзегоу⁽¹⁵⁶⁾ и Юпи-гоу⁽¹⁵⁷⁾, далѣе—Могеудзломъ на Вану, потомъ—Хуанзегоу⁽¹⁵⁶⁾ и Юпи-гоу⁽¹⁵⁷⁾, далѣе—Могеудзгоу⁽¹⁵⁸⁾ и Туфангоу⁽¹⁵⁹⁾.

Немного ниже Сидатуна можно наблюдать высокія древне-рѣчныя террасы, слагающіяся изъ сильно перемятыхъ глинистыхъ сланцевъ, среди которыхъ попадаются слои красновато-бурыхъ песчанниковъ съ прожилками кварца. За террасами верстахъ въ десяти отъ рѣки явится гора Ямудинцзы⁽¹⁶⁰⁾. По разсказамъ удэхейцевъ, китайцы тайкомъ моютъ тамъ золото.

154) Дунъ да гоу—Большая восточная долина.

155) Ма шань-цзы гоу—Густо заросшая долина между горами.

156) Хуа цзянь гоу—Долина, въ которой видно (много) цвѣтовъ.

157) Ю пи гоу—Долина рыбьей кожи.

158) Мо-гу цзы гоу—Долина, гдѣ растетъ много грибовъ.

159) Ту фанъ гоу—Долина съ домами, сдѣланными изъ земли.

160) Янь-му динъ-цзы—Тепловая вершина.

По пути около устья р. Мацангоу(161), Сыфангоу(162), и Гадала виднѣлись пустыя удэхайскіе лѣтники. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рыба еще не была убрана. Для онарауливанія ея отъ воровъ инородцы оставили собаку. Последнія несли сторожевую службу очень исправно. Каждый разъ, какъ только показывались пернатые воровки, онѣ бросались на нихъ съ лаемъ и отгоняли прочь.

Лѣса, растущіе по долинѣ Имана, превосходнаго качества. Въ горахъ преимущественно—недровники и пихтачи, въ долинѣ преобладаютъ лиственные породы.

На Иманѣ, какъ на всѣхъ горныхъ рѣчкахъ, много пороговъ. Одинъ изъ нихъ, тотъ самый, который находится на половинѣ пути между Сидатунюмъ и р. Арму, считается самымъ опаснымъ. Здѣсь шумъ воды слышенъ еще издали Уклонъ дна рѣки замѣтенъ прямо на глазъ. Съ противоположнаго берега нависла скала. Вода съ пѣною бьетъ подъ нее. Отъ брызгъ она вся обмерзла.

Удэхайцы задержали лодку и посоветовались между собою, затѣмъ поставили ее поперекъ воды и тихонько стали спускать по теченію. Въ тотъ моментъ, когда сильная струя воды понесла лодку къ скалѣ, они ловкимъ толчкомъ вывели ее въ новомъ направленіи. По глазамъ удэхайцевъ я увидѣлъ, что мы подвергались большой опасности. Спокойнѣе всѣхъ былъ Дерсу. Я подѣлился съ нимъ своими впечатлѣніями.

Ничего, капитанъ, отвѣчалъ онъ мнѣ. Удэхе—все равно рыба. Шибко хорошо понимай въ лодкѣ ходи. Наша такъ не могу.

Чѣмъ дальше, тѣмъ плыть было труднѣе. Льдовъ становилось больше, забереги дѣлались шире.

Вся эта часть Имана покрыта хвойно-смѣшаннымъ лѣсомъ; на островахъ преобладаютъ лиственные породы съ примѣсю строевого недра, а по берегамъ рѣки и по галешниковымъ отмелямъ—заросли тальника, дающаго неисчерпаемый матеріалъ инородцамъ для лыжъ, юрты, острогъ, нарты и т. д.

На лодкахъ намъ удалось проѣхать немного. Начавшая съ утра хмуриться, погода опять разразилась пургою. Удэхайцы очень искусно лавировали между льдинами, отталкивая ихъ въ сторону шестами.

За р. Гадала Иманъ дѣлаетъ крутой поворотъ. Здѣсь скопилось много плавучаго льда. Посрединѣ шель узкій проходъ. Былъ ли онъ сквозной или замыкался, этого не знали наши проводники. Удэхайцы задержали лодку и обратились ко мнѣ съ вопросомъ—рисковать или нѣтъ. Путешествіе съ котомкой на плечахъ до того надоѣло, что я рѣшилъ попытать счастье. Дерсу началъ было меня отговаривать, но я не согласился съ нимъ, думая, что въ случаѣ неудачи, намъ все же удастся выбраться на берегъ. Стоять на одномъ мѣстѣ долго было нельзя. Мы тронулись впередъ, но не успѣли сдѣлать и двадцати сажней, какъ увидѣли, что проходъ былъ закрытъ. Дальше шель сплошной ледъ. Подходить къ нему вплотную было опасно. Если нащу, тяжело загруженную, лодку теченіе прижало бы ко

161) Мэ чанъ гоу—Долина съ пастбищами для лошадей.

162) Си фанъ гоу—Четырехугольная долина.

льду, она сразу наполнилась бы водою. Надо было спѣшно выходить назадъ, но это оказалось не такъ просто. Повернуть лодку въ узкомъ проходѣ было нельзя. Пришлось двигаться кормой противъ воды. Кань на грѣхъ мы находились на самомъ фарватерѣ и шести едва доставали дна. Съ большими усилиями мы прошли половину. Вдругъ, одинъ удахеецъ что-то закричалъ. По тревожному тону его голоса я понялъ, что намъ грозитъ опасность, и оглянулся назадъ. Навстрѣчу намъ неслась огромная льдина. Она должна была занупорить проходъ раньше, чѣмъ мы успѣемъ изъ него выйти. Удахейцы напрягли всѣ свои силы, но льдина не ждала. Она съ шумомъ ударилась объ одинъ край прохода и затѣмъ о другой. Въ это время случилось еще худшее—то, чего мы вовсе не ожидали. Отъ сильныхъ толчковъ всѣ льды пришли въ движеніе. Проходъ началъ суживаться.

Ледъ скоро лодку ломай, закричалъ Дерсу не своимъ голосомъ. Снорѣй надо ходи!

Онъ выскочилъ изъ лодки и по плавающему льду побѣжалъ къ берегу, таща за собой веревку. Раза два онъ проваливался, но скоро опять взбирался на ледъ. Къ счастью, до берега было недалеко. Слѣдуя его примѣру, выскочили и казаки. Кожевниковъ и Бочкаревъ достигли берега благополучно, но Мурзинъ провалился. Онъ началъ карабкаться на льдину, но она перевернулась. Чѣмъ больше онъ карабкался, тѣмъ глубже погружался въ воду. Еще минута и онъ опустился бы на дно. Тогда на выручку ему бросился Дерсу. Былъ моментъ, когда онъ самъ могъ погибнуть. Въ это время я, вмѣстѣ съ орочами, перебирался съ одной льдины на другую. Мы тащили лодку и въ то же время держались за нее. Къ счастью, носъ лодки скоро оказался вблизи Дерсу и Мурзина, и это спасло ихъ обоихъ. Лодка спять загрузла. Она стала поперекъ рѣки и ее повлекло по теченію вмѣстѣ со льдомъ. Тогда мы стали бросать на берегъ наши котомки и затѣмъ вылѣзли сами. Черезъ нѣсколько минутъ лодку прижало къ утесу. Словно живое существо она нѣкоторое время еще сопротивлялась льдамъ и вздрагивала, потомъ, вдругъ, треснула и сломилась пополамъ. Раздался еще одинъ хрустъ; изъ воды показался одинъ обломокъ—и затѣмъ все исчезло.

Выбравшись на берегъ, первое, что мы сдѣлали,—разложили костеръ. Надо было обсушиться. Кто то подаль мысль, что слѣдуетъ согрѣть чай и поѣсть. Начали искать мѣшокъ съ продовольствіемъ, но его не оказалось. Не досчитались также одной винтовки. Нечего дѣлать, мы закусили тѣмъ, что было у наждаго въ карманѣ и пошли дальше. Удахейцы говорили, что къ вечеру мы дойдемъ до фанзы Сехозеогоуза. Тамъ въ амбарѣ они надѣялись найти мороженую рыбу.

Въ сумерки мы дѣйствительно дошли до фанзы. Она оказалась пустой. Въ амбарѣ ея казаки нашли двѣ сухихъ рыбины. Пришлось довольствоваться этимъ скуднымъ ужиномъ.

Отъ горнаго ключа Таухомигоу(163), Иманъ поворачиваетъ на сѣверо-западъ и дѣлаетъ большую петлю. Здѣсь онъ принимаетъ въ себя

163) Да у хэ ми гоу—Густо заросшая долина на плато большой пѣкѣ.

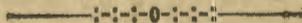
съ правой стороны одинъ изъ самыхъ большихъ своихъ притоковъ— Арму. Рѣна эта длиною болѣе 160 верстъ и имѣетъ истоки въ горахъ Сихотэ-Алиня на широтѣ мыса Арна. Въ верховьяхъ она слагается изъ трехъ рѣчекъ, каждая длиною верстъ по тридцати. Отъ мѣста сліянія ихъ Арму направляется на западъ, потомъ круто поворачивается на сѣверъ, затѣмъ склоняется къ юго-западу и, наконецъ, въ нижнемъ теченіи, снова принимаетъ широтное направленіе. Уже изъ этой схемы видно, что долина Арму состоитъ изъ ряда продольныхъ и поперечныхъ долинъ. Послѣднія являются наиболѣе извилистыми. Нѣкоторыя извилины описываютъ почти полную окружность. При знаніи мѣстности, зимой можно пользоваться перешейками и значительно сокращать дорогу.

Ширина рѣки Арму въ нижнемъ теченіи около 40 сажень, глубина 8—9 футовъ, быстрота теченія 10 верстъ въ часъ. Въ долинѣ Арму сильно развиты рѣчные террасы. Особенно ихъ много въ среднемъ теченіи рѣки, преимущественно съ лѣвой стороны. Террасы эти высотой до 5 сажень; основаніе ихъ массивное и состоитъ изъ плотныхъ глинистыхъ сланцевъ, поверхъ которыхъ лежитъ мощный слой наноснаго обломочнаго матеріала.

Въ двухъ верстахъ отъ устья ея съ правой стороны издавна живутъ удэгейцы. Стойбище ихъ состоитъ изъ четырехъ фанзъ. Въ 1906 году ихъ тутъ было только 15 человѣкъ обоого пола. Въ одномъ переходѣ отъ Арму ниже по Иману есть другое удэгейское стойбище Лаолю съ насехеніемъ въ восемь человѣкъ. Лаолю представляетъ изъ себя поляну съ правой стороны рѣки, длиною четыре и шириною полторы версты.

Послѣ принятія въ себя Арму, Иманъ вдругъ суживается и течетъ безъ протонъ въ видѣ одного русла шириною въ 40—50 сажень, отчего быстрота теченія его значительно увеличивается. Здѣсь горы подходятъ вплотную къ рѣкѣ и тѣснятъ ее, то съ одной, то съ другой стороны. На всемъ этомъ протяженіи преобладающею горною породою будутъ все тѣ же глинистые сланцы.

Отъ мѣста нашей стоянки до Арму, по словамъ проводниковъ, было три дня ходу. Но можно сократить разстояніе, если пересѣчь Иманскую петлю напрямикъ горами. Тогда можно выйти прямо къ мѣстности Сянъ-ши-хеца, находящейся ниже Арму по теченію верстъ на пятьдесятъ. Въ виду недостатка въ продовольствіи сокращеніе пути теперь было особенно важно. Удэгейцы обѣщали проводить насъ до того мѣста, гдѣ нужно было свернуть съ Имана, а дальше мы должны были идти сами, безъ проводныхъ.

ТЯЖЕЛОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Р. СИНАНЦА. ГОЛОДОВКА. ОСТАТКИ МЕДВѢЖЬЕЙ ТРАПЕЗЫ. ЛАПША ИЗЪ НОЖИ. УТОМЛЕНІЕ. ЛИ-ТАНЪ-КУИ. НОЧНОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ ВЪ СЯНЬ-ШИ-ХЕ-ЗА. ВОЛНЕНІЯ УДЭХЕЙЦЕВЪ. СТОЙБИЩЕ ВАГУНБЕ. ВОЗСТАНІЕ ИНОРОДЦЕВЪ. ПѢНІЕ ШАМАНА.

На слѣдующій день къ полудню (2 ноября) мы дошли до рѣки Хутадо, текущей по кривой отъ запада къ югу. По ней намъ надлежало подняться до перевала черезъ горный хребетъ, являющійся причиной петли Имана. Эта рѣчка длиною версты три съ половиной. Подъемъ на хребетъ и спускъ съ него одинаковой крутизны приблизительно въ тридцать градусовъ, а высота перевала относительно рѣки Имана равна 1.250 футамъ.

Теперь передъ нами было два ключа: одинъ шель къ сѣверу, другой къ западу. Намъ, вѣроятно, слѣдовало идти по правому, но я по ошибкѣ взялъ сѣверное направленіе. Сейчасъ же за переваломъ мы встали на быванъ, какъ только нашли дрова и болѣе или менѣе ровное мѣсто.

Утромъ 3-го ноября мы съѣли послѣднюю юнолу и пошли въ путь съ легкими котомками. Теперь единственная надежда оставалась на охоту. Поэтому было рѣшено, что Дерсу пойдетъ впередъ, а мы, чтобы не пугать звѣря, пойдѣмъ сзади шагахъ въ трехстахъ отъ него. Нашъ путь лежалъ по неизвѣстной намъ рѣчкѣ, которая, насколько это можно было видѣть съ перевала, текла на западъ.

Мы все надѣялись, что Дерсу убьетъ что нибудь,—но напрасно. Выстрѣловъ не было слышно. Послѣ полудня долина расширилась. Здѣсь мы нашли маленькую, едва замѣтную тропинку. Она шла влѣво на сѣверъ, пересѣкая ночковатое болото.

Голодь давалъ себя чувствовать. Всѣ шли молча, никто не хотѣлъ разговаривать. Вдругъ, я увидѣлъ Дерсу; онъ тихонько переходилъ съ мѣста на мѣсто, нагибался и что-то подбиралъ съ земли. Я окликнулъ его. Онъ махнулъ мнѣ рукой.

Ты что нашель, спросилъ его Г. И. Гранатманъ.

Медвѣдь кушай рыбу, отвѣчалъ онъ; голова бросай,—моя подбирай. Въ самомъ дѣлѣ, на снѣгу валялось много рыбьихъ головъ. Видно было, что медвѣди приходили сюда уже послѣ того, какъ выпалъ снѣгъ.

«На безрыбьи и ранъ—рыба». Во время голодухи можно покормиться и медвѣжьими объѣдами. Всѣ дружно принялись за работу и черезъ четверть часа у людей всѣ нарманы были набиты рыбьими головами.

Увлеченные работой мы и не замѣтили, что маленькая долинка привела насъ къ довольно большой рѣкѣ. Это была Синанца съ притоками:

Даягоу(164), Маягоу(165) и Пилигоу(166). Если вѣрять удэхейцамъ, то завтра къ полудню мы должны будемъ дойти до Имана.

Перейдя на другую сторону рѣки, мы устроили бивакъ въ густомъ хвойномъ лѣсу. Какими вкусными намъ показались рыбы головы. Около нѣкоторыхъ головъ было еще много мяса, такія головы были счастливыми находками. Мы раздѣлили ихъ поровну между собою. Поужинали мы вкусно, но не сытно. Ночь была морозная, но въ дровахъ не было недостатка и потому мы спали хорошо. Многимъ изъ насъ въ эту ночь снились пироги и разныя закуски.

Утромъ 4-го ноября мы встали голодными.

Теперь путь нашъ лежалъ внизъ по р. Синанцѣ. Она течетъ по широкой межисладчатой долинѣ въ меридіальномъ направленіи съ нѣкоторымъ склоненіемъ на востокъ. Рѣка эта очень извилиста. Она часто разбивается на протоки и образуетъ многочисленные острова, поросшіе тальниками. Ширина ея 20—25 сажень и глубина 12—15 футовъ. Лѣса, растущіе по обѣимъ сторонамъ рѣки, смѣшанные, съ значительнымъ преобладаніемъ хвой.

Я замѣтилъ, что въ этихъ мѣстахъ снѣгу было гораздо больше, чѣмъ на р. Кулумбе. Глубина снѣжного покрова мѣстами доходила почти до колѣнъ. Идти по такому снѣгу было трудно. Въ теченіе часа удавалось сдѣлать версты двѣ не больше.

Расчетъ на охоту не оправдался, не оправдалась также надежда найти опять рыбы головы. Казакъ Кожевниковъ одинъ разъ видѣлъ набаргу и стрѣлялъ въ нее, но промахнулся.

Судя по времени, мы уже должны были дойти до Имана. За каждымъ поворотомъ я рассчитывалъ увидѣть устье Синанцы, но дальше шель лѣсъ, потомъ опять поворотъ, опять лѣсъ и т. д.

Въ сумерки мы достигли маленькаго балагана, сложеннаго изъ корья. Я обрадовался этой находкѣ, но Дерсу остался ею недоволенъ. Онъ обратилъ мое вниманіе на то, что вокругъ балагана было нѣсколько костровъ. Костры и полное отсутствіе какихъ бы то ни было предметовъ таежнаго обихода, свидѣтельствовали о томъ, что балаганъ этотъ служить путникамъ только мѣстомъ ночевки и, слѣдовательно, до р. Имана было еще не менѣе перехода.

Голодъ сильно мучилъ людей. Тоскливо сидѣли казаки у огня, вздыхали и мало говорили между собою. Я нѣсколько разъ принимался разспрашивать Дерсу о томъ, не заблудились ли мы, правильно ли мы идемъ. Но онъ самъ былъ въ этихъ мѣстахъ первый разъ и всѣ его соображенія основывались лишь на догадкахъ. Чтобы какъ нибудь утолить голодъ, казаки легли раньше спать. Я тоже легъ, но мнѣ не спалось. Безпокойство и сомнѣнія мучили меня всю ночь. Если завтра мы ничего не уберемъ и не

164) Да а гоу—Большая утиная долина.

165) Ма а гоу—Муравьиная долина.

166) Пи ли гоу—Долина грушъ, особой породы съ толстой кожей.

дойдемъ до Имана,—будетъ плохо. Лѣтомъ безъ пищи можно продержаться нѣсколько дней, но зимой—голодные легко замерзаютъ.

Утромъ Дерсу проснулся раньше всѣхъ и разбудилъ меня. Снова появились опасенія за предстоящій путь. Надо идти, пока еще есть возможность, пока еще двигаются ноги. Но едва мы тронулись въ путь, какъ я почувствовалъ, что силы уже не тѣ:—котомка показалась мнѣ вдвое тяжелѣе, чѣмъ вчера; черезъ каждую полверсты мы садились и отдыхали. Хотѣлось лаять и ничего не дѣлать. Плохой признак! Такъ пробилась мы до полудня и прошли очень мало. Не было сомнѣнія, что при такихъ условіяхъ дойти до Имана намъ не удастся и сегодня. По пути мы раза два стрѣляли мелкихъ птицъ и убили трехъ поползней и одного дятла, но что значили эти птицы для пяти человѣкъ.

Между тѣмъ погода начала хмуриться, небо опять заволочло тучами. Рѣзкіе порывы вѣтра подымали снѣгъ съ земли. Воздухъ былъ наполненъ снѣжной пылью; по рѣкѣ кружились вихри. Въ однихъ мѣстахъ вѣтромъ совершенно сдуло снѣгъ со льда, въ другихъ, наоборотъ, намело большіе сугробы. За день всѣ сильно прозябли. Наша одежда изнасилась и уже не защищала отъ холода.

Съ лѣвой стороны высилась скалистая сопка. Къ рѣкѣ она подходила отвѣсными обрывами. Здѣсь мы нашли небольшое углубленіе въ родѣ пещеры и развели въ немъ костеръ. Дерсу повѣсилъ надъ огнемъ котелокъ и скипятилъ воду. Затѣмъ онъ досталъ изъ своей котомки кусокъ изюбриной кожи, опалилъ ее на огнѣ и сталъ ножомъ мелко крошить, какъ лапшу. Когда кожа была изрѣзана, онъ высыпалъ ее въ котелокъ и долго варилъ. Затѣмъ онъ обратился ко всѣмъ съ слѣдующими словами:

Каждый люди надо кушай. Брюхо обмани. Силы мало-мало прибавляй. Потомъ надо скоро ходи. Отдыхать не могу. Тогда сегодня, солнце кончай, наша Иманъ найди есть.

Уговаривать никого было не нужно. Каждый готовъ былъ глотать все, что угодно. Хотя кожа варилась долго, но она была все же настолько тверда, что не поддавалась зубамъ. Дерсу не совѣтовалъ ѣсть много и оставивалъ жадныхъ, говоря:

Не надо много ѣсть,—худо!

Черезъ полчаса мы снялись съ привала. Дѣйствительно, съѣденная кожа, хотя и не утолила голода, но дала желудку механическую работу. Каждый разъ, какъ кто нибудь отставалъ, Дерсу начиналъ ругаться.

День уже кончился, а мы все шли. Казалось, что рѣкѣ Синанцѣ и конца не будетъ. За каждымъ поворотомъ отрывались все новые и новые плесы. Мы еле волочили ноги, шли какъ пьяные и, если бы не уговоры Дерсу, то давно встали бы на бивакъ. Часовъ въ шесть вечера появились первые признаки близости жилья: слѣды лыжъ и нартъ, свѣжія порубки, пиленныя дрова и т. д.

Иманъ далеко нѣту, сказалъ Дерсу довольнымъ голосомъ.

Всѣ почувствовали приливъ энергіи и прибавили шагу, и, вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ на его слова впереди послышался отдаленный собачій

лай. Еще одинъ поворотъ и мы увидѣли огоньки. Это было китайское селеніе Сянь-ши-хе-за(167).

Черезъ четверть часа мы подходили уже къ поселку. Я никогда не уставалъ такъ, какъ въ этотъ день. Дойдя до первой фанзы, мы вошли въ нее и, не раздвѣаясь, легли на канъ. Не хотѣлось ни ѣсть, ни пить, ни говорить,—хотѣлось только лежать.

Естественно, что наше появленіе вызвало среди китайцевъ тревогу. Хозяинъ фанзы волновался больше всѣхъ. Онъ тайкомъ послалъ куда-то двухъ рабочихъ. Спустя нѣкоторое время въ фанзу пришелъ еще одинъ китаецъ. На видъ ему было лѣтъ тридцать пять. Онъ былъ средняго роста, коренастаго сложения и съ типично выраженными монгольскими чертами лица. Нашъ новый знакомый былъ одѣтъ замѣтно лучше другихъ. Дезжалъ онъ себя очень развязно и имѣлъ голосъ крикливый. Онъ обратился къ намъ на русскомъ языкѣ и сталъ разспрашивать, кто мы такіе и откуда идемъ. Рѣчь его была чистая, правильная, неоверканная; слова свои онъ часто пересыпалъ русскими пословицами. Затѣмъ онъ сталъ уговаривать насъ перейти къ нему въ фанзу, назвалъ себя Ли-танъ-ку'емъ, сыномъ Ли-чинъ-фу, говорилъ, что его домъ лучшей во всемъ поселкѣ, а фанза, въ которой мы остановились, принадлежитъ бѣдняку и т. д. Затѣмъ онъ вышелъ на улицу и о чемъ-то долго шептался съ хозяиномъ фанзы. Послѣдній подошелъ ко мнѣ и тоже сталъ просить, чтобы мы перешли къ Ли-танъ-ку'ю. Нечего дѣлать, пришлось уступить. Откуда то взялись рабочіе, которые успѣли уже перенести наши вещи. Когда мы шли по тропѣ, Дерсу тихонько дернулъ меня за рукавъ и сказалъ:

Его шибко хитрый люди. Моя думай, его обмани хочю. Сегодня моя спи не буду.

Мнѣ самому китаецъ этотъ казался подозрительнымъ и очень не нравились его заискиванія и фамильярность.

Селеніе Сянь-ши-хе-за расположено на правомъ берегу Имана. Здѣсь было 22 китайскихъ фанзы съ населеніемъ въ 196 человекъ. На другомъ концѣ поляны около лѣса находилось брошенное удайское стойбище, состоящее изъ 8 юртъ. Всѣ инородцы въ числѣ 65 человекъ (21 мужч., 12 женщ. и 32 дѣтей) бросили свои жилища и ушли на Вагунбе.

Минуть черезъ пять мы подошли къ дому Ли-танъ-ку'я. Вокругъ него стояло нѣсколько фанзъ для рабочихъ и охотниковъ, а за ними виднѣлись амбары, кузница, сарай, конюшня и т. п. Мы вошли. Хозяинъ хотѣлъ было меня и Г. И. Гранатмана помѣстити въ своей комнатѣ, но я настоялъ на томъ, чтобы казаки и Дерсу ночевали вмѣстѣ со мною. Послѣ этого Ли-танъ-куйъ принялся насъ угощать. Какимъ вкуснымъ поназался намъ чай съ лепешками, спеченными на бобовомъ маслѣ! На время мы даже забыли свои подозрѣнія. Когда я утолилъ первые признаки голода,—опасенія появились вновь. Ли-танъ-куйъ хотя и угощалъ насъ, но въ этомъ угощеніи не было радужія: въ каждомъ движеніи его сквозила каная то задняя мысль. Дерсу все время осторожно слѣдилъ за нимъ. Я рѣ-

шилъ тоже не спать, но не въ силахъ былъ преодолѣть усталость. Послѣ ужина я почувствовалъ, что вѣки мои слипаются сами собою; незамѣтно для себя я погрузился въ глубокой сонъ.

Ночью я проснулся оттого, что кто-то трясъ меня за плечо. Я быстро вскочилъ на ноги. Рядомъ со мною сидѣлъ Дерсу. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я не шумѣлъ, и затѣмъ разсказалъ, что Ли-танъ-куй давалъ ему деньги и просилъ его уговорить меня не ходить нъ удэхейцамъ на Вагунбе, а обойти юрты ихъ стороною, для чего обѣщаль дать специальныхъ проводниковъ и носильщиковъ. Дерсу отвѣчалъ ему, что это не отъ него зависитъ. Послѣ этого онъ, Дерсу, легъ на канъ и притворился спящимъ. Ли-танъ-куй выждалъ, когда, по его мнѣнію, Дерсу уснулъ, тихонько вышла изъ фанзы и куда-то уѣхалъ верхомъ на лошади.

Надо наша завтра на Вагунбе ходи. Моя думай, тамъ что-то худо есть, закончилъ онъ свой разсказъ.

Въ это время снаружи послышался конскій топотъ. Мы сунулись на свои мѣста и притворились спящими. Вошелъ Ли-танъ-куй. Онъ остановился въ дверяхъ, прислушался и, удивившись, что всѣ спятъ, тихонько раздѣлся и легъ на свое мѣсто. Вскорѣ я опять заснулъ и проснулся уже тогда, когда солнце было высоко на небѣ.

Проснулся я отъ какого-то шума и спросилъ, что случилось. Казаки доложили мнѣ, что къ фанзѣ пришло нѣсколько человекъ удэхейцевъ. Я одѣлся и вышелъ къ нимъ на улицу. Меня поразила та непріязнь, съ какою они на меня смотрѣли.

Послѣ чая я объявилъ, что пойду дальше. Ли-танъ-куй сталъ уговаривать меня, чтобы я остался еще на одинъ день, обѣщаль заколотъ чушку и т. д. Дерсу въ это время подмигнулъ мнѣ, чтобы я не соглашался. Тогда Ли-танъ-куй началъ навязывать своего проводника, но я отказался и отъ этихъ услугъ. Какъ не хитрилъ Ли-танъ-куй, но обмануть насъ ему не удалась.

Отъ Сянь-ши-хе-зы тропа идетъ по правому берегу рѣки у подножья, высокихъ горъ. Версты черезъ двѣ она опять выходитъ на поляну, которую мѣстные китайцы называютъ Хозенгоу. Поляна эта длиною верстъ пять, а шириною отъ одной до двухъ верстъ. На Хозенгоу(168) я насчиталъ 19 фанзъ, въ которыхъ живетъ около 200 китайцевъ.

Всѣ Иманскіе китайцы хорошо вооружены и живутъ очень зажиточно. Они относились къ намъ крайне враждебно. На вопросы о дорогѣ и о численности населенія они отвѣчали грубо: Бу чжи дао (т. е. не знаю), а нѣкоторые говорили прямо: «Знаю, да не скажу».

Немного дальше и нѣсколько въ сторонѣ было удэхейское стойбище Вагунбе, состоящее изъ 4 фанзъ и юртъ. По свѣдѣніямъ, здѣсь обитало 85 инородцевъ (29 мужч., 19 женщ. и 37 дѣтей).

Когда мы подходили къ ихъ жилищамъ, они всѣ высыпали намъ навстрѣчу. Удэхейцы встрѣтили меня далеко не дружелюбно и не пригласили даже къ себѣ въ юрты.

168) Хо цзы гоу—Длина, имѣющая форму лемеха плуга.

Первый вопрос, который они задали мнѣ, былъ такой: почему я ночевалъ въ домѣ Ли-танъ-куя? Я отвѣтилъ имъ и, въ свою очередь, спросилъ ихъ, почему они такъ враждебно ко мнѣ относятся. Удахейцы отвѣчали, что давно ждали меня и, вдругъ, узнали, что я пришёлъ и остановился у китайцевъ на Сянь-ши-хе-за.

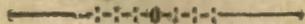
Скоро все объяснилось: оказалось, что здѣсь произошла цѣлая трагедія. Китаецъ Ли-танъ-куй былъ Цай-тун'омъ долины Имана, эксплуатировалъ инородцевъ и жестоко наказывалъ ихъ, если они къ назначенному времени не доставляли опредѣленнаго числа мѣховъ. Многія семьи онъ раззорилъ совершенно, женщинъ насилывалъ, дѣтей отбиралъ и продавалъ за долги. Наконецъ, двое изъ нихъ—Масенда и Сомо изъ рода Гялондига, выведенные изъ терпѣнія, поѣхали въ г. Хабаровскъ съ жалобой къ генераль-губернатору. Последний общалъ имъ помочъ и, между прочимъ, сказалъ, что я долженъ придти на Иманъ со стороны моря. Онъ велѣлъ имъ обратиться ко мнѣ, полагая, что на мѣстѣ я легко разберусь съ этимъ вопросомъ. Удахейцы вернулись, сообщили сородичамъ о результатахъ своей поѣздки и терпѣливо стали ждать моего прихода. О поѣздкѣ Сомо и Масенды узналъ Ли-танъ-куй. Тогда для примѣра другимъ, онъ приказалъ избить жалобщиковъ палками. Одинъ изъ нихъ умеръ во время наказанія, а другой, хотя и выжилъ, но остался калѣкой на всю жизнь. Тогда въ Хабаровскъ поѣхалъ братъ убитаго Гулуига. Ли-танъ-куй велѣлъ его схватить и заморозить на рѣкѣ. Узнавъ объ этомъ, удахейцы рѣшили съ оружіемъ въ рукахъ защищать товарища. Создалось осадное положеніе. Уже двѣ недѣли инородцы сидѣли на мѣстѣ, не ходили на охоту и, за недостаткомъ продовольствія, терпѣли нужду. Вдругъ, до нихъ дошла вѣсть, что я пришёлъ на Сянь-ши-хе-за и остановился въ домѣ Ли-танъ-куя. Я объяснилъ имъ, что мнѣ ничего не было известно изъ того, что случилось на Иманѣ, и что, придя въ Сянь-ши-хе-за, я до того былъ утомленъ и голоденъ, что, не разбирая, воспользовался первой попавшейся мнѣ фанзой.

Вечеромъ всѣ старики собрались въ одну юрту. На совѣтѣ рѣшено было, что по прибытіи въ Хабаровскъ, я обо всемъ доложу генераль-губернатору и попрошу его выслать на Сянь-ши-хе-за отрядъ казачковъ.

Когда старики разошлись, я одѣлся и вышелъ изъ юрты. Кругомъ было темно,—такъ темно, что въ двухъ шагахъ нельзя было разсмотрѣть человѣка. О мѣстоахожденіи удахейскихъ жилищъ можно было только узнать по искрамъ и клубамъ дыма, которые вырывались изъ отверстій въ крышахъ. Вдругъ, въ тихомъ вечернемъ воздухѣ пронеслись странные звуки: то были удары въ гонгъ или въ бубень, и вслѣдъ затѣмъ послышалось лѣніе, похожее на стонъ и плачь. Въ этихъ звукахъ было что-то жуткое и тоскливое. Какъ волны они неслись въ стороны и таяли въ холодномъ ночномъ воздухѣ. Я окликнулъ Дерсу. Онъ вышелъ и сказалъ мнѣ, что въ самой крайней юртѣ шаманъ лѣчитъ больного ребенка. Я отправился туда, но у самого входа въ юрту натолкнулся на старуху; она загородила мнѣ

дорогу. Я понял, что присутствие мое при камлании нежелательно и пошел назад по тропѣ.

Въ той сторонѣ, гдѣ находились урочища, виднѣлись огоньки. Я почувствовалъ, что прозябъ, вернулся въ юрту и сталъ грѣться огня.

ОТЪ ВАГУНБЕ ДО ПАРОВОЗИ.

ПРОВОДЫ. Р. ТАЙЦИБЕРИ. КАРТУНЪ. ВРАЖДЕБНОЕ НАСТРОЕНІЕ
КИТАЙЦЕВЪ. ОТКАЗЪ ВЪ НОЧЛЕГЪ. ОРИЕНТИРОВКА ПРИ ПОМОЩИ
ОБОНЯНІЯ. ЛОФАНЗА. МЯОЛИНЪ. БУЙНЫЙ ХОЗЯИНЪ. ПАРОВОЗЪ.
Р. НЕЙЦУХЕ.

На слѣдующій день утромъ (8-го ноября), мы отправились дальше. Всѣ удэхейцы пошли насъ провожать. Эта толпа людей, пестро одѣтыхъ, съ загорѣлыми лицами и съ бѣличьими хвостиками на головныхъ уборахъ, производила странное впечатлѣніе. Во всѣхъ движеніяхъ ея было что-то дикое и наивное.

Мы шли въ серединѣ, старики рядомъ, а молодежь бѣжала по сторонамъ, увлекаясь слѣдами выдръ, лисицъ и зайцевъ. На концѣ поляны инородцы остановились и пропустили меня впередъ. Изъ толпы вышелъ сѣдой старикъ. Онъ подаль мнѣ коготь рыси и велѣлъ положить его въ нарманъ для того, чтобы я не забылъ просьбы ихъ относительно Ли-танъ-ку'я. Послѣ этого мы разстались; удэхейцы вернулись назадъ, а мы пошли своею дорогой.

Отъ устья Синанцы Иманъ измѣняетъ свое направленіе и течетъ на сѣверъ до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ рѣки Тхетибе. Притокъ этотъ имѣетъ три названія: гольды называютъ его Текибира, удэхейцы—Тэгибяза, русскіе—Тайцибери. Отсюда Иманъ опять поворачиваетъ къ западу, каковое направленіе и сохраняетъ уже до впаденія своего въ Уссури. Эта часть долины р. Имана то же слагается изъ ряда денудационныхъ и тектоническихъ участковъ, чередующихся между собою. Такого рода долины особенно часто встрѣчаются въ Приамурскомъ Краѣ. Между р. р. Синанцой и Тхетибе Иманъ принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны въ послѣдовательномъ порядкѣ слѣдующіе притоки: р. Ташидохе(169) (длиною въ 50 верстъ) и Хейсынгоу(170) (10 верстъ). Между ихъ устьями есть гора «Ломазя-Цаунъ»(171); далѣе будутъ — рѣчка Мыдагоуза(172) (6 верстъ) и гора того же имени и, наконецъ, рѣчка Сяо-Шихахе(173) (25 верстъ). Съ правой стороны въ томъ-же послѣдовательномъ порядкѣ будутъ: р. р. Вагунбе (40 верстъ) съ притокомъ Таингоу(174) (6 верстъ) и р. Цуцувайза (15 верстъ).

169) Да ци-тоу хэ—Большая каменистая рѣка.

170) Хэй шанъ гоу—Долина черныхъ горъ.

171) Лао ма-пай цаунъ—Тигровый слѣдъ.

172) Мэй да гоу-дзы—Большая каменноугольная падь.

173) Сяо си бай хэ—Малая сѣвера западная рѣка.

174) Да янь гоу—Большая долина, засѣянная макомъ для сбора опиума.

Рѣка Тайцзибери длиною около 100 верстъ; она очень порожиста, завалена буреломомъ; въ верхней части течетъ отъ востока на западъ и только вблизи устья склоняется къ югу. Вся долина покрыта густыми хвойно-смѣшанными лѣсами. Въ нижнемъ теченіи Тайцзибери имѣетъ слѣдующіе притоки: съ правой стороны р. Цологоузу(175) (12 верстъ), р. Чанцзуйзу(176) съ горою того же имени и Сибичу(177), потомъ слѣдуютъ: Ханхеза(178), Бэй-лаза(179) и Дун-нан-ца. Сибица образуется изъ сліянія Сяо-Сибици(180) и Санчазы(181) и имѣетъ теченіе въ среднемъ 9 верстъ въ часъ, глубину около 5 футовъ и ширину близъ устья 25 саж. Если итти вверхъ по правой рѣчкѣ, то можно въ два дня выйти на р. Бэй-цухе(182), по второй—въ четыре дня на Шитохе(183) (верхній притокъ Бикина). Съ лѣвой стороны въ р. Тайцзибери впадаютъ р. р. Нанца (25 верстъ), Тяпигоу (184) (20 верстъ), Цамцагоуза(185) (30 верстъ), Пумазыгоу(186) (12 верстъ) и Талингоуза(187) (40 верстъ). Между устьями третьей и четвертой находится довольно высокая гора, которую мѣстные китайцы называютъ Логозуйза.

Послѣ принятія въ себя Тайцзибери, Иманъ поворачиваетъ на западъ. Здѣсь онъ шириной около 70 сажень и глубиной $1\frac{1}{2}$ —2 сажени. Дальше съ лѣвой стороны въ него впадаютъ двѣ маленькія рѣчки: Шаньдапоуза(188) (8 верстъ) и Кауланьтунь(189) (15 верстъ). Послѣднюю китайцы называютъ Динза-хе (Золотая рѣка).

Лѣтом, когда идешь по лѣсу, надо внимательно смотрѣть, чтобы не потерять тропу. Зимой, покрытая снѣгомъ, она хорошо видна среди кустарниковъ. Это въ значительной степени облегчило мнѣ съемку.

Тропа все время придерживается рѣки и взбирается на горы только тамъ, гдѣ нельзя миновать береговые обрывы. Долина Имана не вездѣ одинаковой ширины: то она расширяется до трехъ и болѣе верстъ, то суживается такъ, что оставляетъ только проходъ для рѣки.

Иманъ мало гдѣ течетъ однимъ русломъ, чаще онъ разбивается на протоки. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по нѣскольку верстъ длины и да-

175) Цао-ло гоу-цзы—Надъ съ завядшей травой.

176) Чанъ цауй-цзы—Длинный клювъ.

177) Си-бэй ча—Сѣверо западная развилка.

178) Ханъ хэ-цзы—Пересыжающая рѣчка.

179) Бэй ла-цзы—Сѣверная скала.

180) Сяо си бэй ча—Малое сѣверо западное развѣтвленіе.

181) Санъ ча-цзы—Тройной распадок.

182) Бэй чу хэ—Рѣка, текущая съ сѣвера.

183) Ши-гоу хэ—Каменистая рѣчка.

184) Дю-пи гоу—Собольная долина.

185) Ча жу ча гоу-цзы—Долина и рѣчка, на которой есть мостъ на козлахъ...

* 186) Бао ма цзы-гоу—Долина барсовъ.

187) Да линь гоу-цзы—Надъ, (идущая) съ большого хребта.

188) Санъ да лае-цзы—Третья большая заводь.

189) Као янъ цунъ—Снѣжный поселокъ.

лесно отходить въ сторону. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: Гагоуза(190), Наллю и Картунская.

За эти дни мы очень утомились. Хотѣлось остановиться и отдохнуть. По рассказамъ удэхейцевъ, впереди было большое китайское селеніе Картунъ. Тамъ мы думали проднвать, обратиться съ силами и, если возможно, нанять лошадей. Но нашимъ мечтамъ не суждено было сбыться.

Въ промежуткѣ между рѣками Динзахе и Картуномъ Иманъ принимаетъ въ себя много большихъ и малыхъ притоковъ, которые имѣютъ слѣдующія названія: съ правой стороны—Яумуга (25 верстъ), Логозуйза(191) (20 верстъ) и Вамбаллаза, т. е. черепашня скала (25 верстъ). Сналистыя горы около Картуна носятъ то же названіе. Если смотрѣть на нихъ въ профиль со стороны Имана, то контуры ихъ дѣйствительно напоминаютъ черепаху. По рассказамъ удэхейцевъ, въ горахъ между Логозуйза и Вамбалаза есть золото. Съ лѣвой стороны въ Иманъ впадаютъ—р. р. Маулентунъ (10 верстъ), Сядопуза (15 верстъ), Чулагоу (40 верстъ), Тундагоу (50 верстъ), Тазыгоу(192) (15 верстъ) и Хоамихеза(193) (12 верстъ).

Картунъ, собственно, представляетъ изъ себя большую котловину въ шесть верстъ длиною и версты три шириною. Здѣсь насчитывается 42 китайскихъ фанзы съ населеніемъ въ 575 мужчинъ, 3 женщинъ и 9 дѣтей.

Мѣстность Картунъ можно считать границей, гдѣ кончаются смѣшанные и начинаются лиственные лѣса. Горы въ сторонѣ отъ рѣки покрыты кедровымъ лѣсомъ, который зимой рѣзко выдѣляется своей темной лвоей.

День кончился, когда мы подошли къ Картуну. Солнце только что успѣло скрыться за горизонтомъ. Лучи его играли еще въ облакахъ и этимъ отраженнымъ сіяніемъ освѣщали землю. Въ сторонѣ около рѣки видѣлись китайскія фанзы. Онѣ прятались за елками, точно хотѣли укрыться отъ глазъ случайныхъ прохожихъ. Мы направились къ нимъ.

Слово Картунъ (вѣроятно, Гао ли тунъ), означаетъ корейскій поселокъ. Рассказываютъ, что здѣсь въ протокахъ раньше добывали много жемчуга. По другому толкованію Картунъ означаетъ «ворота». Дѣйствительно, на западѣ за Картуномъ долина опять суживается. Съ лѣвой стороны къ рѣкѣ подходятъ горы Хынхуто(194), а справа длинный отрогъ Вамбалазы.

Болѣе зажиточныхъ фанзъ, чѣмъ на Картунѣ, я нигдѣ не видывалъ. Онѣ были расположены на правомъ берегу рѣки и походили скорѣе на заводы, чѣмъ на жилыя постройки.

190) Да гоу-даы—Большая падь.

191) Лао-гуа цзуй-цзы—Вороній ключь.

192) Да-цзы гоу—Долина, гдѣ живутъ инородцы, называемые «Да-цзы».

193) Хуань-ми хэ цзы—Рѣчка, по которой расстѣтъ «хуань-ми»—длинное просо.

194) Халъ ху дао—Обычный тигровый путь

Я зашелъ въ одну изъ нихъ. Китайцы встрѣтили меня враждебно. До нихъ уже долетѣли вѣсти о томъ, кто мы и почему удэхейцы насъ сопровождаютъ. Непріятно быть въ домѣ, когда хозяева нелюбезны. Я перешелъ въ другую фанзу. Тамъ насъ встрѣтили еще хуже, въ третѣей мы не могли достучаться, въ четвертой, пятой, десятой, намъ былъ оказанъ такой же пріемъ. Противъ рожна не пойдешь. Я ругался, ругались казаки, ругался Дерсу, но дѣлать было нечего. Оставалось только покориться. Ночевать около фанзъ мнѣ не хотѣлось. Поэтому я рѣшилъ итти дальше, пока не найду мѣсто, подходящее для бивана.

Насталъ вечеръ. Красивое сіяніе на небѣ стало бленнуть. Кое-гдѣ зажглись звѣзды. Китайскія фанзы остались далеко сзади, а мы все шли. Вдругъ, Дерсу остановился и, закинувъ назадъ голову, сталъ нюхать воздухъ.

Погоди, капитанъ, сказалъ онъ. Моя запахъ дыма найди есть. Это удэхе, сказалъ онъ черезъ минуту.

Почему ты знаешь, спросилъ его Кожевниковъ. Можетъ быть китайская фанза?

Нѣтъ, говорилъ Дерсу. Это удэхе. Китайская фанза большой труба }
есть; дымъ высоко ходи. Изъ юрты дымъ низко ходи. Удэхе рыбу жарятъ.

Сказавъ это, онъ увѣренно пошелъ впередъ. Порой онъ останавливался и усиленно нюхалъ воздухъ. Такъ прошли мы пятьдесятъ шаговъ, потомъ сто, двѣсти, а обѣщанной юрты все еще не было видно. Усталые люди начали смѣяться надъ старикомъ. Дерсу обидѣлся.

Ваша хочу тутъ спи, а моя хочу юрта ходи, рыбу кушай, отвѣчалъ }
онъ спокойно.

Я послѣдовалъ за нимъ, а слѣдомъ за мною пошли казаки. Минуты }
черезъ три мы дѣйствительно подошли къ удэхейскому стойбищу. Тутъ }
было двѣ юрты. Въ нихъ жило 9 мужчинъ и 3 женщины съ 4 дѣтьми. }
Войдя въ одну изъ юртъ, я увидѣлъ женщинъ, поджаривающихъ на огнѣ }
сухую рыбу. Очевидно, обоняніе у Дерсу было развито гораздо сильнѣе, }
чѣмъ у насъ. Запахъ дыма и жареной рыбы онъ слышалъ по крайней мѣрѣ }
шаговъ за 250, если не больше.

Черезъ нѣсколько минутъ мы сидѣли у огня, ѣли рыбу и пили чай. }
За этотъ день я такъ усталъ, что едва могъ сдѣлать въ дневникѣ необхо- }
димыя записи. Я просилъ удэхейцевъ не гасить ночью огня. Они обѣщали }
по очереди не спать и тотчасъ принялись колоть дрова.

Ночью былъ туманный морозъ. Откровенно говоря, я былъ бы очень }
радъ, если бы къ утру разразилась непогода. По крайней мѣрѣ, мы от- }
дохнули бы и выспались, какъ слѣдуетъ; но едва взошло солнце, какъ }
туманъ сразу разсѣялся. Прибрежныя кусты и деревья около протока }
заиндевели и стали похожи на кораллы. На гладкомъ льду иней остлѣ }
розетками. Лучи солнца играли въ нихъ и отъ этого казалось, будто по }
рѣнкѣ разсыпаны брилліанты.

Я видѣлъ, что казаки торопятся домой, и пошелъ навстрѣчу ихъ же- }
ланіямъ. Одинъ изъ удэхейцевъ вызвался проводить насъ до Мяолина.

Такъ назывался большой ханшинный заводъ, находящійся на правомъ берегу Имана верстахъ въ семи отъ Картуна, ниже по теченію.

Сегодня дорога мнѣ показалась еще болѣе тяжелой.

За Картунскими воротами долина опять расширилась. Я поднялся на одну изъ сопкокъ. Интересное зрѣлище представилось моимъ глазамъ. На востокъ шла долина Имана; она терялась гдѣ то въ горахъ. Но на западъ, сѣверъ и югъ, насколько хватала глазъ, передо мною развертывалась огромная, слабо всхолмленная низина, покрытая небольшими группами рѣднаго листовнаго лѣса, а за ними, на безконечное пространство тянулись бѣлоснѣжныя поля, поросшія травой и кустарниками. Эту огромную низину китайцы называютъ Ло-фанъ-за(195). Она длиною верстъ 70 и въ ширину по крайней мѣрѣ 50 верстъ. Мѣста эти казались весьма удобными для земледѣлія. Однако нигдѣ фанзѣ не было видно. Китайцы избѣгаютъ ихъ и, вѣроятно, не безъ основанія: или земля здѣсь была плохая, или она затопляется водою во время разливовъ Имана. По слухамъ, въ мѣстности Чингуйза есть еще одна юрта, въ которой проживаютъ два одинокихъ удэхейца.

Часа въ два дня мы дошли до Мяолина. Это была одна изъ самыхъ старыхъ фанзѣ въ Иманскомъ районѣ. Въ ней проживало 16 китайцевъ и одна гольдячка. Хозяинъ ея поселился здѣсь лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ еще юношей, а теперь онъ насчитывалъ себѣ уже семь десятковъ лѣтъ. Вопреки ожиданіямъ, онъ встрѣтилъ насъ, хотя и не очень любезно, но все же распорядился накормить и позволилъ ночевать у себя въ фанзѣ. Вечеромъ онъ напился пьянъ. Началъ о чемъ то меня просить, но затѣмъ перешелъ къ болѣе рѣзкому тону и сталъ шумѣть.

Мяолинъ не вчерашній и не сегодняшній, говорилъ онъ. Мяолинъ такой же старый, какъ и я, а вы пришли меня прогонять. Я вамъ Мяолинъ не отдамъ. Если мнѣ придется уходить отсюда, я его сожгу.

Затѣмъ онъ объявилъ, что сейчасъ зажжетъ фанзу, пошелъ на дворъ и притащилъ оттуда большую охапку соломы. Все это кончилось тѣмъ, что Дерсу напоилъ его до потери сознанія и уложилъ спать на той же соломѣ.

Утромъ мы рано ушли, оставивъ старика спать въ его фанзѣ, которую онъ не хотѣлъ намъ уступить, и которую мы не собирались у него стнимать.

Странное дѣло, чѣмъ ближе мы подходили къ Уссури, тѣмъ самочувствіе становилось хуже. Котомки наши были почти пустыя, но нести ихъ было тяжелѣе, чѣмъ пудовыя въ началѣ дороги. Лямки до того наръзали плечи, что дотронуться до нихъ было больно. Отъ напряженія болѣла голова, появилась слабость.

Чѣмъ ближе мы приближались къ желѣзной дорогѣ, тѣмъ хуже относилось къ намъ населеніе. Одежда наша изорвалась, обувь изнасилась. Крестьяне смотрѣли на насъ, какъ на бродягъ.

195) Лао фанъ-цаѣ—Старый домъ.

Так назывался большой ханшинный заводъ, находящійся на правомъ берегу Имана верстахъ въ семи отъ Картуна, ниже по теченію.

Сегодня дорога мнѣ показалась еще болѣе тяжелой.

За Картунскими воротами долина опять расширилась. Я поднялся на одну изъ сопкокъ. Интересное зрѣлище представилось моимъ глазамъ. На востокъ шла долина Имана; она терялась гдѣ то въ горахъ. Но на западъ, сѣверъ и югъ, насколько хваталъ глазъ, передо мною развертывалась огромная, слабо всхолмленная низина, покрытая небольшими группами рѣдкаго листовнаго лѣса, а за ними, на безконечное пространство тянулись бѣлоснѣжныя поля, поросшія травой и кустарниками. Эту огромную низину китайцы называютъ Ло-фанъ-за(195). Она длиною верстъ 70 и въ ширину по крайней мѣрѣ 50 верстъ. Мѣста эти казались весьма удобными для земледѣлія. Однако нигдѣ фанзъ не было видно. Китайцы избѣгаютъ ихъ и, вѣроятно, не безъ основанія: или земля здѣсь была плохамъ, или она затопляется водою во время разливовъ Имана. По слухамъ, въ мѣстности Чингуйза есть еще одна юрта, въ которой проживаютъ два одинокихъ удэхейца.

Часа въ два дня мы дошли до Мяолина. Это была одна изъ самыхъ старыхъ фанзъ въ Иманскомъ районѣ. Въ ней проживало 16 китайцевъ и одна гольдячка. Хозяинъ ея поселился здѣсь лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ еще юношей, а теперь онъ насчитывалъ себѣ уже семь десятковъ лѣтъ. Вопреки ожиданіямъ, онъ встрѣтилъ насъ, хотя и не очень любезно, но все же распорядился накормить и позволилъ ночевать у себя въ фанзѣ. Вечеромъ онъ напился пьянъ. Началъ о чемъ то меня просить, но затѣмъ перешелъ къ болѣе рѣзкому тону и сталъ шумѣть.

Мяолинъ не вчерашній и не сегодняшній, говорилъ онъ. Мяолинъ та-ной же старый, какъ и я, а вы пришли меня прогонять. Я замъ Мяолинъ не отдамъ. Если мнѣ придется уходить отсюда, я его сожгу.

Затѣмъ онъ объявилъ, что сейчасъ зажжетъ фанзу, пошелъ на дворъ и притащилъ оттуда большую охапку соломы. Все это nonчилось тѣмъ, что Дерсу напоилъ его до потери сознанія и уложилъ спать на той же соломѣ.

Утромъ мы рано ушли, оставивъ старика спать въ его фанзѣ, которую онъ не хотѣлъ намъ уступить, и которую мы не собирались у него стнимать.

Странное дѣло, чѣмъ ближе мы подходили къ Уссури, тѣмъ само-чувствіе становилось хуже. Котомки наши были почти пустыя, но нести ихъ было тяжелѣе, чѣмъ пудовыя въ началѣ дороги. Лямки до того на-рѣзали плечи, что дотронутся до нихъ было больно. Отъ напряженія боляла голова, появилась слабость.

Чѣмъ ближе мы приближались къ желѣзной дорогѣ, тѣмъ хуже от-носилось къ намъ населеніе. Одежда наша изорвалась, обувь изнасилась. Крестьяне смотрѣли на насъ, какъ на бродягъ.

ПОСЛѢДНІЙ ПУТЬ.

СЕЛ. КОТЕЛЬНОЕ. КОЛЕСНАЯ ДОРОГА. УГОЩЕНІЕ ВЪ ДЕР. ГОГОЛЕВ-
КЪ. НИЖНЕЕ ТЕЧЕНІЕ Р. ИМАНА. УСЛУГА ПОПУТЧИКА. РАЗСТАВА-
НІЕ СЪ ДЕРСУ. СТАНЦІЯ ИМАНЪ. ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ХАБАРОВСКЪ.

На слѣдующій день мы естали поздно, закусили немного рыбой и по-
шли дальше. Сарль Кимунна проводилъ насъ до корейцевъ, недавно поселив-
шихся около Паровози. Внизу Иманъ еще не замерзъ—надо было переправ-
иться на лодкѣ. Мы обошли всѣ фанзы и нигдѣ не нашли ни одного муж-
чины. Женщины испуганно смотрѣли на насъ и прятали своихъ дѣтей. На-
конецъ, мы плюнули и пошли къ рѣкѣ. Удэхеець гдѣ то нашель спрятан-
ную въ кустахъ плоскодонку. Въ ней онъ перевезъ насъ черезъ рѣку по
одиночкѣ и затѣмъ возвратился назадъ.

На лѣвомъ берегу Имана, у подножья отдѣльно стоящей сопки, распо-
ложилось четыре землянки: это было русское селеніе Котельное. Переселен-
цы только что прибыли изъ Россіи и еще не успѣли обстроиться, какъ слѣ-
дуетъ. Мы зашли въ одну мазанку и попросились переночевать. Хозяева
избушки оказались очень радушными. Они стали разспрашивать насъ, кто
мы такіе и куда идемъ, а потомъ прикались пенять на свою судьбу.

Съ какимъ удовольствіемъ я поѣлъ крестьянскаго хлѣба! Вечеромъ
въ избу собрались всѣ крестьяне. Они разсказывали про свое житье—бытье
на новомъ мѣстѣ и часто вздыхали. Должно быть, не сладко имъ досталось
переселеніе. Если бы не эта, они всѣ погибли бы отъ голода; только рыба
ихъ и поддержала.

Отъ села Котельнаго начиналась дорога, отмѣченная верстовыми стол-
бами. Около деревни на столбѣ значилась цифра 74. Нанять лошадей не-
было денегъ. Мнѣ непремѣнно хотѣлось довести съѣмки до конца, что бы-
ло возможно только при условіи, если итти пѣшкомъ. Кромѣ того ветхая
одеженка заставляла насъ согрѣваться движеніемъ.

Мы выступили рано утромъ, почти на разсвѣтѣ.

Тотчасъ же за р. Нэйцухе дорога подымается на переваль и на протя-
женіи девяти верстѣ идетъ носогорами, имѣя съ лѣвой стороны болотистую
низину Имана, а справа—возвышенности, поросшія старымъ и рѣдкимъ
лиственнымъ лѣсомъ дровяного характера. Дорога идетъ сначала на сѣверъ,
а потомъ на 57 верстѣ опять поворачиваетъ на западъ.

Слѣдующая деревня была Гончаровна. Она больше Котельной, но со-
стояніе ея тоже было незавидное. Бѣдность проглядывала въ каждомъ онѣ,
ее можно было прочесть и на лицахъ крестьянъ, въ глазахъ бабъ и въ одеж-
дѣ ребятишекъ.

Послѣ полудня мы дошли до корейской деревушки Лукьяновки, состоящей изъ 52 фанзъ, разбросанныхъ на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Здѣсь мы отдохнули немного и пошли дальше. Сумерки застали насъ въ дорогѣ. Мы всѣ сильно устали, прозябли и хотѣлось ѣсть. Скоро я пересталъ разбирать цифры на инструментѣ, но дорога была видна. Тогда я сталъ работать съ огнемъ. По сигналу одинъ изъ казаковъ подносилъ зажженную спичку къ инструменту. При минутномъ освѣщеніи я замѣчалъ цифру Конніуса, отмѣчалъ ее на планшетѣ и шель дальше. Наконецъ, впереди мелькнулъ огонекъ.

Деревня! воскикнули всѣ въ одинъ голосъ.

Ночью огонь постоянно обмани, сказалъ на это Дерсу.

Дѣйствительно, въ темнотѣ огонь видѣнъ далеко. Иногда онъ кажется дальше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, иногда—совсѣмъ близко, почти рядомъ. Мы шли и, казалось, огонь тоже уходилъ отъ насъ. Я уже хотѣлъ было сдѣлать привалъ, но огонь вдругъ сразу появился совсѣмъ близко. Въ темнотѣ мы разглядѣли избу, другую, третью—всего восемь домовъ. Это была деревня Вербовка. Многихъ мужиковъ не было дома; они ушли на заработки и въ городъ. Испуганные бабы приняли насъ за хунхузовъ и не хотѣли отворять дверей. Пришлось прибѣгнуть къ помощи старосты. Онъ пріютилъ меня, Дерсу и Бочкарева у себя, а Г. И. Гранатмана, Мурзина и Кожевникова у сосѣда.

За этотъ день мы прошли 33 версты и страшно устали. Отъ переутомленія я долго не могъ уснуть и все время ворочаясь съ боку на бокъ. Каждое новое положеніе давало сладкую истому, но вслѣдъ затѣмъ выступала ноющая боль въ суставахъ.

До желѣзной дороги оставалось еще 42 версты. Посоветовавшись съ моими спутниками, я рѣшилъ попытаться пройти это разстояніе въ одинъ переходъ. Для исполненія этого плана мы выступили очень рано. Около часа я работалъ опять съ огнемъ. Когда взошло солнце, мы подходили уже къ Гоголевкѣ.

Утро было морозное. Вся деревня курилась; изъ трубъ столбами поднимался бѣлый дымъ. Онъ растирался по воздуху и принималъ золотисторозовую окраску.

Я не хотѣлъ здѣсь останавливаться, но одинъ изъ мѣстныхъ лавочниковъ узналъ, кто мы такіе и просилъ зайти къ нему напиться чаю. Отъ хлѣба соли отказываться нельзя. Хозяинъ лавки—русскій мужиченъ, оказался человѣкомъ весьма любезнымъ. Онъ угощалъ насъ молокомъ, бѣлымъ хлѣбомъ, медомъ и масломъ. Фамилія его я не помню, но отъ души благодарю его за радушіе и гостепримство. Мало того, онъ снабдилъ насъ на дорогу продовольствіемъ, а людямъ далъ еще табакъ и пряниковъ. Сидя у него за чаемъ, я посматривалъ въ окно и разспрашивалъ объ окрестностяхъ.

Деревня Гоголевка расположена на лѣвомъ берегу Имана въ полувверстѣ отъ рѣки. Противоположный берегъ нагорный. Горы эти носятъ слѣ-

дуюція названія: Шаньгуачинь(199), Хоуши(200), Вамбабоза и Сяо-шань-цун-цзы(201). Около первой горы (Шаньгуачинь) въ Имань впадаетъ большая рѣка Бэйцухе(202), текущая параллельно ему и только въ низовьяхъ склоняющаяся немного къ югу. Длина рѣки около 150 веротъ, ширина 20 саженъ, глубина 7 фут. и скорость теченія 3 версты въ часъ. В истокахъ она имѣетъ перевалъ на р. Ситухе (притокъ Бикина). Бэйцухе чрезвычайно извилиста—особенно въ нижнемъ теченіи. За послѣдніе годы здѣсь производились большія лѣсныя порубки. Изъ притоковъ Бэйцухе заслуживаетъ вниманія съ лѣвой стороны (отъ истоковъ книзу) Дуннанца, Хайхе(203), Сатохе(204), и Синсинда, справа—Сяухеза(205), Хонихеза, Уш-капка и Малая Бэйцухе. Между устьемъ Бэйцухе и Иманомъ пріютилась небольшая корейская деревушка Саровка, а еще ниже, тамъ, гдѣ начинаются горы, какъ разъ противъ 13-й и 18-й версты, еще двѣ корейскихъ деревни Омборъ и Самборъ.

Чай съ хлѣбомъ подкрѣпилъ наши силы. Поблагодаривъ гостепріимнаго лавочника, мы отправились дальше и вскорѣ подошли къ деревнѣ Звенигородкѣ. До желѣзной дороги оставалось теперь только 22 версты. Но что значить это разстояніе послѣ сытнаго завтрака, когда знаешь, что это послѣднія версты; когда знаешь, что сегодня возможно совѣмъ закончить путь.

День былъ ясный, солнечный, но холодный. Мнѣ страшно надоѣла съемка и только упорное желаніе довести ее до конца не позволяло бросить работу. Каждый разъ, взявъ азимутъ, я спѣшно зарисовывалъ ближайшій рельефъ, а затѣмъ согрѣвалъ руки дыханьемъ. Черезъ часъ пути мы догнали какого то мужика. Онъ везъ на станцію рыбу.

Какъ же вы такъ работаете, спросилъ онъ меня. Неужели Вамъ не холодно?

Я отвѣтилъ ему, что за дорогу мои перчатки износились.

Такъ возьмите-жъ мои, сказала мужикъ. У меня есть запасная пара.

Говоря это, онъ досталъ съ воза теплыя вязаныя перчатки и подаль ихъ мнѣ. Я взялъ перчатки и продолжалъ работать. Версты двѣ мы шли вмѣстѣ, я чертилъ, а мужикъ рассказывалъ мнѣ про свое житье и ругательски ругалъ всѣхъ и каждаго. Изругалъ онъ своихъ односельчанъ, изругалъ переселенческаго чиновника, досталось учителю и священнику. Надоѣла мнѣ эта ругань. Лошаденка его шла медленно, и я видѣлъ, что при такомъ

199) Шань гао чонъ—Горный высокій вал, городище.

200) Хоу-ши—Толстый камень или «Хо-ши»—Камень для огня.

201) Сяо шань цунъ-цзы—Маленькая остроугольная гора, имѣющая форму джота.

202) Бэй цунъ хэ—Рѣка текущая съ сѣвера.

203) Хай хэ—Черная рѣка или «Хай хэ»—Морская рѣка.

204) Ша-тоу хэ—Песчаная рѣка.

205) Сяо хэ-цзы—Маленькая рѣка.

движеніи къ вечеру мнѣ не удастся дойти до Имана. Я снялъ перчатки, отдалъ ихъ мужину, поблагодарилъ его и, пожевавъ успѣха, прибавляя шагъ.

Мая, закричалъ онъ вслѣдъ, неужто вы мнѣ не заплатите?

За что? спросилъ я.

А за перчатки.

Да вѣдь ты получилъ ихъ обратно, отвѣтилъ я ему.

Вотъ тебѣ разъ, протянулъ съ недовольствомъ мужинъ—я Вася жалѣлъ, а Вы мнѣ не хотите денегъ платить.

Хороша у тебя жалость! вмѣшались казаки.

Больше всѣхъ разсердился Дерсу. Онъ шель, плевался и все время оугаль мужика разными словами.

Вредный люди, говорилъ онъ, моя такой не хочу посмотри. У него лица совѣсть нѣту.

Въ выраженіяхъ гольда потерять лицо значило потерять совѣсть. И нельзя было не согласиться, что у мужика, дѣйствительно, не было совѣсти. Какая лежитъ пропасть между лавочникомъ крестьяниномъ, накормившимъ насъ въ Гоголевкѣ и этимъ троглодитомъ, изъ жалости предложившимъ мнѣ свои перчатки. Исторія эта на цѣлый день испортила мнѣ настроеніе духа.

Надо бы его побить, говорили казаки.

Богъ съ нимъ, отвѣтилъ я.

Какъ такой люди живи, не унимался Дерсу. Моя думай, его живи не могу—его скоро самъ пропади.

Послѣ полудня мы подошли къ р. Вану и сдѣлали приваль на дорогѣ. По прямой линіи до желѣзной дороги оставалось не болѣе двухъ верстъ, но на верстовомъ столбѣ стояла еще цифра шесть. Это потому, что дорога здѣсь огибаетъ большое болото. Вѣтромъ доносило свистки паровозовъ и уже можно было рассмотреть станціонныя постройки.

Я втайнѣ лелѣялъ мысль, что на этотъ разъ Дерсу поѣдетъ со мной въ Хабаровскъ. Мнѣ очень жаль было съ нимъ расставаться. Я замѣтилъ, что послѣдніе дни онъ былъ ко мнѣ какъ то особенно внимателенъ, что то хотѣлъ сказать, о чемъ то спросить и, видимо, не рѣшался. Наконецъ, преодолевъ свое смущеніе, онъ попросилъ патроновъ. Изъ этого я понялъ, что онъ рѣшилъ уйти.

Дерсу, не уходи! сказала я ему.

Онъ вздохнулъ и сталъ говорить о томъ, что боится города и что дѣлать ему тамъ нечего. Тогда я предложилъ ему дойти со мной до станціи желѣзной дороги, гдѣ я могъ бы снабдить его на дорогу деньгами и продовольствомъ.

Не надо, капитанъ, отвѣтилъ гольдъ. Моя соболей найди—его все равно деньги.

Напрасно я уговаривалъ его, онъ стоялъ на своемъ. Дерсу говорилъ, что онъ отправится вверхъ по р. Вану и въ истокахъ ея будетъ гонять соболей, а затѣмъ, когда станутъ таять снѣга, перейдетъ на р. Даубихе. Тамъ около урочища Анучина жилъ знакомый ему старикъ гольдъ. У него онъ и рѣшилъ провести два весеннихъ мѣсяца. Мы условились, что въ на-

чалъ лѣта, когда я пойду въ новую экспедицію, пришлю за нимъ казака, или прїѣду самъ. Дерсу согласился и обѣщаль ждать. Послѣ этого я отдалъ ему всѣ имѣющіеся у меня патроны. Мы сидѣли и говорили все объ одномъ и томъ же. Я уже три раза уславливался съ нимъ, гдѣ намъ опять встрѣтиться, и всячески старался оттянуть время. Мнѣ тяжело было съ нимъ разставаться.

— Ну, надо ходи,—сказаль Дерсу и сталъ надѣвать свою котомку.

Прощай, Дерсу!—сказаль я, вѣрно пожимая ему руку. Спасибо за то, что ты помогаль мнѣ. Прощай! Я никогда не забуду то многое, что ты для меня сдѣлаль.

Большое красное солнце только что зашло, оставивъ за собой на горизонтѣ туснлое сіяніе. Первая, какъ всегда, зажглась Венера, за ней—Юпитерь и другія крупныя звѣзды. Дерсу хотѣль было еще что-то сказать, но смутился и сталъ рукавомъ обтирать прикладъ своей винтовки. Съ минуту мы простояли молча, затѣмъ еще разъ пожали другъ другу руки и разошлись. Онъ свернулъ на протоку влѣво, а мы пошли прямо по дорогѣ. Отойдя немного, я оглянулся и увидѣль гольда. Онъ вышелъ на галешниковую отмель и разсматриваль на снѣгу чьи то слѣды... Я оклинулъ его и сталъ махать головнымъ уборомъ. Дерсу отвѣчалъ мнѣ рукою.

Прощай Дерсу, подумаль я про себя и пошелъ дальше. Казаки потянулись за мною.

Теперь передъ нами разстилалась равнина, покрытая сухою буро—желтою травою и занесенная снѣгомъ. Вѣтеръ гуляль по ней и трепаль сухія былинки. За туманными горами на западѣ догорала вечерняя заря, а со стороны востока уже надвигалась холодная, темная ночь. На станціи зажглись бѣлые, красные и зеленые огоньки.

За зтотъ день мы такъ устали, какъ не уставали за все время путешествія. Люди растянулись и шли въ разбродѣ. До желѣзной дороги оставалось еще двѣ версты, но эти двѣ версты дались намъ хуже двадцати вначалѣ путешествія. Собравъ послѣдніе остатки силъ, мы потащились къ станціи, но не дойдя до нея канихъ нибудь 200—300 шаговъ, сѣли отдыхать на шпалы. Проходящіе мимо рабочіе удивились тому, что мы отдыхаемъ такъ близко отъ станціи. Одинъ мастеровой даже пошутиль:

Должно быть до станціи далеко, сказалъ онъ товарищу со снѣхомъ. Намъ было не до шутокъ. Жандармы тоже поглядывали подозрительно и вѣроятно, принимали насъ за бродягъ. Наконецъ, мы добрали до поселка и остановились въ первой попавшейся гостинницѣ. Городской житель, навѣрное, возмущался бы ея обстановкой, дороговизной и грязью, но мнѣ она показалась раемъ. Мы заняли два номера и расположились, какъ «богатые».

Всѣ трудности и всѣ лишенія остались позади. Сразу появился интересъ къ галетамъ. Я все время вспоминаль Дерсу. Гдѣ-то онъ теперь? думаль я. Вѣроятно, устроиль себѣ бивакъ гдѣ нибудь подъ берегомъ, натаскаль дровъ, разложилъ костерь и дремлетъ съ трубкой во рту. Съ этими мыслями я уснулъ.

Утромъ я проснулся рано. Первая мысль, которая мнѣ доставила наслажденіе, — было сознание, что болѣе нести котомку не надо. Я долго нѣжился въ кровати. Затѣмъ одѣлся и пошелъ съ визитомъ къ Начальнику Иманскаго участка Уссурийскаго казачьяго войска подъесаулу Г. Ф. Февралеву. Онъ принялъ меня очень любезно и выручилъ деньгами.

Вечеромъ мы ходили въ баню. За время путешествія я такъ сжился съ людьми, что мнѣ не хотѣлось отъ нихъ отдѣляться. Послѣ бани мы всѣ вмѣстѣ пили чай. Это было въ послѣдній разъ. Вскорѣ пришелъ поѣздъ и мы разошлись по вагонамъ.

17-го ноября вечеромъ мы прибыли въ Хабаровскъ. Казани прямо съ вокзала направились въ казармы, Г. И. Гранатманъ остановился у А. И. Мерзлякова, а я — въ полку у своихъ товарищей.

На другой день я явился къ генераль-губернатору П. Ф. Унтербергеру и подробно рассказалъ ему о своихъ маршрутахъ. Онъ далъ мнѣ совѣтъ, какъ обработать собранные матеріалы, и высказалъ надежду, что въ началѣ будущаго лѣта я вновь продолжу свои изслѣдованія въ горной области Сихотэ-Алиня.

Въ другой моей книгѣ, издаваемой вслѣдъ за этой, читатель найдетъ описаніе втораго моего путешествія и встрѣтитъ старыхъ знакомыхъ.

В. АРСЕНЬЕВЪ.

К О Н Е Ц Ъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Р. ВАКУ И ЕЯ ПРИТОКИ.

Рѣка Ваку, названная на старинныхъ китайско-маньчжурскихъ картахъ Анули, будетъ самымъ большимъ притокомъ Имана. Она занимаетъ огромный бассейнъ, границы котораго доходятъ почти до Сихотэ-Алиня — на востокъ и до рѣки Улахе и Ното — на югъ. Бассейнъ этотъ состоитъ изъ трехъ рѣкъ: Туда-Ваку(206), Элда-Ваку(207) и Санда-Ваку(208), Сліяніе этихъ Ваку происходитъ въ 50—60 верстахъ отъ Имана.

Если идти вверхъ по рѣкѣ Санда-Ваку, то можно выйти на Иманъ къ Сидатуну. Рѣка Элда-Ваку приведетъ къ верховьямъ Туда-Ваку. Недалеко отъ мѣста сліянія двухъ первыхъ находится китайскій охотничій поселокъ Таингоу(209).

Въ верхнемъ теченіи Санда-Ваку слѣдуетъ указать на три ея притока, около устьевъ которыхъ стоятъ большія звѣровыя фанзы. Это будутъ Яндунгоу(210), Дун-бэй-ца (Сѣверо-восточный притокъ) и Тачингуань(211). Отъ мѣста сліянія обѣихъ Ваку до устья р. Яндунгоу инородцы въ малую воду считаютъ три дня ходу. Дальше по теченію въ Санда-Ваку впадаетъ только два притока: р.р. Таингоу и Сандахеза(212).

Рѣка Элдагоу имѣетъ два притока: Нанцу и Яндзингоу(213). Посрединѣ между ними находится гора Тудинза и около нея китайскій охотничій поселокъ, такой же, какъ и Сидатунъ на Иманѣ. Отъ устья Санда-Ваку до послѣдней фанзы на рѣкѣ Нанца—три дня ходу на лодкахъ.

Изъ всѣхъ трехъ рѣкъ самой большой будетъ рѣка Туда-Ваку. Она длиною около 300 верстъ, глубиной до 3 сажень, шириною 30 сажень и имѣетъ скорость теченія 9 футовъ въ секунду. Рѣка часто разбивается на протоки и образуетъ большіе острова, поросшіе поемнымъ лѣсомъ. Самымъ верхнимъ притокомъ этого Ваку будетъ горная рѣчка Чаюнча(214). Она протенаетъ около горы Лаохатунъ(215). Здѣсь есть много пещеръ, въ

206) Тоу дао Ваку—Первый (главный) исток Ваку (вѣроятно не китайское названіе рѣки).

207) Эръ дао Ваку—Второй Ваку.

208) Сань дао Ваку—Третій Ваку.

209) Да янь гоу—Большая долина, засѣянная маком.

210) Янь дунъ гоу—Восточная солнечная долина.

211) Да чонъ гуань—Голое мѣсто у большого вала.

212) Сань дао хэ-цзы—Рѣчка, по которой идетъ третья дорога.

* 213) Янь-цзинъ гоу—Долина съ мелкими озерами (глазками) или Янь-цзинъ гоу—Силошъ топкая долина.

* 214) Ча юнь ча—Развѣтвленіе, въ которое постоянно попадаютъ по ошибкѣ.

215) Лао-ху тунъ—Тигровый поселокъ.

которых постоянно держатся тигры. Далѣе внизъ по теченію съ правой стороны будутъ двѣ рѣчки—Танчалаза(216) и Шактома (каждая въ 8 верстъ длиною). Тутъ у подножья горъ Чанзышань(217) и Шактома находится мѣстность, носящая названіе Пуушигоу(218).

С лѣвой стороны в Ваку впадаетъ три рѣчки: Паушигоу, Ханчингоу(219), Тасыдагоу(220) (т. е. Большая четвертая долина); послѣдняя длиною 15 верстъ. Между ними находятся горы Чаунтинь(221) и Хантигоутинза(222). Если будемъ дальше спускаться внизъ по рѣкѣ, то слѣва будетъ еще одинъ притонъ Сяо-Сыдагоу(223) (10 верстъ) и рядомъ съ нимъ гора Дашигоу(224). Затѣмъ съ обѣихъ сторонъ будутъ двѣ горы, имѣющія одно и тоже названіе Шитомяуза(225). Немного ниже почти другъ противъ друга—двѣ рѣчки: слѣва—Чуяннхеза(226), а справа—Дундагоу (Восточная большая падь). Отсюда черезъ горы идетъ пѣшеходная тропа на р. Элда-Вану къ мѣстности Тудинза. Верстъ на пятнадцать ниже съ правой стороны въ рѣку Туда-Ваку впадаютъ еще двѣ рѣчки рядомъ: Дадунгоу и Сяодунгоу. (Большая и малая восточная пади) и первая 20, вторая—10 верстъ длиною. По этимъ долинамъ идутъ тропы, которая выходятъ на Санда-Вану къ мѣстности Таингоу. Здѣсь въ обнаженіи праваго нагорнаго берега, носящаго два названія: Хунталаза(227) и Мошизуйза(228), видны обнаженія каменнаго угля. Лѣвая сторона долины хотя и равнинная, но мало пригодна для заселенія. Ниже Туда-Вану принимаетъ въ себя р. Хоаннихезу(229) (длинною около 80 верстъ). Около устья она шириною около 40 саж., имѣетъ глубину $1\frac{1}{2}$ саж. и имѣетъ теченіе 3 версты въ часъ. Отъ этой послѣдней до мѣста слиянія Туда-Ваку съ Санда-Ваку по прямой линіи верстъ двадцать, но рѣка такъ извилиста, что разстояніе это надо увеличить въ два раза, если не больше. У мѣста слиянія рѣкъ стоитъ большая охотничья фанза Цуаень(230). Тотчасъ за

216) Тянь-ча ла-цзы—Скала съ перекладиной.

217) Чанъ чжи шань—Гора съ длинными отрогами.

218) Бао-ши гоу—Долина драгоценныхъ камней.

219) Хань-чанъ гоу—Стоичная долина (корейское названіе не по китайскому чтенію).

220) Да сы дао гоу—Большая четвертая долина.

* 221) Чао-ань тинъ—Освѣщенная открытая мѣстность.

222) Хэнь-ти гоу-цзы динъ-цзы—Вершина, до которой можно достигнуть поперечной падью.

223) Сяо сы дао гоу—Малая четвертая долина.

224) Да ши гоу—Большая каменная долина.

225) Ши-гоу мяо-цзы—Каменная кумиренка.

226) Чу-я нань хэ-цзы—Южная рѣчка, гдѣ добываютъ (бьютъ) уголь.

227) Хунъ ти ла-цзы—Скала с красной лѣстицей.

228) Мо-ли циун-цзы—Кременный влывъ.

229) Хуань-ли хэ-цзы—Рѣчка съ желтой грязью (глиной).

230) Цо ай янь—Теплая лизина.

Ханнихезой долина Туда-Ваку, имѣвшая до сихъ поръ верстъ восемь ширины, снимается горами Чанчинлаза(231) и Шаньцуйза(232). Ниже этихъ горъ въ Туда-Ваку впадаютъ еще три горныя рѣчки: слѣва—Малугоу(233) (10 верстъ) и Чинчагоу(234) (3 версты), а справа—Хауцзицзюань(235) (20 верстъ). Немного далѣе въ углу между Туда-Ваку и Санда-Ваку находится второй китайскій охотничій поселокъ Ченвайза(236), состоящей изъ трехъ фанзъ. Отъ мѣста слиянiя упомянутыхъ двухъ рѣкъ начинается собственно Ваку. Она имѣетъ ширину до 100 сажень и глубину до 20 фут., при быстротѣ теченiя 5 верстъ въ часъ въ малую воду. Долина рѣки Ваку является какъ бы продолженiемъ долины Санда-Ваку и имѣетъ общее съ ней направленiе на сѣверо-сѣверо-западъ. По мѣрѣ того, какъ р. Ваку дѣлается многоводнѣе, она чаще разбивается на протоки и становится извилистой. Верстахъ въ семи отъ того мѣста, гдѣ произошло слиянiе Туда-Ваку и Санда-Ваку, долина суживается еще разъ: къ рѣкѣ справа и слѣва подходятъ горы Вамба-нанцзы(237) и Хайцалынцза(238). Затѣмъ долина опять расширяется, рѣка поворачиваетъ на сѣверъ и горы, носящiя уже другое названiе (Тайвалаза) (239), начинаютъ отходить вправо и теряются гдѣ то вдали за низиной Лофанза. Тутъ рѣка дѣлаетъ еще одинъ поворотъ къ сѣверо-западу и принимаетъ въ себя два послѣднихъ притока Да-лин-суй-хе(240) и Сяо-Лянъ-суй-хе(241). Первая длиною 20 верстъ, а вторая 8 верстъ. Отъ послѣдняго большого острова, образуемаго протоками, Ваку дѣлаетъ еще четыре извилистыхъ колѣна и впадаетъ въ Иманъ въ 9 верстахъ отъ Уссури.

231) Чанъ-чи ла-цзы—Длинномѣрная скала.

232) Шель цзул цзы—Горный клювъ.

233) Ма лу гоу—Оленья долина.

234) Цинъ цай гоу—Долина, гдѣ растутъ овощи.

235) Хао цзѣ чуанъ—Селенiе съ героическимъ населенiемъ (т. е. съ хунхузами).

236) Чень вай-цзы—Три значенiя: 1) Загородная (т. е. за валом) мѣстность

2) Неровная (косогорная) мѣстность и 3) Валъ вблизи залива.

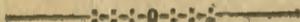
237) Ванъ-ба шанъ-цзы—Черешневая горка.

238) Хэй-цай динъ-цзы—Вершина, на которой есть растенiе, похожее на морскую капусту.

239) Тай-ва да-цзы—Скала съ глиняной башней.

240) Да лянъ шуй хо—Большая рѣка съ холодною водою.

241) Сяо лянъ шуй хо—Малая рѣка съ холодною водою.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

II

ГЛАВА I.

СТЕКЛЯННАЯ ПАДЬ.

Бухта Майтунъ. Село Шкотово. Р. Бэйца. Встрѣча с пантерой. Да-
Дянь-Шань. Изюбри. 1

ГЛАВА II.

ВСТРѢЧА С ДЕРСУ.

Бивакъ въ лѣсу. Ночной гость. Безсонная ночь. Разсвѣтъ 7

ГЛАВА III

ОХОТА НА КАБАНОВЪ.

Изученіе слѣдовъ. Забота о путникѣхъ. Звѣровая фанза. Гора Тудинза
и верховья р. Лефу. Кабаны. Анимизмъ Дерсу. Сонъ. 12

ГЛАВА IV.

ПРОИСШЕСТВІЕ ВЪ КОРЕЙСКОЙ ДЕРЕВНѢ.

Примѣты Дерсу о погодѣ. Перестрѣлка. Равнодушіе корейцевъ.
Деревня Казакевичева. Экскурсія на рѣчныя террасы. Дерсу
устраивается на ночь. Тропа до дер. Ляличи. 19

ГЛАВА V.

НИЖНЕЕ ТЕЧЕНІЕ Р. ЛЕФУ.

Ночевка около дер. Ляличи. Море травы. Осенній перелетъ птицъ.
Стрѣльба Дерсу. Село Халкидонъ. Живая вода и живой огонь.
Пернатое населеніе болотъ. Гѣневой сегментъ земли. Тяже-
дое состояніе послѣ сна. Перемѣна погоды. 24

ГЛАВА VI.

ПУРГА НА ОЗЕРѢ ХАНКА.

Историческія и географическія свѣдѣнія объ озерѣ Ханка. Торопли-
вый перелетъ птицъ. Заблудились. Пурга. Шпалашъ изъ травы.
Возвращеніе на бивакъ. 35

ГЛАВА VII.

РАЗСТАВАНІЕ СЪ ДЕРСУ.

Путь до Дмитровки. Дерсу заботится объ лодкѣ. Бивакъ гольда за
деревней. Планы Дерсу. Прощаніе. Возвращеніе въ г. Вла-
дивостокъ. 41

III

ГЛАВА VIII.

1906 г.

СБОРЫ ВЪ ДОРОГУ И СНАРЯЖЕНІЕ ЭКСПЕДИЦИИ.

Приказъ. Денежныя средства. Составъ отряда. Вьючный обозъ. Научное снаряженіе. Одежда и обувь. Комарники. Продовольствіе.	44

ГЛАВА IX.

НА СБОРНОМЪ ПУНКТѢ.

Работа путешественника. Отъѣздъ. Р. Уссури. Растительность около станц. Шмаковка. Пресмыкающіяся. Грызуны. Птицы.	50

ГЛАВА X.

ВВЕРХЪ ПО УССУРИ.

Порядокъ дня въ походѣ. Село Успенка. Переправа черезъ р. Уссури. Даубихе и Улахе. Болота. Охота за пчелами. Борьба пчель съ муравьями. Маньчжурскій заяцъ. Голды рода Юкомика. Сухая мгла.	54

ГЛАВА XI.

ОТЪ ЧЖУМТАЙЗЫ ДО ДЕРЕВНИ ЗАГОРНОЙ.

Перемѣна погоды. Полозъ Шренка. Гроза. Р. Вангоу. Дер. Загорная. Старовѣрь Паначевъ. Признаки приближенія антихриста.	64

ГЛАВА XII.

МАРШРУТЪ ЧЕРЕЗЪ ГОРЫ КЪ ДЕРЕВНѢ КОКШАРОВКѢ.

Уссурийская тайга. Производство съемки в лѣсу. Заблудились. Подлѣсье. Средства отъ комаровъ и мошекъ. Дер. Кокшаровка. Кит. селеніе Нотохоуза. Р. Улахе. Жара и духота.	70

ГЛАВА XIII.

ДОЛИНА Р. ФУДЗИНА.

Китайская земледѣльческая фанза. Варка цантов. Анофріевъ въ роли начальника отряда. Крушеніе лодки. Подлѣсье въ тайгѣ. Лѣсныя птицы. Встрѣча съ промышленникомъ.	80

ГЛАВА XIV.

СКВОЗЬ ТАЙГУ.

Тазы. Ловцы жемчуга. Скрытность китайцевъ. Лѣсная тропа. Таза охотникъ. Сумерки въ лѣсу. Нищуха. Бурундукъ. Встрѣча съ медвѣдемъ. Гнусъ.	89

ГЛАВА XV.
ВЕЛИКИЙ ЛЬСЪ.

Советъ Газа. Птицы въ тайгѣ. Геологія Сянанды. Ночь въ лѣсу. Манзы—таежники. Плантація жень-шеня. Возвращеніе отряда. Проводникъ—старый китаецъ. Старинный путь къ п. Св. Ольги. Лѣсъ въ предгоріяхъ Сихотэ-Алиня. Утомленіе и недостатокъ продовольствія. 97

ГЛАВА XVI.

ЧЕРЕЗЪ СИХОТЭ-АЛИНЬ—КЪ МОРЮ.

Переваль Максимовича. Кусокъ сахара. Лѣсъ на восточныхъ склопахъ Сихотэ-Алиня. Насѣкомыя и птицы. Сихотэ-Алинь, какъ климатическая граница. Долина р. Вай-Фу-Дива и ея притики. Гораль. Свѣтящаяся насѣкомыя. Птицы въ прибрежномъ районѣ. Гостепримство китайцевъ. Тазовская гора. 104

ГЛАВА XVII.

ДЕРЕВНЯ ФУДИНЪ И СЕЛО ПЕРМСКОЕ.

Бѣдствія первыхъ переселенцевъ изъ Россіи. Охотники. Заказчикъ на оленей. Цѣнность пантов. Кашлевъ-тигриная смерть. Дюны. Маньчжурская полевая мышь. Конецъ пути. 114

ГЛАВА XVIII.

ЗАЛИВЪ СВ. ОЛЬГИ.

Исторія залива. Тихая пристань. Китайскій поселокъ Шимынь. Постъ Св. Ольги. И. А. Пятышкинъ. Отъѣздъ П. К. Рутковского. Брестовая гора. Б. Н. Бунинъ. Геологія зал. Св. Ольги. Манза золотонкатель. Птицы. Возвращеніе. 118

ГЛАВА XIX.

ЭКСКУРСІЯ НА Р. СЫДАГОУ.

Лѣсные заросли. Тигръ. На вершинѣ хребта. Гольцы. Лишай и мхи. Жважда. Поиски воды. Ледъ подъ землей. Истоки р. Сандагоу. Пятнистые олени. 124

ГЛАВА XX.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ НА Р. АРЗАМАСОВКѢ.

Притоки рѣки Арзамасовки. Китаецъ Че-Фанъ. Пещеры. Птицы. Древесныя и кустарниковыя породы въ лѣсу. Охота на кабановъ. Заблудился. Дождь. Опасное положеніе. Услуга, оказанная лѣшнимъ. Трѣпа. Уладокъ силъ. Огонь. Чужой бивакъ Мурвинъ. Возвращеніе. 133

ГЛАВА XXI.
ЗАЛИВЪ СВ. ВЛАДИМИРА.

- У. Ольга. Печевка около китайской фанзы. Р. Владимировка. Гео-
логія залива. Китайскіе морскіе промыслы. Осеминицъ. Р. Ху-
лухай. 142

ГЛАВА XXII.
Р. ТАДУШУ.

- Р. Тапауза. Происхожденіе названія Тадушу. Низовья рѣки. При-
токн. Фанза Сі-янь. Разказы старика-мавьчжура. Населеніе. 149

ГЛАВА XXIII.
ДЕРСУ УЗАЛА.

- Сумерка и пенастье. Бивакъ незнакомца. Встрѣча. Ночная бесѣда.
Рѣчныя террасы. Лудевая фанза. Истоки Тадушу. Сихотэ-Алинь.
Перевалъ Великова. Р. Ли-Фудзинъ и р. Дунъ-Бей-Ца. . . 115

ГЛАВА XXIV.
АМБА.

- Анимизмъ Дерсу. Тигръ преслѣдователь. Дерсу говорятъ съ звѣ-
ремъ. Квандагоу. Охота на солонцахъ. Дерсу проситъ тигра не
сердиться. Возвращеніе. Волненіе гольда. Ночь. 161

ГЛАВА XXV.
ЛИ-ФУДЗИНЪ.

- Лѣса. Содержимое котомки Дерсу. Приспособленность къ жизни въ
тайгѣ. Поляны Сянь-Лаза. Родныя могилы. Заживо погре-
бенныя. 168

ГЛАВА XXVI.
ПУТЬ ПО Р. НОГО.

- Р. Поу-Гоу. Барсукъ. Нападеніе шершней. Лекарственное растеніе.
Енотовидная собака. Охота на кабановъ. Лѣсъ въ истокахъ
р. Дананцы. Привидѣнія. Перевалъ забытый. Гора Тудинза.
Птицы. 173

ГЛАВА XXVII.
ПРОКЛЯТОЕ МѢСТО.

- Р. Вангоу. Странный выстрѣлъ. Дерсу раненъ. Солонцы. Брошенная
Лудева. Встрѣча съ Гранатманомъ и Мерзляковымъ. Р. Дин-
захе. Птицы. Искатель жень-шеня. 181

**ГЛАВА XXVIII.
ВОЗВРАЩЕНИЕ КЪ МОРЮ.**

Внотовидныя собаки. Долина Инза-Лаза-Гоу. Устье р. Тютихе. Стрѣльба по уткамъ. Философія Дерсу. Бани. Бухта Тютихе. Птицы на берегу моря. Гроза. Р.р. Цамухе и Вадагоу. 188

**ГЛАВА XXIX.
ВВЕРХ ПО Р. ТЮТИХЕ.**

Выступление. Тазы. Кета. Потрава нашенъ кабанамн. Рудникъ. Летяга. Лѣсная растительность. Жень-шень. Заѣдка для ловли рыбы. Истоки р. Тютихе. Перевалъ скалистый. Верховья Имана. Дерсу перед китайской кумирней. Сильный вихрь. Тихая ночь. 194

**ГЛАВА XXX.
РЕВЪ ИЗЮБРЕЙ.**

Р. Горбуша. Пещеры. Медвѣдь добываетъ желуди. Р. Пашигоуза. Изюбри. Тигрь на охотѣ за оленями. Факель. Возвращеніе на бивакъ. 205

**ГЛАВА XXXI.
ОХОТА НА МЕДВѢДЯ.**

Р. Аохобе. Лудева. Береговая трѣпа. Страшный звѣрь. Три выстрѣла. Бѣгство. Бурый медвѣдь. Трофей, закопанный въ землю. Дерсу по слѣдамъ возстановливаетъ картину борьбы съ медвѣдемъ. Возвращеніе на бивакъ. 210

**ГЛАВА XXXII.
ОТЪ Р. МУТУХЕ—ДО СЕОХОБЕ.**

Р. Мутухе. Отсталыя перелетныя птицы. Ложбище Сивучей. Злоупотребленіе огнестрѣльнымъ оружіемъ. Паль. Поиски бивака. Дымъ и холодные утренники. Озера около р. Сеохобе. Лудева. Хищничество китайцевъ 216

**ГЛАВА XXXIII.
ВСТРѢЧА СЪ ХУНХУЗАМИ.**

Слѣды Хункузы. Дерсу на развѣдкахъ. Перестрѣлка. Чжань-Бао. Р. Дунгоу. Гора Хунтаид. Р. Мулумбе. Оз. Благодати. Р. Намбе. Грибная фанза. Каменная кожа. Путь до Р. Санхобе. Отъѣздъ П. А. Пальчевскаго и А. И. Мерзлякова. 223

ГЛАВА XXXIV.

ПОЖАРЪ ВЪ ЛѢСУ.

- Бухта Терней. Птицы на берегу моря. Населеніе р. Санхобе. Р. Сипа. Тайга. Сихотэ-Алинь. Да-Лаза-Гоу. Изученіе слѣдовъ. Завоза. Нарывъ на подошвѣ. Лѣсной пожаръ. Операция. Возвращеніе. Драмы на берегу моря. 230

ГЛАВА XXXV.

ЗИМНІЙ ПОХОДЪ.

- Выступленіе. Отравленіе. Противоядіе. Р. Дунца. Уборка рыбы въ истокахъ рѣки птицами и звѣрями. Проклятое мѣсто. Признаки непогоды. Пурга. Перевалъ Терійнія. 238

ГЛАВА XXXVI.

КЪ ИМАНУ.

- Дерсу разбирается въ слѣдахъ. Птицы. Доставка продовольствія себевещниками въ верховья Имана. Корейцы. Кабаржля лудева. Удэхейцы. Ночевка въ юртѣ. Р. Кулумбе. 246

ГЛАВА XXXVII.

ОПАСНОЕ ПЛАВАНІЕ.

- Р. Иманъ. Удэхейская лодка. Охотничій поселокъ Сидатунъ и его обитатели. Рабство. Плаваніе по р. Иману. Пороги. Медоходъ. Крушеніе лодки. Р. Арму. 253

ГЛАВА XXXVIII.

ТЯЖЕЛОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

- Р. Синанца. Голодовка. Остатки медвѣжьей трапезы. Лалша из кожи. Утомленіе. Ли-Танъ-Куй. Ночное приключеніе въ Сянь-Ши-хе-за. Волненія удэхейцевъ. Стойбище Вагунбе. Возстаніе инородцевъ. Пѣніе шамана. 259

ГЛАВА XXXIX.

ОТЪ ВАГУНБЕ ДО ПАРОВОЗИ.

- Проводы. Р. Тайцавбери. Картунъ. Враждебное настроеніе китайцевъ. Отказъ въ ночлегѣ. Ориентировка при помощи обонянія. Лофанъ. Моляниъ. Буйный хозяинъ. Паровозы. Р. Нейцухе. 266

УП

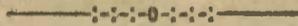
XL.

ПОСЛѢДНІЙ ПУТЬ.

Сел. Котельное. Болесная дорога. Утощеніе въ дер. Гоголевскѣ.
Нижнее теченіе р. Имана. Услуга попутчика. Разставаніе съ
Дерсу. Станція Иманъ. Возвращеніе в Хабаровскъ. 272

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Р. ВАКУ И ЕЯ ПРИТОКИ.

Алфавитн. указ. петрографическихъ названій.

Апидитъ стр. 98.

Аркозъ—126.

Афазитъ диабазовый—233.

Базаальтъ—2.

Брекчий—111.

Ванка сѣрая—144.

Витрофиръ—154.

Гдина—232, 36.

Гнейсъ—220.

Гранитъ—2, 98, 109, 120, 144, 197, 228.

» мелкозернистый—225.

» сѣрый—233.

офиръ—233.

Диабазъ миндалевидный—98.

Дюритъ—125.

Дресвиниель—225.

Известнякъ—112, 134, 136, 157, 197,

210, 228.

Кальцитъ—96.

Кварцъ—порфиръ туфовидный—233.

Кварцитъ—110, 222.

» зеленый—184.

Кварцъ—125, 255.

Колчеданъ мѣдный—210.

Конгломератъ—111, 114.

Бремнистая порода—222.

Лава базальтовая—84.

» пористая—21.

Мелафиръ—154.

Микропегмацитъ—233.

Обсидианъ—154.

Окисъ бурога желѣзняка—233.

Песекъ—116, 117, 121, 191.

Песчанникъ—21, 120, 144, 154, 255.

Плинякъ—157.

Порфиритъ—154.

» фельзитовый—98.

Порфиридъ—101.

Порфиръ—2, 104, 109, 110, 120, 125,
197, 210.

» безкварцевый—149.

» кварцевый—149, 172, 187, 206,
211, 217, 228, 233.

» полевошпатовый—149, 225.

» фельзитовый—149.

Роговикъ—110, 120.

Руда желѣзная—120.

» мѣдная—120.

» серебро-свинцовая—120, 136, 188,
197, 210.

» цинковая—136.

Сленитъ—2, 109, 125.

Сланецъ—228.

» глинистый—112, 154, 201, 233,
252, 255, 258.

» песчанниковитый—233.

Сталактиты—205.

Супесокъ—51.

Сѣра горшчая—191.

Торфъ—227.

Трацитъ—111, 152.

Туфъ—172.

» вулканический—191.

» кварцешпорфирный—149.

» порфирный—101.

» трахитовый—184.

Уголь бурый—152.

» каменный—279.

Фельзитъ—184.

» орудинѣлый—210.

Халцедонъ—98.

Хрусталь горный—205.

Цинковая обманка—210.

Шпатъ известковый—205.

» полевой—172.

Эоловыя образованія—143.

Яшма—120.

Алфавитный указатель ботанических названий

РУССКІЯ НАЗВАНІЯ.

Абрикосовое дерево—185.

Акація—26.

» желтая—87.

» Маака—230.

Актинидія—103.

Ангелика ветвистая—87.

Вадьянъ—75.

Барбарисъ—103.

Вашачки—75.

Береза—135, 159, 179, 203, 210, 211,
227, 249.

» бѣлая—25, 26, 52, 55, 122, 148,
176, 184, 191, 197, 200, 221, 228.

» даурская—62, 147, 164.

Береза желтая—128, 168.

» каменная—199.

» кустарниковая—216.

» даурская (черная)—5, 13, 21, 52,
62, 71, 108, 116, 124, 147, 151, 164,
176, 184, 191, 97, 200, 221, 228.

» японская—185.

Бересклѣтъ—168.

» крылатый—106.

» малоцвѣтный—185.

Бобы кормовые—80.

Богородская трава—106.

Борець—75.

Бархатъ—122, 187, 210, 211.

Боярка бородавчатая—125.

Боярышникъ—106.

» жерстый—233.

Брюква—80.

Бузина—174, 176, 200.

Вѣлѣопытникъ гигантскій—125.

Василекъ розовый—

Василистникъ—75.

Виноградъ—71, 122, 135.

Вороній глазъ—87.

Вѣдьникъ—26.

Вязъ—78, 110, 135, 168, 185, 197.

Гвоздика пркая—106.

Горошекъ—80.

» полевой—122, 135.

Грѣбъ—168, 176, 200.

Грибъ дрожжалковый—227.

» дубовый—227.

Грушевое дерево—

Дифнія—камчатская—137.

Дейція мелкоцвѣтная—232.

Диморфанта пальмовидный—71.

Дioscorea вьющаяся—137.

Дубъ монгольскій—3, 17, 21, 23, 26, 55,

62, 71, 78, 80, 84, 105, 106, 108,

116, 117, 122, 124, 128, 135, 147,

149, 150, 151, 164, 168, 176, 184,

191, 197, 200, 211, 226, 227, 229,

249, 271.

Дыня—80.

Ель—62, 71, 80, 86, 124, 141, 159, 168,

176, 178, 185, 200, 203, 232.

Жасминъ—168.

Жень-шень—100, 101, 200, 201, 231,

232, 271.

Жимолость Маака—103, 106.

Жимолость желтая—71.

» съѣдобная—233.

Земляника—106.

Зерка—75.

Ива—23, 25, 29, 52, 122, 223.

» бередная—185.

» козья—168.

» кораничная—233, 252.

» перельная—106, 185.

Илемъ—71, 176, 249, 252.

» горный—168.

Ирисъ—53, 106.

Калина—71, 122, 125, 135, 211, 226.

Камышь—30.

Кануста—80.

» морская—145.

Картофель—80.

Китъ-мышь—71.

Кедръ—3, 17, 62, 71, 86, 97, 104, 135,

159, 168, 169, 176, 178, 185, 200,

204, 211, 217, 232, 244, 247, 249,

252, 156.

Клеверъ бѣлый, ползучій—53.

III

- Ялент—26, 62, 124, 159, 164, 169, 176, 184, 197, 200, 249, 252.
 > желтый—103.
 > белый—199.
 Ялитош—103.
 Ялнжнз охотскій—185.
 Колокольчик темно-фиолетовый—106.
 Коломякта—125.
 Красноягодник—71.
 Крушина—176.
 > даурская—86.
 Кувшишка—33.
 Кукуруза—80, 196.
 Бурслнцъ—33.
 > желтый—106.
 Ландыш душистый—53, 106.
 Леспедеца—75, 122, 125, 135, 183, 211, 212, 226.
 Лещина—17, 75, 211.
 Лиля—33, 106.
 Лимонник—125, 168.
 Липа—23, 26, 52, 55, 62, 71, 78, 80, 106, 108, 122, 135, 147, 176, 184, 191, 197, 226, 227, 228, 252.
 Лиственница—25, 135, 159, 168, 178, 200, 203, 226, 252.
 > ольгинская—116.
 > сибирская—124, 230.
 Лишайник—75, 128, 228.
 Лианы—71.
 Лоза кустарниковая—26, 30.
 Ломоносъ маньчжурскій—174.
 Лук—80.
 Луносѣмянникъ даурскій—233.
 Лютик водяной—164.
 Маль—80, 153.
 Миртъ меловой—103.
 Можжевельникъ маньчжурскій—216.
 Морская трава—192.
 Мохъ—102, 128, 129, 178, 181.
 Неклепъ—136.
 Овесь—80.
 Огурцы—80.
 Ольха—23, 25, 26, 29, 52, 135, 145, 159, 179, 197, 203, 211, 223, 233, 252.
 > кустарниковая—116, 121, 148.
 Орхидея—106.
- Орѣхъ—14, 26, 71, 124, 125, 168, 211, 232.
 Орѣхъ водяной—33.
 Орѣшникъ—135, 183, 212.
 > маньчжурскій—103.
 Осина—26, 137, 211, 249, 252.
 Осока—102.
 Осокоръ—80, 176.
 > белостыль—137, 249.
 Папоротникъ—75, 100, 105, 240.
 > чистоустъ—125.
 > орликъ—87, 163.
 Пасленъ персидскій—71.
 Песнь бѣлорезовый—103.
 Пихта—62, 80, 159, 169, 176, 178, 185, 197, 200, 203, 232, 252, 256.
 > амурская—71.
 Польша—26, 53, 135, 183.
 Помидоръ—80.
 Пробковое дерево—71, 168, 176, 185, 232.
 Пшеница—80.
 Рододедронъ—80, 128.
 Рябина маньчжурская—128.
 > бузинелистная—233.
 Рѣдька—80.
 Салатъ—80.
 Сирень Амурская—137.
 Смородина—199.
 > маньчжурская—168.
 > Максимовича—185.
 Сиреня—200.
 Табакъ—80.
 Таволга—75, 122, 125, 135, 211, 226.
 Таволожникъ многолистый—106.
 > безрозетный—121.
 Таволожка лѣсная—71.
 > шелколистная—168.
 Тальникъ—135, 137, 145, 185, 197, 211, 256, 260.
 Тисъ—103, 159, 175, 200, 217, 252.
 Тополь—71, 122, 169, 176, 185, 200, 210, 211, 232, 249, 252.
 Тролнзусъ оранжевый—76.
 Тростникъ—26, 53, 135, 186, 183, 251.
 Фасоль—80.
 Фіалка лѣсная—106.
 Хмель охотскій—103.

Черемуха—23, 125, 176, 250.

» Маака—199.

» Максимовича—185.

» японская—137.

Чемерица—75.

Черешня Максимовича—185.

Чортово дерево—122, 131, 241.

Чумиза—80.

Шиповник—117, 200.

» многолистый—87.

Яблоня-сибирская—137.

Ясеница бѣлая—128.

Ясень—71, 122, 168, 197, 252.

» китайский—232.

Элеутерококкусъ—77, 101, 125.

ЛАТИНСКІЯ НАЗВАНІЯ.

Abies nephrolepis, Max—71, 178
Acer barbinerve, Max—168,
Acer mono, Max—124
Acer pseudo-sieboldianum, Max—136.
Acer tegmentosum, Max—199.
Acer ukurunduense Traut. et. Mey—106.
Aconitum Kusnezov Rehub—75.
Actinidia Kolomicta, Max—71, 103.
Alnus fruticosa, Rupr—233.
Alnus hirsuta Turcz—26, 52, 145.
Alnus japonica Sieb. et Zucc—116, 121.
Angelica daurica, Max—87.
Aralia manshurica B. M.—71, 122.
Artemisia vulgaris L—26, 53.
Arundinella anomala, Steudel—26.
Atragene ochotensis Pal—103, 185
Berberis Amurensis Rupr.—103.
Betula costata Trautv.—168.
Betula daurica Pall—52, 71, 116.
Betula Ermani, Cham.—123, 199
Betula fruticosa Pall—216
Betula japonica H. Vinke—52, 185,
Betula Latifolia Tausch.—26, 157.
Calamagrostis villosa Mutel—26.
Caltha palustris L—106.
Campanula glomerata L—106.
Caragana arborescens Lam—87.
Carpinus cordata, Blume—168.
Centaurea monanthos, Georgi—106.
Chamaedaphne calucolata Moench—103.

Cladrastis Amurensis, Benth—230.
Clematis manshurica, Rupr.—174.
Clintonia udensis Fr. ed Mey.—103.
Convallaria majalis L—52, 106.
Corylus heterophylla Fisch—75.
Corylus manshurica Max—103.
Crataegus pinnatifida, Bunge 125, 233.
Crataegus sanguinea Pal—106.
Cypripedium ventricosum, Sv.—75, 106,
Daphne Kamtchatica Max—137.
Delutzia parviflora, B.—232.
Dianthus barbatus L—106.
Dictamnus albus L—75, 128.
Dioscorea quinqueloba L—187.
Eleutherococcus senticosus, Max—71, 241
Euonymus alata Thunb—106.
Euonymus macroptera, Rupr.—168.
Euonymus pauciflora, Max—185
Fragaria elatior Ehrh—106.
Fragmites communis—251.
Fraxinus manshurica, Rupr—71.
Inglans manshurica Max—71
Iris uniflora Pal—53, 106.
Juniperus daurica Pal—216.
Laminaria Saccharina—146.
Larix daurica Turcz.—71.
Larix Olgae—116.
Larix sibirica Ldb.—124, 178, 230,
Lespedeza bleolor Turcz.—75.
Lilium dauricum Gavl—106.
Lonicera chrisantha Turcz.—71.
Lonicera edulis, Turcz.—233.
Lonicera Maakii Max—103, 106,
Lychnis fulgens Fisch—75.
Menispermum dauricum, D. C.—233.
Miscanthus sacchariflorus Hac—26.
Osmunda cinnamomaeae—125.
Paeonia albiflora Pal—103.
Paris quadrifolia, Led—87.
Parmelia centrifuga—223.
Petasites palmata Asa Cray—125.
Phellodendron amurense Rupr.—71.
Philadelphus temifolius, Rupr-et Max—
 168.
Phragmites communis, Trinnius—26, 53,
Picea ajanensis Fisch—86, 178.
Picea abovata, Leb—71.

- Pinus coraiensis Sieb. et Zucc—71, 86.
 Pinus baccata L.—137.
 Pinus sinensis Linde—152.
 Polygonum amphibium L—239.
 Populus suaveolens Fisch—71, 137.
 Populus tremula L—26, 137.
 Prunus glandulifolia Max. et Rupr.—137.
 Prunus Maakil. R.—199.
 Prunus manshurica Koehne—185.
 Prunus Maximoviczii Rupr—125, 168, 185.
 Pteridium aquillinum Kuhn—87.
 Quercus mongolica Fisch—71, 105, 116.
 Rhamnus dauricus Pal—86.
 Rhododendron dauricum Lin—30, 128.
 Ribes Maximoviczianum Kom—185.
 Ribes manshuricum Kom—168.
 Ribes petraeum Vulf—71, 199.
 Rosa acicularis Lin—200.
 Rosa pimpinellifolia L—87.
 Rosa rugosa Thunb—117.
 Salix acutifolia Villd—137.
 Salix caprea L—168.
 Salix cinerea L—106, 185.
 Salix philicifolia L—145.
 Salix triandra Lin—52.
 Salix vagans. Anderss—185.
 Salix viminalis Lin—26, 233.
 Sambucus racemosa Lin—200.
 Schizandra chinensis, Baill—71, 125, 168.
 Securinega ramiflora Mull. Argov—52.
 Solanum Dulcamara Lin—71.
 Sorbus aucuparia L—128.
 Sorbus sambucifolia. Trautv.—233.
 Spirea betulifolia Pal—121.
 Spirea chamedrifolia Lin—71, 75, 200.
 Spirea Media Schmidt—169.
 Spirea salicifolia L—106.
 Struthiopteris germanica Villd—75.
 Syringa amurensis, Rupr.—187.
 Taxus cuspidata Sieb. et Zucc—103, 175, 217.
 Thalictrum filamentosum Max—75.
 Thimus Serpyllum L—106.
 Tilia amurensis. Kom—106.
 Tilia manshurica Rupr. et Max—52, 71.
 Traxinus rhynehophilla Hance—232.
 Tremella lutescens—227.
 Tremellinaeae—227.
 Trifolium repens L—53.
 Trollius Ledebaurii Reichenb—76.
 Ulmus campestris Lin—71.
 Ulmus montana, Vither—168.
 Veratrum album L—75.
 Vilurnum burejanum Herder—71.
 Viola uniflora L—106.
 Vitis amurensis Rupr—71.

Алфавитный указатель зоологических названий.

РУССКИЯ НАЗВАНИЯ.

- Ашполонь—106.
 Баклань—190, 230.
 Баклань тихо-океанский—192.
 Барсук—32, 93, 94, 173, 174, 240.
 Барс—4.
 Бекас—123.
 Бурундуць—72, 94, 220.
 Вальдшнеп—86.
 Волк—32.
 Воробей полевой—111.
 Ворона—192.
 Воронь—180, 240, 241, 247.
 Выдра—32.
 Выпь—30, 153.
 Голубь дикий—157.
 Гораль—108.
 Горбуша—151.
 Герица восточно-сибирская—87.
 Гребешок большой—145.
 Грязовик восточно-сибирский—192.
 Гусь—26, 29, 30.
 Дрозд—186.
 » камениный—136.
 Дупель—горный—123, 136.
 Дятел восточный, съдоголовый—87.
 » зеленый—123.
 » вострый уссурийский—86.
 » уссурийский—19, 11, 186, 220, 221, 247, 261.

- Внотъ—77.
 Жаворонокъ восточно-сибирскій—111
 » маньчжурскій—78, 123.
 Желна—98, 236, 247
 Жужелица—106.
 Валцъ—61, 219.
 » бѣлый—61.
 » черный—61.
 Землеройка—32.
 » Уссурійская—53
 Зимородокъ—31.
 Змѣя кольеголовая—53.
 Зубекъ уссурійскій—192.
 Иволга—72.
 » вѣтская—86.
 Изюбрь—6, 135, 164, 165, 183, 189, 204,
 207, 208, 209, 220, 221, 233.
 Бабацъ—17, 18, 93, 125, 128, 132, 135,
 137, 138, 148, 177, 181, 196, 212,
 215, 233, 236, 240, 241.
 Кабарга—125, 204, 246, 248, 260.
 Базарка—26.
 » восточная—217.
 Камышевка длиннохвостая—130.
 » овсянка—32.
 Ганюкь-азиатскій—135.
 Керась—151.
 Кедровка—19, 186, 236.
 » сибирская—87.
 Кобчикъ амурскій—53.
 Коза дикая—27, 32, 115, 125, 128, 135,
 164, 165, 173, 212, 233.
 Комарь долгоножка—134.
 Конекъ зеленый—221.
 Конекъ японскій—123.
 Краб—145.
 Крапивница—32, 106.
 Краснозерка—151.
 Крачка—27.
 Броншнепъ—27.
 » амурскій—217
 Бродаль—27, 29, 247.
 Крыса водная—32.
 Буздочникъ—153.
 Букшва—86.
 Буликъ—123, 221.
 » сорока—31, 193.
 Булочкикъ травникъ—193.
 Бушка—151.
 Бурочка (лысуха) болотная—31.
 Кета—151, 195, 240.
 Лебедь—26, 29, 30.
 Леопольдъ—218.
 Лепекъ—188.
 Легила—198.
 Лисица—32, 173, 240, 241.
 Лосъ—208, 246.
 Лысуха—31.
 Махла—188, 261.
 Махаонъ—106.
 Медвѣдь—95, 114, 149, 205, 206 211,
 212, 123, 214, 216, 233, 240 241
 Мокрецъ-мошка—95, 99.
 Москиты (мошка-гнусь)—76, 97, 103,
 106.
 Муравей—59, 60.
 Мухоловка—136.
 Мышь—32.
 » летучая—134.
 » маньчжурская, польная—117.
 » уссономка—53.
 Неясный уссурійскій—221.
 Оводъ—78.
 Овсянка зеленая—111.
 » ошейниковая—53.
 » чернооголовая—221.
 Олень—98, 125, 128, 157, 183, 212, 233
 » пятнистый—132, 135, 149 152
 Оляпка—247.
 Орелъ—26, 240, 241.
 Орланъ бѣлохвостый—193.
 Оса—106.
 Осминогъ—146, 147.
 Пантера маньчжурская—4.
 Перепелъ уссурійскій—111.
 Перепелтишка—123.
 Пищуха—94, 180.
 Поганка—31.
 Полевка красная—53.
 Полозъ Шренка—55, 236.
 Поползень—19, 261.
 » амурскій—180, 247.
 Членистая сѣверная—78.
 Рыболовля—27.

Пчела—59, 60, 106.
 Пяточка японская—111.
 Раковина жемчужина—90.
 Ракушник—146.
 Рассомаха—125, 233.
 Режеса овсянка—186.
 Рябчик—98, 180.
 Рысь—125, 233.
 Свѣтлякъ—110.
 Снегучь—218.
 Сивозоронка—240.
 Скворець—53.
 Слѣпень—78.
 Собака спотоидная—176, 188, 240.
 Соболь—156, 246.
 Сова белотная—31.
 Совка восточно-азиатская—53.
 Соколы-дербивки—186.
 Соловей сибирскій—86.
 Сорочка голубая—78.
 Сорочкуть длиннохвостый—221.
 > сѣрый—86.
 Сойка—19, 98.
 > перемѣшница—186, 240, 241.
 Стрекоза—78, 186.
 Сыч-воробей—167.
 Таймень—151.
 Тигрь—98, 114, 125, 127, 128, 132, 137,
 138, 161, 162, 163, 166, 167, 209,
 233, 279.
 Трехпалая азиатская—186.
 > камчатская, черная—136.
 Тюлень ушастый—218.
 Удоль—72.
 Ужь—53.
 Улитъ—221.
 Утка—25, 29, 30, 189, 190.
 > морская—192.
 Фазанъ уссурийскій—111.
 Флянтъ—167, 204.
 > уссурийскій—98.
 Хорекъ—32, 246.
 Хошунья восточно-сибирская—192.
 Памя бѣлая—30.
 Чайка—27, 192, 230.
 Чернышъ тихоокеанскій—2, 30.
 Чирокъ—217.

Щершень—174.
 Шмель—65, 106.
 Щука—151.
 Ястребъ—123.

ЛАТИНСКІЯ НАЗВАНІЯ.

Ancistrodon Blomhoffii. Boie—53.
Apodemus agrarius manshuricus Thomas
 —117.
Apollo Eversmanni—106.
Brachymystax lenok Pall—188.
Caprolagus Sp.—61.
Carabus canaliculatus—106.
Cervus canadensis luchdorfi Bolau—6,
 125.
Cicindela gemmata Fald—107.
Coluber rufodoratus Cantor—53.
Coluber Schrenckii Str—65.
Emperiza rustica Pal—186.
Eritamias asiaticus orientalis Bonhot—
 94.
Eumetopias stelleri gray—218.
Evotomys rutilus Pall.—53.
Felis orientalis Schleg—4.
Felis tigris longipilis Fitz—127.
Lagomys hiperboreus Pal—94.
Lepus manshuricus Pal—61.
Lepus timidus Subsp.—61.
Libellula Sp.—107.
Luciola mongolica—110.
Margaritana margaritifera L—20.
Meles anakuma amurensis—173.
Meles amurensis Schrencki—173.
Microtus oeconomus Pall—53.
Myotis ikonnikovi Ogn—184.
Mytilus edulis Lin—146.
Necrophorus concolor—107.
Nemorhaedus caudatus M. Edv.—103.
Nyctereutes procyonoides Gray—176.
Ochotona alpinus—94.
Ocotopus Sh.—146.
Oncorhynchus Keta. Valb—195.
Otariidae—218.
Papilio Mankii—103.
Paralithodes camtschatica Tilesius—145.
Pecten maximus—145.
Pentatoma mollifera—107.

Picidae—221.
Pinnipedia—218.
Rodentia—198.
Salvadinus alpinus malma Val—181, 183.
Sciuridae—198.
Sciuropterus russicus Tied—198.
Sipalus hypocrita—107.

Sorex tacherskii Ogn—53.
Sus leucomystax continentalis Negring
—17.
Ursus arctos L—214.
Ursus tibetanus F. Cuv.—205.
Tipula Sp.—184.
Venessa charonides—106.

Алфавитн. указатель географических названий.

Условные знаки: г.—гора, хребетъ, ска-
ла и утесъ; з.—заливъ; бухта; м.—мысъ;
о.—озеро и островъ; п.—переваль; р.—
рѣка и долина; с.—городъ, село, деревня;
ф.—фапса.

Аввакумовка р.—108, 111, 121.

Ада—Намузани г.—158.

„ Солоди г.—158. —

„ Цазани г.—158.

Акули р.—278.

Амуръ р.—62, 128, 214.

Анучино с.—275.

Аншй р.—17, 128.

Аохобе р.—204, 210, 211.

Арамасовка р.—114, 116, 120, 121, 133,
134, 135, 136, 141, 142, 147, 151,
152.

Арка м.—258.

Арму р.—240, 252, 253, 255, 256, 258.

Вай-минъ-хе р.—35.

Возымянная р.—158, 205, 222.

Бейлаза г.—267.

Бейда р.—247, 252.

Бейцухе р.—267, 274.

„ малая р.—274.

Бейча р.—2.

Викинъ р.—17, 158, 267, 274.

Вилембе р.—239.

Благодать о.—227, 232, 236.

Богатая Грива г.—1.

Борисова Пашина г.—135.

Братъ и Сестра р.—131.

Бринеръ м.—151.

Бълкина м.—61.

Бей-Лаза г.—267.

Вагунбе с. и р.—262, 263, 266.

Ваку р.—90, 158, 174, 175, 255, 275, 278,
279, 280.

Валюэка м.—144.

Валентина в.—78.

Вамбабоза г.—268.

Вамба-Нанцы р.—280.

Вамбахеза р.—63.

Вандагоу р.—184, 193.

Вангоу р.—63, 66, 70, 157, 158, 172, 175,
180, 181, 182, 183, 185.

Венчинъ р.—78.

Ватовскаго м.—142, 144.

Вай-Фудинъ р.—101, 102, 104, 105, 108,
109, 112, 113, 114, 116, 120, 121,
122, 124, 132, 133, 180.

Венюкова п.—159.

Верблюдь г.—227.

Вербовка с.—273.

Владивостокъ с.—41, 43, 102, 119, 142,
145, 222, 228, 229.

Владимиро-Александровское с.—124

Владимировка с.—142, 143, 144.

Владимира в.—134, 142, 144, 145, 147,
149.

Вознесенское с.—26.

Воротная р.—108.

Вымойная р.—136.

Вѣткино с.—114.

- Гадаза р.—256.
 Гао-ш-тунь с.—268.
 Гляжъ и.—128, 152, 214.
 Гоголевка с.—273, 275.
 Гопчаровка с.—272.
 Гербуша р.—197, 204, 205, 206.
 Гирма-Бира р.—68.
 Грушевая р.—112.
 Да-бэй-ца р.—175, 252.
 Да-дун-гоу р.—133, 179, 279.
 Да-дянь-шань г.—1, 3, 5, 6, 16.
 Ди-лаза г.—231, 232.
 Да-лаза-гоу р.—233, 235.
 Да-дися-гоу р.—151.
 Да-лин-суй-хе р.—280.
 Да-пао-цзы р.—149.
 Даубихе р.—1, 5, 16, 33, 36, 40, 41, 53,
 58, 70, 275.
 Дауби-хеца р.—58.
 Даягоу р.—260.
 Да-цао-шу р.—150.
 Даши-гоу р.—279.
 Даубь-Гынь г.—155.
 Дмитровка с.—41.
 Динзахе р.—151, 153, 154, 155, 157, 180,
 184, 185, 187, 267, 268.
 Дитагоуза р.—151.
 Дита-Кямени г.—152.
 Дита-Шань г.—152.
 Долгее с.—220, 221, 222, 223.
 Дун-бей-ца р.—141, 158, 159, 278.
 Дунгоу р.—151, 225, 226.
 Дундагоу р.—255, 279.
 Дунмаца р.—205.
 Дун-нан-ца р.—267, 274.
 Дунца р.—187, 210, 231, 238, 239, 240,
 241.
 Забытый и.—179.
 Загорная с.—63, 66, 71.
 Звенигородка с.—274.
 Звѣровая р.—216, 217.
 Ивановское с.—21, 22.
 Ивановка р.—21.
 Идагоуза р.—98.
 Имань р.—1, 44, 109, 158, 174, 175, 202,
 203, 206, 229, 231, 232, 232, 240,
 247, 250, 252, 253, 254, 255, 256,
 257, 258, 259, 260, 261, 262, 264,
 266, 267, 268, 270, 271, 272, 273,
 274, 275, 278, 280.
 Инза-лаза-гоу р.—188, 189, 194.
 Иодыхе р.—194, 203, 210, 221, 227, 232,
 237.
 Иодайза ф.—88, 91, 172, 173.
 Кабанья р.—133.
 Кабарга г. и р.—52, 56.
 Казакевичево с.—9, 22.
 Камбисе р.—227, 232.
 Каия р.—149.
 Камфоркина р.—218.
 Камень-Рыболов с.—36.
 Канхеца р.—151, 185.
 Картунь с. и р.—268, 270.
 Касафунова р.—112, 113, 133.
 Каулань-тунь—267, 268.
 Кая р.—227.
 Квандагоу—151, 163, 168.
 Клышная р.—136.
 Козья долина р.—173
 Кольвайская р.—134
 Комфоркина р.—136.
 Коли р.—18.
 Котельное с.—XL.
 Коу-цзы-шань г.—271
 Коу-че-дин-цзы г.—153.
 Кокшаревка с.—71, 74, 77, 79, 80
 Крестовая г.—108, 120.
 Крыловка с.—60.
 Куандинза р.—108.
 Ку-ди-хе р.—109.
 Кулумбе р.—203, 233, 247, 248, 249, 251,
 252, 253, 260.
 Купелеобразная гера—6, 7.
 Курма-Бира р.—68.

Буеунъ р.—225.
 Ыо-аю с.—256.
 Ыо-хатуль г.—278.
 Ыебязжій з.—33.
 Ыеф7 р.—1, 7, 11, 14, 15, 16, 19, 21, 22,
 23, 25, 29, 30, 32, 33, 36, 40, 41, 58,
 Ыофу малая р.—21.
 Ыобагоуза р.—151.
 Ыиственничная р.—134, 135, 136, 137,
 175.
 Ыисагоу р.—113, 149, 152.
 Ыи-фудзинь р.—91, 106, 108, 141, 150,
 152, 157, 158, 159, 161, 168, 169,
 171, 172, 173, 180, 185.
 Ыи-фу-ле р.—150.
 Ыоговайза г.—267, 268.
 Ыомава-Цаунъ г.—266.
 Ыо-фан-за и.—273, 271, 280.
 Ыубянка р.—21.
 Ыуховая р.—157.
 Ыукьяновка с.—273.
 Ыъеная г.—232.
 Ыюганка р.—30, 31.
 Ыюдонза Янгоу р.—158.
 Ыяличи с.—23.
 Ыянчехеза р.—202, 203.
 Ыэй-фын-хо р. 150.
 Ыадагоу р.—280.
 Ыадае о.—220.
 Ыаксимовича и.—105.
 Ыайгунъ з.—1, 2.
 Ыапангоу р.—256.
 Ыучжухе р.—216.
 Ыайхе р.—1, 2, 5, 16
 Ыангоу р.—269.
 Ыедвъжьа г. и р.—52, 216, 217.
 Ыожгорная с.—60.
 Ыогоудзгоу р. 255.
 Ыосруша р.—135.
 Ыонастырка р.—28.
 Ыошизъ Ява р. 279.
 Ыраморный и.—121.
 Ыуди р.—217.

Мулу р.—227,
 Мулулбе р.—227, 232
 Мугухе р.—210, 212, 216, 217, 222.
 Мухень р.—129;
 Мыдагоуза р.—266.
 Мынцая р.—136.
 Мыолингъ ф. и р.—269, 270, 271.
 Нахлю р.—268.
 Наудунгоу р.—135.
 Нацца р.—232, 246, 247, 252, 267, 272.
 Наздне Михайловское с.—52.
 „ Романовское с.—52.
 Николаевка с.—19.
 Николаевск с.—102.
 Ниманъ р.—253.
 Нингута с.—152, 153
 Новинка с.—114.
 Новоцъжино с.—2.
 Новороссійское с.—2.
 Новотадушинская с.—151
 Ногуле р.—194.
 Ното р.—63, 77, 78, 112, 150, 156, 157,
 158, 159, 160, 172, 174, 175, 180,
 187, 202, 208, 278.
 Ното-хоуза с.—77.
 Пачигу р.—174.
 Пайкеуза р.—252.
 Пайцухе р.—271, 272.
 Ольга с., р. и з.—44, 45, 54, 77, 91, 102,
 114, 116, 117, 118, 120, 121, 122,
 123, 124, 132, 133, 141, 142, 144,
 145, 153, 156, 169, 171, 194, 225,
 229.
 Оленья р.—216, 217.
 Олимплады и.—6, 206, 236
 Омборъ с.—274.
 Опръчникъ з.—216.
 Орѣхова и.—144, 145.
 Отрадная р.—16.
 Панчангоу р.—189.
 Пачигоуза р.—206.
 Парэови и.—271, 272.
 Пермское с.—116, 117, 124, 133.

Пимгоу р.—260.
 Пихца р.—128.
 Пичица р.—21.
 Пластунъ в.—223, 225, 231.
 Поддъвалошка р.—133.
 Посеть в.—4.
 Поу-гоу р.—173.
 Поумазыгоу р.—267.
 Поушигоу р.—279.
 Прострѣльная р.—136.
 Пхусунъ р.—112, 129.
 Пѣтушій Гребень г.—148.
 Рудановскаго н.—144.
 Рудничъ п.—203.
 Салингоу р.—152.
 Сальная р.—136, 141.
 Самборъ с.—274.
 Санъ с.—1.
 Санда-Ваку р.—278, 279, 286.
 Сандагоу р.—58, 78, 113, 120, 121, 129,
 130, 131, 132, 211.
 Сандахеца р.—278.
 Сандуганъ р.—25.
 Санка р.—231.
 Санхобе р.—224, 225, 227, 228, 229, 230,
 231, 232, 236, 238, 239, 252.
 Сапцава р.—252, 267.
 Сарожъ с.—274.
 Сатенгоу р.—158.
 Сатохе р.—271.
 Сахарная голова г.—232.
 Саиенбей р.—231.
 Сабучаръ р.—77, 175.
 Свохобе р.—220, 221, 222.
 Соузгу р.—30.
 Сехозеогоуза ф.—257.
 Сибегоу р.—136, 142, 151, 153, 154, 195.
 Сибича р.—267.
 Сидатунъ с.—175, 251, 254, 255, 256,
 278.
 Сикенида р.—274.
 Синаида р.—77, 91, 93, 97, 98, 171, 172,
 206, 207, 208, 210, 211, 221, 223,
 259, 260, 261, 263.
 Сипъ-Квандагоу р.—105, 108.
 Ситусе г. и р.—56, 57, 58, 60, 63, 274.

Сихоте-Алия г.—6, 17, 41, 45, 77,
 78, 83, 97, 98, 99, 100, 101, 102,
 103, 104, 105, 106, 108, 109, 111,
 120, 137, 141, 150, 157, 158, 159,
 171, 172, 178, 179, 180, 181, 187,
 188, 201, 202, 203, 204, 205, 206,
 208, 210, 229, 232, 233, 237, 242,
 245, 246, 247, 254, 258, 271, 277.
 Сица р.—187, 188, 231, 232, 233, 235,
 238, 239.
 Сйу-фу ф.—248.
 Сйанангуль р.—181.
 Сйанъ ф.—152.
 Склянистый п.—204.
 Среднее с.—220.
 Столовая г.—129.
 Степная надъ р.—2.
 Странный м.—230.
 Судновая р.—136.
 Сунгача р.—1, 35, 36, 58.
 Сунъ-аманъ р.—35.
 Сухая р.—136.
 Сучанъ р.—1, 2, 5, 58, 124, 152.
 Сыдагоу р.—58, 78, 116, 121, 122, 123,
 124, 125, 129, 130, 132, 211.
 Сысенуралъ р.—195.
 Сыфангоу р.—256.
 Сюенъ-Лаза г.—108, 151, 156, 171, 173.
 Сидогоуза р.—268.
 Сяненгоу р.—228.
 Сянъ-ши-хеца р.—253, 262, 263, 234.
 Сяо-бей-ца р.—252.
 Сяо-хунъ-гоу р.—135, 279.
 Сяо-лѣн-гоу р.—151.
 Сяо-лянъ-суй-хе р.—280.
 Сяо-пан-ца р.—252.
 Сяо-Поуза р.—150.
 Сяо-Сибича р.—267.
 Сяо-Сица р.—181.
 Сяо-Сыдагоу р.—279.
 Сяохеца р.—30, 274.
 Сяоца р.—181, 239, 240.
 Сяо-чяла р.—143.
 Сяо-шанъ-цун-цзи г.—274.
 Сяо-Шибакхе р.—266.
 Табахеза р.—77.

- Тагоуза р.—268.
 Тадушу р.—48, 91, 133, 136, 142, 149.
 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156,
 157, 158, 172, 176, 179, 181, 184,
 185, 187, 193, 247
 Тадянва ф.—193.
 Тазовская г.—113, 124, 129, 132.
 Тазыгоу ф.—268.
 Таянгоу с.—266, 279.
 Такема р.—237.
 Та-лаза-гоу р.—183.
 Талингоуза р.—267.
 Тамчасеогоу р.—189.
 Тангоуза р.—1, 2.
 Таячалаза р.—279.
 Таяюгоуза р.—108.
 Талеуза р.—148, 149, 150, 151.
 Та-Сица р.—181.
 Тасыдагоу р.—279.
 Таухомгоу р.—257.
 Тачингуань р.—278.
 Ташидохе р.—266, 277.
 Тайвалаза р.—280.
 Тайциибери р.—266, 267.
 Тагибяза р.—266.
 Текибира р.—266.
 Терней а.—48, 109, 191, 216, 230, 236,
 239.
 Терпѣнія и.—245.
 Тихій ключъ р.—147.
 Тихая Пристань а.—120.
 Туда Ваку р.—279, 280.
 Тудагоу р.—58, 78, 108, 211.
 Тудинза г.—15, 16, 19, 179, 180, 278,
 279.
 Тумнинъ р.—18.
 Тундагоу р.—268.
 Тунда р.—181, 187, 188.
 Турій Рогъ с.—36.
 Туръ р.—35.
 Туфангоу р.—255.
 Тхотибе р.—222, 223, 253, 266.
 Тырыдинза г.—52.
 Тютихе р.—48, 150, 151, 180, 184, 187,
 188, 189, 191, 192, 193, 194, 195,
 197, 200, 201, 202, 203, 204, 210,
 211, 254.
 Тянигоу г.—63, 267.
 Угловая р.—134, 135.
 Угы-Динза р. и г.—58, 63.
 Удагоу р.—187.
 Уан р.—150.
 Улахе р.—5, 45, 58, 60, 62, 63, 70, 74,
 75, 76, 77, 78, 80, 91, 97, 98, 99,
 100, 156, 175, 237, 278.
 Успенія ж.—17, 89.
 Успенка с.—55, 56.
 Усури р.—1, 6, 36, 44, 45, 49, 51, 52,
 55, 56, 58, 61, 62.
 Усурийскій заливъ а.—1.
 Ушканка р.—274.
 Фалуай р.—136, 144.
 Фалыи пади р.—136.
 Фату р.—239.
 Форточкина р.—136.
 Фудзинъ р. 45, 63, 70, 77, 78, 79, 80, 84,
 85, 88, 89, 90, 91, 114, 116, 156, 172,
 173.
 Хабаровскъ с.—49, 62, 134, 255, 264,
 275, 277.
 Хади р.—18.
 Халкидонъ с.—28, 36.
 Хамахега р.—58.
 Хандо-Динза-Сы г.—52, 55.
 Ханна с.—1, 16, 23, 28, 29, 30, 33, 34,
 35, 36, 37, 38, 40, 156, 244.
 Ханнихега—58, 63, 203, 271, 274, 279,
 280.
 Харчиняна р.—108, 109.
 Ханги гоугинза г.—279.
 Ханчингоу р.—279.
 Ханхеза р.—267.
 Хауцзицаманъ р.—280.
 Хайнетъ р.—271.
 Хайхе р.—274.
 Хайцадминца г.—280.
 Хейсингоу р.—266.
 Хисязогу р.—152.
 Хоамнихега р.—268.
 Хосенгоу р.—263.
 Хоръ р.—17, 158.
 Хоуши г.—274.
 Хуанзогоу р.—255.

- Хулуй р.—134, 135, 144, 147, 148, 149, 151.
 Хунгари р.—17, 128.
 Хунгалага г.—279.
 Хунтами г.—226, 227, 232.
 Хунухеза р.—25.
 Хынхуте г.—268.
 Хутаде р.—259.
 Хэму-тагэу р.—108.
 Цамцагоуза р.—267.
 Царль-Гоуза р.—153.
 Ца-уги р.—216.
 Цимелсангоуза р.—152.
 Цимухе р. 1, 2, 5, 151, 193.
 Цологоуза р.—267.
 Цологауза ф.—180, 267.
 Цуасень р.—279.
 Цу-жуан-гоу ф.—170.
 Цуцувайза р.—266.
 Чанзышань г.—278.
 Чанчинлаза г.—280.
 Чанцауйза р.—267.
 Чау-Сунь р.—91, 92.
 Чаунтинь г.—279.
 Чаутангоуза р.—58.
 Чайдынга г.—30.
 Чаюнча р.—278.
 Ченвайза с.—280.
 Ченвагеу р.—149.
 Черниговка с.—24, 28, 29, 41, 43.
 Чжуння свалы г.—162, 170.
 Чжунтайза ф.—62, 63.
 Чжюдямагоу ф.—99.
 Чжю-чжен-хе р.—194.
 Чин-гоу-за р.—153, 157.
 Чингуйза р.—270.
 Чипчагоу р.—280.
 Чихачева с.—121.
 Чоргов утось г.—117, 121.
 Чудагоу р.—268.
 Чуянханхеза р.—279.
 Шактома р.—279.
 Шаньгуачинь г.—274.
 Шаньдапоуза р.—267.
 Шаньцуйза г.—280.
 Шитухе р.—58.
 Ши-Мынь с.—156.
 Широкая гадь р.—133, 134.
 Шитомжуза г.—279.
 Шкота м.—142.
 Шитохе р.—267.
 Шмаковка с.—49, 51, 55, 103.
 Эне р.—210.
 Эда-Ваку р.—278, 279.
 Эль-Поуза с.—1.
 Эрдэгоу р.—58, 78, 109, 110, 113, 132, 211, 278.
 Юлигеу р.—255.
 Юшангоу р.—151, 154.
 Ядиха р.—220.
 Яммудинца г.—255.
 Яндзингоу р.—278.
 Яндзунгоу р.—278.
 Ян-жу-тахоуза р.—78, 91.
 Ян-тун-лаза г.—157, 226.
 Янху р.—252.
 Янь-дзинь-гоу р.—58.
 Яумуга р.—268.

Замыченныя печатки

Страница.	Строка.	Сверху или снизу.	Напечатано.	Должно быть.
6	15	сверху	Luehdorfi Bolan	Luehdorfi Bolan
>	19	>	бѣло-желтымъ	бѣложелтымъ-
>	20	>	челова	голова
9	16	сверху	Темно сѣрые	Темносѣрые
17	2	>	посматрѣлъ	посматрѣть на
>	9	снизу	ходовъ	холодовъ
"	22	"	Sue	Sue
23	2	сверху	лица	чла
25	21	>	развернулась	развернулась
>	23	>	растянулось	растянулось
26	20	>	я старался	и старался.
26	22	снизу	Calamagrostis	Calamagrostis
30	5	>	желто—	и желто—
37	3	сверху	сѣвера	сѣвера
>	>	>	разъ со	разъ со
39	5	снизу	Чѣмъ	чѣмъ
47	21	сверху	фунт.	фут.
48	16	>	пресованный	пресованный
51	2	>	плечъ	плечъ
52	7	>	скользянне	скопление
53	2	"	Trifolium	Trifolium
"	4	"	mayalis	majalis
"	7	"	ruforsatus	rufodorsatus
"	10	"	Evotomys Palli	Evotomys Pall.
54	3	снизу	дуную	дуную
59	5	сверху	дѣ	исходѣ
65	18	сверху	Schrenskil str	schrenskil Str.
67	12	>	штанахъ	штановъ
>	25	>	КККошники	кошники
68	25	>	Апокалипсисъ	Апокалипсисъ
71	3	сверху	suaveolens	suaveolens
"	5	"	manshurica	manshurica
"	"	"	daurica	daurica
"	6	"	Quercus	Quercus
75	17	снизу	Lespedeza bicoir Tureh	Lespedeza bicolor Tureh;
"	14	"	willd	Willd
"	5	"	Rehnb.	Rehnb.
87	4	сверху	arbores cens	arborescens

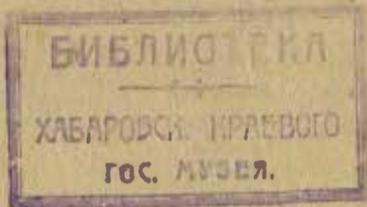
XV

"	8	"	quadrifolium	quadrifolium
"	8	"	agullinum	aquilinum
97	3	»	ругами	ругами
99	1	»	постараться	постараться
103	13	»	Вся строка набрана	всехъ погами
103	19	"	Chamae daphne	Chamaedaphne
106	6	"	alata	alata
"	22	"	mayalis	mayalis
"	23	снизу	elator	elator
"	"	"	georgi	Georgi
"	21	"	gawl.	Gawl.
108	1	"	Nemor rhaedus	Nemorhaedus
110	22	"	Lusiola	Zuciola
116	10	"	Quergus	Quercus
121	16	"	betulifolia	betulifolia
»	3	»	погрѣбаются	погрѣбаются
126	20	сверху	не надоело	ненадолго
128	14	снизу	dauricum	dauricum
132	1	сверху	рѣки	рѣка
135	11	»	Нандунгау	Нандунгоу
»	15	»	Хулухая	Хулухая *)
»	19	»	221:	2250
136	23	снизу	фальшпади	фальш пади
137	5	сверху	стволомъ	стволомъ
"	"	"	spaveoleps	spaveoleps
141	12	»	тдалени	отдалени
»	17	»	изморозь.	изморозь.
144	16 и 14	снизу	Хулувай	Хулувай
153	12	»	Тадмшу	Тадмшу
159	5	сверху	вой	вой
»	6	»	чжѣньшавъ	чжѣнь шавъ
162	10	снизу	на	на
168	21	"	Ulmus	Ulmus
178	15	сверху	ше	же
			(латынское)	
»	21 и 22	»	дважды напечатана одна и та-же строка	
180	6	»	Note	Note
			(буква N латынская).	(по русски)
188	22	снизу	ienok	ienok
194	14 и 17	»	Тютюхе	Тютюхе
195	2	сверху	погубной	пагубной
198	12	снизу	Sciuropterus	Sciuropterus
"	10	"	sciuridae	sciuridae
207	15	сверху	родить	родить
210	10	»	Тютюхе	Тютюхе
214	22	снизу	Ursus	Ursus

*) Та же ошибка повторяется на страницахъ 147, 148, 149 и 151.

XVI

227	15	сверху	1360	136°
>	3	снизу	ки айцы	китайцы
230	8	сверху	45° Д. С. Ш. и 136-44'30 В. Д.	45° С. Ш. и 136° 44'30 В. Д.
231	12	снизу	amurensis	amurensis
232	3	"	Trachinus	Trachinus
244	23	сверху	полузабытъя	полузабытъя
246	6	>	быль-пологий	быль-пологий
256	13	>	Уклонъ	Уклонъ

1
2
"
24
24
>
26
26
30
37
>
39
47
48
51
52
53
"
"
"
54
59
65
67
>
68
71
"
"
"
75
"
87

ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ В. К. АРСЕНЬЕВА.

НА ПЕЧАТАНЫ:

- 1) **ВОЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ и ВОЕННО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ УССУРІЙСКАГО КРАЯ.** Изданіе Штаба Приамурскаго Военнаго Округа 1911 г.
- 2) **МАТЕРІАЛЫ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ УССУРІЙСКАГО КРАЯ.** Записки Приамурскаго Общества Востоковѣдѣнія. Томъ I изд. 1913 г.
- 3) **КИТАЙЦЫ ВЪ УССУРІЙСКОМЪ КРАѢ.** Очеркъ историческо-этнографической. Записки Приамурскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества. Томъ X вып. I-й 1914 г.
- 4) **ВЫМИРАНІЕ ИНОРОДЦЕВЪ ВЪ АМУРСКОМЪ КРАѢ.** Труды Съѣзда Врачей Приамурскаго Края. 1914 г.
- 5) **ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.** Записки Общества Русскихъ Ориенталистовъ. Г. Харбинъ 1914 г.
- 6) **ПО УССУРІЙСКОМУ КРАЮ**—путешествіе въ 1906 г. въ горную область Сихотэ Аліня. Г. Владивостокъ, 1921 г.

ГОТОВЫ КЪ ПЕЧАТИ:

- 1) **ДЕРСУ-УЗАЛА**—продолженіе предшествующей книги «По Уссурійскому Краю». Путешествіе въ Зауссурійскій Край въ 1907 г.
- 2) **ТУЗЕМНЫЕ СПОСОБЫ СОБОЛѢВАНІЯ ВЪ УССУРІЙСКОМЪ КРАѢ.**
- 3) **КЛАССИФИКАЦІЯ ПАМЯТНИКОВЪ СТАРИНЫ ВЪ УССУРІЙСКОМЪ КРАѢ.**

ОБРАБАТЫВАЮТСЯ МАТЕРІАЛЫ и ПРЕДПОЛАГАЮТСЯ КЪ ИЗДАНИЮ.

- 1) **ВЪ ГОРАХЪ СИХОТЭ АЛИНЯ**—Юбилейная экспедиція въ память 50-ти лѣтняго присоединенія Приамурскаго Края къ Россіи Графомъ Муравьевымъ Амурскимъ 1908—1909 г.
- 2) **ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ ВЪ УССУРІЙСКОМЪ КРАѢ.**
- 3) **«СТРАНА УДЭХЭ»**—опытъ этнографическихъ изслѣдованій въ Уссурійскомъ КраѢ.
- 4) **ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ГОРНУЮ ОБЛАСТЬ ЯН-ДЕ-ЯН-ГЭ ВЪ 1917 г.**

Цѣна 2 руб. зол.